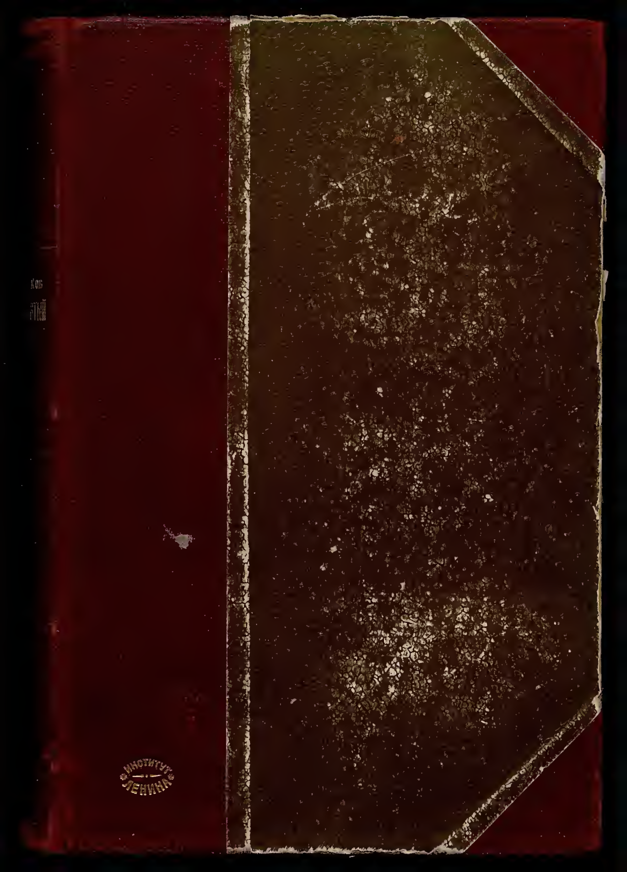
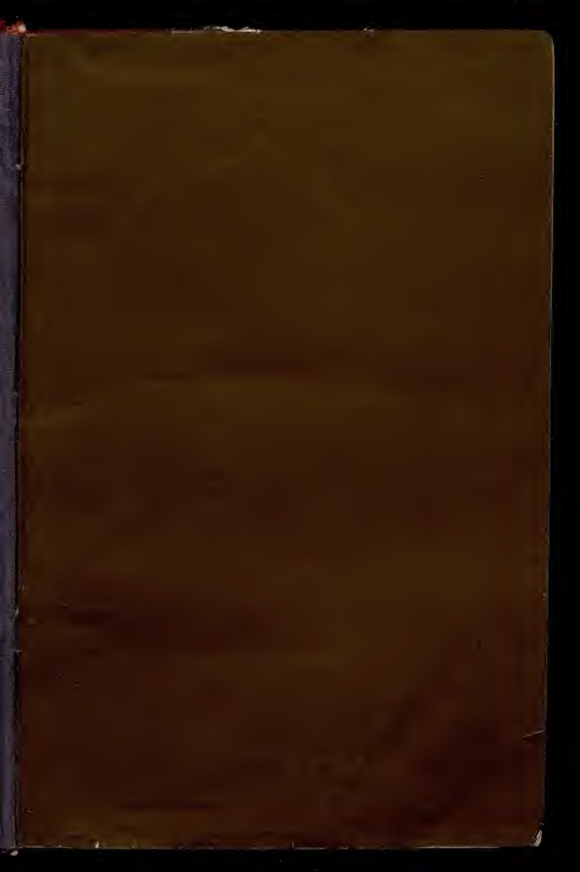

ИНСТИТУТ
ЛЕНИНА

А. ШЛЯПНИКОВ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 2 7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (б)

(ИСТПАРТ)

БИОГРАФИИ, АВТОБИОГРАФИИ И МЕМУАРЫ

Александрова, Н. Артем. Стр. 174. Ц. 50 к.
Антонов-Саратовский, В. П. Под стягом пролетарской борьбы. Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 по 1918 г. Том I. Стр. 310. Ц. 2 р.
Бобровская, Ц. Записки рядового подпольщика. (1894 - 1914 г.г.)
Часть I. Стр. 81. Ц. 20 к.
Часть II. (1905—1914 г.г.) Стр. 88. Ц. 35 к.
Борец за освобождение работницы К. Н. Самойлова. Сборник. Изд. 2-е. Стр. 80. Ц. 40 к.
Бош, Е. Год борьбы (1917—1918 г.г.) на Украине. Стр. 270. Ц. 1 р. 80 к.
Ганецкий, Я. В. В. Воровский. Биографический очерк. Стр. 102. Ц. 60 к.
Деготь, В. В свободном подполье. (Воспоминания о подпольной работе за границей в 1919—1924 г.г.) Стр. 87. Ц. 25 к.
Лепешинский, П. Н. На повороте. Воспоминания от конца восьмидесятых годов к 1905 г. Попутные впечатления участников революционной борьбы. Стр. 237. Ц. 75 к.
Медведева, С. Герой революции „товарищ Камо". Стр. 63. Ц. 20 к.
Моисеенко, П. А. Воспоминания. 1873—1923 г.г. Стр. 214. Ц. 1 р.
Новиков, В. Воспоминания подпольщика. (1900—1913 г.г.) Стр. 83. Ц. 60 к.
От группы Благоева к „Союзу Борьбы" (1886—1894 г.г.) Статьи и воспоминания. Стр. 127. Ц. 20 к.
Памяти Инессы Арманд. Сборник под ред. Н. Крупской. Стр. 109. Ц. 30 к.
Парфенов, П. (П. Алтайский). Гражданская война в Сибири. 1917—1918 г.г. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Стр. 168. Ц. 1 р.
Раскольников, Ф. Кронштадт и Питер в 1917 г. Стр. 280. Ц. 2 р.
Рябинин, А. Материалы для биографии Р. М. Семенчикова (1877—1911) С приложением статьи Д. Бутина. (Из истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске.) Стр. 71. Ц. 20 к.
Самойлов, Ф. Н. Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении.
Часть I. (1903—1905 г.г.) 2-е издание. Стр. 90. Ц. 60 к.
Часть II. (1906—1911 г.г.) Стр. 124. Ц. 1 р.
Часть III. (1911—1914 г.г.) Стр. 112. Ц. 80 к.
Часть IV. Процесс большевистской фракции IV Государственной Думы. Стр. 163. Ц. 1 р. 40 к.
Яков Михайлович Свердлов. Сборник статей и воспоминаний. Стр. 202. Ц. 2 р.
Федосеев, Н. Е. Один из пионеров революционного марксизма в России. Сборник воспоминаний. Стр. 184. Ц. 40 к.
Фурманов, Д. Чапаев. С предисловием А. Луначарского. Стр. 216. Ц. 1 р. 25 к.
Фишер, А. В России и Англии. Наблюдения и воспоминания петербургского рабочего. 1890—1921 г.г. Стр. 104. Ц. 20 к.
Шаповалов, А. И. По дороге к марксизму. Воспоминания рабочего революционера.
Части I и II. 2-е издание. Стр. VIII+165. Ц. 1 р. 25 к.
Часть III. Ц. 1 р. 25 к.
Часть IV. (Печ.)
Яковенко, В. Г. Записки партизана. Стр. 107+1 карта. Ц. 1 р.

А. ШЛЯПНИКОВ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

1-я ОБРАЗЦОВАЯ
ТИПОГРАФИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА — ПЯТНИЦКАЯ, 71

Главлит 64559 Гиз 16076.
Тир. 3000.

I. Организация власти Временного правительства.

Овладение аппаратами государственной власти представителями буржуазных партий Государственной думы состоялось несколькими днями раньше образования Временного правительства. Вечером 27 февраля образовавшийся из представителей различных фракций Государственной думы комитет тотчас начал назначать своих комиссаров во все правительствнные учреждения. Органы полицейской, жандармской и военной власти в столице были дезорганизованы восставшими рабочими и солдатами. Временному правительству, организовавшемуся 2 марта, пришлось лишь оформить и распространить на всю страну совершенное в Петрограде уничтожение царской власти, охранки и полицейщины. Временное правительство на заседании 4 марта постановило «упразднить: а) особые гражданские суды, б) охранные отделения и в) отдельный корпус жандармов, включая и железнодорожную полицию». Офицеров и нижних чинов постановило «немедленно передать на учет подлежащих воинских начальников для назначения в армию» [1]). Приказ же о расформировании «отдельного корпуса жандармов» был издан Временным правительством лишь на заседании от 19 марта. Согласно этому постановлению вещевое имущество передавалось военному ведомству; архивы главного управления и штаба корпуса передавались главному штабу, а дела местных жандармских отделений и охранок передавались для разбора особым комиссиям из представителей суда и губернского комиссара.

Самый центр царской полицейщины — департамент полиции — был упразднен постановлением Временного правительства от 10 марта. Несколькими днями ранее (4 марта) были упразднены «главный комитет» и «особые комитеты» при управлениях железных дорог, имевшие своей целью «подавление беспорядков на железных дорогах».

Чистка государственного аппарата, различных министерств и ведомств коснулась преимущественно верхушек административного аппарата и была направлена против особенно ярых сторонников старого режима. Самая чистка происходила мягко: большинство крупных чиновников, бывших опорой царского режима, увольнялось «по прошениям», — многие с «пенсией и мундиром».

---

[1]) См. «Журналы заседаний Временного правительства», № 3.

Утвердившись в Петрограде и Москве и будучи признано, Временное правительство приступило к реорганизации власти на местах. Но места не ожидали почина Временного правительства, а организовывали различные «гражданские комитеты», комитеты общественной безопасности, городские комитеты и Советы, смещали царских агентов и ставили на их места своих людей. Организация новой власти на местах почти всюду происходила таким образом: в первые дни переворота в городах спешно возникали общественные организации для охраны порядка. Быстро образовывались комитеты и местные Советы рабочих и солдатских депутатов; реформировались общественные учреждения, принимая в себя широкий поток демократических элементов. Сознание своей силы влекло демократию с особенной энергией к власти.

«Схема организации представляется в таком виде: первая ячейка — сельский комитет, вторая — волостной, третья — уездный и, наконец, губернский. Представителями правительства в губернском городе и уездном являются губернский и уездный комиссары.

«Выборы начинаются с сельских комитетов, которые посылают своих представителей в волостные и т. д. по восходящей линии до губернских комитетов.

«Но первыми в хронологическом порядке почти везде образовывались городские общественные комитеты. На ряду с ними возникали другие общественные организации, по большей части весьма многочисленные. В городах картина в первое время получилась приблизительно такая: 1) губернский комитет, 2) городской комитет, 3) уездный комитет, 4) городская дума, 5) губернская управа, 6) уездная управа, 7) Совет рабочих и солдатских депутатов и 8) представители правительства — комиссары.

«Громоздкость административного аппарата сразу бросалась в глаза.

«Задачами комитетов являлись: 1) охранение порядка и спокойствия, организация милиции; 2) укрепление нового строя; 3) подготовка и проведение выборов в городское самоуправление; 4) подготовка и проведение выборов в земское самоуправление; 5) подготовка и организация выборов в Учредительное собрание. Городские думы взяли на себя хозяйственную и продовольственную часть.

«Впоследствии организация пошла по пути слияния параллельных учреждений, но не везде это проходило гладко и безболезненно. Постоянно наблюдалось и наблюдается до сих пор стеснение одними органами других, конкуренция власти, непомерное расширение своих функций, вмешательство одних в круг деятельности других. Часто городской комитет заседает рядом с думой и не признает ее. Она выносит свои решения, он — свои, Совет солдатских и рабочих депутатов — свои. Несколько учреждений выполняют одни и те же функции, в то время как некоторые стороны жизни вовсе никем не обслуживаются или обслуживаются крайне недостаточно (отсутствие местных судов, неудовлетворительная постановка мили-

ции и т. д.). Долгое время взаимоотношения уездных и городских комитетов оставались вне какой-нибудь регламентации из губернского комитета. И, несмотря на то, что городские комитеты иногда, как бы для равновесия, допускали в свой состав представителей от комитетов уездных, все-таки это не устраняло трений между городскими и уездными комитетами и пререканий между ними по вопросам компетенции и власти.

«Так как все городские комитеты образовались ранее каких-либо определенных и руководящих указаний, хотя бы из губернского центра, то общей и основной чертой их является крайнее разнообразие структуры состава и чрезвычайная многолюдность, доходившая часто до двухсот человек. В большинстве случаев многолюдность эта обратно-пропорциональна успешности работы. Кроме того, в первый период спешки организации в комитеты вошло много случайных элементов или целиком остались старые. Все это вызывало недовольство населения, выражавшееся в полном недоверии к комитету до тех пор, пока не производились перевыборы и не вводились в большом количестве демократические элементы.

«И одной из важнейших задач делегатов являлось проведение везде принципа демократизации органов управления. Кроме делегатов, особенное давление в сторону реорганизации комитетов и введения в них демократических элементов почти везде оказывал Совет рабочих и солдатских депутатов» [1]).

«Реорганизация власти на местах сверху началась постановлением Временного правительства от 4 марта, признавшим необходимым «временно устранить от должности губернаторов и вице-губернаторов» [2]). Губернаторская власть распоряжением правительства от того же дня «временно» возлагалась на председателей губернских и земских управ с присвоением им наименования «губернские комиссары Временного правительства». На места уездных исправников становились председатели уездных земских управ в качестве комиссаров Временного правительства. Эта перемена в личном административном персонале власти не изменяла ее классовую природу. Председателями земских управ, как в губерниях, так и в уездах, являлись землевладельцы, помещики или их прямые ставленники. Избирались они также с ведома и разрешения царской власти и в классовом отношении не отличались от прочих царских ставленников по губерниям. Производя смещение должностных лиц, Временное правительство признавало «желательным сохранение в пределах возможности всего существующего административного механизма в целях поддержания нормального хода жизни в стране» [3]).

«Передача земским элементам губернской и уездной власти вызвала почти повсеместное недовольство. Создавшиеся на местах

[1]) Доклад «отдела сношений с провинцией» при Временном комитете Государственной думы.

[2]) См. «Журнал заседаний Временного правительства» от 4 марта, п. 7а.

[3]) Там же.

комитеты хотя и носили различные наименования, но были значительно прогрессивнее земских верхушек. Во многих местах в состав таких комитетов в первые дни входили представители социалистических партий и организовавшихся Советов рабочих, а потом и солдатских депутатов. Временному правительству сразу же пришлось считаться с волею мест и отказаться от огульной передачи власти в руки местных землевладельцев и утверждать выставляемые местами кандидатуры лиц, «пользующихся доверием и авторитетом среди широких слоев местного населения».

Отрицательное отношение к назначениям Временного правительства отмечается и в официальном докладе «Временному комитету Государственной думы» его отдела «сношений с провинцией». По вопросу о «комиссарах» мы находим там следующую справку:

«Общее недовольство вызвало назначение комиссарами председателей губернских и уездных управ.

«Председатели уездных управ особенно не пользовались никогда симпатиями и доверием населения. Притом при теперешнем культе народного избрания назначение не укладывалось в понимании народа. Он видел зачастую в этом посягательство на свою свободу. Надо заметить, что во многих местах комиссары сами давали к этому повод. Например, в Новгородской губернии в одном из уездов ни само волостное правление, ни главные административные лица не были переизбраны, а приказом уездного комиссара утверждены в своих должностях. В некоторых местах они претендовали на верховную власть по отношению к комитетам.

«Правительство скоро пошло навстречу желаниям населения и предложило вместо неприемлемых для него назначенных комиссаров представлять своих кандидатов. Тогда началось лихорадочное переизбрание. И надо отметить, что в тех местах, где комиссары остались не переизбраны, они совершенно не пользуются доверием населения.

«Но даже там, где комиссаром состоит лицо, пользующееся доверием и симпатиями населения, даже там его деятельность не может хоть сколько-нибудь удовлетворить всем нуждам и потребностям места. В особенности в таком положении находятся уездные комиссары.

«Несмотря на то, что общая почва среди крестьянства благоприятна для восприятия законности и порядка, комиссар своими единичными силами положительно не в состоянии выполнить все то, что во всей бесконечной сложности надвигается на него. Ему телеграфируют одновременно из десятка мест о возникших острых беспорядках, но он совершенно завяз в бумагах, требующих самого срочного и неотложного разрешения. Ему нужно оборонить массу от элементов, не принадлежащих ни к каким партиям и раз'езжающих по уездам: чаще всего это солдат-дезертир с красным значком или еще кто-нибудь; они поселяют вокруг целый сонм легенд, расходящихся по волости.

«Комиссар, отправившись на организацию волостного комитета, часто волею судеб попадает совсем в другое место, потому что там

возник спор между помещиком и крестьянами, грозящий самыми серьезными осложнениями».

К вопросу об организации власти в деревне Временное правительство подошло только 19 марта. На заседании Временного правительства в этот день был поставлен вопрос об упразднении должностей земских начальников, а в связи с этим стал вопрос об организации власти в волости. По первому вопросу было принято постановление:

«1. Признать должность земских начальников подлежащей упразднению.

2. Срочно разработать проект о преобразовании органов местного управления и временного местного суда.

3. Впредь до указанного преобразования немедленно отстранить земских начальников от исполнения их обязанностей с передачею дел административным уездным комиссарам.

4. Впредь до преобразования местного суда судебные функции земских начальников возложить на временных судей, назначаемых губернскими комиссарами, по соглашению с уездными комиссарами, и утверждаемых министром юстиции».

Так был уничтожен ненавистный крестьянству царский институт земских начальников. Одновременно с этим Временное правительство сделало телеграфное распоряжение всем губернским комиссарам о том, что «Временное правительство, озабочиваясь правильным и спокойным ходом дела в волостях, впредь до завершения срочных работ по устройству волостного земства, уполномочивает вас немедленно приступить через посредство уездных комиссаров, по их указаниям, в местах, где это окажется необходимым, к образованию волостных комитетов, которым временно надлежит поручить функции волостного управления. При образовании этих комитетов следует опираться на существующие волостные продовольственные комитеты, на кооперативные организации, на волостные попечительства по призрению нижних чинов или на избранные уже волостные комитеты, в зависимости от того, какие из этих организаций, по местным условиям, являются более жизнедеятельными, работоспособными и внушают наибольшее доверие населению. К работе этих комитетов рекомендуется привлекать также местных землевладельцев и все интеллигентные силы деревни. Председатели волостных комитетов, избранные из среды последних, и их помощники, если комитет признает нужным установить таковых, ведают исполнительною частью волостного управления. Впредь до издания указа об образовании волостного земства порядок действия, предметы ведомства и об'ем власти волостного управления остаются без изменения. Обстоятельства настоящего момента побуждают правительство обратить особое внимание на правильную организацию волостных комитетов, в целях безостановочного хода дела снабжения армии, поддержания общественного порядка и сохранения в целости зданий и всего делопроизводства волостных правлений».

Организацию сельской власти и положение в деревне в первые недели марта и апреля отчет «отдела сношений с провинцией» характеризует следующим образом: «Организация волостных комитетов происходила гораздо медленнее и с бо́льшим трудом, чем городских комитетов. В некоторых губерниях волостные комитеты и сейчас еще находятся в стадии образования [1]).

«Это вполне понятно, если принять во внимание плохую осведомленность населения, удаленность от центров, весеннюю распутицу, во время которой произошел переворот. Почти полное отсутствие интеллигентных сил.

«Первое, с чего начинали крестьяне, это — выборы в сельские и волостные комитеты. К концу второго месяца они образовались почти повсюду.

«Техника выборов в деревне, когда они производятся собственными силами, обыкновенно далека не только от тайны, благодаря неграмотности, но и от примитивных форм подсчета поданных голосов, а производятся большею частью настойчивостью отдельных лиц: «глоткой», как говорят крестьяне. Деревня так спутана взаимоотношениями своими, что высказаться открыто каждому в отдельности, выступить с заявлениями о нежелательности и непригодности выставляемого «крикунами» кандидата ни у кого нехватает решимости. А этим пользуются те, кто на выборах «берет глоткою», и определенно выдвигают кандидатуру своих благодетелей.

«После произведенных таким образом выборов остается глухое брожение, оно копится, растет; в нем принимают участие крикуны уже другой стороны, и, наконец, происходит взрыв: назначаются перевыборы, доходящие порою до драк.

«В некоторых местах результаты выборов ошеломляющие. Например, в Смоленской губернии в одной из волостей в комитет попали два ярых монархиста: местный псаломщик, настраивающий крестьян к насилиям и захватам, и промотавшийся дворянин, ныне трактирщик, человек без чести и без всяких общественных убеждений. Членами состоят также старшина, владелец паровой мельницы и кулак-торговец...

«Избираются такие лица, которые пользуются недоверием до такой степени, что оно выражается даже кличкой «шпион». И все-таки его выбрали сами же.

«На вопросы, как это могло случиться, крестьяне обыкновенно говорят, что попросит хороший человек за своего приятеля, ну, отказать с глазу на глаз неловко.

«— А потом кричите против него?

«— А потом кричим. Что ж поделаешь, когда он — предатель.

«Но в то же время они определенно избегают, в особенности в последнее время, избирать интеллигентных лиц. К ним у них, чем дальше, тем больше, создается крепкое убеждение, что «им

---

[1]) Т.-е. в мае 1917 г. Отчет касался трех месяцев: марта, апреля и мая.

не место с нами. Нашими делами должны ведать только мы сами».

«А между тем зачастую в волостных комитетах нет грамотных людей, чтобы писать протокол: прежних писарей повыгоняли за воровство.

«В некоторых местах в председатели комитетов попадают, впрочем, учителя, но они уже всецело идут по течению крайних настроений крестьянской массы, держатся только этим и не имеют никакой полезной руководящей силы.

«Благодаря полному отсутствию интеллигентных людей (бойкотируются даже члены правлений кредитных товариществ) налицо в большинстве случаев полное отсутствие порядка и системы.

«Кроме того, частые перевыборы положительно не дают возможности приступить к самому ведению дел.

«Некоторые волости перевыбирают в неделю по нескольку раз. А дела, срочные дела волости тем временем стоят; мероприятия по устройству жизни не принимаются.

«Нужно принять еще во внимание, что почти вся сельская интеллигенция в первые дни переворота ушла из деревни.

«Учителя же и особенно учительницы, зорко оберегавшиеся старым режимом от сближения с крестьянами, не имеют никакой связи с ними и не пользуются никаким авторитетом.

«Даже тех интеллигентных лиц, от которых крестьяне не видали ничего, кроме хорошего, и которых они в первое время сами же единогласно избрали председателями волостных комитетов, даже этих лиц в последнее время они удаляют.

«Отношение к отрубникам такое же недоброжелательное и даже враждебное, как и к интеллигенции. Их и мелких собственников с 30—50 десятинами совершенно не выбирают, и их интересы остаются не представленными.

«К участию женщин в выборах, в противоположность рабочим, крестьяне относятся неодобрительно. Женщинам ничего не говорят, и они во многих местах не только не участвуют в устроении общественной жизни, но часто и не знают о своих правах, полученных ими с переворотом.

«При раз'яснениях делегатами им теперешних их прав они бывают обыкновенно очень удивлены и говорят, что они до сего времени ничего не знали и благодаря этому ничего не понимают.

«Присутствующие при подобных беседах крестьяне с недовольством замечают: «Вы нам тут баб перемутите, их тогда в оглобли не введешь».

«И почти нет нигде случаев, чтобы была избрана деревенская женщина.

«В фабричных районах и местностях, близких к ним, руководят общественной крестьянской жизнью и выборами рабочие, работающие на оборону. Они действуют энергичнее всех, часто терроризируют своими угрозами своих же односельчан, заявляя, что они

раньше были последними людьми, а теперь пришла их очередь, — как наиболее знакомых с нуждой крестьянства, — быть первыми, а следовательно, «что мы хотим, то и будем делать, а кто против нас пойдет, — тот, значит, приверженец старого режима».

«Связь между волостными комитетами и уездными еще не везде наладилась и местами очень слаба. Уездные комитеты не знают, как выйти из создавшегося положения. Уездный комитет, например, постановил, что на обязанности волостных комитетов лежит определение потребностей местного населения в строевом, дровяном и поделочном материале, а волостные комитеты толкуют это постановление как кому вздумается. Захватывают и останавливают лесопильные работы, реквизируют лесной материал и т. п. На требования же уездных комитетов отвечают отказом или просто игнорированием.

«А в то же время в волостных комитетах часто чувствуется полная невозможность разобраться в делах, найти руководящие нити. Отсутствие интеллигентных сил (игнорирование их) и даже просто хорошо грамотных людей сказывается здесь с особенной силой.

«За закон принимают всякие резолюции из газет. Но оказывается, что принятая сегодня и открывшая все резолюция завтра опровергается совершенно противоположной. А откуда они идут и какие из них правильные, — разобраться невозможно.

«Даже там, где выписывается «Правительственный Вестник», не различают проектов от окончательных законов. И обыкновенно принимаются за «самый правильный закон» те строчки из газет, из резолюций партий, в которых воплощается для крестьян самое желанное, давно чаянное, вне зависимости от каких бы то ни было других условий и интересов других классов общества.

«Там же, где налицо есть участвующие в деле интеллигентные или просто грамотные люди, работа налаживается. После неудач, трудностей, неразберихи дело так или иначе выходит на верную дорогу. Комитеты имеют условное существование. Они скорее похожи на сходы, чем на учреждения, и часто бывают игрушкой в руках политического агитатора. С другой стороны, нужно учитывать психологию человека, вчера только вышедшего из централизованного государства: отсюда усиленное в первые месяцы паломничество в Петроград. Но как прежде трудно было дойти мужичку до царя, так и теперь трудно дойти ему до закона. Бывают случаи, когда посланный депутат, приехавши из Петрограда, где на него обрушилась вся шумиха, весь водоворот партийных споров и разговоров, на вопрос, что он слышал там, говорит: «Забыл! Все забыл, что слышал. Так много слышал, что, в конце концов, ничего не запомнил». Все перепуталось, ничего припомнить не может. И односельчане его сажают в холодную за то, что он проездил общественные деньги и ничего не узнал.

«Работоспособности волостных комитетов в значительной степени мешает и то еще, что деревня наводнена всевозможными ора-

торами, заменившими прежних начетчиков. Большею частью это солдаты с фронта или из Петрограда. Больше всего они вызывают веру к себе тем, что высказывают самые крайние мнения, выражающие чаяние безземельного, изголодавшегося по земле народа, без всяких ограничений, без всяких рамок, и еще тем, что говорят долго, много и часто с непонятными словами.

«Говорит, говорит, — уморится, сядет, закроет глаза и сидит, пока не отойдет немного; отошел — опять начинает, пока опять из сил не выбьется». И на заседаниях комитета всем приходится выслушивать речи, которые кончаются митингом. А вместо обсуждения вопросов, поставленных на повестке, выносят совсем другие постановления.

«Исполнительная власть в комитетах крайне слаба. Слабость ее крайне вредно отзывается на общем положении дела. Почти везде в угрожающих размерах возникает винокурение: некоторые крестьяне употребляют излишки хлеба, чтобы попутно избежать реквизиции его. И противодействовать этому некому. Крестьяне уклоняются от уплаты податей, а побудить их к этому, раз'яснив необходимость этого, тоже некому.

«Милиция в деревнях сорганизована плохо; часто она не вооружена; не везде решен и улажен вопрос с вознаграждением, а бесплатное несение службы приводит к манкировкам по отношению к своим обязанностям. Денег в комитетах нет, и часто не знают, откуда их взять.

«Бывали случаи, что судебные власти о преступлениях узнавали только через неделю и более, потому что некому было заявить. Временные суды во многих местах отсутствуют, потому что нет лиц, могущих занять эту должность. На этой почве происходят такие случаи, как, напр., в Харьковской губернии, присуждение комитетом, под давлением священника, крестьянина, оскорбившего икону, к голодной смерти. Приговор был исполнен.

«Почти везде с тревогой ждут уборки хлеба, когда крестьяне, что весьма возможно, повезут владельческий хлеб к себе на гумно. И в связи с этим с мест требуют скорейшей организации деревенской милиции. Но в этом случае, конечно, меньше всего может помочь милиция, так как это, если оно случится, не будет носить характера единоличного правонарушения, и физическим воздействием с ним бороться нельзя.

«Здесь же попутно нелишним будет отметить, что за все три месяца революции в деревне не было ни одного случая применения вооруженной силы для подавления крайних выступлений крестьян. Правда, иногда посылались воинские команды. Свидетелями таких случаев были делегаты отдела. Но после убеждения делегатами начальников отряда они не доезжали до места, куда отправлялся один делегат и убеждался, что присутствие вооруженного отряда привело бы к совершенно нежелательным результатам, тогда как без солдат удавалось подействовать простым словом убеждения и раз'яснением.

«В раз'яснении и точном указании выхода из того или другого положения нужда больше, чем во всякой охране.

«Часто, например, помещик убегал, оставив землю на произвол судьбы. Крестьяне и сама исполнительная власть затруднялись, как поступить в таком случае. Приходят в город за раз'яснениями, заходят в комитет, к комиссару, в Совет рабочих и солдатских депутатов, в партию социалистов-революционеров и везде получают различные указания.

«Общий взгляд у большинства делегатов на волостные комитеты крайне мрачный. Один из них с известным литературным именем, сам все время болевший душой за крестьянина, следовательно, такой, которого нельзя заподозрить «в умеренности», пишет: «Волостные комитеты — их надо зачастую причислять не к положительным, а к отрицательным явлениям жизни русской. Многие из них возникли не путем тайного голосования, а почти всенародно, кто громче кричал, добивался, того и выбирали, и потому во многих комитетах нет ни авторитета, ни гражданской ответственности».

«Но на ряду со всеми недостатками, со всей темнотой и беспомощностью отмечается одно достойное внимания обстоятельство.

«С возникновением волостных комитетов всякие эксцессы прекращаются. Кроме того, понятна психология людей, ясно и просто представлявших себе план организации и натолкнувшихся на вполне законные и естественные уродливости и трудности воплощения в жизнь этой организации.

«Здесь не мешает вспомнить тех же народовольцев, которые шли в народ с преувеличенной верой в его силы и возможности и приходили в отчаяние от трудности и испытаний первых же шагов».

Эта характеристика положения в деревне, данная «отделом сношений с провинцией», особенно в части мрачных настроений, разоблачает лишь классовую тревогу земельных собственников, недовольных «крайними» настроениями крестьян, ожидавших от революции землю.

В связи с реорганизацией власти на местах встал вопрос об отношении к Финляндии, Кавказу, Туркестанскому краю, Сибири и другим окраинам бывшей царской империи. По отношению ко всем этим районам и национальностям русская буржуазная власть приняла на себя верховные права и «впредь до Учредительного собрания» решила править ими по-старому, навязывая своих губернаторов.

Постановлением Временного правительства от 7 марта был назначен новый генерал-губернатор Финляндии — М. А. Стахович. В тот же день было принято решение об утверждении конституции Финляндии и о созыве финляндского сейма на 22 марта 1917 г. (4 апреля по новому стилю). Утверждение конституции и созыв сейма были облечены в форму торжественного акта следующего содержания:

АКТ

об утверждении конституции великого княжества Финляндского и о применении ее в полном об'еме.

«Облеченные всей полностью власти, мы сим вновь утверждаем и удостоверяем религию, основные законы, права и преимущества, которыми граждане великого княжества Финляндского, от мала до велика, по конституции этой страны пользуются, обещая хранить оные в ненарушимой и непреложной их силе и действии.

«Вместе с тем считаем необходимым принять следующие меры для применения сей конституции в полном ее об'еме.

«Сим отменяем основные положения, об'явленные при высочайшем манифесте от 3/15 февраля 1899 года; высочайше утвержденный журнал Совета министров от 26 мая (8 июня) 1908 года о порядке доклада финляндских дел, изданный без согласия сейма Финляндии; закон от 17/30 июня 1910 года о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения и все изданные на основании оного законы и административные постановления.

«Действие высочайшего постановления от 20 мая (2 июня) 1904 года о распространении на Финляндию положений о полевом управлении войск, об управлении крепостями и правил о местностях, об'являемых на военном положении, а равно действие всех изданных по поводу мировой войны противоречащих финляндским законам правил должно прекратиться по окончании войны. Кроме того, должно прекратиться действие манифеста от 31 мая (13 июня) 1890 года о почтовой части великого княжества Финляндского и высочайше утвержденных 30 сентября 1909 года временных правил о порядке надзора министерства путей сообщения за финляндскими железными дорогами.

«Повелеваем финляндскому сенату, в видах необходимого изменения прочих, изданных за последние годы противоречащих финляндским законам положений, войти к нам с соответствующими предположениями.

«Всем лицам, которые совершили политические или религиозные преступления или нарушили закон от 21 января 1912 года об уравнении в правах с финляндскими гражданами других русских подданных, или вообще за свои политические убеждения и деятельность, были заключены в тюрьму или высланы за пределы Финляндии. даруется полная амнистия, и они освобождаются от наказания и судебного преследования и, буде они содержатся под стражей, подлежат немедленному освобождению.

«Сейму Финляндии, который мы решили созвать в возможно краткий срок, будут переданы проекты новой формы правления

для великого княжества Финляндского и, если того потребуют обстоятельства, предварительно будут переданы проекты отдельных основных законоположений в развитие конституции Финляндии. В особенности будут в этих проектах выяснены и расширены права сейма в отношении права моций и определения доходов и расходов казны, а также и в том смысле, чтобы исконное право самообложения финляндского народа было распространено и на таможенное обложение, и чтобы обеспечено было своевременное движение подлежащих утверждению законов, принятых сеймом. Равным образом в сейм будут внесены законопроект о предоставлении сейму права поверять служебные распоряжения членов финляндского правительства, а также проекты законов о независимом высшем суде, о свободе печати и о союзах.

«Мы торжественно сим актом подтверждаем финляндскому народу, на основе его конституции, незыблемое сохранение его внутренней самостоятельности, прав его национальной культуры и языков. Мы выражаем твердую уверенность, что Россия и Финляндия будут отныне связаны уважением к закону ради взаимной дружбы и благоденствия обоих свободных народов».

Для управления Кавказом Временное правительство образовало особый Кавказский комиссариат из пяти лиц. Состав этого комиссариата вызвал протест Тифлисского Совета рабочих депутатов и обращение его к Временному правительству и Петроградскому Совету со следующей телеграммой: «Совет рабочих депутатов г. Тифлиса, в закрытом заседании от 11 марта с. г., обсудив положение, создавшееся назначением от Временного правительства комиссариата из трех националистов и двух представителей прогрессивной интеллигенции, постановил: исключение из состава комиссариата представителей пролетариата, этого единственного, об'единяющего на Кавказе элемента центробежных национальных сил и включение туда большинства из представителей этих сил в корне меняют установившееся здесь междуклассовое и междунациональное соглашение во имя революции. Выбор местного деятеля, вне состава Государственной думы, ведущего 20 лет интенсивную борьбу с интернациональным пролетариатом, придает всему составу ярко выраженный антирабочий характер. Не беря ответственности за подобное покровительство уже начавшемуся разделению между нациями и классами и желая сохранить единство трех главных носителей революции: пролетариата, армии и прогрессивной буржуазии, без различия национальностей, Совет рабочих депутатов решил довести до сведения Временного правительства, Совета петроградских рабочих и солдатских депутатов, тт. Чхеидзе и Керенского, что при таких условиях не может оказать нужного доверия данному составу комиссариата и свои действия будет согласовывать с решениями Тифлисского исполнительного комитета, по своему составу вполне обеспечивающего единство движения. Семя разлада, брошенное к нам из Петрограда, — результат полнейшей неосведомленности в кавказских

делах и должно быть устранено или оттуда правовым путем, или отсюда борьбой. Председатель Ной Жордания. Секретарь Саркис Хапоян».

В апреле месяце было создано особое управление Туркестаном. Опубликованное по этому поводу постановление Временного правительства указывало, что «в целях установления порядка и устроения Туркестанского края на основах, всенародно об'явленных 6 марта 1917 г., и для разрешения на местах всех возникающих вопросов управления краем назначается Туркестанский комитет в составе члена Государственной думы Н. Н. Щепкина, члена Государственной думы 1-го созыва Букейханова, члена Государственной думы 2-го созыва Мухамеджана Тынышпаева, члена Государственной думы 3-го созыва, Садри Назямовича Максудова, В. С. Елпатьевского, А. Л. Липовского, П. И. Преображенского, О. А. Шканского и г.-м. Абдель-Азиса Азисовича Давлетскина». Председателем этого комитета был назначен Н. Н. Щепкин.

При организации управления другими окраинами, как Сибирь, Закаспийская область и др., Временное правительство стремилось привлечь популярных общественных деятелей местного края на правах представителей Временного правительства.

На западных окраинах (ныне Эстония, Литва, Латвия) образовались «национальные советы» и заявили Временному правительству о своих правах на организацию местной национальной власти на началах самоуправления. Их проекты передавались на рассмотрение особой юридической комиссии при Временном правительстве, а пока принимали их кандидатов на административные посты губерний.

30 марта Временное правительство приняло предложение юридической комиссии о «временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии». Смена власти в Эстонии, Латвии происходила в условиях национального обособления. Положение в этом районе осложнялось военными действиями, а также начавшимися национальными конфликтами. Официальный отчет об этом событии говорил, что «переход власти к Временному правительству в Лифляндской (исключая несколько уездных городов) и в Эстляндской губерниях прошел относительно спокойно [1]). Из доклада лифляндского губернского комиссара Красткальна от 16 марта за № 3111 видно, что в г. Риге соблюдался «образцовый порядок». В Юрьеве, уездном городе Лифлянской губернии, произошли некоторые трения вследствие организации милиции не городским самоуправлением, а местным студенчеством. Последние совместно с рабочими и солдатами организовали «Юрьевский Совет солдатских, рабочих и студенческих депутатов», арестовавший, между прочим, начальника 25-й запасной бригады генерала Тальковского и начальника гарнизона генерала Петрова. В уездном городе Пернове арестованы воинскими частями по требо-

---

[1]) См. «Обзор Прибалтийского Края» (губернии: Лифляндская и Эстляндская). Архив Октябрьской революции.

ванию населения некоторые члены городского управления, по происхождению немцы. Арест этих лиц, по сообщению местного исполнительного комитета, был произведен во избежание насилия над ними со стороны населения. На станции Венден были арестованы солдаты мастерских 13-й автомобильной роты, бывш. лифляндский губернатор Шидловский и бывш. венденский уездный исправник Мингин. В имении Анцен, Верроского уезда, Лифляндской губернии, 282-й маршевый батальон арестовал часть офицеров, окрестных помещиков и управляющих имениями. О содействии к освобождению всех самовольно арестованных лиц лифляндский губернский комиссар Красткальн обратился к начальнику штаба армии. В Эстляндской губернии смена властей вызвала волнения в Ревельском и Гапсальском уездах, к восстановлению порядка в коих приняты меры эстляндским губернским комиссаром Поска, согласно его телеграммы от 7 марта 1917 г. В Ревеле сожжены дела в судебных установлениях. В Гапсале убит 4 марта городской голова. По просьбе местного населения, переданной через члена Государственной думы Евсеева, в Ревель выехал комиссаром Временного правительства член Государственной думы Рамот. Позднейшие сведения, полученные от члена Государственной думы Манькова, свидетельствуют о наступившем полном спокойствии в Ревеле и его окрестностях.

К организации комиссариата в Лифляндской губернии было приступлено 6 марта, когда рижский городской голова А. Красткальн вступил в исполнение обязанностей губернского комиссара, согласно предложению Временного правительства. В министерство внутренних дел поступила докладная записка магистранта государственного права О. И. Майма, содержащая в себе указания на то, что вследствие деления Лифляндской губернии в этнографическом отношении на две различные части — южную, латышскую, и северную, эстонскую — было бы желательным учреждение двух временных комиссариатов для каждой половины особо. Во главе каждого комиссариата стоит особый комиссар, при чем общие по всей губернии обязанности осуществляются комиссарами по очереди, по взаимному соглашению. Со стороны губернского комиссара также поступило указание на распадение губернии на две этнографически различные части с просьбой предоставить ему право приглашения двух помощников губернского комиссара — особо для каждой национально-отличной части. Что же касается организации уездных комиссариатов, то вследствие отсутствия земских учреждений в Лифляндской губернии губернский комиссар Красткальн, как это видно из его докладов, предполагает ограничиться лишь назначением особых начальников уездной милиции. По проекту же, выработанному на с'езде уполномоченных от волостных обществ латышской части губернии 12—13 марта, уездные начальники милиции и их помощники, долженствующие заменить уездных исправников и становых приставов, избираются собраниями делегатов от волостей. В Эстляндской губернии губернский комиссар Поска

командировал городских милиционеров в качестве временных комиссаров по уездам в количестве, соответствующем числу исправников и становых приставов.

«В связи с переживаемым моментом в г. Риге образовались Совет рижских общественных организаций и Совет рабочих и солдатских депутатов. По сообщению губернского комиссара Красткальна, Совет рижских общественных организаций был учрежден на митинге, на котором будто бы присутствовали представители 218 обществ, союзов, кооперативов и т. д. В число представителей указанных 218 общественных организаций входили, кроме представителей социал-демократической партии, также представители других партий; часть членов, избранных из последних в упомянутый комитет, уже выступила из такового. Необходимо заметить, что в этот комитет совершенно не вошли представители русской, еврейской, литовской, эстонской и немецкой национальностей. Рижский Совет рабочих депутатов 18 марта постановил выразить недоверие губернскому комиссару и городскому самоуправлению и поручить управление городом Рижскому Совету общественных организаций. Вследствие этого губернский комиссар Красткальн передал исполнение обязанностей городского головы старшему члену управы и телеграфно запросил министерство внутренних дел, кому передать исполнение функций губернского комиссара. Согласно телеграммы министерства внутренних дел от 29 марта, Красткальну предложено сохранить за собой исполнение обязанностей городского головы и губернского комиссара. 30 марта от Рижского Совета рабочих депутатов была получена телеграмма следующего содержания: «Представители рабочих при 12-й армии, выбранные делегатами в центральную примирительную камеру от 30.000 рабочих, просят Рижский Совет рабочих депутатов от их имени послать телеграмму Временному правительству с просьбой немедленно утвердить в должности лифляндского губернского комиссара А. Предкальна. Рижский Совет рабочих депутатов». В г. Юрьеве организован Совет солдатских, рабочих и студенческих организаций. Что же касается организации аналогичных Советов и комитетов в остальных уездных городах Лифляндской губернии (включая и г. Ревель), то до сего времени сведений об этом не поступало. В г. Ревеле, как видно из телеграммы губернского комиссара Поска от 7 марта, предполагается учреждение губернского продовольственного комитета.

«Потребность в реорганизации органов местного самоуправления сказалась в Лифляндской губернии тотчас же после смены властей.

«Как видно из доклада губернского комиссара от 16 марта, «некоторая часть населения г. Риги выражает городской думе свое недоверие, мотивируя его тем, что большинство гласных думы—немецкой национальности. Последнее обстоятельство соответствует действительности и не может быть признано нормальным, ибо из 80 гласных городской думы только 13 русской, 18 латышской национальности, 1 поляк и 1 литовец, а остальные 47 — немцы». Вследствие

этого и ввиду истечения срока полномочий городской думы 15 марта городской голова (он же губернский комиссар) просил разрешения произвести выборы на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, не дожидаясь издания нового избирательного закона, а до избрания нового состава думы учредить совещательный комитет при городской думе и управе в составе шести лиц, избираемых представителями всех местных общественных организаций. Против такого временного пополнения городской думы решительно высказались Совет рабочих и солдатских депутатов и Совет рижских общественных организаций. Совет рабочих депутатов 19 марта избрал временный состав рижской городской думы из 65 лиц, при чем, по сообщению губернского комиссара, «многие из назначенных 65 лиц, русские и евреи, письмами в редакции газет заявили уже о своем несогласии на назначение их гласными думы; отказался также от назначения городским головой и выбранный социал-демократ доктор Каспарсон». Распоряжением министерства внутренних дел от 29 марта предложено ввести в управу не менее восьми человек с правом решающего голоса по избранию их собранием, состоящим из представителей всех организаций г. Риги, по два от каждой. В уездных городах Лифляндской губернии по предложению губернского комиссара должны продолжать функционировать до издания нового закона городские думы и управы, при которых учреждаются комитеты из представителей общественных организаций с совещательным или даже решающим голосом.

«О положении органов городского самоуправления Эстляндской губернии до сего времени сведений не поступало. Что же касается реорганизации заменявших в Лифляндской губернии органы земского самоуправления лифляндской и эзельской ландратских коллегий, то собрание представителей волостей, созванное 12—13 марта в г. Вольмаре, проектировало упразднить ландратскую коллегию и передать ее функции и денежные средства «Земскому совету южной Видземы»; губернский комиссар предлагает сохранить существующие ландратские коллегии и лишь пополнить их состав представителями волостей в количестве для лифляндской коллегии 8 членов, а для эзельской — в количестве, равном половине числа ландратов.

«В заключение необходимо отметить два наиболее характерных момента для положения Лифляндской губернии. Первый — отсутствие контакта между губернским комиссаром и городским самоуправлением, с одной стороны, и Советом рабочих депутатов, — с другой. Второй — взаимоотношение различных национальностей: латышской, эстонской, немецкой. Наблюдается тенденция к разграничению южной, латышской, части губернии от северной, эстонской; каждая из этих частей стремится иметь самостоятельный комиссариат. В Эстляндской губернии жизнь вошла в свою колею; заводы работают нормальным темпом».

Свержение царского режима в Москве произошло без больших жертв. Образование новой власти совершилось в полном согласии

и сговоре московских общественных деятелей с Временным комитетом Государственной думы. Социалистические партии образовали уже 28 февраля «Революционный комитет», а пролетарии начали выборы в Совет рабочих депутатов. В то же время чрезвычайно быстро организовалась и буржуазия. Первого марта состоялось образование «Исполнительного комитета московских общественных организаций». Большинство в этом «Исполнительном комитете» принадлежало цензовой буржуазии; рабочие и служащие тонули в общей массе различных, существовавших в то время организаций прогрессивной буржуазии. Об образовании Исполнительного комитета был поставлен в известность председатель Государственной думы следующей телеграммой: «Считаю долгом сообщить об образовании комитета общественных организаций в Москве, который с общего одобрения принял временно распорядительную власть в городе. Состав его: гласные городской думы, представители земства, союзов, санитарных попечительств, профессиональных союзов, кооперативов, рабочие, — всего 150 лиц. Его исполнительный орган состоит из пятнадцати лиц под моим председательством. Исполнительный комитет постановил обратиться к вам с извещением о том, что военная власть над войсками, признающими новое правительство, вручена председателю губернской земской управы подполковнику Грузинову. Прошу распорядиться назначением командующего или утвердить Грузинова. Кишкин» [1]).

Попытки старой власти, в лице командовавшего Московским военным округом генерала Мрозовского, об'явить Москву по «высочайшему его величества повелению» на осадном положении, с запрещением «сходбищ», демонстраций и выхода на улицу после 8 часов вечера, окончились неудачей. Партийными организациями были приняты все меры к привлечению войск на сторону народа, а рабочие массами направлялись к казармам и устраивали братания с солдатами. У генерала Мрозовского не оказалось сил для приведения в исполнение своих угроз, и он сам оказался под угрозой. Исполнительный комитет общественных организаций подвергнул его домашнему аресту и снял его с должности.

Об организации власти в Московском районе мы узнаем достаточно подробно из журнала заседания, состоявшегося 9 марта 1917 г., — «совещания при главном комитете Всероссийского земского союза представителей земств, прилегающего к Москве района». — В совещании приняли участие временно избранный главным комитетом Всероссийского земского союза заместителем главноуполномоченного член главного комитета С. М. Леонтьев и члены главного комитета: Г. А. Алексеев, И. А. Каншин, Н. С. Лопухин, Н. Н. Хмелев и С. Д. Шипов, а также временно избранные в состав главного комитета на правах его членов: уполномоченные Д. А. Перелешин, Ю. Н. Потехин и М. В. Ушаков и представители служащих: главного комитета П. А. Калинин, А. А. Кочетов и Ф. Н. Соколов.

---

[1]) См. Архив Октябрьской революции, дело, № 46.

«Кроме того, в совещание прибыли приглашенные главным комитетом председатели нижеследующих губернских земских управ: Московской — М. А. Нарожницкий, Костромской — Б. Н. Зузин, Оренбургской — Н. А. Холодковский; председатели уездных земских управ: Бронницкой — Д. А. Булыгин, Верейской — П. А. Тучков, Волоколамской — А. А. Эйлер, Дмитровской — кн. М. Гагарин, Звенигородской — Ю. Г. Карпов, Коломенской — Лунин, Московской — И. Б. Месснер, Можайской — Варженевский и представитель Тверской губернской земской управы — В. Н. Крылов, Московского губернского земства—В. А. Левицкий, Московского уездного земства—кн. В. П. Трубецкой, Ростовского уездного земства Ярославской губернии — В. А. Херсонский.

«В совещании приняли также участие уполномоченные главного комитета: секретарь последнего А. Д. Глазов, Н. М. Бек-Джалилев, Н. Д. Дурасов, П. С. Лопухин и Н. М. Родзянко.

«Заместитель главноуполномоченного С. М. Леонтьев, открыв собрание, сообщил, что он просил представителей земств прилегающего к Москве района прибыть в настоящее совещание для выяснения вопроса о положении дел на местах в связи с падением старого строя, а также в целях выяснения вопросов о желательном устройстве органов местного самоуправления на возвещенных ныне новых началах.

«Представители земств ознакомили совещание с положением дел на местах, при чем выяснилось, что порядок организации временной власти в отдельных губерниях и уездах, прилегающих к Москве, вылился в разнообразные формы, в зависимости от тех или иных местных условий, а также от обстоятельств, сопровождавших смену старой власти.

«В Московской губернии губернским комиссаром Временного правительства был назначен председатель губернской земской управы А. Е. Грузинов, который за принятием на себя обязанностей командующего войсками Московского военного округа передал свои обязанности губернского комиссара заместителю его по должности председателя губернской управы М. А. Нарожницкому.

«Кроме того, Московским губернским земством был образован временный комитет общественной безопасности в составе: 1) трех гласных Московского губернского земского собрания, 2) трех представителей кооперативных организаций и 3) трех представителей от служащих губернского земства.

«Принимая, однако, во внимание, что упомянутый комитет был образован в спешном порядке и потому в него не могли быть включены представители широких кругов населения, Московское губернское земство приступило к созыву совещания из представителей уездных земств, а также представителей губернских кооперативных организаций, рабочих, служащих губернского земства, представителей губернского комитета земского союза для выработки положения о временном губернском комитете общественной безопасности

и положения о выборах в таковой комитет; по примерному расчету состав таковового совещания определится в числе до 129 человек.

«В Костромской губернии был назначен в г. Костроме временный комитет общественной безопасности в составе 8 представителей от местного земства и городского управления (2 представителя от гласных губернского земства, 2 представителя от служащих земских учреждений, 2 представителя от городского управления и 2 от служащих названного управления), 8 представителей от рабочих, 8 — от крестьян и 10 — воинских частей (по 5 от солдат и офицеров). Во главе названного комитета стоит коллегия в составе 4 лиц по 1 от каждой из названных групп, распределившая меж собой различные функции по управлению губерний, лежавшие ранее на губернаторе.

«Ныне принимаются меры к реорганизации образовавшегося комитета путем переизбрания его представителей в целях наиболее правильного представительства от различных групп населения.

«В Ярославской губернии был также избран в г. Ярославле комитет общественной безопасности, в состав коего вошли представители земств, города, рабочих, служащих в земских и городских учреждениях и представители от воинских частей. Председателем названного комитета состоит председатель губернской земской управы.

«Обязанности губернского комиссара возложены комитетом на члена управы генерал-майора К. К. Черносвитова.

«Ныне приступлено к реорганизации комитета, при чем намечен нижеследующий состав: 4 представителя от губернской земской управы, 8 представителей от союзов кооперативов, 10 — от крестьянского союза, представители от служащих (2 от губернского земства и 1 от уездного), 4 представителя от г. Ярославля, 10—от Совета рабочих депутатов, 10 представителей от воинских частей и представители профессиональных и общественных организаций, редакции местной газеты и пр. Весь состав комитета определяется в 80 человек, из которых будет избран исполнительный орган в составе 10—15 человек. Помимо сего, избирается лицо, затем утверждаемое правительством в звании губернского комиссара с возложением на него обязанностей по управлению губернией.

«В Тверской губернии был образован в г. Твери временный комитет. В состав названного комитета в подавляющем числе вошли представители от рабочих демократических организаций и представители воинских частей; представительство от городского управления совершенно отсутствует. Что касается представительства от губернского земства, то ввиду особого состава губернской управы, в которую входят лица, в большинстве своем носящие немецкие фамилии и не пользующиеся особой популярностью среди широких кругов населения, в названный комитет вошел один лишь представитель управы, член последней, Д. Н. Квашнин-Самарин.

«Председателем комитета избран местный нотариус Червен-Водали. Комитетом избраны также два комиссара, принявшие на себя обязанности, лежавшие ранее на губернаторе.

«Подобно губернским городам, организация новой административной власти в уездах также весьма разнообразна. В общем в организации власти принимают участие различные группы населения, образуя временные комитеты, исполнительная власть коих поручается избранным комитетами лицам.

«Всюду по губерниям и уездам смещена полиция и приступлено к организации милиции.

«Равным образом устраняются земские начальники, каковое обстоятельство встречается населением с большим удовлетворением ввиду той непопулярности, которой пользовался институт земских начальников.

«Что касается вопроса о желательности того или другого порядка организации местной власти, присутствовавшими в совещании было высказано единодушное мнение, что представляется крайне необходимым предоставить местным общественным силам широкую возможность самоопределения в отношении организации новой власти. В соответствии с сим со стороны центральной правительственной власти необходимы указания лишь общего характера; попытки же регламентировать во всех подробностях дело организации местной власти в настоящее время представляются нежелательными, так как таковые указания могут итти вразрез с настроением местного общества, что способно внести разлад в начавшее налаживаться дело устроения порядка на местах.

«Всеми участвовавшими в совещании было также отмечено, что в связи с наблюдением в целом ряде местностей удаления земских начальников представляется необходимым ныне же разработать вопрос о том, кому будут переданы судебные функции, исполнявшиеся ранее земскими начальниками. В этом отношении указывалось, между прочим, на возможность, в виде временной меры, по примеру Московского уездного земства, использования местной адвокатуры и эвакуированных из местностей, занятых неприятелем, чинов судебного ведомства.

«Далее было отмечено, что представляется необходимым в срочном порядке разрешить вопрос об организации на местах полиции, так как ощущается безусловная необходимость в охранении порядка и имущественной безопасности. Милиция из добровольцев, выполняющая ныне обязанности полиции, естественно является лишь временной организацией. Посему представляется необходимым скорейшее разрешение изложенного вопроса со стороны центральной правительственной власти.

«Вместе с тем было указано на необходимость, чтобы во главе местной полиции стояло лицо по избранию от комитета общественной безопасности; что же касается дальнейшего, то высшие должности по полиции могли бы замещаться по избранию местного общественного самоуправления. Служба в муниципальной полиции должна быть в должной мере оплачиваема, так как только при этом условии возможно создать кадр лиц, добросовестно и неподкупно несущих свои обязанности.

«Присутствующими на совещании было также указано на необходимость получения из средств государственного казначейства кредитов на осуществление мероприятий, вызванных деятельностью местной новой административной власти. Часть указанных расходов могла бы быть относима на счет соответствующих ассигнований правительства на содержание прежней полиции, другая же часть за недостаточностью упомянутых ассигнований подлежит отпуску в качестве аванса в распоряжение временных комитетов. В экстренных случаях местные временные комитеты могли бы пользоваться займообразно средствами земских и городских учреждений при условии, однако, раз'яснения со стороны правительства, что подобные денежные заимствования будут немедленно же выплачиваться из средств государственного казначейства.

«Переходя к вопросу о том участии, которое выпало на долю земских учреждений в связи с происходящими событиями, члены совещания отметили, что узко цензовый характер настоящего земства лишает его ныне достаточного авторитета в глазах широких кругов населения.

«С осуществлением возвещенных Временным правительством новых начал организации местного самоуправления на началах всеобщего избирательного права земство явится выразителем интересов всего населения и сможет быть на местах авторитетным об'единяющим всех центром культурно-хозяйственной и политической жизни.

«В настоящее же время, принимая во внимание, что не представится возможным немедленно разработать и провести в жизнь новое начало организации земских самоуправлений, желательно ныне же привлечь в состав земства, главным образом в состав губернских и уездных управ и по возможности земских собраний, представителей широких кругов населения и служащих земских учреждений.

«При этом условии земство сможет приобрести со стороны всего населения необходимое доверие и, будучи организованной силой с установившимся навыком общественной работы и богатым опытом, успешно будет продолжать деятельность созданных им многочисленных культурно-просветительных и медицинских учреждений.

«По этому пути уже пошел в настоящее время главный комитет земского союза, включивший в свой состав представителей уполномоченных главного комитета и представителей его служащих, что привело к самым благоприятным результатам.

«Участниками совещания было высказано также пожелание о скорейшем проведении в жизнь правительственной властью новых начал местного самоуправления. Земские учреждения не могут оставаться в стороне от этого дела и должны принять самое деятельное участие в подготовке намеченной реформы. Участие же главного комитета может выразиться в выяснении точек зрения на этот предмет представителей земств путем организации соответствую-

щих совещаний. Вместе с тем главному комитету надлежит использовать юридические силы г. Москвы и при их содействии приступить к выработке проекта положения о выборах в местные самоуправления на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

«Далее было указано на чрезвычайную важность широкого осведомления центральной правительственной власти о ходе работ по организации административной власти на местах, в каковых целях представляется необходимым немедленный созыв в крупных центрах империи совещаний представителей земств прилегающего к таковым центрам района для выяснения вопросов, связанных с организацией административной власти на местах и органов самоуправления. Организацию таковых совещаний надлежит взять на себя земским учреждениям. Результаты таковых совещаний должны быть своевременно сообщаемы правительственной власти в целях наиболее полной осведомленности ее о положении дел на местах.

«В результате обмена мнений совещание единогласно признало необходимым образование при главном комитете земского союза особой комиссии для разработки проекта положения о выборах в местные самоуправления на основаниях, обнародованных Временным правительством» [1]).

При решении вопроса об организации власти буржуазия использовала все свои организации, созданные во время войны и для ее обслуживания. Рабочие организации, создавшиеся или вышедшие из подполья, в те дни уже представляли собой значительную общественную силу, организованную в Советы, но руководство этими силами в первые недели находилось в руках с.-д.-меньшевиков, которые направляли их на простую поддержку либералов.

II. Деятельность Временного правительства

(первого состава)

Программа политических реформ новой власти была выработана на совместном заседании Временного комитета Государственной думы и части членов Исполнительного комитета Петроградского Совета [2]). Опубликованная на другой день после соглашения 3 марта, эта программа заключала в себе восемь пунктов. Первым пунктом ее было осуществление амнистии, фактически уже совершившейся одновременно со свержением царизма. Второй пункт осуществлял все виды политических свобод, как-то: свобода слова, печати, собраний, союзов, стачек, и распространял политические свободы на военнослужащих «в пределах, допускаемых военно-техническими условиями». Третьим пунктом отменялись все сослов-

---

[1]) См. Архив Октябрьской революции, дело Временного правительства, № 46.
[2]) См. об этом «Семнадцатый год», кн. 1-я.

ные, вероисповедные и национальные ограничения, а четвертым пунктом было обязательство «немедленной» подготовки к созыву Учредительного собрания. Пятый пункт касался замены полиции народной милицией с подчинением ее органам местного самоуправления, а шестым пунктом были выборы в органы местного самоуправления. Седьмым пунктом Временное правительство обязывалось не разоружать и не выводить из Петрограда воинские части, принимавшие участие в революции. Восьмой пункт содержал обещание Временного правительства устранить для солдат ограничения в пользовании правами, предоставленными всем гражданам. В некоторых отчетах того времени эта правительственная программа называлась «соглашением из девяти пунктов». Под девятым пунктом разумели оговорку Временного правительства, в которой оно заявляло, что «отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий».

Как видно из этих пунктов, программа Временного правительства ограничивалась лишь вопросами формальной политической свободы, оставив совершенно без ответа коренные вопросы политики: как война, вопрос о земле, рабочем дне и законодательство о труде и т. д.

Вопрос о форме правления также откладывался до решения Учредительного собрания. Такая программа не могла удовлетворить ни рабочих, ни крестьян. Развернувшиеся затем события, начиная от борьбы за восьмичасовой рабочий день, за передачу земель и окончание войны, наглядно подтверждали это. Постановления Временного правительства по вопросам осуществления гражданских свобод были направлены в защиту сторонников царского режима. Первые предложения об обеспечении свободы личности исходили от военного министра, в ведомстве которого было очень много арестованных чинов. Первый пункт постановления Временного правительства обращался к населению, призывая его к спокойствию, и предлагал «не допускать себя до произвольных арестов, выемок и обысков». Отмена смертной казни была продиктована теми же намерениями.

В области налоговой правительство намечало введение подоходного налога, а до того предлагало гражданам выполнять налоговые обязательства по-старому, одновременно прибегая к испытанному средству пополнения казны — к печатному станку. На заседании Временного правительства от 4 марта было постановлено «увеличить предоставленное государственному банку право на выпуск государственных кредитных билетов на два миллиарда рублей». На том же заседании было постановлено обратиться к населению «с указанием на необходимость уплаты всех установленных ранее налогов, пошлин и податей, а также с заявлением со стороны Временного правительства, что государство, в лице Временного правительства, будет ненарушимо отвечать по всем денежным и другим обязательствам, ранее заключенным от имени государства». Это постановле-

ние нужно было Временному правительству для поднятия и утверждения его авторитета на бирже. Одновременно это же постановление являлось признанием со стороны новой власти всех финансовых обязательств царского правительства. Временное правительство возложило на министров финансов и иностранных дел «озаботиться скорейшим сообщением его во всеобщее сведение как внутри империи, так равно и за границей».

Постановление о налоговой политике Временного правительства было опубликовано 11 марта в виде особой декларации, сущность которой была в следующих строках: «Решительно отбросив приемы управления прежней власти, угнетавшей народ, Временное правительство видит свой долг в безостановочном осуществлении всех задач государственного управления. Проникаясь при этом всецело духом правового государства... и памятуя, что колебание основ государственного хозяйства во время войны грозило бы отечеству неисправимыми бедствиями, Временное правительство заявляет, что оно приняло к непременному исполнению все возложенные на государственную казну при прежнем правительстве денежные обязательства, как-то: платеж процентов и погашений по государственным займам, платежи по договорам, содержание служащим, пенсии и всякого рода другие платежи, следующие кому-либо из казны по закону, по договору или на других законных основаниях». Принятие всех денежных обязательств царского правительства облегчало Временному правительству положение на бирже Парижа, Лондона, Токио и Вашингтона, содействуя признанию его со стороны союзников. Эта реальная политика в те дни не нашла никакого отклика в рядах «революционной демократии». Правящее большинство Петроградского Совета того времени стояло на почве соглашения с союзниками, а поэтому и за признание всех обязательств по отношению к ним.

Финансовая политика Временного правительства обсуждалась в прессе, на собраниях и митингах лишь в связи с известиями о том, что казна попрежнему выплачивает огромное содержание чиновникам свергнутого режима, устраненным от должностей, что члены Государственной думы, Государственного совета, сенаторы и т. п. столпы царского строя продолжают получать свои оклады. Возмущались солдаты и рабочие раздачей огромных пенсий сторонникам старого режима. Однако эти негодования не изменили политики Временного правительства: в апреле месяце нормы пенсии в связи с дороговизной были еще повышены.

Продовольственный кризис, особенно обострившийся в начале 1917 года, не мог быть изжит одним свержением царского режима. Благодаря энергичной деятельности Совета рабочих депутатов, вернее его продовольственной комиссии, возглавлявшейся Громаном, в первые дни революции удалось смягчить хлебный голод путем упорядочения распределения имевшихся запасов в Петрограде. Однако затруднения в заготовках и подвозе продовольствия в столицу ставили дело снабжения населения и армии северного фронта в угро-

жающее катастрофой положение. По инициативе Совета рабочих и солдатских депутатов вопрос об организации продовольственного дела был поставлен перед Временным правительством уже 5 марта. На заседании Временного правительства в этот день было принято предложение продовольственной комиссии Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов об образовании особого совещания по продовольствию в составе представителей от различных организаций под председательством министра земледелия. Организация этого совещания была лишь первым шагом по пути проведения государственной хлебной монополии, на которой настаивала продовольственная комиссия Петроградского Совета. Частичное осуществление этой меры началось реквизицией хлеба у землевладельцев, посевная площадь которых превышала 50 десятин. Эта мера больно затронула крупных землевладельцев, помещиков, и на защиту их выступил председатель Временного комитета Государственной думы Родзянко. Письмом от 17 марта на имя министра-председателя Львова он выразил свое неудовольствие в таком виде: «Милостивый государь князь Георгий Евгеньевич. Временному комитету Государственной думы стало известно, что министр земледелия телеграфно сообщил на места руководящие основания при реквизиции хлебов у землевладельцев с посевной площади не менее 50 десятин.

«Ознакомившись с текстом означенного телеграфного указания, Временный комитет Государственной думы считает себя обязанным обратить внимание Временного правительства, что меры, предложенные министром земледелия, по существу своему заставляют предполагать, что они были спроектированы лицами, мало знакомыми с условиями хозяйственной жизни России. Временный комитет полагает, что если эти меры сохранят свою силу, то едва ли можно ожидать тех результатов относительно засева полей, на которые рассчитывает Временное правительство, и во имя которых Временный комитет Государственной думы обращался к населению с своим воззванием. Поля землевладельцев с посевной площадью выше 50 десятин, очевидно, при наличии преподанных министром земледелия руководящих оснований останутся незасеянными, так как условия, в которые эти землевладельцы будут поставлены, совершенно лишают их возможности выполнить свой гражданский долг.

«Обращаясь к тексту циркулярного распоряжения министра земледелия, необходимо отметить, что норма продовольствия, исчисляемая в 1 п. 10 ф. зерна на человека в месяц, равносильна сокращению питания ровно вдвое. Исчисление семян по средним данным центрального статистического комитета, именно потому, что эта цифра будет среднею, нигде не применяемою, совершенно не может соответствовать установленным практикою нормам, меняющимся в зависимости от свойства почвы, времени и условий ярового посева. Понижение нормы на 20% при разбросном и на 40% при рядовом посеве явно преувеличено. Установление предельного срока кормления лошадей зерном в 75 дней, а рогатого скота и свиней в 60 дней

ни на чем не основано, и если считать начало срока 15 марта, оставление лошадей с 1 июня, а рогатого скота с 15 мая без всякого зернового корма представляется невозможным, так как в большинстве хлебородных черноземных губерний пастбищ почти нет, и чем будет питаться скот с 15 мая до нового урожая — неизвестно.

«Ввиду этого Временный комитет Государственной думы полагает, что указанные министром земледелия меры должны быть немедленно отменены, а самый вопрос передан на разрешение местных компетентных учреждений, которые могли бы разрешить его не на основании теоретических соображений, а в соответствии с условиями каждой данной местности.

«В заключение Временный комитет Государственной думы не может не выразить своего сожаления, что указанные меры были приняты Временным правительством без предуведомления о них Временного комитета вопреки состоявшегося соглашения, и выражает свою надежду, что Временное правительство впредь не откажется придерживаться порядка, установленного по взаимному соглашению его с Временным комитетом Государственной думы».

Однако не в тех мелких упущениях, на которые указывал М. В. Родзянко, был центр тяжести его протеста, а в том, что условия, в которые ставились землевладельцы, «совершенно лишают их возможности выполнить свой гражданский долг». Одним из таких стеснявших условий было лишение земельных собственников права распоряжения «своим добром». Положение со снабжением армии и крупных промышленных центров настоятельно требовало решительных действий. В армии уже сокращали паек, а городское население его вовсе не получало.

Несмотря на тяжелое продовольственное положение на фронте и в крупных городах в тылу, Временное правительство оставило в силе обязательство царского правительства о вывозе в Англию 50 миллионов пудов пшеницы через Архангельск, поручив соответствующим министрам принять все меры к облегчению вывоза. Другого пути, кроме отобрания части излишков, — и прежде всего у крупных землевладельцев, — для Временного правительства не было.

После этого решения Временному правительству приходится снова заниматься вопросом о продовольствии. На заседании Временного правительства от 25 марта был решен вопрос «о передаче хлеба урожая прежних лет и будущего 1917 года в распоряжение государства» [1]). Одновременно с этим было принято постановление об образовании «местных продовольственных комитетов». В состав «продовольственных комитетов» включались представители от всех существовавших в то время организаций, начиная от «земских собраний» и кончая кооперативами. Опыт реквизиций в прошлом и стеснения землевладельцев в их правах на урожай вызывали справедливые опасения за состояние посевов. Из различных источников

[1]) См. «Положение» в приложении первом.

поступали известия о том, что ведение сельского хозяйства, особенно в части производства зерна, становится «невыгодным» делом. Введение твердых цен на с.-х. продукты требовало известной заботы о снабжении сельского хозяйства необходимыми ему металлами, семенами, удобрением и т. п. также по твердым ценам. Для осуществления этих задач были созданы особые «посевкомы» при продовольственных комитетах [1]). Несмотря на все поощрительные мероприятия сельскохозяйственному делу, со стороны землевладельцев высказывались опасения за сохранность их посевов. Кое-где крестьяне выражали пожелание захватить засеянное землевладельцами при сборе урожая. Временное правительство решением от 11 апреля пошло навстречу землевладельцам, издав постановление об особой охране посевов, об'явив их общественным достоянием. В том же решении была угроза и землевладельцам, не засевающим земель, в виде права передачи этой земли в аренду другим лицам властью продовольственного комитета [2]).

На заседании Временного правительства от 8 марта обсуждался вопрос о плане работы по выработке Положения о выборах в Учредительное собрание. В результате обсуждения было поручено юридическому совещанию составить такой план. Через две недели проект был готов и представлен на решение Временного правительства в следующем виде: «Юридическое совещание, обсудив в заседании 21 марта 1917 г. вопрос о порядке работ по составлению проекта Положения о выборах в Учредительное собрание, постановило представить на усмотрение Временного правительства следующее свое заключение:

«I. Образовать особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание в составе приглашаемых Временным правительством председателя, его товарищей и членов.

«II. В состав совещания назначить специалистов по вопросам государственного права, представителя статистической науки и политических деятелей, представляющих главные политические течения России.

«III. Для первоначальной технической разработки подлежащих ведению совещания вопросов и для составления окончательной редакции вырабатываемых им проектов в составе совещания образуется редакционная комиссия, избираемая совещанием из числа его членов.

«IV. Совещанию предоставляется избирать в случае надобности и другие комиссии для разработки отдельных вопросов избирательного права.

«V. Совещанию и его комиссиям предоставляется право приглашать в свои заседания с правом совещательного голоса сведущих лиц.

---

[1]) См. постановление в приложении втором.
[2]) См. приложение третье.

«VI. Доклады совещания и прилагаемые к ним проекты с об'яснениями соображений, на которых они основаны, представляются председателем совещания Временному правительству.

«VII. При разногласии среди членов совещания как меньшинству, так и отдельным его членам предоставляется требовать внесения их особых мнений в доклад Временному правительству.

«VIII. Делопроизводство совещания под высшим надзором и руководством его председателя ведется особыми приглашенными сим последним лицами.

«IX. В распоряжение председателя совещания отпускаются из средств государственного казначейства потребные на ведение делопроизводства и исполнение необходимых технических работ суммы».

Первые семь пунктов предложения юридической комиссии и были приняты с незначительными редакционными поправками. Однако наличие этого плана мало способствовало ускорению созыва Учредительного собрания. В самом правительстве были мнения, что созвать его следует только после окончания войны. Фактически разработка Положения о самих выборах систематически задерживалась.

12 марта Временное правительство постановило передать в казну все земли и доходы отрекшегося царя. Но само постановление в окончательной редакции было принято 27 марта и гласило следующее:

«I. Все ныне находящиеся в распоряжении кабинета бывшего императора земли, леса, реки и озера признать государственными и передать в заведывание и управление министерства земледелия.

«II. Недра земель кабинета, а равно принадлежащие кабинету права на недра земель других владельцев признать собственностью государства и передать в заведывание и управление министерства торговли и промышленности.

«III. Принадлежащие кабинету фабрики, заводы, рудники, прииски, ломки драгоценных и цветных камней и источники минеральных вод передать в заведывание министерства торговли и промышленности, надзору которого подчинить также все устроенные на кабинетских землях частные фабрики, заводы и горные предприятия.

«IV. Денежные капиталы, принадлежащие кабинету и состоящие в его распоряжении, передать в ведение министерства финансов.

«V. Поручить министру торговли и промышленности озаботиться выработкою правил производства горного промысла на передаваемых в заведывание казны землях кабинета, приняв для сего за главное основание отделение права на недра от права на их поверхность, о чем представить Временному правительству. Впредь до издания сих правил эти земли считать закрытыми для новых частных заявок под разведку ископаемых.

«VI. Все поступающие в кабинет, в силу подлежащих узаконений, подати и денежные сборы зачислять впредь в доход государственного казначейства.

«VII. Все хозяйственные, сметные и финансовые операции по делам бывшего кабинета подчинить ведению государственного контроля.

«VIII. Поручить министру земледелия, по соглашению с министром торговли и промышленности, распределить заведывание принадлежавшими кабинету имуществами между установлениями ведомств земледелия и торговли и промышленности, с отнесением на средства государственного казначейства расходов по соответствующему расширению штатов этих ведомств.

«IX. Вперед до сего распределения заведывание принадлежавшими кабинету имуществами временно оставить в существующих центральных и местных установлениях кабинета, с подчинением их министрам земледелия и торговли и промышленности, по принадлежности.

«X. Кредиты, ассигнованные по смете бывшего министерства императорского двора на содержание должностных лиц и учреждений, передаваемых министерству земледелия и министерству торговли и промышленности, по принадлежности, передать в распоряжение соответствующих ведомств.

«XI. Распространить действие правилю порядке сдачи в аренду участков казенной земли под застройку в железнодорожных и других поселках городского типа Азиатской России (Собр. Узакон., 1913 г., ст. 540) на торгово-промышленные поселки городского типа, возникшие на землях кабинета».

Молчание Временного правительства по земельному вопросу продолжаться долго не могло. Одни политические свободы и декларации о гражданских правах не могли удовлетворить многомиллионную крестьянскую массу, жаждавшую получить помещичьи, монастырские и казенные земельные угодья. Вопрос о передаче всей земли крестьянам ставился нашей РСДРП (б) с самых первых дней революции, обсуждался в печати и на собраниях. Народнические партии также ставили земельный вопрос в порядок дня. Солдатские массы первое время чутко прислушивались к беседам о земле, а потом становились смелей и сами задавали ораторам, особенно представителям Временного комитета Государственной думы, вопросы о том, как они думают решить земельный вопрос. Ходячим и излюбленным решением всех вопросов была отсылка их до... Учредительного собрания. Первое время солдаты, особенно делегаты с фронта, соглашались с передачей решения о земле Учредительному собранию, но по мере получения сведений из деревни склонялись к мысли о том, что все же землю отобрать нужно, не дожидаясь Учредительного собрания, а поделить ее хотели и соглашались после войны. Кое-где начинались крестьянские волнения. Все эти обстоятельства побуждали Временное правительство сказать свое слово о земельной реформе. Это слово было сказано 17 марта. На заседании Временного правительства в этот день было принято следующее обращение к народу: «Война и падение старого строя поставили па очередь самые серьезные экономические и хозяйствен-

ные вопросы России. Их планомерное и целесообразное разрешение необходимо для благосостояния государства.

«Первейшим из первых среди них является земельный вопрос, решение которого составляет самую серьезную социально-экономическую задачу переживаемого ныне исторического момента. Заветная мечта многих поколений всего земледельческого населения страны — земельная реформа — составляет основное требование программ всех демократических партий. Она, несомненно, станет на очередь в предстоящем Учредительном собрании.

«Земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата. Насилие и грабежи — самое дурное и самое опасное средство в области экономических отношений. Только враги народа могут толкать его на такой гибельный путь, на котором не может быть никакого разумного исхода. Земельный вопрос должен быть решен путем закона, принятого народным представительством.

«Правильное рассмотрение и принятие закона о земле невозможно без серьезной подготовительной работы, собирания материала, учета земельных запасов, распределения земельной собственности, выяснения условий и видов землепользования и т. д.

«Временное правительство признает своим неотложным долгом скорейшее выполнение подготовительных работ по земельному вопросу с тем, чтобы все материалы и сведения были представлены народным представителям.

«На основании всего вышеизложенного Временное правительство постановило:

«1) признать срочной подготовку и разработку материалов по земельному вопросу;

«2) поручить ее министру земледелия;

«3) для означенной цели образовать при министре земледелия земельный комитет;

«4) предложить министру земледелия в ближайший срок представить правительству проект учреждения такого комитета и исчисление сумм, необходимых для его работ».

Обращение признавало важное значение земельной реформы, но не хотело и думать о немедленном осуществлении ее, скрываясь за сложностью задачи и отодвигая ее решение до Учредительного собрания. Впредь же до него Временное правительство становилось на защиту крупной земельной собственности. Учреждение земельного комитета являлось уступкой требованиям революционных партий и напору мест.

Самовольные действия крестьян и малоимущих казаков на Дону вызвали новое обсуждение во Временном правительстве земельного вопроса. Инициатором постановки его явился казачий отдел главного штаба, предложивший Временному правительству обратиться с особым воззванием к населению Донской области. На заседании Временного правительства от 3 апреля воззвание было принято в следующем виде:

«Государственный переворот в России не может не вызвать глубоких изменений и в жизни населения Области Войска Донского.

«Состав населения области различен как по несению воинской повинности и по хозяйственному укладу, так и по владению землей, а потому и перестройка жизни казачьего и неказачьего населения требует серьезной и трудной работы, а главное — значительного срока.

«Особенно сложным и запутанным представляется земельный вопрос. В коренное казачье население вклинилось переселенное полтораста лет тому назад крестьянство, а потом начался приток землевладельцев-арендаторов юртовых и войсковых земель. Помимо того, значительная часть офицерских и помещичьих донских земель перешла в руки неказаков на правах собственности. Десятками лет слагались земельные взаимоотношения, десятками лет корни углублялись и перепутывались. На юртовых, войсковых и помещичьих землях возникли целые поселения, насчитывающие за собою несколько поколений, имеющие усадебные недвижимости: сады, левады, школы, церкви.

«Отсюда можно видеть, как сложен на Дону земельный вопрос, и какой вдумчивости и осторожности он требует для своего правильного разрешения.

«К сожалению, некоторая часть населения области не сознает этого и спешит самочинно, не подумавши, решить местные земельные дела. Так, местами произошли запашки чужих полей, захваты чужих лугов, порубки войсковых и частновладельческих лесов и т. д.

«Такое поспешное желание самовольно решить земельный вопрос крайне опасно и вредно не только для всего населения области, но и для государства. Опасно тем, что могут произойти нежелательные столкновения как между казаками и крестьянами, так и между крестьянами и помещиками. Вредно же потому, что многие земли из-за споров могут остаться незасеянными. А теперь хлеб для России — одно спасение. Раз будет хлеб, Россия упрочит свою свободу и победит грозного врага. Помимо того, самочинные захваты не только не закрепят права на землю, но и не дадут никаких выгод захватчику, ибо повлекут за собою уплату убытков законному владельцу.

«Нужно спокойно ждать созыва Учредительного собрания. На нем в первую очередь на разрешение будет поставлен земельный вопрос. Временное правительство уже сейчас подготовляет материал для такого разрешения. В Учредительном собрании примут участие и представители Области Войска Донского, свободно выбранные всем населением. В настоящее время правительство подтверждает, что права казаков на землю, как они сложились исторически, остаются неприкосновенными. Иногороднее население области, владение которого на землю также имеет за собою историческое право, будет удовлетворено в возможной мере тем порядком, который будет выработан Учредительным собранием.

«До созыва Учредительного собрания надо спокойно заниматься своими делами, спокойно трудиться и исправно нести государственные и общественные обязанности, твердо памятуя, что только таким путем возможно сохранить завоеванную революцией свободу и победить внешнего врага. Для улаживания всяких споров, для достижения соглашений и вообще для правильной постановки разных местных вопросов Временное правительство командировало в Область своего комиссара, члена Государственной думы М. С. Воронкова, и образованы совещания и комитеты. К правительственному комиссару и надо обращаться во всех спорных случаях и от него получать необходимые указания».

Но все воззвания и увещания Временного правительства не достигали желанной цели. Конфликты на почве земельных отношений в деревне росли с каждым днем и принимали угрожающий массовый характер. Крестьяне отказывались от договоров с помещиками, не платили арендной платы за землю, запахивали помещичьи угодья и проявляли по отношению к помещичьему имуществу различные «самочинные» действия. Помещики обращались с жалобами и тревогами ко Временному правительству, слали телеграммы во Временный комитет Государственной думы, требуя защиты своих прав от крестьянских «самоуправств». Временное правительство посылало комиссарам грозные телеграммы, рекомендовало «принимать меры», но местные власти в те времена были бессильны справиться с крестьянскими «самоуправствами», как называли тогда проявление деревенского недовольства помещиками. Временному правительству пришлось еще раз стать на путь, подсказываемый социалистическими и народническими организациями, и допустить организации земельных комитетов не только в центре, но и на местах, вплоть до волости. 21 апреля Временное правительство приняло постановление «об учреждении земельных комитетов»[1]). Задачи создаваемых комитетов Положение определяло лишь подготовкою земельной реформы, а также возлагало на них разработку «неотложных временных мер». Все эти комитеты являлись органами министерства земледелия, которое возглавлялось тогда известным «кадетом» А. И. Шингаревым. Главному земельному комитету были предоставлены права не только руководить собиранием материала и составлением по ним проекта будущих реформ, но и право представлять министру земледелия, а через него и Временному правительству свое мнение «об ограничении и приостановлении действия ранее изданных законов», не согласованных с новыми порядками и т. п. Кроме того, главный земельный комитет получил административное право изменять, упразднять существовавшие в то время учреждения по земельным делам, а равно смещать и упразднять должностных лиц, ведавших ими. В состав главного земельного комитета входили министр и его товарищи, кроме того, Временное правительство оставляло за собой назначение 27 лиц; губернские земельные ко-

---

[1]) См. приложение четвертое.

митеты давали в него по одному представителю; шесть мест предоставлялось Всероссийскому крестьянскому союзу и Совету депутатов. По три представителя от Временного комитета Государственной думы, Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов и от Всероссийского кооперативного союза. По одному представителю от политических партий и групп, которых насчитывалось в то время одиннадцать. Пять мест было предоставлено ученым обществам.

Нашим земельным комитетам предлагалось действовать в пределах распоряжений Временного правительства. Фактически по Положению вся их роль сводилась к разрешениям и улажению конфликтов между землевладельцами и крестьянами, дополняя работу примирительных камер по земельным вопросам.

Постановление об учреждении земельных комитетов сопровождалось выпуском особого «воззвания Временного правительства по земельному вопросу». Обращение Временного правительства говорило, что «важнейший очередной вопрос для нашей страны — вопрос земельный — может решить окончательно и правильно только Учредительное собрание» [1]). По обычным в то время условиям Временное правительство не высказывало ни слова о том, в чем же будет заключаться «правильное» решение земельного вопроса. Правительство русской буржуазии и земельных собственников прикрывалось в этом вопросе нежеланием «предрешать» волю Учредительного собрания. Больше всего оно опасалось решения земельного вопроса самими низами. На деле же все буржуазные организации и само Временное правительство в том числе стояли за передачу земли «земледельческому классу» за справедливый выкуп. Отложение решения земельного вопроса преследовало лишь одну цель — подготовить и организовать защиту земельных собственников. Откладывая решение земельного вопроса до Учредительного собрания, буржуазия и ее защитники пытались опереться и на солдатскую массу. Воззвание Временного правительства тоже ударяло по этой больной струне, заявляя в обращении к войскам, что «пусть будут спокойны наши доблестные воины — защитники родной земли. Пусть будут они уверены в том, что в их отсутствие и помимо их участия никто на их родине не станет решать вопроса о земле. Пусть знают они, что в земельных делах народ не допустит самоуправства и будет спокойно ждать нового земельного устройства, которое обеспечит справедливые интересы трудового земледельческого населения».

Расчет на поддержку солдат был верен, но только в одной части: солдаты соглашались со всеми, кто говорил им, что решать вопрос о земле без них, защитников отечества, нельзя, но они не соглашались «ни с выкупом, ни с осторожностью, когда дело доходило до существа решения, а твердили одно — земля крестьянам».

Двусмысленная политика Временного правительства, стремившегося поставить вопрос о передаче всей земли крестьянам в пло-

---

[1]) См. обращение в приложении пятом.

скость «изучения», вызывала возмущение даже народников типа Пешехонова. Первые весточки о крестьянских волнениях вынудили его заявить, что «нужны не подготовительные совещания, не теоретическая подготовка и разработка законопроектов, а быстрые и энергичные распорядительные и исполнительные действия» [1]).

При решении земельного вопроса была огромная опасность сорвать все военные фронты. Достаточно было бы услышать солдатам, что в деревнях делят землю, как огромные массы солдат бросили бы фронты и ушли бы в тыл, чтобы принять участие в дележке. Эту опасность чувствовали все правительственные круги и передовая буржуазия. Солдаты в первые месяцы революции также сдерживали сельчан в своих письмах и во время отпусков от раздела земли, желая принять в этом деле участие.

III. Из деятельности Временного комитета Государственной думы.

Таврический дворец сделался с вечера 27 февраля центром революционной власти и центром всех общественных и политических организаций, возникших на развалинах царской монархии. Государственная дума была распущена указом царя от 26 февраля и 27-го образовала Временный комитет Государственной думы. В тот же день возник Совет рабочих депутатов, создавший Исполнительный комитет, также заседавший в Таврическом дворце. В первые же дни в Таврическом дворце произошло территориальное размежевание работавших там организаций. Все, что относилось к деятельности Государственной думы и ее Временного комитета, помещалось в левой (от главного входа) половине, а Совету и Исполнительному комитету принадлежала правая часть, зал заседаний и ряд верхних комнат (буфеты).

После образования Временного правительства Временный комитет Государственной думы продолжал свое существование и превратился в общественно-политический центр всех буржуазных организаций и учреждений. Прогрессивные элементы Государственной думы служили людским резервом для Временного правительства при выполнении различных политических поручений. Из состава членов Государственной думы назначались комиссары в учреждения, из них же составлялись различные правительственные комиссии, вызванные переворотом. Члены Государственной думы ездили делегатами Временного комитета и Временного правительства на фронт, а некоторые назначались для сопровождения лиц царской фамилии при их переездах.

Между Временным правительством и Временным комитетом существовала тесная связь. Временное правительство пыталось всячески поднять авторитет не самой Государственной думы,

---

[1]) «Дело Народа» № 8.

так как такая задача была крайне трудна, но Временного комитета, изображая его «источником» революционной власти. Агитационная и политическая деятельность Временного комитета возбуждала очень часто недовольство Исполнительного комитета, но дальше словесных выражений негодования это недовольство не шло. Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев продолжали все время оставаться членами Временного комитета Государственной думы. В работах некоторых комиссий Временного комитета Государственной думы принимали участие представители Исполнительного комитета Совета.

Первой комиссией, образованной Временным комитетом по соглашению с Исполнительным комитетом, была «военная комиссия», председателем которой был сначала Энгельгардт, а затем генерал А. Потапов.

В отчете деятельность военной комиссии изображена крайне разносторонне. Генерал Потапов об'ясняет появление военной комиссии следующими причинами, как: «сознание опасности, грозившей нарождавшемуся новому строю от неизбежной в эти дни дезорганизации, и обстановка времени выдвигали вопросы, требовавшие категорической решимости, немедленного, срочного проведения и их исполнения. Эта необходимость вызвала к жизни военную комиссию, образовавшуюся по инициативе Временного комитета Государственной думы из лиц, преданных делу революции и располагавших необходимыми в то время техническими знаниями по многообразным потребностям переворота. С первых же дней определилась ее роль, как штаба революции, а поступавшие в массе и беспорядочности, в связи с переживаемым моментом, запросы и требования наметили ее отделы и вызвали необходимость их создания и постепенного расширения.

«В великие дни переворота мощная сила русского духа творила святое дело раскрепощения народа, но серьезность момента, противодействие сторонников деспотизма, отсутствие планомерности, неожиданность и техническая сложность событий и опасение за успех дела революции требовали власти и руководящего начала.

«Отягченный заботами высших соображений, Временный комитет дал власть военной комиссии, которая дружной энергичной силой и работой в согласии с Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов довела дело до победоносного конца.

«Военная комиссия, как первое учреждение, принявшее на себя труд восстановления, устройства и поддержания административных механизмов, частью прекративших свою деятельность, — как учреждение, состоящее из лиц, выдвинутых революцией и ставших в стенах Таврического дворца на страже ее интересов, гибко приспособляла свою деятельность к требованию моментов» [1]).

Деятельность военной комисси до образования Временного правительства носила действительно разнообразный характер. Она

[1]) См. отчет в приложении шестом.

выполняла работу то штаба округа, то военного министра, то руководителя отрядами повстанцев. После образования Временного правительства деятельность военной комиссии носила уже характер общественно-политической связи между Временным комитетом Государственной думы и воинскими частями. Благодаря военной комиссии Временному комитету Государственной думы удавалась организация патриотических и шовинистических демонстраций воинских частей у Таврического дворца.

Вторая комиссия, возникшая в дни восстания, носила название «комиссия по принятию задержанных военных и высших гражданских чинов». Аресты членов царского правительства, чиновников, жандармов и черносотенцев начались вечером 27 февраля. Всех арестованных доставляли непосредственно в Таврический дворец, и первые два-три дня ими был заполнен министерский павильон, зал заседаний Государственной думы и хоры для публики. Лишь после подчинения Петропавловской крепости восставшим и смены тюремного начальства начали переводить арестованных в Петропавловскую крепость, в Кресты, а жандармов держали в штабе их корпуса на Фурштадтской. В «комиссию по принятию задержанных военных и гражданских чинов» входили: в качестве председателя Пападжанов, товарищем председателя Джафаров и членами: Аносов, Дуров, Люц, Марков III, Крупенский II, Каншин, Радзевич, Унковский и Черячукин. Первые двое, однако, вскоре вышли из комиссии вследствие от'езда их, по поручению Временного правительства и Временного комитета Государственной думы, на Кавказ, и председательствование комиссией было возложено на Черячукина. На время в комиссию вошел членом Теренин, но вскоре из нее вышел. Вышли также Радзевич, Каншин (в Московский комитет земского союза) и Дуров (на фронт).

Персональный состав этой комиссии об'ясняет вполне ту степень крайней мягкости, которую проявляли члены комиссии по отношению к от'явленным врагам народа. Работа этой комиссии дана в особом отчете Временному комитету Государственной думы, содержащем подробную характеристику ее: «силою сложившихся фактов стены Таврического дворца должны были принять не только провозгласивших и проведших революцию, но и всех тех, на ком в первую очередь сосредоточился гнев восставшего народа, как на прислужников старой власти и на виновников и расстройства транспорта, и грозности продовольственного дела, и основанных на измене военных неудач, и устранения думы от работ и политического строительства государственной жизни. Было ли это следствием особого сложного психологического процесса — передать Думе ее врагов — или просто не было иного, надежно охраняемого места, но всех этих лиц повезли в Таврический дворец, и первым был доставлен 27 февраля вечером бывший министр юстиции и председатель Государственного совета И. Г. Щегловитов, арестованный в своем доме на Таврической. За ним в ту же ночь

(с 27-го на 28-е) и в ближайшие дни последовали другие бывшие министры и сановники: Штюрмер, Ширинский-Шихматов, Питирим, Хабалов и др. Все они помещались в павильоне министров и охранялись особым нарядом караула. Работа комиссии была, можно так сказать, черной работой. Смысл ее, как он понимался участвовавшими в нем, сводился к необходимости упорядочить, направить в более или менее планомерное русло тот поток арестованных, который образовался: везли во всякое время дня и ночи сановников и связанных с ними теми или иными отношениями их друзей; везли офицеров, жандармов, полицейских чинов, темных дельцов; везли не только из Петрограда и его окрестностей, но и из других мест России: Луги, Пскова, Тулы, Костромской губернии, Нижегородской и т. д. Никаких, конечно, постановлений об аресте не было, особенно, в первые дни. Комиссии приходилось наскоро опрашивать доставивших, — если они не были только исполнителями поручений, — и опрашивать доставленных, затем делать постановления о задержании или освобождении, при чем мотивами задержания обычно являлись два положения: или доставленные сами просили о задержании их во дворце, во избежание грозящей им опасности, или приходилось применять эту меру изолирования на некоторое время, считаясь с возбуждением против этих лиц войсковых частей, а также в видах сохранения спокойствия как среди них, так и среди широкой публики, ревниво следившей за особенно яркими фигурами. В дальнейшей своей деятельности комиссия выработала особую меру для военных офицеров, которая сводилась к тому, чтобы доставленный, если в отношении его не указывалось какого-либо серьезного конкретного обвинения, немедленно передавался военной комиссии с обязательством не являться в свою часть. Нельзя не отметить из области арестов военных офицеров, что бывали случаи, когда за арестованными офицерами приезжали на другой день делегации или с приглашением в ту же часть, или просто засвидетельствовать, что армия не должна лишаться его, если он, как обиженный, не соглашается возвратиться в свою часть. Обязательная мера задержания применялась, в силу приказа № 1, к чинам наружной и тайной полиции и чинам корпуса жандармов. Выделенный этим приказом штаб корпуса жандармов впоследствии также был арестован и задержан по особому постановлению Совета министров. К чинам штаба пред'явлено было обвинение в уничтожении дела и телеграммы Татищева начальникам жандармского управления о принятии мер к подавлению предполагавшегося народного восстания. Кстати сказать, в комиссию в дальнейшей ее деятельности поступила переписка — донесения, адресованные в штаб в ответ на указанную телеграмму, о числе рабочих, числе войск, наилучшей их дислокации на случай волнений и даже с представлением соответствующих топографических карт.

«Большинство бывших сановных лиц лишь случайно проходили через комиссию (когда, напр., вместе с ними доставлялись

вещественные доказательства их деятельности); обычно они шли через коменданта Таврического дворца, размещались, как уже выше сказано, в павильоне министров и находились в непосредственном ведении министра юстиции, от которого и зависело их освобождение, дальнейшее задержание и распоряжения как о переводе в места заключения (Петропавловская крепость), так и допущении свиданий с посторонними лицами. С самого начала своей деятельности комиссия стояла на той точке зрения, что, не являясь органом судебно-следственной власти, она имеет дело только с фактами и так или иначе поступающими в ее распоряжение материалами, и что она не может и не должна производить следствий в том смысле и об'еме, как это указано уставом уголовного судопроизводства, равным образом не должна делать постановлений об арестах, обысках и высылках, и потому комиссия самым определенным образом отграничивалась от всего того, что могло так или иначе направить этот орган Думы по такому пути. В комиссии получались личные заявления, именные и анонимные письма с указанием на преступную деятельность различных лиц и на необходимость немедленного их ареста и обыска их квартир; все такого рода указания направлялись министру юстиции и прокурору судебной палаты. Такого рода стремления толкнуть комиссию на путь судебно-следственного органа и заставили комиссию едва ли не с первых дней ее деятельности, как только явилась маленькая возможность говорить о необходимости налажения нормальной жизни, неоднократно обращаться во Временный комитет Государственной думы и к министру юстиции и к товарищу его в министерство внутренних дел, при чем комиссия указывала на необходимость создания особого органа министерства юстиции и проводила ту мысль, что задержание лиц без гарантии со стороны судебной власти, во избежание нареканий на новый строй, не может быть допускаемо, вернее, могло быть терпимо только в первые дни революции при стихийно развившемся ходе событий, когда о правовых нормах нельзя еще было говорить. Указывалось и на то, что стены Таврического дворца — Государственная дума — не могут быть арестным помещением. Положение, однако, было настолько еще запутано, что указания комиссии, правильность которых признавалась без всяких оговорок, не сразу могли быть выполнены, и даже последовавшее учреждение чрезвычайной следственной комиссии под председательством Н. К. Муравьева не сразу внесло надлежащее направление в общий ход дела, так как в эту комиссию переданы были только дела о сановниках и лицах, связанных с ними в своей жизни и деятельности (как, напр., о Симоновиче — секретаре Распутина, Бадмаеве и т. п.). В думскую же комиссию продолжали вести и везти вновь арестованных, пока, наконец, особая следственная комиссия под председательством товарища министра Скарятина не взяла на себя проверку формальных причин задержания тех или иных лиц. Арестованные были переведены в помещение бывшего штаба корпуса жандармов,

и 30 марта думская комиссия получила возможность закончить свою деятельность, передав дела, документы, вещественные доказательства и всю накопившуюся переписку частью упомянутой комиссии Муравьева, частью прокурору Петроградской судебной палаты» [1]).

10 марта Временный комитет Государственной думы образовал «отдел сношений с провинцией», который «поставил своей главной задачей осведомление населения и организацию общественных сил путем посылки па места литературы и своих представителей». И то и другое выполнялось Временным комитетом Государственной думы до 10 марта, но носило непланомерный характер. Члены Государственной думы посылались Временным комитетом по предложениям Временного правительства или по непосредственному ходатайству мест. Первые посылки имели место на фронт и делались по просьбе главнокомандующих фронтами.

Депутат Маньков, бывший с.-д.-меньшевик, ставший во время войны «защитником отечества, по Плеханову, был направлен Временным комитетом в Ревель. В первые дни революции из Ревельской крепости были в Государственной думе получены очень тревожные сведения, и для успокоения населения и осведомления его о событиях в столице ночью 2 марта туда направился Маньков. В отчете об этой поездке Маньков сообщал, что «по приезде в Ревель мы узнали, что комендант крепости ранен толпою (его собирались убить), но что матросы его отбили. В Ревеле нас встретила депутация от города, комендант и рабочие. Мы обратились к ним с приветственным словом от Временного комитета, просили поддержать порядок и способствовать дальнейшему его восстановлению. После приветствия мы об'ехали все крупные суда, где также в каждой команде держали речь. После об'езда судов мы вернулись в городскую ратушу и здесь во время беседы с представителями города получили сведения, что на броненосце «Петр Великий» бунт: там собираются судить законом Линча адмирала. Мы оставили заседание и поехали на броненосец «Петр Великий». Действительно, там была большая толпа, все волновались, но нам удалось ликвидировать это недоразумение и тут же примирить бунтующихся с адмиралом. Я взял честное слово с адмирала при всем собрании, что он подчинится новому правительству, и адмирал тут же клятвенно обещался урегулировать весь вопрос. На второй день нашего приезда я в частности об'езжал все заводы: Балтийский судостроительный и другие; на этих заводах я также вел беседы. 4-го вечером организовалось совещание Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором выяснили те желания, которые пред'являлись со стороны рабочих и солдат».

5 марта в Ревеле была организована приехавшим депутатом демонстрация рабочих и солдат. На другой день после демонстрации Совет рабочих и солдатских депутатов вынес решение о прекра-

[1]) См. дело комитета Госуд. думы, Архив Октябрьской революции.

щении начавшейся там забастовки в связи с известиями из Петрограда о перевороте. Одновременно с прекращением забастовки было вынесено постановление о возвращении всех команд на суда. Депутат принимал активное участие в улаживании конфликтов между офицерами, матросами и солдатами.

Содержание речей Манькова было типичным для представителей Временного комитета того периода. Он «призывал верить новому правительству и поддерживать порядок, сохранять воинскую дисциплину. Тут необходимо указать, что очень часто бывали случаи личной мести среди команд по отношению к офицерам, и мне приходилось призывать к тому, чтобы личные счеты были оставлены. Затем я всегда указывал на необходимость продолжать войну, так как от этого зависит удержание тех свобод, которые завоеваны народом».

Несмотря на ряд конфликтов и различные слухи, депутат Маньков находил, что «в общем, настроение среди матросов очень сознательное: среди армейцев свобода была понята так, что можно ничего не делать, — среди матросов этого нет. Среди ревельских рабочих настроение тоже очень хорошее, сознательное. Они даже мне говорили, хотя мы сейчас и говорим относительно 8-часового рабочего дня, но если потребуется, то мы и 20 часов будем работать; среди железнодорожников наблюдается то же самое настроение, что и среди рабочих. Они говорят относительно 8-часового рабочего дня в принципе, а если потребуется, будут работать больше».

Старые власти в Ревеле были смещены, но между комиссаром Временного правительства и Советом происходили трения. Причины «трений» Маньков находил в том, что Совет собирался «взять власть в свои руки», но ему их «удалось убедить, и те люди, которые говорили, что необходимо взять власть в свои руки, согласились, что они могут только контролировать».

Сам Маньков всюду начинал свою деятельность с устройства милиционных комитетов, приносивших, по его мнению, большую пользу: «они брали все в свои руки и не давали воли разнузданным хулиганствующим массам» [1]). Так характеризовал себя, свою деятельность и массы этот социалист.

Трое членов Государственной думы — Кривоногов, Леванидов и Рыслев — были командированы в Архангельск для приветствия войск и организации власти. В городе и в порту были устроены митинги, а 14 марта рабочие и дружинники устроили демонстрацию.

Особенное внимание Временного комитета Государственной думы было направлено на фронт. Те восемь миллионов вооруженных людей, которые стояли на протяжении 1.600 верст между Балтийским и Черным морями, были такой силой, привлечь которую на свою сторону означало одержать политическую победу. Имея за собой фронт, Временный комитет Государственной думы и Временное правительство могли бы говорить с «тылом» и его рабочими и

[1]) См. дело Временного правительства, отдел сношений с провинцией.

солдатскими массами более властным языком. В первые дни марта борьба еще была направлена в первую очередь против сторонников царских порядков. Однако вопрос о «двоевластии» ставился уже в первые недели, а против нашего лозунга «долой войну» велась жестокая борьба с первых дней революции.

Соображения военного и политического характера побудили Временный комитет и Временное правительство направить все свои силы на действующую армию, принять все меры для того, чтобы на фронте государственный переворот прошел безболезненно. В этих целях Временный комитет договорился с главнокомандующим северным фронтом, как ближайшим к Петрограду, а также с руководителями ставки [1]).

Для осуществления той же задачи были направлены члены Государственной думы непосредственно в войска. К сожалению, в материалах, оставленных Государственной думой, сохранилось ничтожное количество документов, относящихся к агитационной деятельности Временного комитета Государственной думы на фронте и в запасных частях. Но и эти немногие отрывки являются драгоценными документами, дающими возможность восстановить картину совершавшегося переворота в армии.

В первых числах марта была послана на северный фронт группа членов Государственной думы, во главе с Янушкевичем. Об этой поездке он сделал отчет Временному комитету, в котором дает такое описание поездки от Петрограда до фронта: «От'ехав от Петрограда, мы заметили, что, как только стало известно о нашей поездке, на каждой станции стали собираться толпы народа и солдат, чтобы нас приветствовать. Перед Псковом, например, приветствовали нас, посылали привет Государственной думе, председателю Государственной думы, Временному правительству и т. д. Наконец, мы добрались до Пскова и отправились к генералу Рузскому, который сказал, что присутствие нас, депутатов, или кого-либо другого чрезвычайно необходимо. В настоящее время волна, которая захватила Петроград и Россию, докатывается до фронта, и в некоторых местах возникают недоразумения в связи с приказом № 1 и в связи со всевозможными листками и воззваниями, которые проникают все-таки в армию. Между прочим, из разговора с генералом Рузским выяснилось, что в деле отречения императора от престола он сыграл очень видную роль, что он просто настаивал на этом и, с другой стороны, еще раньше до отречения говорил о необходимости немедленного введения ответственного министерства, так как иначе дело может кончиться очень плохо. Об этом он говорил нам после. Встретил он нас очень тепло и обещал помочь в исполнении возложенного на нас поручения. В Пскове нас всюду встретили чрезвычайно тепло и на вокзале, и в земском союзе, и в городском союзе делали нам овации, к которым мы не привыкли. Все это относилось к Государственной думе, нас приветствовали как членов Государ-

[1]) См. об этом подробнее «Семнадцатый год», кн. 2-я, гл. I.

ственной думы. В Пскове мы разделились на партии: одна направилась к Риге, другая — на двинские позиции, а мы — в районе Глобачево — Воропаево, ближе к Поставу. Генерал Рузский предупредил о нашей поездке, так что нас всюду ожидали. К каждой из групп был прикомандирован полковник генерального штаба. С нами ехал ад'ютант генерала Рузского, чрезвычайно интересный собеседник. Чем дальше мы ехали от Пскова к Двинску, тем больше было оваций на каждой станции. На каждой станции мы выходили и отвечали на приветствия, так что, под'езжая к фронту, мы уже начали хрипнуть. В Режице мы были встречены чрезвычайными овациями; нас попросили зайти в город на митинг. Войска были выстроены с музыкой; была масса народу. Нас приветствовали; мы произносили речи. Оставались мы там довольно долгое время. Там же в кинематографе было устроено заседание солдатских и офицерских депутатов. В Режице было несколько инцидентов; между прочим, был убит командир Сумского полка. Когда стали обезоруживать полицию и собираться на митинг, появилась отдельная вооруженная группа лиц, которая вела себя довольно беспокойно. Так как никто не знал, зачем они приехали, то был командирован Сумский полк. Между тем распространили слух, что последний пришел усмирять. Стали грозить тяжелой артиллерией, если он не скажет, зачем пришел. Солдаты присоединились, но недоразумение возникло с офицерами, которые резко отзывались о солдатах и о красных бантиках. В результате командир полка был убит. Говорят, что он сам застрелился. Версии неясные; дело чрезвычайно темное. Кроме того, в Режице был арестован председатель земской управы, очень непопулярный человек, скверно зарекомендовавший себя в продовольственном деле. Здесь была расправа за старое. На собрании солдат и офицеров дебатировалась масса вопросов. Между прочим, у нас был в руках приказ Гучкова о вежливом обращении. Мы обратили внимание, насколько все эти вопросы затрагивают солдатскую массу. Когда мы прочли приказ, солдаты стали задавать вопрос относительно чести, розог и т. д.; как Временное правительство на это смотрит; что оно будет делать. Мы сказали, что оно все, вероятно, раз'яснит в соответствующих приказах. Когда мы прочли приказ Гучкова, раздалось громовое «ура», но солдаты интересовались, почему о чести ничего не сказано. Надо сказать, что комендант Режицы отдание чести отменил сам, заявив в приказе по гарнизону, что это необязательно. На этом митинге мы давали об'яснения на пред'явленные вопросы. Предводителем дворянства был поставлен вопрос относительно арестов; ему не давали говорить, но когда мы призвали к порядку, все успокоились. Мы предложили самовольно арестов не производить, об'ясняя, что это — самосуд, и что таких арестованных нужно освободить.

«Затем мы двинулись дальше к Двинску. Там тоже были самые невероятные овации по адресу Государственной думы. Двое из нас остались в Двинске, а мы направились в Полоцк. Мы изумлялись, —

такой был царский прием. Царя, вероятно, так не принимали. Нас носили на руках, склоняли знамена, — и все это по адресу Государственной думы. Мы пришли к убеждению, что авторитет Государственной думы в войсках и в населении огромный: имя депутатов, представителей Государственной думы, связывается с чем-то освободительным. Дальше тоже на каждой станции были овации. Тут же выяснилось, что известное настроение существует; с одной стороны, этому способствовал приказ № 1, с другой стороны — неправильное истолкование событий. Некоторые офицеры, когда поступали эти приказы и известия о событиях, напр., об отречении, истолковывали их так, что возбуждали в солдатах к себе недоверие. Например, отречение императора истолковывалось как его добрая воля, что он — хороший человек и т. д. Это было крайне бестактно, потому что солдаты были настроены совершенно иначе. Вследствие этого недоверие росло. Хотя волна докатилась и до них, но они не знали,что здесь произошло, водворен ли порядок, или нет; они боялись, чтобы эту свободу у них не отобрали. В Сеславине мог иметь место инцидент, который мы предотвратили, но который мог иметь огромные последствия. На эту станцию прибыли две роты Новоалексеевского полка с пулеметами, потому что какая-то группа ездила по станциям и обезоруживала жандармов. Чтобы охранить железные дороги, и были посланы две роты. Толпа нас приветствовала; вдруг раздается крик одного солдата: «пулеметы пришли». Все пришло в смятение; раздался крик: «бери винтовки». Мы говорим: «успокойтесь». Но поднялись крики,что во главе отряда пришел один из нелюбимых полковников, кажется, Тупицын, что это — старый мордобой, и т. д. Мы сейчас же попросили полковника генерального штаба, который был к нам прикомандирован, поговорить с начальником отряда. Он выяснил цель приезда, и мы стали растолковывать толпе, что ничего опасного нет; что приехали с такой-то целью; что возврата к старому быть не может. Толпа немного успокоилась, но упорные крики продолжались: «самосуд, убить, мы пойдем и убьем его». Между тем с отрядом прибыл не полковник, а подполковник; толпа же вообразила, что это Тупицын. Подполковник был у нас в вагоне, и положение было некоторое время весьма трагическое. В конце концов толпу уговорили, и она стала спокойно расходиться.

«В своих речах мы обращали внимание солдат и собравшейся публики на то, что сейчас такое положение, когда нужно добытую свободу укрепить, для чего все должны работать, быть спокойными и хладнокровными, так как каждый ответственен за каждый шаг. Этим удавалось успокаивать. Приходящие солдаты заявляли нам о своих нуждах и сообщали свои жалобы на старое. Мы об'ясняли, что старого нет, что теперь новое. Они высказывали пожелание, чтобы Временное правительство как можно чаще делало к ним обращения, так как они хотели бы иметь доказательства о его действиях и боялись, чтобы старое начальство не вводило их в заблуждение; они указывали на такие факты, когда все истолковывалось односторонне».

Таково было положение дела в первые дни после свержения царя и всего лишь в нескольких сотнях верст от Петрограда. Солдатская масса уже была захвачена событиями и вся была на стороне революции. Иное отношение к перевороту проявило офицерство, и это сразу же образовало пропасть между солдатской массой и офицерами. Овации по адресу Государственной думы явились в результате направления солдатского понимания происшедших событий, в которых Государственной думе отводилась почетная роль зачинщика. На самом деле Государственная дума примкнула к революции уже после победы уличного рабочего и солдатского восстания в Петрограде. Но этим запоздалым присоединением Государственная дума сыграла положительную роль в деле дальнейшего разгрома сил царизма. Все наблюдения, подобные изложенным Янушкевичем, являлись для Временного комитета и Временного правительства в те дни ценнейшим материалом для направления и приспособления реформ в армии.

На боевых позициях членов Государственной думы принимали так же радушно, как и в тылу. «Нас везде принимали весьма торжественно, с музыкой», — говорил Янушкевич. На фронте депутаты подметили сразу же, что, «несмотря на то, что Временное правительство существует, что переворот — совершившийся факт, в среде высшего офицерства есть такие, которые ведут себя чрезвычайно нетактично. Везде приходилось слышать жалобу на то, что если одевается красный бантик, то он срывается. Затем заявляли, что не выносят портретов; солдаты приходят и видят, что портрет императора на стене, — это их возмущает. В некоторых местах мы получили точные сведения, что грозят расстрелом, если не вынесут портрет. Эта бестактность создавала ужасную атмосферу. В некоторых местах нас просили принять меры, чтобы портрет убрать, потому что часть волнуется и могут быть убийства».

Контр-революционные настроения некоторых офицеров на позициях толкали их на прямую провокацию солдат. Однако тот же Янушкевич отметил, что «у солдат есть сдерживающее чувство. Они ждут чего-то, чрезвычайно интересуются тем, что сейчас происходит». Чего ждали солдаты, — угадать было нетрудно и тогда. Несколько недель спустя стало всем ясно, что главные вопросы, которыми интересовалась солдатская масса, были вопросы земли и мира. На вопросы члены Государственной думы отвечали обычной ссылкой на то, что эти вопросы решит Учредительное собрание. В те дни солдаты интересовались своим положением в армии, заявляли о необходимости изменения состава военно-полевых судов путем введения в них представителей от солдат. Вопрос о военно-полевых судах встал перед ними в конкретной форме. В одной части стоявшего на часах и под ранцем солдата оскорбил офицер. Солдат не сдержался, а ответил, и за это был осужден военно-полевым судом к смертной казни. Этот приговор поднял весь полк и солдаты пришли в штаб полка требовать с оружием в руках отмены приговора. Члены Государственной думы посоветовали командиру полка

задержать выполнение приговора суда и вместе с ним обратились по инстанции с ходатайством о замене смертной казни, которое было удовлетворено. «Если бы солдат был казнен, — говорил Янушкевич, — то можно ручаться, что часть офицеров была бы перебита».

Волновали солдат и прекращения отпусков. Как только начались в Петрограде волнения, так отпуска из армии были прекращены. Большое желание у частей было посылать в Петроград своих ходоков, чтобы узнать, в чем дело. Недоверие к командному составу среди солдат весьма обеспокоило членов Государственной думы. Многочисленные беседы с отдельными солдатами и группами их заставили Янушкевича прямо поставить вопрос, что «военному министерству нужно считаться с настроением солдат, с их недоверием к некоторым из командиров. Не только солдаты, но и офицеры заявляли, что — мы им не верим, боимся итти с ними в атаку, потому, что они подведут. Некоторые люди делают как будто нарочно все то, что может возбудить против них. Во всяком случае мы об'ехали почти все части 1-й армии, беседовали с каждой частью по часу, по два, потеряли голоса, но внесли известное успокоение. Этим можно похвалиться. Мы начинали об'езд с 8 час. утра, кончали в час ночи. Настроение недурное, только некоторые старые солдаты просили, нельзя ли похлопотать, чтобы отпустили домой. В общем настроение боевое. Это произвело на нас хорошее впечатление. Мы ожидали встретить другое. Дисциплина есть, но надо ее организовать на новых началах. Мы разговаривали на нескольких собраниях с офицерами. Некоторые из них понимают сейчас свою задачу, а некоторые никак не хотят понять, что совершилась ломка, что нужно переделать самих себя. Они считают себя ужасно обиженными, возмущены приказами, в том числе приказом Гучкова о вежливом обращении; они говорят, что это разрушит дух армии, что это делают тыловые люди, которые с армией ничего общего не имеют. На одном собрании мы вывели заключение, что это настроение контр-революционное, совершенно против этого переворота. Говорило больше зеленое офицерство, прапорщики, извините за выражение, недоучки. Один дошел даже до того, что сказал: вы — штатский и не знаете духа армии. Но когда мы определенно и ясно сказали, что это нужно делать, иначе все расклеится, они согласились, но при этом указывали, что они, как люди дисциплинированные, хотят, чтобы приказы издавались из центра, сверху, и что тогда они им слепо подчинятся; допустить же, чтобы приказы шли с других ступеней, они не могут, потому что тогда начальство потеряет свой авторитет и нельзя будет вести войска в атаку. Что касается солдат, то мы их убеждали, что теперь новое правительство, которое будет проводить полезные меры, но так как весь механизм еще старый, то все будет передаваться как бы по лестнице, они получат раз'яснения от командира».

Особенно демонстративно выливалось недоверие к командному составу, когда на фронте решили, по старому обычаю, но уже

по новой форме, приводить солдат к присяге. По всему фронту прокатилась волна отказов от присяги, при этом мотивы были самые разнообразные, но в каждом случае легко было понять недоверие к офицерству. Кое-где солдаты требовали чистки всего командного состава; с такими же вопросами являлись к членам Государственной думы и боевые офицеры. По словам Янушкевича, общее отношение к таким офицерам выражалось просто: «мы не верим. Они своей прошлой деятельностью так опротивели солдатам, что теперь, когда совершился перелом, солдаты не верят; вносится дезорганизация; возможны эксцессы. Мы не ручаемся, что эти части уверенно пойдут за этим начальником в бой». Мы заметили, что тем офицерам, которые пытались об'яснить солдатам происшедший переворот, даже прощались грехи прошлого, они сразу как-то выросли в глазах, но особое недоверие было там, где замалчивали, где не собирали солдат, не об'ясняли происшедшего или давали тенденциозные об'яснения, — там создавалась почва страшного недоверия. Старое недоверие как-то слабее, а недоверие после переворота новое — ужасное. В тех же частях, где собирали и об'ясняли события, там сразу восстанавливалось доверие, даже в тех частях, где его раньше не было. Эти части могут в огонь и в воду пойти».

Однако недоверие солдатской массы вызывалось не столько замалчиванием офицеров о перевороте, сколько их отношением к этому событию. Даже кратковременное пребывание среди войск фронта убеждало членов Государственной думы в необходимости борьбы с контр-революционными элементами офицерства, а солдаты наблюдали их ближе и постоянно. Янушкевич, докладывая Временному комитету, заявил, что многие офицеры «совершенно не ориентируются в положении и нас спрашивают: «Неужели вы не могли спросить армию, прежде чем производить революцию». Мы говорим: «Так вышло. И сами вы, проснувшись, не узнали бы Петрограда». Они не представляют себе, что так могло быть. Они недовольны, что это сделано как-то без их спроса, наскоро, штатскими людьми, которые не считались с ними. Иногда они ко всему этому и ко всем приказам относятся отрицательно, и от солдат слышишь: «Это — враг нового строя». Один из командиров дивизии позволил себе так высказаться, что я вынес впечатление, что если он и не враг нового правительства, то во всяком случае слишком иронически на него смотрит. Хорошо, что разговор оборвался, а то думал, что придется его арестовать. Между прочим, он сказал: «Все-таки я эту сволочь сек и буду сечь, и если кто-нибудь сделает что-нибудь, то я всыплю ему 50 розог». Перед этим как раз было собрание солдат, и я вижу, что солдаты не расходятся. Я их спрашиваю, почему они не расходятся, а они говорят: «Мы так не расходимся». А потом уже сказали: «Мы думали, что он вас арестует, он — сторонник старого строя. Он вчера грозил расстрелом за снятие портрета. Уже казаков сотня была приготовлена, и мы бы его сразу... Вот какая вещь».

«Затем, когда был митинг выбранных офицеров и солдат, мы сказали речь и попросили корпусного командира удалиться. Нас прежде приветствовал офицер с красным бантом. Командир все эти банты целый день отнимал. Этот офицер произнес хорошую речь и, как дисциплинированный человек, сказал в конце речи: «Я сегодня позволил себе украсить свою форму бантом». Таким образом он хотел сказать, что форма у него без банта, но сегодня, в знак торжественного случая, он его одел. Командир же бестактно снимал красные банты и сказал, что форма еще не отменена, и что красный цвет ничего не обозначает. Тогда, несмотря на то, что он хвастался своей дисциплиной, что он всех держит в руках и что он будет сечь, поднялась буря негодования как среди офицеров, так и среди солдат. Один из казачьих офицеров нам задал чрезвычайно ехидный вопрос: «Скажите, г. депутат, можно одевать красный бант для торжественных случаев, когда над Зимним дворцом красный флаг?».

«Затем нас спрашивали, какие меры приняты правительством по вопросу об удалении из армии реакционных элементов, которые вредны для победы. А тут стоит генерал и крутит ус. «Думает ли Временное правительство прислать комиссаров для того, чтобы можно было разобрать эти инциденты и воочию увидеть, что здесь делается, так как мы утверждаем, что здесь ведется агитация в пользу восстановления старого режима?». Видя такое настроение солдат, нам было ясно, что все равно из этого ничего не выйдет. В конце концов этот командир, который сначала кричал, должен был удалиться с сконфуженным видом. Таким образом пострадал авторитет командира, и дисциплина была окончательно скомпрометирована. Ему надо было еще раньше просто удалиться, как делали другие, поговорят и уйдут и оставляют нас говорить. То, что я говорю, было у Риги, при Куксе. Там стояла 37-я дивизия. Все сводилось к тому,что надо было с солдатами потолковать и их успокоить, а у них какой-то мираж опасности.

«В одной части, когда мы приехали произносить речь, командир, которого не любили, сказал солдатам: «Идите без винтовок». Это возбудило страшное подозрение, и они все пришли с винтовками».

Так проходил переворот на фронте по свидетельству весьма умеренно-либеральных членов Государственной думы. Поездки таких групп агитаторов поправляли положение и спасали офицерство от естественного солдатского негодования и расправы.

Начавшиеся в 5-й армии недоразумения на почве проведения в жизнь мероприятий Временного правительства по реформе в армии, в частности в связи с вопросом об отдании чести, а затем о присяге, вызвали командировку туда членов Государственной думы Лелюхина и Полунина. Из Петрограда они выехали 19 марта и заехали по пути в Псков, в штаб северного фронта, за получением от генерала Рузского необходимых указаний. Давая отчет о своей поездке на фронт, Лелюхин передал характеристику положения дел в армии в тот момент, со слов генерала Рузского, что «среди войск

начали распространяться сомнения, правильно ли принесена присяга Временному правительству, так как в одном из органов печати было помещено описание заседания Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором было признано, что присяга, как содержащая упоминание о боге и заканчивающаяся словами: «осеняю себя крестным знамением», не соответствует представлениям о свободе совести, и что поэтому редакция этой присяги должна быть изменена; впредь до этого изменения приведение войск к присяге должно быть приостановлено, тех же, кто принял присягу, считать как бы не присягавшими. В частности этот вопрос обсуждался в Пскове, и было вынесено соответственное постановление со стороны некоторых частей войск. Так, общее собрание офицеров и чиновников управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями северного фронта, обсудив в заседании 17 марта 1917 года проникший в войска слух о недействительности принесенной на верность Временному правительству присяги и о необходимости принесения новой присяги, признало: «1) что впредь до установления Учредительным собранием нового образа правления об'явление другой формы присяги и ее принятие ни в коем случае не допустимо; 2) что текст принятой присяги ни в чем не стесняет совести и убеждений каждого присягающего и в то же время вполне соответствует тем новым обязанностям, которые возлагаются обновленной и свободной Россией на каждого гражданина и воина, и 3) что даже самое предложение принять новую присягу вызовет недовольство в войсках, внесет смуту, подорвет доверие к Временному правительству и окажется гибельным для нашей родины. Постановление принято единогласно». Затем генералом Рузским было указано на то, что постановление Совета рабочих и солдатских депутатов вызвало уже в некоторых частях войск отказ от принесения присяги; так, в Финляндии гарнизон Рауме отказывается принести присягу, основываясь на том, что Совет рабочих и солдатских депутатов считает текст присяги недействительным. Вследствие этого командиром корпуса генералом Гулевичем была послана военному министру телеграмма с просьбой подтвердить установленный текст присяги, скрепив это подтверждение подписями представителей Совета солдатских депутатов. Генерал Рузский, ссылаясь на перечисленные факты, указал на необходимость раз'яснить, что присяга не может быть изменена, и что всякие по этому поводу сомнения и колебания должны быть оставлены. Во время нашей поездки нами давались соответственные раз'яснения в тех частях войск, где вопрос о действительности присяги возбуждал толки и сомнения.

«Далее генерал Рузский обратил внимание наше на большое число дезертиров из запасных полков и батальонов, при чем мотивом ухода являлось опасение, как бы при даровой раздаче земли они не остались без наделов; при этом генерал Рузский просил раз'яснить, что до разрешения вопроса о наделении землей в Учредительном собрании вопрос этот не будет подлежать обсужде-

нию, и никакой даровой земли в настоящее время не будет раздаваться. Этот вопрос также включался нами всегда в темы наших речей или бесед, при чем обыкновенно добавляли, что при вопросе о наделении землей интересы солдата выдвинуты будут на первый план.

«Вопрос об отдании чести, по словам командующего северным фронтом, также вызывает большие недоразумения на местах; при чем он указал на то, что, с одной стороны, в комиссии генерала Поливанова предполагается отдание чести вне строя и службы признать необязательным, о чем уже известно в войсках; с другой стороны, от ставки было получено распоряжение о том, что отдание чести всегда обязательно, как в строю и на службе, так и вне ее. Во избежание осложнений ему, генералу Рузскому, пришлось приостановить об'явление распоряжения ставки по армиям северного фронта».

Получив от главнокомандующего раз'яснения и указания по волновавшим армию вопросам, делегация членов Государственной думы 21 марта прибыла в Двинск и в тот же вечер выступила на собрании представителей 5-й армии. Об этом армейском совещании Лелюхин сообщил, что в нем участвовали «делегаты всех частей армии, общим числом до 1.400 человек. Нас просили прибыть до начала, так как собравшиеся хотели на площади устроить в нашу честь манифестацию. Мы поехали, нас встретили очень торжественно — музыка, флаги, кричали «ура». Затем отправились на заседание. Упоминаю о всяких овациях, потому что они в известной степени определяют отношения войск и населения к Государственной думе и ее представителям и характеризуют настроение народных масс. В собрании были поставлены на обсуждение вопросы: о взаимоотношениях Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов, об организации комитетов в армии, начиная с ротных и кончая армейскими, о взаимоотношениях солдат и офицеров с целью их сплочения и другие. Заседания этого собрания были намечены на целый ряд дней, и нам пришлось принять участие в трех из них. В первом заседании, когда по открытии его 21 марта председательствующий обратился к нам с приветственной речью, приветствуя в нашем лице Государственную думу и Временное правительство, я и В. Н. Полунин ответили тем же, при чем в кратких чертах обрисовали положение, которое создалось в настоящее время за отказом Николая II и Михаила от царствования. Мы говорили о том, что Государственная дума избрала Временный комитет; из Временного комитета образовались министерства, — единственные органы, которые могут издавать какие бы то ни было распоряжения. Затем было указано на необходимость приступить к созидательной работе, дабы тем закрепить свободы, которые столь неожиданно выпали на долю русского народа, в частности для армии; на важность скорее сорганизоваться и солдатам: в об'единении и сплочении возможна победа над немцами, а если бы этого не удалось сделать, то все свободы были бы

попраны врагами, и неволя была бы горшая, чем та, которая имела место раньше; указывалось на позорность дезертирства. Разглашено было, какой характер должны носить ротные и другие комитеты в армии, какие цели они должны преследовать, что намечается в этом направлении военным министерством. Речи были встречены присутствующими аплодисментами и криками «ура»; все встали. Вообще в течение всего пребывания нашего в Двинске отношение к нам армии и населения было всегда чрезвычайно сердечное, порою переходившее в восторженные манифестации. На заседании 22 марта речи отдельных делегатов — офицеров и солдат — носили довольно сумбурный характер и касались больше политических вопросов, чем деловых; всем хотелось высказаться, но потом, на этом же заседании, были образованы комиссии для детального обсуждения отдельных вопросов, и к моему от'езду из Двинска их было можно считать вполне наладившимися: намечены были основы для образования комитетов для дел хозяйственных, просветительных, внутреннего обихода и пр.

«А вопрос о взаимоотношениях солдат и офицеров получил не только теоретическое разрешение, но был закреплен клятвою и братанием солдат, офицеров и генералов в день 23 марта, когда по случаю похорон в Петрограде жертв революции в Двинске была устроена грандиозная манифестация. В шествии к братскому кладбищу участвовали войсковые части гарнизона и делегация от войск 5-й армии, все население в лице учебных заведений, разных корпораций, представителей железнодорожного ведомства, почт и телеграфов и пр. Мы также приняли участие в шествии и первое время шли во главе, а затем, так как нам нужно было выехать в 12-й корпус, где было назначено собрание делегатов всех частей этого корпуса, то нас просили хотя бы пропустить мимо себя все войска и всех участников шествия. Мы должны были это сделать. На наши приветственные слова от имени Государственной думы и Временного правительства, с которыми мы обращались к проходившим войскам, учащимся, рабочим и пр., раздавались дружные крики «ура», бросали шапки вверх, оркестры играли марсельезу и марши. На братском кладбище произошла трогательная манифестация: после призыва «пора от слов перейти к делу» началось братание между офицерами и солдатами, поднялись руки, и все клялись позабыть старые счеты и слиться в одно сплоченное целое для защиты родины от врага. Народ также принял участие в этой манифестации; многие плакали, рыдали, — все это носило трогательный характер, — и вот в результате этого и была та телеграмма, которую мы прислали сюда.

«Не могу умолчать, что во время заседаний собрания делегатов 5-й армии неоднократно делались выступления не совсем приятного для Государственной думы характера. Говорили, что Государственная дума не существует; что она была избрана незаконным порядком; что часть ее членов бежала при начале революции и что некоторые из них привлечены к ответственности за то, что получали

пособия из департамента полиции. Но такие выступления успеха не имели. Возражая, я говорил: «Ведь вот вы так тепло встречаете нас не ради нас самих, а потому что мы представители Думы, и это доказывает, что вы Думе верите, и если Государственная дума не совсем законно была рождена, то в трудный критический момент она оказалась здоровым русским человеком, воплотившим все лучшие идеалы России, ставшим во главе осуществления свободы и тех начал, ради которых была об'явлена революция».

Давая войскам успокоительные раз'яснения, члены Государственной думы вели агитацию за войну до победы под лозунгами защиты России от немецкой неволи, защиты революции и свободы. С этой проповедью Лелюхин и Полунин доехали до самой передовой линии окопов. Вот как рисовали они в отчете положение солдат и их настроения там: «Мы ехали далее по направлению к окопам на лошадях по отвратительной дороге. Дороги там в отчаянном виде; это — одна из слабых сторон нашего фронта, — и не только пушки, но и легкий экипаж завязал в грязи. Чтобы добраться до позиции, нам пришлось итти пешком. Сначала мы осматривали артиллерийские окопы, были на вышках, видели близко позиции, беседовали там как с отдельными частями войск, так и с отдельными караульными офицерами. Везде настроение было очень хорошее. Вообще, чем ближе мы приближались к окопам, тем настроение становилось сосредоточеннее, вдумчивее, мягче и теплее; везде нас встречали приветствиями. Наконец мы добрались до первой линии окопов, оба завязая по колена в вязкой, растворившейся глине; но караулы отдельных частей, которые были на местах, особенно ценили то, что, несмотря на весеннюю распутицу, мы были всего в сорока-шестидесяти шагах от неприятельских окопов, мы все-таки добрались до них и принесли им слова бодрости и утешения. Мы говорили, что рады хотя на несколько часов быть среди них и не только слышать, но и лично видеть ту тяготу, которую они несут; что страна все это ценит и помнит и что они не будут забыты. В частности, как и в других местах, я говорил о мероприятиях, которые намечены в комиссии генерала Поливанова, об улучшении материального и экономического положения солдат и то, что в случае наделения землей их интересы будут поставлены на первый план. На все это нам отвечали чрезвычайно тепло и сердечно. В некоторых местах солдаты требовали, чтобы мы шли согнувшись, дабы не быть убитыми; в одном месте не хотели совсем пускать нас пройти, потому что там только что взорвалась мина и разрушила окопы».

Представителям Временного комитета Государственной думы приходилось не только приветствовать и раз'яснять, но стать лицом к лицу с активным проявлением революционных настроений солдат. По примеру питерских рабочих и солдат, солдаты фронтовой полосы также подвергали аресту военных начальников, враждебно настроенных к революции, и привозили их в штабы. Такие действия солдат на фронте считались «самоуправством», и делегаты Государствен-

ной думы начинали всегда с раз'яснения о недопустимости самосудов в свободной стране. Однако случаи ошибок со стороны солдат были чрезвычайно редки и обычно аресты солдатами офицеров контр-революционеров подтверждались документами в штабах. Об одном из таких случаев, как «неприятном деле», сообщает и Лелюхин: «Был арестован председатель соединенного присутствия военно-окружных судов 5 корпусов генерал-майор Рудаков своими писарями при помощи шофферов автомобильной роты. Когда по просьбе командующего армией я поехал в это присутствие, то оказалось, что Рудаков уже был отпущен. Я раз'яснил присутствующим писарям и шофферам, что они не имели никакого права арестовывать, что в свободной стране самосуд не может иметь места, и если их жалобы при прежнем строе не получали надлежащего разрешения, то теперь уже это не будет иметь места, и т. д. Но писаря отнеслись довольно холодно к моему раз'яснению и спросили меня, могу ли я им гарантировать, что генерал Рудаков будет уволен; свое недовольство им они об'яснили тем, что все приглашения на собрания, которые получались, генерал бросал в печку или в другое место; что он писал весьма дерзкий рапорт Временному правительству, указывая на то, что Временное правительство должно сначала заслужить к себе доверие, а потом уже пред'являть известные требования, и т. п. Подтвердив еще раз, что делу этому будет дан законный ход, я уехал. Впоследствии, когда я говорил по этому поводу с генералами Драгомировым и Рузским и прочел все относящиеся к делу документы, то пришел к тому убеждению, что оставлять на месте генерала Рудакова невозможно, так как он совершенно не понимает положения вещей данного момента. Пока он получил отпуск, а в будущем ему придется оставить службу. После этого ко мне еще приехали командир дивизии и командир бригады и просили поехать в Бородинский полк, который только что прибыл в Двинск с четырьмя арестованными офицерами, которых солдаты не соглашаются отпустить, а командир полка, прекрасный боевой офицер, настолько растерялся, что готов сам застрелиться. Я поехал в этот полк, беседовал долго с солдатами о необходимости отпустить офицеров и, с своей стороны, обещал, что их претензии будут рассмотрены и поступлено будет по справедливости» [1]).

Март месяц прошел на фронте в борьбе солдат со всевозможными сторонниками царского порядка и в осуществлении реформ внутренней войсковой жизни. Значительная доля солдатской массы была упоена свободами и чувствовала себя буквально раскрепощенной от власти офицерства. Вопросы о власти, о земле, о мире вышли из подпольных опасных надежд и мечтаний, становились перед ними открыто: через печать и партийную агитацию. В конце марта и особенно в начале апреля вся армия была охвачена политической агитацией и борьбой различных направлений. Командный состав видел гибельное влияние революционных настроений

[1]) См. дело Временного правительства, Архив Октябрьской революции.

на старую дисциплину и требовал мероприятий против «внесения в армию политики». Но на самом деле не против всякой политики восставали командные штабные и армейские верхи, они выступали только против «крайне левой», — против антивоенной и революционной политической пропаганды большевиков. В марте месяце влияние нашей партии на фронте было еще слабое. Выступления и упорная пропаганда с.-д. большевиков имели место на фронте все время и уже вызывали озлобление всех противников так же, как на Невском проспекте в те дни. Но разбираться в политике, усваивать взгляды большевиков солдатская масса начала позднее, по мере разочарования в политике Временного правительства и соглашательских партий.

Поездки членов Государственной думы по фронту в апреле месяце дали уже иные настроения и картины, чем отмеченные нами в таких же поездках, совершенных в марте. 11 апреля были командированы в особую армию члены Государственной думы А. М. Масленников и П. М. Шмяков в сопровождении двух офицеров. На их долю пришлось также немало приветствий и оваций, но, начиная с армейского комитета, на них повеяло большевистской пропагандой. Докладывая о посещении армейского комитета, депутаты отмечали, что «среди приветствий депутатов нужно отметить речь левого направления — одного из солдат, видимо, по убеждению большевика — и речь офицера от имени казачества, решившего всемерно поддерживать Временное правительство и отстаивать свои права и привилегии».

Члены Государственной думы посетили Полоцкий и Тобольский полки. Оба полка произвели на них выгодное впечатление своей организованностью и желанием солдат защитить родину. В речах они услышали «верное» понимание смысла девиза «без аннексий и контрибуций», и большевистских лозунгов, так смущавших членов Государственной думы, совершенно не было. Описание посещения Тобольского полка было изображено ими картинно: «Депутаты следуют в Тобольский полк. Вечереет. Издали слышна канонада. На опушке леса в каре выстроен Тобольский полк. Встречи. Обход полка. Командир полка, приветствуя депутатов, говорит, что девизом полка служит «война до победного конца без аннексий и контрибуций». После приветственных речей солдат и офицеров Тобольский полк в образцовом порядке, с отличным равнением (это особенно нужно отметить, так как после революции полк вряд ли занимался упражнением в церемониальном марше) проходит во главе с командиром под звуки марсельезы».

Политическая платформа окончания войны «без аннексий и контрибуций» превращалась на фронте в «девиз», во имя которого бравые полковники и генералы подготовляли солдат к наступлению и войне до победного конца. Депутаты остались еще в большем восторге от посещения артиллерийских частей.

Общее впечатление о настроениях и состоянии войск 5-го корпуса у членов Государственной думы было благоприятное.

Об этой поездке они отзывались, что «всюду налажена деятельность комитетов, не вызывающая столкновений с начальством. Видно стремление офицеров итти навстречу солдатам в культурно-просветительном смысле. Всюду прямо голод в смысле политической литературы. В смысле боеспособности солдаты, хотя и ставят девизом «без аннексий и контрибуций», тем не менее, несомненно, в наступление пойдут. Об'ясняется это интенсивной борьбой комитетов с пропагандой большевиков. Политические воззрения в общем сходятся с воззрениями правого крыла Совета солдатских и рабочих депутатов. Отношение к Думе и Временному правительству (подчеркивается иногда необходимость единения последнего и Советом солдатских и рабочих депутатов) крайне благожелательное. Отношение к депутатам восторженное. Обыкновенное явление — спрашивают, к каким партиям принадлежат депутаты. Всюду одни и те же вопросы; будущая форма правления, Учредительное собрание, земля, отношения Временного правительства с Советом солдатских и рабочих депутатов. Следует отметить, что в 5-м корпусе нигде не был поднят вопрос об отношении союзников к формуле «без аннексий и контрибуций» и о их договорах с Россией. Ответы депутатов, что вопросы формы правления и земельный составляют предмет исключительной компентенции Учредительного собрания, участие в котором действующей армии необходимо, — вполне удовлетворяют солдат. То же нужно сказать и об отзыве депутата Масленникова о Совете солдатских и рабочих депутатов, как об учреждении, сыгравшем громадную роль в дни революции, теперь же представляющем голос демократических масс. Замечание депутата, что Совет солдатских и рабочих депутатов не должен стремиться к законодательной власти и тем более к управлению страной ввиду опасности двоевластия не вызывает протеста, наоборот, одобряется. Солдаты всюду выставляют своим девизом демократическую республику».

Те же члены Государственной думы участвовали на с'езде 11-й армии в Кременце, имевшем место 15 апреля. От этого с'езда у депутатов осталось нехорошее впечатление, что видно из их рассказа об этом. «С'езд открылся речью генерала Гутора, где он призывал избегать политической борьбы в действующей армии, пагубно отзывающейся на боеспособности войск. Все политические вопросы должны быть решены Учредительным собранием. После речей депутатов им ответил от имени с'езда председатель, прапорщик 2-го Финляндского полка, бывший секретарь крайних левых фракций Государственной думы. Речь носила явный характер направления большевиков. Охарактеризовав IV Думу, как представительницу интересов буржуазных классов и капитала, он высказал, что армия будет драться до конца («мы будем голы, босы, но будем драться за свободу пролетариата») только в случае выяснения истинных намерений наших союзников, дабы России дана была гарантия, что борьба идет не за капиталистические цели союзников. Вообще в речи председателя чувствовалось, быть может,

невольное намерение подорвать авторитет Думы, Временного правительства и доверие к союзникам. Последнее встретилось депутатам впервые. Речь председателя имела громадный успех. Ответ депутата Масленникова все же не удовлетворил с'езд. Крики «ура». Депутатов выносят на руках. Впечатление от настроений с'езда совершенно обратное настроению 5-го корпуса. Чувствуется деятельная пропаганда большевиков».

Во время поездки по полкам 2-го гвардейского корпуса депутаты проехали в 4-й стрелковый полк, стоявший на позиции. Об этом посещении члены Государственной думы сообщали, что «окопы 4-го полка значительно хуже виденных депутатами окопов Могилевского полка. Это отчасти об'ясняется тем, что их пришлось заново рыть весной, так как все ходы сообщения и большинство окопов были залиты водой и обвалились. Грунт неблагоприятный, сыпучий; окопы недостаточно глубоки. В ходе сообщений депутаты были обстреляны ружейным и пулеметным огнем. Депутатами было обращено внимание на то, что вследствие недостатка дров солдатами сожжены частью колья проволочных заграждений. Из 170 лисьих нор только 30 осталось неприкосновенными. По возвращении в штаб полка депутаты пришли к собранным полковому и ротным комитетам. Солдаты в речах постановили об удалении «всех баронов, фонов и прочих шпионов», а также офицеров, коим было выражено недоверие запасным батальоном в Царском Селе [1]). Солдаты жаловались на невозможность организовать правильную работу комитетов — полкового и ротных — ввиду неустановившейся формы выборов в комитеты и частой отмены официальной инструкции другой. Пришлось комитеты переизбрать несколько раз. Также не выяснена компетенция комитета. Солдатам желательна хозяйственная комиссия, которая полученной инструкцией не допускается. Далее говорили два некадровых офицера (один прикомандированный, другой произведенный подпрапорщик) против кадровых офицеров, якобы не желающих итти навстречу солдатам и прикомандированным офицерам. Общая тенденция комитетов — против коренных кадровых офицеров. Из разговоров с кадровыми офицерами выяснилось, что недопущение командиром полка полковником Драгомировым хозяйственной комиссии полкового комитета имеет себе основанием поддержание авторитета последней инструкции и вообще авторитета высшего командного начальства, значительно павшего в настоящее время. Возвращаясь к недоверию солдат к офицерам, не признанным за-

---

[1]) В числе офицеров, коим выражено недоверие в запасном б-не, находятся два георгиевских кавалера (ныне командиры полков), двое с золотым оружием, остальные — с Владимиром. Нужно заметить, что председатель комитета запасного б-на, вынесшего недоверие, был впоследствии арестован, как член охранного отделения. В аресте вышеупомянутых офицеров, в первые дни революции бывших популярными среди солдат, сыграли немалую роль прикомандированные к запасному б-ну офицеры, сводившие личные счеты на почве оскорбленного самолюбия (выборное начало гвардии, пошение формы и пр.).

пасным батальоном, нужно отметить, что причиной этого служит отчасти желание солдат сохранить добрые отношения с запасным батальоном, в который, в целях отдыха, все стрелки стремятся попасть».

Но особенно ободрило Масленникова и Шмякова настроение корпусного комитета, которое они приняли за крестьянское и отметили его, как особенно характерное. Особенность этих настроений выразилась в антирабочем уклоне большинства солдат комитета. «Видимо, здесь в противоположность другим комитетам крестьяне представлены в большинстве. Разгорается спор о сроке созыва Учредительного собрания. Один из рабочих солдат (большевистского направления), говоря, что рабочий крестьянина не обманет, в смысле разрешения земельного вопроса, призывает депутатов настаивать на скорейшем созыве Учредительного собрания. Большинство решительно отклоняет его предложение и просит депутатов ходатайствовать от имени крестьян действующей армии отложить созыв до окончания войны ввиду невозможности теперь посредством правильной агитации провести в Учредительное собрание нужные элементы, которые представили бы действительный голос крестьянства. Победа преобладающего голоса крестьян очень характерна, как характерно в общем и крайне благожелательное настроение всего собрания».

19 апреля депутаты были в с. Несвиже, беседовали с президиумом комитета штабных учреждений, а также со стоявшими там саперами. Из бесед с ними депутаты Государственной думы вынесли впечатление, что «политическое направление президиума, судя по речам, показало себя крайне левым, большевистского толка. На собрании впервые за его поездку был очень остро затронут вопрос о мире. Член президиума, редактор латышской газеты, указывал на мирную конференцию, как на скорейший способ ликвидировать войну. Другие ораторы требовали обнародования наших условий с союзниками для гарантии, что мы не боремся за империалистические и капиталистические стремления наших союзников. К последним чувствовалось явное недоверие. В речах — ни одного слова, враждебного к Германии».

Противовоенные настроения в 1-м гвардейском корпусе были настолько сильны, что солдаты решительно сопротивлялись попыткам вести наступательные операции. В штабе корпуса депутатам сообщали, что нежелание воевать дошло до крайних пределов. В корпусе бывали случаи, когда «солдаты пехоты часто перерезывают телефонные провода артиллерийских наблюдательных пунктов. Грозят артиллерии, в случае стрельбы в противника, поднять артиллеристов на штыки. Не позволяют под угрозой штыков открывать пулеметный огонь. Братания продолжаются, хотя и в значительно меньшей степени, чем на пасху, когда братания приняли прямо уродливые формы. Германцы часто выходят из окопов. Следует упомянуть характерный случай. Германские офицеры предлагают нашим офицерам сняться (этим германцы, видимо, пользуются,

чтобы сфотографировать наши боевые линии)». Наши соглашаются. На ответную просьбу сняться германские офицеры становятся в позы, повернувшись задом. Рассказывают, что в наших окопах, удаленных от немецких шагов на тридцать, — пулеметы в чехлах. Видимо, германцами сделано все, чтобы усыпить нашу бдительность и придать себе характер мирного настроения. На-ряду с этим следует отметить обстрел на 12 верст в глубину фронта гвардейской стрелковой дивизии вновь подвезенной германской тяжелой артиллерией».

Изображая корпусной комитет большевиками, те же члены Государственной думы сообщали о том, что просветительная работа в том же корпусе велась «убежденными кадетами» — Рудаковым, Архангельским и другими лицами «с высшим образованием».

В заключение своего отчета о поездке на фронт Масленников и Шмяков сделали совершенно иные выводы, чем делегации думцев, побывавшие там же месяц назад. Их буржуазное тупоумие и ограниченность не позволяли им понять причины совершившегося перелома солдатских настроений, и они приписали все это работе германцев. Вчерашние герои в глазах буржуазных империалистов превратились в «предателей», — так нагло и бесстыдно характеризовали они солдатскую массу в своих отчетах. «Сравнивая дух армии в настоящее время и в первые дни революции при посещении северного фронта, — говорили Масленников и Шмяков, — к сожалению, приходится констатировать, что та пропаганда, которую вела Германия у нас в тылу через своих вольных и невольных провокаторов, а также пропаганда на фронте под видом перемирий и братаний сделали свое губительное дело. Солдаты более не рвутся в бой, чтобы доказать, как русский гражданин защищает свою свободную Россию, а идут разговоры лишь об обороне, да и то с боязнью защитить мифические английские и французские капиталы. Тылы этой пропагандой уже заражены в значительной степени. Чужды этой пропаганде наши доблестные артиллерия и казачество.

«О духе кавалерии мы не знаем. Боевая пехота в некоторых частях начинает поддаваться этой пропаганде, и если не совсем подпала, то только благодаря героическим элементам среди солдат и беззаветной службе на благо родины нашего доблестного офицерства, ставящего свой долг выше незаслуженных обид, клеветы и оскорблений. Успех нежелательной пропаганды в пехотных частях лежит в том, что он бьет по самому больному месту: все устали воевать, — большевистская пропаганда проповедует скорейшее прекращение активных военных действий (оборонительная война и мирный конгресс). Главные пункты этой пропаганды — подорвать веру в правительство, союзников, Государственную думу и внести рознь и разлады во внутреннюю жизнь войска. Устав воевать, но слыша из России голоса о необходимости защищать свободу, стараются найти компромисс и угодить чувству самосохранения и необходимости воевать. Вот почему так крепко укоренилось неправильное понимание мира без аннексий, как отказ от всякой

наступательной войны. Отсюда недоверие к власти и союзникам, и этим же об'ясняется недоброжелательное отношение к офицерскому составу.

«На-ряду с этим огромная масса солдат рада верить в то, что немцы пойдут на все требования, выставляемые русской демократией. Немцы, отлично учтя это настроение, всячески стараются его поддержать и развивать, прекратив обстрел наших позиций и проповедуя свое миролюбие организованным и планомерно проводимым братанием.

«Зараза, идущая из тыла, одинаковая с пропагандой немцев, убеждает менее сознательную часть солдат в возможности их мыслей и чаяний. Твердое желание союзников воевать и призыв Временного правительства к исполнению долга перед ними отдаляют мир, — вот почему скрещивающаяся пропаганда о недоверии Англии нравится.

«Офицерство, в большинстве ратующее за войну до победы, сочувствия не встречает, и агитация против него падает на подготовленную почву.

«Характерно отметить, что в большинстве случаев наиболее подозреваемые офицеры в боевом отношении лучшие. Это явление об'ясняется невольною боязнью, что хорошие офицеры сумеют заставить наступать. Вывести нашу армию из того маразма, в который она впадает, могут только: 1) наступательные действия германцев, чего они умышленно, к сожалению, не предпринимают; 2) наступления наших армий при условии хорошей артиллерийской подготовки и несомненного успеха, иначе это может привести совершенно к обратным следствиям; 3) необходимо немедленно обратиться к офицерству со словом поддержки и веры в их доблесть со стороны правительства и общества; 4) принять меры, чтобы доказать солдатам фронта, что результат переворота — не улучшение положения только героев тыла, сидящих дома в полной безопасности, а и заботы о солдатах действующей армии. Для этого необходимо немедленно увеличить нищенское солдатское жалованье, пайки их семей и урегулировать вопрос о пенсиях инвалидам; 5) принять все меры к улучшению снабжения армии тяжелой артиллерией, продовольствием, фуражом и обмундированием; 6) для противодействия губительной пропаганде провокаторов и шпионов необходимо безотлагательное и широкое распространение среди фронта разумной литературы, ставящей благо родины выше партийных целей. Литература должна давать ответы на все волнующие вопросы и об'яснять значение и смысл всех юридических терминов, коими весьма легкомысленно оперируют полуграмотные люди».

Для борьбы с антивоенной пропагандой Масленников и Шмяков предлагали организовать поездки членов Государственной думы группами и прикрепление их к определенным районам фронта. При этом депутаты выражали пожелание, чтобы намеченные к поездке члены Государственной думы «не состояли раньше в правых партиях. Чем левее они будут, тем лучше».

Это пожелание было весьма характерно. Русская буржуазия с каждым днем убеждалась, что армию могут двинуть в бой только «левые». Усталость от войны, техническая отсталость, отсутствие продовольствия и фуража, а также и боевого снаряжения создавали па фронте положение, при котором солдатам было ясно, что дальнейшее ведение войны невозможно. А между тем аппетиты русской буржуазии, раздраженные ее победой внутри страны, требовали продолжения войны, чего бы это народу ни стоило. Союзники также настаивали на продолжении войны, требуя перехода в наступление. Однако выполнить эту задачу своими руками буржуазия не могла, она не имела ни авторитета, ни влияния на вооруженные массы. Для выполнения задачи продолжения войны нужны были «левые», и чем левее, тем лучше». Такими «левыми» продолжателями антинародного дела были социалисты всех соглашательских партий.

IV. Состояние армий и военные задачи.

Давление союзников на военные дела России не прекращалось ни на один день. Как только было организовано Временное правительство, так начались нажимы по военной и дипломатической линиям. Министр иностранных дел П. Н. Милюков был сторонником всех царских соглашений с союзниками и являлся выразителем империалистических вожделений русской буржуазии. В его лице союзники имели своего «надежного» человека во главе иностранной политики России. Несколько иначе обстояло дело в военном ведомстве, особенно в среде командных верхов ставки. Там особенно тяжело чувствовалась зависимость русских армий от различных соглашений с союзниками, — соглашений, продиктованных оперативными интересами англо-французских штабов. Французы и англичане не скрывали, что считают свои фронты главными, а все русские — лишь вспомогательными. Политическая и стратегическая зависимость России от союзников возмущала наиболее «независимых» военных деятелей ставки.

Напоминания о лежащих на русских армиях обязательствах начались уже в самом начале марта. Начальник французской военной миссии в России генерал Жанен передал 8 марта генералу Алексееву следующее сообщение от французского главнокомандующего генерала Нивеля: «В согласии с высшим британским командованием я назначил днем начала общих наступлений на западном фронте 8 число апреля (нов. стиля). Срок этот не должен быть изменен». Установление этого срока обязывало ставку начать немедленную подготовку к наступлению и начать его не позднее трех недель, т.-е. в первой половине апреля по ст. стилю. Однако состояние русских армий в это время было крайне тяжелое, и генерал Алексеев отказался от его выполнения в этот срок, предполагая начать выступление не раньше июня [1]).

---

[1]) См. «Семнадцатый год», кн. 2-я, стр. 52 и далее.

Но французское командование руководствовалось своими соображениями и не соглашалось вносить какие-либо изменения в намеченный им план. В ответ на письмо генерала Алексеева генерал Нивель предложил генералу Жанену передать в ставку, что «при современных условиях не представляется более возможным внести изменения в развивающиеся уже операции, а также в подготовительные к таковым мероприятия.

«Поэтому прошу вас сообщить изложенное генералу Алексееву и горячо настаивать перед ним на том, чтобы, невзирая на важные внутренние события, согласно решениям, принятым на конференции в Шантильи, и возобновленным после того обязательствам, русская армия оказала возможно полное содействие тем операциям, которые в настоящее время ведутся англо-французскими армиями, а также тем, которые будут предприняты ими в скором времени на других участках.

«Благоволите, кроме того, высказать генералу Алексееву мое мнение, что в настоящее время лучшим решением как с точки зрения успеха совместных военных операций союзников, так и с точки зрения морального состояния русской армии является переход этой армии в наступление, и притом как можно скорее» [1].

Франко-британское военное командование настойчиво игнорировало внутреннее положение в стране, настаивая на исполнении русским командованием взятых на себя обязательств. Заслуживает особенного интереса указание генерала Нивеля, что лучшее средство поднять моральное состояние русских армий, это — переход в наступление. Вскоре эта генеральская мысль приобрела себе сторонников как в среде высшего командования, так и в политических кругах Временного правительства.

События в России внесли большое беспокойство в правительственные круги стран, связанных с Россией царскими договорами. Все короли этих стран: бельгийский, итальянский, английский, запрашивали послов о положении дел, о дальнейших намерениях России. Посольства давали всяческие заверения; Временное правительство через Милюкова писало удовлетворяющие союзников ноты и давало интервью о войне до полной победы; но войска стояли, желанного союзникам наступления не было.

Дальновидные политики союзных правительств прекрасно понимали, что революция в корне подорвала старую систему власти, выдвинула иные общественные силы на смену ей. Зная из донесений своих послов, военных агентов и корреспондентов о том, что решающая роль в политике принадлежала массовым рабочим и солдатским организациям, союзные правительства решили использовать и эти силы. Генерал Алексеев уже 10 марта извещал председателя Совета министров Г. Е. Львова о том, что «начальник французской военной миссии в России генерал Жанен обратился к министру военных дел Франции с предложением, чтобы послед-

---

[1]) См. письмо в приложении седьмом.

ний вошел в сношения с французскими социалистическими организациям по вопросу об обращении последних к соответствующим организациям с призывом продолжать войну до победного конца.

«Ныне генералом Жаненом получен от французского военного министра ответ, что французские социалистические организации обратились к соответствующим русским организациям с призывом продолжать войну до крайности» [1]). Русский посол в Париже Извольский телеграфировал П. Н. Милюкову от 11 марта подтверждение о том, что «французское правительство решило оказать содействие поездке в Россию трех членов социалистической партии: депутатов Мутэ, Кашена и Лафона... Все три упомянутые лица представляют все надлежащие гарантии... Предлагалось также отправить в Россию, кажется, лично известного вам депутата Лонге, но правительство отстранило его, как лицо не вполне надежное».

В тех же целях воздействия на русских социалистов и рабочих бельгийский король командировал в Россию своего министра Вандервельде. Переговоры относительно посылки бельгийской делегации вел военный представитель Прежбяно. В своем донесении от 21/23 марта Прежбяно сообщает о тревогах и опасениях бельгийского короля, вызванных русской революцией. Короля «всех бельгийцев» поразило больше всего введение у нас восьмичасового рабочего дня и привлечение армии к политической деятельности. Конечно, король уже принял все меры воздействия на русские дела,—его министр Вандервельде от имени бельгийской рабочей партии призывал социалистов нашей страны к войне до полной победы [2]).

26 марта (8 апреля по нов. стилю) генерал Алексеев получил от генерала Нивеля еще одно напоминание о необходимости наступления. «Во избежание какого бы то ни было неправильного толкования удостоверяю, что начатые французскими и английскими армиями операции не являются предварительными боями, служащими лишь методической подготовкой к позднейшим более серьезным операциям. Мы начинаем сражение с использованием всех сил, которыми мы располагаем, и рассчитываем продолжать его с полной энергией.

«Признаю безусловно необходимым начать таковое теперь же, дабы сохранить инициативу действий.

«Несмотря на указанные вами затруднения, с которыми приходится считаться русской армии, тем не менее представляется в высшей степени желательным, чтобы русские армии оказали мне содействие введением в дело возможно больших средств, и притом в возможно продолжительном времени, согласно существующему между нами соглашению».

В тот же день из ставки на имя генерала Десино (во французскую главную квартиру) была отправлена телеграмма, в кото-

---

[1]) См. дело Временного правительства, № 14. Архив Октябрьской революции.
[2]) См. донесение в приложении восьмом.

рой сообщалось, что «ввиду внесенной в запасные полки и батальоны деморализации под влиянием агитации и принимая во внимание и другие условия настоящей неурядицы в тылу, армия, по мнению военного министра, в течение трех-четырех месяцев не может получить укомплектований, а равно и лошадей. Вследствие сего принятые на конференциях в Шантильи и Петрограде решения должны подвергнуться изменениям» [1]).

Несмотря на тяжелое состояние русских армий, распутицу и волнения в войсках, о чем было хорошо известно французскому командованию, оно не желало входить в положение своего союзника, а настойчиво добивалось наступления. Через два дня после телеграммы ставки пришла от генерала Нивеля еще одна, извещавшая генерала Алексеева, что «атаки франко-британских армий начнутся в указанные ранее сроки и будут развиваться со всей предусмотренной полнотой, начиная с 9 апреля нов. стиля». Под влиянием этих настойчивых требований и попрежнему в интересах помощи союзникам были сделаны частичные попытки перехода в наступление.

Вопрос о необходимости пересмотра «наших стратегических предположений» был поднят впервые в телеграмме от 14 марта генералом Рузским, командовавшим тогда северным фронтом. Основанием для этого пересмотра, по мнению генерала Рузского, являлось предполагаемое изменение соотношения сил на фронте союзников. По предположению генерала Рузского, немцы выпрямлением своей линии достигали сокращения своего фронта на 160 километров и в результате получали освобождение для маневров до 40 дивизий. Эти свободные силы, по предположению генерала Рузского, немцы могли бросить против России, используя происшедшие внутри страны события. Исходя из этих предположений, генерал Рузский указывал ставке на военную необеспеченность силами направления на Петроград, требовал подкрепления. На эти предположения генерала Рузского ответ из ставки, подписанный генералом Алексеевым, был дан 16 марта. По основному вопросу об изменении стратегического плана генерал Алексеев не дал ответа, дожидаясь получения сведений о состоянии армий. По вопросу же о положении дел на фронте союзников, то предположения генерала Рузского генерал Алексеев находил неосновательными [2]). Однако проявленная немецкими войсками активность по всему фронту давала основания предполагать, что они не прочь использовать создавшееся в результате революции ослабление армий.

Переписка генерала Алексеева с военным министром А. И. Гучковым и французским генералом Жаненом [3]) относительно наступления и положения дел внутри страны и в армии была разослана

---

[1]) См. телеграмму в приложении девятом.
[2]) См. обе телеграммы в приложении десятом.
[3]) См. «Семнадцатый год», кн. 2-я, стр. 234—243.

всем главнокомандующим фронтами. В препроводительном письме генерал М. В. Алексеев предлагал прислать ему «совершенно откровенные заключения начальников, насколько революционное движение, стремящееся настойчиво проникнуть в войска боевой линии, отразилось на нравственной упругости этих войск».

Ответы главнокомандующих фронтами на переписку и запросы генерала Алексеева начали поступать в ставку уже 17 марта. Первым ответом являлось мнение генерала Рузского, заявившего, что «1) мы фактически лишены возможности выполнить обязательства, возложенные на нас совещанием в Шантильи и ныне пред'явленные нам в конкретной форме генералом Нивелем, не только в силу современного состояния наших армий, но и по условиям климатическим, ибо поздняя весна нынешнего года, которая на северном фронте еще даже не началась, не позволит развить вообще серьезные операции ранее первого мая ст. стиля.

«2) Текущие внутренние события отразились на армиях северного фронта весьма болезненно. Хотя период острых эксцессов, повидимому, уже начинает проходить, но во внутренней жизни войск происходит, несомненно, крайне тяжелый болезненный процесс, от которого армии освободятся нескоро. Вековые устои прошлого уклада войсковой жизни сброшены, а новые еще не созданы, вследствие этого внутренняя дисциплина, несомненно, расшатана. Весьма серьезно подорвано взаимное доверие между офицерами и солдатами, а также авторитет начальников. Новые взаимоотношения налаживаются с трудом. Более острая форма этих явлений наблюдается в 5-й армии, затем следуют 12-я и 1-я армии. В тылу, особенно в запасных частях фронта, где офицерский состав малочисленнее и слабее, расстройство внутренней жизни еще сильнее. Есть сведения о значительном дезертирстве в тыл, но собрать достоверные сведения о размерах такового пока не удается.

«3) Обеспечение армий северного фронта представляется в следующем виде: продовольствие — войсковые подвижные запасы — полностью, запасов неподвижных — для людей на 12 дней, для лошадей — на 10 дней. Получено несколько предостережений о предстоящем уменьшении подвоза. Намеченным обмундированием можно обойтись с трудом, сапогами весенняя потребность не обеспечена ввиду невыполнения главным интендантством за предыдущие месяцы поставок. Артиллерийскими запасами армии обеспечены лишь на текущую потребность, трехлинейных патронов для операции совсем нет, запаса таких же винтовок также нет. Запаса пулеметов также нет, но полки имеют пулеметов от 16 до 24. Запас подготовленных солдат в маршевых батальонах — около 34 тысяч, в запасных частях фронта — около 74 тысяч, но части эти теперь захвачены волнениями, и рассчитывать на подачу из них укомплектований в ближайший период времени трудно. Многие из людей разбрелись; так, есть сведения, что в 171-м запасном полку

(Красное Село) недосчитывают 4 тысячи солдат. Полная же потребность фронта в людях для покрытия всех частных некомплектов и обеспечения ведения операции на первое время — свыше 250 тысяч, итого нехватает 150 тысяч. Некомплект лошадей — около 45 тысяч».

Исходя из этих основных моментов, главнокомандующий северным фронтом предлагал «сосредоточить все усилия, не теряя ни одного дня, на усилении обороноспособности, на всем фронте и особенно на плацдармах левого берега Двины» [1]). Ответ генерала Рузского, по своей продуманности и независимости по отношению к требованиям союзников, являлся наиболее трезвым учетом создавшегося положения. Его политические и стратегические расхождения со ставкой явились причиной его замены генералом Драгомировым.

Иное по тону и содержанию было в докладе-ответе временного главнокомандующего западным фронтом генерала Смирнова. Не дожидаясь сведений от подчиненных ему начальников о состоянии армий, он поставил для себя задачу доказать, что наступление для нас было выгоднее обороны. «Решительные действия нынешним летом, и притом в первой его половине, неизбежны, — писал генерал Смирнов, — так как, если не откроем их мы, то это сделает наш противник, при чем последнее может не случиться лишь в том случае, если противник будет разбит союзниками на западном театре, на что мы не имеем права рассчитывать с достаточной уверенностью, особенно, если не окажем им со своей стороны решительного мощного содействия». Создав такую петлю безвыходности, генерал Смирнов, игнорируя материальные условия, сложившиеся в то время в стране, ставил и решал вопрос о том, «можем ли мы вести наступательную операцию или должны перейти к обороне». Начавшееся расстройство в военном деле генерал Смирнов считал одинаково вредным как при наступательных, так и оборонительных операциях. Решающее значение этот генерал придавал неизбежности борьбы и помощи союзникам, которая требовала наступления, а потому он высказывался за его немедленное осуществление. В целях оздоровления армии и избавления ее от революционных зараз генерал считал полезным активный способ действия, так как «чем скорее втянем войска в боевую работу, тем они скорее отвлекутся от политических увлечений, и тем безболезненнее пройдет процесс внутреннего переустройства армии. В этом отношении, не будь условий позиционной войны, нужно было бы перейти в наступление теперь же; в настоящей же борьбе за укрепленные позиции это невозможно без длительной подготовки» [2]). Подобные соображения о политической необходимости наступления высказывали наиболее откровенные враги революции. Для них революция, да еще во время войны, была лишь лихой болезнью, от которой могла спасти только

---

[1]) См. доклад в приложении одиннадцатом.
[2]) См. доклад в приложении двенадцатом.

хирургическая операция. Для производства этой операции внутри не было сил, а использовать удачно немцев можно было лишь под флагом наступления. Вот почему большинство наиболее ярких контр-революционеров кричало о наступлении, понимая прекрасно, что в тех условиях материальных недостач в продовольствии, снарядах и вооружений, в которых находилась армия весной, наступление являлось авантюрой, но оно было необходимо как средство политического воздействия на солдат и рабочих.

Восемнадцатого марта пришло извещение из штаба главнокомандующего юго-западным фронтом о том, что там состоялся «военный совет» всех командиров фронта под председательством генерала Брусилова, на котором было решено, что: «1) Армии желают и могут наступать. 2) Наступление вполне возможно в мае. Это наша обязанность перед союзниками, перед Россией и перед всем миром. 3) Это наступление избавит нас от неисчислимых последствий, которые могут быть вызваны неисполнением Россией ее обязательств и попутно лишит противника свободы действий на других фронтах. 4) Некоторый недостаток средств заставит лишь несколько сузить размер наступления. 5) Нужно главное наладить продовольствие и регулярный подвоз, а это в средствах России и должно быть сделано. 6) Настоятельно просим, чтобы никаких шагов перед союзниками в смысле отказа от выполнения наших обязательств не делалось. 7) Армия имеет свое мнение, — мнение Петрограда о ее состоянии и духе не может решать вопрос; мнение армии обязательно для России; настоящая ее сила здесь на театре войны, а не в тылах». Телеграмма имела подписи Брусилова, Баланина, Щербачева, Каледина и Балуева. Вся телеграмма имела характер политической программы, выражавшей взгляды генеральских верхов, особенно ярых вояк.

Через несколько дней генерал Брусилов прислал в ставку генералу Алексееву рапорт, мотивирующий подробно каждый пункт присланной телеграммы от 18 марта. Не отрицая тяжелого положения страны, генерал Брусилов, однако, полагал, что «нам не следует отказываться от принятого и проводимого в жизнь плана действий; мы должны атаковать противника, так как это — единственный выход при создавшейся обстановке. При обороне мы будем непременно разбиты, ибо противник легко может прорвать наше расположение в любой точке, и тогда мы все потеряем. Ибо из обширного опыта войны с полной достоверностью получился вывод, что при систематической атаке с достаточными техническими средствами, которыми притом наш враг богаче нас, обороняющийся всегда проигрывает». Мнение А. И. Гучкова о моральной неустойчивости войск, особенно резервных, генерал Брусилов считал преувеличенным, а на юго-западном, своем, фронте находил «настроение в войсках пока отличное, и все хотят и ждут наступления». Наоборот, он полагал, что пассивность может повредить, убить это настроение. Материальные недостатки его также не смущали: это сокращало лишь размах наступления. Кроме того,

«важнейший фактор войны — дух войск — при таком способе действий может восполнить недостаток сил и технических средств» [1]).

Авторитет генерала Брусилова был в то время огромный. Его считали одним из наиболее способных вождей армии, доказавшим свое уменье побеждать противника. Мнение генерала Брусилова о способах дальнейшего ведения войны, изложенное в его докладе и телеграмме, встретило поддержку ставки. Позицию пяти генералов поддерживал и генерал Гурко [2]). В своей телеграмме в ставку он полагал, что «как бы ни были мы бедны средствами, все же лучше и выгоднее наступать даже без полной уверенности в успехе, чем, уступив инициативу в руки противника, обречь себя на необходимость подчиняться его решениям и затыкать угрожаемые им места». Генерал Гурко, вступивший тогда на пост главнокомандующего западным фронтом, особенно подчеркивал нашу обязанность «оказать союзникам активную помощь,—и только в этом случае мы можем требовать от них выполнения взятых на себя ими обязательств. Если же они увидят нашу неспособность к активным действиям, если они придут к сознанию, что наше государственное расстройство сделало армию и страну небоеспособной, то они будут считать себя свободными от принятых по отношению к нам обязательств. Таковы мои впечатления, вынесенные из сношения со многими из представителей союзных государств на конференции. Считая же себя свободными от обязательств, последние легко могут заключить выгодный для них сепаратный мир за наш счет с немцами, которые на это пойдут легко, так как они в сущности ничего не ищут от западных держав и вполне могут быть удовлетворены за счет России как в пределах Европы, так и на Ближнем Востоке». Мысли и слухи о готовности союзников заключить с немцами сепаратный мир за счет России передавались и в кругах Временного правительства, с очевидной целью запугать «революционную демократию».

Генерал Алексеев сообщил военному министру А. И. Гучкову особым письмом от 30 марта отношение главнокомандующих фронтами на его запросы.

Изложив, в основном, взгляды всех главнокомандующих и выделив особое отношение к ближайшим военным задачам генерала Рузского, генерал Алексеев изложил и свой взгляд. Начав с признания нашего положения крайне тяжелым, как в продовольственном отношении, так и по состоянию транспорта, запасов металла, а также «недобросовестное поведение рабочих Петроградского района», генерал Алексеев считал, что «обречь себя на оборону до июня-июля мы не имеем права». В чем заключалось «недобросовестное поведение рабочих», догадаться нетрудно: питерские пролетарии осуществляли 8-часовой рабочий день, требовали

[1]) См. рапорт в приложении тринадцатом.
[2]) См. его телеграмму в приложении четырнадцатом.

повышения заработной платы, а главное — не обнаруживали особого воинствующего настроения.

Необходимость наступления мотивировалась им и необходимостью выполнения обязательств по отношению к союзникам, ибо «отказ от обязательств, принятых нами перед союзниками, поставит нас в совершенно исключительное положение и может вызвать с их стороны соответственные меры».

В успешность оборонительной войны, как предлагал генерал Рузский, генерал Алексеев не верил и прямо заявлял, что «рассчитывать на успех обороны мы не можем. Растянутый на 1.650 верст, наш стратегический фронт не допускает везде иметь сильные резервы; противник всегда будет иметь возможность собрать более сильную ударную группу и достигнуть успеха ранее, чем мы соберем надлежащие силы для обороны, пользуясь нашей слабо развитою и совершенно неприспособленной ныне к интенсивным перевозкам железнодорожной сетью.

«Недавний опыт боя за Червищенский плацдарм, к сожалению, говорит за то, что и стойкость войск в обороне понесла за последнее время значительный ущерб. Это еще более делает опасным первоначальный удар сосредоточенных сил немцев.

«Можно сказать, что чем слабее устойчивость войск, тем труднее для них оборона, тем желательнее предпринять с ними активные действия. Первоначальный успех может вызвать воодушевление, под'ем духа, что в связи со сбором сил в точке удара может обеспечить широкий успех и парализовать предприятия неприятеля на других фронтах».

Таковы были доводы ставки и значительной доли генералитета в пользу новой военной авантюры — подготовки наступления. На успех этого наступления надежды не было. Тяжелое положение со всеми видами снабжения грозило катастрофой, но генерал Алексеев делал вывод: «как ни тяжело наше положение, нам нужно начать весеннюю кампанию наступлением, что отвечает и настойчивым желаниям союзников» (приложение — последняя телеграмма генерала Нивеля).

«С таким решением нужно сообразовать, в мере возможности, и нашу подготовку. Повторяю, будем ли наступать, обречем ли себя на отбитие ударов противника, нам одинаково нужны будут патроны, снаряды, тяжелая артиллерия, укомплектования. Невозможно допустить повторения 1915 года: мы теперь находимся в неизмеримо худших условиях как в отношении нравственного настроения, так и глубины театра действий».

Для осуществления наступательной операции генерал Алексеев требовал еще артиллерии, снарядов, патронов, людей и лошадей [1]).

Временное правительство согласилось с доводами ставки, и план наступления был принят. Во исполнение его была дана ди-

---

[1]) См. письмо генерала Алексеева в приложении пятнадцатом.

ректива, подтверждавшая основные положения выработанного ранее наступательного плана. 30 марта из ставки была разослана следующая телеграмма всем главнокомандующим: «Из донесений главнокомандующих на сделанный им запрос, какое влияние могут оказать переживаемые ныне государством события и известное расстройство в вопросе снабжения армий на характер наших военных решений на предстоящую весеннюю и летнюю кампании, видно, что большинство полагает, что нет причин для внесения изменений в основную идею уже принятого плана и сообщенного главнокомандующим телеграммой 25 января 1917 года, № 22. Сохранение идеи наступательных действий тем более желательно, что производимое ныне противником сокращение своего западного фронта может представить в его распоряжение значительные резервы и возможность, при посредстве их, произвести наступление против нас, чтобы использовать предполагаемое внутреннее расстройство как армии, так и государства.

«Союзники наши начали 27 марта решительные действия против немцев на западном фронте.

«Учитывая настоящую обстановку, наши обязательства перед союзниками, принимая во внимание общее состояние армии и ее снабжение, я решил сохранить общую идею плана, указанную в телеграмме № 22, и при благоприятных условиях, по возможности в первых числах мая, произвести ряд наступательных действий.

«Если противник предупредит нас, то на замышляемые им удары, по мере их выяснения, особенно же против северного фронта с угрозою столице, ответить или общим переходом в наступление всеми фронтами или, сообразуясь с обстановкою, ударом двух фронтов там, где наши приготовления будут более закончены.

«Считаю нужным при этом напомнить, что при выполнении этой задачи необходимо соразмерить наши действия с наличными средствами. Необходимо внимательно разработать план действий, определить наиболее слабые и уязвимые места в неприятельском расположении. Считаю, что наша сильная числом пехота, даже при относительно слабой артиллерии, своевременно поддержанная резервами, прорвет расположение противника, а надлежаще и благовременно использованные главные силы фронта могут развить первоначальную удачу до широких пределов» [1]).

Во время обмена мнениями между главнокомандующими, ставкой и Временным правительством по вопросу об обороне и наступлении произошел небольшой прорыв позиции 3-й армии в районе Червищенского плацдарма. Этот случай поражения наших войск был широко использован всей буржуазной печатью. «Прорыв» фронта под Стоходом буржуазия пыталась использовать против «дезорганизаторов» армии, считая неудачу на Стоходе «первым предупреждением». Газета «Речь» приписывала неудачи на этом участке фронта перевыборам командного состава, в результате чего

[1]) См. приложение шестнадцатое.

будто бы получилось ухудшение качества командиров. Однако произведенное солдатскими организациями расследование вскрыло иные причины. Эти причины заключались в преступном небрежном отношении к своим обязанностям со стороны высшего командного состава. Военный министр был весьма заинтересован положением дела на Стоходе и тотчас по получении тревожных известий вызвал по прямому проводу генерала Алексеева. Из их разговора картина положения дел на Стоходе была совершенно иная, чем в описании буржуазных газет. Гучков просил Алексеева сообщить «подробности положения дела на Стоходе». Отвечал сам генерал Алексеев. «Червищенский плацдарм защищали полки 3-го корпуса, в составе бригады 27-й дивизии, бригады 73-й дивизии и трех полков 3-й стрелковой дивизии, под общим начальством генерала Янушевского. До настоящего времени полной картины события восстановить еще нельзя до окончания расследования. Предварительные сведения сводятся к следующему: с четырех часов противник открыл сильный артиллерийский огонь сначала по штабам дивизии и наблюдательным пунктам, батареям и мостам, частью химическими снарядами; на батареях много отравленных. Засим методический огонь перенесен на резервы, сначала дивизионные и полковые, затем на батальонные. После этого огонь перенесен на первую линию окопов, которая была разрушена; с 13 часов началась газовая атака, выпущено до 13 волн газа, но, проходя над водою Стохода, газ доходил до окопов в сильно разреженном виде. Первый натиск был произведен на 19-й стрелковый полк, занимавший участок к западу от деревни Рудка Червище; под прикрытием артиллерийской завесы немцы сбили стрелков, оттеснили их к переправам, вследствие этого 17-й и 18-й стрелковые полки оказались отрезанными от мостов. Связь с этими полками сразу же была утрачена, и из батальонов, находившихся на левом берегу Стохода, вернулось по нескольку десятков человек от каждого полка. Опрос этих людей должен выяснить ход боя 17-го и 18-го стрелковых полков, но донесений я еще не имею. Часть прорвавшегося противника стала распространяться к северу в направлении на деревню Рудка Червище, заставив тем бригаду 73-й дивизии загнуть свой левый фланг; но положение дивизии стало крайне тяжелым, так как немцы весьма энергично продолжали развивать успех и после сильной артиллерийской подготовки, повели атаку силою не менее двух полков на высоту севернее Рудки Червище и заняли ее. Вследствие этого командир корпуса приказал частям 73-й дивизии отходить на правый берег Стохода. Исполнение этого начато с наступлением темноты, но отходить пришлось под сильным напором противника. Насколько возможно, приведенные в известность потери выражаются в таком виде: от 17-го стрелкового полка сохранились две роты и от 18-го одна, бывшая на правом берегу Стохода. Из остальных, как я сказал, вернулось по нескольку десятков человек. Командиры 17-го и 18-го полков убиты. От 108-го Саратовского полка пока собралось 300 человек при семи офицерах. Командир полка

убит. 19-й стрелковый и 292-й полки имеют по 700 штыков, 290-й и 107-й полки имеют по два батальона. О потерях в материальной части донесений пока не имею и думаю, что до расследования более или менее определенных данных не получу. Причинами тяжких потерь и неудачи считаю прежде всего слабость нашей артиллерии и особенно тяжелой, по сравнению с неприятелем. Наша артиллерия не имела возможности бороться с неприятельской артиллерией и сколько-нибудь ослабить силу ее огня. Во-вторых, отсутствие умелого управления боем, так как из войск резерва не были использованы части армейского резерва. Армейские резервы были слишком удалены, хотя обстановка подсказывала, что удар будет нанесен именно на Червищенский плацдарм. В-третьих, для меня совершенно еще неясно поведение 19-го стрелкового полка, который, повидимому, не проявил той степени упорства и доблести, которую он должен был проявить, занимая ответственнейший участок позиции. В-четвертых, начальник, управлявший боем, не поддержал этого полка, чтобы восстановить положение и не пожертвовать 17-м и 18-м стрелковыми полками. В настоящее время 3-й корпус отошел на правый берег Стохода; все мосты уничтожаются, вместо пострадавших полков подведена свежая 100-я пехотная дивизия, и во временное командование корпусом вступил генерал Гаврилов.

«Гучков. — Может ли противник использовать далее полученный успех?

«Алексеев. — Нет, для этого нужно исполнить очень трудную переправу через Стоход. Его цель заключалась в том, чтобы сбить наши войска с левого берега и, вероятно, воспользоваться частью сил, находящихся на Стоходе для переброски или на какой-нибудь участок нашего фронта или на англо-французский фронт. Почти на месяц Стоход обращается в пассивный участок для обеих сторон. Червищенский плацдарм и представлял для нас выгоду постоянной угрозы противнику, который должен был здесь держать довольно значительные силы. Повидимому, противник стремится к тому, чтобы действовать против подобных же наших плацдармов. Сегодня был бой 6-й армии приблизительно при таких же условиях; две атаки благополучно отбиты 11-м Кавказским стрелковым полком. Подготовляется удар в районе расположения 10-го корпуса 2-й армии. Ход боя на Червищенском плацдарме является для нас поучительным, что, перейдя к строго пассивной обороне на время предстоящей кампании, мы рискуем многим, ибо для оборонительного боя при слабости нашей артиллерии и при пониженной боеспособности пехоты мы менее пригодны, чем для наступательного порыва, — в последнем мы можем приподнять нравственный элемент в войсках. Потери наши не будут больше, чем при тяжкой обороне; успех возможен, и, даже в худшем случае, дело сведется к сохранению обеими сторонами своих позиций и прежнего положения. Это приходится принять во внимание при решении вопроса, что делать и как нам действовать во время весенней кампании.

«Гучков. — Как определяете вы общую цифру наших потерь?

«Алексеев. — Предполагаю, что потери достигают от 6 до 7 тысяч человек, имея в виду, что в течение ближайших дней подойдет довольно большое число людей в 108-м полку, в 292-м, в 290-м и 107-м. Так как, к сожалению, тяжелый бой всегда сопровождается энергичным течением слабых элементов в тыл, подберутся люди и 19-го стрелкового полка, 21 роты 17-го и 18-го стрелковых полков, нужно считать погибшими около трех с половиной тысяч человек.

«Гучков. — Командир 3-го корпуса генерал Янушевский был уже намечен по соглашению с вами к увольнению. Если вы признаете, что им допущены ошибки в управлении боем, не признаете ли правильным немедленно отрешить его от командования корпусом? Это явится поучительным примером для других. Очень просил бы принять такое решение.

«Алексеев. — Еще во время боя потребовал от генерала Смирнова об'яснений по поводу туманных событий, сопровождавших бой. Как только получу несколько подробностей сверх того, что я мог изложить вам, на основании пяти-шести коротких телеграмм из 3-й армии, указанную вами меру осуществлю, тем более, что фактически в командование корпусом уже вступил, хотя и временно, другой генерал, хотя некоторые подробности мне необходимы для окончательного вывода, кто является наибольшим виновником в этом несчастном событии.

«Гучков. — В заключение еще раз убедительно прошу вас, от имени Временного правительства и от моего, безотлагательно провести ту программу обновления командного состава, которую мы с вами выработали во время моего приезда в ставку. Имеете ли что-нибудь сказать?

«Алексеев. — Больше сказать ничего не имею. Главнокомандующим программа сообщена полностью, и теперь идет подбор заместителей. Надолго это не задержится, нужно будет только согласить интересы фронтов, так как, например, генерал Брусилов просит дать ему генералов с западного и румынского фронтов, но и эти последние обновляют свой состав, а северный фронт особенно беден сколько-нибудь выдающимися силами. Как только получу от всех донесения, как только состоится распределение, безобидное для всех фронтов, наиболее энергичных и способных людей, — так программа будет приведена в исполнение».

Из этих переговоров ясно видна ответственность высшего командного состава за происшедшее поражение, стоившее жизни нескольким тысячам солдат. Спекуляция буржуазной печати вызвала резкие протесты со стороны солдатских и офицерских организаций. Солдатские и некоторые офицерские организации, производившие расследование о причинах поражения на Стоходе, нашли ряд преступных упущений. Приказ генерала Алексеева, при всей его снисходительности к офицерскому корпусу, тоже отмечал, что

«главные причины столь крупного неуспеха» заключались в том, что: «1) артиллерийская поддержка, вследствие дальнего расположения артиллерии, была совершенно недостаточна; 2) плацдарм, подготовленный для наступления, повидимому, не был соответственным образом приспособлен для обороны; 3) на узком плацдарме, сплошь перерытом окопами и не имеющем тыла, с незначительным числом надежных переправ через Стоход, с крайней затрудненностью маневрирования было сосредоточено чрезмерное количество войск, ставших легкой добычей противника. Неоднократные указания о необходимости внимательно относиться к подготовке обороны позиций, а также на недопустимость насыщения войсками передовой линии в данном случае совершенно не были соблюдены. Такое отношение старших начальников к столь серьезному вопросу и дало в результате катастрофу, которая постигла 3-й корпус» [1]).

Влияние этих событий на моральное состояние войск было крайне тяжелое. Солдаты с каждым новым действием видели и чувствовали на себе явное техническое превосходство немцев и нищету и техническую немощь своих сил. Отсутствие интереса к войне, да еще в условиях технической отсталости, чрезвычайно понижало так называемый «боевой дух» солдат. Эта техническая отсталость приобретала для наших армий решающее значение как при обороне, так и при наступлении. Оборону при таком состоянии техники солдаты все же выдерживали лучше, чем наступление, если она была подготовлена. От огня немецкой артиллерии солдаты находили убежище в земле, порой — в воронках, вырытых снарядами, и оказывали сопротивление продвижению живой силы противника. Наступление же, при отсутствии собственной артиллерии, в большинстве случаев заканчивалось истреблением солдат у первых проволочных заграждений. Поэтому солдаты легко принимали лозунг «обороны», понимая его буквально, и не хотели итти во имя этой «обороны» в наступление.

Первые попытки моральной подготовки армии к наступательному движению, начавшиеся в конце марта и в первых числах апреля, положительных результатов не дали. Настроение солдат все больше и больше склонялось к признанию необходимости мира. Верховный главнокомандующий генерал Алексеев в письме к А. И. Гучкову от 16 апреля признает, что «положение в армии с каждым днем ухудшается; поступающие со всех сторон сведения говорят, что армия идет к постепенному разложению.

«1) Дезертирство не прекращается: в армиях северного и западного фронтов дезертировало с 1 по 7 апреля 7.688 солдат как с передовых позиций, так и из запасных и ополченских частей, подчиненных фронтам; в армиях юго-западного и румынского фронтов только с передовых позиций за то же время дезертировало 347 солдат. Цифры эти фактически явно и значительно преуменьшены.

---

[1]) См. приложение семнадцатое.

«Это зло, с которым необходимо начать борьбу теперь же, так как нет возможности далее откладывать этот острый вопрос, постыдно ложащийся на русский народ, в котором уснуло сознание долга. Меры необходимы решительные — лишение дезертиров прав на паек, лишение права выбора в Учредительное собрание, лишение права на какое-либо земельное улучшение в будущем и т. д.

«2) Дисциплина в армии с каждым днем падает все больше и больше; виновные в нарушении воинского долга относятся к грозящим им уголовным карам с полным равнодушием, основанным, повидимому, на ожидаемой безнаказанности.

«3) Авторитет офицеров и начальников пал, и нет сил восстановить его. В среде офицеров под влиянием незаслуженных оскорблений и чинимых над ними насилий, под влиянием устранения их от фактической власти над своими подчиненными или передачи таковой под контроль солдатских комитетов, при невозможности восстановить подорванное в корне доверие и устранить все более и более разраставшуюся рознь — дух офицерского корпуса падает все более и более.

«4) В армиях развивается пацифическое настроение. В солдатской массе зачастую не допускается мысли не только о наступательных действиях, но даже и о подготовке к ним, на каковой почве происходят крупные нарушения дисциплины, выражающиеся в отказе солдат от работ по сооружению наступательных плацдармов (2-й корпус).

«Произведенными дознаниями в 9-й армии устанавливается как первоисточник такого настроения солдат декларация правительства об отказе от завоеваний и аннексий.

«Некультурная масса неспособна понять, что, пассивно обороняясь, не только невозможно победить, но что это ведет к неизбежному поражению армии, а следовательно, к поражению народа, гибели России и потере всех свобод, только что добытых народом.

«5) Пораженческая литература и пропаганда свила себе прочное гнездо в армии.

«Эта пропаганда ведется в армии с двух сторон — и со стороны противника и с тыла; она, как я уже имел случай сообщить вам в одном из своих писем, имеет между собой тесную связь.

«Из прилагаемого при сем текста воззвания к «пехотинцам» вы усмотрите, какая тесная связь устанавливается между нашей пехотой и пехотой противника; из другой прокламации вы увидите, как много общего имеет литература, подбрасываемая или передаваемая противником в наши окопы, с той литературой, которая ведется в пораженческих листках и пропаганде в нашем тылу. Эту последнюю пропаганду ведут прибывшие с маршевыми ротами из России агитаторы...

«Обратив все свои взоры на запад, где наши союзники, неуклонно идя к цели, создали для германцев большие затруднения,

последние, напустив целую сеть шпионов в тылу и не жалея денег на преступную пораженческую агитацию, спокойно и систематично атакуют нашу армию и с фронта и с тыла, безошибочно строя все свои расчеты на недостаточной сознательности солдатской массы, на развале нашей армии, к которому она близится. Тогда австрогерманцам не надо будет особых усилий, чтобы разбить разложившуюся русскую армию и заставить Россию заключить тот мир, который Германии необходим.

«Мой долг повелевает мне закрывать глаза на происходящее, и я, как верховный главнокомандующий, не устану повторять вам и в лице вашем — правительству, что родина наша в опасности.

«Разложившаяся армия — не армия, а вооруженная толпа, страшная не для врага, а для своего народа и для той свободы, которую он только что завоевал.

«Нам пора уже перестать бояться возможности революции справа, так как в России нет ни одной партии, которая желала бы возвращения к старому порядку вещей.

«Нам нужно остановиться в нашем течении в сторону утопических вожделений и всем, всей России, всем партиям без различия их программ громко сказать: родина в опасности.

«Громко и открыто заявить России о тех язвах, которые разлагают ее армию, и немедленно лечить их. С большим удивлением читаю отчеты безответственных людей о «прекрасном» настроении армии. Зачем? Немцев не обманем, а для себя это — роковое самообольщение.

«Надо назвать вещи своими именами, и это должно сделать Временное правительство, трезвая печать, общество, все партии, пользующиеся авторитетом масс и коим дорога свобода народов, населяющих Россию.

«Надо прекратить дезертирство, поднять дисциплину, поднять престиж и авторитет офицера, призвать солдат к безусловному повиновению начальникам и неумолимо, без вредных уступок, карать непокорных со всей строгостью законов.

«Надо прекратить преступную пораженческую агитацию тыла и вести самую настойчивую агитацию победы, осудить пассивную оборону, как ведущую к неизбежному поражению, порабощению России и потере всех свобод.

«Все это ныне слишком трудно выполнить старшим начальникам и корпусу офицеров, так как усилиями враждебно настроенных к власти масс авторитет офицеров, как представителей ее, подорван, а местами и совсем не существует.

«Поэтому считаю, что путем не вызывающих никаких сомнений, с полной определенностью и твердостью выраженных приказов или других правительственных актов, а также всем русским обществом должна быть начата самая энергичная борьба с начавшимся развалом армии, при чем эти здравые призывы к восстановлению мощи армии должны раздаваться неумолчно, гасить преступную пораженческую и пацифическую пропаганду и бороться

всеми доступными способами с провокационною деятельностью печати и литературы».

Генерал Алексеев правильно учел, что вся беда для армии была в «пацифизме», — стремлении к миру, которое он определял как «пораженчество» тыла. Временное правительство было совершенно согласно с ним, что нужно прекратить эти явления, ослабляющие армию, но было бессильно в осуществлении предлагаемых им мероприятий. Закрыть газеты противников войны, заставить рабочих замолчать, разогнать их организации, советы, союзы, партии — для приведения в исполнение такого плана подавления революции ни у Временного правительства, ни у ставки не было ни сил, ни решимости.

В офицерской среде также не все были солидарны по вопросу о дальнейших способах ведения войны. Мнение генерала Рузского о недопустимости наступления имело немало сторонников. Кроме того, общее стремление к миру не было чуждо и офицерству, особенно составу военного времени. Борьба Советов с империалистическими намерениями российской буржуазии, опираясь на поддержку солдат, дезорганизовала и офицерство. Значительные круги последнего принимали на своих с'ездах также резолюции против «аннексий и контрибуций», хотя и стояли на почве борьбы до победы. Наступательный пыл понижался по всей командной линии.

Верховный главнокомандующий генерал Алексеев проявлял все время признаки колебаний. Приняв план подготовки наступательной операции, генерал Алексеев все время бил тревогу, требовал от Временного правительства различных мероприятий, способных, по его мнению, спасти армию. Все его тревоги привели лишь к тому, что А. И. Гучков, придя в отчаяние, вышел из состава Временного правительства.

Последнее письмо генерала Алексеева к военному министру А. И. Гучкову от 28 апреля свидетельствовало о новых колебаниях и падении наступательного пыла даже у генерала Брусилова. «Письмом от 29 марта № 2639 я сообщил вам оперативные предположения на весеннюю и летнюю кампании 1917 года, высказав, что в основу наших действий должно быть положено наступление и атака противника. Этого мнения держалось и большинство главнокомандующих, кроме северного и особенно кавказского.

«В соответствии с этим мною 30 марта отдана директива армиям, и начата техническая подготовка.

«Осуществимость решений зависит исключительно от нравственного состояния армий. Я рассчитывал, что к середине мая тяжкая духовная болезнь, охватившая армию вследствие быстро пережитых событий, сильного натиска пропаганды и поспешного проведения реформ, расшатывающих прочность и дисциплину армий, ослабляет настолько, что мы способны будем начать атаку, а первый успех поднимет угасший воинский дух войск.

«Я рассчитывал на наиболее прочные корпуса, которые своим первым порывом и примером оздоровят больной организм армии и вернут всех солдат ее к сознанию необходимости исполнить честно свой долг перед отечеством.

«Не считаю возможным скрыть от вас выдержку из телеграммы генерала Брусилова от 24 апреля:

«После представления решения совещания 18 марта обстановка значительно изменилась в худшую сторону.

«Выяснилось: 1) что на достаточный и современный приток укомплектований рассчитывать нельзя, и по всей вероятности части к началу операции далеко не будут доведены даже до их штатного состава.

«2) Внутреннее состояние войск под влиянием все не прекращающейся германской пропаганды и пагубного внесения политики в части значительно ухудшилось и, несмотря на все принимаемые строевым начальством меры, грозит развалом их.

«3) Значительное ухудшение подвоза продовольствия, вызвавшее систематическое недоедание, отразилось на физическом и нравственном состоянии войск, вызывая чувство озлобления, а крайний недостаток фуража влечет за собою усиленный и угрожающий падеж лошадей, в которых и без того ощущался громадный недостаток.

«4) Малый приток ружейных патронов препятствует достаточному обеспечению ими фронта в период операций».

«Все начальники сделают, конечно, все от них зависящее, чтобы приподнять пораженное пропагандою и политикою настроение войск. Но нужно скорее притти к нам на помощь мерами, указанными в моих письмах к вам от 16 и 24 апреля за №№ 3056 (2830) и 2905. Мы сами не можем исполнить этого, ибо наши организации и наш печатный орган не могут, при данной обстановке, приобрести влияния и авторитета в подозрительной и нехорошо настроенной массе.

«Спешно проведенное увольнение из рядов войск людей 40-летнего и старше возраста сразу ослабило наши ряды, особенно на юго-западном фронте. Приток маршевых рот недостаточен, чтобы покрыть убыль, да и самые роты прибывают в ослабленном сильно составе, ибо позорное бегство в пути солдат продолжается. Нужно усилить высылку укомплектований.

«О недостатке продовольствия и фуража вы знаете. Должен прибавить, что и на этой почве ведется деятельная пропаганда. Из разговоров в комитетах армий, мною посещенных, видно, что и это, как и недостаточное снабжение патронами, ставится в укор военному начальству. Вы видите, насколько необходимо принять исключительные меры, привлечь к работе представителей армейских комитетов, чтобы встряхнуть наше население, взять от него все для прокормления армии и крупных центров, ибо без этого, без скорого прилива достаточного продовольствия улучшить духовное состояние нашего солдата весьма трудно.

«Повторяем, мы сделаем все от нас зависящее и для нас возможное, чтобы выполнить наступление, которое одно считаю спасительным для России и армии. Но общее состояние солдатской массы может разбить нашу волю и искреннее желание».

Наступление при таком положении дел в армии ничего, кроме поражения, сулить не могло. Почему же генерал Алексеев считал его, несмотря на это, «спасительным для России и армии»? Этот секрет заключался в расчетах на то, что полученная в результате наступления встряска «оздоровит» и отрезвит солдат как в тылу, так и на фронте. Военные руководители надеялись, что предметный урок окажет благоприятное действие и побудит Временное правительство и Советы пересмотреть их деятельность в области демократизации армии. Демократизация армии была вызвана прямым недоверием к командному составу. Это недоверие не исчезало даже тогда, когда командный состав пытался заверить советские круги в верности идеалам революции, как это было с генералом Корниловым. Партии советского большинства скоро вынуждены были итти по линии сглаживания недоверия к командному составу. На обязанности комиссаров Совета рабочих и солдатских депутатов, находившихся в частях Петроградского военного округа, была возложена задача поднятия авторитета «своих», т.-е., по их пониманию, преданных революции, офицеров. Те же обязанности возлагались и на войсковые комитеты. Но все эти меры не могли восстановить былого подчинения и былой «твердой дисциплины», дававшей командирам возможность двигать вооруженную силу, не считаясь с ее моральным состоянием и еще меньше — с желанием. Офицеры искренне не понимали, как можно требовать от них подготовки к наступательным операциям и в то же время «демократизировать» армию, т.-е. фактически лишать их значительной доли власти и ставить в зависимость от солдатской воли. Демократизация армии являлась одновременно деморализацией офицерского корпуса. Расчеты на демократизацию, как средство предупреждения и борьбы с контр-революционным офицерством, оказались правильными. Комитеты парализовали возможность использования вооруженной солдатской массы против революции. Расчеты же на поднятие, при помощи тех же комитетов, боеспособности армии, оправдаться не могли. Если в первом случае они шли по линии непосредственных классовых интересов вооруженных масс, выигравших от революционного переворота, то во втором — они не видели защиты своих интересов. Все их интересы были в тылу, в деревенском хозяйстве, а не за проволочными заграждениями немецких войск. Если до революции это чувство сковывалось «железной» дисциплиной и поддерживалось прямой физической расправой, то после революции эти способы применять стало совершенно невозможно. Солдаты не хотели воевать за чуждые им цели, а этого и не понимали, не учитывали сторонники «войны до полной победы» и теряли почву.

V. Правительственные реформы в армии и во флоте.

Приказ № 114, изданный военным министром Временного правительства А. И. Гучковым, встретил целый поток возражений со стороны командного состава[1]). Даже отмена обращения с солдатами на «ты» и введение обязательного «вы» были встречены значительным количеством офицеров неодобрительно. Противники введения в армии обращения на «вы» указывали на некультурность солдата, на его привычку к патриархальным отношениям. «У нас «ты» синоним дружбы, близости к человеку, и менять его на холодное «вы» можно только от излишней обидчивости», — писал начальник штаба 62-й пехотной дивизии генерал Ладзинский. Однако он не предлагал ввести это дружеское «ты» в качестве обязательного обращения для обеих сторон, т.-е. солдата к офицеру и обратно. Вопрос об обязательном приветствии так называемое «отдание чести» ружейным приемом «на караул», становясь «во фронт», и просто приложением руки «под козырек» и «поедание» начальника глазами разделил командный состав на два лагеря. Наиболее передовые и дальновидные командиры-офицеры приветствовали или одобряли приказ об уничтожении унизительных для солдат форм приветствий и титулования. Однако немало было и таких, которые видели во всех реформах опасность дисциплине, которую они поддерживали только одним страхом. Особенно много возражений вызывала отмена статей устава, воспрещавших солдатам принадлежать к политическим партиям и обществам. Большинство командного состава видело в этом огромную опасность для армии. Внесение в армию политики несло за собой неизбежно борьбу, а это угрожало спайке и дисциплине. Генерал Енчевич, начальник 62-й пехотной дивизии, заявляет в рапорте военному министру от 11 марта прямо, что «воин не должен заниматься политикой. Единственная задача русского воина должна заключаться: 1) в охране земли русской, населения и жизненных интересов ее от внешних врагов и 2) в защите интересов и прав населения, гарантированных существующими в России законами, в тех случаях, когда для этого потребуется вмешательство вооруженной силы. В противном случае в ряды ее ворвутся страсти; явится раскол, упадок дисциплины, и армия, потеряв единство и сплоченность, не будет в состоянии в нужный момент стать надежной опорой и защитой России». Этот взгляд разделялся большинством командного состава. Начальник 14-й кавалерийской дивизии генерал Романов заявлял в рапорте от 11 марта на имя военного министра, что «разрешение принадлежать к различным политическим обществам вызовет рознь в армии; политическая борьба перенесется в ее ряды... Армия должна быть вне политики». Решение Временного правительства о допуске политики в армии было понято генералом Романовым как

---

[1]) См. о приказе № 114 «Семнадцатый год», кн. 2-я, стр. 100.

следствие того, «что политические партии не доверяют командному составу и предполагают действовать через солдат».

Начальник сводной пограничной пехотной дивизии генерал Кренке рапортовал военному министру, что «отмена ограничений, изложенных в § а ст. 100, поведет к полному развалу армии, а с ней и государства, так как это не раз'единимо. Только анархисты могут желать это. Думаю, что это невыгодно даже для демократической республики. При полной демократической республике нельзя запрещать даже реакционных политических кружков, желающих возвращения самодержавия, иначе полной свободы не будет, а изменится форма, а не суть. Нельзя тогда запрещать и пропаганду пацифистов, баптистов и др., а их у нас немало. Если же запретить крайние течения, т.-е. пропаганду пацифистов, автократического правления и анархизма, то для наблюдения за выполнением сего необходимо опять, хотя бы в иной форме, ввести охранное отделение и жандармерию, столь ненавистную всем, и тогда опять будет изменение формы, а не сущности в нашем строе.

«Если полная политическая свобода, то ею пользоваться должны все граждане страны, а армия, где граждане находятся временно, должна быть вне политики, она обязана принять ту форму правления и поддерживать ее в крайности силой оружия, которую установил народ, будь то конституционно-монархическое правление или республиканско-демократическое, — безразлично».

Так мыслил о политике в армии «свободолюбивый» генерал Кренке. Самую постановку вопроса о преобразовании солдатского быта этот генерал считал несвоевременной. «Время ли теперь нарушать вековые порядки нашей доблестной армии. Время ли теперь, под пулеметами врага, селить рознь между командным составом. Неужели все забыли или не знают психологии массы, — как легко ее повести в какую угодно сторону под впечатлением минуты, конечно, талантливому вождю, военному или народному — безразлично. Солдаты сознают и хорошо сознают, к чему направлены все эти льготы. Они значат, что этим хотят привлечь их великую силу для борьбы с опасностью реакции, к которой они не пожелают вернуться и без этого. Нельзя забывать, что вся армия подчинилась не одной партии, а правительству и большинству Государственной думы с авторитетными вождями: Родзянко, Милюковым, Гучковым, Львовым.

«Пока еще нами при содействии Временного, всеми нами признанного правительства войско держится в должной дисциплине, но считаю долгом гражданина, любящего свою родину, находящегося около 3 лет на фронте и в строю, отдавшего всего себя служению родине, предупредить о той великой опасности для дорогой мне родины, которая грозит ей от вовлечения всей армии в политическую борьбу.

«Надо умолять Временное правительство оставить армию для борьбы только с внешним врагом, а вводить в ней сейчас только то, что нужно для победы. Нет в нашем уставе внутренней службы ста-

тей, которые необходимо было бы с корнем вырвать немедленно по телеграмме. Кончим войну, разобьем врага, и тогда будет время изменить мелочи, не соответствующие новому строю, а все, кроме § а ст. 100, есть мелочь».

Сводка мнений командного состава «особой армии», в которую входила почти вся гвардия, отличалась большим либерализмом, чем мнения командиров многих непривилегированных воинских частей. Отношение корпусных командиров особой армии к приказу № 114 было передано военному министру 21 марта и сводилось к заявлению, что «все отмены ограничений, установленные приказом военного министра за № 114, никаких возражений не возбуждают и признаны желательными. Исключение составляет § а ст.100, за отмену которого высказались лишь два гвардейских корпуса, и то при условии недопустимости собраний в пределах расположения части. Все же прочие командиры корпусов считают недопустимым внести политику в армию, так как это подорвет дисциплину и уничтожит ту внутреннюю связь, без которой армия будет не единой семьей, а игралищем партий.

«Исключительность переживаемого момента требует в виде из'ятия из правил участия армии в выборах в Учредительное собрание и в определении через своих представителей образа правления, но на этом и должна закончиться политическая жизнь армии.

«Отдание чести, не становясь во фронт, признано необходимым, как символ единения и из воспитательных целей. Часть начальников признает желательным сохранить остановку во фронт для отдания чести лишь для знамен.

«Все командиры высказались за необходимость подтвердить к неуклонному исполнению правила воинской вежливости и усиление взысканий, так как большая свобода налагает и большие обязательства в выполнении оставленных, действительно необходимых установлений».

Командный состав 32-й пехотной дивизии обратился к военному министру с коллективным рапортом совершенно необычного для этой среды характера. Офицеры 32-й пехотной дивизии считали военного министра Гучкова мало компетентным. «Новое правительство поставило во главе военного ведомства военного министра, — лицо, если и знакомое с вопросами военного ведомства, то лишь исключительно материальными; уклад жизни и потребности морального свойства армии ему чужды, как лицу, непричастному ей. Казалось бы, что при таком военном министре вопросы, касающиеся духовной жизни армии, подлежат рассмотрению исключительно военным советом, постановления коего должны быть рассмотрены высшим учреждением—Государственной думой— и только после этого получат силу закона.

«При такой постановке дела можно было бы быть покойным за судьбу армии при вновь устанавливаемом режиме в государстве.

«В действительности же вопросы внутреннего уклада жизни армии решаются военным министром единолично, по обстоятель-

ствам времени, — спешно и без санкции высшего государственного учреждения об'являются в приказах по военному ведомству к срочному исполнению» [1]).

Оспаривая компетентность Гучкова в военном деле, эта группа офицеров отрицала и тот порядок прохождения распоряжений, который был продиктован революцией. Скромный приказ № 114, отданный военным министром, рассматривался офицерами как происки Совета рабочих депутатов и социал-демократии, поставивших «себе целью уничтожить армию путем разложения нравственных устоев ее. Приведенный приказ военного министра является первым большим шагом в содействии указанной партии осуществить эту их заветную мечту».

Утрата кастовых привилегий особенно тревожила кадровое офицерство и генералитет. Они не стеснялись открыто обвинить военного министра Гучкова в том, что «под видом отмены ограничений в правах нижних чинов военным министром вносится в армию возбуждение нижних чинов против офицеров, внушая им, что отмененные приказом правила воинской дисциплины были не чем иным, как символом рабских отношений последних к первым. Приказ является как бы раскрепощением нижних чинов, что должно породить в них чувство озлобления и ненависти к офицерскому составу». В заключение рапорт предлагает военному министру передавать все вопросы быта армии на рассмотрение военного совета и утверждение Государственной думы. Самый уклад армейской жизни предлагали оставить неприкосновенным. Для поднятия дисциплины офицеры требовали установления «того или иного физического наказания». Для борьбы с побегами требовали смертной казни. Осуществление политических свобод в стране, решение вопросов о земле, образе правления, даже о сословиях и равноправии национальностей предлагали отложить до окончания войны.

Отношение офицерства к революции было далеко не однородно, как и само офицерство за время войны. Кадровое офицерство и генеральский состав в массе своей были крепко связаны с царским строем. Весь офицерский быт как в армии, так и в обществе был обеспечен различными привилегиями. Вся сумма этих привилегий в рядах армии превращала офицера из командира в полного господина над солдатами, а последних делала бесправными рабами. Кадровое офицерство настолько свыклось с таким положением, что, лишившись привилегий и неограниченной власти над солдатами, оказалось неспособным руководить войсками. В ином положении оказались офицеры военного времени. В массе своей они не были заражены кастовым духом. Наоборот, этот кастовый подход со стороны кадрового офицерского состава был в тягость и молодому офицерству. Кадровое офицерство относилось с нескрываемым недоверием к своим коллегам военного времени и на командные должности выше взводного командира их не допускало. Офицерство воен-

[1]) См. рапорт в приложении восемнадцатом.

ного времени сохранило больше связи с той средой, из которой оно выходило, было более либеральное и во время Февральской революции и после нее оказалось по настроению ближе к солдатам. Но большинство офицеров военного времени были плохими военными руководителями и командовать, руководить войсками не умели.

Более мягко и сдержанно выражали свой протест против приказов военного министра офицеры 3-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона.

«В ночь с 3-го на 4-е марта по телефону на позиции нам было сообщено об образовании нового правительства, в состав которого вошли известные и дорогие сердцу каждого русского человека люди. Радостно мы приняли эту весть, и будущее нам казалось прекрасным.

«Первое правительственное распоряжение, дошедшее до нас, призывающее к выполнению своего долга, совпало с тем, что̀ мы русским своим сердцем чувствовали. От генерала до последнего солдата никто своего поста не оставил, каждый из нас отчетливо и ясно сознавал, что ближайшая наша обязанность перед родиной — прежде всего победа над немцами, которая возможна лишь при нашем спокойствии и сохранении полной дисциплины в армии. Каждый из нас сознавал в ту минуту, что не наше дело заниматься устройством нового порядка в России, а наша задача сводится к поддержанию единства, целости и могущества действующей армии» [1]).

Но это радостное настроение господствовало недолго: через несколько дней появились приказы военного министра, убившие офицерскую радость. «Того единения, того взаимного понимания друг друга, которые связывали всех от солдата до генерала, быть может, скоро не будет. Начало этого положено приказами вашими, господин военный министр. Первый приказ роет пропасть между солдатом и офицером, которой не было. Вопроса о взаимоотношениях солдат и офицеров в армии до сего времени не существовало, так как, строго регламентированные уставами, они вкоренились в каждого военнослужащего. Офицеры и солдаты, бок о бок сидя в окопах в течение двух с половиною лет, узнали друг в друге человека; никто из нас за это время со стороны солдат не видел хотя бы тени недоверия к офицеру. Офицер всегда был на своем месте и под пулеметом и на отдыхе. Наоборот, мы знаем бесчисленное множество случаев, когда за убылью офицеров роты и батальоны терпели неудачу».

Определяя роль командира старой армии в боевой обстановке, подписавшиеся под заявлением офицеры-артиллеристы проявили признаки кастовой слепоты, когда указывали, что в армии не было даже вопроса о взаимоотношениях солдат и офицеров. Если его не было, то почему же была такая тревога, когда появился приказ

---

[1]) См. обращение в приложении девятнадцатом.

военного министра № 114, который лишь оградил человеческое достоинство солдата. Весь старорежимный порядок в армии держался именно на отрицании человеческого достоинства у солдата. Это видно уже из того, как оценивали офицеры один факт: обращение на «вы», вместо унизительного «ты». — «Вы» или «ты», это — первое яблоко раздора, которое брошено в нашу тесную и дружную военную семью, этим самым нашему единению с солдатами положен конец.

«Солдаты поняли это как ограничение власти офицера, — офицера, который в бою имеет право жизни и смерти. Его авторитет подорван. Еще не был об'явлен этот приказ, а уже случаи нарушения дисциплины появились. «Вы» солдатами было понятно как благословение совершать любой антидисциплинарный поступок по отношению к офицеру. Так, например, один из солдат на обращение к нему офицера на «ты» ответил: «Што ты меня тыкаешь, что я с тобой коров, что ли, пас?». По закону военного времени этот солдат подлежит расстрелу в минуту боя, и к этой мере всякий офицер должен прибегнуть. Сочтите же, сколько на совести отдавшего этот роковой приказ будет бесполезно для родины загубленных жизней. И переход на «вы», легкий для нас, офицеров, будет тяжел по своим последствиям для солдат. Нам с ними нужно сейчас налаживать новые искусственные отношения».

Одна защита собственного человеческого достоинства, простое указание солдата не «тыкать» его угрожало ему, по признанию тех же офицеров, смертной казнью. После этого совершенно детскими кажутся уверения, что именно на солдат падет вся тяжесть перехода от «ты» на «вы».

Но совершенно понятными становятся все эти вопли об утрате авторитета и офицерской власти над солдатами, когда становился в порядок дня вопрос об отношении к войне. «Не станем скрывать,— говорили офицеры в своем заявлении, — что не одни германские и австрийские офицеры идут с револьверами сзади атакующих цепей, приканчивая слабых духом, — каждый наш ротный и батальонный и полковой командир имеет на своей совести не одну жизнь. Широкая публика, которая лишь по газетным статьям знакома с ведением боя, невольно вводится в заблуждение, так как в газетах говорить о таких фактах несвоевременно. Мы, близко стоящие к бою, считаем это явление нормальным и к нему привыкли. Это понятно только нам, которые не раз бывали и под пулеметным и под огнем артиллерии. Судите же сами, какой пустяк «ты» или «вы» по сравнению с ужасом войны. Офицер, который над солдатами в бою имеет право жизни и смерти».

В этих условиях ведения войны, когда офицер превращался из командира в погонщика солдат на убой, конечно, власть офицера над солдатом имела огромное значение.

Все противники приказа № 114 были одновременно врагами предоставления евреям права быть офицерами на общих основаниях.

Исполнявший обязанности верховного главнокомандующего генерал Алексеев неоднократно указывал военному министру на опасность, которая угрожает сохранению дисциплины от его приказов. Препровождая А. И. Гучкову записку генерала Циховича, начальника 44-й пехотной дивизии, о состоянии воинской дисциплины в армии, генерал Алексеев сопроводил ее своим письмом. В этом письме, на имя военного и морского министра, генерал Алексеев вполне соглашался с автором, рекомендуя его «голосом из армии, к которому нельзя не прислушаться». Голос генерала Циховича передавал о той радости, с которой был встречен на фронте переворот — падение режима «кошмара распутинских и протопоповских вакханалий». Но уже немногие, последовавшие за переворотом мероприятия разочаровали, по мнению генерала, «лучшую часть» армии — офицеров. Разочарование это было вызвано все той же ломкой вековых устоев в армии, носивших особенно тяжкий характер для бесправного солдата. Офицерство сочло себя глубоко оскорбленным приказами Совета рабочих и солдатских деутатов, а позднее — военного министра, которые ограждали права и личное достоинство солдата. В этом оскорблении звучали все те же ноты кастового, помещичьего взгляда на армию, как на дворянскую вотчину. Предоставление солдатам права гражданства рассматривалось как недоверие армии. «Теперь офицерство в полном недоумении. Разве мы были плохи, что теперь началась в самом спешном порядке реорганизация духовной стороны в армии? Ведь армия геройски себя вела». В этой постановке вопроса выразилось целиком убеждение, что офицерский корпус — это и есть армия, а солдаты — это серая скотина, которая «без офицера ничего не может достигнуть». Отсюда и все, что было геройского в армии, приписывалось командному составу.

Приказы, встреченные солдатской массой буквально как освобождение, по мнению генерала Циховича, ничего хорошего не обещали. «В одной дивизии солдаты заявили, что не желают иметь командиром батальона данное лицо; в другой арестовали командира полка; и это на позициях, в виду неприятеля, в 400 шагах от него», — жаловался он. Не эти реформы нужны были в армии. «Армия и с «ты» и с «его благородием» победит, но нам надо побольше тяжелых орудий, тяжелых снарядов, а этого-то и не видно, — и две недели пошли на бесполезные прения социалистов рабочего союза», — заявлял генерал Цихович [1]).

Понять вызванные, вернее, вскрытые, революцией противоречия было не по силам генерала. Командный состав находился на острие этих противоречий, но был совершенно бессилен их преодолеть. Все внимание офицерства сосредоточилось на организационных мероприятиях правительства, по существу которых было два мнения: одно приветствовало их, другое порицало, проклинало. Первые надеялись при помощи реформ солдатского быта увеличить боевую

[1]) См. доклад в приложении двадцатом.

мощь армии, вторые находили их источником разложения армии. И те и другие недосмотрели самого существенного — отношения солдатской массы к самой войне. Все организационные нововведения, а равно и изменения устава внутренней службы служили солдатам лишь опорными пунктами в выражении их тайных надежд на скорейшее окончание войны. Сохранить в армии старые порядки Временное правительство не могло, так как понимало, что это повело бы к войне между фронтом и тылом, которая привела бы к немедленному развалу всех фронтов и истреблению офицерского состава.

Враждебность некоторых кругов командного состава к реформам в армии вызвала коллективные протесты сторонников этих реформ. Особенно энергично выступил против реакционных офицеров совет офицерских депутатов 12-й армии. 21—22 марта состоялось собрание представителей офицеров всей армии, на котором была выбрана делегация для поездки к военному министру, и составлена «памятная записка». Записка имела характер обвинительного приговора высшему командному составу 12-й армии, который мог целиком и полностью быть приложен и ко всем прочим армиям. В записке говорилось, что «происшедший государственный переворот не встретил сочувствия среди многих лиц высшего командного состава армии и чинов штаба.

«Некоторые старшие начальники старались не допустить в войска известий о происшедшем или стремились исказить смысл событий (как то сделал, например, командир 21-го корпуса в своем приказе от 4 марта, где уже завершившуюся революцию он называл беспорядками, вызванными происками немцев), задерживали опубликование распоряжений Временного правительства, опубликовывали их с пропусками и изменениями (что особенно имело место по отношению к приказу военного министра об изменении отношений к солдатам), извращали распоряжение командарма (как сделал начальник 44-й пехотной дивизии в отношении телеграммы командарма, приказывавшей произвести выборы представителей от частей).

«Хотя впоследствии все чины командного состава и штабов заявили о своей полной преданности Временному правительству, но их поведение, как предыдущее, так и нынешнее, заставляет сомневаться в искренности таких заявлений, возбуждает недоверие к ним как солдат, так и офицеров и внушает подозрения, что некоторые из них, имевшие все от старого режима и теряющие твердую почву при его исчезновении, могут стараться вредить делу борьбы с внешним врагом, стремясь опорочить новый порядок и через победу Германии привести к контр-революции. Есть все основания предполагать, что ни один из этих скрытых реакционеров не совершит прямой измены, не прибегнет к сношениям с врагом через тайных агентов и т. п., ибо на этом пути очень легко быть обнаруженным.

«Лицам командного состава и чинам штабов незачем прибегать к такой грубой форме измены, так как в их распоряжении

имеется бесчисленное количество средств, при помощи которых они могут нанести непоправимый вред делу.

«Уже не говоря о неправильном распределении боевых сил, о непосылке во-время резервов или о посылке их не туда, где они наиболее необходимы, о сознательно неправильной оценке положения, о ложных донесениях, о распоряжениях, волнующих солдат, о создании паники слухами о преувеличенной опасности, о недостатке боевых припасов, о выдуманных прорывах и обходах, — достаточно только одной пассивности, достаточно несвоевременно отданного или немного опоздавшего приказания, достаточно, наконец, просто неясного, сбивчивого или противоречивого распоряжения, чтобы привести к катастрофе во время боя.

«Такими средствами всегда может воспользоваться начальник без ведома подчиненных. Такими средствами всегда могут воспользоваться чины штабов, даже без ведома старшего начальника. Не только тогда, когда начальники или чины штаба сознательно решатся изменить, но даже, если они не будут желать победы, если они будут только не слишком горячо желать ее, этого уже достаточно, чтобы принести неисправимый вред делу победы, делу народа».

Со всеми происками реакционных элементов в армии делегаты-офицеры 12-й армии предлагали бороться путем учреждения комиссаров Временного правительства при каждой армии. Для облегчения деятельности комиссаров записка предлагала им использовать как базу общественные солдатские и офицерские организации. Для 12-й армии делегаты выставили требование об удалении из их армии, действовавшей в Прибалтийском крае, офицеров немецкого происхождения.

Как будто наперекор всем воплям о развале в армии, докладная записка определенно сообщала, что «введение самоуправления в армию отразилось в высшей степени благотворно на порядке и боеспособности ее. Когда вместе с старым режимом рухнул и старый порядок в армии и ее старая дисциплина, основанная на кулаке и оклике, один момент казалось, что в армии начался развал, сведение счетов с нелюбимым начальством, общее бегство с позиции.

«Быть может, это и случилось бы, по почину нескольких частных лиц, но создавшееся воинское самоуправление моментально остановило начавшуюся разруху и в тех частях, где начальство не чинило препятствий, с поразительной быстротой поставило на место старого порядка и старой дисциплины новый порядок и новую дисциплину.

«Протекшие с начала введения воинского самоуправления две недели (для 12-й армии самоуправление можно считать сорганизованным с 9 марта) позволяют уже оценить его результаты.

«И результаты таковы: образцовый порядок, сознательное отношение солдат к делу и к исполнению своих обязанностей, быстрое улаживание всяких недоразумений между солдатами и офицерами,

под'ем самодеятельности, под'ем духа и как конечный результат — значительный под'ем боеспособности армии.

«Боевая служба несется образцово; солдаты сами следят за строгим исполнением обязанностей службы в окопах, секретах, заставах и караулах, чутко относятся ко всему происходящему, проявляют почин и самодеятельность.

«Во время наступления немцев у Плаканено 23 марта ближайшие резервы без приказания, дружно схватили винтовки и бросились в стремительную контр-атаку.

«В другом месте, в 33-й дивизии, когда распространился ложный слух о том, что соседний полк отошел со своей позиции, солдаты сами выслали разведку и заняли NN-верстную позицию, приготовившись к обороне. Число нарушений общего порядка значительно сократилось, ибо товарищеские суды беспощадно карают все хулиганские выходки отдельных лиц.

«Неорганизованные выступления и случаи самосуда над нелюбимыми начальниками прекратились совершенно. Исчезли жалобы на недостаточное довольствие и недостаточное снабжение предметами обмундирования. И даже дезертирство, такое доступное и легкое сейчас ввиду отсутствия надзора в тылу, не повысилось, а, наоборот, значительно сократилось.

«Конечно, такая картина, могущая показаться слишком идиллической, наблюдается только в частях, где начальство шло навстречу новому порядку и не только не мешало его водворению, но всеми мерами искренно помогало. В других частях, где самоуправление не встречало сочувствия начальства, до сих пор чувствуется неуверенность, напряжение, разобщенность между солдатами и офицерами и, как следствие, ослабление единства и боевой силы части».

В интересах связи фронтовых солдатских масс с Временным правительством офицеры 12-й армии предлагали создать в Петрограде особый совет солдатских и офицерских депутатов. «Этот орган даст Временному правительству огромную реальную силу, — даст ему возможность в своих действиях опереться на 8.000.000 штыков и действовать твердо и уверенно, не считаясь ни с какой оппозицией, откуда бы она ни шла», — так мотивировали свое предложение офицеры 12-й армии [1]).

Кроме того, они настаивали на необходимости обновления и чистки командного состава, «ибо итти в бой под командой начальников, которым мы не верим, и производить боевые операции под руководством и по указанию штабных чинов, которых мы подозреваем во враждебных замыслах, мы не можем», — заявляли делегаты офицеров. От военного министра они требовали проведения приказами единообразия в деле воинского самоуправления. Все пожелания офицеров были найдены справедливыми, вполне совпадавшими с намерениями Временного правительства. Однако

[1]) См. доклад в приложении двадцать первом.

на пути осуществления их, особенно по части чистки верхов командного состава, стояла ставка и ее временный верховный главнокомандующий, генерал Алексеев. Часть членов Временного правительства и особенно Исполнительный комитет Петроградского Совета настаивали на смещении генерала Алексеева, и вопрос об его отставке был уже решен в первой половине марта. Остановка была за подходящим лицом на пост верховного главнокомандующего.

Вслед за приказом № 114, направленным на изменение солдатского быта, был издан «приказ по военному ведомству за № 134», который отменил стеснения и ограничения казачества в отношении гражданского управления. Приказ носил декларативный характер и лишь намечал следующие мероприятия: «скорейшая отмена всех правоограничений казаков, не оправдывающихся особыми условиями их военной службы. Реорганизация местного управления казачьими войсками на началах самого широкого самоуправления, как вполне отвечающего историческому прошлому казачьих войск. Но так как выработка соответствующих законоположений потребует значительного времени, то признается необходимым безотлагательно установить во всех казачьих войсках с'езды выборных от станиц, по примеру существующего в Уральском казачьем войске, и на эти с'езды, кроме участия их в обсуждении текущих местных дел, предполагается возложить обсуждение основ будущего самоуправления казачьих войск как в целом их составе, так и в отношении казачьих общин (станичных, поселковых и хуторских)». Программа этих мероприятий была встречена казачеством с большим удовлетворением.

Солдатские комитеты, появившиеся в Петрограде в момент переворота и вошедшие в солдатский быт, как завоевание революции, на фронте были еще незаконными организациями. В продолжение целого месяца ставка воздерживалась от узаконения солдатских организаций приказом по войскам. Такое положение приводило к постоянным конфликтам в частях. Солдаты создавали свои комитеты по типу существовавших в запасных частях, без приказа по фронтовым войскам, а командный состав рассматривал их как незаконные. Но офицеры уже не имели силы препятствовать солдатам организоваться, они лишь мешали работе комитетов, «не признавали» их и тем ставили себя в конфликтное положение с солдатами.

Приказ, вводивший «временное положение» о комитетах, был издан ставкой лишь 30 марта.

Приказ сопровождался особым обращением генерала Алексеева, призывавшего «офецеров, солдат и матросов к дружной, от сердца совместной работе в деле водворения в войсковых частях строгого порядка и прочной дисциплины, без которых никакая армия существовать не может. Войско без дисциплины не может достичь победы над врагом. Прежние устои нашей внутренней войсковой жизни устарели. Как и вся свободная Россия, так и ее армия

переходят к новым формам жизни. Дружными усилиями всех чинов нам нужно создать новую дисциплину, основанную на разумном, сознательном отношении офицеров и солдат к их великим обязанностям перед родиной и на взаимном доверии и уважении.

«Офицеры нашей армии, так самоотверженно работавшие во все время войны, привыкшие впереди своих частей вести солдат в бой и на смерть, честно и доблестно умиравшие за славу и благо своей родины, служившие всегда примером своим подчиненным в бою, — проникнутся, я уверен, сознанием, что новые условия жизни требуют и новых форм управления частями, новых приемов для сохранения души армии — ее дисциплины. С чувством веры призываю офицеров, от прапорщика до генерала, пойти навстречу солдату, посвятить все свои силы делу создания новой армии великой свободной России и оказать свое нравственное влияние в развитии и упрочении нарождающихся форм войсковой жизни.

«Призываю солдат и матросов к дружной работе. Памятуйте, что права ваши воина-гражданина будут свято охранены; но, кроме прав, все мы имеем обязанности, точно определенные государственными и военными законами. Мы обязаны свято повиноваться велениям этих законов и не допускать своеволия, могущего погубить нашу армию и нашу родину» [1].

Обращение приказывало сохранить уже существовавшие солдатские и офицерские организации и на них возложить проведение в жизнь основ приказа. В качестве основных задач военной организации в армии приказ считал: «1) усиление боевой мощи армии и флота, дабы довести войну до победного конца и тем способствовать укреплению народившейся свободы; 2) выработка новых форм жизни воина-гражданина свободной России; 3) содействовать просвещению армии и флота».

Форма организации была определена приказом как состоящая из: «а) комитетов ротных, полковых, дивизионных и армейских и б) с'ездов корпусных, фронтовых и центрального при штабе верховного главнокомандующего. Комитеты суть собрания постоянные; с'езды собираются по мере надобности и по миновении ее распускаются, при чем с'езд при штабе верховного главнокомандующего оставляет выделенный им постоянный совет».

Ротные (а также батарейные в артиллерии, эскадронные в кавалерии и отдельных командах) комитеты избирались солдатами, примерно, по одному от взвода, но не менее трех. В состав комитета входил один офицер по выбору самих офицеров. В задачи ротных выборных приказ вменял «служить посредниками между ротным командиром и солдатами во всех вопросах внутреннего быта роты, обращаясь непосредственно к ротному командиру». Вопросы боевые и обучения части из обсуждения комитета были из'яты. Им давалось

---

[1]) См. обращение в приложении двадцать втором.

лишь право сообщать о злоупотреблении в этом деле полковому комитету.

Полковые комитеты состояли из выборных от рот, числом от 16 до 24. Офицеры посылали своих представителей в половинном числе солдатского представительства.

Дивизионный комитет составлялся из выборных представителей от полков (или соответствующих им частей) по одному офицеру и по два солдата от каждого полкового комитета. По этому же принципу представительства от дивизионных комитетов составлялся и армейский комитет. Состав армейского комитета делился на две части. Четверть его состава исполняла постоянную работу (исполнительный комитет), а общее собрание созывалось по мере накопления вопросов [1]).

Через две недели, 16 апреля, это «временное положение» было заменено Положением о комитетах, разработанным комиссией генерала Поливанова. Ничего существенно отличного от изданного генералом Алексеевым новое Положение не давало. Оно лишь увеличило число членов ротного комитета до шести лиц и подчеркнуло более определенно контрольно-хозяйственное и культурное их значение, а также наметило точнее круг их деятельности [2]).

Опубликование этих приказов положило конец двусмысленному отношению части командного состава к войсковым организациям. Комитеты стали прочными организациями. Вокруг этих комитетов началась борьба уже иного порядка. Временное правительство, при поддержке социалистов оборонческого и соглашательского толка, стремилось превратить все солдатские комитеты в опорные точки своей политики в армии. Весь апрель и май месяцы прошли под знаком подготовки армии к продолжению войны. Принятый ставкой план активных операций проводился настойчиво, как через командный состав, так и по линии военных организаций. Борьба с войной, а равно и борьба за продолжение ее, между партиями приняла на позициях форму борьбы за овладение массами и комитетами. Политическая борьба двух основных направлений в комитетах и около них носила ожесточенный характер, переходила нередко в угрозу вооруженного столкновения. По мере развития политической борьбы и ее обострения в стране — на фронте она проявлялась и концентрировалась около двух направлений: противники продолжения империалистической войны, активные элементы солдатской массы, шли за с.-д. большевиками. Сторонники войны всех политических направлений, от монархистов, кадетов до социалистов различных оттенков, имея за собой весь офицерский корпус, а первое время и немало солдат, составляли единый фронт против большевиков.

---

[1]) См. «Временное положение об организации чинов действующей армии и флота» в приложении двадцать втором.

[2]) См. «Положения» в приложении двадцать третьем.

VI. Временное правительство и война.

Во время переговоров представителей Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов с Временным комитетом Государственной думы по вопросу о власти и ее программе вопрос о войне сознательно не был затронут. В опубликованной Временным правительством программе о войне не говорилось ни слова. Из этого факта делались выводы, что война понимается одинаково и принимается обеими сторонами, т.-е. буржуазией и «революционной» демократией в лице социал-соглашательских партий. Это трогательное единство социалистов с буржуазией по самому существенному вопросу того времени нарушалось деятельностью нашей социал-демократической (б-ской) партии. Революционный переворот в стране, переход власти в руки умеренной буржуазии не мог изменить нашего отношения к войне. В самом Исполнительном комитете и в Совете рабочих и солдатских депутатов мы настойчиво добивались постановки на обсуждение вопроса об отношении к войне. Там всюду мы были в меньшинстве, а потому в первые же дни перенесли вопрос о войне в толщу рабочих и солдатских масс. Под давлением низов Исполнительный комитет вынес свое суждение о войне. 14 марта Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял предложение Исполнительного комитета обратиться с особым воззванием к «народам всего мира» и призвать их «к совместным решительным выступлениям в пользу мира» [1]).

В то время, когда в Таврическом дворце происходили разговоры о войне, и литераторы Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов подыскивали удачные формулировки, способные примирить и удовлетворить различные взгляды на войну, Временное правительство в торжественном заседании, в Мариинском дворце, принимало союзных послов и давало им заверения о готовности революционной России воевать до полной победы.

Только почти через две недели по свержении царского строя пришли союзные послы ко Временному правительству. 11 марта в Мариинский дворец явились три посла: Джордж Бьюкенен, представлявший при царе Англию, Морис Палеолог, посол Франции, и Андреа Карлотти ди Рипарбелла, представитель Италии.

В качестве старейшины дипломатического корпуса выступил с речью Джордж Бьюкенен. Указав на болезнь, которая не позволила ему явиться раньше, Бьюкенен выразил «особенную радость, получив возможность ныне войти в официальные сношения с вами, г.г. министры, и подтвердить нашу решимость оказать полное содействие Временному правительству во всем, что касается укрепления нашего союза и успешного ведения войны. Даже в этот торжественный час, когда перед Россией открывается новая эра

[1]) См. об этом «Семнадцатый год», кн. 2-я, стр. 145 и след.

благоденствия, прогресса и славы, необходимо более, чем когда-либо, сосредоточить внимание на войне, так как победа Германии неизбежно повлекла бы за собой крушение прекрасного памятника свободы, который воздвиг себе русский народ. Великобритания, протягивая руку Временному правительству, убеждена в том, что оно останется верным обязательствам, принятым на себя его предшественниками, и сделает все возможное, чтобы довести войну до победного конца, оставаясь на страже порядка и национального единства и стремясь к возобновлению нормальной работы на заводах и к обучению войск и поддержке дисциплины в армии. Да, г.г. министры, если сегодня я имею честь принести приветствие дружественной и союзной нации, то я это делаю потому, что под вашим высоким руководством обновленная Россия не остановится ни перед какими жертвами и в согласии со своими союзниками не сложит оружия до тех пор, пока не будут установлены и прочно закреплены великие принципы права, справедливости, свободы и национальных прав, защиту которых мы приняли на себя».

Французский и итальянский послы присоединились к заявлению Бьюкенена и добавили несколько любезных фраз от себя.

Все заявление Бьюкенена являлось не только грубым вмешательством во внутренние дела России, но и свидетельством того, с какой наглостью союзники эксплоатировали зависимость России от них. Устами этого посла союзнический капитал требовал продолжения войны и жертв во имя ее, а также «порядка, возобновления работ на заводах и дисциплины в армии». Эти требования вполне совпадали с теми, которые выставляла и наша буржуазная печать, обращаясь к «революционной демократии». Своими указаниями на необходимость продолжать войну английский посол выражал тревогу, общую всем союзникам, за судьбы договоров и соглашений, против которых в стране, в рабочей и солдатской среде, раздавались уже массовые голоса. Д. Бьюкенену отвечал министр иностранных дел П. Н. Милюков: «Сэр Джордж. Ваше превосходительство. Позвольте от имени Временного правительства выразить вам благодарность за то, что вам угодно было принести заявления союзных правительств о нашем признании в самое место нашей работы. Временное правительство уже заявило о своем твердом решении неуклонно соблюдать союзные договора и вытекающие из них соглашения. Но я скажу больше: Временное правительство, одушевленное теми же намерениями и проникнутое тем же пониманием задач войны, как и союзные с нами народы, ныне приносит для осуществления этой задачи новые силы. Великие идеи освобождения народностей и создания прочных международных отношений, — идеи, осуществление которых невозможно без решительной победы, ныне получают новую и твердую опору в идеалах русской демократии. Два главных препятствия стоят на пути осуществления этих идеалов. Одно заключается в тех стремлениях наших противников достигнуть мирового преоблада-

ния за счет других народов, которые явились главной причиной мирового конфликта. Мы все сознаем громадную опасность этих стремлений и мы твердо решились вместе с вами употребить все силы и принести все жертвы для окончательного устранения их и для создания условий прочного мира путем решительной победы. Но было и другое препятствие: это наш старый порядок, ныне разрушенный. Государственная дума и вся страна убедились, что при этом порядке, лишавшем нас всякой возможности организовать страну для решительного национального усилия, победа нами достигнута быть не может. Это убеждение сделалось даже первым источником совершенного народом переворота. Могу вас уверить, сэр Джордж, что исход этого переворота не может противоречить его причине. Взгляните кругом, — и вы увидите, что желания ваши уже осуществились. Рабочие уже стоят у станков, — порядок уже господствует на улицах, — дисциплина восстанавливается в войсках. И по мере того как сглаживаются эти второстепенные черты, сопровождающие всякую насильственную перемену, все ярче вырисовывается перед нами ее основная сущность. Вместо старой власти сам народ стоит перед вами во всеоружии своей силы. И эту силу он приносит для скорейшего осуществления тех великих задач, за которые в течение двух с половиной лет мы вместе с вами боремся и несем несчетные жертвы. Мы рады встретить с вашей стороны правильную оценку нашей силы, удвоенной переворотом. Мы уверены, что удвоенная сила удвоит и нашу общую веру в близкую и решительную победу нашего общего дела».

Такова была речь министра иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюкова. По тону и содержанию она похожа скорее на отчет приказчика своему хозяину, чем на речь государственного деятеля свободной и революционной страны. Заявление П. Н. Милюкова удовлетворяло полностью все желания союзников и одновременно сохраняло силу всех договоров захватнического характера.

Свержение царского самодержавия и связанные с этим события отодвинули войну на задний план. Победа революции, укрепление ее достижений являлись основной и руководящей мыслью всех возникших во время переворота организаций. Империалистическая буржуазия нашей страны, завязшая в интересах войны, попыталась тотчас же использовать новое положение. Временное правительство, Комитет Государственной думы, все буржуазные газеты и многочисленные агитаторы буржуазных партий в один голос закричали об опасности, угрожавшей революции со стороны «варварской» Германии, со стороны кайзера Вильгельма. На смену старых приемов одурачения масс божьей волей и царской милостью буржуазия несла новые способы обмана в виде громких слов о справедливости, свободе и праве, во имя которых призывала рабочие и солдатские массы в бой с австро-германцами. К Таврическому дворцу потянулись солдатские колонны манифестантов

с плакатами о «войне до полной победы», с призывами «солдаты в окопы, а рабочие к станкам».

Одновременно с моральной подготовкой войск тыла и фронта для продолжения войны Временное правительство принимало различные мероприятия по демократизации армии, надеясь таким путем поднять дисциплину, подорванную революцией, и тем повысить боеспособность солдат.

Вслед за воззванием «К народам всего мира» Исполнительный комитет стал на излюбленный им путь «давления па Временное правительство», требуя от него ответа на вопрос о целях войны. Вся сумма мероприятий во внешней и внутренной политике достаточно определенно свидетельствовала о том, что буржуазия считает войну своим кровным делом и понимает ее цели попрежнему, как разгром Германии, Австрии и Турции и «освобождение» народностей этих стран с присоединением их к России. Не отказывалась она и от Константинополя и проливов. Социалисты-соглашатели и оборонцы готовы были «защищать свободу» и бороться с германским империализмом, но требовали от Временного правительства отказа от захватов или, как тогда выражались, «отказа от аннексий и контрибуций». При условии открытого отказа от этих захватов и об'явления этого союзникам оборонцы всех направлений соглашались не только бороться с большевистской пропагандой против войны, но активно стать на ее поддержку и организовать «победу».

Через неделю после опубликования советского воззвания «К народам всего мира» выступил в печати по вопросу о целях войны министр иностранных дел П. Н. Милюков. 23 марта министр П. Н. Милюков беседовал с журналистами о войне и ее целях, понимаемых Временным правительством. Содержание этой беседы, обошедшее затем все газеты, заключалось в том, что П. Н. Милюков считал целью России в этой нойне — «освобождение славянских народностей, населяющих Австро-Венгрию, об'единение итальянских, румынских земель, образование чешско-хорватского государства, слияние украинских земель с Россией, — таковы задачи будущего мирного конгресса. Если мы, русские, претендуем на обладание Константинополем и проливом, то этим мы ничуть не посягаем на национальные права Турции, и никто нам не вправе бросить упрека в захватных тенденциях. Обладание Царьградом всегда считалось исконной национальной задачей России. Нейтрализация проливов была бы безусловно вредна для наших национальных интересов».

Эти взгляды П. Н. Милюкова вызвали ропот всей революционно-демократической печати и возмущение рабочих и солдатских кругов. В Исполнительном комитете выступление Милюкова рассматривали как вызов, но решили «запросить» через контактную комиссию, являются ли взгляды П. Н. Милюкова взглядами Временного правительства или только его личным мнением. «Известия» по этому вопросу не поместили ни одной строчки. Наша газета «Правда» в номере от 25 марта выступила решительно против за-

явления Милюкова, указывая, что его определение цели войны — «это чисто империалистическая политика, политика захватов, политика, ведущая к затягиванию войны. Мало того. Это — политика контр-революционная. Она ведет к гибели русской свободы. Тянуть войну за Константинополь, за проливы, за Арменню — это значит погубить свободу и будущее русского народа в новых реках крови, в ужасном экономическом и продовольственном кризисе».

Заявление Милюкова явилось как бы ответом на запросы Исполнительного комитета, на принятое Советом воззвание. На запросы печати и самого Исполнительного комитета о том, является ли беседа Милюкова с журналистами изложением взглядов самого Правительства, председатель его кн. Г. Е. Львов молчал. 26 марта в газетах промелькнуло лишь маленькое сообщение А. Ф. Керенского по поводу интервью Милюкова, что «содержащееся в нем изложение задач внешней политики России в настоящей войне составляет личное мнение Милюкова, а отнюдь не представляет собой взглядов Временного правительства».

Однако выступление П. Н. Милюкова заставило Временное правительство поторопиться с ответом на настойчивые запросы Исполнительного комитета дать свое отношение к задачам России в деле войны. Настойчивость эта вызывалась необходимостью парализовать усилившуюся антивоенную пропаганду нашей партии, получившей из уст Милюкова прекрасный документ об империалистической сущности войны в интересах русской буржуазии. Кроме того, на конец марта было назначено всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов, и руководителям Исполнительного комитета важно было решить вопрос о целях войны до него. 26 марта состоялось свидание «контактной» комиссии Исполнительного комитета с членами Временного правительства, на котором был оглашен проект обращения Временного правительства по вопросу о войне. На другой день этот же вопрос подвергся обсуждению Исполнительного комитета. Оборонческое большинство быстро пошло на уступки Временному правительству и не только не требовало большей ясности его формулировок, но взяло на себя защиту обращения от наших на него нападок. 28 марта оно появилось в газетах в таком виде:

«Граждане! Временное правительство, обсудив военное положение русского государства, во имя долга перед страной решило прямо и открыто сказать народу всю правду.

«Свергнутая ныне власть оставила дело обороны страны в тяжелом расстроенном положении. Своим преступным бездействием и своими неумелыми мерами она внесла разруху в наши финансы, в дело продовольствия и перевозок, в дело снабжения армии. Она подорвала наш хозяйственный строй.

«Временное правительство, при живом и деятельном содействии всего народа, положит все силы на дело исправления этих тяжких последствий старого режима. Но время не ждет. Кровь многих сынов родины без меры лилась за эти два с половиной долгих

года войны, но страна все еще остается под ударом сильного врага, захватившего целые области нашего государства и ныне, в дни рождения русской свободы, грозящего нам новым решительным напором.

«Оборона во что бы то ни стало нашего собственного родного достояния и избавление страны от вторгнувшегося в наши пределы врага — первая насущная и жизненная задача наших воинов, защищающих свободу народа.

«Предоставляя воле народа в тесном единении с нашими союзниками окончательно разрешить все вопросы, связанные с мировой войной и ее окончанием, Временное правительство считает своим правом и долгом ныне же заявить, что цель свободной России не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов, он не ставит своей целью ничьего порабощения и унижения. Во имя высших начал справедливости им сняты оковы, лежавшие на польском народе. Но русский народ не допустит, чтобы родина его вышла из великой борьбы униженной и подорванной в жизненных своих силах. Эти начала будут положены в основу внешней политики Временного правительства, неуклонно проводящей волю народную, ограждающей права нашей родины при полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников.

«Временное правительство свободной России не вправе скрывать истину от народа, — государство в опасности. Нужно напрячь все силы для его спасения. Пусть ответом страны на сказанную правду будет не бесплодное уныние, не упадок духа, а единодушный порыв к созданию единой народной воли. Она даст нам новые силы к борьбе и приведет нас к спасению.

«В час сурового испытания пусть вся страна найдет в себе силы закрепить завоеванную свободу и отдаться неустанной работе на благо свободной России. Временное правительство, давшее торжественную клятву служить народу, твердо верит, что при общей и единодушной поддержке всех и каждого и само оно будет в состоянии выполнить свой долг перед страной до конца».

Вся социалистическая, оборонческая печать встретила это обращение Временного правительства как действительный отказ от захватнических целей и переход всей войны к задачам обороны страны. «Революционная» демократия, особенно ее оборонческая часть, торжествовала победу. Даже наша «Правда» в ее новой редакции поддалась этому настроению и требовала от Временного правительства сделать из его заявлений и дальнейшие выводы, которые заключались, по мнению наших товарищей, в открытом и официальном предложении мира на условиях, «выработанных и одобренных лучшими умами мировой демократии» [1]). На самом

[1]) См. передовицу от 30 марта 1917 г.

же деле обращение Временного правительства ничего не изменяло, оно являлось лишь маневром оборонцев, направленным на обработку умов революционной демократии. В этом был весь его смысл, и воззвание предназначалось для целей внутренних, а не внешних. П. Н. Милюков оставался попрежнему руководителем внешней политики. Последовавшие затем события целиком и полностью подтвердили, что воззвание служило лишь средством «успокоения» страны.

Через два дня после обращения «к гражданам» о войне появилось новое воззвание, подписанное шестью министрами, в котором Временное правительство с тревогой заявляет, что «жестокий враг угрожает свободе России», и граждане призывались встать на защиту ее и обеспечить армии все необходимое «для отпора врага». Временное правительство требовало усиленной заготовки всех видов топлива и заявляло при этом о необходимости достигнуть «полной победы». Воинственный задор по-старому звучал в речах министров и в их обращении.

Однако этот воинственный задор в тылу совершенно не соответствовал настроениям на фронтах. В одном из своих воззваний, помеченных 7 апреля, Временное правительство, обращаясь к солдатам, признает, что «вся Россия с тревогой внимает скорбным вестям, приходящим с фронта». Эта скорбь Временного правительства была вызвана тем, что «в то время как все силы обновленной России и стоящей на ее страже армии должны быть обращены к ограждению завоеванной свободы от грозящей извне опасности, в армии наблюдается глубоко-печальное явление, в корне подрывающее ее силу, а именно — массовое дезертирство солдат». Дезертирство служило наглядным доказательством отсутствия заинтересованности в войне, утомления ею и поворота солдат, преимущественно крестьян, лицом к тылу, где находились их истинные интересы. Крестьяне, одетые в серые шинели, чутко прислушивались ко всему, что касалось их заветной мечты, — к вопросу о земле. Мысли о том, что будут делить землю без него, солдата, волновали миллионы стоявших на фронте крестьян. Временное правительство призывало солдат не ослаблять армии, не покидать ее ряды, не верить слухам о переделе земли, напоминая, что вопрос о земле будет решен Учредительным собранием.

Об'являя всему народу о том, что Россия ведет войну не для захватов, Временное правительство, в полном согласии с союзниками, вело подготовку нового очередного наступления. Осуществление его встречало препятствия, порой непреодолимого характера, заключавшиеся в отсутствии боевых и продовольственных запасов, а также и в отношении солдат, не желавших больше и дальше класть свою жизнь на проволочных заграждениях.

Перед первым мая, которое в 1917 году Совет рабочих и солдатских депутатов постановил праздновать одновременно с рабочими всех стран, т.-е. 18 апреля, среди солдат и рабочих господствовало выжидательное настроение. Все предполагали, что именно

в этот день прорвется молчание западно-европейского пролетариата, и он откликнется на призыв русской революции бороться за мир.

В тылах и на фронте были организованы митинги и манифестации, прошедшие всюду успешно, вызвав положительно все войска и население на улицы. На митингах раздавались речи о защите свободы, и только наши партийные представители бросали в солдатскую массу призывы активной борьбы самих солдат за прекращение войны. Эти призывы сводились к двум предложениям: официальному обращению — вместе с союзниками, если они хотят, без них, если они откажутся, — ко всем воюющим правительствам с предложением мира и побуждению к этому через организованное братание на фронте. Интернационалисты развивали на различные мотивы лозунг мира.

В тот день, когда десятки миллионов крестьян и рабочих обратили свои взоры на запад, полные надежды на ближайший мир, Временное правительство обнаружило еще раз полное пренебрежение к воле народа. На другой день после маевки появилась в газетах новая «нота» министра иностранных дел П. Н. Милюкова. Только через три недели после опубликования обращения Временного правительства о целях войны Милюков удосужился препроводить его своим послам при правительствах союзных стран. Пересылая обращение, П. Н. Милюков сопроводил его следующим толкованием: «Министр иностранных дел телеграммой от 18 апреля 1917 года поручил российским представителям при союзных державах передать правительствам, при коих они аккредитованы, нижеследующую ноту: 27 марта с. г. Временное правительство опубликовало обращение к гражданам, в котором содержалось изложение взглядов Временного правительства свободной России на задачи настоящей войны. Министр иностранных дел поручил мне сообщить вам означенный документ и высказать при этом следующие замечания. Враги наши в последнее время старались внести раздор в междусоюзные отношения, распространяя вздорное сообщение, будто Россия готова заключить сепаратный мир с серединными империями. Текст прилагаемого документа лучше всего опровергает подобные измышления. Вы усмотрите из него, что высказанные Временным правительством общие положения вполне соответствуют тем высоким идеям, которые постоянно высказывались, вплоть до самого последнего времени, многими выдающимися деятелями союзных стран и которые нашли себе особенно яркое выражение со стороны нашего нового союзника — великой заатлантической республики — в выступлениях ее президента. Правительство старого режима, конечно, не было в состоянии усвоить и разделить эти мысли об освободительном характере войны, о создании прочных основ для мирного сожительства народов, о самоопределении угнетенных национальностей и т. п. Но Россия освобожденная может в настоящее время заговорить языком, понятным для передовой демократии современного человече-

ства, и она спешит присоединить свой голос к голосам своих союзников. Проникнутые этим новым духом освобожденной демократии, заявления Временного правительства, разумеется, не могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе. Совершенно напротив, всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого. Это стремление стало более действительным, будучи сосредоточено на близкой для всех и очередной задаче — отразить врага, вторгнувшегося в самые пределы нашей родины. Само собою разумеется, как это и сказано в сообщаемом документе, Временное правительство, ограждая права нашей родины, будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников. Продолжая питать полную уверенность в победоносном окончании настоящей войны, в полном согласии с союзниками, оно совершенно уверено и в том, что поднятые этой войной вопросы будут разрешены в духе создания прочной основы для длительного мира и что проникнутые одинаковыми стремлениями передовой демократии они найдут способ добиться тех гарантий и санкций, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем».

Эта нота П. Н. Милюкова вызвала бурю негодования в рабочих и солдатских кругах. Она разоблачала грубый обман народных масс как Временным правительством, так и социал-соглашательскими партиями, заверявшими эти массы солдат и рабочих, что обращение Временного правительства от 27 марта изменило политику войны и ее цели. На самом деле Временное правительство выпустило эту «летучку» лишь для внутреннего употребления, в целях обманного успокоения солдат и рабочих. Толкование этого обращения П. Н. Милюкова было правильным изложением взглядов Временного правительства, но тем не менее все социалисты-оборонцы пытались направить все негодование демократии только на Милюкова. Направление массы на Временное правительство угрожало самому существу социал-оборонческой политики, и они старательно выгораживали и выделяли из него наиболее последовательного выразителя интересов буржуазии — П. Н. Милюкова. Это был своеобразный политический маневр трусливых мелких буржуа, какими являлись в политике все вожди социал-соглашательства.

В продолжение целого ряда дней, начиная с 20 апреля, по Питеру происходили массовые уличные митинги и демонстрации. Около Мариинского дворца происходили митинги. В третьем часу дня прибыли ко дворцу в полном порядке солдаты запасного 180-го полка, Финляндского стрелкового полка, Измайловского, Кексгольмского и моряки 2-го экипажа Балтийского флота. На собраниях первых двух полков, предшествовавших их выходу, была принята следующая резолюция: «Ознакомившись с нотой Милюкова о целях войны, выражая свое негодование по поводу столь беззастенчивого выступления, явно противоречащего обращению

Совета рабочих и солдатских депутатов к народам всего мира, и декларации самого Временного правительства, мы требуем немедленной отставки Милюкова».

На знаменах манифестантов красовались надписи: «долой Милюкова и Гучкова», «долой Милюкова», «долой аннексии и контрибуции», «война без завоеваний», «долой Временное правительство» и т. п.

Собравшиеся на площади у Мариинского дворца манифестанты требовали Временное правительство к ответу. Из Исполнительного комитета прибыли «уговариватели» — Скобелев, Гоц — и призывали солдат к спокойствию. Выступал с обращением к войскам генерал Корнилов и, наконец, сам П. Н. Милюков. «Я видел сегодня плакаты с надписью «долой Милюкова», но я знаю, что защищаю интересы народа и не уйду до тех пор, пока не выполню своего долга или погибну»; много распространялся относительно «святости наших обязательств перед союзниками» и предупреждал, что «попытки старой власти нарушить их привели к падению ее». Угрозой союзниками представители правящей буржуазии и соглашатели часто пользовались как доводом неизбежности для России продолжать войну.

Буржуазные круги Питера в эти дни также выступили на улицу. Все, что было в Питере контр-революционного и патриотического, черносотенного, сгруппировалось под знаменами кадетской партии. В ответ на уличные демонстрации против Временного правительства и министра иностранных дел П. Н. Милюкова конституционно-демократическая «партия народной свободы», как она себя величала, выпустила особое воззвание: «Граждане! Россия переживает страшный час! Решается судьба страны, судьба будущих поколений, — писали кадеты. — Народ единодушно свергнул старую власть, — народ проявил великую мудрость, доверив власть Временному правительству. Сплотимся же вокруг этого правительства, не дадим разрастаться анархии! Вслед за анархией придет притаившаяся черная сотня. Безумные люди сеют в эту минуту рознь. Милюков, который обличал всех изменников в России, — Милюков, появление которого у власти купило доверие к нам наших союзников, об'является врагом отечества. Безответственные люди требуют его отставки. Они хорошо знают, что все правительство с ним согласно. Они знают, что нота, подписанная Милюковым, одобрена была всеми, без исключения, членами Временного правительства. Они знают, что уход Милюкова обозначает уход всего Временного правительства. Куда же они ведут Россию? Мы стоим на краю пропасти. Граждане! Выходите на улицу, проявляйте свою волю, участвуйте на митингах, выражайте одобрение правительству, спасайте страну от анархии! Да здравствует свободная Россия! Да здравствует Временное правительство. Партия народной свободы».

И шедшие за кадетами граждане действительно выступили на улицы «спасать Россию». Против демонстраций рабочих и солдат

выступили чиновничьи, интеллигентские, офицерские и буржуазные элементы столицы. На их плакатах мы читали: «да здравствует Временное правительство», «да здравствует Милюков», «долой Ленина», раздавались требования ареста Ленина. Однако все эти демонстрации в пользу П. Н. Милюкова не имели того внушительного вида, каким отличались выступления против П. Н. Милюкова и Временного правительства. Кое-где произошли стычки между противниками и сторонниками Милюкова. Бессильные от злобы и ненависти по отношению к солдатам и рабочим, буржуазные элементы пустили в ход оружие, но делали это из-за угла или из окон домов. В результате столкновений были раненые и убитые. Как ни была велика тревога буржуазии, но спасти Милюкова ей не удалось. События на улицах столицы за 20—21 апреля надломили положение и П. Н. Милюкова и его роль во Временном правительстве, а равно и политику самого правительства.

Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов посвятил обсуждению создавшегося, в связи с появлением ноты Милюкова, положения несколько заседаний. Первое было 19 апреля, когда нота Временного правительства была получена Исполнительным комитетом, кажется, из редакции «Известий». Второе заседание имело место утром 20-го. На обоих заседаниях происходил лишь «обмен мнений»; никаких решений по существу дела вынесено не было. Утром большинством Исполнительного комитета было выражено пожелание заслушать, прежде чем выносить какое-либо решение, об'яснение Временного правительства. Правительство согласилось и назначило на вечер того же 20 апреля совместное заседание Временного правительства и членов Исполнительного комитета.

Вечером 20 апреля, после 9 часов, начали появляться в Мариинском дворце члены Исполнительного комитета. Заседание было об'явлено секретным; пресса на него допущена не была. Появлявшиеся впоследствии в газетах заметки об этом заседании страдали неточностью и неполнотой. Совещание было открыто представителем Временного правительства Г. Е. Львовым около 10 часов вечера. Открывая собрание, Г. Е. Львов заявил, что «Временное правительство призвало вас (членов Исполнительного комитета) ввиду серьезности положения. Мы прекрасно понимаем то создавшееся положение, которое произошло в Петрограде в связи с нотой». От имени Временного правительства он отклонил все обвинения правительства в неисполнении программы; «мы выполнили наши условия», — закончил он ссылкой на известные 8 пунктов первой правительственной декларации.

После него выступил военный и морской министр А. И. Гучков. Он начал с исторической справки о том, что он был в 1912 году на Балканах и тогда же ясно видел неизбежность европейской войны. Тогда же он писал представителям власти и требовал уже тогда принятия необходимых мер по организации обороны. Говорил с различными министрами все на ту же тему о подготовке

обороны. Расспрашивал Коковцева о том, что делается в смысле подготовки к войне, и получал в ответ, что ничего. «Мы были осуждены на поражение. Военное ведомство не готовилось, — там господствовала отсталость; во всем мы были хуже противников, отставали в технике, в снабжении и в командном составе. Еще в августе 1914 года мне было ясно, что мы разгрома не избежим; я писал тогда же правительству, но встретил каменную стену. Карпатский разгром подтвердил полностью мои предположения.

«После этого разгрома подняла голову общественность. Целая группа политических единомышленников, мы пришли к убеждению, что без переворота обойтись нельзя. События оправдали нас. Переворот совершился. Мы надеялись, что он вызовет такой энтузиазм, который покроет все дефекты организации военного дела. Действительность не оправдала наших ожиданий. В положении нашей армии создается целый ряд ухудшений. Пагубное влияние оказывает на армию пацифизм. При таких условиях мы вести войны не можем. Мы должны все об'единиться на одном — на продолжении войны, чтобы стать «равноправными членами международной семьи», — закончил он [1]).

После Гучкова выступил министр земледелия А. Шингарев. Свою речь он начал с указания на ужасное состояние продовольственного дела. «Управлять законами революции отдельные люди не могут, но управлять делами снабжения должны. Хочу рассказать то, что есть». Говоря о продовольственном положении, министр нарисовал печальную картину. Запасов в центре не было. Запасы продовольствия армии исчислялись днями и даже полуднями. Виновных за подобное положение страны он видел в «крайне левых элементах», пропаганда которых производила, по его мнению, губительное действие. В силу этого даже просто возможность урегулировать продовольственный вопрос становится все более и более шаткой и призрачной. Транспорт расстроен и усиливает бедствие. На закон о хлебной монополии он указал как на меру отчаяния. Все беды он видел в большевиках и закончил указанием на необходимость борьбы с «отравой, которая идет с Петроградской стороны» [2]).

Министр финансов Терещенко выразил удивление по поводу шума, поднятого вокруг ноты, которую он считал лишь перифразировкой первой ноты (от 27 марта), выработанной по соглашению с Исполнительным комитетом; совершенно не понимал причин недовольства, которые она вызвала; указал на полную зависимость России от союзников, с чем Исполнительный комитет не хочет считаться, а Временное правительство при таких условиях работать не может. Переходя к характеристике финансового положения страны, он заявил, что «финансовые реформы не могут быть быстро

---

[1]) Воспроизвожу по сохранившейся у меня записи его речи.

[2]) Указание на деятельность Петроградского комитета нашей партии, который помещался в доме Кшесинской на Петроградской стороне.

осуществлены, и все, что требуется теперь, это — поддержка займа свободы».

Министр путей сообщения Некрасов констатировал улучшение движения на железных дорогах по сравнению с мартом. Сообщил о перегрузке пассажирского движения и общем недостатке паровозов, вагонов. В целях пополнения паровозного и вагонного парка в Америке было заказано 3.000 паровозов и 60.000 вагонов. «Союзная Америка готова выполнить наш заказ, но ее доверие колеблется, так как подозревает искренность наших желаний выполнить обязательства по отношению к союзникам», — закончил Некрасов.

Выступление П. Н. Милюкова носило исключительно официальный характер. Оно было совершенно лишено тех вольностей и попыток «искренности», которыми изобиловали речи Львова, Гучкова, Некрасова. Он начал с указания, что проводимая им внешняя политика есть политика всего Временного правительства. «Нота составлена при участии всех членов Временного правительства». При этой фразе он особенно выразительно сказал слово «всех». Это был прямой вызов социалистам-революционерам, которые распространяли слухи о том, что А. Ф. Керенский не принимал участия или даже был против ноты П. Н. Милюкова. В эти дни Керенский вел себя как самый пошлый авантюрист, не ходил на заседания Исполнительного комитета, не было его и на совместном заседании в эту ночь, 20 апреля. П. Н. Милюков был прав: все члены Временного правительства принимали участие в утверждении ноты. Далее Милюков указал на то, что «главное внимание направлено не на ноту, а на бумагу, которая ее сопровождает. Наши отношения к союзникам несколько изменились. Первые дни революции совершились так быстро, и эти дни отмечены таким же быстрым признанием всеми союзниками Временного правительства. Союзники нас расценивают только как боевую силу в ряду борющихся и только в зависимости от состояния этой силы помогают нам и считаются с нами. Начало этого дня ознаменовалось падением дипломатического курса Временного правительства. Задача министра иностранных дел заключалась в том, чтобы выяснить союзникам, что ничто не изменилось, и боевая сила увеличилась. Вопрос об изменении обязательств нельзя ставить прямо. Созыв конференции для этой цели недопустим».

Н. С. Чхеидзе выступил с заявлением, что «нота содержит неприемлемые для Совета положения. Затемняя цели войны, она совершенно не говорит об отказе от всяких аннексий и контрибуций и может дать нашим союзникам совершенно ложное представление о той позиции, какую заняли демократические слои России». Отвечая кн. Львову, Чхеидзе согласился, что принятые Временным правительством обязательства выполняются, но ныне поставлен вопрос о задачах войны.

И. Церетели посвятил свою речь исключительно министру иностранных дел и требовал, чтобы Временное правительство обратилось к союзникам с новой нотой. «Если сегодняшняя нота

Временного правительства является лишь раз'яснением предыдущей ноты, то это должно быть прямо и открыто сказано, чтобы у наших союзников не получилось неправильного впечатления. Министр иностранных дел не понял психологии новой революционной России. Он действует приемами представителей империалистической политики старого режима. В министерстве иностранных дел до сих пор еще все осталось по-старому. До сих пор не сменены послы, а при таких условиях нота напоминает о старом, отжившем строе».

Против предложения обратиться с новой нотой выступает П. Н. Милюков, заявив о недопустимости такого шага.

От комитета Государственной думы выступил Шульгин. Он отметил, что «полный отказ всех союзников от аннексий и контрибуций составляет именно тот лозунг, который является самым приемлемым для Германии. Для нее это значит остаться при той силе, которой она обладала до войны. Это значит оставить ее в положении самой сильной срединной империи. Австрия, Турция — в ее руках, в Константинополе она — хозяин. Закончить теперь войну при тех условиях, которые диктуют с разных сторон, значит осуществить давнишние мечты Вильгельма и способствовать Германии стать сильнейшей, но еще не успевшей разгромить Европу, страной. Борьба с германским милитаризмом и с милитаризмом вообще должна быть доведена до конца».

После представителя комитета Государственной думы выступил светило социалистов-революционеров В. М. Чернов. Его ораторские приемы изобличали «салонного», дамского оратора. Выразительность своей речи он пытался придать глазами, губами и ужимочками, вызывая этими гримасничаниями неприятное чувство. Свою речь он начал с указания на то, что «Россия должна говорить властным языком, а не как бедная родственница». Но что̀ эта Россия должна сказать своим «властным языком», этот типичный «водитель» эсеров не сказал. Он потребовал лишь реорганизации дипломатии. Он находил, что «нота Временного правительства не удовлетворяет стремлениям демократических элементов. Если мы действительно решили отказаться от аннексий и контрибуций, то мы должны сказать это союзникам прямо и категорически. Нужно определенно сказать, что Милюков, который всегда был сторонником вопроса о проливах в весьма определенном смысле, не выражает мнения Временного правительства, а излагает свои личные взгляды».

За Черновым была очередь М. И. Скобелева. Он говорил о жизнеспособности Совета и о вреде того удара, который был нанесен демократии нотой Милюкова. После Скобелева выступил втородумец Зурабов и заявил, что «если союзники не согласны итти с нами в деле открытого отказа от аннексий и контрибуций, то мы заодно с ними воевать не можем».

Представитель комитета Государственной думы Аджемов говорил об опасности, которая угрожала со стороны вооруженных

войск, желавших «давить» на правительство, но этот способ давления понижал авторитет власти. Он выражал пожелание о необходимости создания такой международной кон'юнктуры, которая «давала бы опору внутри каждой страны под давление демократии».

На трибуне вновь появляется Н. С. Чхеидзе и предлагает правительству итти на уступки, выступить с новой нотой. На это требование Г. Е. Львов заявил, что нота «принята правительством единогласно, и никаких уступок быть не может». Слово единогласно кн. Львов произнес раздельно и явно подчеркнул этим участие А. Ф. Керенского.

Среди начавшегося торга между Временным правительством и представителями Совета пришлось выступать представителю нашей партии Л. Б. Каменеву. Он говорил, что «если страна стоит на краю гибели, если она переживает хозяйственный, продовольственный и пр. кризисы, то выход из положения не в продолжении войны, которая только обостряет кризис и способна пожрать плоды революции, а в скорейшей ее ликвидации. Существующее Временное правительство по всем видимостям не способно взять на себя дело ликвидации войны, ибо оно стремится к «войне до конца». Поэтому выход — в переходе власти в руки другого класса, способного вывести страну из тупика».

После речи тов. Каменева с мест министров раздались возгласы: «тогда возьмите власть» [1]).

Этим выступлением фактически принципиальные постановки вопроса о ноте Временного правительства были закончены. Дальнейшие выступления носили характер сговора или принадлежали к числу так называемых «безответственных», когда выступавшие говорили только от себя лично. Станкевич выступил на поддержку Чхеидзе и убеждал Временное правительство согласиться на издание акта для внутреннего употребления. Вслед за ним выступил Бэр, доказывавший необходимость требовать мира без аннексий и контрибуций. Появлялся на трибуне и Суханов, предупреждавший правительство относительно критичности создавшегося положения и отсутствия общего языка у правительства с Исполнительным комитетом, не забывая подчеркнуть, что «заседание имеет историческое значение». Этот журналист был тогда преисполнен сознанием исторической важности и напоминал всюду и всем, что переживаемые события «имеют историческое значение».

Было еще несколько выступлений членов Временного правительства и представителей «революционной демократии». Все социал-соглашатели считали необходимым притти к какому-либо соглашению с Временным правительством, ибо представители последнего открыто заявили о своем желании уйти. Чхеидзе, при поддержке Церетели, прямо заявил, что «если не для наших союзников, то для нас самих, для сведения русских граждан, Временное правительство должно дать соответствующие раз'яснения вчераш-

---

[1]) К. Сталин. «Правда», № 40.

ней ноты. Совет рабочих и солдатских депутатов все время поддерживал Временное правительство. По вопросам внутреннего характера между нами никаких расхождений не было, а если они и появились, то только по вопросам наших взаимоотношений. Временное правительство недостаточно внимательно отнеслось к этой стороне дела, и мы считали своим долгом это подчеркнуть». Далее Н. С. Чхеидзе решительно заявил, что Совет рабочих и солдатских депутатов не организовывал выступления воинских частей против Временного правительства. Это выступление он считал недоразумением, созданным некоторыми неответственными лицами.

Церетели, Чхеидзе и Чернов единодушно и определенно заявили, что уход Временного правительства при данных условиях они считают совершенно недопустимым. Г. Е. Львов от имени правительства указал, что «факты, подобные вчерашним, не могут быть терпимы. Когда люди начали вмешиваться в управление государством, начали тормозить работу правительства, создавать искусственные преграды, — то управлять становится невозможно».

Соглашатели и оборонцы готовы были покритиковать Временное правительство, чтобы хоть этим удовлетворить массы, желавшие окончания войны. Но они совсем не были намерены взять власть и осуществить на деле политику мира. В результате никакого боя П. Н. Милюкову и Временному правительству представители социал-соглашателей не дали, не могли его дать, ибо сами погрязли по уши в оборончестве и разделяли ту же позицию по отношению к войне. Все представители так называемой революционной демократии закончили свои выступления жалкими предложениями о необходимости издания об'яснения Временного правительства для внутреннего употребления. Н. С. Чхеидзе, соглашаясь во всем с Временным правительством, упрашивал Г. Е. Львова приготовить это заявление в тот же день, так как вечером 21 апреля должен был состояться пленум Петроградского Совета. Это заявление им нужно было только для обмана представителей рабочих и солдат. Временное правительство одержало победу по всей линии и пошло навстречу просьбам представителей большинства Исполнительного комитета. Просимое заявление было написано, опубликовано; вот его содержание: «Ввиду возникших сомнений по вопросу о толковании ноты министра иностранных дел, сопровождающей передачу союзным правительствам декларации Временного правительства о задачах войны (от 27 марта), Временное правительство считает нужным раз'яснить:

«1. Нота министра иностранных дел была предметом тщательного и продолжительного обсуждения Временного правительства, при чем текст ее принят единогласно.

«2. Само собою разумеется, что нота эта, говоря о решительной победе над врагами, имеет в виду достижение тех задач, которые поставлены декларацией 27 марта и выражены в следующих словах: «Временное правительство считает своим правом и долгом ныне же заявить, что цель свободной России не господство над

другими народами, не отнятие у них национального их достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов, он не ставит своей целью ничьего порабощения и унижения. Во имя высших начал справедливости им сняты оковы, лежавшие на польском народе. Но русский народ не допустит, чтобы родина его вышла из великой борьбы униженной и подорванной в жизненных своих силах».

«3. Под упоминаемыми в ноте «санкциями и гарантиями» прочного мира Временное правительство подразумевало ограничение вооружений, международные трибуналы и пр.».

Раз'яснение сопровождалось следующей припиской: «Означенное раз'яснение будет передано министром иностранных дел послам союзных держав».

Так закончилась одна из попыток соглашательского «давления» на Временное правительство. Победа Временного правительства над большинством Исполнительного комитета была полная. Однако эта победа не могла исправить того, что было на улицах Питера в тот день. Как ни пытался Чхеидзе об'яснить их недоразумением, как ни старались Чернов и Церетели умалить «безответственностью» выступления рабочих и солдат 20 апреля, 21-го мы были свидетелями таких же демонстраций. Попытки соглашателей организовать «национальное единение» не удались. На улицах господствовала классовая борьба, готовая каждую минуту перейти в вооруженную схватку. Помимо воли Временного правительства и социалистов-оборонцев нота от 18 апреля открывала кризис власти. Милюков был подорван, Гучков чувствовал себя не на месте. Из Питера эти массовые демонстрации перенеслись в Москву и другие города. Положение везде создавалось похожее по сути на то, что было в столице.

Генерал Корнилов пытался было разрешить этот кризис в пользу правительства по старому способу: приказал двинуть на защиту Временного правительства пехоту, кавалерию и даже артиллерию, но был парализован Исполнительным комитетом. После этой попытки он понял, что власти над войсками ему не дано, и подал в отставку.

События 20—21 апреля быстро разнеслись по всей стране и докатились до фронта. Временное правительство вынуждено было дать свое официальное толкование этих событий, что оно и сделало, издав следующее сообщение: «20 апреля, около трех часов дня, на площадь Мариинского дворца явились части запасного батальона гвардейского Финляндского полка, 180-го пехотного запасного полка и 2-го Балтийского флотского экипажа с плакатами, выражавшими протест против известной ноты Временного правительства по иностранной политике. По получении об этом донесения главнокомандующий войсками Петроградского военного округа прибыл на площадь, обошел войска, поздоровался с ними

и стал выяснять, по чьему вызову они прибыли из казарм, при чем удалось установить, что войска вышли по приглашению неизвестных лиц.

«После речей, обращенных к войскам членами Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, в том числе членом Государственной думы Скобелевым, а затем и главнокомандующим, войска успокоились и мирно разошлись по казармам.

«21 апреля, около трех часов дня, в штабе округа были получены донесения о движении с окраин города больших вооруженных масс и о начавшейся на Невском проспекте стрельбе рабочих по вооруженным солдатам и публике, при чем появились сведения, что на Невском были даже убитые и раненые. Поэтому, в целях обеспечения мирного населения столицы от возможных насилий, главнокомандующий войсками Петроградского военного округа был принужден отдать приказание о вызове на Дворцовую площадь нескольких частей гарнизона.

«Около 4 часов дня, однако, от председателя Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов по телефону в штаб округа было сообщено, что Исполнительный комитет опасается, что вызов войск может осложнить создавшееся положение, и поэтому главнокомандующий войсками Петроградского военного округа предложил председателю вышеназванного комитета прислать в штаб округа делегатов для переговоров. Выслушав их заявление о том, что комитет примет все меры к прекращению беспорядков и успокоению населения города, главнокомандующий счел возможным отменить данное приказание и тут же, в присутствии членов комитета, продиктовал начальнику штаба телефонограмму во все части войск гарнизона с приказанием оставаться в казармах.

«Между тем в печати и на улицах столицы появилось воззвание Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, в коем, между прочим, было сказано:

«Товарищи солдаты! Без зова Исполнительного комитета в эти тревожные дни не выходите на улицу с оружием в руках. Только Исполнительному комитету принадлежит право располагать вами. Каждое распоряжение о выходе воинской части на улицу (кроме обычных нарядов) должно быть отдано на бланке Исполнительного комитета, скреплено его печатью и подписано не меньше чем двумя из следующих лиц: Чхеидзе, Скобелев, Бинасик, Соколов, Гольдман, Филипповский, Богданов. Каждое распоряжение проверяйте по телефону № 1-04-06».

«По поводу этого воззвания, имевшего, повидимому, целью предупредить и обезвредить попытки вызова войск отдельными группами и лицами, Временное правительство считает необходимым, с своей стороны, раз'яснить, что власть главнокомандующего войсками Петроградского военного округа остается в полной силе и что право распоряжения войсковыми частями может быть осуществляемо только им».

Уличные выступления рабочих и солдат против ноты Временного правительства вызвали массу тревог, волнений и слухов в обывательской среде. Многие ожидали, что солдаты и особенно красная или рабочая гвардия арестуют Временное правительство. Некоторые буржуазные газеты умышленно раздували эти слухи, уснащая их подробностями о существовании особого плана низвержения Временного правительства. Несомненно, под влиянием таких слухов запасный батальон Волынского полка отправил вооруженную охрану на квартиры некоторых министров. За эту заботу о Временном правительстве Г. Е. Львов послал командиру запасного батальона гвардии Волынского полка В. К. Кониченко письменную благодарность, от 20 апреля, следующего содержания: «Милостивый государь, Василий Константинович. Не могу отказать себе в удовольствии поблагодарить вас и просить передать мою искреннюю благодарность всему запасному батальону гвардии Волынского полка за их внимание к членам Временного правительства, выразившееся 18 сего апреля в посылке караула ко мне и некоторым моим товарищам. Хотя я не допускаю мысли, чтобы в свободной России, располагающей всеми средствами воздействия общественного мнения на направление политики, могли найтись лица, способные непосредственно посягнуть на свободу действий членов Временного правительства, все же ваша сердечная заботливость тронула меня до глубины души. Примите уверение в совершенном моем уважении».

Советские круги того времени пытались очень усердно изобразить исход кризиса 20—21 апреля как победу революционной демократии над П. Н. Милюковым, вернее, над его партией «народной свободы». Социалисты-соглашатели стремились выделить Милюкова из всего состава Временного правительства и сделать только его одного ответственным за пережитый кризис. Но Временное правительство своими официальными документами опровергало эту легенду. Однако некоторые разномыслия внутри Временного правительства все же существовали. Разногласия эти начались на почве определения взаимоотношений между Временным правительством и Исполнительным комитетом Петроградского Совета. Представители партии «народной свободы», занимавшие ряд важнейших министерских постов, тяготились вмешательством Исполнительного комитета в дела управления страной. П. Н. Милюков был сторонником осуществления политики твердой власти, готов был итти на разрыв с Исполнительным комитетом и даже на борьбу с ним. Однако такая боевая программа вождя кадетской партии пугала многих членов Временного правительства. Они видели в ней опасность как для войны, так и для своего классового господства и предпочитали использовывать политику соглашений с большинством Исполнительного комитета. Осуществление боевой программы П. Н. Милюкова ничего, кроме авантюры, сулить не могло, так как у шедших за его партией кругов не было физической силы, способной сломить волю соглашательского большинства Советов.

События же показывали, что революция имеет намерения развиваться не в сторону сближения с буржуазией, а, наоборот, в сторону разрыва с ней. При таких условиях программа П. Н. Милюкова ничего, кроме поражения его партии, дать не могла.

Все те мысли, которые члены Временного правительства высказывали на совещании в Мариинском дворце от 20 апреля, они попытались изложить в особом обращении перед всей страной, опубликованном 26 апреля. Первая половина этого обращения содержала изложение выполненной Временным правительством его программы, а также указание мероприятий, намеченных к осуществлению. Вторая половина воззвания содержала указания на трудности управления страной. «Но, говоря об осуществленных и осуществляемых им задачах, Временное правительство не может скрыть от населения тех затруднений и препятствий, которые оно встречает в своей деятельности. Оно не считает также возможным умалчивать о том, что в последнее время эти затруднения растут и вызывают тревожные опасения за будущее.

«Призванное к жизни великим народным движением, Временное правительство признает себя исполнителем и охранителем народной воли. В основу государственного управления оно полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силе. С тех пор как Временное правительство стоит у власти, оно ни разу не отступало от этих начал. Ни одной капли народной крови не пролито по его вине, ни для одного течения общественной мысли им не создано насильственной преграды».

Причины такого положения, по мнению Временного правительства, заключались в том, что «рост новых социальных связей, скрепляющих страну, отстает от процесса распада, вызванного крушением старого государственного строя. В этих условиях, при отказе от прежних насильственных приемов управления и от внешних искусственных средств, употреблявшихся для поднятия престижа власти, трудности задачи, выпавшей на долю Временного правительства, грозят сделаться непреодолимыми. Стихийное стремление осуществлять желания и домогательства отдельных групп и слоев населения явочным и захватным путем по мере перехода к менее сознательным и менее организованным слоям населения грозит разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину и создает благоприятную почву, с одной стороны, для насильственных актов, сеющих среди пострадавших озлобление и вражду к новому строю, с другой стороны, для развития частных стремлений и интересов в ущерб общим и к уклонению от исполнения гражданского долга».

Буржуазные представители власти никак не могли понять, что революцию нельзя заставить стоять на месте, а этого именно они и хотели. Их классовые интересы вполне удовлетворялись свержением царского правительства, после чего они намеревались

править страной в своих выгодах. Они не хотели замечать, что основные силы, свергнувшие царизм, — вооруженный крестьянин в серой шинели и рабочий, стоящий с винтовкой на фронте или у станка, — истерзанные войной, хотят от власти элементарного служения их интересам. Окончание войны, вопросы мира и земли стучались в двери Временного правительства.

В ответ на прямые вопросы по существу внешней и внутренней политики Временное правительство заявляло о своих тревогах за судьбу страны, об угрозах распада и поражения на фронте. «Перед Россией встает страшный призрак междоусобной войны и анархии, несущей гибель свободе. Есть мрачный и скорбный путь народов, хорошо известный истории, — путь, ведущий от свободы через междоусобие и анархию к реакции и деспотизму». Но этого пути не желало Временное правительство, а потому призывало к поддержке власти и заявляло о намерениях «возобновить усилия, направленные к расширению его состава путем привлечения к ответственной государственной работе представителей тех активных творческих сил страны, которые доселе не принимали прямого и непосредственного участия в управлении государством» [1]).

Это обращение Временного правительства официально ставило вопрос об участии в его составе представителей партий, составлявших советское большинство. 26 апреля министр-председатель Временного правительства обратился к председателю Государственной думы М. В. Родзянко со следующим письмом: «Милостивый государь, Михаил Владимирович, в опубликованном 26 апреля обращении Временного правительства, между прочим, указано, что правительство возобновит усилия, направленные к расширению его состава путем привлечения к ответственной государственной работе представителей тех активных творческих сил страны, которые доселе не принимали прямого и непосредственного участия в управлении государством.

«Ввиду изложенного я обратился от имени Временного правительства к председателю Совета рабочих и солдатских депутатов, члену Государственной думы Н. С. Чхеидзе, с просьбой довести об указанных предположениях до сведения Исполнительного комитета и партий, представленных в названном Совете.

«Сообщая об этом, прошу Вас принять уверение в совершенном уважении и преданности».

Временный комитет Государственной думы также не остался равнодушным к событиям 20—21 апреля, а выступил с особым воззванием, в котором считал недопустимым вооруженные выступления против Временного правительства [2]).

За кулисами Совета и Исполнительного комитета шли переговоры относительно образования коалиционного правительства. Сведения об этом попадали и в печать. Вопрос о коалиционном пра-

[1]) См. обращение Временного правительства в приложении двадцать пятом.
[2]) См. обращение Временного комитета Государственной думы в приложении двадцать шестом.

вительстве и об участии в нем представителей Совета впервые рассматривался официально в Исполнительном комитете на заседании от 28 апреля и решен отрицательно. Но независимо от этого решения между частью членов Временного правительства и представителями партий с.-д.-меньшевиков и социалистов-революционеров шли переговоры о вхождении во Временное правительство членов этих партий. Вопрос был в программе обновленного правительства, а также в удалении из его состава П. Н. Милюкова и А. И. Гучкова. Последний решил выйти сам из этого торга и тем облегчил соглашение.

30 апреля А. И. Гучков издал приказ по армии и флоту, которым об'явил, что, «сложив с себя обязанности военного и морского министра, поручаю временное управление военным министерством генералу-от-артиллерии Маниковскому, а за его выездом в ставку — временно генерал-лейтенанту Новицкому, и морским министерством — контр-адмиралу Кедрову».

Одновременно с этим он отправил на имя кн. Львова следующее заявление: «Милостивый государь, князь Георгий Евгеньевич! В силу тех условий, в которые поставлена правительственная власть в стране и в частности власть военного и морского министра в отношении армии и флота, — условий, которые я не в силах изменить и которые грозят роковыми последствиями и обороне, и свободе, и самому бытию России, — я по совести не могу далее нести обязанности военного и морского министра и разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении родины, а потому прошу Временное правительство освободить меня от этих обязанностей. А. И. Гучков. 1/V 1917 г.»:

Уход Гучкова с поста военного и морского министра, а главное политическая мотивировка его выхода из состава Временного правительства ускорила развязку начавшегося 20 апреля кризиса. Первого мая ст. стиля вопрос о вхождении социалистов во Временное правительство был решен, — представители советского большинства получали ряд министерств.

Тем не менее Временное правительство выпустило особое сообщение, посвященное выходу из его состава А. И. Гучкова, в котором говорилось: «По поводу выхода из состава Временного правительства военного и морского министра А. И. Гучкова, а равно указанных мотивов такового решения, Временное правительство напоминает, что свои воззрения на современное политическое положение оно изложило в опубликованном 26 апреля сего года обращении к населению в полном согласии с А. И. Гучковым. В этом обращении Временное правительство совершенно открыто и определенно заявило стране, что государство в опасности и что для спасения его необходимо напряжение всех живых сил страны и полное доверие к власти. Тогда же правительством было единодушно решено сделать все возможное для привлечения в свой состав тех творческих сил, которые еще не участвовали в ответственной государственной работе. Не ожидая разрешения этого

вопроса, А. И. Гучков признал для себя возможным единоличным выходом из состава Временного правительства сложить с себя ответственность за судьбы России.

«Отдавая себе ясный отчет в тех опасностях, которые стоят в настоящее время перед Россией после испытанных ею потрясений, Временное правительство, по долгу совести, не считает себя вправе сложить с себя бремя власти и остается на своем посту.

«Временное правительство верит, что с привлечением к ответственной государственной работе новых представителей демократии восстановится единство и полнота власти, в которых страна найдет свое спасение».

Известия о событиях в Питере, гонимые народной молвой, доходили до провинции крайне искаженными и преувеличенными. Официальным сообщениям придавали мало доверия даже представители местной власти. Происшедшее и происходившее в столице в конце апреля было понято в Тифлисе как свержение Временного правительства. Это обстоятельство настолько обеспокоило комиссаров Временного правительства по Кавказу — Харламова, Джафарова и Чхенкели, что утром 2 мая они вызвали на телеграф члена Государственной думы С. Таскина, и между ними произошел следующий разговор по прямому проводу, излагавший ход событий того времени: «Вопрос со стороны комиссаров. — 1. Правда ли, что свергнуто Временное правительство? — Ответ члена Государственной думы Таскина. — Совершенно ложны слухи об отказе Временного правительства. Оставил свой пост лишь военный министр Гучков. Он ушел добровольно. Вопрос. — 2. Как относится Временное правительство к его уходу? Ответ. — Временное правительство считает его уход поступком единоличным. Вопрос. — 3. Каковы сейчас отношения между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов? Ответ. — Совет рабочих и солдатских депутатов решил войти в состав Временного правительства в лице представителей социалистических партий. Вопрос. — 4. Чем вызван уход главнокомандующего фронтами? Ответ. — Теми же причинами, что и уход Гучкова. Отставка их Временным правительством еще не принята. Вопрос. — 5. Уход Рузского? Ответ. — Рузский покинул пост главнокомандующего еще раньше вследствие расстроенного здоровья. Вопрос. — 6. Каково общее настроение в Петрограде? Ответ. — В Петрограде надеются, что правительственный кризис будет улажен. Вопрос. — 7. Каково отношение к Милюкову и его пребыванию в составе правительства? Ответ. — Вступление представителей социалистических партий в кабинет, насколько мне известно, не обусловлено уходом Милюкова. Вопрос. — 8. Нет ли уличных выступлений? Ответ. — В Петрограде настроение спокойное, после 21 апреля уличных демонстраций не происходило. Вопрос. — 9. Верны ли слухи о явке к Драгомирову немецких парламентеров? Ответ. — Слухи о посещении немецкими парламентерами генерала Драгомирова не подтверждаются. Вопрос. — 10. Какие об этом есть известия в Думе? Ответ. — Не знаю. Вопрос. —

8*

11. Каково настроение и положение на западном фронте? Ответ. — С западного фронта приходят известия, что немцы перетянули свои силы на этот фронт. Сведений о том, что они собираются наступать на нашем фронте, не имеется. Вопрос. — 12. Какой западный, французский или наш? Ответ. — Французский. Вопрос. — 13. Какие кандидаты выставляются от социалистических партий в кабинет? Ответ. — Говорят про Скобелева, Чернова и Керенского в качестве военного министра. Мною (Таскиным. — *А. Ш.*) заданы следующие вопросы: Вопрос. — 1. Каково общее положение в Тифлисе, на Кавказе и в кавказской армии? Ответ. — У аппарата депутат Чхенкели. В Закавказьи в общем все спокойно. Никаких движений на аграрной почве, выходящих из общих мелких столкновений, нет. Национальные отношения нормальны. Среди Восточного Закавказья настроение тревожно на почве слухов. Вооружение всех частей населения. Комитет принимает все меры при помощи представителей национальных организаций и представителей рабочих и солдатских депутатов к успокоению населения. Отношения между временными комитетами и революционными организациями вполне нормальны. Организация гражданской части на местах идет успешно; настроение в кавказской армии бодрое. Фронт испытывает большие затруднения в снаряжении и продовольствии, много больных тифом, цынгой. Экстренно высылаются пополнения из запасных частей. Просим передать настоятельную просьбу выслать одежды, главное — обувь. Просим срочно — маршевыми поездами; не во что одевать маршевые роты. Начальник снабжения генерал-майор Болховитинов комитетом, с согласия генерала Юденича, устранен. Сейчас происходит с'езд представителей фронта. Идет спокойная деловая работа. Испытываем затруднения в перевозке с фронта больных и отпускных. Что еще интересует? Вопрос. — 2. Имеет ли почву агитация ленинцев и есть ли она? Ответ. — Очень слаба, ничтожна, не имеет в Закавказьи никакой почвы. Все организации совместно с нами напрягают усилия к поддержанию порядка и спокойствия в крае. Большевики вошли в меньшевистскую партию и работают вместе» [1]).

Третьего мая П. Н. Милюков послал кн. Львову письмо, в котором писал: «Сим заявляю, что я слагаю с себя обязанности министра иностранных дел. П. Милюков». Этим закончилась правительственная деятельность вождя партии «народной свободы»; на этом закончилась и работа первого Временного правительства. 5 мая был опубликован уже новый состав Временного правительства из следующих лиц:

«Об'является нижеследующий состав Временного правительства:

Министр-председатель и министр внутренних дел князь Г. Е. Львов.

Военный и морский министр А. Ф. Керенский.

[1]) См. дело Временного правительства, отдел сношений с войсками и населением. Архив Октябрьской революции.

Министр юстиции П. Н. Переверзев.
Министр иностранных дел М. И. Терещенко.
Министр путей сообщения Н. В. Некрасов.
Министр торговли и промышленности А. И. Коновалов.
Министр народного просвещения А. А. Мануилов.
Министр финансов А. И. Шингарев.
Министр земледелия В. М. Чернов.
Министр почт и телеграфов И. Г. Церетели.
Министр труда М. И. Скобелев.
Министр продовольствия А. В. Пешехонов.
Министр государственного призрения князь
Д. И. Шаховский.
Обер-прокурор святейшего синода В. Н. Львов.
Государственный контролер И. В. Годнев.
Министр-председатель князь Львов.
Управляющий делами Временного правительства
Д. И. Шаховской.

Помимо новых лиц, имелось и другое новое в списке министерств, — появилось четыре новых министерства: министерство труда, министерство почт и телеграфов, министерство продовольствия, министерство государственного призрения.

С этого дня политика советской и соглашательской поддержки «постольку, поскольку» превратилась в тесное сотрудничество социал-соглашателей с буржуазией.

На другой день после образования коалиционного правительства появилась программа его политики. Во внешней политике правительство отвергало всякую мысль о сепаратном мире, ставило своей целью «скорейшее достижение всеобщего мира, не имеющего своей задачей ни господства над другими народами, ни отнятия у них национального их достояния, ни насильственного захвата чужих территорий, — мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов». Но, стремясь к миру, Временное правительство твердо верило, что «революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на Западе и обрушились всей силою своего оружия на нас». Временное правительство обещало «бороться с хозяйственной разрухой страны дальнейшим планомерным проведением государственного и общественного контроля над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов, а в необходимых случаях прибегнуть и к организации производства». Но вопрос о земле отодвигался до Учредительного собрания, несмотря на приход к посту министра земледелия В. М. Чернова. Остальные пункты о защите труда, «демократизации», финансовой системы и пр. носили характер добрых пожеланий [1]).

[1]) См. декларацию коалиционного Временного правительства в приложении двадцать седьмом.

VII. Армия, флот и революция.

Несмотря на видимое истощение страны от войны и появление различных кризисов — топлива, продовольствия, — вызвавших глубокое недовольство огромных масс населения, среди высшего командного состава не нашлось ни одного мужественного голоса в защиту необходимости окончания войны. Интересы военной профессии и классовое понимание войны отдаляли их от интересов крестьянской и рабочей массы.

Между тем при малейшем внимании к их моральному состоянию уже в то время было ясно видно, что огромная масса солдат устала, измучена войной, не понимает ее, не считает ее своей и жаждет ее окончить. Те сотни делегаций, которые проходили в первые недели революции через Исполнительный комитет Петроградского Совета, ища ответа на вопрос о войне, являлись показателями солдатских настроений и сомнений. Для обработки солдатских умов Временное правительстро и буржуазия пустили в ход все средства, имевшиеся в то время: как печать, так и устную агитацию. Русская революция явилась исходным предлогом буржуазной агитации, требовавшей продолжения войны уже во имя защиты революции от немецкой, императорской угрозы. Буржуазия пользовалась революционным энтузиазмом солдатских и рабочих масс, их ненавистью к царизму для направления всех этих настроений против Германии. На фронт отправлялись члены Государственной думы, студенты, журналисты, адвокаты и т. п. дельцы для обработки солдат, для пришпоривания их в деле наступления. Из всех политических партий только одна — РСДРП большевиков — последовательно и бесстрашно боролась против войны, вызывая бешеную вражду со стороны всех патриотов франко-английской марки.

Первые недели революции в тыловых частях армии проходили под лозунгами очищения воинских частей от неугодных начальников. Нередко эта чистка принимала характер расправы солдат над наиболее ненавистными офицерами. Случаев таких расправ на фронте было меньше, так как там офицерство, особенно строевое, в силу необходимости боевой обстановки, вынуждено было ладить с солдатами, иначе угрожала своя же пуля в момент какой-либо схватки с немцами. Очищение фронтовых воинских частей от враждебных солдатам и революции элементов шло значительно медленнее, чем это происходило в тылу. Высший командный состав всячески пытался изолировать фронт от тыла, принимал цензурные меры против неугодной литературы и писем в армию. Но все эти меры оказались способны, в лучшем случае, лишь на короткое время отсрочить получение тех же сведений, но иным порядком. Стремление не допускать в армию литературу против войны приводило лишь к тому, что солдаты посылали за ней ходоков и первое время скрывали ее от начальственных глаз. Огромная пробудившаяся жажда узнать все, что думают и говорят о войне, подталки-

ваемая непосредственной личной заинтересованностью каждого солдата, преодолевала все преграды. Успех нашей партийной литературы с самых первых недель революции был огромный. Генерал Алексеев, понимая ограниченность цензурных мероприятий, обращался во Временное правительство с ходатайством, указывал, «что, несмотря на принимаемые меры борьбы путем цензурного досмотра с подобного рода литературой и корреспонденцией, таковая все же может проникнуть в армию всякими окольными путями, а потому убедительно прошу правительство принять самые решительные меры, чтобы обеспечить армию от разложения. Ко многим явлениям, остро переживаемым армией, подобная литература присоединит еще новые, которые могут грозить безусловной гибелью для армии путем разложения ее нравственных устоев» [1]).

Но что могло поделать Временное правительство, об'явившее в своей декларации о полной свободе печати? Оно пыталось отнять типографию у нашей газеты «Правды», но — неудачно. У буржуазии оставался только один путь для борьбы с нами: клевета. И эта клевета была пущена в ход. Сначала нашу «Правду» об'явили органом провокатора Черномазова, стремясь этим путем вызвать погром редакции, а затем об'явили ее существующей чуть ли не на «немецкие деньги». Эта клевета распространялась против нас в миллионах экземпляров, оставляя в неискушенных, порой наивных солдатских умах немало сомнений на наш счет. Кое-где клевета приводила к открытой вражде к нам и к нашей партии, завершившейся в июльские дни в некоторых местах погромами наших организаций. Но ни эта клевета на с.-д.-большевиков, ни цензурные мероприятия не могли задержать работу солдатской мысли о войне. Наша партия скоро имела уже многочисленных и стойких сторонников во всех частях действовавших армий. «Пораженческая зараза», как называли в то время взгляды нашей партии и ее отношение к войне, захватывала один район за другим. Противников войны, открытых и тайных, колебавшихся, становилось с каждым днем все больше и больше.

Военное командование находило все тыловые части, особенно Петроградского военного округа, негодными даже для пополнений. В них была совершенно разрушена былая дисциплина, авторитет офицерства подорван, и все они были втянуты в политическую жизнь. Для восстановления упавшей дисциплины принимались различные политические и организационные меры. Внутренний быт войск и определявшие его уставы были подвергнуты изменениям; все унижавшее человеческое достоинство солдата удалено, и права командного состава были ограничены. Возникшие в первые дни революции солдатские комитеты были признаны и имели права руководить внутренней жизнью солдатской массы. Все эти нововведения, явившиеся в результате революции сначала только в петроградском гарнизоне, быстро распространялись по всем войскам за-

---

[1]) См. дело Временного правительства в Архиве Октябрьской революции.

паса и проникали на фронт. Вместе с новыми приказами о реформах в армии, проникали туда же и политические лозунги того времени. Все, что имело касательство к вопросам войны и мира, жадно ловилось многомиллионной солдатской массой, вызывая ее на активное проявление своей воли. Отсутствие заинтересованности крестьянских и рабочих масс в войне толкало солдатскую волю в сторону немедленного осуществления желанного лозунга «долой войну».

Первые случаи открытого заявления солдат о нежелании продолжать войну в петроградском гарнизоне имели место уже в начале марта. На фронте выступления солдат против войны, прямые или еще робкие, прикрытые иными поводами, начались в районе северного фронта во второй половине марта. Командующий 12-й армией генерал Радко Дмитриев доносил генералу Рузскому уже 29 марта о том, что «состояние духа в частях 43-го корпуса крайне ненадежно и заставляет сомневаться, что некоторые полки выполнят самый элементарный свой долг. Среди них сильно распространена пораженческая агитация, сводящаяся к тому, что они не будут сражаться и ждут немедленного заключения мира». Такое отношение солдат к войне понималось генералом, как немецкая провокация. «Есть все основания полагать, — доносил генерал, — что там ведется агитация немецкими провокаторами, так как солдаты, видимо, находятся в сношениях с неприятелем на аванпостах». Для борьбы с таким явлением генерал Радко Дмитриев предлагал вывод в резерв всего корпуса и приглашение «комиссаров» из Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов [1]).

Не лучше обстояло дело и в другой армии того же фронта. Генерал Драгомиров, командующий 5-й армией, доносил генералу Рузскому от 29 марта, что «общее настроение в армии с каждым днем делается напряженнее. Некоторое успокоение, которое замечалось в первые дни после созыва общего собрания депутатов от всех частей, управлений и учреждений армии, в последние дни сменилось проявлением крайне опасного свойства.

«Аресты офицеров и начальников не прекращаются. К прежним обвинениям в приверженности к старому режиму или в несправедливом отношении к солдатам за последние дни стали высказываться обвинения начальников о несоблюдении очереди при постановке на позицию, о посылке людей на гибель для захвата пленного. Были случаи отказа итти на позицию на том основании, что и в прошлом году полк стоял пасхальную ночь на позиции, и поэтому постановка его в окопы перед пасхой несправедлива и пр. Как иллюстрацию тех требований, которые пред'являются войсками и с каким невероятным трудом приходится их успокаивать, представляю при сем рапорт начальника 182-й пехотной дивизии, генерала Попова, из коего видно, что солдаты начинают вмешиваться даже в вопросы о распределении войск между боевой частью и резервом

[1]) См. телеграмму в приложении двадцать восьмом.

и весьма туго поддаются на об'яснения и увещевания их начальников» [1]).

Несомненно, учет этих настроений определил поведение генерала Рузского по отношению к вопросу о наступлении, описанное нами выше. Многих все же вводило в обман то обстоятельство, что воинские части, стоявшие в резерве или в запасных частях в тылу, сравнительно легко поддавались лозунгам «войны до победы», но совершенно иначе вели себя, когда нужно было перейти от слов к делу. «Три дня под ряд ко мне приходили полки, стоявшие в резерве, с из'явлением своей готовности вести войну до конца, выражали готовность по первому моему требованию итти куда угодно и сложить головы за родину, а на-ряду с этим крайне неохотно отзываются на каждый приказ итти в окопы, а на какое-либо боевое предприятие, даже на самый простой поиск, охотников не находится, и нет никакой возможности заставить кого-либо выйти из окопов», — жаловался генерал Драгомиров.

Солдаты 728-го полка 182-й пехотной дивизии той же 5-й армии вынесли решение, чтобы «те части в Петрограде и других городах России, которые ходят в манифестациях, кричат и вывешивают флаги «война до полной победы», должны быть поставлены в окопы и испытать на себе, как достигается победа, а нам, послужившим в окопах и на войне почти три года, встать вместо тех» [2]).

Свое решение на-ряду с другими требованиями полк пред'явил, по команде, командующему армией.

«Все помыслы солдат обращены на тыл, — отмечает генерал Драгомиров в своем письме. — Каждый только думает о том, скоро ли ему очередь итти в резерв, и все мечты сводятся к тому, чтобы быть в Двинске. За последние дни настойчиво живут мыслью, что они достаточно воевали и пора их отвести в далекие тыловые города, а на их место поставить войска петроградского и других больших гарнизонов».

Одновременно с этим поступали жалобы о чрезвычайно тяжелом положении командного состава. Все распоряжения офицеров вызывали недоверие, а порой и неподчинение. Командный состав не понимал основных причин, вызывавших такое отношение солдат, и приписывал все немцам или «злонамеренным» агитаторам. Между тем причиной всего зла была война, которую солдаты не считали своей, которая становилась все труднее и тяжелее для них как на фронте, так и в тылу, а для семей — дома, в деревне и городе.

О настроениях и боеспособности воинских частей западного фронта в ставку был представлен обширный доклад, содержавший «мнения начальствующих лиц». Эти мнения отличались большим разнообразием [3]). Так, командир 671-го полка полковник Красницкий от 17 марта доносил, что «радостное настроение первых дней

---

[1]) См. доклад в приложении двадцать девятом.
[2]) См. рапорт начальника дивизии в приложении тридцатом.
[3]) См. дело военно-научного архива за № 452.

сменилось или безразличием, или вылилось в упадок дисциплины. Влияние необоснованной и необдуманной литературы и слухи, идущие с тыла, порождают шатание. Зная ограниченность наших технических средств, солдат становится неуверенным и менее стойким».

Командир 672-го полка Волошинов от того же дня сообщал, что «с внешней стороны настроение бодрое и внушающее доверие. Комитет удачно регулирует взаимоотношения между офицерами и солдатами. Для наступления необходимы большие технические средства; с наступлением лучше подождать».

Командир 669-го полка Несходов извещал, что «власть командного состава подорвана. Дисциплина расшатана; все ярче обрисовывается недоверие к офицеру; офицеры бессильны бороться с возрастающим падением дисциплины. Воззвания Совета рабочих и солдатских депутатов сыграли в руку врагу. Начальники не могут ручаться, что солдаты в бою пойдут за ними. В настоящее время лучше обороняться».

Полковник Фененко, командир 670-го полка, телеграфировал от 17 марта, что «настроение большинства, состоящего из малоразвитых солдат, несколько заносчивое, вызывающее; значительное меньшинство, состоящее из более развитых и сознательных солдат, понимает всю важность дисциплины и необходимость ее; они негодуют на солдат, оставшихся в тылу. Офицеры считают себя забытыми и не чувствуют себя начальниками; офицеры постановили даже сложить с себя офицерское звание, если от них отымут все дисциплинарные права и резко нарушат внутренний уклад жизни. Дисциплина расшатана. Нет уверенности, что в бою солдаты пойдут за офицерами. Офицеры и теперь не чувствуют себя в силах справиться с разнузданностью солдат и отказами от работ. Наступление невозможно».

Из 168-го полка командир Савинцев доносил, что «революционная волна повлияла отрицательно. Дисциплина падает с каждым днем. Авторитет офицеров подорван, что отражается на нравственной упругости и боеспособности войск. В бою появится масса симулянтов».

Полковник Ходаковский, командир 165-го полка, от 17 марта уведомлял, что «порыв и воодушевление в полку поднялись; дисциплина пошатнулась; упругость ослабела. Выборный солдатский комитет внес успокоение».

Полковник Прядченко, командир 166-го полка, доносил: «отношение между офицерами и солдатами наладилось. Наступление возможно месяца через 2—3. Пополнение прибывает в половинном составе».

Донесение командира 167-го полка полковника Яковлева от того же дня сообщало, что «свои позиции солдаты сохранят; о продвижении вперед никто не обмолвился. Громкие фразы «бороться до полной победы» произносятся только теми, кто в тылу. Наружно все спокойно. Дисциплина вне строя отсутствует. Между офице-

рами и солдатами полная рознь. Офицеры аннулированы. В полку, видимо, есть тайные комитеты, которым верят безусловно. Есть основание предполагать, что потребуют выбора начальников. В ближайшем будущем будут пред'явлены требования». Это мнение командира полка Яковлева свидетельствует о большой его наблюдательности, но оно совершенно ошибочно в части указаний на «тайные комитеты», существовавшие в полку. Сопротивление командного состава введению «полковых комитетов» в полках боевых линий приводило к тому, что солдатская масса равнялась по наиболее передовым элементам, иногда партийным, находившимся в полку. Недоверие к офицерам приводило к тому, что солдаты скрывали от них свои настроения и отношения. По тем же причинам офицеры были мало в курсе партийно-политических организаций в своих частях. Наши единомышленники, с.-д.-большевики, были вынуждены держаться в полках настороже, но отнюдь не бояться об'единяться в полковую организацию.

Генерал Федяев, начальник 31-й пехотной дивизии, доносил от 17 марта, что «революционный шквал нашел благодарную почву в полках. Дисциплина, поддерживаемая ранее мерами строгости, зашаталась. Дивизия далеко не та, что была прежде, так как известная деморализация, идущая из тылов, коснулась и ее. В настоящее время все держится только на личности, также и обаянии начальников; прежней дисциплины нет. Солдатская тыловая масса сорвалась с нарезов; отпускные возвращаются не все, а большинство оседает в Петрограде, Москве и других городах, примыкая к революционной армии. Из маршевых рот доходит половина состава. Широкие наступательные задачи пока не под силу, более уместна оборона».

Начальник 169-го пехотного полка генерал Доброжанский находил «большой под'ем духа и стремление довести войну до победного конца, и что офицерско-солдатские комитеты вносят успокоение, постепенно сближая офицеров с солдатами». Одновременно с этим он все же делал заключение, что «за устойчивость частей в бою ручаться трудно вследствие громадного некомплекта офицеров вообще и отсутствия коренных офицеров, а также вследствие вредного влияния воззваний и приказов Совета рабочих и солдатских депутатов. Необходимо каждую операцию тщательно подготовлять, чтобы успех ее был вне сомнений: малейшая неудача грозит пагубно отразиться и подорвет доверие к офицерскому составу».

Большой под'ем настроения отмечает и командир гренадерского корпуса генерал Парский в своем донесении от 17 марта: «Переход к новому строю вызвал под'ем духа в войсках. Вначале были довольно крупные недоразумения и много случаев мелких нарушений дисциплины и порядка и взаимного непонимания. Постепенно все начинает успокаиваться. Если не будут вмешиваться Советы рабочих и солдатских депутатов, то войска скоро успокоятся. Войска корпуса сохранили нравственную упругость и могут выполнить наступательные и оборонительные задачи. Оборонитель-

ные задачи корпус выполнит успешно и сейчас, а через 1—1½ месяца корпус будет готов и к наступательным операциям. Желание бороться до победного конца подавляющее. Особое значение приобретают начальники, которым верят офицеры и солдаты. Дивизии нового формирования в смысле духа, подготовки и обучения уступают старым; они пригодны для обороны».

Однако уже через две недели в том же корпусе начальники дивизий отмечали иные настроения. Так, начальник 1-й гренадерской дивизии генерал Стаев от 2 апреля сообщал, что «после переворота все в дивизии взбудоражилось и насторожилось: все стали очень чутки к политической жизни. Солдаты особенно ревниво относятся к своим правам; у них является некоторое подозрение к офицерам, которых они считают поневоле поступившимися своими правами и преимуществами. Пораженческие лозунги проникли в толщу солдатской среды, но, несмотря на это, в дивизии царит бодрый и уверенный дух. Дивизия вполне боеспособна для обороны и наступления, но при условии тщательной подготовки последнего. Первый успех окрылит войска и отвлечет их от мелочной повседневной жизни».

Начальник 2-й гренадерской дивизии генерал Скляровский от того же числа доносил, что «революция весьма сильно отразилась на нравственной упругости войск, значительно понизив их боеспособность. Дисциплина подорвана. К наступательным действиям войска почти неспособны, к оборонительным действиям войска более способны, но на упорную оборону отнюдь нельзя рассчитывать».

Две дивизии одного и того же корпуса, вернее их начальники, оценивали факты совершенно различно.

Генерал Launched Дединцев, начальник 5-й гренадерской дивизии, хотя и считал, что «пока полки дивизии способны к активным действиям», но совершенно не ручался даже за завтрашний день. «Пропаганда, что следует только обороняться, находит все большее распространение. Авторитет офицеров поколеблен. Вследствие недостатка 800 лошадей дивизия обладает малой подвижностью».

Командир 10-го армейского корпуса генерал Лошунов доносил, что «нравственная упругость войск ослабела, в некоторых частях понизилась боеспособность. Заигрывание рабочих и солдатских депутатов с солдатами ведет к упадку дисциплины и подрывает уважение к начальникам».

Жалобы на Советы слышатся и у генерала Славочинского, начальника 5-й пехотной дивизии, в его донесении от 17 марта: «Настроение в дивизии хорошее, через одну-две недели дивизию можно будет считать еще более прочной и надежной. Необходимо оградить армию от приказов и воззваний Совета рабочих депутатов».

Начальник 42-й пехотной дивизии генерал Ельшин пытался об'яснить «мрачные сообщения» своих полковых командиров и, несмотря на их отзыв, уверял, что «все солдаты одушевлены желанием

поддержать дисциплину и порядок и вести войну до победного конца. Несмотря на мрачные донесения командиров 167-го и 168-го полков, начдив надеется, что все же настроение будет терпимым. Офицеры чувствуют себя не в своей роли. Боеспособность войск не уменьшилась, но солдаты отлично сознают неравенство средств наших и противника, — это действует на их настроение угнетающе. Желание итти в бой есть, но и есть раздумье, что жертвы не принесут ожидаемой пользы. Пополнение плохо обучено и поступает в незначительных размерах».

Те же явления отмечает и генерал Терлецкий, начальник 129-й пехотной дивизии: «Отношение к Временному правительству восторженное. Солдаты возлагают большие надежды на солдатские хозяйственные комитеты. Дисциплина упала, но солдаты постепенно начинают подтягиваться и сознавать необходимость ее. Воззвания Совета рабочих и солдатских депутатов действуют на офицеров угнетающе. Повиновение осталось; нравственная упругость по инерции остается прежней. Боеспособность дивизии зависит от тех новейших технических средств, которые не уступали бы противнику».

Генерал Перцев, начальник 168-й пехотной дивизии, считал виновником упадка дисциплины Совет рабочих и солдатских депутатов. А начальник 9-й пехотной дивизии генерал Шатковский опасался больше всего прибытия на фронт «распропагандированных пополнений».

Донесения начальников кавалерийских, казачьих и артиллерийских частей сообщали о более спокойном настроении войск, чем в пехотных. Все выражали желание довести войну до победы. Казаки высказывали беспокойство за свои земли, боялись их отчуждения. Настроения кавалеристов и артиллеристов определялись их относительно лучшим положением в армии. Ни те, ни другие не испытывали тех моральных и материальных тягот, которые приходились на долю пехоты.

Командир 9-го армейского корпуса генерал Киселевский пытался подвести некоторый итог донесениям начальников частей корпуса и сделать выводы на будущее. В своем донесении от 18 марта он отмечал, что «значительная доля пессимизма в отзывах начальников дивизий и командиров полков должна быть отнесена на счет настроения офицеров и начальников, которые еще не имеют реальных данных, чтобы вывести иное заключение. Опасения некоторых начальников преувеличены. Масса войск останется верна своему долгу и его исполнит. Организующиеся солдатско-офицерские комитеты помогут успокоению. Сейчас — время, не подходящее для крупных операций. Приказы Совета рабочих и солдатских депутатов смутили многих, но не всех. Солдаты сознают техническое превосходство противника, что несомненно ослабляет их наступательный порыв. Половина укомплектований не доходит до войск. Состав их очень плохой, они не усиливают, а ослабляют армию».

Более поздние донесения, относящиеся к концу марта и началу апреля, содержат меньше первых радужных перспектив. Так, на-

чальник 112-й пехотной дивизии генерал Хвостов считал, что «на нравственности и духе войск последние события отразились отрицательно; худшие элементы получили возможность будировать; начальство лишено реальных средств борьбы с этими людьми. Замечается ослабление дисциплины, недоверие между офицерами и солдатами и упадок наступательного духа в частях. В общем настроение загадочное, и трудно сказать, во что оно выльется. Для наступления нужна самая сильная поддержка артиллерии».

О большом влиянии революционной волны на нравственную упругость войск сообщал начальник 17-й сибирской дивизии, генерал Койшев. По его данным, «авторитет начальников сильно подорван. Дисциплина в некоторых частях настолько расшатана, что неповиновение является обычным. Разговоры о необходимости прекращения войны увеличиваются. Настроение у прибывающих маршевых рот унылое и подавленное. О полной готовности дивизии дать заключение трудно. При наступательной операции необходимо обратить особенное внимание на тщательную подготовку ее техническими средствами; успех, хотя бы и небольшой, но должен быть достигнут».

На-ряду с такими явлениями, свидетельствовавшими о продолжавшемся падении боеспособности войск, были и более бодрые нотки. Генерал Астахов, начальник 7-й туркестанской дивизии, сообщал 4 апреля, что «полученная свобода взвинтила нервы, повысив впечатлительность ко всяким явлениям. Введение дисциплинарных и хозяйственных комитетов поддерживает бодрое, но нервное настроение. Общий голос говорит, что есть цель, за которую стóит бороться, стóит умирать; все рвутся в бой. Во время боя 17 марта стрелки держались блестяще. Если войска почувствуют, что ими умело руководят, то они будут способны на высокий активный порыв и пассивное упорство; необходима только вера в командование. Ряд неудач может смутить сердца и вызвать в них подозрение в измене свыше. В общем настроение отличное».

Сам командующий 2-й армией генерал Данилов в донесении от 19 марта суммировал состояние армии следующим образом: «Стремление войск к победе осталось, в некоторых частях даже усилилось. Дисциплина пала. Между офицерами и солдатами установилось недоверие. Вредно влияют приказы и воззвания Совета рабочих и солдатских депутатов. Офицерско-солдатские комитеты только налаживаются. Нравственная упругость войск несколько сдала. *Наступательные действия желательно отложить до тех пор, когда острое положение уляжется* (1 — 3 месяца); наступление должно быть тщательно подготовлено техническими средствами, так как крайне важно обеспечение первой удачи. Дух новых частей слабее, применять их для наступления преждевременно. Из пополнений доходит 50%, если они будут так же таять и впредь и будут так же недисциплинированы, — на успех наступления рассчитывать нельзя».

Состояние 3-й армии того же западного фронта, командующим которой был генерал Леш, дано в докладе в виде сводок только высших воинских соединений — начальников дивизий и командиров корпусов. Генерал Данилов, начальник 130-й пехотной дивизии, сообщал, что «стремление солдат к свободе, к новым правам, к участию в устройстве всех условий своей службы и быта понизило напряжение для борьбы с врагом. Офицерский состав унижен. Необходимо скорей вернуть солдат к боевой работе и актом правительства отметить заслуги офицеров. Боевая подготовка не хуже коренных дивизий».

В тон этому сообщению было донесение начальника 83-й пехотной дивизии генерала Бутовича, извещавшего, что «долгая война, бесконечное сидение в окопах, малые успехи измучили войска. Мартовские события понизили нравственную упругость, — войска тверже выдержат оборону, нежели наступление; последнее возможно только при поддержке могучей артиллерии. Несение службы в окопах поднялось. Боевая пригодность дивизии понизилась. Желательны наступательные операции, но при условии произвести их наверняка».

На сильный поворот интереса солдат к тылу указывал генерал Михайлов, начальник 172-й пехотной дивизии, в своем донесении от 18 марта: «Революционное движение отвлекло солдат от врага к тылу. Изменение отношений между начальниками и подчиненными значительно повлияло на управление частью. Пока все переживается остро, но, спустя некоторое время, части приобретут прежнюю упругость, — до этого времени необходимо ограничиться обороной».

О понижении дисциплины, падении офицерского авторитета, упадке боеспособности сообщал начальник 77-й пехотной дивизии генерал Леонтьев в своем донесении от 28 марта.

Начальник 27-й пехотной дивизии генерал Ставрович в донесении от 20 марта указывает на двойственность, разделение частей по настроению на две части: «Сознательные и благонадежные элементы признают всю необходимость победоносного окончания войны и сохранения дисциплины. Другая же часть, не проникшаяся чувством долга, подчиняется требованиям дисциплины наружно, тая в душе недовольство продолжением войны. Большая масса солдат не понимает дисциплины, основанной на сознательном выполнении долга, и, лишенная чувства страха, постепенно разлагается. Всевозможные слухи создают враждебное отношение к офицерскому составу, для восстановления престижа коего требуется много времени. Каждая боевая операция теперь будет подвержена критике. Боевая стойкость войск и нравственная упругость их поколеблена. Операции наступательного характера едва ли обещают успех в ближайшем будущем».

Командир 3-го армейского корпуса генерал Янушевский начинал свое сообщение с указания на удовлетворительное настроение войск и заявления о готовности «воевать до победного конца»,

но последующим содержанием того же сообщения опровергал себя, заявляя, что «противодисциплинарные течения расшатывают дух и устои. Были эксцессы, — 171-я дивизия требует еще весьма серьезной работы для внедрения в нее духа дисциплины и боевой сплоченности. Прежде широких боевых действий необходимо восстановить физические силы людей и утвердить дисциплину и авторитет начальников».

Генерал Истомин, командир 46-го армейского корпуса, уведомлял, что «дисциплина на достаточно высоком уровне. Порядок сохраняется. Войска пригодны для наступления и обороны. Воззвания и приказы Совета рабочих и солдатских депутатов, в ущерб достоинству офицеров, вызывают недовольства последних. Слишком быстрое перестраивание по новым формам может пошатнуть основы воинских взаимоотношений и сущность дисциплины. 173-я дивизия мало чем отличается от старых дивизий».

В том же духе сообщал о настроении в 100-й пехотной дивизии ее начальник генерал Гаврилов, находя, что «боевая готовность дивизии не уменьшилась. Войска попрежнему видят в немцах заклятого врага родины. Последние события понизили дисциплину. Свобода собраний и огромная литература, допущенная в армию, отвлекают войска от занятий; занятия пока сводятся к беседам. Крайне важно пополнить некомплект людей дивизий».

Генерал Кузьмин-Караваев, командир 31-го армейского корпуса, доносил, что «протекшие события всколыхнули всех, внесли нервность, возбужденность, недоверие в ряды войск; стройность жизни частей нарушилась. В то же время в войсках замечается громадное воодушевление, рвение к бою. Проникающие в войска идеи поведут к полному упадку дисциплины, если войска не будут ограждены от их проникновения и если явления самоуправства и нарушения долга будут оставаться безнаказанными».

Весьма осторожно высказывался о положении дел в 75-й пехотной дивизии генерал Барковский: «Революционная волна на боеспособности дивизии пока отразилась незначительно. Но благодаря крайним идеям, высказываемым в печати, и распущенности тыла настроение и дух солдат с каждым днем становятся все более и более неустойчивыми; вследствие этого боеспособность войск в короткое время может измениться к худшему. Выделение новых формирований отразилось на боеспособности дивизии неблагоприятно».

Значительно лучше обстояло дело в кавалерийских дивизиях. Начальник 5-й Донской казачьей дивизии генерал Ванновский сообщал от 18 марта о том, что «дивизия пока вполне боеспособна: все переживаемые события усваиваются войсками почти спокойно. Слишком быстрое перестраивание внутреннего уклада жизни пошатнуло основы воинских взаимоотношений и дисциплину и отразилось на боевой упругости войск».

Генерал Краснов, получивший известность в октябрьские дни и в 1918 году, как организатор белой гвардии, будучи начальником

2-й сводной казачьей дивизии, доносил, что «революционная волна» проникает в части, и они день ото дня становятся слабее в боевом отношении. Сейчас можно ручаться за 16-й Донской и 1-й Волжский казачьи полки, за пластунский дивизион и артиллеристов, но что будет через две недели — неизвестно. Необходимо немедленно и властно об'явить, что армия остается вне политики. Если престиж офицера не будет восстановлен, то армия за короткое время обратится в стадо без пастырей. К наступлению, при условиях удачи, части способны».

В том же духе отвечал и генерал Бабиев, начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии. Согласно его донесению от 18 марта «шероховатость в отношениях начинает сглаживаться. Настроение несколько первное и приподнятое, но уже потеряло свою напряженность. Главный интерес — на внутренней политике. Упадка дисциплины незаметно. Активность даст выход накопившейся энергии. Дивизия готова наступать и оборонять».

Мнение командующего 3-й армией генерала Леша от 25 марта коротко сводилось к тому, что он считал, что «настроение войск хорошее; отношения офицеров и солдат начинают налаживаться. Сознание вести войну до победы есть. Идеи противодисциплинарных течений расшатывают войска. Вредно отзывается на войсках печатание в газетах предполагаемых изменений в уставах. Престиж офицера сильно пал. Активные действия пока невозможны. При помощи организующихся комитетов удастся, вероятно, привести жизнь армии в нормальную колею и утвердить сознательную дисциплину».

Характеристики положения дел в войсках 10-й армии западного фронта относились к концу марта и являлись мнениями начальников высших соединений, как начальников дивизий и корпусов. Сообщение начальника 29-й пехотной дивизии полковника Ефтьева указывало на благотворные последствия переворота. Донесение от 20 марта свидетельствовало, что «процент солдат, готовых пожертвовать собой, значительно возрос, но много и таких, что утеряли чувство страха перед наказанием, которые могут не оказывать должного упорства и настойчивости».

Хорошие последствия отмечались и в 133-й пехотной дивизии, начальником которой был генерал кн. Кропоткин. По его мнению, «части дивизии на высоте своего положения; должная дисциплина существует. Если будет продолжаться разжигание страстей извне, с тыла, то за будущее поручиться трудно. Дивизия готова к оборонительным и наступательным операциям; наступление желательно».

Генерал Плешков от 18 марта доносил, что войска его 1-го Сибирокого корпуса сохранили твердый внутренний порядок, повиновение и боеспособность на должной высоте. «Войска боеспособность не утратили и будут драться молодцами» — писал генерал Соковников, командир 38-го армейского корпуса. Одновременно он указывал, что «происшедшие события вызвали огромное напряжение

и волнение, — необходимо дать всему нахлынувшему успокоиться. Неуспех операций чреват крайне нежелательными последствиями; активные действия необходимо отложить до мая». Начальник 51-й пехотной дивизии генерал Бенескула от 27 марта доносил, что «дух в частях дивизии отличный; порядок не нарушался. С наступательными операциями следовало бы выждать, пока не будут даны твердые основы хотя бы на главнейшие стороны боевой жизни. Необходимо избавить армию от влияния солдатских и рабочих депутатов. К оборонительным действиям дивизия вполне способна».

Донесение генерала Зароко-Зароковского от 28 марта, начальника 11-й Сибирской дивизии, отмечало сохранность внешней дисциплины, выражение на словах «желания продолжать войну до победного конца». Но в то же время он сообщал, что «внутренняя спайка офицеров и солдат еще не наладилась; между теми и другими установилось недоверие. Большой вред приносят «Известия Совета петроградских солдатских и рабочих депутатов». Отзвуки царящего в тылу беспорядка доходят до солдат и расшатывают их. Кризис еще не наступил; истинное состояние дивизии определится примерно через месяц. Боеспособность в смысле активном сильно понизилась».

Кавалерийские части и в этой армии были более боеспособны. Донесение начальника 2-й Кубанской дивизии генерала Николаева прямо высказывало, что «на казачьи части положиться можно; нравственная упругость казачьих частей и боевые их качества заметно крепнут. Взаимоотношения между офицерами и казаками упрочиваются. Вера в доведение войны до победоносного конца растет. Казачьи полки готовы к наступательным и оборонительным действиям. Стрелковый дивизион слабее, — внутренней спайки там еще нет. Высказывается недовольство на почве хозяйственной. 19-я самокатная рота слабее стрелков».

В 1-й Кавказской гренадерской дивизии, по сообщению начальника генерала Макаева, наблюдалось, что «наравне с высоким под'емом духа замечается упадок дисциплины и взаимное недоверие между офицерами и солдатами. Наступательные операции до восстановления полного спокойствия в полках невозможны».

Генерал Никольский, начальник 2-й Кавказской гренадерской дивизии, сообщал определенно, что «боеспособность полков сильно понизилась. Дисциплина упала. Солдаты определенно высказывают взгляд, что мы можем только обороняться, а не наступать; рассчитывать на упорство обороны можно. Боевая пригодность дивизии не ниже таковой основных дивизий».

Еще более определенно против наступления высказался генерал Афанасьев, начальник 134-й пехотной дивизии, указывая, что «последние события отразились отрицательно на нравственной упругости и боевой стойкости солдат. Дисциплина пошатнулась. Всякого рода декларации запутали людей; отвлекают офицеров и солдат от боевого дела. Ведение наступательных операций в настоя-

щее время невозможно. Боевая пригодность дивизии в настоящее время не ниже основных дивизий».

Даже артиллерийские части показывали упадок. Донесение генерала Казбека, инспектора артиллерии во 2-м Кавказском корпусе, от 26 марта сообщало, что «армия находится в периоде брожения. Дисциплина и боеспособность понижены. От активных действий следует воздержаться и перейти к обороне».

Генерал Гаврилов, начальник 69-й пехотной дивизии, указывал, что «последние события вызвали упадок дисциплины, что в связи с годичной стоянкой дивизии на позиции, недостатком питания, общей нравственной усталостью сильно понизило способность войск не только к активным действиям, но и к оборонительным. Дивизия будет способна к упорной обороне лишь после того, как будет выведена на отдых, и притом безотлагательно. Вопрос об усталости и необходимости смены настолько острый, что об этом говорят солдаты; он доходил даже до обсуждения дивизионного комитета. Боеспособность полков понизилась массовыми выделениями для новых формирований; постоянная смена офицеров расстроила офицерскую семью; командиры полков не могут опереться на офицерский состав».

Свобода понималась солдатами 175-й пехотной дивизии «как освобождение от власти начальников, — докладывал начальник ее генерал Смирнов. — Авторитет офицеров подорван, в связи с этим офицеры понизили свою требовательность. На определенную боевую работоспособность частей рассчитывать нельзя. Оборонительный образ действий будет более целесообразным».

Из 62-й пехотной дивизии генерал Енчевич доносил от 28 марта, что «революционная волна и всевозможные слухи создали первоначально растерянность между солдатами и недоверие к офицерам и до известной степени расшатали дисциплину. Пока в полках дивизии удалось сохранить спокойствие, но у офицеров и солдат чувствуется нервность. Для успешного выполнения активной операции необходимо сплотить полки и дать им полный отдых после полутора года пребывания дивизии в боевой линии. По мнению командиров полков, вследствие утомления людей даже серьезная оборона в случае натиска превосходных сил противника не может быть продолжительной, а наступательные операции прямо рискованны. За 1½—2 месяца, в течение которых солдаты успокоятся, а офицеры более сплотятся с ними, дивизия приобретет достаточный порыв и умение для предстоящих операций».

«Страсти еще не улеглись, — писал командир 20-го армейского корпуса генерал Иевреинов. — Скороспелые решения и постановления Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов расшатывают основы военной службы. Боеспособность и уверенность в исполнимости операций наступательного характера подорваны. Вредно отражается на боеспособности продолжительная (1½-годовая) стоянка на одном месте. Вопросы о недостатке технических средств и довольствия волнуют солдат. Окончательно отказываться

от наступательных операций нельзя, нужно отложить их до тех пор, пока отношения между солдатами и офицерами урегулируются, а умы успокоятся. Новые дивизии в отношении боевой пригодности почти не отличаются от старых».

Генерал Бринкевич, начальник 28-й пехотной дивизии, сообщал, что «события последнего времени захватили солдатскую массу врасплох; будучи неподготовлена, она превратно толкует о своей свободе и правах; данные льготы многих не удовлетворили; масса слухов смущают солдат, и они не могут разобраться, в чем правда. Распоряжения Совета солдатских и рабочих депутатов многими принимаются за закон. Влияние офицера поколеблено. Всякое наступление до полного успокоения солдатских умов невозможно. Обороняться будут с большой энергией, так как понимают, что защищают свою свободу».

Начальник 67-й пехотной дивизии генерал Тетруев доносил, что «революционная волна несколько понизила дисциплину и отозвалась отрицательно на нравственной стойкости частей, — этому способствует также долгое сидение в окопах. Дух в частях дивизии хороший, — все уверены в своей силе. Необходим бой, успешный бой, и весь налет слетит».

Генерал Чеглов, начальник 55-й пехотной дивизии, в донесении от 29 марта обвинял во всем социалистические партии: «Дикая пропаганда крайних социалистических партий подорвала у солдат идею государственности и создала пропасть между солдатом и офицером. Темная масса, ослепленная невероятно богатыми программами, вырывается из рук офицеров и идет за вожаками. Солдат сознает необходимость офицера для боя и идет с ним. Порыва в войсках нет, но опасение немцев, желание не пустить их пока велики. К обороне мы пока способны, — активные действия вести трудно».

Большинство донесений военных начальников показывало непонимание ими развертывавшихся событий, — были лишь отдельные голоса, связывавшие происходившие перемены настроения с материальными недостатками. Начальник 170-й пехотной дивизии генерал Чермиев определенно указывал, что «последствия происшедших событий в связи с всевозможной пропагандой, расстройством снабжения и недостаточным по сравнению с противником количеством артиллерии пагубно отразились на нравственном состоянии. Дисциплина пала; войска выходят из подчинения начальников. Солдаты не доверяют офицерам, офицеры — солдатам. Нет уверенности, что приказание, отданное офицером, будет в точности исполнено; может случиться, что в нужную минуту солдаты откажутся перейти в наступление. Вместе с тем видно, что большинство понимает, что уступить свою землю немцам нельзя, и слово «мир» не встречает сочувствия. Оборона обеспечена».

Несмотря на явные признаки нежелания воевать, падение дисциплины и авторитета военачальников, сам командующий 10-й армией генерал Горбатовский телеграммою от 22 марта заявил,

что «армия через $1\frac{1}{2}$ месяца сорганизуется па новых началах и будет боеспособна». Ну, а раз он был уверен в ее боеспособности, то предпочитал активный, т.-е. наступательный образ действий.

Главнокомандующий западным фронтом, как мы видели выше, высказался за наступательную тактику в ближайшие месяцы. Как показали донесения всех трех армий фронта, действительное положение войск как в моральном, так и материально-боевом отношении было тяжелое. Общее заключение по сводкам фронта о настроениях и состоянии частей было неблагоприятное для наступлений. Сам штаб фронта сделал заключение, что «мнения большинства начальствующих лиц сходятся на том, что дисциплина в войсках упала; доверие между офицерами и солдатами подорвано; нравственная упругость и боеспособность войск значительно понизились. В настоящее время войска пригодны только к обороне; наступление будет возможно лишь через 1—2 месяца, после того как возбуждение, вызванное переворотом, уляжется, однако на успех наступления можно рассчитывать при непременном условии самой тщательной подготовки».

Одновременно с падением в армиях дисциплины и проявлениями усталости и нежелания воевать начались острые недохватки материального характера. Из некоторых районов действующих армий приходили известия о нехватках продовольствия для людей и фуража для конского состава. 16 марта генерал Алексеев послал Временному правительству телеграмму, в которой с тревогой сообщал, что «за первую половину марта, несмотря на прекращение за последние дни морозов, метелей, наступление тепла и освобождение водных станций, подвоз фронту продовольствия, особенно муки и зернофуража, идет гораздо ниже тех минимальных норм, которые были установлены совещанием в ставке в феврале, и далеко не покрывает суточной потребности числа ртов и лошадей на фронтах. Еще раз считаю долгом доложить, что никаких запасов в магазинах западного фронта нет, а на других фронтах таковые иссякнут совсем через несколько дней. Подвижные запасы муки, сухарей и фуража во многих армиях израсходованы, пополнить их нечем. По обилию снега и задержавшейся зиме следует ожидать, что через недели две наступит небывалая распутица и разливы, и все дороги — грунтовые, под'ездные — и даже головные участки постоянных жел. дорог будут размыты, а сообщение с тыловыми станциями для обозов будет невозможно.

«Необходимо немедленно самыми энергичными, срочными мерами пополнить подвижные запасы и снабдить полевые склады, расходные магазины и хлебопекарни запасами по крайне мере, на две недели, а для этого прежде всего необходимо иметь эти запасы на базах. Если не усилить подвоз фронту муки, зернофуража, крупы и жиров сейчас же, во что бы то ни стало, то через несколько дней это уже не поможет, — и я опасаюсь неизбежного кризиса в продовольствии людей и лошадей, которые, обессиленные от бескормицы, начнут падать. О наступлении такого критического положения не-

однократно уже докладывалось телеграммами министрам земледелия и военному, и из получаемых ответов вытекало, что положение подвоза улучшится с прекращением морозов. Так, главноуполномоченный минзема [1]) на совещании в ставке 17 февраля категорически заявил, что количество продовольствия и фуража, назначенное к суточному подвозу на март, апрель, вполне обеспечено и уже готово к отправке. Затем телеграммами особоуполномоченного Гаврилова и телеграммой Всеволожского было сообщено ставке об общих распоряжениях Временного правительства по увеличению погрузки продуктов на ближайшее время и даже даны наряды на добавочные поезда, из чего следовало, что продукты на местах имелись. Это обстоятельство подтверждалось также и телеграммами минзема от 7 марта, которыми сообщалось о предложении уполномоченным выполнять мартовские наряды полностью и об обязательной отправке двух миллионов готовой пшеницы из района юзфронта в Архангельск. Но так как все сообщенные меры никаких реальных результатов по увеличению подхода продовольствия не дали, то я вынужден был приказать дать указания главным начальникам снабжений западного фронта еще 7 марта, а прочим европейским — 10-го о возможном ограничении расходования имеющихся наличных запасов муки, хлеба, сухарей, применяя всякого рода замены, и сообщить о положении на фронте Богатко и Гаврилову, на что вчера получился ответ от Богатко, что окончательно выяснилось, что запасы минзема могут обеспечить в течение марта — апреля назначенные в ставке в феврале минимальные нормы подвоза не более 60%, почему необходимо немедленное уменьшение дач. Имея в виду, что существующие дачи должны считаться нормальными, и что проектируемая мера может быть чревата крайне неблагоприятными последствиями, и что она вызывается общим состоянием страны, я полагаю, что мера эта для правильного ее понимания войсками должна быть об'явлена от имени правительства, как высшей в стране власти во всех отношениях, после подробного ее обсуждения и окончательного решения на предположенном совещании заинтересованных министров в ставке 18 марта. В связи с этим решением на том же совещании, я полагаю, должен быть вынесен и разрешен вопрос о той продовольственной помощи Румынии, которую правительство считает нужным оказать этой союзной стране, которая уже терпит крайнюю нужду».

При таком положении дела с продовольствием на фронте все подготовления к наступлению носили явно авантюристический характер, диктовались исключительно соображениями и интересами союзного командования.

Для выработки мероприятий по улучшению снабжения фронта при ставке состоялось совещание верховного командования с заинтересованными министрами (в частности, с Гучковым и Шингаревым). На этом совещании, состоявшемся 18—20 марта, были за-

[1]) Министерства земледелия.

слушаны доклады центральных управлений по снабжению, военным сообщениям, морскому, артиллерийскому и др. Из этих докладов выяснилась весьма тяжелая картина материального истощения страны.

Представители интендантства заявили, что «запасов в стране для полного продовольствия армии недостаточно. Мы не только не можем образовать на фронтах запасов, но не будем получать ежесуточную потребность» [1]). В качестве мероприятия, способного облегчить положение, представители интендантства предлагали уменьшить число едоков и лошадей или уменьшить дачу продовольствия. Последнее мероприятие в ставке считали опасным, а поэтому и нежелательным.

Продовольственный кризис в тылу особенно был чувствителен в Петрограде. По почину Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов там была введена карточная система уже с 24 марта. Для армии решение продовольственного кризиса было намечено в двух направлениях: 1) сокращение выдачи хлеба на фронте до 2 фунтов на едока и в тылу — до 1½ ф. В то же время было постановлено принять энергичные меры сокращения числа едоков и лошадей. Приказ об этом, со ссылкой на решение Временного правительства, был отдан генералом Алексеевым по всем фронтам 20 марта.

Одновременно с тяжелым положением продовольственного дела выяснилось значительное расстройство железнодорожного транспорта. На совещании была установлена непосильность для транспорта одновременно подавать на фронт довольствие для ежедневного потребления и для образования запасов. Ставка ставила интендантству скромные задачи, предлагая сделать запасы «хотя бы на двухнедельную потребность». Без наличия запасов продовольствия на фронте нельзя было начинать операций.

Кроме того, железным дорогам становилось не по средствам и не по силам одновременно подача запасов продовольствия, боевых припасов, пополнений в войска и еще большие оперативные перевозки. Между тем военные начальники совершенно не считались с состоянием транспорта и, помимо плановых перевозок, требовали от него исполнения добавочных и различных срочных перевозок. Неисполнение требований, пред'являвшихся к железнодорожному транспорту со стороны отдельных воинских частей, порождало конфликты.

В целях упорядочения всех железнодорожных неурядиц и побуждения командного состава и солдат соблюдать порядок, а также экономию в продовольствии, было издано воззвание Временного правительства ко всем гражданам. Это воззвание было переложено в приказ генерала Алексеева от 21 марта. Указав в приказе на усилия Временного правительства в деле упорядочения вопроса о продовольствии и транспорте, генерал Алексеев предлагал «раз-

[1]) См. дело военно-научного архива, № 450.

яснить всем войскам и начальникам, от самых старших до младших: первое, — что потребности армий так абсолютно велики, что железные дороги их не могут удовлетворить полностью, и необходима известная очередь в высылке предметов снабжения; второе, — что запасы продовольствия и фуража в Европейской России весьма ограничены, и поэтому в расходовании таковых должна наблюдаться полная экономия. Прежние министры не отдавали себе сами отчета в действительном положении дела и все время уверяли, что задержка доставки продуктов происходит от случайных причин. Министры Временного правительства, разобравшись во всех собранных по этим вопросам данных, категорически указали, что помимо случайных причин, как мятелей и заносов в январе и феврале и распутицы теперь, вообще внутри страны нет такого запаса собранных продуктов, чтобы полностью удовлетворить заявленные потребности армий и населения, и что поэтому необходимо как в тылу, так и на фронте несколько уменьшить дачу продовольствия и фуража до тех пор, пока Временному правительству не удастся собрать в склады достаточного количества запасов».

Как велики были потребности армий, видно из перечня только главных продуктов продовольствия, употреблявшихся ежедневно войсками фронта. Приказ сообщал, что «муки в сутки надо свыше полмиллиона пудов, а в месяц, — до 18 миллионов пудов, даже по уменьшенной даче; крупы в сутки — 150 тысяч, а в месяц — 4½ миллиона пудов; зернофуража в сутки — около миллиона пудов, а в месяц 30 миллионов пудов; скота в сутки — около 10 тысяч голов и так далее; все эти запасы нужно доставлять только в определенные места на фронте, куда ведет мало железных дорог» [1]).

Снабжение армии артиллерийскими орудиями, снарядами, винтовками, патронами также страдало за недостатком металла и угля. Все это отражалось не только на быстроте формирования артиллерийских частей, но и на общей боевой готовности армии.

Дело пополнения армии солдатами из запасных частей также расстроилось, ибо «во всех запасных частях происходят брожения», — заявляли представители ставки.

Обсуждалось на совещании в ставке и тогдашнее состояние армии. Общая характеристика сводилась к установлению факта переживания армией «болезни». Язва этой болезни заключалась в разрыве былых отношений между офицерами и солдатами.

Положение во флоте было не лучше. Балтийский флот переживал те же расстройства, как и вся армия. Генерал Лукомский сообщал из ставки от 21 марта начальнику штаба северного фронта генералу Данилову, что «обстановка, сложившаяся в настоящее время в Балтийском флоте, характеризуется полным расстройством нормальной жизни флота. Несмотря на принятые меры, доверия к командному составу и надлежащего авторитета офицеров до сих пор установить не удалось. В Кронштадте этот вопрос стоит

---

[1]) См. приказ генерала Алексеева в приложении тридцать первом.

наиболее остро: по имеющимся сведениям, там офицеры до сих пор находятся арестованными.

«В несколько лучшем положении находится Гельсингфорс, где можно предполагать установление общего компромисса, и, наконец, в более благоприятном положении находятся Ревель, Моонзундская и Або-Оландская позиции, где достигнуто единение между офицерским составом и матросами и авторитет командного состава поколеблен гораздо меньше, чем в Гельсингфорсе, а особенно — в Кронштадте.

«Происшедшие во время беспорядков потери в личном составе офицеров определяются круглым числом в 200 человек, считая в том числе до 120 офицеров, которых пришлось отчислить от должностей и убрать с судов ввиду протеста команд.

«Число убитых и раненых офицеров определяется: в Гельсингфорсе убито 39, ранено 6; в Ревеле убито 3; на Моонзундской позиции убито 2; на Або-Оландской позиции потерь не было; в Петрограде убит 1 и ранен 1.

«Что касается до Кронштадта, то точных сведений нет, и число убитых офицеров определяется в 60 человек.

«Пополнение убыли офицерского состава составит весьма трудную задачу, так как источником нового пополнения могут служить лишь выпуски из морского училища и гардемаринских классов, кои в текущем году смогут дать всего лишь 200 офицеров, что в связи с общим большим некомплектом во флоте и необходимостью назначения офицеров на вновь вступающие в строй суда является далеко не достаточным.

«Потерь в материальной части судов не было; снабжение же флота боевыми припасами, а особенно минами заграждения, значительно нарушено. Неподача мин заграждения, являющихся наиболее действительным средством борьбы с неприятельскими подводными лодками, грозит крайне тяжелыми условиями выполнения флотом поставленных ему задач.

«Ввиду вышеизложенного флот Балтийского моря потерпел значительный ущерб в своей боевой готовности, восстановление которой потребует много времени, и хотя командующий флотом и надеется справиться с этим к началу навигации, однако полагаю, что раньше середины лета восстановить боевую готовность флота не представится возможным.

«Что касается до восстановления снабжения, то этот вопрос находится в непосредственной связи с общим положением в стране, и по всей вероятности с бо́льшим или с меньшим запозданием оно будет восстановлено» [1]).

По выяснении всех больных мест армии на совещании были намечены следующие мероприятия:

1) Приводить ныне в исполнение намеченные весной активные операции н е д о п у с т и м о.

---

[1]) См. дело военно-ученого архива, № 452.

2) Не рассчитывая на Балтийский флот, надо организовать оборону Финляндии и подступов к Петрограду, что потребует усиления северного фронта.

3) На всех фронтах, до восстановления порядка в тылу и образования необходимых запасов, необходимо перейти к обороне.

4) Необходимо принять самые энергичные меры для уменьшения едоков на фронтах.

Для этого необходимо убрать с фронтов всех инородцев и военнопленных и решительно сократить число людей и лошадей во всех тыловых учреждениях.

5) Надо, чтобы правительство все это совершенно определенно и ясно сообщило нашим союзникам, указав на то, что мы теперь не можем выполнить обязательства, принятые на конференциях в Шантильи и Петрограде.

6) Необходимо немедленно прекратить отправку союзникам пшеницы, которая нужна нам самим.

Но ни факты тяжелого как материального, так и морального положения армии, ни обнаружившееся истощение страны и все усиливавшиеся проявления нежелания продолжать войну не изменяли внешнюю политику Временного правительства. Интересы империалистов России крепко сцепились с англо-французскими, — и все обращения как тыла, так и фронта не достигали цели. Правительство П. Н. Милюкова — Львова стремилось в новых условиях продолжать политику царизма, эксплоатируя для этой цели революционный энтузиазм народных масс.

В целях использования революционного энтузиазма солдат в интересах продолжения войны создавались особые организации пропаганды. Эти организации возникали по почину различных общественных организаций, как, напр., Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, Центральный комитет военно-технической помощи, военно-промышленные комитеты и т. д. Эти комитеты ставили своей задачей: 1) дать армии ответы на интересующие ее вопросы политической, социальной и военной жизни; 2) способствовать общественно-политическому развитию армии; 3) подготовить армию к выборам в Учредительное собрание.

Обычной и обязательной платформой для таких «комитетов пропаганды» являлись следующие основные положения: 1) признание и поддержка Временного правительства и об'явленной им программы; 2) признание необходимости продолжения войны для защиты родины и завоеваний революции; 3) признание необходимости военной дисциплины при отправлении службы[1]).

Центральный комитет военно-технической помощи организовал в тех же целях особое «бюро по организации духа». В качестве своей платформы «бюро по организации духа» выдвигало такие положения:

---

[1]) Из письма председателя комитета западного фронта Всеросс. земского союза к А. И. Гучкову от 19 марта 1917 г., № 303.

«А. Всемерная поддержка Временного правительства в деле осуществления и проведения в жизнь возвещенных им широких демократических реформ при неослабном внимании населения к деятельности исполнительной власти.

«Б. Внедрение в сознание населения всей важности Учредительного собрания.

«В. Защита завоеванной свободы путем борьбы с германским милитаризмом и борьба в полном согласии с союзниками за освобождение родной земли и порабощенных народностей на основе их самоопределения.

«Г. Распространение идей о необходимости единения, дисциплины, порядка и упорного организованного труда, как основных факторов государственного строительства».

Все эти организации духа пред'являли военному министру свои услуги по борьбе с пацифизмом, но одновременно предлагали и утвердить сметы, выражавшиеся в миллионах рублей. Были такие же заявки и в ставку, но военное командование не давало своего утверждения на организацию таких комитетов, не питая особого доверия к «присяжным ораторам». В ставке относились с доверием лишь к одному органу — комитету Государственной думы — и охотно принимали идейную помощь оттуда.

Как ни велики были агитационные попытки русской буржуазии поднять боевую готовность армии, но успех пропаганды, в самом лучшем случае, был временный. Пропаганда противников войны имела за собой мир и землю и этим была неопровержима и понятна солдатам. Военная пропаганда и подготовка к наступательным операциям ложилась всей своей тяжестью на младший командный состав. Офицерство оказалось между двух огней: высшие требовали от него выполнения директив, а эти директивы встречали массовое сопротивление. Попытки преодолеть это сопротивление усилением репрессий и расправ с непокорными раскрыли еще шире пропасть, отделявшую солдат от офицеров. Вместо взаимного доверия, необходимого в боевой обстановке, рождалась глубокая ненависть. Все это, вместе взятое, деморализовало всю военную организацию. Офицерство долгое время не могло приспособиться к создавшейся противоречивой обстановке и немалое количество из него впадало в отчаяние. Чрезвычайно ярко передано настроение офицерства того времени в стихотворении, ходившем по рукам в апреле — мае 1917 г. [1]):

Христос всеблагий, всесвятый, бесконечный,
Услыши молитву мою,
Услыши меня, мой заступник предвечный,
Пошли мне погибель в бою...
Смертельную пулю пошли мне навстречу...
Ведь благость безмерна твоя.
Скорее пошли мне кровавую сечу,
Чтоб в ней успокоился я.
На родину нашу нам нету дороги,
Народ наш на нас же восстал;

---

[1]) Дело военно-ученого архива, № 993.

Для нас он воздвиг погребальные дроги
И грязью нас всех закидал.
Три года мы тяжко страдали,
Заветы России храня,—
Мы бились с врагами и мы не считали
Часами рабочего дня.
Сном вечным уснули бойцы-офицеры,
Погибшие в славных боях.
Но мало того показалось народу,—
И вот, чтоб прибавить могил,
Он, нашею кровью купивший свободу,
Своих офицеров убил
Правительство, юные люди науки
И много сословий и лиц
Пожали убийцам кровавые руки,
Прославили наших убийц.
В Москве лишь тому не нашлося примеров:
Святая Москва наших дней
Не пролила крови своих офицеров
Могучей десницей своей.
Молись же о нас, о, Москва золотая,
Молись же о нашей судьбе,
Тебя не увидим мы больше, родная, —
Никто не вернется к тебе.
Товарищи наши, в боях погибая
Без меры, числа и конца,
Нам всем завещали одно, умирая:
«Войну довести до конца»,
Чтоб область противника нашею стала,
Чтоб нам же открылись моря,
Чтоб вечно над русской землею сияла
Свободы и счастья заря.
А ныне толкуют уже в Петрограде
О том, чтобы мир заключить,
Чтоб ради покоя и золота ради
Россию навек погубить.
А скоро придут и идеи иные:
Вильгельма великим назвать,
Пред ним преклонить покоренные выи
И прах его ног целовать.
Скорей же в окопы, друзья-офицеры,
Не будем мы этого ждать,
Скорей же подайте солдатам примеры,
Как надо в бою умирать.
Не надо далеких и долгих примеров:
России надежный оплот,
Лишенный своих боевых офицеров,
Балтийский бездействует флот.
За наши страданья и муки
Нам русский народ заплатил:
На нас же он поднял кровавые руки
И наших же братьев убил.
Терпенья исполнилась нашего мера, —
Народ с нас погоны срывал
И званье святое бойца-офицера
В смрадную грязь затоптал.
Спешите ж в окопы, товарищи-братья,
Семьей офицерской своей,
Нам смерть широко открывает об'ятья, —
И мы успокоимся в ней.

Пока здесь грохочет гроза боевая, —
Мы все на местах, никуда не уйдем,
И край наш родимый от немцев спасая, —
За родину нашу умрем.
Когда же предвечного волею бога
Пройдут дни великой войны,
Тяжелая ляжет пред нами дорога, —
Увидим тяжелые сны...
Когда по окопам от края до края
Отбоя сигнал прозвучит,
Сойдется семья офицеров родная
Последнее дело свершить...
Тогда мы оружье свое боевое,
Награды, что взяты в бою,
Глубоко зароем под хладной землею
И славу схороним свою.
На родину нам ведь не будет дороги:
Народ наш на нас же восстал,
Для нас он воздвиг погребальные дроги
И грязью нас всех закидал.
От злого народа, убийцы-народа,
Ведь мы ничего не возьмем, —
И холод, и голод, и жизни невзгода
Над нами нависнут кругом...
Тогда, пережив бесконечные муки,
И с знаменьем светлым креста
Протянем к союзникам доблестным руки:
«Подайте во имя Христа»...
Вы сами ведь видели много примеров,
Как нас наш народ избивал,
Как рвал он погоны с своих офицеров
И как он их в грязь затоптал.
Забыть мы не можем мгновения эти,
Принять от убийц ничего не хотим,
Но с нами ведь гибнут и жены и дети,
«Подайте из жалости им»...

Промчатся столетья, пройдут поколенья,
Увидятся новые сны,
И станут народы читать без волненья
Историю страшной войны.
И в ней сохранится так много примеров,
Как русский народ воевал
И как он своих же бойцов-офицеров
Своею рукой избивал...

Действующая армия. Апрель 1917 г.

Такое душевное состояние офицерства толкало значительную часть из них на путь контр-революции. Солдаты великолепно понимали настроения таких офицеров и держались по отношению к ним настороженно. Существование солдатских организаций в армии не позволяло контр-революционному офицерству ни использовать отсталых солдат, ни сорганизоваться самим. Вся их деятельность проходила под контролем солдат и у них на глазах.

VIII. Аграрное движение в первые месяцы революции.

Отношение Временного правительства к земельной реформе вызывало огромное возбуждение в крестьянской среде. Отодвигая разрешение вопроса о земле до Учредительного собрания, буржуазные политики принимали все доступные им средства защиты помещичьего землевладения. Временный комитет Государственной думы имел особый «отдел сношений с провинцией», через который отправлял на места своих делегатов, занимавшихся уговорами крестьян, доказывавших им ошибочность их надежд на земельную реформу. Однако эти попытки убедить крестьян в ложности их надежд не давали желанных результатов. По мере проникновения в деревенскую толщу известий о падении царского строя все надежды крестьян на получение земли выплывали открыто на поверхность крестьянской общественности. Одновременно с этим выходила наружу и вся ненависть к помещику и его власти над деревней. Организовавшаяся в деревне новая власть, в виде «волостных комитетов», при всех своих несовершенствах была властью крестьянской и после свержения царизма направлялась против помещичьего хозяйства.

Во второй половине марта появились первые признаки крестьянского нетерпения, окрещенные по-старому «аграрными беспорядками». Временное правительство вынуждено было открыто высказаться по вопросу о земельных реформах. Выпущенные им воззвания не могли удовлетворить крестьян, так как по существу все намерения Временного правительства были направлены к отсрочке решения до «Учредительного собрания», а до того — к защите интересов крупного землевладения. Между тем наступала весна, бросала вызов безземельным крестьянам, заманивая их на простор помещичьих полей. Одиночные случаи крестьянских волнений в марте превратились в апреле уже в массовые. Распоряжение правительства об учреждении земельных комитетов способствовало смягчению остроты конфликтов на местах и позволяло направить крестьянство на путь организованного решения земельного вопроса.

Помещики и крупные землевладельцы, напуганные революционным переворотом и антипомещичьими настроениями крестьян, стремились ликвидировать свои земли: перепродавали их, закладывали в банках и совершали различные сделки с землей. Земельные комитеты не имели ни права, ни возможности мешать земельным собственникам производить запродажные, залоговые или иные коммерческие операции с землей. Уже в марте месяце раздавались «голоса земли», требовавшие издания правительственного распоряжения, лишавшего землевладельцев права совершения каких-либо сделок с землей. Однако Временное правительство первого состава решительно отказывалось провести эту меру.

В конце марта и в начале апреля начали поступать известия о «беспорядках» в деревне. В соседней с революционной столицей губернии — в Псковской — произошел разгром имения у села Мар-

тынихи. Телеграмма от 8 апреля сообщала о порубке леса в имении Флиета, деревни Селище Порховского уезда. Недовольные крестьяне сместили старшину. В Торопецком уезде в двадцатых числах апреля происходили волнения крестьян на почве заготовок лесных материалов и дров лесопромышленниками. «Зловредные лица возбуждают население против лесовладельцев», — сообщали местные власти Временному правительству. Те же явления имели место в Лужском уезде, а также и в Порховском. В начале мая крестьяне захватили имение Лужица Peраярва Ямбургского уезда. Для борьбы со всеми этими беспорядками в Псковской губернии комиссар Временного правительства исходатайствовал у главнокомандующего северным фронтом по 200 выборных солдат при 5 офицерах в каждый из уездов «в помощь уездной милиции в целях предупреждения в сельских местностях беспорядков и насилий». Кроме того, в распоряжении властей имелся отряд конницы, перебрасывавшийся повзводно в каждый уезд на подмогу пехоте. Так осуществляло Временное правительство земельную реформу.

В Сарапульском, Нолинском и Орловском уездах Вятской губернии происходили столкновения между общинниками и отрубниками. Землевладельцы Чериковского уезда Могилевской губернии сообщали о волнениях крестьян, о препятствии засеву полей и о снятии с работ военнопленных и рабочих. Представители Малевического сельского общества (Рогачевского уезда) просили Временное правительство приостановить рубку леса помещиком. В Сенненском уезде крестьяне захватили землю и рубили лес имения Декан. То же происходило в имении Бержанского и в Чаусском уезде в имении Мясоедовой. В Мстиславском уезде той же губернии крестьяне, по сообщению помещицы, под предводительством солдат, собравшись из более чем двадцати деревень, сдирали липовую кору, пасли стада в лугах помещицы. На все эти жалобы Временное правительство, в лице министра-председателя князя Львова, отвечало телеграфными распоряжениями комиссарам, указывая, что крестьянские требования и самоуправство «вредны революции», предлагало восстановить законность и «привлечь виновных к ответственности».

Из Минской губернии доносили, что в ряде уездов, как в Слуцком и Мозырском, крестьяне препятствовали рубке и вывозу дров, производили у помещиков обыски и кое-где разгромы имений. Все телеграммы об этом сопровождались указанием на «злонамеренных агитаторов», которые подстрекали крестьян на такие деяния. В начале мая крестьянский с'езд в Минске вынес резолюцию о допустимости бесплатной пастьбы скота в казенных, частновладельческих и крестьянских лесах, а также на незасеянных полях. Однако и эти скромные требования крестьян вызывали помещичий вопль, который поддерживался деревенскими кулаками и восходил до Временного правительства.

Выехавшие в средине марта в Витебскую губернию с поручениями от комитета Государственной думы депутаты Дзюбинский и

Масленников сообщали «об отсутствии охраны в сельских местностях; местами начинались волнения и насилия». Депутаты во всем винили дезертиров и требовали присылки воинской части для охраны порядка в Лепельском уезде. Из самого же Лепельского уезда сообщалось, что крестьянские волнения вызваны «реакционным направлением деятельности уездных и волостных комитетов». В Люцинском уезде крестьяне захватили помещичий хлеб.

Не было спокойствия и в Тверской губернии. Кое-где крестьяне об'являли о вступлении во владение землей, снимали служащих с работ (имение Микулино). В Старицком уезде крестьяне снимали с работ военнопленных. В Вышневолоцком — была захвачена земля и луга в имении Божанова. В Осташковском и Старицком уездах крестьяне препятствовали сплаву дров для Тверской мануфактуры.

Лишь крестьяне Московской губернии не давали повода к жалобам на «самоуправство». За весь март и апрель не было «случаев самовольных захватов земли и лесов», — доносил губернский комиссар министру внутренних дел от 29 апреля. «Наблюдались лишь мелкие конфликты на почве запрещения со стороны крестьян рубки леса владельцами, каковые случаи благополучно ликвидировались путем раз'яснения крестьянам незаконности их действий», — добавлялось в том же донесении губернского комиссара. Причины такого благополучия в Московской губернии заключались прежде всего в хорошей организованности буржуазии в губернии и относительно слабой заинтересованностью деревенского населения в земле, так как во время войны все активное население деревень поглощалось работами на заводах и фабриках. Мелкие же земельные конфликты решались в местных примирительных камерах по земельным делам [1]).

Введение «примирительных камер» в Московской губернии сопровождалось особым обращением Исполнительного комитета общественных организаций ко всему населению. Воззвание указывало, что «больше всего борьбы между отдельными частями населения может вызвать разрешение земельного вопроса, — борьбы острой и жестокой. Возможно ли нам допустить междоусобную войну у себя дома за спиной нашей армии? Ведь война внутри страны может повести к ее полному разгрому». Воззвание полагало, что должен быть найден мирный путь разрешения земельного вопроса. Впредь до решения земельного вопроса Учредительным собранием Исполнительный комитет предлагал землевладельцам проникнуться «ответственностью переживаемого момента» и итти навстречу мирному удовлетворению насущных и справедливых требований крестьянского населения.

9—11 мая состоялся в Москве губернский с'езд представителей волостных, районных комитетов, уездных исполнительных комитетов общественных организаций и уездных комиссаров. Несмотря на боль-

---

[1]) См. правила о примирительных камерах в приложении тридцать втором.

шое количество представителей земли, вопрос о земле не стоял в порядке обсуждения с'езда.

Менее благополучно было во Владимирской губ. В начале апреля Временному правительству заявили, что крестьяне Гороховецкого уезда «производят бесчинства, угрожают землевладельцам вырубкой леса, разгромом усадеб и захватом земли». В Судогодском уезде крестьяне препятствовали рубке дров. В Переяславль-Залесском уезде крестьяне угрожали захватом имения «Бектышево». Крестьяне Мирославской волости Юрьевского уезда обратились 7 февраля к Временному правительству с жалобой на помещика за повышение арендной платы за землю: «Мы, граждане деревни Калинина, находимся в очень затруднительном положении ввиду того, что у нас своей надельной земли очень мало, то нужда заставляет нас арендовать землю у смежного с нами помещика... Мы и ранее у него арендовали несколько лет, но теперь помещик не желает нам отдать свою землю за прежнюю цену в аренду и требует большой прибавки. Но у нас все мужчины нашей деревни взяты на войну, то цена арендуемой земли нам совсем не под силу». Временное правительство отвечало на такие просьбы предложением обращаться в примирительные камеры, отказываясь брать на себя задачу нормировки арендных плат.

Из Ярославской губернии сообщали, что крестьяне Грязличецкой волости вынесли постановление об использовании лесных материалов лесопромышленников на постройку школ и больниц. Кое-где помещики охранялись ингушами еще в середине апреля месяца.

В Козельском и Калужском уездах (Калужской губернии) крестьяне требовали сдачи в аренду частновладельческих земель и лугов, не допускали рубки леса. Хуторяне и отрубники требовали возвращения к общинному владению. Кое-где снимали рабочих с помещичьих полей. В Тарусском уезде крестьяне производили у помещиков обыски, снимали рабочих.

Из Острогожского уезда Воронежской губернии сообщали о рубке крестьянами помещичьего дубняка. В Воронежском уезде крестьяне захватили землю в имении Стрижевской. В Нижнедевицком уезде крестьяне не давали поденным рабочим производить посевы. В Задонском уезде крестьяне производили обыски в имениях, захватили там же имение гр. Апраксиной.

В Старооскольском уезде Курской губернии крестьяне препятствовали рабочим имений производить посев. Военнопленные, занятые в различных экономиях, уходили в города. Кое-где крестьяне сажали военнопленных, работавших у помещиков, в тюрьму. В Грайворонском уезде крестьяне рубили частновладельческие леса. В общем по губернии аграрное движение выливалось в требованиях к землевладельцам об: 1) уменьшении арендной платы, 2) прекращении рубки леса, 3) установлении оплаты полевых работ.

В Смоленской губернии аграрное движение проявилось в требованиях крестьян передать помещичью землю, в препятствиях рубке

леса (Ельнинский уезд). В Духовщинском уезде крестьяне производили захват земель, снимали рабочих.

Крестьянство Орловской губернии начало активные выступления против помещиков и крупных земельных собственников в самом начале апреля. В Орловском уезде это движение выразилось в снятии рабочих с помещичьих полей. В имениях Михаила Романова крестьяне снимали администрацию. В Севском уезде крестьяне снимали рабочих и пленных, а также устанавливали поденную плату рабочим и арендную плату за землю. В Малоархангельском уезде волостные комитеты запретили землевладельцам рубку леса, брали в свое распоряжение землю, снимали рабочих. В Елецком, Кромском и Болховском уездах крестьяне требовали отдачи им помещичьей земли по принудительной аренде, самостоятельно определяли высоту арендной платы, запрещали рабочим производить работу, снимали лесную стражу. В Елецком и Карачевском уездах крестьяне захватили церковные земли. В Мценском уезде была захвачена железнодорожная земля. Губернские власти принимали все меры к ликвидации аграрного движения. Из города для этой цели посылались рабочие и солдатские делегации для уговоров, а кое-где применялась, в виде демонстрации, солдатская вооруженная сила. По всем аграрным делам велись следствия, и по требованию Временного правительства виновные привлекались к ответу. Начавшиеся преследования еще больше волновали крестьян и заставляли его задумываться над выходом из создавшегося положения.

Неспокойно было и в Тамбовской губернии. Телеграмма от 6 апреля сообщала о крестьянских волнениях в Сампуре. В Тамбовском уезде «возникло серьезное крестьянское движение, направленное против частновладельческих земель». Через две недели возникло движение крестьян в Спасском уезде, а в Задонском уезде крестьяне противодействовали рубке леса. Из Шацка сообщали, что волостной комитет об'явил национальной собственностью лесную дачу Воронцовой-Дашковой, устранив от должности управляющего.

Из Рязанской губернии Временное правительство получало сообщения о волнениях крестьян в Скопинском, Раненбургском, и Сапожковском уездах. Особенно много беспокойства было проявлено Временным правительством в связи с постановлениями рязанского губернского с'езда, состоявшегося в половине апреля и вынесшего постановление о реквизиции всех пахотных и луговых угодий в губернии, «с представлением всех земель, не могущих быть, по заключению местных комитетов, обработанными, обсемененными и убранными силами самих владельцев, в распоряжение местных (волостных и городских под контролем уездных) исполнительных комитетов» [1]. Это постановление быстро направило внимание крестьян на организованный лад. Волна крестьянских захватов прокатилась по всей губернии, вызвав тревогу и жалобы помещиков. Попытки остановить движение путем агитации студентов успеха не имели. Временное

[1]) См. «Постановление» в приложении тридцать третьем.

правительство получало многочисленные телеграфные просьбы о помощи и давало губернским комиссарам обычные распоряжения раз'яснить, что «самоуправное завладение землей недопустимо, так как земельные вопросы подлежат разрешению Учредительного собрания».

Одна из крупных помещиц Рязанской губернии, П. П. Ознобишина, обратилась к министру земледелия А. Шингареву с особой докладной запиской, в которой подробно изложила всю свою борьбу с крестьянами в первые месяцы революции. Помещица Ознобишина пользовалась худой славой и вызвала против себя общее крестьянское недовольство. Во время войны она выселяла семьи солдат из хуторов с арендованной у нее земли за неплатеж аренды, что особенно возмущало крестьян [1]).

В Нижегородской губернии небольшие беспорядки на земельной почве происходили в ту пору в Княгининском и Курмышском уездах.

В малоземельной Тульской губернии крестьянские волнения начались в апреле месяце. Донесения об отобрании земли, о снятии рабочих и работниц, о нежелании выходить к помещикам на работы и т. п. шли из Чернского, Епифанского, Крапивенского уездов. Губернский комиссар телеграфно от 16 апреля извещал о самочинных действиях крестьян в отношении описи инвентаря, запасов и снятия военнопленных у землевладельцев. Для налаживания взаимоотношений были привлечены члены бюро крестьянского союза.

В Богородицком уезде дело дошло до разгрома имения «Кресты», а в Каширском уезде уездный исполнительный комитет «возбудил население к безвозмездному захвату церковных, монастырских и помещичьих земель в пользу волостных комитетов». Помещики Ефремовского уезда жаловались Временному правительству, что местные власти — волостной комитет — действуют «с явным нарушением прав собственности и свободы личности».

В Пензенской губернии движение началось с обысков у помещиков, отобрания у них оружия. Одновременно с этим организовавшиеся продовольственные комитеты реквизировали хлебные продукты. В уездах Чембарском, Керенском, Наровчатском, Мокшанском и Городищенском господствовало тревожное для помещиков настроение. Кое-где снимали рабочих, запрещали рубку леса и вывоз его. В Саранском уезде крестьяне заставили рабочих и военнопленных прекратить посев, постановили поделить землю и продовольственные помещичьи запасы. То же происходило в Пензенском, Чембарском и Нижнеломовском уездах. Крестьяне забирали землю, отбирали инвентарь, семенной материал. Губернский комиссар сообщал Временному правительству, что «во всех уездах губернии волнения: незаконные обыски, аресты, снятие рабочих, захват земли, инвентаря, бессистемная рубка леса не прекращаются». Весьма большое обострение отношений крестьян проявлялось по отношению

[1]) См. «Докладную записку П. П. Ознобишиной» в приложении тридцать четвертом.

к отрубникам и производительным товариществам. Последних лишали земли, а с отрубниками часто расправлялись физической силой. Временное правительство отдавало телеграфные распоряжения, но у местной власти не было физической силы для их осуществления.

15 мая в Пензе состоялся губернский крестьянский с'езд. Центральным вопросом этого с'езда был вопрос о земле. С'езд вынес решение о том, что «окончательное решение земельного вопроса в России вообще и в Пензенской губернии в частности принадлежит Учредительному собранию», а до того решил «принять следующие временные меры»: «Все государственные, удельные, кабинетские, помещичьи и вообще частновладельческие, банковские, монастырские, церковные и причтовые, городские, мещанские должны перейти на учет волостных исполнительных или земельных комитетов и распределены между трудовой, не наемной силой волости» [1]).

Эта «временная» мера перепугала всех земельных собственников в губернии. Во Временное правительство посыпались жалобы, протесты — и были услышаны. Постановление крестьянского с'езда было об'явлено незаконным и «вредным для революции», а по делам реквизиции и захватов было назначено судебное следствие.

Крестьянское движение в Поволжьи носило организованный характер. Симбирский губернский комиссар по телеграфу от 10 апреля сообщал, что «по всей губернии постановлениями волостных, сельских комитетов высылаются, арестовываются помещики, управляющие, снимаются рабочие, захватывается земля, устанавливается произвольная аренда, начинается движение общинников против отрубников. Посылаемые исполнительным комитетом делегаты становятся на сторону крестьян. Льготы, предоставляемые уделами, вызывают соответственные требования к помещикам. Положение в губернии угрожает засеву полей». Сам губернский комиссар видел лишь один выход из положения: об'явление земли национальной собственностью, с оставлением определения способов землепользования до Учредительного собрания.

Из Симбирской губернии крестьянское движение перенеслось в смежные уезды Самарской губернии. По губернии происходили аресты помещиков, управляющих, крестьяне снимали рабочих и захватывали земли.

В Балашевском, Камышинском уездах волостные комитеты, по жалобам помещиков, «производили самочинные распоряжения в отношении собственности владельцев». Производили обыски и аресты. В слободе Котовой крестьяне «приняли свободу как освобождение от всякой платы, в том числе и духовенству, тем самым обрекли священно- и церковнослужителей на нищенство», жаловались Временному правительству попы. Кроме того, крестьяне постановили отобрать церковную землю. Крестьянские действия в той

[1]) См. решение в приложении тридцать пятом.

губернии носили организованный характер. В конце апреля губернский комиссар в ответ на запросы Временного правительства сообщил, что «в губернии аграрных поджогов, убийств и разгромов имений не было; имели место лишь единичные случаи самочинных обысков, арестов помещиков и администрации экономий. Доверием пользуются волостные комитеты, работа коих встречает противодействие со стороны помещиков».

На границе Саратовской и Астраханской губерний происходили конфликты между казаками и саратовскими крестьянами. Крестьяне деревни Козловки и Сабуровки Саратовского уезда захватили казачьи земли, находившиеся в аренде. Казаки обратились с особым обращением ко всем станицам астраханского казачества, требуя защиты от обид. Кроме того, поручили своему делегату на казачьем с'езде в Петрограде поставить это дело перед министрами. Временное правительство потребовало от саратовского губернского комиссара принятия мер к восстановлению казачьих прав.

В Астраханской губернии, в частности в Царевском уезде, производили захваты частновладельческих и казенных земель.

В Казанской губернии, на почве малоземелья, крестьянское движение против помещиков началось в начале апреля. Однако все время крестьяне держались организованно, действуя через свои волостные комитеты. Неорганизованные выступления являлись единичными. В мае месяце, тринадцатого дня, состоялось общее собрание совета крестьянских депутатов всей Казанской губернии, на котором была выработана программа мероприятий по разрешению земельного вопроса. Первый пункт этой программы заявлял, что «впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием в интересах успеха революции и для обеспечения страны продовольствием, после того как будут организованы волостные и сельские комитеты, Совет крестьянских депутатов находит необходимым все пахотные земли и луга помещичьи, казенные, удельные, монастырские, церковные, кабинетские, городские передать в распоряжение волостных комитетов» [1]). Это постановление было принято к немедленному исполнению всеми крестьянскими обществами. Казанский союз сельских хозяев просил по телеграфу защиты у комитета Государственной думы, а также у Временного правительства. Встревоженные члены комитета Государственной думы и Временного правительства потребовали «принятия решительных мер» для водворения законности и одновременно просили сообщить о положении дел. Губернский комиссар по телеграфу от 7 июня дал такую сводку о положении дел в губернии: «Сообщаю первое: в Спасском уезде 29 и 30 мая состоялось совещание делегатов и уполномоченных волостей, вынесших незакономерное постановление о немедленном отобрании у крупных собственников земель, лесов, лугов в пользу крестьян, бесплатной реквизиции у помещиков сельскохозяйственных орудий, а также кузниц. Установили пониженную твердую цену

[1]) См. это постановление в приложении тридцать шестом.

на хлеб прежних урожаев, настаивают на реквизиции семян, овса, — не дороже 1 рубля 75 коп. за пуд. Требуют замены племенного скота помещиков простым крестьянским, с намерением реквизировать у них весь рогатый скот, оставив не более трех голов; раз'яснил уездному комиссару телеграфно и особо почтой недопустимость осуществления всего этого. Ныне принимаю меры к командированию на места уполномоченных для раз'яснения опасности принятых постановлений и невозможности осуществить их до решения Учредительного собрания; воззвание Временного правительства по земельному вопросу экстренно в большом количестве распространяю по губернии, в особенности в этом уезде. При первом самоуправстве снесусь с судебными властями, прося содействия в деле привлечения к ответственности виновных. Подробности сообщаю почтой министрам внутренних дел и земледелия. В Свияжском, Цивильском, Чебоксарском и других уездах крестьяне в казенных лесах совершают самовольные порубки, хищения дров хозяйственной заготовки. Бывают насилия. Требую от уездных комиссаров решительных мер по недопущению эксцессов, самоуправства. Во многих уездах население не допускает рубки леса и вывозки дров при наличии разрешения комиссаров. Недоразумения эти пока улаживаются моими настоятельными обращениями непосредственно к волостным комитетам. Отбираются хуторские участки по отдельным жалобам. Требую от комиссаров восстановления права собственности, а виновных в самоуправстве обязываю передавать судебной власти. В Спасском уезде пока имеются единичные случаи захвата земель и устранения землевладельцев от хозяйства, по поводу чего сношусь с уездным комиссаром, прося расследовать и виновных привлечь к ответственности. В Лаишевском уезде беспокойство продолжается, равно жалобы о самоуправстве: землевладелица Нератова вторично указывает на своеволие крестьян. Дело передал прокурору палаты и уездному комиссару. В имении Догеля — захват земли. В имении Обуховой — кражи. В имении Алексеевой — захват земли под угрозой ареста и снятие пленных. В имении Жадовской при Бетьках вносится расстройство в хозяйство. По всем случаям предписываю уездному комиссару расследовать, виновных привлечь к ответственности. В Цивильском уезде Шоркисринское общество препятствует вывозу дров, закупленных для города Оренбурга. Потребовал воздействия уездного комиссара, лично по телеграфу предложив районному начальнику милиции принять решительные меры к погрузке и вывозке дров для Оренбурга, где чувствуется острый дровяной кризис. В Лаишевский уезд, где почти повсюду неспокойно, командирован член губернского исполнительного комитета для выяснения и улажения недоразумений на местах и для успокоения личным влиянием; независимо от того предписал уездному комиссару в угрожающие спокойствию пункты лично выезжать для установления порядка. В Тетюшском уезде в имении Горемыкина препятствуют заготовке дров и кольев для фруктового сада. В Яшевскую контору Терениных явились крестьяне Красного поля, села Яшевки, по заявлению жалоб-

щика силой вытребовали полевые планы с намерением разделить землю и поставить своего заведывающего, но инцидент улажен. В имении при деревне Христофоровке, Семеновой, ломают заборы, чинят насилие, пасут скот в саду в имении Куприяновой, имеют намерение отобрать землю. О всех случаях телеграфно поставлен в известность уездный комиссар, которому даны руководящие указания с требованием водворить законность. В Чистопольском уезде получены сведения, что в имении Корвин-Круковских разогнали служащих, запрещают продажу скота. В Мамадышском уезде между крестьянами двух обществ на почве недоразумения о спорной земле произошла драка, закончившаяся расхищением орудий. Потребовал от уездного комиссара расследования и привлечения виновных к ответственности. Настаиваю также на обеспечении засева. Второе: заметных нарушений заводской и торгово-промышленной жизни нет, но свидетельствую, что торговля в губернии заметно уменьшается, некоторые фирмы закрываются, либо сокращают обороты. Недостаток продуктов очень чувствителен: продовольственных припасов недостаточно. Третье: выдающихся случаев агитации против Временного правительства и местных властей наблюдается лишь по Ядринскому, Мамадышскому уездам. Были жалобы на священников, допускающих в своих проповедях раздражение местного населения на почве усвоения понятия о свободе и значения присяги. Оба случая переданы для расследования. Наблюдается, хотя изредка, агитация большевистского направления, главным образом лицами, приехавшими из Кронштадта. Предложил уездным комиссарам тщательно следить и виновных привлекать к ответственности. Четвертое: в прочих областях жизни правонарушения не заметно. За последнюю неделю в Лаишевском уезде арестованы населением врач Алексеев и монахиня Тамара за возражения против бесчинств. Пановскому волостному комитету и уездному комиссару предписано немедленно арестованных освободить, виновных в самовольном аресте привлечь к ответственности, — и арестованные освобождены. Командированный в Лаишевский уезд член комитета доложил, что массовых аграрных беспорядков не наблюдается, есть лишь единичные случаи хищения отдельными лицами: у Нератовой нескольких кур, у Лебедева двух серебряных ложек. Виновные привлекаются к ответственности. Для борьбы с преступностью необходимо увеличить уездную милицию конной милицией. Земельные захваты в большинстве случаев вызываются владельцами, которые не хотят входить в переговоры с волостными комитетами, не считая, повидимому, их органами власти. Волнуют население агитаторы большевистского направления. 957. Губернский комиссар Чернышев».

Несмотря на заявление губернского комиссара, что в большинстве беспорядков повинны землевладельцы, министерство внутренних дел требовало об'яснения и по телеграфу об'являло постановление совета крестьянских депутатов от 13 мая незаконным. Действия Временного правительства и его домогательства в защите помещичьих интересов вызвали решительный отпор со стороны Казанского

Совета крестьянских депутатов, выраженный в ответ на телеграмму тов. министра внутренних дел Леонтьева, что «Казанский губернский Совет крестьянских депутатов, поддерживая всеми своими организованными силами и планомерной работой все начинания Временного правительства, идущие в пользу трудового народа, заявляет, что, во-первых, своим постановлением от 13 мая сего года Совет хочет предотвратить продовольственную разруху и повести организованно то, что вышло бы стихийно, без его участия и создало бы анархию, которой сейчас нет и не будет в Казанской губернии, если опека уездных комиссаров не будет разбивать организованные выступления народа. Во-вторых, во всех выступлениях против постановления Совета от 13 мая сего года Совет видит, что частные и групповые интересы еще не склонились перед волею народа и хотят смять волю народа путем нажима сверху. В-третьих, постановление от 13 мая сего года не противоречит постановлениям Всероссийского Совета крестьянских депутатов и поэтому является голосом крестьянства всей России, который нельзя заглушить циркулярами из министерства. В-четвертых, постановление от 13 мая сего года уже проведено в большей части губернии в жизнь и проводится в остальной и отменить его циркуляром нельзя. В-пятых, постановление от 13 мая сего года Совет, считая выражением воли народа, отменить не согласен, и угрозы тюрьмой и карами за исполнение воли народа не остановят Совет при проведении до конца воли народа. Казанский губернский Совет крестьянских депутатов. Тов. Председатель Колегаев».

Деятельность Временного правительства, направленная на защиту помещиков, внесла дезорганизацию и в комиссарский состав Казанской губернии. В ответ на нажимы сверху ряд комиссаров, в частности Лаишевского уезда, подал в отставку. Лаишевский уездный комиссар В. Н. Белькович сопроводил свою просьбу об отставке мотивированным заявлением, в котором изложил свои взгляды па задачи администрации в революционных условиях: «Задача местной временной власти заключается в том, чтобы всеместно содействовать, в соответствии с указаниями центральной власти, скорейшему образованию местных общественных демократических органов и чтобы, опираясь на таковые, всеми силами способствовать восстановлению на местах повседневной, будничной работы в целях ликвидации той государственной хозяйственной разрухи, которая тяжелым наследием легла на новую власть». Однако эти задачи невозможно было удовлетворить, так как население было настроено крайне беспокойно. Причиной этого беспокойства являлся нерешенный земельный вопрос. «С первых дней революции в мысли крестьянства, — писал уездный комиссар, — поселилось совершенно непоколебимое и справедливое убеждение, что теперь уже наступил момент, когда земля должна быть, наконец, достоянием трудящегося на ней крестьянского населения... В крестьянской массе встал особенно жгуче вопрос и о временном пользовании земельными угодьями, не принадлежащими крестьянству...

«Дальнейшая мысль народа подсказывала ему, что уже теперь наступил момент, когда частным землевладельцам следует немедленно приступить к ликвидации своих хозяйств и передаче земельных угодий в руки крестьянства». Временное правительство думало и действовало совершенно иначе. Поэтому у комиссара появилось сознание, что его «убеждение не вяжется с современными распоряжениями центральной власти»... Эти распоряжения настолько расходились с интересами крестьянских масс, что их нужно было осуществлять при помощи оружия. На это положение лаишевский комиссар заявляет, что «по складу своих душевных убеждений решительно не в состоянии прибегать к распоряжению о применении вооруженной силы» [1]... К такому заявлению присоединился и его помощник Терентьев.

Аграрное движение на Украине приняло резкие формы в начале апреля. Из ряда уездов Харьковской губернии (Изюмского, Старобельского) поступали сведения об обысках у помещиков, о реквизициях запасов продовольствия, о запрещениях рубить лес и т. п.

В Славяносербском уезде Екатеринославской губернии также производились обыски, снимали с работ военнопленных. В Верхнеднепровском уезде захватывали помещичьи земли. В Ананьинском, Тираспольском, Елисаветградском уездах крестьяне захватывали луга и пахотные земли частных владельцев, снимали рабочих.

В Черниговской, Киевской, Подольской и Волынской губерниях крестьянское движение развивалось организованно и в значительной части районов под руководством солдат.

В Области Войска Донского происходили мелкие конфликты между казаками и иногородними, а также между последними и крупными землевладельцами.

Об отношении к земельным реформам сибирского крестьянина сведения поступали крайне скупо. Лишь в конце апреля начали поступать известия об организации там крестьянских комитетов и о захватах земель в Тобольской губернии. В Акмолинской области были порубки леса, потравы, запашки и угрозы по отношению к крупным землевладельцам отнять их имущество.

Апрельская волна крестьянских волнений вызвала большое беспокойство в кругах Государственной думы. Временный комитет Государственной думы запросил министра земледелия А. И. Шингарева о мероприятиях, принимавшихся министерством для предупреждения «аграрных беспорядков». Ответ министра земледелия содержит описание и характеристику крестьянских волнений первых двух месяцев революции.

А. И. Шингарев сообщал Временному комитету, что «происходящие ныне в некоторых местностях аграрные волнения являются естественным результатом переворота, последовавшего столь стремительно, что те силы, которые стали ныне во главе управления на

---

[1]) См. дело Временного правительства, № 32. Архив Октябрьской революции.

местах взамен органов старой власти, не успели еще сорганизоваться для надлежащего отпора стремлениям отдельных действующих как в городах, так и в сельских местностях безответственных лиц и групп населения к осуществлению своих чаяний путем захватов и насилий. Явления этого порядка, имеющие место и в других областях государственной жизни, должны были получить в сфере земельных отношений тем большее развитие, что основанием их служит та действительно наблюдаемая и часто острая земельная нужда крестьянского населения, удовлетворению которой при прежнем государственном строе ставились всяческие преграды. При таких условиях можно было ожидать, что аграрные беспорядки и волнения получат весьма широкое распространение и примут острую форму. К счастью, действительность не оправдывает этих опасений в полной мере, и, по имеющимся у меня сведениям, аграрные волнения не приняли столь широких размеров.

«Насколько можно убедиться по поступающим ко мне заявлениям и жалобам, аграрные беспорядки имеют место в отдельных местностях, — повидимому, в тех, где создались недружелюбные отношения между землевладельцами и крестьянами или особенно сильно ощущалась земельная нужда, сравнительно в незначительном числе случаев охватывая целые волости или уезды. При этом крестьяне по большей части прибегали не к безвозмездному отобранию владельческих земель, а к принудительной сдаче последних им в аренду по назначаемой волостными комитетами «справедливой» цене, правда, весьма пониженной по сравнению с существующей.

«С своей стороны, по получении первых известий о возникновении аграрных волнений, ведомство, учитывая все серьезнейшие последствия этого явления, в частности для обеспечения армии и населения продовольствием, обратило на него самое серьезное внимание и немедленно прибегло ко всем имевшимся в его распоряжении средствам для предупреждения дальнейшего развития аграрного движения. Такими средствами являлись меры двоякого рода: 1) прекращение беспорядков, уже вошедших в отдельных местностях и случаях, и 2) издание в законодательном порядке таких постановлений и правил, которые, с одной стороны, дали бы какой-нибудь путь для удовлетворения земельной нужды крестьянского населения, а с другой — направляли бы по законному руслу возникавшие у него споры с землевладельцами на почве земельных правоотношений впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием.

«В отношении мер первого рода необходимо, однако, принять во внимание, что, не имея в своем распоряжении на местах таких органов власти, которые могли бы прекратить беспорядки путем применения физической силы, находящейся в ведении министерства внутренних дел, да и по существу не признавая возможным, в условиях переживаемого времени, пользоваться таковой, — ведомство могло прибегнуть только к нравственному воздействию на население. Поэтому по всем поступившим в министерство жало-

бам и заявлениям ведомство обращалось как к подлежащим губернским и уездным комиссарам, так и непосредственно к волостным комитетам с просьбою раз'яснить населению недопустимость самоуправных, в отношении частных землевладельцев, действий, а равно уголовную и гражданскую ответственность за таковые дайствия, и с указанием на необходимость, в интересах сохранения и поддержания гражданского мира, спокойно ожидать справедливого решения земельного вопроса в предстоящем Учредительном собрании. Такого рода обращения привели в некоторых случаях к положительным результатам, и в этом именно порядке были предотвращены земельные недоразумения в ряде отдельных местностей. Не ограничиваясь этим, ведомство выработало ныне ряд воззваний ко всему сельскому населению, которые будут распространены среди него в большом количестве экземпляров; кроме того, принимаются меры к посылке эмиссаров в наиболее затронутые аграрным движением местности.

«Что же касается мероприятий второго рода, то по представлению министерства земледелия были утверждены Временным правительством постановления: а) от 11 апреля с. г. о засеве полей и охране посевов и б) от 21 апреля с. г. об учреждении земельных комитетов.

«В частности закон 11 апреля с. г. устанавливает предоставление всех пустующих земель в распоряжение местных продовольственных комитетов, с назначением последними справедливой арендной платы в пользу владельцев за занятие их земель, и принятие на счет государства убытков, понесенных частными владельцами от насильственного захвата их земель, возлагая вместе с тем на виновных гражданскую и уголовную ответственность. Засим закон 21 апреля с. г. о земельных комитетах, привлекая последние к участию в установлении предстоящей земельной реформы, предусматривает вместе с тем передачу названным комитетам и учреждаемым ими примирительным камерам всех возникающих земельных споров.

«Издание приведенных узаконений, к широкому распространению коих в среде населения мною приняты меры, является, с моей точки зрения, самым действительным средством борьбы с аграрными волнениями, и я глубоко убежден, что применением их, в связи с установлением более тесного взаимодействия между центральным правительством и местными властями и общественными организациями, к достижению коего принимаются меры министерством внутренних дел (только что окончившийся с'езд губернских комиссаров), дальнейшему распространению беспорядков на почве земельных отношений будет положен предел» [1]).

Мероприятия Временного правительства, предназначенные для введения крестьянства в «русло законности», были использованы для организационного сплочения крестьянских сил. Малое количество «острых конфликтов», т.-е. разгромов имений, поджогов,

[1]) См. дело Временного комитета Государственной думы. Архив Октябрьской революции.

убийств помещиков и т. п. явлений, было результатом организованности крестьян и сознания ими своей силы. Все, кто бывал в те месяцы в деревне, быстро убеждались в твердости крестьянских намерений. Все жители деревень и селений были твердо убеждены, что земля будет ихняя и перейдет к ним в ближайшее время. Вместо грубых насилий, крестьяне находили иные средства, более мирные, но хорошо действовавшие, иные способы выживания мелких и крупных помещиков. Постановление Временного правительства о продовольственных комитетах и об охране посевов давало целый ряд возможностей выжить помещика, лишить его земли на законном основании. Закон обязывал его засеять или сдать в аренду свою землю. Однако засеять своими собственными силами он не мог, а наемных рабочих или пленных ему или не давали или назначали такую оплату за их труд, что помещик отказывался, и земля передавалась под крестьянскую запашку. Мысли о том, что помещикам не нужно давать рабочих, брали всюду верх. Благодаря войне и потребностям военной промышленности в рабочей силе это отношение крестьян к наемным рабочим в сельском хозяйстве тогда еще не отражалось на состоянии рынка труда и на положении с.-х. рабочих. Рабочие, уволенные или снятые с помещичьих работ, находили для себя работу у тех же крестьян и порой на той же помещичьей земле, но уже за счет деревенского богатея.

Все крестьянские и солдатские с'езды, имевшие место в марте, апреле и мае месяце, по вопросу о земле выносили тождественные решения, кратко выраженные тремя словами: «земля всему народу». Это требование считалось самым «крайне левым», и социалисты-революционеры облекали его в «социалистические» узоры. Против этого требования выступала вся буржуазия, верховное руководство над коей принадлежало «партии народной свободы», т.-е. кадетам. Временный комитет Государственной думы и Временное правительство посылали своих «авторитетных» делегатов в народ для идейной борьбы с «крайними лозунгами». В одном из документов Временного правительства есть маленькая сводка того идейного багажа, с которым такие «делегаты» выступали в крестьянской среде. Все их усилия были направлены на борьбу с мужицкими «иллюзиями» путем «ясной и понятной для крестьян критики». Начинали делегаты свою критику с доказательств, что земли почти нет, если ее делить между всеми. «Крестьянина ожидает страшное разочарование. Земля! — ее почти нет. В Орловской губернии, напр., если разделить (в некоторых уездах, а таких уездов и губерний много), — если разделить всю владельческую землю, то крестьянину придется по $1/8$ десятины.

«И когда это обнаружится для крестьянина со всей неожиданной неподготовленной ясностью, неизвестно, на кого обрушится его гнев, его негодование обманутого и разочарованного в тех дутых векселях, которых ему надавали со всех сторон. Возможно, что безземельные, изголодавшиеся крестьяне станут друг против друга (село против села) и будут угрожать друг другу и из-за каждого

свободного клочка земли, как это уже и есть налицо в Пензенской губернии, где аграрный вопрос стоит особенно остро.

«Чем дальше, тем положение становится хуже, тревожнее; начинаются посевы, надо возить навоз на пары, — куда его возить? Рядом земля помещика, обетованная земля! Соседняя деревня Хрущево вполне удовлетворилась бы этой землей, но совершенно такую же претензию имеет на нее Рылово, а огромное село Монаенки грозит все захватить и вымести все деревни по самые Монаенки.

«Сейчас крестьянин питается во многих местах не реальностью, а лозунгами. Он предвкушает золотой век осуществления их. Он часто далек от мысли, что все лозунги окажутся мыльными пузырями по той простой причине, что земли нет, что в большинстве средних губерний не только нельзя думать о трудовой норме, но и о лишних двух десятинах.

«И одно из спасительных мероприятий должно быть: подготовление крестьян к переходу от заманчивых перспектив-«лозунгов» к реальной действительности, к уменьшению и ослаблению того обмана, в котором находится сейчас крестьянин по отношению к земельным чаяниям.

«Некоторые делегаты намечают себе в этих случаях определенный план бесед, преследующий две цели: доказать, что не все желательное возможно, и убедить собеседников, что каждая частность земельного вопроса, в высшей степени трудного и сложного, должна составить предмет размышления и обсуждения, не должна приниматься на веру. Беседа начинается с вопроса о том, что, например, конечно, каждый желает получить земли столько, сколько он в состоянии обработать. И притом именно здесь, на месте, без перехода и расселения. На этот вопрос всегда получается, конечно, единодушный, утвердительный ответ.

«Тогда приступают к вычислению. (Конечно, цифрами делегат запасается для каждой отдельной местности заранее.) Сообщается цифра десятин земли помещичьей и крестьянской, затем цифра населения волости, затем производится деление, и частное в большинстве случаев с поразительной ясностью обнаруживает, что не только трудовая норма (почти везде она определяется на семью из пяти душ в двадцать-пятнадцать десятин посева и пять толоки), но и продовольственная в пределах волости недостижима. От волости переходят на веру, так как точность его учета уже демонстрировалась на волости. Результат оказывается настолько же печальный, но это заставляет крестьян войти в вопрос глубже и не питаться только лозунгами» [1]).

Однако все эти беседы делегатов с их попытками убедить крестьянина, что «земли почти нет», в то время как он эту землю видел у соседнего помещика, жаждал ее получить, хотя бы в виде клочка, терпели жалкий крах. Кое-где таких пропагандистов крестьяне готовы были взять в колья.

---

[1]) См. дело Временного правительства, № 89 Архив Октябрьской революции.

IX. Тревога за Петроград.

Во второй половине марта буржуазная печать начала проявлять шумливое беспокойство за состояние обороны подступов к Петрограду. По столице усиленно распространялись слухи о ненадежности войск северного фронта, но особенно много слухов и газетных тревог относилось к Кронштадту. Расправа кронштадтских матросов с ненавистными офицерами, сторонниками царского режима, произвела столь ошеломляющее впечатление на буржуазию, ликовавшую по поводу «бескровной» революции, что создала Кронштадту славу города постояной «анархии и самоуправства». Газеты помещали ложные сообщения о состоянии Кронштадта, об отношении к военному делу гарнизона крепости и судов Балтийского флота, а буржуазная молва расшифровывала недоговоренность ложных сообщений о Кронштадте, дополняла ее своими измышлениями о том, что столица революции совершенно беззащитна со стороны моря.

В среде «революционной демократии» слухи о плохом состоянии обороны Петрограда со стороны суши и моря также находили доверчивых людей. Оборончеcкое настроение легко доверялось всяческим измышлениям о том, что после свержения Николая II Петроград приобрел особенно важное значение, как центр революции, относящийся непримиримо враждебно к Вильгельму, а поэтому немцам важно нанести как можно скорее сокрушительный удар по революции.

В газетах замелькали тревожные сообщения о приготовлениях немцев на северном фронте. Английская разведка сообщала о концентрации немецкого транспорта в портах Балтийского моря. Московские газеты дополняли эти тревожные известия «точными» цифровыми данными. По их уверениям, в Либаве были приготовлены транспорты для переброски 36—40 дивизий. Но значительная доля таких тревог вызывалась соображениями внутренней политики. Военному ведомству нужно было подтянуть «распустившийся» петроградский гарнизон, нужно было восстановить твердую власть в войсках и во флоте, а это удобнее и проще было сделать при наличии угрозы неприятеля.

Все эти тревоги нашли свое отражение и в тактике военачальников. Генерал Рузский уже 19 марта отдал приказ по армиям северного фронта, требуя «принять решительные меры к тому, чтобы, пользуясь наступающим весенним временем, усилить нашу обороноспособность. Очередными задачами ближайшего времени для армий ставлю: 1) армиям прочно удерживать занимаемые ныне позиции, обратив самое серьезное внимание на развитие в глубину укреплений первой, а также второй полосы обороны и необходимых путей сообщений. При этом должно быть сделано особое внимание упрочению следующих, наиболее важных в стратегическом отношении участков: в районе 12-й армии — Плаканен — Берземюнде — устье Рогер, в районе 5-й армии — Якобштадтский участок, Двинский

плацдарм вообще и в частности участок от деревни Тенис до озера Сасамь и от Ново-Александровского шоссе до озера Дрисвяты, в районе 1-й армии — участок от дер. Можейки до озера Мядзиол, прикрывающий пути на Дошкицы и Полоцк. 2) Образовать сильные армейские и частные резервы, расположив их на важнейших направлениях. 3) Организовать всеми имеющимися средствами непрерывное и самое тщательное наблюдение за противником, разведку его сил, перегруппировок и изменений в его укреплениях. Использовать для этой последней цели ряд хорошо продуманных и планомерно проводимых поисков. Широко применять при всяком удобном случае газовые атаки. 4) Немедленно приступить к настойчивой работе по дальнейшей подготовке и приведению в порядок в кратчайший срок войсковых частей, приняв попутно энергичные меры к устройству внутренней их жизни на вновь вводимых началах. Меры эти прежде всего направить к сплочению начальников, офицеров и солдат. Необходимо найти общие пути, идя по которым офицеры и солдаты в тесном единении могли бы привести армию к конечной победе над немцами».

Приказ этот был отдан до решения вопроса об общей тактике весенних военных операций. Но все оборонительные задачи на суше были поддержаны ставкой и через нее согласованы с командующим Балтийским флотом. Генерал Алексеев телеграммой от 21 марта обращал внимание главнокомандующего северным фронтом на то, что «обстановка, сложившаяся на Балтийском море в связи с мощностью ледяного покрова, вызывает серьезные опасения за оборону Моонзундской позиции и в частности — за оборону острова Эзеля, ибо с потерей полуострова Сворбе противник получит возможность с началом навигации упредить нас и овладеть Ирбенской морской позицией. Агентурные сведения в связи с подготовкой неприятеля к активным действиям против северного фронта указывают на вероятность десантной экспедиции на Эзель, в то время когда вследствие суровости ледяного покрова нельзя выслать в море никаких судов. Для предотвращения вероятных действий противника и с целью удержания в наших руках острова Эзеля мною отдано приказание комфлоту сосредоточить в Моонзундской позиции всю 107-ю и бригаду 118-й пехотной дивизии, находящихся в подчинении флота, но ввиду неимения в распоряжении комфлота других нужных для обороны Эзеля средств, а равно и для образования резерва войск, находящихся на островах, приказываю: 1) бригаду 135-й пехотной дивизии, состоящую в Приморском отряде, сосредоточить к Пернову, дабы в случае необходимости перебросить ее на остров Эзель. 2) Ввиду неготовности 107-го артиллерийского дивизиона, формирующегося в Ревеле и задерживающегося неприбытием лошадей, отправить из состава Приморского отряда на остров Эзель в распоряжение начальника Моонзундской позиции три вылазочные батареи Кронштадтской крепостной артиллерии, впредь до прибытия на Эзель 107-го дивизиона, после чего батареи будут возвращены в ваше распоряжение. 3) Направить один легкий парковый артил-

лерийский дивизион (обязательно с ружейным парком) из состава северного фронта по вашему усмотрению на остров Эзель в распоряжение начальника Моонзундской позиции. 4) Направить на остров Эзель в распоряжение начальника Моонзундской позиции одну саперную роту по вашему усмотрению; рота будет возвращена по миновении остроты положения. 5) Командировать в распоряжение начальника Моонзундской позиции одного военного инженера, по возможности имеющего боевой опыт. Вместе с тем полагаю желательным на случай развития операции на Эзеле иметь в виду необходимость посылки туда дальнейших подкреплений от северного фронта. Прошу подтвердить снабсеву о необходимости снабжения по всем видам довольствия войск, находящихся в Моонзундской позиции. О порядке и направлении командируемых вашим распоряжением войсковых частей благоволите войти в непосредственное сношение с комфлотом».

Наконец, за дело обороны подступов к Петрограду взялся и сам военный министр А. И. Гучков. Письмом от 27 марта он просит генерала Алексеева об усилении гарнизона Ревельской крепости. Следующим письмом от того же дня А. И. Гучков развил свои взгляды на создавшееся положение под Петроградом более подробно, пытаясь таким путем проявить свое «министерское» руководство. «Небывало суровая зима 1916/1917 года лишает Балтийский флот возможности приступить теперь же к необходимым подготовительным действиям в Балтийском море как в Финском заливе, так и в Рижском.

«Состояние ремонта материальной части и организованности личного состава, по вполне понятным причинам, будут, конечно, ниже соответствующих в прошлом году, но тем не менее позволят приступить ко всем необходимым действиям, как только это окажется возможным по климатическим условиям.

«Ввиду сего представляется чрезвычайно важным в течение ближайших 3—4 недель путем особой бдительности и стойкости на позициях северного фронта вообще и на рижском в особенности отразить возможный натиск врага, памятуя, что по истечении означенного времени, если немцами не будут предприниматься какие-либо особо энергичные действия на море, наш флот попрежнему станет на поддержку и обеспечение правого фланга армии. Если же, однако, за указанный срок на северном фронте произошло бы отступление, отдающее во власть неприятеля Ригу и, следовательно, Рижский залив с островами, а также Ревель с базою флота, — то флот, лишившись большей части своих подготовленных позиций, оказался бы, несмотря на достаточную готовность к действиям, бессильным исполнять в дальнейшем свою обязанность охраны правого фланга армии и подступов к столице».

Отношение ставки к такого рода указаниям военного министра было самое отрицательное. Сохранившаяся надпись генерала Алексеева на письме—«какая цель писания таких писем с выдержками из прописей?» — говорит довольно определенно о пренебрежении к ним.

С таким же письмом обратился военный министр Гучков и к главнокомандующему северным фронтом генералу Рузскому. Ответом на его запрос было следующее письмо: «Милостивый государь, Александр Иванович. В ответ на ваше письмо от 27 марта с. г. № 6035/284 сообщаю, что в моем распоряжении нет данных, которые допускали бы сделать вывод о возможности в течение 3—4 ближайших недель, считая от 27 марта, возникновения такой обстановки, при которой явилась бы необходимость уступить врагу ныне занимаемые нами позиции па линии р. Двины. Противник продолжает занимать пассивное положение, и признаков его накапливания пока нигде не обнаруживается; в случае же натиска его теми силами, кои у него имеются на фронте ныне, я вполне рассчитываю отразить его попытки прорвать наш фронт.

«Что касается Ревеля, то так как вопрос в вашем письме идет о подступах к нему со стороны сухопутья, то равным образом считаю возможным успокоить вас в том смысле, что в ближайшее время ничто не угрожает этой крепости.

«Иначе стоит вопрос о Моонзундском архипелаге. Оборона островов, его составляющих, переходит в мое ведение лишь с сегодняшнего дня, при условии, что сообщение с этими островами может нарушиться тающими льдами ежечасно, почему фактически изменить те условия обороны, в коих они ныне находятся, я не имею возможности.

«Несомненно, существует опасность высадки на этом архипелаге немцев, которые могут поставить себе целью овладеть Моонзундом в полном об'еме — для создания выгодных условий дальнейшего наступления в направлении на Ревель и Петроград или же частично—в целях оказания ближайшей помощи своим войскам при операции собственно против Рижского района. Выбор той или другой задачи будет, конечно, находиться в прямой зависимости от тех средств, кои для операции против Моонзунда будут немцами назначены.

«Вполне отдавая себе отчет в важности направлений на Петроград, особенно при современной обстановке, я нахожу, что заблаговременной организацией обороны и наличием в моем распоряжении некоторого количества свободных резервов было бы возможно и в дальнейшем не только рассчитывать отстоять наше нынешнее положение в случае усиления немцев, но, может быть, и вовсе предотвратить удар противника против северного фронта, выгоды которого для немцев подсказываются различными соображениями, в том числе необеспеченностью нашего правого фланга и неготовностью парировать удар; поэтому я настоятельно и неоднократно просил верховное командование о пересмотре наших стратегических предположений с целью найти средства для усиления северного фронта.

«К сожалению, доказать настоятельность такого усиления мне не удалось и фактически фронт намечено усилить лишь одной казачьей дивизией и 10 батальонами пехоты (последние без артиллерии), которые будут направлены в Финляндию.

«Таким образом для обеспечения правого фланга армий северного фронта и прикрытия подступов к Петрограду мне приходится ограничиться принятием мер лишь за счет собственных сил фронта. Все возможное в этом смысле делается, но вследствие растянутости фронта и слабости рокадных линий для переброски резервов принимаемые меры, к сожалению, не могут быть признаны достаточными.

«Настоящее письмо мое в копии я препровождаю генерал-от-инфантерии Алексееву.

«Прошу принять уверение в моем уважении и совершенном почтении. Н. Рузский».

Письмо генерала Рузского указывало на продолжение разногласий между главнокомандующим северным фронтом и ставкой. Разногласия эти имели место не только по вопросу о наступательной и оборонительной тактике в данный момент, но и в определении важности направления операций.

Переписка между военным министром Гучковым и генералом Рузским вызвала ответ генерала Алексеева и его оценку положения в таком виде. «Милостивый государь, Александр Иванович. Вам угодно было непосредственно обратиться к главнокомандующему северным фронтом по чисто оперативному вопросу — способа прикрытия путей на Петроград и подступов к Ревелю.

«Едва ли один из четырех главнокомандующих может дать об'ективный ответ на поставленный вопрос, столь тесно связанный с общей идеей действий на всем нашем фронте протяжением свыше 1.600 верст.

«Генерал Рузский ответил вам письмом от 5 апреля за № 1898/б, в которой он, между прочим, говорит, что, к сожалению, не может убедить меня в необходимости пересмотра уже принятых решений. Прилагаю копию моей телеграммы за № 3018 главнокомандующему северным фронтом по поводу письма к вам [1]).

«Хотя средства, находящиеся в распоряжении генерала Рузского, значительны, и с ними он обязан был бы оказать мощное противодействие противнику, какую бы ни предпринял он операцию против района северного фронта, но, учитывая моральное состояние войск (мое письмо к вам от 7 апреля за № 2858) и настроение самого главнокомандующего, я вынужден был назначить в его распоряжение еще 5 дивизий. Этим я существенно ослабил ударные группы в ущерб делу и при удаче отнимаю необходимые средства для широкого развития успеха.

«Изменять общие, уже принятые решения не имею оснований, тем более, что рассчитывать на энергичное выполнение наступательной операции войсками северного фронта не могу, хотя бы в той

[1]) См. копию телеграммы № 3018 в приложении тридцать седьмом.

мере, как на войска фронта, коему представляется более активная роль. Прошу принять уверения в совершенном уважении и преданности. Мих. Алексеев».

Тревоги относительно упадка обороноспособности Балтийского флота, рассказы, слухи и заметки буржуазной печати о дезорганизации дела обороны возмущали моряков Балтийского флота и вызывали с их стороны опровержения. Вся кампания буржуазной печати и вызванные ею мероприятия правительства направлены были непосредственно против солдатских и матросских депутатов.

Правительство неоднократно «било тревогу» по поводу Кронштадта, но значительная доля слухов оказывалась ложной, как об этом свидетельствовали заключения многочисленных комиссий, расследовавших положение дела там. Нарекания на моряков, что они своим поведением дезорганизовали морскую оборону, опровергались высшим командованием флота. На запрос ставки о состоянии обороны адмирал Кедров ответил 18 апреля следующей телеграммой: «Средства обороны Балтморя в текущем году по сравнению с 1915 и 1916 годами не понизились. Главным оружием против подводных и надводных судов являются минные поля и сети. Больших мин заграждения достаточно; сетей значительно больше, чем в 1916 году. Утверждать, что малые мины заграждения есть главное оружие против подводных лодок, превосходящее существенно сети и большие мины заграждения, преждевременно, так как они еще мало испытаны на практике. Оборона Балтморя значительно усилилась установленными в последнее время 12-дюймовыми батареями на Циреле, у Тахконы и Эре. В общем оборона Балтморя в этом году, по моему мнению, сильнее, чем ранее, и безнадежной признаться не может. Недостатки снабжения флота, доложенные вам адмиралом Вердеревским, мне детально известны, и я принял меры к спешному изготовлению 15.000 малых мин заграждения для подкрепления минных полей из больших мин заграждения. Задержка в изготовлении произошла из-за окончательной выработки образца лишь прошлой осенью, а вследствие расстройства транспорта, прекращения работ в дни переворота и последующие готовность задержалась. Ныне материалы на заводы уже поступают, и при условии улучшения транспорта и нормальной работы заводов нужный комплект малых мин будет изготовлен в ближайшее время».

Для выяснения создавшегося положения во флоте и в войсках, расположенных в Финляндии, ставка командировала помощника начальника штаба верховного главнокомандующего, генерала Клембовского. В своем докладе от 27 марта генерал Клембовский приводит, со слов адмирала Максимова, подробную характеристику флота. Совершившийся переворот отразился на судах и их боеспособности различно. На четырех дредноутах Балтийского флота не было ни потери офицеров, ни смены начальствовавших лиц. На четырех новых крейсерах по требованию команды были сменены два

начальника. На имевшихся 24 подводных лодках не было ни смены начальников, ни потери офицеров. На шести заградительных был сменен один начальник. Вся эта группа вышеприведенных судов считалась вполне боеспособной.

Временно утратившими свою боеспособность считались: 12 больших минных судов, хотя на них не было в результате революционного переворота ни потерь, ни перемены начальников. На четырех броненосцах (старых) насчитывали восемь офицеров убитыми, трех командиров и восемь офицеров смененными. На трех старых крейсерах было убито три и сменено пять офицеров. Потери офицеров на мелких заградителях еще не были приведены в известность, но суда эти были причислены к временно небоеспособным. 50 малых минных судов и тральщиков насчитывали 12 офицеров убитыми и 5 смененными [1]). По отзывам адмирала Максимова, «флот долг исполнит, но печать раздула его мощь; если пока он одерживал успехи, то только потому, что немцы высылали против него слабые силы». Генерал Клембовский в докладе отметил, что «матросы на улицах держатся довольно вызывающе», однако оговорился тут же, что при посещении крейсера «Кречет» он этого не заметил.

Состояние пехотных частей оказалось значительно хуже. Генерал Клембовский наблюдал выборгский гарнизон 23 марта и описал это в своем докладе такими словами: «Выборгский гарнизон был собран в полном составе на городской площади для церемониала по случаю погребения жертв революции в Петрограде. Все части имели знамена и плакаты, из них около одной трети с надписью: «Да здравствует свобода», около одной трети — «Да здравствует демократическая республика», «Земля и воля», и только два знамени с надписями: «Борьба до полной победы над врагом». Во время речей солдаты без разрешения стали курить в строю; их примеру последовали офицеры и публика.

«По окончании шествия по городу командир корпуса пропускал части мимо себя и благодарил их; около половины частей не отвечали, некоторые же кричали «ура». При этом, проходя мимо командира корпуса, солдаты продолжали курить, не вынимали рук из карманов и, конечно, голов к начальнику не поворачивали. Резко выделяется безукоризненной выправкой 2-й Выборгский крепостной полк (сменивший за строгость своего командира полка).

«Строевые занятия — 4 часа в день. Генерал Гулевич считает боевую подготовку достаточной, но за стойкость в бою не ручается.

«За время беспорядков сменили коменданта и одного командира полка; крепостного инженера арестовали».

Внешние признаки упадка дисциплины произвели на генерала далеко не отрадное впечатление.

Гельсингфорско-свеаборгский гарнизон был не лучше выборгского. После его смотра генерал Клембовский сделал заключение по каждому полку. Он находил, что в 428-м пехотном полку «вы-

[1]) См. дело военно-ученого архива, № 452.

правка неважная. До 20 марта занятий никаких не производили, после того стали заниматься два часа ежедневно; кроме того, ежедневно два часа ведутся беседы на политические темы чисто демократического характера. На мою речь о необходимости довести борьбу до победного конца отвечали не особенно дружно. От перевода на остров Эзель решительно отказались и лишь 2—3 дня тому назад согласились за исключением стариков (40 лет и более), которых около четверти всего состава.

«Настроение очень ненадежное. Строевая подготовка средняя. Безусловно необходимо возможно скорее удалить командира полка полковника Чарноцкого, крайне вредно влияющего на полк».

510-й полк хотя и убил двух офицеров, а трех сменил, но имел «выправку», производил занятия и стрельбу. «Люди молодые, полк не обстрелян, но производит хорошее впечатление», — отзывался о нем генерал Клембовский.

Боевая готовность частей 42-го корпуса, по докладу командира его генерала Гулевича, находилась в таком виде: «106-я пехотная дивизия не имеет артиллерии. Строевая подготовка удовлетворительная, но дивизия не обстреляна, а потому о боеспособности генерал Гулевич не считает возможным судить. Во время переворота солдаты сменили 3 командиров полков. Полагаю, что, раскинутая на обширном фронте и не посещаемая высшими начальствующими лицами, дивизия едва ли надежна.

«Четыре финляндских батальона, как сформированные недавно, притом из запасных, без прочных кадров и мало обученные, ненадежны.

«Прибалтийская конная бригада; дать заключение о ней генерал Гулевич отказался по незнанию ее; он обратил только мое внимание на то, что 43-й донской казачий полк, во-первых, раскинут посотенно в разных пунктах; во-вторых, он отказался присягнуть новому правительству, как, впрочем, и почти весь гельсингфорсский гарнизон».

Артиллерийская оборона побережья состояла из 423 орудий старых систем 1867 и 1877 годов. На каждое из орудий приходилось всего от 300 до 1.000 выстрелов. Скорострельных орудий было всего лишь 8, и на них лежала обязанность борьбы с налетами аэропланов. Инженерная подготовка военных действий в Финляндии далеко не была удовлетворительной.

Все данные о плохом состоянии обороны Петрограда со стороны моря и Финляндии были широко использованы для внесения «порядка» в войсковые части. Газетная и митинговая кампания об угрозе Петрограду являлась одним из сильных средств морального воздействия на солдат. Генерал Корнилов, командовавший Петроградским военным округом, воспользовался немецкой угрозой Петрограду для приведения в боевую готовность войск своего округа. Особенное внимание было уделено Кронштадту. Генерал Корнилов 7 апреля лично ездил в Кронштадт и о своем посещении сообщил ставке, что «осмотрел все части сухопутного гарнизона крепости,

судовые экипажи, форты, батареи и мастерские. В частях гарнизона сухопутных и морских настроение внушает уверенность, что отношения между офицерами и солдатами в ближайшем будущем примут нормальный характер. Артиллерийские части в порядке; солдаты сознают опасность, которая может создаться в случае появления противника у берегов Финляндии, и решили приложить все усилия, чтобы в возможно кратчайший срок закончить работы по усилению работоспособности крепости; приняты все меры к тому, чтобы к 10 мая закончить электрическое оборудование батарей. Боевые комплекты батарей в порядке. Выслушав доклад комитета обороны, своей властью разрешил неотложные вопросы по усилению состава пехотной бригады крепости, организации ее воздушной обороны, ускорению работ по постановке с открытием рейда минных заграждений».

Такое состояние кронштадтских укреплений, гарнизона и судовых команд, которое вынужден был признать наиболее ретивый сторонник армейского «порядка», находилось в решительном противоречии со всем тем, что писалось и говорилось о Кронштадте в правительственных и думских кругах. Солдаты, матросы и рабочие Кронштадта рассматривали поход буржуазной прессы и вызванные им правительственные мероприятия, как нападение на революцию, и стойко отстаивали завоеванные права. Исполняя военные приказы, строго соблюдая требования службы, они вели решительную борьбу с контр-революционным офицерством, которого было немало в рядах Балтийского флота и среди гарнизона крепостей. Всякие попытки вмешательства военной и правительственной власти в деятельность своих организаций матросы и солдаты решительно отводили, чем вызывали ненависть в штабных кругах Петрограда.

В запасных частях Петроградского военного округа настроение солдат в марте и апреле было, в большинстве, патриотическое и воинственное. Редки были батальоны и команды, которые не носили во время манифестаций знамен о войне до победы. Но эта воинственность быстро исчезала, когда тем же запасным батальонам приходилось выделять маршевые роты для пополнений полков действующей армии. Благодаря участию солдат в перевороте 26 и 27 февраля петроградский гарнизон, а затем и части войск, стоявшие в окрестностях города, попали в особое привилегированное положение. Во время соглашения Временного комитета Государственной думы и Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов о составе власти было обусловлено, что правительство «не разоружает и не выводит из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении». Количество войск, принявших активное участие в революции, в решающие дни 26—27 февраля, было не велико, но плодами этого участия стремились воспользоваться все войска округа, численностью свыше ста тысяч.

На почве этого привилегированного положения петроградских войск шла борьба, и на фронте солдаты открыто выражали свое не-

удовольствие таким положением. В конце марта и в начале апреля вопрос о формировании пополнений и отправки их на позиции поднимался делегатами от фронтовых частей, а также и Временным правительством. Нежелание командного состава фронта получить пополнения из «разложившихся» и зараженных революцией частей петроградских войск, открыто выражавшееся в марте, сменилось в апреле иным, — прямым требованием пополнений. Военные соображения тесно сплетались с внутренними политическими целями, порой совершенно преодолевая первые, оставляя их на заднем плане.

Солдатская секция Петроградского Совета часто обсуждала требования фронтовых воинских частей о высылке пополнений и иногда удовлетворяла их. Но штаб округа настаивал на полной отмене всех стеснений его действий в деле посылок маршевых рот. Вопрос об этом был поставлен на Совете 16 апреля и решен в положительном смысле. Совет признал необходимым направлять пополнения маршевыми ротами, но при этом постановил, что отправка каждой роты происходит под контролем Исполнительного комитета и только с его разрешения. В апреле месяце было отправлено на фронт свыше двадцати маршевых рот, одна маршевая казачья сотня, двенадцать радиоотделений и несколько артиллерийских пулеметных и мотоциклетных команд. Обо всех маршевых отправлениях из Петрограда командующий округом ставил в известность Временное правительство.

X. В Совете и в Исполнительном комитете.

Деятельность Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в первый месяц революции протекала в хаотических условиях. Работа Совета и его заседания были плохо подготовлены и почти не организованы. Представительство в Совет отличалось крайним разнообразием. Единой нормы представительства в Совет на деле не существовало. Число членов Совета возрастало с каждым днем. В первые дни революции этот рост представительства свидетельствовал о широте революционного влияния Совета на солдатские массы и был всеми горячо приветствуем. Однако в середине марта, т.-е. когда вся рабочая, солдатская и крестьянская масса стояла уже под красными знаменами, увеличение числа членов Совета показывало не присоединение новых сил к революции, а говорило о недостатках в деле организации Совета.

В первые дни возникновения Совета, примерно, до 5—7 марта, число его членов рабочих и солдат доходило до 1.200. Во второй половине марта состав Совета расширился уже почти до 3 тысяч. Более двух третей так разбухшего состава Совета составляли солдатские представители, хотя гарнизон столицы в те дни едва ли превышал 100.000 солдат. На заседании рабочей части Совета от 18 марта Б. О. Богданов сообщил, что в Совете состоит 2.000 солдат и 800 рабочих. В то же время число рабочих и служащих в столице и на окраинах было не менее 800 тысяч. Предста-

вители пролетариата буквально тонули в сером море солдатских шинелей. Такой состав Совета привел к тому, что все его заседания стали носить митинговый характер, вызывая справедливое возмущение рабочей части Совета, стремившейся к превращению Совета в орган решающий и постоянно действующий. Меньшевики и социалисты-революционеры, имевшие тогда большинство в Совете, были против переизбрания Совета, пытались разрешить вопрос о «работоспособности» Совета путем деления его на две секции: рабочую и солдатскую. На долю рабочей секции относились вопросы рабочей жизни, а в солдатскую секцию передавалось все, что имело отношение к солдатскому быту и организации армии. Но для принятия того или иного решения требовалась воля всего Совета, а это обстоятельство приводило опять к тому же, от чего хотели уйти, образуя секции.

Деление вопросов на «солдатские» и «рабочие» было искусственно. На деле не было такого солдатского вопроса, в решении которого не был бы заинтересован рабочий класс. В то же время и солдаты, под влиянием пропаганды буржуазной печати и под давлением своих крестьянских интересов, прислушивались ко всему, что происходило в рабочей среде. Буржуазия попыталась использовать некоторые противоречия интересов города и деревни для натравливания солдат на рабочих. В некоторых воинских частях велись под руководством офицеров беседы с солдатами, в которых солдаты возбуждались против рабочих. Про рабочих говорили, что они становятся «лодырями», стремятся получать деньги за ничегонеделание, распространяли слухи о громадных заработках и непомерных требованиях рабочих. Буржуазные газеты вели агитацию в том же направлении, дискредитируя рабочие требования и борьбу за восьмичасовой рабочий день. Администрация некоторых предприятий передавала в руки солдат расчетные книжки отдельных рабочих, получавших высокую плату, а заинтересованные агитаторы старались использовать их как вещественные доказательства наживы всех рабочих на войне.

Во главе этой агитации стояли различные организации военного характера, как комитет военно-технической помощи, группы под громкими названиями вроде «Родина и Народная армия» и т. п. К их услугам была вся буржуазная печать, и, кроме того, те же круги располагали газетой, созданной по почину военной комиссии комитета Государственной думы и на его средства, под названием «Солдатское Слово». Эта газета ежедневно вливала в солдатские массы яд шовинизма, травила рабочих и большевиков. В конце марта та же группа лиц под названием «Родина и Народная армия» организовала митинг, на котором были самозванные представители 89 частей петроградского гарнизона и фронтовых частей 15-й стрелковой Сибирской дивизии 2-го моторного понтонного батальона, гвардейского Павловского полка, 111-го Донского полка и вернувшихся из германского плена инвалидов. На этом собрании приняты резолюции, которые газета «Солдатское Слово» выставила как

«требование солдат к Совету рабочих и солдатских депутатов». Первая резолюция, обращенная к Совету рабочих и солдатских депутатов, предлагала: «1) об'единиться в возможно кратчайший срок во Всероссийский Совет рабочих депутатов и общеармейский Совет солдатских депутатов, так как только в таком виде Советы будут представлять голос всего рабочего класса всей страны и голос всей армии.

«2) Стоять на страже интересов пролетариата и доносить Временному правительству о всех уклонениях органов как центральной, так и местной власти от пути к осуществлению народной свободы и о требованиях рабочего класса и армии.

«3) Весь авторитет употреблять на поддержку Временного правительства, поскольку оно стоит на страже интересов народа и способно внести необходимый в данный момент порядок.

«4) Осуществлять свои требования только через Временное правительство, как единственный орган государственной власти, на верность которому присягала страна и армия».

Содержание этих якобы «требований», которых никто не посмел даже просто принести в Совет, а опубликовать только на страницах газет, вскрывало их правительственный источник. Все инициативные агитационные группы содержались на счет прямых или косвенных субсидий военного министра и творили волю своего хозяина.

На том же митинге было принято обращение «К рабочим», в котором все от имени тех же «89 частей» требовали: «1) прекратить немедленно все распри как внутри рабочей массы, так и с администрацией и техническим персоналом фабрик и заводов, так как дезорганизация промышленности грозит неисчислимыми бедствиями армии.

«2) Передавать свои экономические требования на рассмотрение согласительных камер и, как высшей инстанции, Совета рабочих депутатов, не прерывая ни в каком случае течения работ, необходимых для обороны страны.

«3) Ради увеличения производительности работ на оборону страны отложить осуществление 8-часового рабочего дня, доведя длину его и напряжение до высших пределов и памятуя, что защищающая нашу свободу армия работает в окопах бессменно, и что днем и ночью льется драгоценная народная кровь».

Это требование очень часто появлялось в те дни на страницах капиталистической печати и было вызвано тревогой фабрикантов и заводчиков, жаловавшихся на рабочую вольницу. Добившись восьмичасового рабочего дня, рабочие пытались бороться за улучшение своего положения и путем требований повышения заработной платы, которая быстро отставала от роста дороговизны жизни. Эти требования рабочих были встречены капиталистами, наживавшимися на войне, как «грабеж», и они взывали к патриотизму, пытаясь воздействовать на рабочих через солдатскую массу, и кое-где достигали успеха.

Помимо этих обращений, собрание приняло еще одно: «К солдатам и офицерам». В этом воззвании собравшиеся солдаты и офицеры призывали других солдат и офицеров: «1) напрячь все усилия для подготовки к боевой работе, помня, что каждый солдат и офицер должен быть готов в любую минуту заменить павших в бою с врагом товарищей и отдать свою жизнь за свободу и счастье родины.

«2) Освободившись от повиновения из-под палки, солдаты должны восстановить самую строгую дисциплину на основе нового демократического строя войсковой жизни и твердо помнить, что только спаянная дисциплиной армия опасна врагу, а не толпа вооруженных людей.

«3) Исполнение присяги, данной свободному народу, в лице Временного правительства, и беспрекословное повиновение начальникам вменяются в первейший долг воинским чинам всех званий.

«4) Солдаты должны оказывать полнейшее доверие офицерам.

«5) Ротные, батальонные и полковые комитеты должны неукоснительно стоять на страже новых демократических начал войсковой жизни».

Но все эти напыщенные притязания остались на бумаге. Никакой массовой организации, а тем более 89 воинских частей, за ними не было. Никакого другого органа, кроме Совета, питерские солдаты не признавали. Солдаты быстро поняли смысл и значение агитации буржуазной печати и некоторых элементов офицерства и начали сами давать отпор.

Агитация против рабочих привела к тому, что воинские части направляли делегатов на заводы для проверки всех слухов на месте. Такие делегации прибывали даже с фронта. Само собою разумеется, что все рассказы о высоких заработках и нежелании рабочих работать оказывались при проверке ложными, и попытки стравить рабочих с солдатами не удавались.

Вопрос о ненормальном положении дела в Совете неоднократно поднимался на заседаниях Исполнительного комитета. Но, как и многие другие вопросы, стоявшие в порядке дня работ Исполнительного комитета, отодвигался «внеочередными» и более важными. Наконец, в заседании сначала Исполнительного Комитета от 18 марта, а потом и рабочей части Совета вопрос о работе Совета стал в порядок дня. Положение дел в Совете никого не удовлетворяло, но все обсуждение сводилось к порядку и технике реорганизации, а также и к системе выборов. Во время обсуждения вопроса о составе Совета было внесено предложение о создании малого Совета, выделяемого из большого, примерно, в 200 депутатов. Этот малый Совет по мысли вносивших предложение и должен служить тем рабочим органом, которого невозможно было сделать из большого. Создание малого Совета по мысли предлагавших его не требовало реорганизации большого Совета, и в этом заключалось его преимущество.

Для партий и групп советской оппозиции, в числе которой находилась наша РСДРП большевиков, группы с.-д. «межрайонцев», латышей, поляков и с.-д.-интернационалистов, реорганизация Совета была политически выгодна, так как влекла за собой немедленные перевыборы солдатской части Совета. Поэтому наши представители высказывались за реорганизацию Совета, и это мнение восторжествовало, получив 12 голосов против 7.

Весь вопрос о реорганизации Совета был сведен к переизбранию солдатских представителей и установлению, как правила, представительства от полков и батальонов. Громоздкость солдатского представительства происходила, главным образом, оттого, что право представительства было дано мелким частям — каждой роте и даже команде. Ограничение представительства от мелких частей значительно сокращало количество солдатских депутатов, и в соглашательских кругах поднимались голоса за то, чтобы в новом Совете солдат и рабочих было равное число. Игра на солдатах против рабочих велась не только буржуазией, но и некоторыми элементами соц.-революционеров и с.-д.-меньшевиков. Но это предложение было покрыто принятием равных норм представительства в Совет как от рабочих, так и от солдат. В первые дни собрания Совета происходили в здании Государственной думы, а когда количество членов его стало доходить ко 2.000 чел., то пришлось искать другое помещение. Одно время Совет собирался в Михайловском театре, а затем в здании кадетского корпуса. Вопрос о реорганизации Совета обсуждался на заседании солдатской части Совета 19 марта. Рассмотрением проекта реорганизации занималась особая комиссия, в составе 12 представителей Исполнительной комиссии солдатской секции и 3 представителей Исполнительного комитета. Первоначальное мнение комиссии было за роспуск Совета и новые выборы его по расчету 1 представитель на 2.000. Однако под влиянием опасений, что перевыборы могут внести изменения в состав Совета, а пожалуй, и желания избегнуть нежелательной агитации на почве перевыборов, комиссия от первых предложений отказалась. Солдаты, большинство которых было выбрано в первые дни революции, также не выражали пожелания об изменении Совета. В результате обсуждения было принято следующее решение: «Нынешний состав Совета рабочих и солдатских депутатов ни в коем случае не распускать, не переизбирать, так как разрушение всякой революционной организации, хотя бы и имеющей те или иные недостатки, в период, когда постоянный государственный строй еще не установлен, недопустимо. Технические же неудобства можно преодолеть. Аудитория Народного дома скоро будет приведена в надлежащее состояние, и заседания там могут происходить в соответствующей обстановке. Такой громоздкий аппарат, конечно, трудно собирать, но он необходим не только как организация, связывающая значительное число участников представителей, но и как орган, решающий окончательно все принципиальные вопросы, имеющие характер основных.

«Предположено назвать его «большим Советом» с тем, чтобы собрания его созывались через 7—10 дней».

Для удовлетворения тех рабочих и солдатских кругов, которые выражали неудовольствие постоянным митингованием Совета и стремившихся приобщиться к решению политических и просто «деловых» вопросов, решено было создать «малый Совет рабочих и солдатских депутатов». В основание организации малого Совета были приняты следующие положения: «1) Рабочая секция малого Совета избирается по одному депутату на каждые 2.000 человек; следующие неполные 2.000 рабочих данного завода посылают еще по одному депутату, если количество их превышает 1.000 человек, т.-е. если заводы имеют более трех, пяти или семи тысяч, то они избирают соответственно 2, 3, 4 депутатов.

«Служащие мелких предприятий соединяются в группы и также избирают по одному депутату на 2.000 человек. Кроме того, в состав малого Совета входят представители районных организаций отдельных рабочих союзов и т. д. Общий состав намечен в 250 человек.

«2) Солдатскую секцию малого Совета организовать по тому же принципу представляется невозможным, так как необходимо, во-первых, передать представительство отдельным войсковым частям, хотя бы не имеющим полных 2.000, ибо иначе может быть нарушена связь с этой частью, иной, весьма важной в смысле обороны, и, во-вторых, необходимо усилить состав его для того, чтобы дать возможность высказаться и голосу крестьян, так как армия в настоящем ее состоянии представляет из себя одетых в рубашки защитного цвета и крестьян и рабочих. Поэтому подкомиссия предлагает следующий способ организации солдатской секции малого Совета:

«На предпоследнем заседании вами уже была избрана из своей среды исполнительная комиссия, в состав которой вошло по одному представителю от полка и запасного батальона, при чем отдельные управления заседания Военного министерства, об'единившись в числе 29 и представляя собою 7.400 голосов, избрали четыре человека.

«В настоящее время число ее членов равняется 107 человекам. Комиссия, как я докладывал в последнем заседании, разбилась на ряд подкомиссий, худо ли, хорошо ли, но с утра до ночи работают, и потому распускать ее представляется нецелесообразным, для доведения же ее состава до 250—280 человек с тем, чтобы она могла превратиться в солдатскую секцию малого Совета, мы предлагаем следующее:

«Подкомиссия личного состава исполнительной комиссии совместно с президиумом комиссии и членом Исполнительного комитета должна составить список числа депутатов, подлежащих дополнительному выбору, от отдельных частей по 1 на 2.000 так же, как у рабочих, при чем главные и окружные управления военного министерства имеют выбрать по 1 представителю, независимо от количества своих членов.

«Мелкие однородные части и команды, госпитальные и другие санитарно-лечебные учреждения соединяются и выбираются по 1 на 1.000. При такой системе мы получим состав солдатской секции приблизительно в 250 — 280 человек».

После реорганизации Совета было приступлено к «упорядочению» работы Исполнительного комитета. Состав Исполнительного комитета к концу марта возрос до 42 членов с решающим голосом. Но, как правило, на собраниях обычно участвовала половина и редко — больше двух третей решающих голосов. Однако количество присутствовавших было иногда значительно больше. 19 марта солдатская секция вынесла решение об увеличении Исполнительного комитета 9 солдатами и 9 рабочими, но это предложение в самом Исполнительном комитете было отклонено с мотивировкой, что пополнение Исполнительного комитета предвидится на Всероссийском совещании, назначенном на 28 марта. Согласно постановления Исполнительного комитета, утвержденного Советом, в его состав входили с правом совещательного голоса члены социал-демократических фракций Государственной думы всех созывов, пять представителей от солдатской комиссии, два представителя от центрального бюро профессиональных союзов, редакционная комиссия «Известий» и представители от районных Советов. Широкий состав участников и свидетелей деятельности Исполнительного комитета имел много неудобств для соглашательской работы. Одно и самое главное неудобство в работе такого Исполнительного комитета было существование партийной оппозиции, часто мешавшей «деловому» решению вопросов. Кроме того, широкая гласность и критическое отношение к деятельности Исполнительного комитета стали прямо стеснять соглашательское большинство. Выход из этого был найден еще 14 марта, и сводился он к разделению Исполнительного комитета на два рабочих органа — бюро Исполнительного комитета и пленарное заседание. Оппозиция поняла, что, создавая бюро, большинство стремится замкнуться и отгородиться от критики оппозиции, и высказывалась против его организации. Из оппозиции в него был введен только один П. И. Стучка, и то не по партийному выдвижению, а волею большинства.

Во второй половине марта, в разгар буржуазной тревоги по поводу существовавшего в стране «двоевластия», печать требовала опубликования имен членов Исполнительного комитета. Вокруг Исполнительного комитета и его членов велась откровенно черносотенная пропаганда. На улицах Питера появлялись листовки, требовавшие раскрытия имен членов Исполнительного комитета. В ответ на эти требования в конце марта был опубликован следующий состав Исполнительного комитета: «Председатель — Н. С. Чхеидзе, товарищи председателя — М. И. Скобелев и А. Ф. Керенский.

«Бюро Исполнительного комитета—Н. С. Чхеидзе, Ю. М. Стеклов, В. О. Богданов, Н. Ю. Капелинский, П. И. Стучка, П. А. Красиков, К. А. Гвоздев.

«Члены Исполнительного комитета — Г. М. Эрлих, Н. Д. Соколов, Н. Н. Гиммер (Суханов), М. Н. Козловский, В. М. Зензинов, А. Р. Гоц, В. Б. Станкевич, Л. М. Брамсон, Н. В. Чайковский, В. Н. Филипповский, Г. Г. Панков, В. А. Дмитриевский, Соколовский, П. А. Залуцкий, Г. Ф. Федоров, Н. В. Святицкий, И. Г. Церетели, М. И. Гольдман (Либер), К. К. Кротовский, К. С. Шехтер (Гриневич), В. М. Скрябин (А. Молотов), И. В. Джугашвили (К. Сталин), А. Г. Шляпников (А. Беленин), И. И. Рамишвили, И. Г. Барков, А. Н. Падерин, А. Д. Садовский, Ю. А. Кудрявцев, В. И. Баденко, Ф. Ф. Линде, А. П. Борисов, Вакуленко, Климчинский».

Исполнительный комитет Петроградского Совета того времени состоял на $^{8}/_{10}$ из интеллигентов. Из 42 членов Исполнительного комитета, имевших право решающего голоса, рабочих было всего человек семь. Этим об'ясняется в значительной степени и тот хаос, который господствовал в работе Исполнительного комитета. Несмотря на такое богатство Исполнительного комитета «умственными работниками», в его деятельности того времени не было ни порядка, ни организованности. Даже такое дело, как постановка протокольной части, отчетов по исполненным поручениям и канцелярское, казалось, так знакомое журналистам и адвокатам, находившимся в составе большинства Исполнительного комитета, было поставлено крайне плохо. Исполнительный комитет принимал решения, но как они проводились в жизнь, об этом порой никому не было известно. Бывали случаи повторных обсуждений и взаимно противоречивых решений. Протоколы велись кустарями, не понимавшими всей важности доверенного им дела и работавшими, как говорят, «спустя рукава». Заведующие отделами и технические работники Исполнительного комитета вербовались по преимуществу из соглашательского лагеря.

Заседания Исполнительного комитета, вплоть до реорганизации и выделения бюро Исполнительного комитета, происходили ежедневно, с утра и до позднего вечера. После же реорганизации ежедневно заседало только бюро, а для заседания Исполнительного комитета назначались три дня в неделю: вторник, четверг и суббота от 4 до 8 часов вечера. Заседания рабочей секции Совета были по средам, а солдатской — по пятницам. Совет в целом созывался по воскресеньям в час дня. Но на самом деле от этого порядка были весьма частые отступления. За бурное время революции было много «экстренных» случаев и «непредвиденных» событий, которые заставляли собирать Исполнительный комитет и Совет и в другие дни.

На заседание Исполнительного комитета от 19 марта явилась делегация от Кронштадтского Совета с заявлением о том, что матросы, солдаты и рабочие их района возмущены тем, что Временное правительство выдает содержание всем арестованным приверженцам царского режима. Этакие возмущения приходилось выслушивать на многих собраниях и в самом Совете. Временное правитель-

ство было весьма предупредительно и щедро по отношению к слугам царизма — увольняло их с пенсией и мундиром. Исполнительный комитет постановил задерживать уплату жалованья арестованным, о чем решил уведомить председателя Совета министров.

В тот же день обсуждалось в Исполнительном комитете предложение солдатской секции об организации военных комиссаров. Мысль об организации особой сети назначенных комиссаров принадлежала самой действующей армии. Многочисленные делегации от частей действующей армии настойчиво требовали установления тесной связи с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Сам командный состав, почувствовав недоверие к себе со стороны солдатской массы, искал возможностей подкрепить свой авторитет путем признания политической платформы сначала Временного правительства, а потом и соглашательского Совета. Но в среде командного состава, особенно в штабах, было много таких офицеров, которые приняли платформу Временного правительства лишь внешне, будучи на деле ярыми противниками революции. Временное правительство, через Военное министерство, производило «обновление» командного состава, замещая реакционных начальников прогрессивными, но действовало в этом направлении крайне медленно. Между тем ропот солдат и их недовольство реакционными офицерами становились с каждым днем все шире и грозней.

Временное правительство при осуществлении своего плана смены негодных начальников и замены их другими натолкнулось на естественное затруднение — выбор был ограничен. Чем выше была должность, тем труднее было найти замену, так как прогрессивных элементов с генеральскими чинами было весьма мало. Внесенный солдатской секцией проект посылки особых военных комиссаров в штабы должен был облегчить дело умиротворения армии. Путем назначения военных комиссаров при командующих многие деятели предполагали установить политический контроль над действиями военных начальников, а также снять с них ту долю общественной деятельности, которая была возложена на командный состав в силу переворота, и тем способствовать поднятию авторитета офицеров и их сближению с солдатами.

В предложенной инструкции цели и задачи комиссаров были подробно изложены и приняты Исполнительным комитетом в следующем виде:

«1. В целях установления прочной и постоянной связи между войсками и их органами и Советами рабочих и солдатских депутатов, быстрого и планомерного разрешения возникающих в области внутренней и политической жизни в армии вопросов и незамедлительной передачи директив, равно как в целях предупреждения каких-либо ошибочных шагов со стороны руководящих ныне жизнью армии органов, — Исполнительный комитет назначает по соглашению с Временным правительством комиссаров:

а) при Военном министерстве;
б) при ставке;
в) при командующих отдельными фронтами;
г) при флотах (Гельсингфорс, Кронштадт, Ревель);
д) при командующих отдельными флотами.

«2. Комиссары действуют на основании наказа, утвержденного Советом рабочих и солдатских депутатов. Военное министерство со своей стороны выдает означенным комиссарам открытые листы об оказании им военными властями содействия при исполнении ими возложенных на них обязанностей.

«3. В вопросах внутренней и политической жизни армии и местного населения в пределах вверенного их ведению района никакие распоряжения, приказы, воззвания и т. п. не могут быть отданы без согласия с ними комиссара и Совета рабочих и солдатских депутатов.

«4. Комиссары принимают участие в разборе всех заявлений, требований, жалоб и т. п., касающихся внутренней жизни войсковых частей, их продовольствия и расквартирования, равно как отношений между войсками и местным населением.

«5. Комиссары принимают все зависящие от них меры по устранению трений между офицерским и солдатским составом, раз'яснению войсковым частям происходящих событий и быстрому удовлетворению войсковых нужд, поскольку в этом могут оказать помощь Совет рабочих и солдатских депутатов и связанные с ним организации.

«6. Перечисленные выше задачи комиссары осуществляют при помощи: лиц, командируемых в их распоряжение Советом рабочих и солдатских депутатов, и лиц, привлекаемых ими по соглашению с местными Советами рабочих и солдатских депутатов. Все означенные лица действуют на основании общего наказа и директив, данных Советом рабочих и солдатских депутатов. Распределение работы между ними и частные практического характера указания поручаются комиссарам».

Принятый проект был передан для представления Временному правительству, но в те дни не встретил там сочувствия. Временное правительство прекрасно понимало, что назначение советских военных комиссаров в армии создаст новую линию подчинения армии и еще более укрепит существовавшее «двоевластие», а поэтому поднятый Исполнительным комитетом вопрос о комиссарах оставило открытым. Но уже тогда, не дожидаясь решения Временного правительства, Исполнительный комитет назначал военных комиссаров в различные воинские центры. Так, на заседании Исполнительного комитета в тот же день, 19 марта, было решено «послать в Гельсингфорс и Ревель военных комиссаров, которые были бы назначены по соглашению с офицерско-солдатской организацией» [1].

---

[1]) См. протоколы Исполнительного комитета Петроградского Совета, издание Центрархива.

Насколько нам помнится, был назначен военный комиссар и в штаб Петроградского округа.

На том же заседании было заслушано приветствие шахтера, прибывшего из Екатеринославской губернии с Берестовского рудника. Приветствуя Исполнительный комитет, делегат попросил дать ему раз'яснение по следующим вопросам: 1) Каково отношение Совета рабочих и солдатских депутатов к Временному правительству? 2) Были ли даны Советом рабочих депутатов директивы о немедленном проведении в жизнь классовых интересов? 3) Если не были, то на каком основании действуют местные организации? Если директивы даны в смысле воспитательного характера, то до какого времени они будут такого характера? 4) Как смотрит Совет рабочих и солдатских депутатов на девиз «долой войну»? 5) Как относится к комитету Государственной думы? 6) За оборонительную или наступательную войну стоит он? 7) Какую форму правления предполагает комитет Государственной думы установить в стране? 8) Каково отношение Совета рабочих депутатов к войне? 9) Мнение всех (Совета, партий и комитета Государственной думы) о времени созыва Учредительного собрания? 10) Распространяется ли действие (в смысле постановлений) Совета рабочих депутатов на существующие рабочие партии? 11) Если да, то в какой форме? 12) Если нет, то что предпринимает Совет рабочих и солдатских депутатов против выступления отдельных организаций по вопросам, имеющим общегосударственное значение? 13) Всем. — Как действовать против отдельных групп, самостоятельно выступающих по данным вопросам? 14) Комитету Государственной думы. — Каким образом полагают связать местные выборные органы самоуправления с центральной властью?

На месте шахтерскому представителю поручили получить ответы на все вопросы, волновавшие рабочие круги района. Вместо того, чтобы обойти все организации, к которым относились его вопросы, он передал вопросник в «центр всех центров», в Исполнительный комитет, и от него потребовал ответа. Подобные запросы в Исполнительный комитет поступали из различных мест, и ему пришлось, не дожидаясь «Всероссийского совещания», формулировать свое отношение по ряду вопросов и в виде политической «инструкции» разослать по всем Советам, а также раздавать на руки агитаторам и ходокам. Одновременно с раз'яснением отношения Петроградского Совета к Временному правительству, к вопросу о войне и т. п. в данный момент эта «инструкция», пущенная во второй половине марта, носила характер предвыборной (на Всероссийское совещание Советов) платформы оборонческо-меньшевистского характера. В то время она опубликована не была, так как не обсуждалась на Исполнительном комитете, хотя и называлась «инструкцией всем Советам рабочих и солдатских депутатов», распространялась через иногородний отдел Исполнительного комитета. Вот содержание этой платформы: «Со всех концов России получаются многочисленные запросы относительно той тактики,

которой необходимо держаться провинциальным органам революционной демократии в настоящий сложный и ответственный момент, — ввиду этого Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих депутатов на основании всех изданных им постановлений и воззваний предлагает провинциальным Советам рабочих и солдатских депутатов руководствоваться в своей деятельности следующими основными положениями:

«1. Состав членов Временного правительства и его программа установлены по соглашению с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. При этом Совет обязался «поддерживать это правительство в той мере и постольку, поскольку оно будет проводить на практике обещанную ими программу реформ».

«2. Следовательно, до тех пор, пока между Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов и Временным правительством соглашение не нарушено, Временное правительство должно считаться для всей России единственным законным правительством. Все его распоряжения, если они не опротестованы Петроградским Исполнительным комитетом, должны исполняться; поставленные им органы власти, посланные им комиссары должны быть признаны законными властями, если они по своим личным качествам или политическому прошлому не кажутся опасными или вредными для дела свободы.

«3. Советы рабочих и солдатских депутатов, как органы революционной демократии, по отношению к правительству, являются органами революционного контроля. Этот контроль осуществляется так, что в случаях, если Совет находит действия местных комиссаров опасными для дела революции, он телеграфирует об этом правительству и Петроградскому Исполнительному комитету. А главная задача — борьба с остатками старого режима, со всеми попытками контр-революции и организация населения.

«4. В отношении рабочих и фабрикантов следует всячески избегать неорганизованной экономической борьбы и частичных выступлений. Там, где имеются организации рабочих и предпринимателей, следует пытаться добиваться соглашений между ними в деле улучшения экономического положения рабочих и урегулирования взаимных отношений по образцу петроградского соглашения. Если бы соглашения не было достигнуто, следует доводить об этом до сведения Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и до решения этого вопроса воздержаться от частных выступлений, так как такие выступления в момент закрепления революции преждевременно разбивают силы. Для улажения конфликтов на отдельных фабриках и заводах следует создавать примирительные камеры по образцу петроградских, а именно:

«5. При возникновении недоразумения в деревнях, а особенно аграрных беспорядках, следует раз'яснить крестьянам, что все основные земельные вопросы будут решены Учредительным собранием, и что до тех пор всякое самоуправство, особенно же

уничтожение и захват имущества, является недопустимым и вредит делу революции.

«6. В отношениях солдат к офицерам следует, руководствуясь решениями и воззваниями Исполнительного комитета, держаться следующих правил:

«Вне службы солдаты являются такими же свободными гражданами, как все остальные. Но на службе необходимо соблюдать строжайшую дисциплину и повиноваться своим офицерам. Излишняя подозрительность к офицерам вносит и расстраивает единство. «Не поддавайтесь на удочку провокаторов, помните, что офицеры-революционеры сейчас наши товарищи. Всякие столкновения и оскорбления, ни на чем не основанные или основанные только на темных слухах, недопустимы и опасны. Не верьте этим слухам, не предпринимайте никаких необдуманных шагов против наших товарищей офицеров».

«7. Наконец, по отношению к войне следует руководствоваться воззванием Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира». Смысл этого воззвания тот, что война должна быть окончена «международным совместным решительным выступлением в пользу мира», — мира, приемлемого для всех, без аннексий и контрибуций. Но пока война продолжается, «русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой». Следовательно, во время войны необходимо решительно бороться со всякими попытками дезорганизовать оборону как на фронте, так и в тылу. Дисциплина в армии должна строго поддерживаться. Снабжение армии снарядами и продовольствием должно происходить непрерывно.

«В частности, провинциальные Советы рабочих и солдатских депутатов должны по возможности согласовать свою деятельность с другими общественными организациями на местах, признавшими новый строй, и с правительственными учреждениями. Согласование это может выражаться в пополнении городских дум или городских исполнительных комитетов представителями демократической части населения, в делегировании туда своих представителей, во взаимном осведомлении и т. д. Во всех вопросах, касающихся общегородских дел, как продовольствие, милиция, общественная безопасность, борьба с представителями старой власти, выборы во временные самоуправления и т. д., — во всех этих вопросах провинциальные Советы должны действовать совместно с другими организациями и комиссарами правительства, а никоим образом не брать на себя одних правительственных функций.

«Наконец, впредь до издания нового закона о демократическом самоуправлении, следует рекомендовать и в деревне немедленно создавать временные общественные комитеты. Только создавая везде на местах выборные учреждения, пользующиеся доверием населения, можно будет начинающееся стихийное движение в деревне направить в организованное политическое русло. Только

выборные комитеты, согласующие свою деятельность с земством и правительственными комиссарами и находящиеся в постоянном общении с городским Советом, могут улаживать возникающие конфликты и недоразумения, могут предупредить возможную анархию».

«Инструкция» точно воспроизводила теорию и практику тогдашнего большинства Совета.

Одновременно с заседанием Исполнительного комитета в том же Таврическом дворце происходило общее собрание Совета солдатских депутатов. В бывшем зале заседаний, набитом солдатами до отказа, горячо обсуждался проект Положения о ротных и полковых комитетах. Особая солдатская комиссия, под председательством В. Утгофа, внесла, наконец, давно ожидавшийся проект солдатских организаций в войсках. Положение состояло из 47 пунктов, суммировавших отчет о существовании «самочинно» возникших комитетов петроградского гарнизона.

В об'яснительной записке к проекту Положения говорилось, что «1) настоящий проект имеет в виду главным образом действующую армию. Войска действующей армии находятся в особых условиях, и то, что применимо в тыловых частях, совершенно не годится для войск, сидящих в окопах. Из частей внутренних округов большую часть составляют запасные части с их маршевыми командами. Для сохранения единства организации необходимо маршевые команды организовать на тех условиях, как и те действующие части, в которые они будут влиты.

«2) Сложное полковое и ротное хозяйство требует известной подготовки. Между тем при том состоянии снабжений и интендантства, которое старый режим оставил нам в наследство, достаточно месяца неумелого и неопытного хозяйства, чтобы части войск остались без достаточного продовольствия и снабжения. Поэтому нельзя оставить существующий, хотя бы и неважный, порядок, а надо принять все меры к устранению его недостатков. Основным его недостатком было широко распространившееся злоупотребление хозяйственных чинов. Для устранения их предположено: все мелкие хозяйственные должности, которые требуют, главным образом, добросовестности, заместить выборными от солдат. Должности, более сложные, требующие значительного хозяйственного опыта, выборными не замещать, но поставить их под строгий надзор солдатских выборных комитетов. Все вообще хозяйство части иметь под постоянным и строгим контролем солдатских и выборных комитетов. Такой порядок устранит злоупотребления, не нарушая заведенного порядка».

Кроме Положения о комитетах, комиссия внесла проект Положения о ротном и полковом суде. Организация ротных и полковых судов мотивировалась тем, что «3) переменить, как бы требовалось, значительную часть офицерского состава сейчас, ввиду некомплекта офицеров, нельзя, так как заместить удаленных офицеров некем, а оставление их должностей незанятыми повлекло бы за собой пол-

ную потерю боеспособности целыми боевыми частями». Ввиду этого комиссия признала, что выбирать офицеров в действующей армии совершенно невозможно. Для устранения же злоупотреблений и превышений власти надо принять меры иные. А именно: а) лишить младший командный состав — офицерский и не офицерский — всякой единоличной дисциплинарной власти, перенеся ее на ротный дисциплинарный суд. Старших чинов в их единоличной дисциплинарной власти ограничить, перенеся большую часть их власти на полковой суд. б) Предоставить выборным солдатским комитетам самим, без утверждения начальством, передавать в ротный и полковой суды дела о злоупотреблениях и превышениях власти со стороны командного состава. в) В случаях, когда дела о лицах командного состава не могут быть разрешены судами за неимением в них состава преступления, а офицер является совершенно нежелательным части, предоставить право полковому солдатскому комитету без всякого утверждения начальства передавать такие дела в военную комиссию Государственной думы, которая такие дела рассматривает.

«4) Недоразумения между солдатами и офицерами рассматриваются смешанными органами. Чтобы быть авторитетными, решения таких органов должны приниматься представителями обеих сторон. Поэтому в полковые комитеты допускаются выборные от офицеров, а последняя инстанция — полковой суд, который рассматривает преступления и более важные поступки как офицеров, так и солдат, составляется на основании полного равноправия.

«5) Одной из важнейших задач момента является борьба с возможной контр-революцией, а потому на ротные и полковые комитеты возложена обязанность связать всю русскую армию и флот в одно целое.

«6) Для практического осуществления общегражданских прав солдат на ротные и полковые комитеты возложена обязанность помогать в этом отношении людям своей части, которые на походе иных политических организаций создать не могут».

Все проекты были приняты 25 марта а 30 марта генерал Алексеев издал приказ о введении комитетов, не считаясь с проектом, принятым Петроградским Советом. Последний в части комитетов был утвержден военным министром А. И. Гучковым только 16 апреля, пройдя через комиссию генерала Поливанова, подвергнувшись некоторым редакционным изменениям [1]. Благодаря разноречивым приказам в войсках фронта создалась путаница, и войсковые комитеты переживали постоянную реорганизацию, вплоть до конца апреля. До появления приказа А. И. Гучкова от 16 апреля при организации комитетов солдаты руководствовались добытыми положениями из запасных частей, затем положениями, опубликованными в «Известиях Петроградского Совета рабочих

[1]) См. все приказы и проект солдатской секции в приложении двадцать четвертом.

и солдатских депутатов» и, наконец, приказами генерала Алексеева и Гучкова.

20 марта был «большой день» в Исполнительном комитете. В этот день был поставлен на обсуждение вопрос о связи революционной демократии нашей страны с социалистическими и рабочими организациями других стран. Вопрос о связях и об организации их Советом был поставлен по настоянию левой части Исполнительного комитета и являлся продолжением той борьбы, которая имела место в связи с выработкой и опубликованием известного обращения «К народам всего мира» [1]). Часть тогдашней левой Исполнительного комитета внесла предложение об организации при Исполнительном комитете «отдела международных сношений». Одновременно с этим ставился вопрос о воздействии на Временное правительство, в целях побуждения его к опубликованию правительственной декларации, об отказе России от захватнических целей войны. В этом предложении видели «второй шаг» по пути программы мира, намеченной обращением от 14 марта «К народам всего мира». Вокруг этого предложения и в связи с вопросом о целях и практических задачах такого отдела возникли горячие дебаты. На этом заседании Исполнительного комитета впервые появились прибывшие из Сибири депутаты II Думы во главе с И. Г. Церетели. Выступления последнего по существу сводились к вопросу о задачах российской революции в этой войне. И. Г. Церетели выступил крайним шовинистом, защищая, со свойственным его темпераменту пылом, идею самообороны революции от германского империализма, в союзе с западно-европейской демократией. В спорах принимали участие представители всех политических партий, при этом еще раз Исполнительный комитет разбился на три группы: непримиримых противников войны, к которым принадлежали большевики и один межрайонец, на группу словесных противников войны, но одновременно осуждавших «дезорганизаторскую» пропаганду большевиков против войны, и третью группу — «защитников отечества» и революции под различными партийными флажками. Подробных протоколов и отчетов об этом заседании, как и о многих других, не велось, а в памяти сохранились лишь отрывки больших споров, происходивших чуть не два дня под ряд. Наиболее резкая борьба была между нами, большевиками, и единым фронтом социал-шовинистов. Группа членов Исполнительного комитета, называвших себя интернационалистами (Суханов, Гриневич, Соколовский), играла роль буфера, стремясь расплывчатыми предложениями о необходимости «борьбы за мир» примирить непримиримое.

И. Г. Церетели пытался подкрепить свою позицию ссылками на Энгельса, Бебеля, которые в свое время сказали кое-что о защите отечества. Против его «защиты революционного отечества» и ссылок на Энгельса выступал и я. Мое выступление сводилось к опроверже-

---

[1]) См. «Семнадцатый год», кн. 2-я, глава «Отношение к войне», стр. 138.

нию Церетели в его попытках опереться в защите отечества на двух авторитетов социал-демократии, так как высказанное Энгельсом и Бебелем касалось совершенно иной исторической эпохи и к данным условиям не подходило. От имени нашей партии я высказал взгляд о том, что мы тоже готовы защищать наше отечество, но только тогда, когда вырвем его из рук наших классовых врагов, будем его защищать тогда, когда оно действительно будет нашим отечеством. В те же дни марта 1917 года мы не считали возможным брать на себя защиту отечества, возглавлявшегося Львовым — Гучковым — Милюковым. Речи наших товарищей и интернационалистов значительно сбили задор Церетели, но не были в силах переубедить его, погрязшего в оборончестве.

Во время прений были выдвинуты три предложения. Одно из них — требование от правительства отказа от захватных целей войны — после возражений ярого шовиниста Чайковского было принято всеми. Осуществление этой задачи было возложено на «контактную комиссию».

Второе предложение состояло в образовании «отдела международных сношений». Проект этого предложения содержал следующие положения:

«1. Отдел международных сношений при Совете рабочих и солдатских депутатов имеет своего комиссара в Петроградском телеграфном агентстве, который передает для телеграфирования в иностранную прессу сведения о деятельности и постановлениях Совета рабочих и солдатских депутатов и более важные из других сообщений и материалов, печатающихся в официальном органе Совета рабочих и солдатских депутатов (в «Известиях»).

«2. Все телеграммы, посылаемые отделом для иностранной прессы, сообщаются предварительно представителю Временного правительства в Петроградском телеграфном агентстве депутату Гронскому. А все прочие телеграммы, отправляемые за границу через Петроградское телеграфное агентство, сообщаются депутатом Гронским предварительно комиссару отдела.

«3. Если депутат Гронский возражает против текста какой-либо телеграммы отдела, или если комиссар отдела возражает против текста какой-либо другой телеграммы, то разногласие передается на рассмотрение совещания представителей Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов.

«4. Отдел международных сношений имеет право учредить свою деловую агентуру в Стокгольме.

«5. Отдел международных сношений получает без цензуры все телеграммы и письма, какие его заграничная агентура направляет по адресу: Петроград, Таврический дворец, Совдепу. О пропуске адресованных Совдепу писем и телеграмм без цензуры Временное правительство отдает телеграфное распоряжение по министерствам: военному, иностранному и внутренних дел.

«6. Отдел имеет право отправлять своей заграничной агентуре письма и телеграммы без обычной цензуры, с просмотром только

комиссаром, назначаемым для этого Временным правительством при Совете.

«7. Отдел по уполномочию Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов имеет право посылать своих курьеров за границу, о выдаче которым разрешений на выезд за границу и возвращение обратно Временное правительство делает распоряжение подлежащим властям, при чем вручаемые курьеру документы рассматриваются не общей цензурой, а комиссаром Временного правительства (упомянутым в п. 6-м).

«8. Отдел международных сношений имеет право без цензуры, но с осведомлением комиссара Временного правительства, сноситься по почте и телеграфу со всеми лицами, организациями и учреждениями, находящимися за границей, с какими это может ему понадобиться в интересах осведомления общественного мнения и Совета рабочих и солдатских депутатов.

«9. Отдел печатает в «Известиях» сообщения на основании получаемых им из-за границы сведений и два раза в неделю делает доклад Исполнительному комитету об иностранной соцпрессе.

«10. Отдел действует под контролем и руководством Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов».

Третье предложение было внесено нами, большевиками, в письменной форме и было озаглавлено: «К вопросу о войне и революции». По своему содержанию оно значительно отличалось от практических предложений группы «интернационалистов», но в то же время было рассчитано и на их поддержку. Вот его содержание:

«Предлагается образовать при Совете рабочих и солдатских депутатов комиссию по иностранным делам.

«Комиссия ставит себе целью вступить в деловые сношения с пролетариатом всех стран мира.

«Основные принципы комиссии:

«II Интернационал потерпел крушение в настоящей войне. На его костях возник III Интернационал, отвергнувший националистические стремления, так приветствуемые буржуазией.

«Прежде, еще юный, капитализм эксплоатировал пролетариат своей страны; нынешняя же окрепшая буржуазия Англии, Франции, Германии, Северо-Американских Соединенных Штатов и Японии эксплоатирует не только свой пролетариат, но и целые страны — Россию, Китай, Турцию, Индию, Персию, всю Африку, всю южную Америку, — словом, весь мир.

«Та часть социалистов, которая в своих парламентах признала законность теперешней войны, является патриотической по отношению к своей собственной стране, но по отношению к прочим странам и народам по существу стоит на точке зрения своей буржуазии. Настоящие социалисты, это — те, которые признают неизменным основной лозунг социализма: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Такие социалисты имеются во всех государствах. Во время самой войны на двух с'ездах в швейцарских городах

Кинтале и Циммервальде они подтвердили незыблемость Интернационала. Из них Либкнехт томится сейчас в тюрьме за агитацию против войны, а пять депутатов IV Государственной думы только что освобождены нашей революцией.

«А посему Совет рабочих и солдатских депутатов, как авангард революционного русского пролетариата, — пролетариата той страны и тех народов, которые более всего эксплоатируются современным капитализмом, обращается к пролетариату всего мира с призывом о прекращении войны.

«Пролетариат всех воюющих народов призывает вооруженные армии всех фронтов присоединиться к следующей ноте иностранной комиссии при Совете рабочих и солдатских депутатов.

«1. Пролетариат каждого воюющего государства требует от своего правительства отказа от завоеваний и контрибуций.

«2. Война заканчивается вничью, без победителей и побежденных.

«3. Все народы об'являются независимыми, и посему образуются независимые Польша, Индия, Египет, Армения, Чехия, Корея, Монголия, Албания и т. д.

«4. Свободное море для всех.

«5. Всеобщим одно- или двух-трехдневными забастовками стоящие друг против друга армии добиваются от своих правительств установления перемирия и созыва конгресса мира.

«Совет рабочих и солдатских депутатов принимает меры к распространению прокламаций с призывом о ликвидации войны на все фронты путем разбрасывания их с аэропланов и прочими возможными путями.

«Совет рабочих и солдатских депутатов поручает нашему министру иностранных дел передать сию ноту правительствам «союзников», правительствам государств, с которыми мы воюем, также правительствам нейтральных государств».

При сравнении двух последних предложений принципиальная разница между ними вскрывается легко. В то время как первое говорит только об отделе и технике его внутренней и внешней связи, наше предложение выдвигает на первый план основания для деятельности этого отдела (или комиссии). Среди перечисленных способов и путей борьбы за достижение мира отсутствуют выдвигаемые нами тогда братанье солдат и опубликование тайных договоров. Это отсутствие об'ясняется стремлением сделать наши предложения приемлемыми для интернационалистических элементов Исполнительного комитета. Однако эти примиренческие намерения не оправдались: наши предложения были отвергнуты. Большинство Исполнительного комитета сошлось на предложениях других, вносивших проект организации «отдела международных сношений».

На том же заседании Исполнительный комитет поручил дело организации отдела международных сношений Чхенкели и Скобелеву, обязав их «представить на утверждение Исполнительного

комитета список сотрудников этого отдела» [1]). Это утверждение «сотрудников» состоялось через несколько дней, когда Чхенкели и Скобелев договорились с соц.-революционерами. Заведывание отделом было поручено коллегии, в составе: 1) П. Б. Аксельрод, 2) Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум), 3) И. А. Рубанович. 4) В. Н. Розанов, делопроизводитель отдела: В. Д. Перазич, секретарь отдела: Т. Я. Рубинштейн.

Из всего числа заведующих в то время в России был, кажется, только один Розанов (Энзис) да делопроизводитель и секретарь. За исключением Рубановича, все остальные принадлежали к социал-демократам-меньшевикам.

Круг деятельности отдела международных сношений был утвержден Исполнительным комитетом в следующем виде: «1. Восстановление и поддержка связи с заграничными социалистическими партиями и рабочими организациями.

«2. Информирование заграничного общественного мнения, в особенности рабочих кругов, о положении и событиях в России, а в частности о деятельности Советов рабочих и солдатских депутатов.

«3. Обратное информирование о деятельности заграничных социалистических партий в области внешней политики. Подготовка к созыву международной конференции.

«4. Ходатайства об обмене задержанных в Германии, Австрии или оккупированных местностях политических эмигрантов на интернированных в России гражданских пленных воюющих с нами держав.

«5. Ходатайства об ускорении возвращения политических эмигрантов в Россию».

23 марта состоялись похороны жертв, погибших в дни революционного переворота с 23 февраля по 1 марта. Похороны назначались несколько раз, но по различным мотивам откладывались. Первый раз отложили потому, что неудачно наметили место для похорон — Дворцовую площадь перед Зимним дворцом. Последующие откладывания происходили по мотивам политического характера: боялись провокации, расстрела демонстрантов черной сотней, которая якобы «притаилась и ждала случая» для своего выступления. Все это оказалось выдумкой заинтересованных кругов, игравших на неведомых «темных силах» контр-революции.

День похорон был об'явлен нерабочим днем. Приказом военных властей всякая езда по городу в часы похорон была воспрещена. С восьми часов утра собирался рабочий народ у различных больниц и госпиталей, где хранились трупы убитых и умерших от ран. Убитых было много в каждом районе, а поэтому во главе каждого из них несли и везли красные гроба, в которых лежали жертвы царской расправы. Рабочие всего Питера хоронили своих

---

[1]) См. протокол Исполнительного комитета за 20 марта 1917 года. Издание Центрархива.

товарищей, организуясь колоннами от каждого предприятия. Во главе процессии, непосредственно за гробами, шли оркестры музыки. Каждый завод, каждая фабрика имели свои знамена. Под звуки похоронного марша, организованным порядком проходили траурные колонны по улицам города в продолжение всего дня и ночи, склоняя знамена у братских могил на Марсовом поле. Выстрелом из орудий Петропавловской крепости сопровождался спуск каждого гроба в могилу. Свыше миллиона людей прошли в этот день по Марсову полю. Порядок был образцовый, поддерживался силами самих рабочих.

Партийные организации шли вместе с районами. Знамя нашего Центрального Комитета, а за ним — члены бюро Центрального Комитета шли вместе с пролетариями Выборгской стороны.

День похорон жертв революции (вернее, царизма) был днем демонстрации пролетарских сил и их организованности. Такой демонстрации никто не видал до того во всем мире.

Заседание Исполнительного комитета в день похорон состоялось вечером. На нем был рассмотрен ряд мелких вопросов о пополнении военной комиссии при комитете Государственной думы, а также продовольственного комитета.

Заседание 24 марта открылось совершенно неожиданным порядком дня: бюро Исполнительного комитета вынесло на пленум... докладную записку департамента полиции относительно тактики его агентуры в вопросе о единстве в с.-д. партии. В этом документе центра всех охранок говорилось, что «поступающие из партийных агентур сведения указывают на стремление, проявленное в последнее время в среде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, к об'единению различных существующих в таковой партийных течений, в целях как общего усиления партии, так и для придания всем последующим ее активным выступлениям большей планомерности, энергии и полной согласованности в действиях.

«Учитывая исключительную серьезность настоящего намерения и всю нежелательность осуществления такового, департамент полиции считает необходимым предложить начальникам всех розыскных учреждений безотлагательно внушить подведомственным им секретным сотрудникам, чтобы они, участвуя в разного рода партийных совещаниях, неуклонно и настойчиво проводили и убедительно отстаивали идею полной невозможности какого бы то ни было организационного слияния этих течений и в особенности об'единения большевиков с меньшевиками. Подписал: Директор Брюн-де-Сент-Ипполит. Скрепил: Заведующий делопроизводством М. Броецкий. Верно: подполковник Долгов».

Меньшевистское бюро Исполнительного комитета вытащило этот документ с явной целью опорочения нашей большевистской позиции, вносившей своей принципиальной непримиримостью, как тогда говорили, «раскол в среду революционной демократии». Что департамент полиции и все охранки использовывали внутрипартийные и междупартийные отношения в своих видах, — это не подле-

жало сомнению никогда. Но с.-д.-меньшевики старались все наше поведение и нашу тактику в подпольи изобразить таким образом, чтобы создать у неискушенных в политике людей впечатление, что с.-д.-большевики были орудием охранки для достижения ее целей. Нахождение в наших рядах провокаторов лишь иллюстрировало эту гнусную мысль соглашателей; о провокаторах у себя и в других партиях они так не кричали. Что царское правительство стремилось насадить к нам агентов, — это было понятно и об'яснялось нашей большой революционной активностью и доверием рабочих масс к нашей партии. В те дни этот документ охранки обошел значительную часть печати. Пользовались им в социал-демократической среде и в качестве довода за единую партию.

Затем перешли к обсуждению положения дела на юге России, в частности в Бессарабской губернии. Оттуда поступали многочисленные сообщения о том, что во главе новых местных властей оказались приверженцы старого царского режима. Кроме того, в районе велась погромная антисемитская агитация. Для внесения успокоения и порядка было решено отправить на Юг особую комиссию из представителей Временного правительства, Исполнительного комитета и одного из еврейских общественных деятелей.

В тот же день Исполнительному комитету пришлось снова заняться продовольственным делом. Положение с продовольствием Петрограда осложнялось целым рядом конфликтов; сначала между извозопромышленниками, ломовыми извозчиками и грузчиками, а затем между хозяевами булочных, хлебопекарен и пекарями. Конфликты были на почве оплаты труда, проведения 8-часового рабочего дня и признания союза. В те дни конфликт последних грозил приостановить выпечку хлеба и еще больше обострить продовольственный кризис. Исполнительный комитет, в своем большинстве стремясь принудить стороны к соглашению, решительно высказывался против прекращения работы пекарей.

Одновременно Исполнительный комитет утвердил предложение центрального продовольственного комитета о введении новых норм выдачи хлеба по карточкам. Согласно этим нормам, на каждого гражданина, занятого физическим трудом, полагалось 1½ фунта, а всем остальным — по 1 фунту. Но по ненормированным, вольным ценам хлеб тогда же можно было достать в том же Петрограде. Спекуляция хлебом и другими с'естными продуктами началась уже в 1916 году, увеличиваясь с каждым месяцем, одновременно обостряя продовольственный кризис. Продовольственная комиссия настойчиво требовала осуществления государственной хлебной монополии, как единственного средства изжить кризис.

На этом же заседании представителям рабочих союзов и других организаций удалось заставить Исполнительный комитет заняться вопросом о помещении для возникавших организаций рабочих. Мы требовали передачи ряда дворцов в распоряжение союзов и социалистических партий, но интеллигентское большинство

относилось весьма холодно к требованиям рабочих союзов. Лишь угрозы захвата помещений самими рабочими побудили Исполнительный комитет поручить мне и К. А. Гвоздеву переговорить с Головиным относительно возможности использования Аничкова дворца для нужд рабочих организаций. Осмотр дворца и примыкавших к нему помещений убедил нас в малой пригодности их для нужд рабочей организации. Лишь кое-где в надворных постройках да в доме на Фонтанке, занятом различной чиновной челядью, нашли мы кое-что способное вместить отдельные союзы и клубы. Нам же нужно было такое здание, которое было бы способно вместить все рабочие союзы. Впоследствии такое здание нашлось на Фурштадтской, освобожденное от канцелярии бывшего корпуса жандармов.

На-ряду с мелкими «деловыми» вопросами Исполнительный комитет заслушал также отчет своей «контактной комиссии» о переговорах с Временным правительством. Основным вопросом, вокруг которого велись переговоры, был вопрос о целях войны. После принятия Советом обращения «К народам всего мира» Исполнительный комитет постановил добиваться от Временного правительства опубликования декларации о войне с отказом от захватных стремлений. Деталей сообщения уже не помню, докладчиками же, согласно записи в протоколе, были Стеклов и Скобелев. Сущность же их сообщения сводилась к тому, что Временное правительство соглашалось написать требуемую Исполнительным комитетом декларацию.

Приближался назначенный Исполнительным комитетом день созыва «Всероссийского совещания Советов», но подготовительной работы еще никакой не велось. На заседании от 24 марта обсудили порядок дня и наметили докладчиков. Доклад по вопросу «О петроградских событиях» поручили М. И. Скобелеву. Доклад «О Временном правительстве» был предложен Ю. М. Стеклову. Докладчиком «О войне» был назначен И. Г. Церетели. Доклад «Об организации революционных сил» поручили Н. Д. Соколову, а Н. Н. Суханова выставили докладчиком по земельному вопросу. По «другим крестьянским вопросам» соц.-революционеры провели докладчиком Зензинова. По рабочему вопросу наметились четыре кандидата — Б. О. Богданов, И. В. Сталин, К. А. Гвоздев, получившие по 13 голосов, и Г. И. Федоров — 10 голосов. По солдатскому вопросу докладчика должна была наметить особая комиссия, которого и предложить Исполнительному комитету.

Доклад по вопросу «Об отношении к крестьянскому союзу» был поручен тоже Зензинову. По вопросам «О подготовке к Учредительному собранию» были намечены два докладчика: Эрлих и Станкевич. Докладчиком по вопросу «Об организации связи с провинциальными Советами» назначили Б. О. Богданова.

В оставшихся в нашем распоряжении документах Исполнительного комитета март месяц заканчивается протоколом от 24 марта, апрель начинается с 4-го дня.

Такой пробел в документах не позволяет нам подкрепить личные воспоминания вещественными доказательствами, а также оживить памятью протокольное изложение фактов.

Между 24 марта и 4 апреля происходили заседания Исполнительного комитета, на которых были приняты весьма важные решения. Наиболее существенные из них касались известного заявления Временного правительства о войне, опубликованного в виде обращения к гражданам от 27 марта [1]). Появление этого обращения, по сути дела ничего не менявшего, было встречено большинством Исполнительного комитета, как реальная победа «революционной демократии» и ее тактики — поддержки Временного правительства.

Обсуждались в те дни вопросы, связанные с организацией работ «Всероссийского совещания», состав его президиума и некоторые резолюции, приготовленные докладчиками. Вокруг всех вопросов шла борьба все тех же направлений. Первое за время революции столкновение этих направлений на «всероссийской» трибуне произошло в дни совещания и после него разнеслось по всей стране.

XI. Из жизни и деятельности РСДРП (б).

Писать о жизни и деятельности наших партийных организаций за первые месяцы после Февральской революции ныне крайне трудно. В партийных и государственных архивах сохранилось очень мало материалов и документов, характеризующих внутреннюю жизнь партии и ее общественную деятельность. Сохранившиеся партийные газеты того времени дают возможность определять лишь их направление, а внутренняя жизнь организаций как в крупных центрах (Петроград, Москва), так и в рабочих районах (Харьков, Донецкий бассейн, Урал, Баку) почти не освещалась на страницах печати. В органах наших организаций мы находим, в лучшем случае, лишь отрывки о собраниях и резолюции по наиболее существенным вопросам: о Временном правительстве, о войне и т. п. Наша печать тогда не могла предоставлять достаточного места партийной хронике.

Наш центральный орган — «Правда» — революционных дней марта и апреля 1917 года также не был в состоянии помещать отчеты о партийной жизни не только провинции, но даже Петрограда. Четырех страниц малого формата было слишком недостаточно даже для того, чтобы помещать руководящие статьи по вопросам нашей политики того времени. Богатый материал о партийной работе, о рабочем и революционном движении, получавшийся в редакции, хранился в ее архиве, но ему не суждено было дожить до наших дней. В бурные дни июля 1917 года материалы и документы погибли во время разгрома типографии, редакции «Правды»

---

[1]) См. обращение в главе «Временное правительство и война».

и помещений Петроградского комитета. Восстановить их, хотя бы частично, для будущей истории нашей партии возможно лишь при активном участии работников партии того времени. Оставшиеся отрывки документов, партийная печать и память партийных деятелей помогут восстановить картины внутренней жизни, деятельности и борьбы нашей партии за первые месяцы после выхода из подпольного существования.

Сложившаяся в марте политическая обстановка настоятельно требовала от нашего тогдашнего партийного центра, Бюро Центрального Комитета, прежде всего укрепления своего положения в Петрограде. Поэтому деятельность нашего Бюро и Петроградского комитета в первые месяцы и недели марта была сосредоточена в Петрограде, его рабочих районах, гарнизоне и в Совете. Лишь закрепив за собой положение в центре революционного движения, Бюро Центрального Комитета стало на путь организационного содействия местным организациям партии.

Во второй половине марта Бюро Центрального Комитета вполне оформилось. Петроградский комитет нашей партии поставил правильную работу во всех районах и в воинских частях, для чего была создана особая «военная комиссия». С московской организацией у Бюро Центрального Комитета были самые тесные сношения. С каждым днем росли связи Бюро с социал-демократическими организациями на местах. Для закрепления связи с местами, а главное — в целях внесения единства в действия наших организаций, в Бюро Центрального Комитета было решено использовать предполагавшееся на 28 марта совещание Советов для устройства совещания со своими единомышленниками. Постановление было опубликовано в прессе и сообщено на места, что «Бюро Центрального Комитета РСДРП созывает на 28 марта предварительное, перед конференцией, совещание партийных работников со всей России. Порядок дня:

1. Доклады с мест.
2. Доклад Бюро Центрального Комитета.
3. РСДРП и Советы рабочих и солдатских депутатов.
4. Отношение к Временному правительству.
5. Отношение к войне.
6. Организация революционных сил и борьба с контр-революцией.
7. Подготовка к Учредительному собранию.
8. Аграрный вопрос.
9. Восьмичасовой рабочий день.

Всех товарищей, приехавших на совещание, Бюро Центрального Комитета приглашает являться в Таврический дворец, в секретариат Бюро Центрального Комитета».

Шесть последних вопросов, поставленных в порядок дня предположенного совещания, являлись одновременно и порядком дня совещания представителей Советов, созывавшегося на тот же день Исполнительным комитетом Петроградского Совета.

В целом ряде крупных городов начали выходить социал-демократические газеты. Ряд буржуазных газет Москвы и Петрограда навесил на себя ярлычок «социалистической мысли», само собою разумеется, умеренно-оборончеческого и ярко антибольшевистского направления. Наши партийные газеты появились в марте в следующих городах и районах: Петрограде — «Правда», в Кронштадте — «Голос Правды», в Гельсингфорсе, Свеаборге — «Волна», в Москве — «Социал-Демократ», в Киеве — «Голос Социал-Демократа», в Тифлисе — «Кавказский Рабочий», в Харькове — «Пролетарий», в Чите — «Забайкальский Рабочий», в Саратове—«Социал-Демократ», в Самаре — «Приволжская Правда», в Уфе — «Вперед», орган Уфимского комитета, руководители которого колебались между нами и меньшевиками, в Иркутске — «Голос Социал-Демократа». Все эти газеты являлись органами партийных организаций.

На-ряду с нашими партийными газетами выходили и с.-д. меньшевистские газеты. С.-д. организации меньшевиков располагали большими средствами и литературными силами, а поэтому количество их газет в те времена было больше, чем наших. В конце марта возникла в Петрограде газета Г. В. Плеханова «Единство», занявшая крайнюю правую позицию социал-шовинизма, резко враждебную нам.

По мере укрепления власти Временного правительства и исчезновения непосредственной монархической опасности создавшийся в первые дни революционной борьбы блок внутри революционной демократии и соглашение большинства блока с буржуазией дали первые трещины. Попытки представителей народников, с.-д.-меньшевиков и их партий подчинить нашу с.-д. партию большевиков воле «революционной демократии» окончились полной неудачей и повели к обострению междупартийных отношений. Представители нашей партии в Исполнительном комитете Петроградского Совета оттеснялись большинством народников и меньшевиков от всех работ, даже в комиссиях. Наши выступления там частенько начали встречаться открыто враждебно. Эта враждебность к нам еще более усилилась на почве нашей противовоенной агитации после принятия обращения Исполнительного комитета и Совета «К народам всего мира». Буржуазные партии и их печать быстро учли открывшуюся вражду между нами и оборонцами-социал-соглашателями всех партий и попытались открыто создать единый фронт против нас. Против нашей партии и против нашей газеты «Правда» была открыта погромная кампания со стороны всей буржуазной печати. Распространению «Правды» всячески мешали, кое-где в Питере вырывали ее у наших газетчиков и уничтожали. По адресу редакции на Невском раздавались угрозы разгрома, и нам пришлось озаботиться постановкой вооруженной охраны редакции. Но до погромов в те времена дойти не посмели, так как наши лозунги и наша газета «Правда» находили уже достаточно широкую поддержку среди петроградского пролетариата.

Выход наших партийных организаций из подполья на широкую арену открытой общественной деятельности ознаменовался по всей провинции стихийной тягой к единству партии. Во многих местах с.-д.-большевики работали вместе с с.-д.-меньшевиками в единых партийных организациях.

В то время когда у нас, в центре, политические взаимоотношения между с.-д.-большевиками и с.-д.-меньшевиками достигли определенной ясности, исключавшей даже самую мысль об единстве, — в провинции положение было иное. Классовая борьба там еще не достигла той остроты, как в Петрограде, а поэтому и соглашательская политика с.-д. меньшевиков в провинции еще не проявилась так отчетливо-предательски по отношению к интересам пролетариата, как это имело место в Питере. Только этим можно об'яснить те случаи из внутрипартийной жизни нашей партии, когда целые организации — в Сибири, на Урале, в Донецком бассейне, на Кавказе и в Грузии — не только сожительствовали в одной организации с меньшевиками-оборонцами, но даже и там, где были обособленные организации с.-д.-большевиков и с.-д.-меньшевиков, как, например, в Харькове, вопрос об единстве принципиально допускался. В № 8 органа Харьковского комитета РСДРП «Пролетарий» мы находим сообщение об общем собрании членов партии, имевшем место 23 марта, на котором обсуждался вопрос о слиянии с.-д.-большевистской организации с с.-д.-меньшевиками. В отчете об этом собрании указывалось, что «почти все выступавшие ораторы, за небольшим исключением, утверждали, что в настоящее время нет тех острых разногласий, которые в прошлом оправдывали самостоятельное существование двух частей РСДРП». Таково было мнение большинства большевиков харьковской организации. Далее отчет указывает, что «ту же мысль высказал делегат от временного организационного комитета [1]) тов. П.», с.-д.-меньшевик. Установив общность взглядов на вопрос об единстве, харьковские с.-д.-меньшевики тут же предложили организационное его оформление. Сущность предложения с.-д.-меньшевиков заключалась в том, что «харьковская организация РСДРП (б), а равно и временный организационный комитет РСДРП (м) с об'единяющимися вокруг него социал-демократами сливаются в одну общую автономную харьковскую организацию, независимую от центральных учреждений [как Центрального Комитета РСДРП (б), так и организационного комитета РСДРП (м)]. Члены этой организации избирают Харьковский комитет».

Наши партийные товарищи харьковской организации не могли не видеть, что предлагаемое с.-д.-меньшевиками «единство» фактически вело к образованию новой партии — «независимой» и «автономной» от прежних двух частей РСДРП. С.-д.-меньшевики в то время говорили и писали очень много о необходимости единства партии, замазывая все существовавшие тогда принципиальные и

[1]) С.-д. организация меньшевиков Харькова.

тактические разногласия. Наши харьковские с.-д.-большевики легко попались на приманку единства и даже соглашались с тем, что «в настоящее время нет тех острых разногласий, которые в прошлом оправдывали самостоятельное существование двух частей РСДРП». Говоря так, товарищи совершенно упустили из виду войну, отношение к ней и поведение с.-д.-меньшевиков во время войны в нашей стране. Между тем время и военная политика с.-д.-меньшевиков в России еще больше углубили разногласия и обострили взаимоотношения, чем это было до июля 1914 года. Раскол в рядах социалистов во время войны принял международный характер и привел к гибели II Интернационала. Все эти вопросы каким-то путем забывались во время споров о единстве, а поэтому и самый спор о единстве носил беспринципный характер.

Однако, как ни заманчиво было осуществление единства в рядах социал-демократии, харьковские с.-д.-большевики не приняли предложений с.-д.-меньшевиков. «Огромным большинством голосов собрание не нашло возможным об'единиться на условиях, предложенных товарищами меньшевиками», — сообщалось в отчете [1]). Отклонив меньшевистское оформление новой «независимой» партии (или третьей «об'единенной» фракции), собрание предложило «представителю Харьковского комитета на партийном совещании в Петрограде поднять вопрос о слиянии. Кроме того, Харьковскому комитету поручено до окончательного выяснения вопроса на конференции войти в более тесную связь с меньшевиками для соглашения и усиления с.-д. работы» [2]).

Вопрос о единстве волновал и наши поволжские организации. «Приволжская Правда» от 25 марта сообщала, что Самарский комитет нашей партии на заседании от 20 марта также обсуждал вопрос о единстве. На этом заседании была принята резолюция, выработанная частным совещанием с.-д.-большевиков, следующего содержания: «Обсудив вопрос об об'единении социал-демократических организаций, мы пришли к следующему заключению: 1. Текущий момент с настоятельной необходимостью выдвигает задачу создания в России единой социал-демократической партии пролетариата. 2. Возможность об'единения социал-демократических организаций в настоящее время в значительной степени облегчается тем, что революционный переворот снял с очереди дня целый ряд организационных и тактических разногласий, которые обусловливали полную невозможность совместной деятельности действовавших в российском пролетариате с.-д. организаций. 3. При установлении той платформы, на основе которой единственно возможно об'единение социал-демократических организаций, следует принять во внимание, что основным разногласием, могущим серьезно препятствовать слиянию различных организаций в единую социал-демократическую партию, является разногласие, возникшее в россий-

[1]) См. «Пролетарий» за 1917 г., № 8.
[2]) См. там же.

ской социал-демократии в связи с мировой войной. В настоящее время соглашение по этому вопросу среди российских социал-демократических организаций может быть достигнуто на основе признания основного принципа тактики революционного марксизма (см. соответствующее место в программе РСДРП). При этом следует подчеркнуть, что течения, разорвавшие во время войны в той или иной степени с основным принципом революционной социал-демократии и оставшиеся на своих позициях до сих пор, должны быть поставлены вне этого об'единения. 4. Об'единение социал-демократических организаций возможно лишь на следующей платформе: а) продолжение работы по воссозданию Интернационала, начатой в Циммервальде и Кинтале; б) немедленная организация кампании под лозунгами «долой завоевания, да здравствует братство революционных народов»; в) признание лозунга гражданской войны для Европы основным лозунгом момента» [1]).

Самарские с.-д.-большевики совершали тогда общую всем об'единенцам ошибку, когда предполагали, что «революционный переворот снял с очереди дня» все разногласия между с.-д.-большевиками и с.-д.-меньшевиками. Ошибка товарищей происходила оттого, что они суживали, ограничивали наши разногласия рамками организационных вопросов. Совершившаяся революция породила в умах товарищей иллюзии о том, что старый спор о движущих силах революции изжил себя самим фактом революции. На деле же было иначе. Старый спор о характере революции и ее движущих силах приобрел после переворота непосредственный, практический интерес. Мы, с.-д.-большевики, работавшие тогда в руководящем центре нашей партии, почувствовали это в первый день победы над царизмом. Все наши споры с с.-д.-меньшевиками о характере и составе власти в первые дни марта шли почти целиком по руслу старых расхождений. Война лишь углубляла старый спор, отнюдь не изменяя сущности разногласий.

Приведенные нами две постановки вопроса о единстве, харьковская и самарская, были типичными по своему подходу, представляя собой два течения. Решение вопроса о единстве «по-харьковски», т.-е. беспринципно, ставилось в целом ряде местностей и являлось выражением стихийной воли пролетариата к об'единению своих сил. Самарский подход к единству носил уже принципиальный характер. В основу об'единения социал-демократов самарские товарищи ставили целый ряд положений, благодаря которым об'единение намечалось лишь для тех, кто стоял на позиции борьбы с войной. Такая платформа об'единения социал-демократии пользовалась некоторым успехом среди петроградских рабочих — «межрайонцев» и меньшевиков-интернационалистов. Наше Бюро Центрального Комитета и Петербургский комитет партии рассматривали вопрос о единстве и находили, что одного соглашения по вопросу о войне далеко не достаточно для полного слияния органи-

[1]) См. «Приволжская Правда», 1917 г., № 3.

заций. На очереди дня стояли вопросы об отношении к Временному правительству, к власти революционной демократии, а также вопрос об Интернационале. Для действительного единства необходимо было соглашение и по этим трем вопросам. Без единства взглядов по ним невозможно было действительное организационное единство. В таком духе отвечали мы на все запросы и вопросы о единстве социал-демократии. Намеченное нами на 28 марта совещание принятием решений по основным вопросам политики тем самым должно было решить и самую постановку вопроса о единстве.

Во второй половине марта (после 20-го) было заседание Бюро Центрального Комитета совместно с Петербургским комитетом и партийными работниками. На предложение с.-д.-меньшевиков-интернационалистов об об'единении было принято следующее постановление: «Общее собрание Бюро Центрального Комитета, Петербургского комитета, организаторов и агитаторов всех районов, признавая необходимым совместные действия с.-д. организаций, стоящих на почве циммервальдских и кинтальских решений, постановляет организовать бюро для взаимного информирования с группой меньшевиков-интернационалистов в случае их открытого разрыва с оборонческой группой «Рабочей Газеты».

Но меньшевики-интернационалисты не решались тогда порвать с оборонцами, и вопрос о создании информационного бюро отпал сам собой.

Постановление Бюро Центрального Комитета нашей партии об отношении к Временному правительству, вынесенное в первые дни марта, содержавшее классовое определение его состава и политики, а также намечавшее «главнейшей задачей борьбу за создание временного революционного правительства» [1]), было принято без возражений большинством наших организаций того времени. Некоторые организации переложили резолюцию Бюро Центрального Комитета, приняв ее за основу, но дополнили или видоизменили, как это имело место в Москве.

На собрании активных работников Московского комитета, состоявшемся 11 марта, была принята резолюция об отношении к Временному правительству, говорившая, что:

«Временное правительство по своему классовому составу есть правительство контр-революционное, но при данном соотношении сил революционным напором об'единенной демократии, под гегемонией пролетариата, оно вынуждено итти вслед за завоеваниями революции. Разоблачая всякую попытку Временного правительства задержать дальнейшее развитие революции в интересах господствующих классов, мы должны закреплять все завоевания революции, перестраивать в интересах революционной демократии всю государственную жизнь на новых началах, организовать свои силы и изолировать силы контр-революции в этом процессе. Таким образом мы подгото-

[1]) См. «Семнадцатый год», кн. 1-я, стр. 208.

вляием необходимые условия для передачи власти в руки революционной демократии в тот момент, когда это для нас будет выгодно» [1]).

Такая характеристика Временного правительства и отношения к нему московских с.-д.-большевиков встретила со стороны всех соглашателей резкое осуждение. С.-д.-меньшевики Петроградского Исполнительного комитета особенно были возмущены определением Временного правительства контр-революционным. Если оно контрреволюционно, то его нужно свергать, говорили нам те, которые считали своим «революционным долгом» поддержку политики Милюкова — Гучкова. Кое-где такие выводы действительно делались, но Бюро Центрального Комитета в таких случаях указывало, что в тот момент центр тяжести заключался не в борьбе за свержение Временного правительства, а в раз'яснении массам рабочих и солдат необходимости взятия власти силами самой революционной демократии. Основным препятствием на этом пути была соглашательская политика соц.-революционеров и с.-д.-меньшевиков, относившихся отрицательно к вопросу о власти революционной демократии и передавших власть в руки буржуазии.

Насколько с.-д.-большевики были в основном едины в вопросе об отношении к Временному правительству и задачах партии в связи с вопросом о власти, Бюро Центрального Комитета имело возможность видеть по целому ряду резолюций, которые выносились местными организациями или отдельными группами единомышленников. Даже там, где организации первое время были едины, выносились резолюции в с.-д. большевистском и меньшевистском духе.

12 марта было собрание социал-демократов в Тифлисе. Обсуждался вопрос об отношении к Временному правительству. Отчет об этом, помещенный в № 4 газеты «Кавказский Рабочий», указывал, что во время обсуждения вопроса «наметились два течения: большевистское и меньшевистское. Со стороны большевиков выступили: Окуджава, Торошелидзе, Махарадзе, Джугели, Кавтарадзе, которые указывали на непоследовательность политической линии меньшевиков, на их стремления приспособиться к буржуазным партиям и на недостаточность их лозунгов. Со стороны меньшевиков выступили: Н. Жордания, Рамишвили и другие. Жордания предложил собранию следующую резолюцию: «Собрание социал-демократов г. Тифлиса постановляет поддерживать Временное правительство в его борьбе со старым режимом и доведении революции до демократической республики в союзе со всеми теми силами, которые стремятся к этой же цели».

Политика поддержки Временного правительства проводилась с.-д.-меньшевиками по всей линии и по всей стране. Главным доводом у меньшевиков в пользу поддержки буржуазного Временного

---

[1]) См. «Социал-Демократ» № 6, март 1917 г.

правительства была опасность контр-революции. Революционную демократию, т.-е. рабочих, интеллигенцию и крестьянство, с.-д.-меньшевики считали совершенно «неподготовленной» для принятия власти. Такая характеристика революционных сил обрекала их па положение плетущихся в хвосте событий и на зависимость от буржуазии. Это же положение приводило их к необходимости отказа от анализа классового характера состава и политики Временного правительства, ибо этот анализ решительно противоречил их тактике.

Наши тифлисские с.-д.-большевики противопоставили с.-д.-меньшевикам следующую резолюцию:

«Принимая во внимание, что основными движущими силами происходящей буржуазной революции являются пролетариат, крестьянство и городская беднота, что буржуазия идет за революцию под давлением пролетариата, являясь по существу контр-революционной силой, — мы считаем основной задачей социал-демократии организацию революционных классов под гегемонией пролетариата и самостоятельное выступление ее с неурезанной программой-минимум, исходя из того положения, что решительное выступление пролетариата наилучшим образом обеспечит уступки со стороны буржуазии».

В том же направлении высказались с.-д.-большевики в Саратове, приняв на собрании 150 членов партии следующую резолюцию «о современном политическом моменте»: «1) Несмотря на то, что революция совершена рабочим классом и революционной армией, т.-е. теми же рабочими и крестьянами, власть формально передана в руки идеологов и представителей имущих классов. 2) В силу чего Временное правительство, состоящее из представителей буржуазии, не может разрешить всех вопросов и задач, созданных революцией. 3) До сих пор оно только под давлением революционных сил пролетариата и революционной демократической части армии без собственной инициативы ведет борьбу с остатками царского строя и вводит самые необходимые изменения. 4) Перед рабочим классом стоит громадная задача довести дело революции до конца. Он должен своей организованностью, силой и единством с революционной армией и крестьянством реализовать нашу программу-минимум. 5) В этой борьбе он встретит противодействие и должен готовиться дать отпор нарастающей реакции со стороны господствующих классов. Ввиду этого рабочий класс, организуясь самостоятельной классовой единицей, будет поддерживать лишь те начинания Временного правительства, которые согласны с его требованиями, и должен готовиться к решительной борьбе с контр-революционными попытками, с какой бы стороны они ни исходили, и препятствиями развитию революции во всех проявлениях политической, социальной и экономической жизни» [1]).

---

[1]) См. «Социал-Демократ», орган Саратовского комитета РСДРП, 1917 г., № 2.

Все резолюции с.-д.-большевиков были единодушны в классовом анализе Временного правительства, а также и в определении задач пролетариата в самой революции. Все наши организации оставались верными последователями большевистской тактики, выработанной еще в боях первой революции 1905—1907 годов. Свою задачу наши организации видели в том, чтобы применить старый опыт в новых условиях и вести пролетариат и армию на борьбу за «гегемонию пролетариата в союзе с беднейшими слоями крестьянства». Это положение требовало, чтобы работа нашей партии была направлена на освобождение рабочих и солдатских масс из-под влияния социал-соглашательских партий. Общественная борьба после революции приняла открытые организованные формы и позволила нам завоевывать позиции по различным направлениям.

Бюро Центрального Комитета и Петербургский комитет принимали все меры к тому, чтобы вести борьбу за влияние нашей партии непосредственно в рабочих низах. В первые же дни и недели партийные работники были направлены на организацию профессиональных союзов. К этому делу были привлечены все члены партии, работавшие еще до революции в организации профессиональных союзов. Во второй половине марта в Петрограде насчитывали около 15 инициативных групп по организации профессиональных союзов различных ремесл и целых отраслей промышленности. По инициативе наших товарищей было создано Центральное бюро профессиональных союзов Петрограда, имевшее своим местом пребывания дворец Кшесинской.

На-ряду с работой в профессиональных союзах партийная деятельность широко развернулась в органах страхования рабочих. После переворота оживилась деятельность фабрично-заводских больничных касс, опиравшихся на массовое представительство от рабочих. Рабочая группа страхового совета и присутствий, руководившая общей политикой в деле страхования и об'единения больничных касс, получила возможность расширить круг своей деятельности. По ее инициативе была назначена «общегородская страховая конференция» на 25 марта. В порядке дня конференции стояли вопросы, затрагивавшие основные вопросы рабочего страхования, как-то:

1. Создание общегородских касс в городах и общерайонных — в отдельных промышленных районах.
2. Полное самоуправление рабочих в кассах.
3. Передача врачебной помощи в руки рабочих.
4. Распространение страхования на все виды наемного труда и на все местности России.
5. Переложение взносов на предпринимателей.
6. Возложение на страховые товарищества уплаты увечным за первые 13 недель.
7. Представительство рабочих в страховых товариществах и реформа экспертизы увечных.

8. Полное преобразование присутствий и совета.

9. Отмена всех постановлений совета и присутствий, нарушающих интересы рабочих.

10. О созыве Всероссийского рабочего страхового с'езда.

Весь порядок дня был продиктован стремлением к осуществлению нашей «неурезанной страховой программы». Руководящим органом страхового дела попрежнему были «Вопросы Страхования».

В области страховой работы, как и профессиональной, нашей партии приходилось вести работу с с.-д.-меньшевиками. Последние всюду стремились приспособить рабочие организации и подчинить их задачи политике соглашений с капиталистами. Там, где они становились хозяевами положения, борьба рабочих отодвигалась на задний план, уступая место соглашениям.

Назначенная на 25 марта общегородская петроградская страховая конференция состоялась в указанный срок и явилась первой демонстрацией победы нашей партии и ее лозунгов в исключительно пролетарской среде. На конференции участвовало 137 представителей фабрик, заводов — от 250.000 рабочих, а также представители партийных и профессиональных организаций. Большинство участников конференции принадлежало к нашей партии или разделяло ее страховую программу. Поэтому и все решения конференции были приняты в духе осуществления наших неурезанных страховых требований.

Деятельность Петербургского комитета нашей партии во второй половине марта сосредоточивалась вокруг вопросов борьбы против травли нашей партии и ее центрального органа «Правда» и около вопросов войны и мира. Петербургский комитет организовал по районам ряд рабочих митингов, на которых были вынесены протесты против травли нашей партийной печати, особенно газеты «Правда». В ответ на поход буржуазии против наших газет Бюро Центрального Комитета и Петербургский комитет обратились к рабочим с призывом жертвовать в «железный фонд» «Правды». В связи с обсуждением вопросов войны и мира в Совете рабочих и солдатских депутатов Петербургский комитет предпринял агитационную кампанию под нашими противовоенными лозунгами.

К концу марта оформилась и укрепилась связями с войсками «военная комиссия» при Петербургском комитете. Основной агитационной деятельностью в те дни была борьба против Временного правительства, командного состава и буржуазной прессы, стремившихся посеять вражду между рабочими и солдатами. «Единение солдат и рабочих» — таков был лозунг для военной комиссии. Целью «военной комиссии» являлась организация революционных солдат вокруг нашей партии. Сделать это было доступнее самим солдатам на почве солдатских требований и в связи с их общим положением. Отношение солдат к «штатским» в то время часто было крайне недоверчивое, а в некоторых частях — и прямо враждебное. Преодолеть эти препятствия людям, одетым в шинели, было значительно легче.

По мере укрепления Петербургского комитета Бюро Центрального Комитета имело возможность уделять больше сил и средств на обслуживание провинциальных организаций партии. Основным препятствием в этом деле являлась бедность силами и средствами. Партии приходилось опираться исключительно на рабочие кадры,— в этом тогда была ее основная сила. Интеллигенция целиком шла за социал-патриотами, относилась к нашей партии открыто враждебно. С.-д.-меньшевики, соц.-революционеры, народные социалисты, — все эти организации стремились об'единить солдат, городское мещанство, служащих и интеллигенцию против пролетариата и его последовательно-революционных лозунгов. Март дал им полное торжество: наша партия во всех «смешанных» представительных органах революционной демократии, начиная от Совета рабочих и солдатских депутатов, была в скромном меньшинстве. Наших последователей всюду травили; они могли свободно развиваться, организовываться только на фабриках и заводах да в рабочих профессиональных союзах. Поэтому буржуазия и стремилась посеять рознь между рабочими и солдатами, чтобы предупредить проникновение в армию большевистской рабочей заразы.

Каждый день в секретариат Бюро Центрального Комитета и в редакционную коллегию «Правды» являлись товарищи из провинции, из воинских частей тыла и фронта за раз'яснениями, указаниями и партийной литературой. Группа товарищей занималась восстановлением издательства «Прибой», которому Бюро Центрального Комитета передало всю полученную из Швеции и Финляндии бывшую нелегальную литературу. Отсутствие средств товарищи старались возместить энергией и преданностью делу. В середине марта был открыт первый партийный книжный склад. Руководители «Прибоя» добыли большое количество старой полулегальной литературы, изданной в 1905—1908 годах, из'ятой из обращения или конфискованной в типографиях и издательствах того времени. Эта литература, извлеченная из полицейских складов, помогала партийной агитации, давала некоторые сведения о социалистическом учении и знакомила с партийными программами.

В середине марта начали прибывать эмигранты, находившиеся во время переворота в скандинавских странах. Прибыли наши товарищи: Г. Пятаков (Лялин), Е. Б. Бош, А. М. Коллонтай: Первые двое направились на партийную работу в Киев, а А. М. Коллонтай осталась в Петрограде, в распоряжении Бюро Центрального Комитета. Из с.-д.-меньшевиков вернулись Ю. Ларин, Н. Розанов (он же Энзис), Урицкий и ряд других. Ю. Ларин за время войны проделал целую эволюцию и из социал-патриота в начале войны превратился к началу русской революции в интернационалиста, заняв место среди «левых меньшевиков» Петрограда. Урицкий присоединился к «межрайонцам».

В конце марта вернулось большинство ссыльных, в том числе и наши четыре депутата Государственной думы, за исключением Г. Петровского. Последний был в Якутске.

19 марта на заседание Бюро Центрального Комитета нашей партии явились представители финляндской с.-д. рабочей партии — тов. Карл Виик и другие, имена коих забыл. Представитель нашей братской партии выступил с приветствием по случаю победы над царизмом и выразил уверенность, что в новых условиях старая связь РСДРП с ФСДРП станет еще более тесной и плодотворной.

«Финляндская с.-д. рабочая партия считает, — продолжал товарищ, — что переживаемый момент является только первой фазой революции и что русское рабочее социал-демократическое движение имеет громадное значение не только для России, но и для всего мира. Финляндская СДРП ввиду этого решила всеми силами поддерживать Российскую СДРП и этой поддержкой выразить свое братское сотрудничество с РСДРП.

«Для того чтобы работа финляндской с.-д. и российской с.-д. шла рука об руку, чтобы работа была совместная, финляндская с.-д. послала в Бюро Центрального Комитета для информации и тесной связи своего представителя.

«Финляндская с.-д. рабочая партия понимает, что в настоящий момент «Правда» не могла уделять много внимания финляндским делам, но она надеется, что «Правда» не откажется печатать те письма, которые будут присылаться из Финляндии».

В заключение приветствия представитель Финляндской СДРП сообщил, что ЦК партии ассигновал 10.000 рублей на помощь социал-демократам России, которые распределил между меньшевиками, передав им 3.000 рублей, и большевиками, которым передал 7.000 рублей. Кроме того, ЦК Финляндской СДРП обещал произвести специальный сбор на поддержку РСДРП по всей Финляндии.

После приветствия товарищи поставили перед Бюро Центрального Комитета целый ряд вопросов относительно взаимоотношений между Россией и Финляндией и просили нас дать свое мнение о них. Первый их вопрос касался той степени автономности Финляндии, которую готова поддержать наша партия. На этот вопрос мы им ответили, что готовы в этой борьбе за самостоятельность всемерно поддержать. Сами финляндские социал-демократы мыслили организацию своей государственной автономии на условиях «нерасторжимой унии» с Россией. При этом вопросы «внешней политики, как-то: вопросы о войне и мире, заключение политических договоров и соглашений с другими державами, решает Россия и в части, касающейся Финляндии», поскольку эти договоры не касаются внутренней жизни и государственного устройства самой Финляндии. Мысли о полном отделении от России у них тогда не было. На Бюро Центрального Комитета товарищам финляндцам была обещана полная поддержка в их политической борьбе за самостоятельность, причем мы высказались за самую полную независимость Финляндии, вплоть до отделения, если этого пожелает сам финляндский народ. Наши финляндские друзья относились к последнему предложе-

нию отрицательно, так как не хотели «отделяться от революции». По всем интересовавшим их вопросам делегаты оставили нам две докладных записки, одну «секретную», касавшуюся вопросов государственного устройства Финляндии, и вторую, содержавшую «ближайшие требования финляндских социал-демократов в области социального законодательства» [1]).

Ряд заседаний Бюро Центрального Комитета в конце марта был посвящен вопросам, стоявшим в порядке дня Всероссийского совещания Советов, назначенного на 28 марта. Нужно было договориться самим по основным вопросам, разногласия по которым были у нас с большинством Исполнительного комитета Петроградского Совета. Да и внутри нашей организации были по тем же вопросам некоторые колебания. По основным вопросам того времени — отношение к войне и к Временному правительству — были расхождения в нашей среде. Между членами Бюро Центрального Комитета и внутри Петербургского комитета были разногласия по обоим вопросам, — деление происходило тогда по линии обострения борьбы как по отношению к Временному правительству, так и по вопросу о войне. В определении характера войны, классового анализа политики и социальной сущности Временного правительства все большевики были солидарны. Разногласия начинались с момента определения нашей тактики, нашего поведения, наших лозунгов. Травля нашей партии создавала весьма тяжелую обстановку для нашей работы, и в Бюро Центрального Комитета и в Петербургском комитете раздавались голоса, опасавшиеся, что наша последовательная линия, заостренная в лозунгах о контр-революционном характере Временного правительства, неизбежно повлечет за собой требование «долой Временное правительство», а сама революционная демократия брать власти не хочет. На эти доводы сторонники проведения последовательной линии против Временного правительства возражали указанием на необходимость и неизбежность перенесения борьбы за власть в самые рабочие и солдатские низы и давлением их заставить соглашателей изменить свое отношение к власти. Наша партия была тогда еще так слаба, что мы не могли ставить вопрос о готовности ее взять и осуществить власть. Большинство имели более умеренные товарищи, стремившиеся «сгладить» остроту разногласий.

По вопросу о войне произошла та же история. Одна группа товарищей считала необходимым бороться против войны всеми массовыми способами, начиная с требования опубликования целей войны, разрыва тайных соглашений и кончая братаньем на фронте, стачками и восстанием рабочих в тылу. Другая группа допускала лишь такие массовые способы борьбы, которые не могли бы дать повода обвинять нашу партию в «дезорганизации армии». При такой постановке вопроса о борьбе с военной политикой Временного правительства вся задача партии сводилась к лозунгам агитации за

---

[1]) См. оба документа в приложении тридцать восьмом.

мир и раз'яснению империалистического характера войны. В результате весьма длительного обсуждения были приняты основные положения о борьбе с войной, вплоть до указания неизбежности гражданской войны, но без конкретных лозунгов для практического действия в той обстановке. Принятые Бюро Центрального Комитета резолюции в окончательной редакции определяли задачи нашей партии и рабочего класса следующим образом:

I. О Временном правительстве.

«Временное правительство, выдвинутое умеренными буржуазными классами общества и связанное по своим интересам с англо-французским капиталом, неспособно разрешить задачи, выдвинутые революцией. Его противодействие дальнейшему развитию и углублению революции парализуется лишь ростом самих революционных сил и их организаций. Центром их сплочения должны явиться Советы рабочих и солдатских депутатов в городах, Советы крестьянских и батрацких депутатов в деревнях, как зачатки революционной власти, готовые в дальнейшем процессе в определенный момент развития революции осуществить полноту власти пролетариата в союзе с революционной демократией для проведения в жизнь полностью требований восставшего народа. Уже теперь эти Советы должны осуществлять самый решительный контроль над всеми действиями Временного правительства и его агентов как в центре, так и на местах и принять на себя ряд функций государственно-экономического характера, вызванных полной дезорганизацией хозяйственной жизни страны и необходимостью принять самые решительные меры для обеспечения голодающего и разоряемого войной населения.

«Поэтому задачей дня является: сплочение сил вокруг Советов рабочих и солдатских депутатов, как зачатков революционной власти, единственно способной как отразить попытки царистской и буржуазной контр-революции, так и осуществить требования революционной демократии, и раз'яснение истинной классовой сущности современного правительства.

«Ближайшей и важнейшей задачей Советов, выполнение которой единственно гарантирует победу над всеми силами контрреволюции и дальнейшее развитие и углубление революции, партия считает всеобщее вооружение народа и в частности немедленное создание рабочей красной гвардии во всей стране».

II. О войне и мире.

«1. Необходимый трудящимся массам мир может явиться лишь результатом превращения нынешней империалистической войны, затеянной капиталистами ради дележа и эксплоатации мирового

рынка, в гражданскую борьбу всех угнетенных капитализмом классов общества во всех странах.

«2. Русская революция — первая в ряду революций и восстаний пролетариата, неизбежно порождаемых империалистической войной, — только тогда может закрепить за народами России максимум демократических свобод и социальных реформ, если она явится исходным пунктом революционного движения западно-европейского пролетариата против своих буржуазных правительств.

«3. Революционный пролетариат России, опираясь на все разоряемое бременем войны, продовольственного кризиса, растущей дороговизной трудящееся население страны, обязан поэтому в своих собственных интересах, вполне совпадающих с интересами народов всех стран:

«а) непосредственным обращением к пролетариату всех стран и угнетенным нациям призвать их к восстанию против собственных правительств и тем поддержать революционное движение в России и расчистить путь для всеобщего мира;

«б) заставить Временное правительство России не только отказаться от всяких завоевательных планов, но немедленно и открыто формулировать волю народов России, предложить мир всем воюющим на условии освобождения всех угнетенных, подавленных и неполноправных народов (право на самоопределение). Это заявление народов России неизбежно толкнуло бы трудящиеся массы на восстание против тех империалистических правительств, которые воспротивились бы предложенному миру, и об'единило бы всех их без различия наций в борьбе за мир, необходимый разоряемому и порабощенному империализмом человечеству.

«Орудием воздействия как на пролетариат воюющих государств, так и на Временное правительство в указанном направлении должны явиться Советы рабочих и солдатских депутатов, которые должны немедленно развить агитацию среди самых широких масс в духе изложенных тезисов.

«4. Социал-демократическая партия, являясь руководителем пролетариата в этой борьбе за мир, должна неустанно раз'яснять истинный смысл нынешней империалистической войны и неуклонно бороться как с империалистической струей, усердно прививаемой и разжигаемой либеральной буржуазией, так и с националистической струей в революции, как она представлена мелкобуржуазными группами, примкнувшими к ней. Всякое колебание в этой борьбе, а тем паче подчинение этой националистической струе было бы изменой задачам международного пролетариата и тем самым действительным интересам как пролетариата, так и всего трудящегося населения России».

Обе резолюции решено было внести на совещание с.-д.-большевиков, а затем и на Всероссийское совещание Советов. По другим вопросам, стоявшим в порядке дня Всероссийского совещания, особых резолюций заранее не готовили, предполагая внести во время обсуждения, в зависимости от хода

работы и характера вносимых большинством Исполнительного комитета резолюций.

Назначенное на 28 марта Всероссийское совещание Советов в тот день открыто не было, и Бюро Центрального Комитета решило использовать его для работы нашего партийного совещания. Открытие его произошло в Таврическом дворце, в отведенной нам для нашей фракции комнате с правой стороны от входа в зал заседания, наверху, в так называемом «буфете». Последующие заседания происходили в левой стороне от зала заседаний, тоже в «буфетной» комнате. Подробностей об открытии и ходе прений не сохранилось ни в отчетах, ни в документах. Писать же ныне отчет об этом совещании только на основании личной памяти без подтверждения хода работ документами, свидетелями и участниками очень трудно. Отчетов же в печати того времени ни в органе Центрального Комитета «Правде», ни в органе Московского областного бюро и Московского комитета «Социал-Демократе» почему-то помещено не было. Краткий отчет мы нашли в органе Саратовского комитета нашей партии «Социал-Демократе», № 3, написанный участником совещания В. Милютиным. Тов. Милютин принадлежал к той группе делегатов, которая по всем вопросам шла вместе с левой частью Бюро Центрального Комитета и Петербургского комитета.

Привожу его отчет, являющийся, пожалуй, единственным документом о совещании, оставшимся от того времени.

«С 28 марта по 1 апреля включительно в Петрограде происходила социал-демократическая конференция, созванная Петроградским бюро Центрального Комитета РСДРП. На конференцию с'ехалось много представителей из провинции, кроме того, были представители наших центральных органов, а также прибыли два представителя из Швеции, делигированные левым интернационалистским крылом шведской социал-демократической партии.

«В общем на конференции присутствовало до 100 человек; из них было 5 представителей Петроградского бюро Центрального Комитета, 5 человек, входящих в Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 5 от Петроградского комитета РСДРП, 26 представителей от провинциальных организаций, специально командированных на конференцию, около 40 делегатов, приехавших на происходившее одновременно совещание представителей Советов рабочих и солдатских депутатов; остальные были гости.

«В порядке дня конференции стояли вопросы: 1) о войне, 2) об отношении к Временному правительству, 3) о международной социалистической конференции, 4) о крестьянстве и земельном вопросе, 5) об Учредительном собрании, 6) об об'единении, 7) организационные вопросы и т. д.

«Все вопросы, поставленные в порядок дня, обсудить не удалось и пришлось ограничиться наиболее спешными и неотложными.

«Конференция открылась кратким вступительным словом представителя Петроградского бюро Центрального комитета, указавшего на задачи и цели конференции. Затем выступил один из присутствовавших представителей шведской социал-демократии, в своей речи указавший на то громадное значение, какое имеет русская революция для международного положения. Вместе с тем в речи говорилось о необходимости давления международной организации пролетариата на создавшееся международное положение с целью прекращения войны. С этой целью шведские товарищи брали на себя инициативу созыва международной социалистической конференции интернационалистов.

«Конференция горячо приветствовала предложение товарищей; более подробное обсуждение вопроса было отложено.

«Следующим вопросом был вопрос о войне. Докладчиком от Центрального Бюро по этому вопросу выступил тов. Ю. Каменев. По этому вопросу, как и нужно было ожидать, произошли горячие прения.

«Одна часть конференции твердо стояла на почве решений, принятых в Циммервальде и Кинтале; другая часть не менее решительно стала на ту позицию, какую до сих пор горячо отстаивали на Западе Гэд и Самба, а у нас — Маслов и Потресов, иначе говоря «оборонцы».

«Прения велись в течение всего вечера и заняли половину следующего дня. В результате по вопросу о войне была принята большинством 50 голосов против 14 нижеследующая резолюция:

«Настоящая война возникла на почве империалистических (завоевательных) стремлений господствующих классов всех стран, направленных к захвату новых земель и подчинению мелких и отсталых государств. Каждый лишний день войны обогащает финансовую и промышленную буржуазию и разоряет и истощает силы пролетариата и крестьянства всех воюющих стран. В России же затягивание войны, кроме того, создает грозную опасность для упрочения завоеваний революции и для доведения ее до конца. Необходимо, чтобы этой ненужной для народов войне волею народов был положен конец. Поэтому революционные силы России (пролетариат и армия) ставят своею неотложною задачею скорейшее прекращение войны на основе мира без аннексий и контрибуций, с предоставлением каждому народу права на самоопределение.

«С этой целью российская революционная демократия немедленно должна обратиться к народам всех воюющих стран с призывом восстать против их угнетателей, виновников братоубийственной бойни. Тогда российская революция, найдя свой отклик на Западе, расчистит путь для всеобщего мира. Первым шагом Совета рабочих и солдатских депутатов на этом пути был принятый на собрании 14 марта Совета рабочих и солдатских депутатов манифест к народам всего мира.

«Необходимо продолжать дальнейшую работу по упрочению международных связей в целях прекращения войны. В частности необходим созыв в ближайшее время Международного социалистического с'езда. С другой стороны, на очередь встает необходимость заставить Временное правительство не только отказаться от всяких завоевательных планов, но немедленно открыто формулировать волю народов России, т.-е. предложить всем воюющим мир без аннексий и контрибуций с правом народов на самоопределение.

«Только полная ликвидация всей внешней политики царизма и империалистической буржуазии вместе с ликвидацией международных тайных договоров и действительный переход власти в руки пролетариата и революционной демократии знаменовали бы изменение империалистического характера войны со стороны России и тем самым, в случае отказа какой-либо стороны от мира, заставили бы восставший народ взять в свои руки войну, как войну за свободу народов, в союзе с пролетариатом Западной Европы. Вплоть же до этого момента мы, отвергая дезорганизацию армии и считая необходимым сохранение ее мощи, как оплота против контр-революции, призываем всех солдат и рабочих остаться на своих постах и соблюдать полную организованность».

«Эта же резолюция была вынесена затем и на совещание представителей Советов рабочих и солдатских депутатов, где она, однако, получила меньшинство голосов (за нее голосовало, между прочим, 20 человек социал-революционеров-интернационалистов, с ней согласились 20 интернационалистов-меньшевиков, во главе с Лариным, Энзисом, Ерманским и др., которые в совещании при голосовании резолюции Церетели воздержались).

«Вторым вопросом, возбудившим горячие прения, был вопрос об отношении к Временному правительству. Докладчиком по этому вопросу от Центрального Бюро Центрального Комитета выступил тов. Сталин. И по этому вопросу обнаружилось два направления. Одна часть (оборонческая) утверждала, что Временное правительство, несмотря на свой буржуазный состав, является нашим правительством, выполняющим волю революционной демократии, так как власть фактически в наших руках. «Временное правительство является пленником революции», — как выразился один из товарищей; «или приказчик ее», — как заметил другой. Отсюда следовал вывод о поддержке Временного правительства, поскольку оно выполняет задачи революции. Другая часть конференции (интернационалистическая) не соглашалась с подобной характеристикой и указывала, что власть далеко не в «наших руках». Представители буржуазии являются представителями буржуазных интересов и лишь отчасти, под непосредственным и постоянным давлением и контролем организованной революционной демократии, идут в сторону выполнения задач революции.

«Когда этот вопрос был перенесен на совещание представителей Советов рабочих и солдатских депутатов, то там удалось, благодаря принятию некоторых наших существенных поправок, достиг-

нуть единства, и резолюция была по этому вопросу принята единогласно.

«Следует заметить, что в общем планомерности работ конференции мешало в сильной степени то обстоятельство, что она происходила одновременно с совещанием Советов рабочих и солдатских депутатов, вследствие чего и внимание и силы раздваивались. Но так как эта конференция являлась предварительной, так как Всероссийскую конференцию предположено созвать 20 апреля, то ее работа имеет большое значение.

«По вопросу о конференции (конференция будет созвана на платформе интернационалистов) и по вопросу об об'единении мы поговорим в следующем номере.

«В общем конференция показала, что интернационализм имеет прочное основание у нас, и лозунги, возвещенные в Циммервальде и Кинтале, находят горячий отклик. Но вместе с тем вскрылась необходимость настойчивой энергичной работы в этом направлении, так как в нашей среде немало оказалось товарищей, которых смущают лавры Гэда, Самба, Потресова, Маслова и тех, кто с ними».

Из представителей левых социал-демократов Швеции ожидали в то время Линдхагена, но, кажется, он не приехал. В Исполнительном комитете Петроградского Совета, а также и на нашем партийном совещании бывал Ханес Шольд. Кажется, он и передал предложение наших шведских единомышленников относительно международной конференции социалистов-интернационалистов.

Из отчета тов. В. Милютина видно, что по вопросу о войне большевистское совещание приняло иную резолюцию, чем приведенная нами выше, принятая предварительно на Бюро Центрального Комитета. Но резолюция Бюро Центрального Комитета не удовлетворила ни левое крыло, которое считало ее слишком слабой, с «академическим» уклоном, ни правую часть, которая считала ее неприемлемой по ее лозунгам о превращении империалистической войны в гражданскую, а также и еще потому, что в ней не было пункта о недопустимости «дезорганизации армии». В левом крыле были тогда члены Бюро Центрального Комитета — Шляпников, Молотов, Залуцкий, работники Петербургского комитета — А. М. Коллонтай, А. Падерин, а из приезжих — В. Милютин, Теодорович, Скрыпник. Правое оборонческое крыло имело в своей среде Войтинского, Авилова, Севрука, а также ряд колебавшихся товарищей. В центре были — Л. Каменев, И. Сталин, Муранов, В. Ногин, Гарин (Гельсингфорс), В. Шмидт (Петербургский комитет), Л. Серебряков и другие. Последняя группа с.-д.-большевиков принимала все меры к тому, чтобы добиться единства большевистских сил. Принятая совещанием резолюция носила на себе яркую печать такого соглашения. Она содержала «левую» характеристику войны и связывала ликвидацию войны с переходом власти в руки пролетариата. Правую часть совещания резолюция стремилась удовлетворить практическим концом — «отвергая дезорганизацию армии и считая необходимым сохранение ее мощи».

В заключение дискуссии о войне был поставлен на фракции вопрос о том, кому из товарищей выступать с содокладом от нашей фракции на Всероссийском совещании Советов. Левая группа выдвигала А. М. Коллонтай, центр предлагал Л. Каменева. Большинство голосов было подано за содоклад тов. Каменева.

То же разделение среди с.-д.-большевиков произошло и по вопросу об отношении к Временному правительству. Резолюция Бюро Центрального Комитета подверглась нападкам, преимущественно справа. Целый ряд делегатов, во главе с представителем от Гомеля Севруком, настаивал на необходимости принятия такой резолюции об отношении к Временному правительству, которая могла бы послужить почвой для об'единения всех социал-демократов. Но об'единенческие намерения Севрука тогда не встретили одобрения, и на совещании была принята за основу резолюция Бюро Центрального Комитета, но затем поправленная. После поправок резолюция была оглашена на Всероссийском совещании тов. Каменевым, в заседании от 1 апреля, уже в таком виде: «Признавая, что Временное правительство состоит из представителей умеренно-буржуазных классов, связанных с интересами англо-французского империализма; что возвещенную им программу осуществляет оно лишь отчасти и только под напором Советов рабочих и солдатских депутатов; что организующиеся силы контр-революции, прикрываясь знаменем Временного правительства при явном попустительстве со стороны последнего, уже начали атаку против Советов рабочих и солдатских депутатов; что Советы солдатских и рабочих депутатов являются единственными органами воли революционного народа, — совещание призывает революционную демократию:

«1. Осуществлять бдительный контроль над действиями Временного правительства в центре и на местах, побуждая его к самой энергичной борьбе за полную ликвидацию старого режима.

«2. Сплотиться вокруг Советов рабочих и солдатских депутатов, как выдвинутых революцией центров организации революционных и демократических сил, единственно способных в союзе с другими прогрессивными силами охранять от попытки царистской и буржуазной контр-революции и упрочить и расширить завоевания революционного движения».

Эта резолюция не удовлетворяла значительную часть (левую) делегатов совещания, но и такая не была противопоставлена нашей фракцией против резолюции Исполнительного комитета. В комиссии по выработке резолюции наши представители добились включения ряда поправок и решили голосовать со всеми за одну общую резолюцию. Партийная дисциплина связала всех, и, возмущаясь и не соглашаясь с резолюцией по существу, многие товарищи голосовали за внесенную от имени комиссии.

Во время Всероссийского совещания Советов провинциальными товарищами велись переговоры об об'единении социал-демократов в одну партию. В «Известиях» от 30 марта было помещено следующее сообщение:

«Группа социал-демократов, делегатов Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, считающая недопустимым раздельное выступление на совещании большевистской и меньшевистской фракций по вопросу о войне, в особенности при наличии расхождения во взглядах по этому вопросу в обеих фракциях, — обращается ко всем участникам с'езда социал-демократам, без различия фракций, с предложением собраться 30 марта в 2 часа дня в помещении Таврического дворца для выработки общей позиции социал-демократической делегации с'езда в вопросе о войне, в частности — своего отношения к проекту Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. О комнате совещания узнать в комнате № 8. По поручению группы прапорщик Севрук (Гомель)». Так было положено начало «апрельскому» об'единению социал-демократов. Через несколько дней после об'единительного совещания часть большевиков-оборонцев, недовольная политикой партии, вышла из ее рядов и слилась с с.-д.-меньшевиками.

XII. Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов.

28 февраля состоялось заседание Исполнительного комитета с представителями, прибывшими на Всероссийское совещание делегатов. В тот же день стало очевидным, что все предварительные расчеты большинства Исполнительного комитета о составе совещания были опрокинуты. Когда обсуждался вопрос о созыве совещания, предполагали, что прибудут делегаты от 50—60 крупных городов да по нескольку делегатов от фронтов. Общее количество делегатов ожидалось не свыше 200, но уже днем 28 марта прибыли представители от 82 городов, не считая фронтовых делегатов. При организации совещания рассчитывали предоставить по два места каждому Совету, имея при этом в виду рабочую и солдатскую его части. Прибыло же по 4, 5, 6 делегатов от каждого города. Б. Богданов сообщал, что от одного города прибыла делегация в составе 27 человек.

На заседании Исполнительного комитета удалось договориться с прибывшими делегатами об изменении норм представительства, которое свелось к предоставлению права решающего голоса всем прибывшим делегатам. Кроме того, было дано представительство войскам фронта: каждой армии (вернее, ее верхушечному представительству) — 8 мест, каждому корпусу — 4, дивизии — 2, полку — 1. Затем было дано особое представительство флоту и одиннадцать мест было предоставлено делегатам казачьего с'езда. Таким образом общее количество представителей превышало вдвое максимальные предположения Исполнительного комитета. Помимо делегатов, на совещание прибыло большое количество всяких делегаций,

14*

желавших приветствовать прибывших представителей и послушать прения. Весь зал заседаний Таврического дворца был заполнен до отказа. Прежде чем открыть совещание, пришлось произвести перегруппировку: гостей и прибывшие делегации для приветствий отправить на хоры, а делегатов ввести в зал заседания.

Открытие совещания началось встречей приехавшей из ссылки эсеровской «бабушки» — Е. Брешко-Брешковской. Ее приветствовали Скобелев, Керенский, который «был горд и счастлив, что на вокзале приветствовал великую гражданку и бабушку русской революции от демократии всей страны», а также и Чхеидзе, закончивший свою речь поцелуем. Выступление Брешко-Брешковской было слащавое, с призывами к единению и борьбе против внешнего врага, намеревавшегося «отнять у нас нашу свободу».

После ухода «бабушки» Брешко-Брешковской было открыто совещание. Открывая его приветствием, Н. С. Чхеидзе попытался следующим образом определить его задачи: «Теперь, товарищи, мы имеем возможность выслушать друг друга, узнать о том, что сделали Советы солдатских и рабочих депутатов на местах, взвесить настроение и наметить дальнейшие наши задачи, — наметить линию нашего тактического поведения. Мне кажется, товарищи, что в этой области, в этой сфере нам надо исходить из одного основного положения, которое мне кажется неоспоримым. Мы должны исходить из того положения, что мы находимся сейчас в процессе революционной борьбы, — в процессе революции, которая возникла в минуту мировой войны. Вот, товарищи, два момента, без полного учета которых мы едва ли в состоянии будем наметить путь дальнейшей нашей работы. Если это положение верно, то мы вплотную подходим к вопросу как внешней, так и внутренней политики. Я полагаю, товарищи, что наступил момент, когда народы должны взять в свои руки вопрос о войне и мире. И вот исходя из этого, тоже, мне кажется, бесспорного положения, мы можем сказать, что мы идем со всеми теми, кто выступает с решительным требованием перед всеми правительствами и перед буржуазными и капиталистическими кликами, чтобы правительства и эти клики немедленно отказались от всяких завоевательных и аннексических задач. (Рукоплескания.) Это первый шаг, товарищи, к следующему шагу, чтобы правительства всех воюющих стран приступили немедленно к пересмотру своих договоров. (Рукоплескания.) Эти два момента мы должны связывать между собою, и в этом направлении должна итти наша работа. Это, товарищи, тот шаг, который нас приведет вплотную к вопросу о ликвидации войны. Исходя из этого положения, товарищи, мы и во внутренней политике идем за теми, которые свою работу направляют в фарватер революции для закрепления завоеванных позиций и для дальнейшего завершения и разрешения тех задач, которые поставлены революцией. Будущий центр Совета солдатских и рабочих депутатов, который, я надеюсь, будет организован в недалеком будущем, должен представлять из себя ядро, которое могло бы вобрать в себя все элементы для того, чтобы друж-

но итти с ними для довершения задач, которые поставлены революции. Со всеми другими элементами мы становимся в самую решительную борьбу. Вот, господа, в общих чертах основные положения, на которых я позволил себе остановить ваше внимание. Что касается того, как построен наш президиум, что касается порядка дня, образования секций, — вам сейчас обо всем этом будет доложено. А теперь, товарищи, я должен предпослать слово извинения перед вами относительно того, что я скажу. Товарищи, нет места в настоящее время ни личному горю, ни счастью, но я прошу вас дать мне возможность на несколько часов покинуть вас для того, чтобы принять участие в похоронах моего сына».

По окончании его речи избрали президиум в составе: Чхеидзе (меньшевик), Скобелев (меньшевик), Церетели (меньшевик), Муранов (большевик), Хинчук (меньшевик, от Москвы), Ногин (большевик, от Москвы), Богданов (меньшевик), Ром (меньшевик, от армии), Гоц (соц.-революционер), Рубен (соц.-революционер), Теодорович (большевик, от Красноярска), Шляпников (большевик), Завадье (соц.-революционер, от солдатской секции Петроградского Совета).

В то время как члены президиума занимали свои места, слово было дано Богданову. Он начал свою речь с приветствия находившейся в зале В. Засулич, которую собрание встретило овациями. В своей пространной речи Богданов дал об'яснения по поводу организации совещания. С места раздавались голоса в пользу об'явления совещания с'ездом Советов. Предложение было поставлено на голосование и большинством отклонено. При обсуждении порядка дня вносились дополнительные вопросы, из которых был принят только один — продовольственный. По предложению делегата от Макеевки (Темя), первым вопросом был поставлен «отношение к войне». В порядок дня были поставлены следующие вопросы: 1. Отношение к войне. 2. Отношение к Временному правительству. 3. Организационные вопросы. 4. Организация революционных сил. 5. Подготовка к Учредительному собранию. 6. Продовольственный вопрос. 7. Земельный вопрос. 8. Рабочий вопрос. 9. Вопросы солдатской и военной жизни. 10. Текущие дела.

Докладчиком от Исполнительного комитета по первому вопросу был И. Г. Церетели. Церетели начал свою речь заявлением о том, что «свое общее отношение к войне демократия выразила в воззвании Совета рабочих и солдатских депутатов к народам всего мира. Это были общие положения, и они нашли отклик во всех концах России. В этом воззвании российская демократия заявила, что в настоящей войне она не преследует целей захвата чужих территорий, — целей насилия над другими народами; что в этой войне она видит столкновение империалистических сил различных стран, возжегших эту войну и толкнувших народы друг против друга. Оказавшись хозяином положения внутри страны, она первым своим долгом сочла заявить, что перестраивает и внешнюю политику государства соответственно идеалам демократии; что она не преследует тех целей, которые преследовались империализмом, господствовавшим при ста-

ром царском правительстве. Она бросила клич народам всего мира, призвав пролетариат и все население союзных стран и стран, воюющих с нами, последовать примеру российской демократии и добиваться от своих правительств отказа от захватных стремлений или низвергнуть эти правительства.

«Раз российская демократия достигла такой силы, она не может ограничиваться только заявлениями, она должна с такой же энергией, с какой внутри страны она осуществила и стала на путь полного закрепления демократических идеалов,— с такой энергией опа должна настоять на том, чтобы и во внешней политике эти идеалы осуществлялись».

Выпущенное накануне совещания правительственное сообщение о целях войны [1]) облегчало задачу Церетели доказать собравшимся, что в области внешней политики «революционная демократия имела уже решающий успех». К этому он далее и переходит, утверждая, что «Временное правительство возвестило о разрыве в своей внешней политике с политикой царского правительства, — с политикой империалистических кругов буржуазии, которая господствовала раньше до переворота. Временное правительство вышло из недр революции,— оно существует благодаря соглашению, заключенному Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, действующим в единении со всей российской демократией, с одной стороны, и, с другой стороны, буржуазных цензовых элементов общества. И вот во время этого соглашения пролетариат и примыкающая к нему последовательная демократия стали на определенную точку зрения. Они исходили из соображений о немедленном осуществлении конечных классовых идеалов пролетариата; они выдвинули программу демократического преобразования государства,—программу буржуазной республики, но республики, последовательно осуществляющей подлинные демократические идеалы. И эту программу, как общенародную, предложили они буржуазии в качестве платформы соглашения. И только потому, что буржуазия ее приняла, демократия признала это правительство и все шаги правительства в этом направлении обязалась поддерживать.

«Буржуазия, она имеет свои узкие классовые интересы во внешней политике, и мы знаем, с какой настойчивостью добивалась она осуществления этих классовых интересов при господстве царизма,— с какой настойчивостью пытались некоторые круги буржуазии, даже после революции, после коренного переворота, добиться проведения этих же начал во внешней политике государства. Но ответственное представительство буржуазии — Временное правительство, считаясь с мнением демократической России, признало, что для единения сил оно вынуждено отказаться от той узкой классовой политики, на которую ее толкали и толкают до сих пор некоторые круги буржуазии. Временное правительство признало, что нужно сделать решительный шаг для вступления на путь, указанный российской

---

[1]) См. это сообщение в главе «Временное правительство и война».

демократией. И вот, товарищи, впервые за все время войны Временное правительство, одно из воюющих правительств, заявило, что оно отказывается от возвещенных ранее империалистических намерений, что оно не преследует цели захвата чужих территорий».

Сообщение Временного правительства, имевшее исключительно «внутреннее употребление», направленное на усыпление и обман рабочих и солдат, И. Г. Церетели не постыдился приравнять к противовоенным действиям социалистических меньшинств в различных странах. «Защита отечества» уподобила его обычным шовинистам всех стран, спекулировавшим на революционных чувствах в странах «их врагов». Ополчаясь против социалистических меньшинств на самом совещании, Церетели заявлял, что «в том же направлении действуют и в союзных с нами странах и воюющих с нами странах представители пролетариата, остающиеся пока в меньшинстве, но имеющие несомненную уверенность, что их идеалы так же восторжествуют внутри их страны, как они восторжествовали в России. Товарищи, эта победа не только усилит демократию в России, не только об'единит все силы ее для закрепления внутри и вовне общенародных демократических идеалов, но также подкрепит такое же демократическое движение в других странах».

Почувствовав, очевидно, что хватил через край, Церетели тотчас же оговорился, что он не хочет «преувеличивать значения этого шага Временного правительства. Здесь нет полного удовлетворения всего того, чего мы желаем. Вместе с заявлением о том, что Временное правительство отказывается от намерения присоединить чужие территории, мы считаем необходимым, чтобы Временное правительство вступило в переговоры с союзными правительствами о том, чтобы была выработана общая платформа всех союзников, чтобы было заявлено, что не Россия, но весь союз, все соглашение отказывается от намерения аннексий и контрибуций. Но, товарищи, раз наше правительство сделало решительный шаг по этому пути, дальнейшие его шаги в этом направлении неизбежны, если демократия с такой энергией, как до сих пор, будет отстаивать эти идеалы. В этом направлении демократия должна действовать и в дальнейшем, и чем сплоченнее будут ее ряды, чем тверже будет она в дальнейшем отстаивать эту политику, тем больше мы получим уверенности, что эти обещания не останутся пустыми обещаниями, а получат реальное осуществление».

В этой борьбе за мир Церетели тоже рассчитывал на поддержку в других странах и требовал от других народов не более, не менее как совершения революции. Только это давало выход из положения, ибо «вопрос о мире, к которому стремится российский народ, не может быть решен усилиями только народов России. Необходимо, чтобы это движение нашло достаточно могущественную поддержку и в других странах. И только тогда, когда и там найдет такую же силу это стремление, когда и там демократия заставит свои правительства сделать встречные шаги требованиям демократии, — тогда

наступит реальное разрешение вопроса о мире. Но до тех пор, пока эти условия не наступили, пока война продолжается, российская демократия, считаясь с теми огромными завоеваниями, которые она сделала, должна считать долгом своей чести, чтобы российская революция не оказалась разбитой империалистическими силами, чтобы она сумела с такой же славой бороться против внешнего напора, с какой боролась она против внутренних сил. И вот, протягивая братскую руку народам, призывая их создавать у себя, внутри своих стран, то же, что российская демократия создала здесь, мы вместе с тем должны грудью отстаивать завоеванную свободу».

Конец своей речи Церетели посвятил «защите рабочих» от нападок буржуазной прессы и обвинений в том, что «рабочий класс хочет воспользоваться этими завоеваниями (т.-е. революцией. *А. Ш.*) только для себя, что рабочий класс не чувствует того ответственного положения, в котором находится российская демократия... Говорят, что рабочие не стоят у станков, не работают». Об'явив все это гнусной клеветой, Церетели заявил, что «российский рабочий класс не рассматривает эти завоевания как средство уклониться в торжественную минуту от напряжения всех своих сил для защиты страны, что он с большей энергией, чем раньше, будет работать для того, чтобы обслуживать и армию и тыл и укрепить свободную Россию в борьбе против внешних врагов так же, как против внутренних».

Закончив доклад, он предложил от имени Исполнительного комитета следующую резолюцию:

«В воззвании к народам мира 14 марта Совет рабочих и солдатских депутатов возвестил твердую решимость российской демократии осуществить в области внешней политики те же начала свободы и права, какие возглашены ею во внутренней жизни России.

«Многочисленные собрания рабочих, солдат, граждан по всей России подтвердили эту решимость и выразили волю народа, — отстаивая собственную свободу, не допустить использовать революционное воодушевление народа для явных открытых захватов и контрибуций.

«Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов вошел в сношение с Временным правительством, указав на неотложность публичного отказа свободной России от завоевательных планов царизма.

«28 марта Временное правительство опубликовало обращение к гражданам России. Оно заявило: «Цель свободной России не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов, он не ставит своей целью ничьего порабощения и унижения.

«Придавая огромное значение этому акту Временного правительства, российская демократия видит в нем важный шаг навстречу

осуществления демократических принципов в области внешней политики. Советы рабочих и солдатских депутатов со всей энергией будут поддерживать все шаги Временного правительства в этом направлении и призывают все народы как союзных, так и воюющих с Россией стран оказать давление на свои правительства для отказа от завоевательных программ. Вместе с тем каждый народ обеих коалиций должен настоять, чтобы его правительство добивалось от своих союзников общего отказа от завоеваний и контрибуций. Со своей стороны Исполнительный комитет подтверждает необходимость переговоров Временного правительства с союзниками для выработки общего соглашения в указанном смысле.

«Революционный народ России будет продолжать свои усилия для приближения мира на началах братства и равенства свободных народов. Официальный отказ всех правительств от завоевательных программ — могучее средство для прекращения войны на таких условиях.

«Пока эти условия не осуществлены, пока продолжается война, российская демократия признает, что крушение армии, ослабление ее устойчивости, крепости и способности к активным операциям было бы величайшим ударом для дела свободы и для жизненных интересов страны. В целях самой энергичной защиты революционной России от всяких посягательств на нее извне, в видах самого решительного отпора всем попыткам помешать дальнейшим успехам революции совещание Советов рабочих и солдатских депутатов призывает демократию России мобилизовать все живые силы страны во всех отраслях народной жизни для укрепления фронта и тыла. Этого повелительно требует переживаемый Россией момент, — это необходимо для успеха великой революции.

«Совещание Советов рабочих и солдатских депутатов ныне призывает всех рабочих фабрик и заводов, железных дорог, рудников, почты, телеграфа и других предприятий, работающих на армию и тыл, вести работы с величайшим напряжением. Экономические завоевания рабочего класса и стремление к дальнейшим реформам не только не должны ослабить трудовую энергию, но должны довести производительность работ до наибольших размеров в интересах обеспечения населения и армии всем необходимым.

«Совещание Советов рабочих и солдатских депутатов обращает внимание всех граждан, а особенно занятых в сельском хозяйстве и транспорте, на опасность от продовольственной разрухи, завещанной старым режимом, и призывает напрячь все силы для ее преодоления.

«Совещание Советов рабочих и солдатских депутатов шлет свой привет солдатам и офицерам революционной армии, защищающим свободную Россию внутри страны и на фронте».

Через одного записавшегося оратора, Германа, говорившего не о войне, а о самом совещании, выступил представитель нашей фракции Л. Б. Каменев. Свою речь он начал с агитации, которая была тогда в моде даже на с'ездах. Этот подход быстро расположил деле-

гатов и его слушали с большим вниманием. Обращаясь к переполненному залу, Л. Б. Каменев указал, что «в трагический момент мировой истории собрались вы здесь для того, чтобы ответить на вопрос, который занимает всех во всем мире и занимает прежде всего тех, которые не присутствуют здесь лично, которые там, в окопах всех стран ждут того, чтобы русская революция сказала им, зачем она воздвигла свое знамя: для того ли, чтобы сократить мучения мира, в которые ввергают его капиталистические правительства всех стран, и поймет ли русская революция свою задачу употребить всю энергию, которую скопил в себе русский пролетариат и русская революционная армия, чтобы сделать из русской революции орудие скорейшего прекращения тех мировых страданий, которые принес миру торжествующий капитализм всех стран. Пролетариат всех стран ждет от этого собрания ответа на этот вопрос и не только он, но и те вдовы, те сироты, которые заплатили своими близкими за то, что слишком долго капиталистический мир владел нашим трудом и нашим потом, — все они подняли заплаканные глаза сюда, чтобы узнать, пожелает ли русская революция сказать то великое слово, по которому исстрадался мировой пролетариат, — слово «мир»...

Все это начало редакция «Известий» выбросила и сделала началом его речи переход к предложению о том, что «есть один способ создать тот мир, к которому стремится вся вселенная; это — способ превратить русскую национальную революцию в пролог восстания народов всех воюющих стран против Молоха империализма, против Молоха войны.

«В этот тяжелый момент пускай не иллюзия владеет нами, — одного требуют от нас, одного мы сами должны требовать от себя — правды. Слишком много благородных слов прикрывало разбойничью политику, восторжествовавшую и приведшую к войне. Не благородных слов, не прикрытия для империалистической войны, а правды, голой правды о том, что такое эта война, требуют все народы, и мы одни здесь — победившая революция — можем сказать и мы должны сказать. Мы должны сказать, что это не народная война, что эта война не народами затеяна, — на эту войну обрекли нас империалистические классы всех стран. Пускай знают все наши товарищи, все бывшие члены Интернационала рабочих, что мы приветствуем не только того социалиста, который на улицах Берлина призвал германский народ свергнуть свою подчиненность капиталу и поэтому сидит теперь в каторжной тюрьме Вильгельма, — не только его и всех оставшихся верными знамени международного социализма, которые при первых звуках этого империалистического набата сказали: «Нет, эта война ваша, господа буржуа, мы не достаточно сильны, чтобы противопоставить свою волю к братству народов вашей воле, чтобы руками рабов капитализма поделить между собой колонии и рынки, но мы протестуем против того, что вы, рабовладельцы, нашими руками делите и загребаете себе барыши. Не только с точки зрения единства нашего со всеми борющимися и угнетенными клас-

сами, на каком бы языке они ни говорили, но с точки зрения нашей собственной победы должны мы сказать: каждый дальнейший день затягивания войны ужасен не только потому, что там льется кровь наших братьев, тех же крестьян и рабочих и интеллигентов, одетых в солдатские и офицерские мундиры, но и потому, что каждый день продления войны наносит нашей стране удар, — что каждый день затягивания войны грозит сковать оковы на нашу русскую свободу. Мы должны понять, что чем скорее ликвидируем мы в союзе с восставшими народами всех воюющих стран эту войну, тем крепче, тем шире развернем мы завоевания русской революции. Собравшись сюда, как полновластные представители народов России, вы должны сказать: мы не только зовем всех угнетенных, всех порабощенных, все жертвы мирового империализма к восстанию против рабства, против империалистических классов, но мы, от имени русского революционного народа, говорим: «Ни одной лишней капли крови за интересы своей или чужой буржуазии». Но когда мы скажем: «Давайте создадим революционную армию, вооружим весь народ, объявим революционную войну», — это будет тот момент, когда трудящиеся классы общества сами для себя завоюют власть, когда они в этой революционной борьбе будут отстаивать начала того строя, в котором не будет ни войн, ни классов, — за этот строй будет наша война, ее поведем мы, и, товарищи, я призываю вас к правде. Смейте же смотреть этой правде в глаза. То, что мы низвергли царизм, — это означает освобождение народов внутри России, но обозначает ли оно же освобождение нас от тех приемов внешней политики, которые вел царизм, при полном безгласии всех».

Шовинистическое сравнение борьбы социалистических меньшинств с действиями Милюкова — Гучкова нашло отпор в речи тов. Каменева. Он разоблачил социал-соглашателей, Церетели и Керенского в особенности, кричавших о том, что Временное правительство исполняет волю демократии. Действительность же говорила иное, и тов. Каменев указал, что «целый месяц революционного давления понадобился для того, чтобы заставить Временное правительство, вышедшее из революции, признать то, что для каждого пролетария, для каждого солдата, для каждого крестьянина России было давным-давно незыблемой истиной, — что он не хочет подавлять никого, — чтобы заставить эту волю народа провозгласить торжественно и формально.

«Сделайте так, чтобы следующий шаг не остановился перед всеми миражами, созданными этой войной, перед всей империалистической ложью, созданной вокруг этой войны. Мы должны сказать: революционная Россия требует, чтобы Временное правительство формулировало волю к миру, и надеется, что только восстание угнетенных народов других стран поддержит русскую революцию и создаст тот мир, который, хотя бы в малой степени, возвратит нам великие затраты народной крови, народных сил, которые выпил уже из мира вампир милитаризма. Против рабочих и против солдат организуются уже сейчас те силы, которые хотели бы уже задушить эту

революцию или положить ей предел. Надо открыть глаза, надо видеть ясно, что под самыми различными флагами силы, слишком задетые свободой, полученной народом, уже в тайниках готовят напор на Совет рабочих и солдатских депутатов. Этот Совет поставит себя в грядущей борьбе, в грядущей войне под единственное знамя, которое об'единит вокруг себя симпатию всего мира, — под знамя революционного народа против Молоха империализма. Вот лозунг, который действительно сделает нас товарищами всех рабочих, всего пролетариата, создаст новый Интернационал, новое братство народов, которое не простит пролитой крови и закончит эту войну народов».

Несмотря на то, что на совещании интернационалистически мыслящих было всего лишь человек 80, тов. Каменев закончил свою речь под аплодисменты значительной части делегатов. В «Известиях» отчет был помещен крайне небрежно; конец его речи был слит с выступлением представителя бакинского гарнизона Никитина, поддержавшего Церетели и огласившего следующую резолюцию: «Совет солдатских депутатов всех частей бакинского гарнизона признает необходимым довести войну до полной победы над прусским милитаризмом, с Вильгельмом во главе, но без завоевательных целей, при условии нейтрализации морей и проливов для упрочения русской свободы и освобождения других народов в полном согласии с демократиями союзных стран».

В защиту резолюции Исполнительного комитета выступил представитель 12-й армии, офицер, с.-д.-меньшевик Кучин, начавший свою речь против большевиков. Чтобы сделать позицию оборонцев приемлемой, этот делегат поспешил замазать все противоречия и конфликты, которые разделяли в то время революционную, даже соглашательскую, демократию с Временным правительством. Кучин считал, что «политическая обстановка России изменилась настолько, что демократия России... признала, что она завоевала власть и выставила из своей среды Временное правительство, которое приняло программу демократии; если это так, то демократия должна сказать, что она борется за себя, потому что, если мы признаем, что боремся не за себя, а за буржуазию, этим самым мы расписываемся в том, что мы в стране не победили, этим самым мы расписываемся в том, что у нас нет победы революции, а остался старый порядок»... Таким образом «защита отечества» заставляла социал-оборонцев превращать Львова, Милюкова и Гучкова в «представителей демократии».

На подмогу Церетели выступил бундовец Либер, солидаризируясь с докладчиком Исполнительного комитета. Свое появление на трибуне он мотивировал желанием ответить на «основные вопросы, которые в настоящее время подняты в связи с ролью пролетариата в этой революции со стороны буржуазных партий. Впервые за всю историю России и, можно сказать, почти впервые за всю историю культурных стран рабочий класс, и вообще народ, получил полную возможность не только выразить свое отношение к актуальному

вопросу международного положения, но и бросить на чашку весов при решении этого вопроса всю силу своего влияния. Несомненно, что это участие рабочего класса в разрешении вопроса о войне должно наложить самый резкий отпечаток на самую постановку вопроса». Далее он перешел к защите резолюции Исполнительного комитета и критике буржуазной прессы, обвинявшей рабочих в оставлении страны без защиты и т. д., и заявил, что «наша резолюция, в которой мы отказались от аннексий, есть гораздо более сильный разрывной снаряд, чем все те, которые мы могли бы изготовить. А если это так, то мы можем сказать, что рабочий класс взял в свои руки дело дальнейшего ведения внешней политики, чтобы оказать на нее решающее влияние, и рабочий класс своей политической ролью в высшей степени улучшил положение».

Либер обманывал рабочих и солдат, заявляя, что они взяли в свои руки судьбы страны. Весь этот обман ему нужен был, чтобы оправдать позицию социалистов в поддержке войны. Становясь на позицию «обороны отечества» Милюкова — Гучкова, Либер и компания первое время вынуждены были еще отмежевываться от всех черно-желтых оборонцев, так как единение с ними отталкивало от них многих рабочих и солдат. На вопрос о том, чем же отличается их отношение к делу обороны страны от либерально-монархического, Либер заявлял, что «разница между нашим ответом, когда мы призываем к активному участию в обороне и когда к активному участию в обороне призывает буржуазия и либеральные крикуны, которые провоцировали в достаточной степени эту войну и затянули ее до бесконечности, — разница в ответе получается огромная. Мы говорим, конечно, с того момента, как русская революция победила, — с того момента, как новое правительство вынуждено в своей политике считаться с интересами того народа, который его выдвинул, — с этого момента, когда роль пролетариата во внешней политике стала крупной, несомненно, рабочий класс выполнит в этом смысле свой долг до конца и не допустит того, чтобы из тех стран, где пролетариат не смог совершить того переворота, который совершен у нас, — чтобы из тех стран могла на революционную освобожденную страну надвинуться опасность внешнего разгрома и вторжения. Несомненно, что революционная страна и народ, и рабочий класс, и армия мобилизуют все свои силы для того, чтобы отразить внешнее вторжение».

Чтобы призвать пролетариат на продолжение бойни, Либеру понадобилось изобразить переворот, как конечную победу пролетариата. Такой и только такой смысл имели его ссылки на пролетариат других стран, не совершивший того переворота, который был совершен нами. Либер прекрасно знал, что наш февральский переворот лишь уравнял Россию со странами Европы, в странах которой самодержавие исчезло на много десятилетий раньше и буржуазия стояла у власти. Перед пролетариями Запада стоял вопрос не о ликвидации пережитков феодализма, а о свержении буржуазного, капиталистического господства.

После Либера выступил тов. Лебедев, представитель Кронштадтского Совета, сказавший, что война ведется «совершенно не в интересах демократии, и отношение рабочего класса и солдат к войне может быть только отрицательное».

В. П. Ногин выступил с критикой резолюции Исполнительного комитета, указав, что она говорит не об окончании войны, а об ее продолжении. От имени нашей фракции он же внес резолюцию о войне, принятую на совещании делегатов-большевиков от 28 марта [1]).

Солдат-делегат от камышловского гарнизона Шашкин взял слово лишь для оглашения резолюции-наказа следующего содержания: «Мы, представители от солдат и офицеров всего камышловского гарнизона, избранные общим собранием делегатами для поездки в Петроград, где, посещая Совет рабочих и солдатских депутатов, Исполнительный комитет Государственной думы, военного министра и другие учреждения, должны выполнять в точности все пункты данного нам за подписью всех делегатов наказа, который в 5-м пункте уполномочивает нас заявить, — мы солдаты и офицеры 157-го полка и весь гарнизон Камышлова будем стоять на страже охранения и защиты завоеванной революцией свободы и поддерживать Временное правительство, облеченное доверием народа, постольку, поскольку оно будет отстаивать и защищать и проводить в жизнь лозунги революционной демократии и считаться с мнением Совета рабочих и солдатских депутатов, который является истинным выразителем народных интересов. Предлагаем Временному правительству заявить всему миру, что мы, солдаты и офицеры, будем сражаться до последнего вздоха с врагом внешним, но отнюдь не за обладание его землями, а за целость свободной России. Просим Временное правительство напрячь все силы для скорейшего созыва Учредительного собрания, которое, мы верим, не замедлит выработать и провозгласить долгожданные русским народом основы республиканского строя правления».

Против войны выступал московский делегат Игнатов, предлагавший сделать еще шаг по пути к окончанию войны — немедленно созвать социалистический конгресс и на нем выработать условия всеобщего мира.

Делегат от Нижнего-Новгорода Штерин, отмечая «блестящую речь Церетели и тоже Каменева», попытался стать на точку зрения местных людей, которые, будто бы, знают уже подоплеку войны, не нуждаются в агитации против нее, а требуют практического решения, как быть с войной, когда она продолжается.

Представитель особой армии Новицкий принес на трибуну солдатский крик, что «хочет мира, душа жаждет мира, но не позорного мира». Тут же прочел воззвание особой армии, составленное в таком же духе.

---

[1]) См. об этом в главе «Из жизни и деятельности РСДРП (б)».

После него выступил Стеклов с длинной речью оборонческого содержания, цель которой сводилась к поддержке Церетели.

С перепевами на тему о том, что война продолжается и требует единства, выступал представитель от Тамбова — Эстратов.

Представитель 12-й армии Семенов упрекал нас, большевиков, в том, что мы «не ясно представляем себе положение дела, забыли о том, что у нас на трибуне тов. Чхеидзе, а в тюрьме — Николай Романов, а в Германии — Карл Либкнехт в тюрьме, а Вильгельм — на троне».

От имени партии социалистов-революционеров выступал Кемпельман, делегат от Москвы. Свою речь он начал указанием на то, что «тов. Каменев увлек собрание прекрасными словами о том, что пролетариат не должен проливать кровь за чужое дело, своим призывом, чтобы пролетариат перестал быть рабом, и своим анализом характера настоящей войны, и его так единодушно приветствовали, что казалось вообще вопрос этот бесспорный, а между тем мы знаем, что вопрос этот очень острый и по нему много разногласий, и я думаю, что в бесспорности, в том единодушии, с которым его приветствовали, и есть указание на то, что к настоящему вопросу он не подошел. Каменев говорил, что мир должен быть без аннексий и без контрибуций, что мир должен быть при сохранении прав за национальностями на самоопределение. Ну, а до тех пор, когда этот мир станет возможным, — что делать до тех пор, об этом тов. Каменев ни слова не сказал. Пришел к нам тов. Ногин и сказал, что подписаться под резолюцией, предложенной Исполнительным комитетом, он не может, потому что резолюция призывает к энергичной работе по обороне страны. Я сожалею, что здесь не последовали прецеденту, имевшему место на московской конференции: там товарищи большевики сочли возможным подписаться под резолюцией, которая говорит, что, раз война продолжается, мы считаем себя вынужденными напрячь все силы на оборону страны».

Во время прений вечернего заседания на совещании вновь появился А. Ф. Керенский и попросил слова для приветствия представителей демократии от имени Временного правительства. Речь его была переполнена фразами, вроде того, «что мы победили старую власть и водрузили над Россией знамя демократии и социализма и смелыми твердыми шагами идем к торжеству и об'являем, как единственную форму правления в России, демократическую республику». Далее этот Хлестаков от революции заявил, что «одно появление на сцене мировой борьбы русского свободного народа в корне и сразу изменило задачи и цели войны союзников». Все его утверждения являлись обманом неискушенных в политике людей, находившихся еще под обаянием элементарных лозунгов «свободы». В продолжение долгих минут он излагал и об'яснял значение опубликованного перед открытием совещания правительственного сообщения о целях войны и пытался делать из него выводы и за союзников. По отношению к войне Керенский являлся также сторонником «защиты новой страны, — защиты свободной России». Для

этой защиты он требовал энтузиазма и единства, предлагая больше не заниматься «партийными счетами и разногласиями». Сам он действительно забыл все партийные счеты и об'явил милюковскую дипломатию дипломатией, которая «будет только то, что воля народа захочет сказать всему миру так же открыто, так же правдиво и честно, как она должна говорить внутри страны». Закончил он свою речь рассуждением о том, почему он пошел во Временное правительство, но из всех его об'яснений делегаты поняли только одно, — что он «сделал это удачно».

Хвастливость выступлений Керенского претила многим членам Исполнительного комитета, даже его коллегам по партии. Неодобрительные отзывы о себе и о своей политике он принимал буквально как личное оскорбление и приписывал это зависти к его славе. Буржуазия быстро узнала его рекламные свойства и пользовалась ими в своих целях.

Речи выступивших после Керенского делегатов — Скачкова, Комарницкого, трудовика Брамсона, Раковецкого, представлявшего иркутский гарнизон, Акимова, солдата с фронта, — повторяли на различный лад призывы к «защите свободы». Более вдумчивое отношение к вопросу о войне проявил представитель союза офицеров Шиловский, речь которого была далека от шовинистического угара многих штатских. «Уже скоро три года, как тянется война; разбиты миллионы человеческих жизней; нам казалось, что разбиваются и светлые великие идеалы трудящихся масс; нам казалось, что мрак воцарился в мире, разбито священное единение трудящихся масс всего мира. И вот, товарищи, скоро демократия всего мира увидела, во имя чего ведется война, — увидела, что она ведется не во имя лозунгов трудящихся масс, а во имя других лозунгов, о которых вам много вчера говорили. Но, несмотря на это сознание, трудящимся всех стран выход не был виден. И вот разражается русская революция, — революция, которая, казалось, не только несет освобождение нашим трудящимся в одной стране, но и трудящимся всего мира. Это, товарищи, обязывает нас особенно осторожно относиться к нашей тактике, так как от нашей тактики зависит не только наша завоеванная свобода, но и завоевание свободы для всего мира».

Выступление представителя Иркутского Совета рабочих депутатов Старостина, противовоенного содержания, сопровождалось враждебными возгласами раз'яренных оборонцев. Свою речь тов. Старостин начал ответом солдату, который говорил, «что у нас есть свое правительство, и что нам нужен почетный мир». «А сегодня один товарищ говорил о необходимости диктовать условия мира. И все это говорится после тех слов в речах этих трех ораторов, которые говорили, что они несут свободу народам. Товарищи, какая же может быть свобода народов, если мы представим себе такую картину, что условия мира заключаются после того, как мы вдребезги разобьем наших противников. Если мы сначала вдребезги их разобьем, а потом предложим им свой мир, то это вовсе не будет озна-

чать, что мы несем им свободу. Товарищи нам говорят, что правительство также сказало, что отказалось от захватов, от аннексий и т. д. А я вас спрашиваю: как же война продолжается, для чего же война происходит, для чего же мы воюем? Выходит так, что мы связаны союзными обязательствами. Русское правительство заявляет: ни захватов, ни аннексий, ни контрибуций, — а война идет, мира еще нет. Следовательно, логически рассуждая, выходит, что мы просто находимся на службе у английской и французской буржуазии».

Заключительные слова тов. Старостина ударили в самое больное место революционных оборонцев. Принуждая свою буржуазию отказаться от захватнических целей войны, они продолжали настаивать на дальнейшем ведении войны, прикрываясь защитой революции и ограждением западной демократии от Вильгельма, превращаясь таким образом в слуг англо-французского капитала. Поэтому оборонцы не дали Старостину закончить его речь, устроили враждебный шум.

После него выступил солдат-фронтовик Остромоухов, посланный на совещание «одним участком фронта», заявил он скромно. Его выступление произвело сильное впечатление и, хотя он говорил против войны, часто прерывалось аплодисментами. Свою речь он начал заявлением о том, что солдаты окопов его участка приказали ему «передать все то, что мы чувствуем, переживаем и переживали в продолжение этих трех лет». Остановившись на том, как жадно прислушивалась солдатская масса ко всему, что делалось в России, к борьбе в Государственной думе, он перешел к тому, что в этой Государственной думе Чхеидзе, Скобелев и Керенский не говорили о войне до победного конца. «Они всегда стояли за то, что война, это — зло народов, это — вред народов и не только вред, а это нас убивало». Затем тов. Остромоухов перешел к характеристике положения, создавшегося после переворота. «О том, как был устроен здесь, в Петрограде, переворот, мы узнали значительно позже; слух об этом дошел до нас только 6 марта; мы узнали лишь из «Русского Слова», которое возвестило в первый раз, что Николай Николаевич назначается верховным главнокомандующим бывшим государем Николаем II. Потом эта газета возвестила, что наш министр иностранных дел Милюков предложил, чтобы Михаил Александрович сделался регентом и чтобы царство передать хромоногому Алексею Николаевичу. Товарищи, когда пришел к нам наш командир и все офицеры, которые находятся на этом участке фронта, и начали говорить: «Да, братцы», — а ранее, до сих пор, мы никогда не слышали «братцы», а все «Здорово, молодцы», — так вот они пришли и сказали: «Товарищи, мы дожили до радостного момента, у нас новое Временное правительство, да здравствует Временное правительство». Но, товарищи, в это время буржуазия наша также не спала, она знала, какое настроение царит в окопах, и и потому пустила лозунг о том, что мы должны теперь во имя нашей свободы продолжать войну до победного конца. Теперь они немного изменили и говорят уже: не до победоносного конца. И вот, то-

варищи, я говорю, что этим лозунгом они запугали немного нас, фронтовиков, да и теперь стараются запугать. Они говорят: если мы кончим сейчас войну, мы, значит, потеряем свободу, к нам придет Вильгельм и водрузит опять на трон Николая II. Я говорю от имени того участка фронта, — я не буду говорить, как сказал один оратор, который заявил, что он уполномочен миллионной армией, — нет, меня не уполномочила миллионная армия, меня уполномочил один участок фронта, который находится непосредственно как бельмо на глазу у Вильгельма и на который Вильгельм продолжает бросать не только 6-дюймовые снаряды, но и 9-дюймовые и очень часто пускает газовые волны. Так вот именно от этого участка фронта я и говорю и прошу всех тех товарищей, которые здесь сидят в Совете рабочих и солдатских депутатов, что мы хотим мира, что мир нужен, но, конечно, мы будем защищать до тех пор, пока вы скажете нам, что уже больше не нужно защищать, что не нужно больше войны, тогда мы всей душой присоединимся к вашему постановлению Совета рабочих и солдатских депутатов».

Непосредственно за этим фронтовиком с.-д.-меньшевики выпустили делегата 12-й армии, своего единомышленника, адвоката и домовладельца Рома, который выступил против тех, кто поднимал вопрос о мире. Самую мысль о мире он старался опорочить тем, что ее поднимают в тылу, а не на фронте, хотя сам выступал непосредственно после действительного делегата боевой линии фронта, а не его штабной организации, от коей был сам Ром. Ну, конечно, он защищал положения Церетели и резолюцию Исполнительного комитета. После его выступления прения были прекращены, и для заключительной речи слово получил докладчик И. Г. Церетели.

Первая часть заключительного слова Церетели была переполнена повторными заявлениями о том, что «российская демократия не желает захватов, что она со своей стороны отказывается от посягательства на чужие территории, и этот разрыв с империалистическими стремлениями старого правительства возвещен новым Временным правительством. Мы заявляем, что российская демократия считает необходимым, чтобы Временное революционное правительство вошло в переговоры с союзными державами для разработки общего соглашения на этой платформе, и приглашает другие народы делать то же в каждой стране. Вот после этого мы переходим ко второй части резолюции и заявляем, что российская демократия свой долг перед Россией, перед всеми народами мира выполняет свято и будет его и дальше выполнять, но что до тех пор, пока не осуществились ее стремления не только в России, но и в других странах, она долгом чести считает отстаивать страну и рассматривает нынешнюю войну в тех условиях, в каких она ведется при господстве российской демократии, как дело российской демократии».

Церетели настолько погряз в своем доверии к Временному правительству и в оборончестве, что связал судьбу всей революции с исходом войны, заявив, что если «Россия оказалась бы пораженной, разве не была бы поражена вся российская демократия, и я

скажу больше: разве не была бы поражена демократия всего мира? Единственная из воюющих стран — Россия сумела выдвинуть ту платформу, которую мы отстаиваем, — платформу отказа от контрибуций, отказа от захватов. Это — поворотный момент, это — сдвиг во всей мировой войне. Если в такой момент страна, которая первая сознала это, первая начала этот поворот, пала бы под ударами врага, то не значило ли бы это, товарищи, что демократия пала под ударами империализма?».

Вторая половина его речи была направлена к успокоению революционной армии и буржуазии, что рабочие выполнят свой долг и, если нужно будет, откажутся и от 8-часового рабочего дня.

После заключительного слова Церетели выступил тов. Каменев, предложив от имени Центрального Комитета РСДРП и меньшинства интернационалистов партии соц.-революционеров особую резолюцию о войне [1]). Против нашей резолюции, как «менее удовлетворительной», выступил Церетели.

Т.т. Скрыпник и Ногин пытались внести поправки в резолюцию Исполнительного комитета, но против них выступал неизменно Церетели. Затем начались выступления по мотивам голосования. Из них принципиальный характер носили заявления Либера от с.-д.-меньшевиков за резолюцию Исполнительного комитета и соц.-революционера Камкова, сообщившего совещанию, что он «уполномочен от меньшинства фракции соц.-революционеров заявить, что мы будем голосовать против резолюции Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов и, как уже заявил тов. Каменев от имени РСДРП(б) и от имени нашей партии, будем голосовать за внесенную им резолюцию. Товарищи, я был записан, но был лишен слова, поэтому не мог мотивировать, почему мы не голосуем за резолюцию Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов и почему мы голосуем за другую резолюцию. В двух словах наша мотивировка такова: в резолюции Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов нет самого существенного, — нет того, что является самым существенным с точки зрения русской демократии и с точки зрения прекращения войны: нет указаний на природу современной войны, на ту роль, которую играет русская демократия, которая ведет войну. Товарищи, независимо от того, что Временное правительство под давлением революционного народа отказалось от завоевательной политики, война является империалистической, завоевательной как с той, так и с другой стороны, потому что мы ведем ее не изолированно, потому что мы ведем ее в целой коалиции, мы связаны с Англией, Францией и Италией, завоевательная программа которых известна всему миру. И поскольку мы не заставили эти государства путем давления на наше правительство отказаться от их завоевательной политики, от их империалистических захватных тенденций, постольку мы являемся жертвами уже не нашей буржуазии, не наших помещиков, а жер-

[1]) См. ее текст в главе «Из жизни и деятельности РСДРП (б)».

твами чужой буржуазии, чужих помещиков. (Аплодисменты.) И такое упущение в резолюции, которая должна быть исторической, — в резолюции, которая должна выразить мнение восставшего революционного народа, мы считаем существенным и мы за эту резолюцию голосовать не можем. Но больше того, товарищи, в этой резолюции нет указания тех реальных путей, которые привели бы нас к миру; там есть тот формальный путь, который указывали французские и немецкие шовинисты, когда немцы вели наступательную политику против России, тогда они выставляли формулу, что они защищают свою страну против русского варварства. Мы, социалисты-революционеры и интернационалисты, категорически протестовали против этого, мы заявляли, что вы ведете войну империалистическую, а не оборонительную, и что Россия ничем вам не угрожает. Несмотря на то, что общие политические условия Германии, несомненно, лучше, чем были русские, такая формулировка могла рассчитывать на некоторый успех. Если мы скажем, исходя из мирового положения, что мы только обороняли положение революции, мы говорим об'ективно не то, что есть. Мы держим нашу демократию под оружием во имя интересов не наших — интересов международной демократии, — а во имя интересов международной буржуазии, равно хищной, как одной коалиции, так и другой».

Конец дискуссии о войне ознаменовался нашим разрывом с оборонцами-большевиками. Не получив никаких уступок на фракционных совещаниях делегации совещания, оборонцы выступили с особым заявлением о своем голосовании. Заявление было оглашено представителем от Гомеля, Севруком, следующего содержания: «Товарищи, от имени группы делегатов большевиков от 14 городов, а именно: от Ростова, Екатеринослава, Енакиева, Полтавы, Вологды, Таганрога, Симферополя, Гомеля, Выборга, Одессы, Омска, Рязани, Иркутска, Баку, я имею честь по мотивам голосования сделать следующее заявление. Мы стоим на общей большевистской позиции революционного марксизма. Вместе с нашими товарищами мы считаем, что главными движущими силами настоящей революции являются пролетариат и крестьянство; мы считаем, что при координации и интенсивном об'единении революционной борьбы этих двух движущих сил русской революции она может дойти до своего победного конца — диктатуры пролетариата и крестьянства. Мы вместе с товарищами большевиками полагаем, что стоим на точке зрения международного Интернационала. Мы далее полагаем, что принципы Интернационала, лозунги международного пролетариата оглашены в воззвании 14 марта и в том, которое ныне предлагается. Лозунг борьбы за пролетарский международный мир, — этот лозунг международной демократии впервые поднят русской революцией. Поэтому защита от внешнего натиска есть защита русской революции и ее международных лозунгов. Защищая завоевания русской революции, мы в то же время защищаем лозунг международного пролетариата. Вот почему мы поддерживаем ту резолюцию, которая здесь предложена Исполнительным комитетом, мы

предлагаем товарищам голосовать за нее. При этом мы заявляем, что принятие поправок Каменева и Ногина устранило бы некоторую неясность резолюции Исполнительного комитета. Мы, группа большевиков, разделяя в общем и целом позицию Исполнительного комитета о необходимости охраны революционных завоеваний российской демократии и российского пролетариата, будем голосовать за эту резолюцию и в интересах того, чтобы этот голос Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов прозвучал дружно и единодушно, приглашаем всех голосовать за резолюцию Исполнительного комитета».

От имени группы с.-д.-меньшевиков-интернационалистов выступил Орлов и заявил, что «ввиду того, что мы не обсуждали этой резолюции, мы воздерживаемся от голосования и свое решение огласим в печати».

Ряд делегаций от солдат высказался за поддержку Исполнительного комитета, за то же высказались и партия соц.-революционеров, а также и ЦК трудовой группы.

Голосовались, сначала за основу, две резолюции: внесенная от имени Исполнительного комитета, являвшаяся политической платформой оборонцев — с.-д.-меньшевиков, соц.-революционеров и других групп, — и вторая резолюция, предложенная от имени нашей РСДРП(б).

За резолюцию Исполнительного комитета было 325 голосов, за резолюцию нашей партии 57 голосов, и 20 голосов воздержалось. Таким образом на совещании было всего около $^1/_4$ делегатов-интернационалистов, и все дальнейшие заседания проходили в борьбе между двумя направлениями.

Вторым вопросом, стоявшим в порядке дня совещания и подлежащим обсуждению на пленуме, был вопрос об отношении Советов рабочих и солдатских депутатов к Временному правительству. Докладчиком Исполнительного комитета по этому вопросу выступал Ю. М. Стеклов, один из активных деятелей социал-соглашательского большинства того времени. Свою речь он начал опровержением нареканий на большинство Совета за его политику по отношению к Временному правительству. Для него, человека из большинства и старавшегося играть в этом большинстве роль центра, эти нарекания шли с двух сторон. Одной из этих сторон, имевшихся им в виду, была наша РСДРП (б). Не называя эту сторону «недовольных» по имени, Ю. Стеклов заявил, что она упрекает советское большинство в «снисходительном отношении к Временному правительству и не только в том, что Совет и его Исполнительный комитет с недостаточной энергией отстаивают перед Временным правительством требования революционного народа, но даже и в том, что Совет допустил самое образование этого Временного правительства и не постарался так или иначе сам стать на его место». Существо разногласий с нами по вопросу о власти Ю. М. Стеклов изложил верно, но смягчил тона и форму, в которой они тогда выражались. Отношения и формулировки были гораздо жестче, чем их

формулировал докладчик, не желавший обострять отношений. Второй стороной, недовольной советским отношением к Временному правительству, была вся буржуазия, кричавшая о двоевластии и опасности политики даже соглашательского большинства, требуя от него полного подчинения. Таким образом получалось «недовольство слева и недовольство справа», а правильной была середина, между левой и правой, по которой и шло «мудрое» соглашательское большинство. Но в этой золотой середине Стеклову удержаться не удалось. Став на путь исторических об'яснений взаимоотношений Совета с Временным правительством, упрямые факты, как он ни пытался их смягчить, привели его к таким выводам, которые были противоположны его собственным намерениям и внесенной им резолюции Исполнительного комитета. Перейдя к изложению фактической стороны взаимоотношений, Ю. Стеклов начал со справки о том, что «Временное правительство не возникло сразу в самый момент переворота, как это бывало по классическому образцу, и, между прочим, этого не случилось потому, что процесс русской революции, несмотря на то, что в общем сошел очень быстро, все-таки несколько затянулся, и в течение двух-трех дней нельзя было с уверенностью сказать, что переворот завершен и что старый режим действительно уничтожен. В эти два-три смутные дня, когда революционные силы Петрограда, рассеянные по отдельным районам, постепенно стягивались к Думе и постепенно группировались вокруг Совета рабочих депутатов, с одной стороны, и вокруг думского Временного комитета, — с другой, — в эти первые моменты ни буржуазия, ни мы как-то не мыслили о создании правительства, власти, а старались сгруппироваться и собрать все силы, которые притекали с разных сторон к нам. И когда через два дня после начала восстания начало с достаточной ясностью определяться, что восстание это, несомненно, победоносно, что оно ведет к установлению нового режима, — в этот момент на сцену выплыл вопрос об образовании Временного правительства, как органа более или менее постоянного, по крайней мере до тех пор, пока Учредительное собрание не скажет своего слова. Мы, повторяем, в этот момент были заняты группировкой своих сил, распределением тех новых сил, которые успели в тот момент сконцентрироваться вокруг нас и когда Временный думский комитет, образовавшийся в ту же роковую ночь, почти одновременно с Советом рабочих депутатов, может быть, парой часов позже или раньше, точно не помню, — когда этот Временный думский комитет пригласил Совет рабочих депутатов прислать своих представителей на совещание по вопросу об образовании Временного правительства, — только в этот момент перед нами этот вопрос встал уже не в форме теоретической, абстрактной, а в совершенно определенных конкретных очертаниях.

«Исполнительный комитет немедленно собрался и поставил перед собой два вопроса: первый вопрос был — участвовать ли нам в том Временном правительстве, которое должно было с минуты на минуту образоваться; и второй вопрос — какие требования наши

представители понесут этому Временному правительству, пока еще существовавшему в потенции, или, точнее сказать, думскому Комитету, из среды которого вышло это Временное правительство. И вот, товарищи, за исключением очень немногих, я сказал бы даже: неуверенных, голосов, рекомендовавших нам принять участие во Временном правительстве, подавляющее большинство склонялось к тому, чтобы ограничиться пред'явлением правительству определенных политических требований, осуществить известный контроль над выполнением этих требований и, не влияя непосредственно на состав министерства, т.-е. не указывая непосредственно кандидатур желательных для нас министров, ограничиться только правом отвода их кандидатов, явно нежелательных и явно враждебных и опасных для революции. С этими директивами представители Исполнительного комитета пошли на знаменитое ночное заседание, в результате которого получилась программа Временного правительства».

Затем докладчик ознакомил делегатов с теми 9 пунктами, которые были положены в основу программы соглашения о Временном правительстве [1]). От изложения их докладчик пришел к пояснениям той борьбы, которую пришлось выдержать делегации Исполнительного комитета при сдаче власти Львову—Гучкову—Милюкову. Но как ни был осторожен докладчик, он все же вынужден был сообщить совещанию те факты из борьбы между Советом и Временным правительством, по которым делегатам было легко понять, что Временное правительство было весьма подозрительно в отношении надежд на восстановление монархии. Так именно и поняли делегаты сообщение Ю. Стеклова, что «9 пунктов, выработанных Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов, принятых Временным правительством после долгих дебатов, заключали в себе еще и знаменитый пункт 3-й. Он гласит: «Воздержание от всех действий, предрешающих форму будущего правления». Чтобы вы поняли значение этого пункта и ту борьбу, которая вокруг него разгорелась, я позволю себе напомнить вам, что в тот момент не только не было еще выяснено отношение массы, армии и страны к вопросу о форме правления, в частности — о демократической республике, но даже в среде сравнительно прогрессивных политических партий и в частности в партии так называемой «народной свободы» этот вопрос не только не был еще разрешен в желательном для нас смысле, но разрешался в смысле прямо противоположном: кадеты решительно стояли тогда за монархию, правда, конституционную, и во время наших бурных дебатов с думским Комитетом мы встретили наиболее сильные возражения не со стороны националистов и не со стороны октябристов, а со стороны кадетов — в вопросе о демократической республике. И я должен заявить категорически, что представители кадетов до конца и последние оспаривали этот пункт и не хотели ни за что согласиться не только на провозглашение демократической

---

[1]) См. об этом «Семнадцатый год», кн. 1-я, глав «Сдача власти», стр. 177, и приложение двадцать пятое.

республики, чего мы не хотели насильно им тогда навязывать, но даже на нашу формулировку воздержания от всех действий, предрешающих форму правления, потому что мы знали, что они хотели нам, победоносной русской демократии, навязать романовскую монархию, не просто монархию, а именно романовскую, и в частности Милюков настаивал на том, чтобы провозгласить императором наследника Алексея, а регентом — великого князя Михаила Александровича. Тщетно мы заявляли, что никакая политическая группа не имеет права предвосхищать мнение всего русского народа, который должен сказать свое слово на Учредительном собрании; что тот русский народ, который совершил революцию, поручил нам заявить, что он признает единственной формой правления, приемлемой для него, демократическую республику, — тщетно мы заявляли им, что мы простираем свое политическое благоразумие до того, что, несмотря на имеющуюся в наших руках физическую силу, не заставляем их немедленно эту республику провозгласить и просим только не провозглашать монархии впредь до того, как выскажется русская земля; несмотря на все это, по этому пункту соглашение не состоялось, и они этот пункт отказались включить, т.-е. отказались обязаться перед нами не предпринимать никаких шагов, предрешающих форму правления, т.-е., другими словами, устанавливающих монархию и навязывающих ее стране и Учредительному собранию. Мы на этом пункте расстались; мы не поставили ультиматума на этом пункте по той простой причине, что слишком хорошо знали, что русская страна, измученная деспотизмом Романовых, что русские трудящиеся массы и, вероятно, значительная часть русской буржуазии не будут отстаивать ни романовской, ни другой монархии; во всяком случае знали, что без боя этой позиции не сдадим и что пропагандой или другим способом будем бороться самым решительным образом, и не сомневались, что в ближайшие дни, по мере того как волны русской революции будут докатываться до Москвы, Поволжья, Кавказа и других центров русской жизни, — не сомневались, что общим кличем русской страны будет «демократическая республика», — и поэтому повторяю, товарищи, мы, не добившись от них включения этого пункта, все-таки могли понимать результаты наших переговоров так, что они не предпримут никаких шагов, хотя они, повторяю, не дали никакого ручательства. Но большинство министров, с которыми мы говорили, — так как и на другой день эти переговоры продолжались, — большинство министров воздержится и повлияет и на Милюкова в этом направлении. Вы можете поэтому представить себе, как мы были поражены и возмущены, когда узнали, что Гучков и Шульгин едут в ставку, чтобы там заключить с Романовыми какой-то договор. Я забегаю несколько вперед, но должен сказать, что тут-то наш Совет проявил «двоевластие», ибо дал повеление своим комиссарам остановить поезд, который заказали Гучков и Шульгин, и ни в коем случае не допустить их до поездки... (*Шумные рукоплескания.*) Должен сказать к чести рабочего класса и вечной его славе, что он

всюду берет на себя инициативу в революции, а именно — рабочие Северо-Западных железных дорог первые подняли тревогу, узнав о поездке Гучкова, и дали знать Исполнительному комитету, который сделал указанное мною распоряжение. К сожалению, каким-то образом эти господа проскочили и сделали то, что вам известно. Вы прекрасно понимаете, что Михаил Александрович, как остроумно выразился один из товарищей солдат, «стал на нашу точку зрения» только потому, что он знал, что штыки революционной армии и ружья успевшего вооружиться пролетариата заговорят очень громко, если будет сделана попытка против нашей воли навязать нам монархию до решения Учредительного собрания».

Дав такую оценку положения, Ю. М. Стеклов одновременно и тем же самым вынес жестокий приговор соглашательской политике. Это почувствовал и сам докладчик, а поэтому он вновь попытался ответить на вопрос о том, «почему же в тот момент перед нами не встал вопрос о захвате власти в свои руки. Я постараюсь на это ответить. Я сказал, что этот вопрос теоретически не выступал перед нами по двум причинам: первая заключалась в том, что в момент, когда намечалось это соглашение, было совсем еще неясно, восторжествует ли революция не только в форме революционно-демократической, но даже в форме умеренно-буржуазной. Вы, товарищи, которые не были здесь, в Петрограде, и не переживали этой революционной горячки, представить себе не можете, как мы жили: окруженные вокруг Думы отдельными солдатскими взводами, не имеющими даже унтер-офицеров, не успевшими еще сформулировать никакой политической программы движения, мы узнаем в то же время, что министры на свободе и собираются где-то, не то в Адмиралтействе, не то в Мариинском дворце. Нам не было известно настроение войск вообще, настроение царскосельского гарнизона, и имелись сведения, что они идут на нас. Мы получали слухи, что с севера идут пять полков, что генерал Иванов ведет 26 эшелонов; на улицах раздавалась стрельба, и мы могли допускать, что эта слабая группа, окружавшая дворец, будет разбита, и с минуты на минуту ждали, что вот придут и если не расстреляют, то заберут нас. Мы же, как древние римляне, важно сидели и заседали, но полной уверенности в успехе революции в тот момент совершенно не было.

«Вот это была одна сторона, а другая, более существенная, сторона — политическая... и если бы даже перед нами встала сознательная такого рода возможность решения вопроса, эта политическая сторона тоже очень много подсказывала нам в смысле того, что мы в данный момент на себя не можем брать всей полноты власти. И эта политическая сторона распадается на две части: вы понимаете, что попытка крайне революционной демократии взять в свои руки власть может иметь историческое обоснование, может рассчитывать на поддержку широких народных масс только в том случае, если бы умеренный либерализм в осуществлении его программы обанкротился. И само собою разумеется, когда наступит этот момент, когда либеральная буржуазия окажется политически

неспособной осуществить, — не то, что удовлетворять требования народных масс, но осуществить свою собственную политическую программу, и если в осуществлении своей собственной политической программы она окажет решительное сопротивление, — окажется политически неспособной «осуществить чаяния и требования трудящихся масс», в этот момент перед нами может стать вопрос о захвате власти революционной демократией вопреки желанию и воле широких слоев буржуазии. В тот момент такого положения не было, такого положения нет и сейчас. Напротив, мы видели, что цензовая буржуазия, представленная в большинстве во Временном правительстве, сознала, что момент такой, что силы революции таковы, что нужно пойти на эти широкие демократические уступки. Я не буду излагать в беллетристической форме и не буду рассказывать о потрясающих сценах, я скажу одно: все мы, товарищи, прекрасно знакомы с историей революций, все мы далеки от сентиментализма, — я говорю... от политического сентиментализма. Все мы знает, что стóят слова: слова проходят, а факты остаются, — мы это знаем прекрасно, и наша тактика соответствует этому нашему пониманию слов. Тем же не менее при всем скептицизме в высшей степени поучительное было зрелище перерождения в дни революционного пожара, в вихре революционных событий психологии той группы цензовых буржуазных слоев, которое совершалось перед нами. Я расскажу вам одну мелочь, в высшей степени характерную. Очень любопытно, что почтенный председатель Государственной думы, всем нам известный Родзянко, очевидно, до того был потрясен всеми событиями, — для него они были еще более неожиданными, чем для нас, — что он потерял способность сопротивляться самым крайним нашим требованиям, — не то, чтобы он лицемерил, но, слушая нас, наши ужасные пункты в других условиях, он восстал бы с оружием в руках, а теперь говорил: «По совести, ничего не могу возразить». Но еще любопытнее было поведение Шульгина, который в 1905 — 1906 годах проводил подавление революции. организацию черносотенцев, — личность, в политическом отношении в высшей степени определенная и всем вам известная, как организатор черной сотни, и этот человек, когда я читал: «принять немедленно меры к созыву Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования», потрясенный встал со своего места, подошел и сказал: «Если бы мне сказали два дня тому назад, что я выслушаю это требование и не только не буду против него возражать, но признаю, что другого исхода нет, что эта самая рука будет писать отречение Николая II, — два дня тому назад я назвал бы безумцем того, кто бы это сказал, и себя считал бы сумасшедшим. Но сегодня я ничего не могу возразить. Да, Учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования».

Утверждение Ю. М. Стеклова о том, что вопрос о власти тогда не стоял перед Исполнительным комитетом, не соответствовало действительности. Вопрос о взятии власти силами революционной де-

мократии был поставлен нами, с.-д.-большевиками, и провален по принципиальным соображениям. Неверно, что решающее значение при решении вопроса о власти имела неуверенность в нашей победе. Все это Стеклов опроверг сам, когда рассказал о «перерождении психологии» цензовой буржуазии, ставшей из от'явленно-монархической «почти» республиканской. Это «перерождение» произошло потому, что уже первого марта Петроград был весь на стороне революции против царизма. Буржуазные вожди — Родзянко, Гучков, Шульгин, Милюков, заигрывавшие тогда с представителями Совета, были более дальновидны, чем вожди соглашательского лагеря. Они уже видели, что победа «крайних левых», т.-е. рабочих и солдат, неизбежна и была уже налицо, а поэтому и вели беседы о соглашении с «революционной демократией» об организации власти. Соседние гарнизоны, вплоть до Луги, присоединялись один за другим, и не это сдержало Исполнительный комитет и его партийное большинство от принятия на себя власти, а оценка и отношение к самой революции. Все социалисты-соглашатели, в том числе и сам докладчик, не мыслили взятия власти иначе, как после банкротства либералов. Поэтому передача власти либералам и состоялась так последовательно. Далее он частично открывает тот секрет, почему не взяли тогда власти, ибо «мы прекрасно отдавали себе отчет в том, что проведение той же самой программы Советом наткнется на колоссальное сопротивление элементов буржуазных и консервативных, которые не окажут этого сопротивления, если ее будет проводить Временное правительство, и что мы в высшей степени облегчали себе задачу и всей российской демократии, передавая осуществление этой программы в руки этих людей. Второе соображение — Исполнительный комитет большинством голосов постановил не принимать участия во Временном правительстве. Я не буду отнимать вашего времени, потому что все вы более или менее знаете те общие мотивы, по которым крайние революционные партии не могут принимать участия в буржуазном правительстве в эпоху капиталистического строя. И тем более вы поймете нашу осторожность, если вы вспомните, что теперь происходит война, и притом война известного характера, о котором говорила сегодня резолюция наших товарищей справа, — я принимаю во внимание расположение зала, — и на который мы указали в нашем манифесте «К народам всего мира». Не забудьте, что тогда отказа от аннексий еще не было. И мы сказали себе: мы прекрасно понимаем, как важно осуществление известной программы для революционной демократии, но, во-первых, мы не видели необходимости войти в министерство, предполагая, что более продуктивны будут наши силы, если мы встанем вне его,— что оказалось до сих пор верным, что еще, надеюсь, более верно будет впоследствии. Но, с другой стороны, если бы мы еще с какой-нибудь натяжкой могли взять на себя ответственность за непосредственное проведение нашей программы-минимум, то взять на себя в такой момент ответственность за ведение войны и ведение переговоров с империалистическими правительствами Совет рабочих и

солдатских депутатов не мог. И по всем этим причинам, отказавшись войти во Временное правительство, мы все-таки оказали ему поддержку, и на основании этого договора стали намечаться наши дальнейшие взаимоотношения».

Покончив с вопросом о составе и программе власти, Ю. Стеклов перешел к характеристике взаимоотношений между Советом, вернее соглашательской группой Исполнительного комитета, и Временным правительством. Его рассказ об этих взаимоотношениях и деятельности «контактной» комиссии первых недель революции опровергал самым резким образом все хвастовство А. Ф. Керенского, И. Г. Церетели, Либера и других, заверявших совещание в том, что Временное правительство есть правительство революционной демократии. На самом деле Временное правительство игнорировало Исполнительный комитет, не выполняло условий и даже оказывало противодействие многим мероприятиям Совета. Это положение привело Исполнительный комитет к мысли о необходимости контроля над действиями правительства и согласования его мероприятий с волей революционной демократии. Этот контроль и согласование осуществлялись особой «контактной комиссией», что привело к вопросу о двоевластии. Вопросу о двоевластии Ю. М. Стеклов посвятил в своем докладе много времени, стараясь доказать, что никакого двоевластия нет, а есть лишь давление на Временное правительство. Он всячески избегал выводов о том, что существовало две политики: одна — либеральной буржуазии, другая — революционной демократии, что от соглашения выигрывает лишь буржуазия, но эти выводы делали сами делегаты. Каково же было удивление делегатов совещания, когда Стеклов после своего обвинительного против Временного правительства доклада предложил резолюцию о поддержке его, следующего содержания: «Признавая, что выдвинутое низвержением самодержавия Временное правительство, представляющее интересы либеральной и демократической буржуазии, проявляет стремление итти по пути, намеченному в декларации, опубликованной и им по соглашению с представителями Совета рабочих и солдатских депутатов, Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов, настаивая на необходимости постоянного воздействия на Временное правительство в смысле побуждения его к самой энергичной борьбе с контр-революционными силами и к решительным шагам в сторону немедленной демократизации всей русской жизни, признает политически целесообразною поддержку Советом рабочих и солдатских депутатов Временного правительства, поскольку оно, в согласии с Советом, будет неуклонно итти в направлении к упрочению завоеваний революции и расширению этих завоеваний».

Доклад Ю. М. Стеклова вызвал большое возмущение в соглашательских кругах Исполнительного комитета, так как его историческое обозрение событий ставило их в ложное положение как по отношению к Временному правительству, с которым они все время искали сближения, так и по отношению к делегатам совещания, перед ко-

торыми они выступали в связи с вопросом о войне, как хозяева положения. Поправить дело решили в прениях, поручив выступить И. Г. Церетели.

Прения по докладу Стеклова открылись утром 31 марта. Первым выступил делегат Ваньцковский, который в своей речи коснулся коренной ошибки, которая, по его мнению, создала положение кажущегося двоевластия. «Революционный народ, пролетариат и восставшие войска революционного гарнизона свергли многовековое рабство, и ясно было, что на место старой власти должна стать другая власть. Очевидно, для каждого из нас, что если какие-нибудь силы разрушают старое, то власть должна вытекать из тех сил, которые, разрушивши старое, стремятся создать что-либо новое. Фактически это так и должно быть,—пролетариат и войска разрушили старое, и из недр пролетариата и войск должно быть, логически, и то правительство, кое должно выражать те силы, которые совершили переворот. На самом деле это было не так, вот почему и получилось двоевластие, но я считаю, кажущееся двоевластие это потому происходило, что, вместо действующих революционных сил, те же действующие революционные силы посадили во главе правительства лиц, кои более чем кто-либо не желали этого переворота, которые не могут мыслить так, как демократия, вступившая в смелый бой с правительством. Ясно было заранее, что эти силы будут иначе толковать последствия переворота, а силы, создавшие этот переворот, будут иначе толковать его последствия, — и линия дальнейшего направления должна будет расходиться. Вот почему и принята была форма контроля, наблюдения за этим, чуждым силам переворота, Временным правительством»... Далее он иллюстрировал, как этот контроль приводил к столкновениям по мелочам, предлагал исправить сделанную ошибку и «составить правительство коалиционное из представителей революционных групп, совершивших переворот, со включением организовавшегося тогда крестьянства».

Представитель Псковского Совета рабочих и солдатских депутатов Адамов-Френкель свою речь начал заявлением о том, что трудно говорить по поводу резолюции Исполнительного комитета, потому что доклад тов. Стеклова был против резолюции Исполнительного Комитета, и из всей истории отношений, существовавших и существующих между Временным правительством и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, вытекают положения, прямо «противоположные тем, которые предложены нам в резолюции Исполнительного комитета». В дальнейшем говорит о том, как ставился и решался тот же вопрос в Пскове и в районе армии, где все высказались за коалиционное правительство. Предупреждает, что конфликты могут расколоть армию, а Временное правительство может пойти против Совета и нанести революции удар. Из всего этого он делал один вывод — вхождение социалистов во Временное правительство.

За ним выступил известный уже нам оборонец Севрук и обрушился с критикой Временного правительства, в заключение которой

заявил, что само Временное правительство должно явиться на совещание и дать ему отчет в своей политике.

Это предложение вызвало целый переполох среди соглашателей, и они выпустили Сухова против предложения о вызове Временного правительства. Предложение было поставлено на голосование и большинством отклонено.

Делегаты совещания, члены нашей партии, принимали участие еще в партийном совещании, заседавшем параллельно, и буквально разрывались на части. Благодаря этому многие прямо физически не могли участвовать в совещании Советов, будучи поглощены партийной работой. К числу последних принадлежал и пишущий эти строки, забегая лишь на короткий срок на заседания совещания и то лишь для какой-либо партийной встречи или совета. Немногим из товарищей удавалось участвовать в прениях. В утреннем заседании совещания выступал тов. Каменев, начавший свою речь с указания на логичность предложений, сводящихся к тому, что от простой поддержки Временного правительства необходимо перейти к сотрудничеству и войти в его состав. Указав, что резолюция Центрального Комитета не дает ответа на основной вопрос о власти, ставит страну перед фактом двоевластия, тов. Каменев заявил, что «не в том дело, что Временное правительство будет составлено из таких-то и таких-то лиц, а в том, что оно представляет интересы известного класса общества, которое не перестало быть определенным классом со своими определенными интересами, несмотря на то, что 10 — 12 представителей делают те или иные словесные заявления. Мы должны сказать народу, что если правительство связано по своим интересам с английскими, французскими капиталистами, то мы не можем доверять отдельным лицам. Политические партии, собрания судят не об отдельных лицах, а о классовой природе тех слоев, к которым принадлежит данное лицо». Поставив вопрос об отношении к Временному правительству в плоскость определения взаимоотношений между классами, тов. Каменев указал, что в резолюции следует предвидеть неизбежные столкновения между ними, и силы революционной демократии должны быть направлены на поддержку «зачатков революционной власти — Совета рабочих и солдатских депутатов». Далее он указал, что в интересах борьбы против организующейся контр-революции поддержка должна итти не в сторону Временного правительства, а по линии Совета рабочих и солдатских депутатов.

Добытчиков высказывал недовольство внесенной Исполнительным комитетом резолюцией и требовал защиты интересов демократии.

В. П. Ногин сделал заключение, что совещание в большинстве высказало недоверие Временному правительству, и об'яснял это классовыми противоречиями.

Против резолюции Исполнительного комитета высказывался Камков, и лишь трудовик Брамсон встал на ее защиту. По его же стопам пошел представитель Екатеринослава — Донецкий, выразив полное доверие Временному правительству.

Делегат Каменский все свое выступление направил против большевиков, обвиняя нас в демагогии и «партийном щегольстве», и требовал, чтобы мы отрешились «от своих партийных задач и требований во имя общего блага». Исходя из того же, он предлагал Чхеидзе, Скобелеву и Церетели войти самим во Временное правительство.

Выступление делегата Кохно было посвящено защите Керенского, которого «Исполнительный комитет обходит», и содержало нападение на Милюкова, написавшего контр-революционное воззвание 14 февраля.

Выступивший затем Церетели направил все свое усердие на сглаживание враждебного отношения к Временному правительству, которое создалось после доклада Стеклова. По вопросу о том, почему Исполнительный комитет не взял власти, И. Церетели дал иной ответ, чем Ю. Стеклов, заявив, что «Совет рабочих и солдатских депутатов исходил не из стремления к захвату власти, а также и не из стремления отдать эту власть в руки людей, которые могут быть далеки от общего народного движения и вести свою политику вразрез с этим движением, чтобы потом обсуждать вопрос о борьбе и низвержении этого правительства. Нет, Совет рабочих и солдатских депутатов с самого начала пошел по пути соглашения с той буржуазией, представителем которой является Временное правительство». По вопросу о власти И. Г. Церетели развил старые меньшевистские соображения, не позволявшие пролетариату взять власть и, по его мнению, сознательно обрекавшие с.-д. партию воздержаться от взятия власти. Церетели прямо заявил, что «при соотношении сил, которое в данную минуту существует, я думаю, Совет рабочих и солдатских депутатов, если бы он счел это нужным в интересах всего народа, мог бы даже захватить власть; я думаю, пролетариат мог бы поставить в порядок дня при данных обстоятельствах свои крайние классовые стремления, но пролетариат должен исходить не только из соображения о том, что̀ мы можем сделать в данную минуту; нет, пролетариат должен исходить из соображений о том, что̀ мы можем удержать и закрепить, а не на мгновение только завладеть». Этот заранее намеченный с.-д.-меньшевиками предел возможного и поставил большинство Исполнительного комитета в такое положение, при котором «разум революции именно в том и сказался, что народные массы, не условливаясь, сами поняли, в чем задача момента, и когда они выдвинули демократическую республику как платформу всенародного соглашения России, они поняли, что эта республика будет буржуазной, но зато республикой демократической, вокрvг которой в данный момент может об'единиться и пролетариат, и крестьянство, и все те слои буржуазии, которые понимают общегосударственную задачу момента. (Рукоплескания.) Товарищи, на этот путь соглашения встал не только пролетариат, не только армия, но, я утверждаю, на этот путь соглашения встала огромная часть буржуазии, иначе мы не имели бы Временного правительства».

Остальная часть его речи содержала защиту либеральной буржуазии и Временного правительства от нападок слева и призыв к поддержке его, пока оно выполняет намеченную по соглашению с Советом платформу.

Вечером в тот день (31 марта) в Народном доме было организовано соединенное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов с прибывшими на совещание представителями местных Советов, армии и флота. На заседании, носившем торжественный характер, делегаты передали свои приветствия петроградскому пролетариату.

Первым выступил И. Г. Церетели, огласил резолюцию-воззвание об отношении совещания к войне и сделал пояснение ее. Резолюция была поставлена на голосование Совета рабочих и солдатских депутатов, была принята всеми голосами против 40, принадлежавших с.-д.-большевикам, при 30 воздержавшихся интернационалистах других партий.

После этого начались приветствия. Первым выступил делегат от Москвы Хинчук; после него представитель Пятигорска; за ним Бадаев; от Киева — Александров; от кубанских казаков — Журочка; Маркушев — от стоявшего на позиции Измайловского полка; от солдаток — Агафонова; Инкржевец, Золотарев — от учителей; Старостин — от Иркутска; Кузьмин — от горожан Ревеля, от рабочих, солдат и моряков. В конце заседания пришел Г. В. Плеханов, только что прибывший из-за границы. Члены Совета и делегаты совещания устроили ему радушный прием, на что он ответил речью.

Заседание 1 апреля открылось предложением Богданова о продлении работ совещания. Затем перешли к прениям по докладу Стеклова. За этот день снова развернулись по вопросу об отношении к Временному правительству самые существенные прения.

Первым выступил представитель от Читы Пумпянский, делившийся с собранием своими радостными переживаниями по случаю «мудрости демократии», решившей так хорошо вопрос о власти. Каменева он не понимал, но в то же время не хотел и коалиционного правительства, так как «коалиционное министерство есть примирение, смягчение и понижение революционности, и этого мы делать не должны». Он хотел, чтобы все оставалось попрежнему, и предлагал принять резолюцию Исполнительного комитета.

Сосновский выступил с опровержением обвинений большевиков в том, что будто они хотят свергнуть Временное правительство. Для характеристики создавшегося положения Сосновский сравнил его с освобождением рабов на древних судах-галерах, «которые были устроены так, что внизу сидели рабы-гребцы, прикованные к своим местам и веслам; наверху, на площадке, сидели знатные патриции, пировали и предавались веселой жизни, а у руля стояли кормчие, нечто среднее между рабами и патрициями. Они были не рабы, потому что им доверяли важное ответственное дело, но и не патриции, потому что у патрициев слишком белые руки, чтобы

держать руль, который может натереть мозоли. И вот представьте себе, что однажды рабы захотели власти, порвали оковы, прорвались наверх и свергли всех патрициев, перевязали их теми же оковами и заперли в трюм. И вот, перед ними стал вопрос, что же им дальше делать? Товарищи, галера плавает в бурном море, — руль нельзя выпустить ни на одну минуту, потому что тогда погибнут не только связанные в трюме патриции, но погибнут и бывшие рабы, ныне свободные. Что должны делать в этот момент эти освободившиеся рабы? Они делают так: все равно патрициев нельзя поставить на весла, тогда они сами частью продолжают грести, — так что и свободным приходится грести, как рабочим стоять у станков. Но кто же должен стоять у руля, вот трагический вопрос, который стоял перед Советом рабочих и солдатских депутатов и стоит сейчас перед Всероссийским совещанием. Стоит один вопрос: умеют ли эти гребцы, бывшие рабы, знают ли они, как вести руль и как в такое серьезное время плыть по этому бурному морю?». Так упрощенно представлял задачу власти наш единомышленник Сосновский, поддавшийся, как и большинство, соображениям, придуманным впоследствии, что власть не была взята потому, что демократия считала себя неспособной к ее отправлению. Расхождения по вопросу о власти были гораздо более глубокие, чем соображения о неподготовленности, и коренились они в оценке самой революции, ее движущих сил.

Представитель московских социалистов-революционеров Гендельман поставил своей задачей доказать, что обвинения Временного правительства в контр-революционности лишены основания.

Эльцин говорил о том, какое впечатление получилось на местах, когда стало известно, кто вошел в новое правительство. «Все мы знали, что два месяца тому назад кн. Львов стоял на точке зрения куцего волостного земства; мы знали, что из себя представляет Милюков, мы, однако, верили в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов». Далее он остановился на том, как Временное правительство отнеслось к делу организации местной власти, и указал на факты игнорирования местных революционных комитетов и назначения председателей управ комиссарами Временного правительства против воли местных организаций. «Когда мы приехали сюда с тем, чтобы разобраться в том, что происходит, — продолжал тов. Эльцин, — нас всех подарил тов. Стеклов своим докладом. Я, быть может, соглашусь с говорившим передо мною товарищем, что доклад был в достаточной степени фельетонного характера, — нам не это важно, нам важны те факты, которые привел тов. Стеклов и которые опровергнуты не были». Отметив, что выводы из доклада Стеклова не нашли места в резолюции Исполнительного комитета, тов. Эльцин подверг критике положения, выдвинутые Церетели, заявив, что для него является вопросом, кто кого поймал, — Церетели Милюкова или Милюков Церетели. Временное правительство он открыто обвинил в устройстве контр-революции за спиной Совета рабочих и солдатских депутатов.

После него выступил Скачков с упреком по адресу Исполнительного комитета, выпустившего докладчика, «который все время опровергал резолюцию, вместо того чтобы ее защищать». Он высказался против «большевистского течения» и призывал социалистов последовать примерам Гэда, Вандервельде и войти в правительство.

В защиту резолюции Исполнительного комитета выступил и представитель Московского Совета Хинчук, сообщив о том, как они в Москве приветствовали акты Временного правительства. Руководящей линией его политики было убеждение, «что раз революция выдвинула Временное правительство, то оно может итти только лишь по пути ликвидации старого строя». Хинчук забыл лишь одно существенное положение, что и ликвидация старого строя может быть и была на деле не такой решительной и полной, которая диктовалась интересами революции.

Делегат Титов высказался против резолюции Исполнительного комитета и выразил желание, чтобы была принята резолюция, обязывающая членов Исполнительного комитета войти в правительство.

Делегат Киселенко выступил против вхождения социалистов в буржуазное министерство.

Делегат от 10-й армии Котляров выступил с приветствием от своей армии Временному правительству, выражая ему полное доверие.

В защиту резолюции Исполнительного комитета выступил делегат Семенов, одновременно предложивший созвать Всероссийский с'езд и на нем решить вопрос о власти.

Делегат от бердичевского гарнизона Усов выступил с чтением воззвания патриотического содержания, направленного против нас, большевиков, и газеты «Правда», выражавшего доверие Временному правительству и призывавшего к его поддержке. Но это не помешало тому же делегату внести резолюцию, признающую, что «Временное правительство, почти целиком сформированное из представителей крупной и либеральной буржуазии, не может по самой природе своей пользоваться широким доверием и авторитетом среди рабочих и демократических масс населения». Из этого он делал вывод о необходимости участия социалистов во Временном правительстве.

Делегат 12-й армии, с.-д.-меньшевик-оборонец Кучин обвинил Стеклова в единомыслии с Каменевым и заострил свое выступление против позиции последнего. Сам он стоял за резолюцию Исполнительного комитета — за поддержку Временного правительства и за давление на него же.

К концу заседания выступления уже начали повторяться. Речи Зверева, Попова, Сухова, Истратова, Теплова только повторяли предыдущих ораторов; прения явно шли к упадку и были прекращены.

Заключительное слово было предоставлено докладчику. Стеклов начал свою речь предложением новой резолюции Исполнительного

комитета, «принятой в совещании с представителями различных течений». Его заключительное слово отличалось от доклада большой умеренностью и сводилось к раз'яснениям отдельных положений новой резолюции.

Новая резолюция вызвала новые недоразумения и предложения обсудить ее. Делегаты потребовали резолюцию на руки. Чтобы удовлетворить эти просьбы пришлось резолюцию напечатать, а за это время совещанию было предложено заслушать отчет мандатной комиссии.

Отчет мандатной комиссии сделал делегат Гомеля Севрук. Он сообщил, что иногородний отдел Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов выдал 480 билетов; из них 37 билетов было дано членам Исполнительного комитета, а 443 билета выдано иногородним делегатам. Из 443 иногородних мандатов шесть мандатов не были утверждены. Кроме того, 76 мандатов не были утверждены потому, что владельцы их уехали и увезли с собой все документы. На совещании были представлены 185 организаций: а именно: 1) Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, 2) 138 местных Советов рабочих и солдатских депутатов, 3) 13 тыловых отдельных запасных воинских частей, 4) 1-я, 5-я, 6-я, 10-я, 12-я и особая армии, 5) 27 отдельных фронтовых частей. О том, почему другие армии не были представлены на совещании, мандатная комиссия точного ответа дать не могла. Советы представляли 120 городов.

После отчета мандатной комиссии В. П. Ногин огласил полученное Бюро Центрального Комитета нашей партии письмо Ленина о невозможности проехать через Англию в Россию. По этому поводу была принята следующая резолюция: «Основываясь на факте задержания английским и французским правительствами и неразрешения проезда за границу русских политических эмигрантов, в том числе товарищей Ленина, Мартова и Чернова, совещание выражает по поводу этого факта свое глубокое негодование и настоятельно требует от Временного правительства самых решительных и скорых шагов, которые обеспечили бы возвращение в Россию передовых борцов за дело освобождения».

По принятии резолюции совещание снова перешло к обсуждению резолюции об отношении к Временному правительству.

От имени фракции соц.-революционеров было заявлено, что она поддерживает новую резолюцию, и одновременно внесена маленькая поправка. От фракции с.-д.-большевиков выступил Л. Б. Каменев, заявив, что благодаря внесенным в резолюцию изменениям «мы снимаем отдельную резолюцию и будем голосовать за резолюцию Исполнительного комитета. Независимо от этого, я считаю долгом огласить ту резолюцию, в которой в точных и ясных выражениях определена наша точка зрения по отношению к Временному правительству», — и огласил резолюцию, приведенную нами в предыдущей главе. Это решение большинства нашей фракции было продиктовано дипломатическими соображениями о необходи-

мости «единства демократии» перед лицом общего врага — буржуазии — и было уступкой соглашателям. Меньшинство фракции с.-д.-большевиков было за голосование своей, хотя и не вполне удовлетворявшей его резолюции, но содержавшей классовый анализ Временного правительства, чего не было в резолюции Исполнительного комитета. В качестве уступки этому требованию меньшинства и была оглашена на совещании резолюция фракции.

С.-д.-меньшевики высказались тоже за поддержку новой резолюции Исполнительного комитета.

Заседание совещания от 2 апреля открылось приветствиями прибывших вместе с Г. В. Плехановым французских и английских социалистов. Плеханов появился на трибуне, приветствуемый делегатами.

Н. С. Чхеидзе приветствовал прибывших следующими словами: «Товарищи, сейчас перед вами предстанет Георгий Валентинович Плеханов. Десятки лет наш учитель и товарищ был в изгнании. После революции само собою возник вопрос о том, что дорогой наш товарищ вернется в наши ряды, и как раз в тот самый момент случилась очень любопытная история. Кровавый Николай арестован, товарищи, а Георгий Валентинович сидит свободный перед нами, вот здесь».

После него выступил представитель французской социалистической партии Марсель Кашен, сказав, что «французские пролетарии выражают изумление и преклонение перед вашей великой революцией. То, что наши предки совершили в три года — уничтожение феодального и крепостного режима, — вы совершили в три дня. От всего сердца передаю вам братский привет французского рабочего класса. Да здравствует русская революция и совместная борьба наша за социализм!».

С приветствием от имени английских рабочих выступил О'Греди, заявив, что «русская революция вызвала восторг английского народа. Деспотизм в России умер, а на его месте торжествует свободная великая Россия. Россия завоевала свободу не только для себя; ее завоевания немедленным откликом пройдут по всей Европе; своим энтузиазмом она заразит всю западно-европейскую демократию. Пусть русский революционный народ не удовлетворится этим, пусть он закрепляет свои завоевания. Да здравствует русская революция и ее завоевания!».

После иностранных гостей и маленького обращения Чхеидзе к совещанию о Г. В. Плеханове выступил с пространной речью сам Г. В., начавший свою речь под приветствия делегатов. Его первую живую речь мы приводим полностью.

«Г. В. Плеханов. — Товарищи, позвольте мне, еще не оправившемуся от крайней усталости с дороги, выразить вам свою искреннюю благодарность за тот горячий прием, который вы мне оказываете... (Аплодисменты.) Этот горячий прием я отношу не на свой личный счет, я отношу его на счет всего того революционного поколения, которое в продолжение десятков лет боролось под

красным знаменем, не теряя веры в русский народ, не теряя веры в успех революции, несмотря на то, что временами успехи реакции были чрезвычайно велики, а вся Россия, вместо того чтобы поддерживать революцию, по выражению поэта, «склонивши выю, молилась за царя». Теперь перейду к моей деятельности и деятельности моих товарищей социал-демократов. Вначале нас было очень немного. Я должен вам сказать, — нас, социал-демократов, была небольшая кучка; над нами смеялись; нас называли утопистами. Но я скажу словами Лассаля: «нас было мало, но мы так хорошо рычали, что все подумали, что нас очень много». И нас, действительно, стало много. (Смех, аплодисменты.) Товарищи, когда я на Финляндском вокзале ступил на русскую почву, товарищи, приветствуя меня, приветствовали, между прочим, в моем лице одного из писателей, подвизавшегося в области научного социализма. Действительно, в моей литературной деятельности главная задача моих усилий заключалась в том, чтобы усвоить себе и изложить другим основные положения научного социализма. И вот этого-то писателя, этого неисправимого сторонника научного социализма обвиняли в двух утопиях. Первая утопия, которую ставили нам в вину, заключалась в том, что мы верили в развитие русского пролетариата. Нас называли утопистами за то, что мы говорили, — я сказал это, между прочим, в Париже на международном с'езде 1899 г., — «русское революционное движение восторжествует, как движение рабочего класса, или оно никогда не восторжествует». Это казалось такой утопией многим русским людям, истинным сторонникам прогресса и революции, что они удивлялись, и люди, искренне расположенные ко мне, приходили и говорили: «Георгий Валентинович, что же вы такое говорите, неужели в самом деле можно верить в русский рабочий класс? Можно верить в русскую интеллигенцию, — это понятно: русская интеллигенция имеет знание, имеет преданность к делу, но верить в русский рабочий класс — это можно разве на зло кому-нибудь». И не раз говорили мне, что «вы человек, не лишенный некоторого литературного таланта, обладаете таким несчастным характером, что как будто на зло неустанно твердите о русском рабочем классе, неустанно доказываете, что только русский рабочий класс есть истинный носитель прогресса в России». Товарищи, время шло. То, что казалось утопией, стало представляться реальной истиной. И вот я стал слышать из рядов своих противников соображения о том, что в самом деле эти люди действительно, может быть, отличаются неприятным характером. А наш неприятный характер, товарищи, заключался в том, что когда на нас нападали, мы со своей стороны старались давать сдачи... (Голоса: «браво», смех, рукоплескания.) И бывало так, что когда мы давали сдачи, то наши противники отходили назад от нас, почесываясь. И вот начало повторяться то явление, которое случилось однажды в области, совершенно чуждой политике, и о котором я слышал от старого немецкого ученого Карла Фохта

на одной из его лекций. Он рассказывал, что когда Дарвин напечатал свою книгу, некоторые ученые старых заветов стали чрезвычайно возмущаться, и один из них писал так: «Да, вы правы, человек, высказывающий подобные вещи, негодяй, но хуже всего то, что этот негодяй прав». (Бурный смех и общие рукоплескания.) Так начали относиться и к нам, говоря: «Да, это, конечно, утописты, это — люди чрезвычайно неприятного характера, это (опять-таки употребляя французское выражение) злое животное, и оно защищается, когда на него нападают. (Смех и аплодисменты.) Но постепенно истина наших воззрений все более оправдывалась. И вот теперь, когда я имею счастье находиться в свободном Петрограде и обращаться к российскому пролетариату, я спрашиваю вас: товарищи, где же эта утопия, в которой нас обвиняют? — Вера в пролетариат оказалась не утопией, а действительностью. Каждый раз, когда мне говорили об утопии, я отвечал своим противникам: наши идеалы, наша утопия, это — действительность завтрашнего дня. И вот завтрашний день стал нынешним днем. В этот радостный нынешний день я приветствую русский пролетариат, как тот класс, который, освободив самого себя, освободил всю Россию. И не только, товарищи, освободил самого себя и всю Россию! Сделав революцию, он самый ход войны изменил существенным образом, и самый возможный исход войны принимает другой облик. Вторая утопия, которую ставили нам в вину, заключалась в том, что, когда некоторые наши нетерпеливые товарищи кричали о необходимости вооруженного восстания, мы говорили: без армии не будет победы, пока солдаты и офицеры не проникнутся революционными чувствами, ваши так называемые вооруженные восстания будут не вооруженным восстанием, а восстанием безоружным. Направляйте ваши силы к тому, чтобы революционные идеи проникли в армии. Давно уже положение дел в России было таково, что старый царский режим, весь из'еденный, можно сказать, молью и червями, — режим, покрытый беспримерным в истории позором, опирался только на солдатские штыки. Но по мере того, как солдат становился сознательным, штыки становились все более и более острыми, и настал, наконец, такой момент, когда сидеть на штыках нашему царю оказалось очень больно. (Общий смех и шумные аплодисменты.) Товарищи, я очень счастлив тем, что в первый раз говорю с освободившимися, со свободным российским пролетариатом в присутствии делегатов от Англии, — страны, которая выработала самую демократическую конституцию в Европе; в присутствии делегатов от Франции, — страны, которая сделала великую революцию. А что такое эта великая революция? Это — та школа, через которую проходили революционеры всей Европы, — мало сказать: всей Европы, это — школа, через которую проходили революционеры всего мира. Теперь, когда я вступил на Финляндский вокзал, — какую музыку я услышал? — марсельезу. Какие речи здесь раздаются? — Те самые речи, которые начало свое получили в той же Франции. То, что происходит

теперь, конечно, происходило при изменившихся обстоятельствах, при изменившихся условиях времени. Но это все-таки то, что посеяно было великой французской революцией. (Шумные аплодисменты.) То, что происходит теперь, это — осуществление французских идей, которые дали росток на другом конце Европы более чем через сто лет после великой французской революции. Товарищ Муте говорил: «то, что вы у нас взяли, вы должны нам отдать». Я отвечаю товарищу Муте от имени всего российского пролетариата, от имени представителей русской революционной армии, здесь находящихся: да, товарищ Муте, да, французский товарищ, мы отдадим вам все, что у вас взяли, и отдадим еще с процентами. (Шумные аплодисменты.) Товарищи, я не хочу, чтобы между нами оставались какие-нибудь недомолвки и, обращаясь сегодня к вам впервые, я не могу не вспомнить, что меня не раз называли социал-патриотом. Когда я был в отсутствии, я не всегда был в состоянии, да еще при тогдашних русских условиях печати, ответить на эти обвинения. Теперь, когда я имею честь стоять перед вами, я надеюсь, что вы позволите мне сказать напрямик то, что я думаю об обязанностях русского гражданина по отношению к русской земле. Меня называли социал-патриотом. Что значит социал-патриот? — Человек, который имеет известные социалистические идеалы и в то же время любит свою страну. Да, я любил свою страну. В этом нет ни малейшего сомнения. Я люблю свою страну и никогда не считал нужным скрывать это... (Аплодисменты.) И когда я теперь выражаю это прямо и открыто, я уверен, что никто из вас не встанет, чтобы сказать: это чувство должно быть вырвано из твоего сердца. Нет, товарищи, этого чувства любви к многострадальной России вы из моего сердца не вырвете... (Аплодисменты.) Товарищи, в настоящее время всякое цивилизованное общество, — а Россия тоже была цивилизованным обществом и несмотря на то, что наш старый порядок сделал все зависящее, чтобы задержать ее на ступенях варварства, — всякая цивилизованная страна разделилась на различные классы. Я прекрасно знал и знаю, что в России есть эксплоататоры и есть эксплоатируемые. По своему происхождению, товарищи, я мог принадлежать к числу угнетателей, я мог принадлежать к «ликующим праздноболтающим, обагряющим руки в крови», — я перешел в лагерь угнетенных, потому что любил эту страдающую русскую массу, потому что я любил русского крестьянина и русского рабочего. И когда я признаюсь в этой любви, разве кто-нибудь обвинит меня в преступлении? Такого человека между нами нет и быть не может... (Аплодисменты.) Я всегда был за освобождение русской трудящейся массы от ига ее домашних эксплоататоров. Но когда я увидел с полной ясностью, что к числу Романовых, к числу их приспешников, к числу всех тех, которые стояли жадной толпой у трона, к числу угнетателей домашнего происхождения спешат присоединиться Гогенцоллерны, спешат присоединиться немцы, то я сказал: наша обязанность защищать весь русский народ также от немцев,

от Гогенцоллернов... (Аплодисменты.) Товарищи, почему эксплоататор, говорящий по-немецки, должен пользоваться какимнибудь снисхождением с нашей стороны, сравнительно с эксплоататором, говорящим по-русски? — Это не имеет никакого смысла. Мы желаем России освобождения от всякой эксплоатации, откуда бы она ни шла. Да здравствует Россия, независимая, освобожденная от эксплоатации как со стороны внутреннего врага, так и врага внешнего. Товарищи, было время, когда казалось, что защищать Россию значило защищать царя. Это было ошибочно по той причине, что царь и его приспешники на каждом шагу изменяли ей. Но у нас теперь есть что защищать. Теперь мы сделали революцию и должны помнить, что если немец победит нас, то это будет означать не только наложение на нас ига немецких эксплоататоров, но и большую вероятность восстановления старого режима. Вот почему нам необходимо всемерно бороться как против врага внутреннего, так и против врага внешнего». (Бурные рукоплескания, возгласы «браво».)

По окончании его речи Н. С. Чхеидзе призвал делегатов совещания еще раз приветствовать французских и английских гостей, провозгласив: «да будет сегодняшний день новой эпохой в восстановлении старого Интернационала». И как бы для олицетворения восстановления Интернационала, присутствовавшие на трибуне Чхеидзе, Плеханов, Церетели, Кашен, Муте и О'Греди взялись за руки, — делегаты затянули... марсельезу. Спохватившись, что марсельеза уже неуместна, запели «Интернационал».

Речь Г. В. Плеханова хотя и не была неожиданностью для марксистов-интернационалистов, но тем не менее на всех произвела тягостное впечатление. Всем было тяжело видеть, как уходил от пролетариата один из первых и крупнейших его мыслителей и деятелей. Вся буржуазная печать пела хвалы Г. В. Плеханову, противопоставляя его с.-д.-большевикам и другим интернационалистским кругам, — и эта хвала врагов была хуже всякой хулы. Его оборонческая газета «Единство» была на крайнем правом фланге революционного шовинизма и соглашательства. Благодаря такой позиции авторитет Г. В. Плеханова в рабочей массе был ничтожен и особенно пал у передовых рабочих, когда-то учившихся марксизму у Г. В. Плеханова. Даже в рядах оборонцев позиция «Единства» не вызывала одобрения, и оборонческое большинство Исполнительного комитета отказало с.-д. группе «Единство» дать представительство в Совете и в Исполнительном комитете.

После приветствий гостей перешли к слушанию последнего доклада на пленуме — об Учредительном собрании. Докладчиком был бесцветный Станкевич, развивавший ряд положений о том, что Учредительным собранием «увенчивается победное здание революции», об участии в выборах женщин, армии, установлении возрастного ценза «не ниже 20 лет». Докладчик высказывал добренькие пожелания о скорейшей выработке избирательного закона и «немедленном» созыве Учредительного собрания и назначения местом

созыва Петроград. При этом значение и роль Советов были сознательно обойдены.

Прений по докладу Станкевича почти не было. После решения вопросов о войне и об отношении к Временному правительству интерес к остальной части работы совещания ослабел. Делегаты начали уже готовиться к от'езду.

К заседанию от 3 апреля секции закончили свои работы и представили свои резолюции на утверждение совещания. На этом же заседании были произведены выборы членов Исполнительного комитета. Все резолюции были приняты без особых возражений [1], и вечером Всероссийское совещание было закрыто.

Решения совещания по основным вопросам политики имели огромное влияние на революционное движение последующих месяцев. Оборончество окрепло и получило поддержку в авторитете совещания. В рабочих массах промышленных районов, среди солдат на фронтах, одним словом, всюду оборонческая «воля революционной демократии» подкреплялась постановлениями совещания. Пропаганда и агитация противников военной политики Временного правительства и поддерживавших его оборонцев имела против себя уже единый фронт правительственной власти и общественной силы оборонческих организаций «революционной демократии».

XIII. Приезд В. И. Ленина в Россию.

В самые первые дни Февральской революции наше Бюро Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии пыталось по почте и телеграфу связаться с заграничной частью Центрального Комитета, — с Владимиром Ильичом Ульяновым. Проходили бурные революционные дни, а ответа мы не получали. Сначала мы думали, что задержки почты и телеграмм происходят по воле старых чиновников, действующих по старым инструкциям жандармов, но вскоре убедились, что и само Временное правительство придерживается старых приемов, не пропускает по адресам наших заграничных партийных организаций ни наших газет, ни телеграмм из России.

Пишущий эти строки неоднократно поднимал в Исполнительном комитете вопрос о пропуске через границу газет и о свободном обмене почтовой корреспонденции между российскими и иностранными рабочими и социалистическими организациями. Ставил я также на заседании Исполнительного комитета несколько раз вопрос об облегчении проезда в Россию политических эмигрантов. Сведения о чинимых им препятствиях начали проникать в Россию уже в первой половине марта. Все эти дела и мои заявления были переданы «контактной» комиссии для выяснения и соглашения

[1]) Все постановления совещания, не вошедшие в текст, см. в приложении тридцать девятом.

с Временным правительством. Не имея никакой веры в силу и влияние «контактной» комиссии, состоявшей из соглашательских болтунов, шедших на поводу у Гучкова — Милюкова, Бюро Центрального Комитета поручило мне установить непосредственную связь с заграницей путем посылки туда специального курьера для связи.

Для этой цели нашли верного и подходящего товарища — М. И. Стецкевич, знавшую языки и способную конспирировать. От имени Бюро Центрального Комитета была написана в градоначальство просьба о выдаче пропуска на поездку за границу. Просьбу Бюро Центрального Комитета подкрепили именем Исполнительного комитета, за тремя подписями членов Исполнительного комитета, при этом сознательно я взял подписи двоих не-большевиков, и сам подписался третьим. Знакомый мне по военной комиссии подполковник генштаба Гильбих сообщил мне, что это дело можно устроить помимо градоначальника, и взялся его оформить и действительно через несколько минут принес разрешение на выезд за границу, данное от военной комиссии. Таким образом составленный пропуск был первым революционным паспортом, содержание которого умещалось со всеми печатями на четвертинке листа бумаги с бланком Таврического дворца.

Таврический дворец.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Бюро Центрального Комитета просит общественного градоначальника выдать Марии Ивановне Стецкевич пропуск на поездку через границу в Торнео и обратно с имуществом партии.

Секретарь Бюро Центрального комитета Елена Стасова.

ПЕЧАТЬ («Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Бюро Центрального Комитета»).

Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов рекомендует удовлетворить просьбу Бюро Центрального Комитета.

Члены Исполнительного комитета: Павлович-Красиков.
Александр Беленин.
(Третья подпись неразборчива.)

ПЕЧАТЬ («Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Исполнительный комитет»).

Настоящим удостоверяется, что со стороны военной комиссии при Временном правительстве не встречается никаких препятствий к выезду за границу М. И. Стецкевич и возращению ее через шведскую границу в Россию.

За председателя военной комиссии А. Пальчинский.
За управляющего делами подполковник Гильбих.
Начальник общей канцелярии Плакса-Жданович.

ПЕЧАТЬ («Военная комиссия при Временном комитете Государственной думы»).

10 марта 1917 г.
г. Петроград.

Числа 10 или 11 марта М. И. Стецкевич выехала через Финляндию в Стокгольм. С ней были посланы письма и газеты для В. И. Ленина, а также специальное устное поручение требовать

скорейшего его приезда в Россию, выяснить причины задержек и неполучения известий от него.

После ее от'езда мы получили телеграмму о непропуске через границу тов. Лялина [1]). Пришлось опять поднять в Исполнительном комитете вопрос об эмигрантах. Мне было предложено тотчас же отправить телеграмму Временному правительству и написать отношение с изложением наших пожеланий. Написанное мною письмо на имя председателя Совета министров было принято с поправкой Чхеидзе и другие потребовали заменить слово «предлагает» словом «просит». В окончательной редакции письмо имело следующее содержание:

«Господину председателю Совета министров.

«Препровождая при сем телеграмму эмигранта-журналиста Лялина, не пропущенного в Россию по «формальным обстоятельствам», Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов (зачеркнуто «предлагает») просит господина председателя Совета министров принять все меры к тому, чтобы формальные соображения не препятствовали возвращению политических эмигрантов в пределы России. Требование паспортов не может пред'являться к эмигрантам.

«Во избежание проникновения в Россию под видом эмигрантов каких-либо военных шпионов, Исполнительный комитет рекомендует сопровождать от границы всех сомнительных лиц до Петрограда, где и пред'являть их для удостоверения соответствующим политическим партиям.

Председатель Исполнительного комитета Советов
рабочих и солдатских депутатов».

Приблизительно в те же дни приехал из Стокгольма тов. Ларин, занявший по прибытии в Россию интернационалистическую позицию и рассказавший Исполнительному комитету о препятствиях, чинимых Временным правительством возвращению эмигрантов в Россию.

Числа 18 марта приехала в Петроград Александра Михайловна Коллонтай и сообщила нам о положении дел с проездом эмигрантов из Швейцарии. Одних — не пропускала Франция, другим — отказывала Англия. Все это делалось не без ведома Временного правительства, — особенно его министра иностранных дел Милюкова.

М. И. Стецкевич вернулась из Стокгольма после 20 марта. Она привезла нам кое-какие письма и вести от Владимира Ильича Ленина. Тов. Ганецкий прислал с ней целый ряд предположений и проектов переправы В. И. Ленина. Среди них были письма В. И. Ленина, одно из которых было написано тов. Ганецкому,

[1]) Тов. Лялин — нелегальное имя тов. Пятакова.

следующего содержания: «Сегодня я телеграфировал вам, что единственная надежда вырваться отсюда, это — обмен швейцарских эмигрантов на немецких интернированных. Англия ни за что не пропустит ни меня, ни интернационалистов вообще. Ни Мартова и его друзей, ни Натансона и его друзей. Чернова англичане вернули во Францию, хотя он имел все бумаги для проезда. Ясно, что злейшего врага хуже английских империалистов русская пролетарская революция не имеет. Ясно, что приказчик англо-французского империалистического капитала и русский империалист Милюков и К° способны пойти на все, — на обман, на предательство, — на все, на все, чтобы помешать интернационалистам вернуться в Россию... Единственная и беспреувеличенная надежда для нас попасть в Россию, это — послать как можно скорее надежного человека в Россию, чтобы путем давления Совета рабочих и солдатских депутатов добиться от правительства обмена всех швейцарских эмигрантов на немецких интернированных» [1]). Наиболее реальный план возвращения на родину был через Германию в обмен на интернированных в России немцев. Этот план нашим Бюро Центрального Комитета был одобрен полностью. Во исполнение его мною была отправлена Ганецкому телеграмма о том, что «Ульянов должен приехать немедленно. Все эмигранты приезжают свободно. Для Ульянова имеется специальное разрешение». Писал в ней без конспирации прямо о Ленине, предполагая, что и сама телеграмма, высланная из России, имеет характер документа и может пригодиться. В конце марта начали прибывать из-за границы эмигранты-оборонцы. На наши требования обеспечить проезд В. И. Ленина, Исполнительный комитет снова поручил «контактной комиссии» добиться от правительства обеспечения проезда всех эмигрантов. Отправленная мною телеграмма имела в виду это решение. Мы тогда учитывали, что проезд через Германию тов. Ленина и других, особенно же большевиков, будет использован всеми шовинистами, но другого пути не видели, а с шовинизмом предполагали справиться при помощи рабочих, уже начавших отрезвляться от угара революционного оборончества первых дней. Но уже на другой день после отправки первой телеграммы у ряда товарищей и у родных В. И. Ленина появились тревоги за благополучный исход проезда, и по требованию их я отправил другую телеграмму: «Не форсируйте приезда Владимира. Избегайте риска».

Не особенно доверяя телеграфной связи, мы опять решили послать за границу того же курьера — М. И. Стецкевич. Но на этот раз ради спешности и конспирации от меньшевиков послали ее с одними моими рекомендательными письмами комендантам Белоострова и Торнео. Поездка была на этот раз менее удачной. Через Белоостров мои рекомендации были действительны, а в Торнео тов. Стецкевич обыскали, отобрали газеты, но все же через гра-

---

[1]) См. это письмо В. И. Ленина полностью в 2-м «Ленинском сборнике», стр. 368.

ницу ее пропустили. Об этой поездке я получил от М. И. Стецкевич с дороги следующее письмо.

«Сейчас нахожусь в Гапаранде, дорогой Александр!

«Чувствую себя очень плохо, и настроение скверное. Ваше письмо имело магическое действие только в Белоострове. На пропускном пункте в Торнео у меня буквально все отобрали — все газеты, все письма. Газеты я послала в Гапаранду до востребования на свое имя. Меня уверяли, что через 4 дня они придут в Гапаранду. Хотела остаться в Торнео, но мне не разрешили и сказали, что надо иметь для этого специальное разрешение Петроградского военного округа; хотела телеграфировать вам, но этого мне не разрешили, так как телеграф находится при станции, и надо было итти обратно. Держали меня очень долго, раздевали; осматривала женщина в особой комнате, очень тщательно. Все это ужасно неприятно. Они говорят, что следовало, чтобы в Петрограде эти газеты прошли через цензуру, чтобы на них была печать, и тогда они бы пропустили, ничего не говоря. Ваше письмо не имело для них никакого значения. Ужасно неприятно и обидно. Сначала думала даже ехать обратно. Те книги, которые у меня будут при обратном проезде тоже из Торнео, придется послать в цензуру в Петроград.

«Думаю пробыть в Стокгольме два дня — туда приеду в среду, оттуда выеду в пятницу. Встречайте меня в понедельник вечером, пожалуйста. Сердечный привет шлю всем».

М. И. Стецкевич был дан наказ: В. И. Ленин должен проехать каким угодно путем, не стесняясь ехать через Германию, если при этом не будет личной опасности быть задержанным. С ней же послали в Стокгольм немного денег.

В конце марта тов. Ганецкому удалось использовать для сношений с нами посольскую почту между Стокгольмом и Петроградом. Через министерство господина Милюкова я получил два или три раза пакеты, в которых были ленинские «ноты» против его политики. Часть одного пакета сохранилась: заметка В. И. Ленина для итальянской с.-д. газеты «Аванти» — «Проделки республиканских шовинистов» [1]). В «Правде» она не была помещена потому, что вопрос о Черномазове был уже снят с очереди. Некоторое пояснение к поездке и положению за границей дает следующее сохранившееся у меня письмо тов. Ганецкого от 6 апреля 1917 г.: «Дорогой товарищ Александр, 4 сего месяца нового стиля был отправлен через миссию пакет № 6839 в министерство иностранных дел; пакет этот для вас. Надеюсь, вы его получили. Непременно подтверждайте (все-таки осторожно) по телеграфу получение пакетов моих. Пакетов миссия не осматривает, я их передаю запечатанными. Если вы во-время будете за ними являться, т.-е. одновременно с прибытием их в министерство иностранных дел, — надеюсь, вы их неотпечатанными получите. Вероятно, господа эти будут еще стесняться и не вскроют там пакетов...

---

[1]) См. во 2-м «Ленинском сборнике».

«Вообще положение не веселое. У вас там работа кипит, и вы, быть может, не замечаете всего. Здесь яснее все... Мы за границей от вас решительно ничего не получаем; точно так же не получает Совет рабочих и солдатских депутатов телеграмм, писем от организаций и товарищей отдельных из-за границы... Правительства Англии и Франции, судя по всему, приготовляют контр-революцию. А вожаки-социал-патриоты помогают своим правительствам... Да, товарищи, вам предстоит еще большая, трудная работа. Самое важное впереди.

«Проезд Ильича, к сожалению, все еще не выяснился. Еще надежда есть. Возможно, что вопрос решится на-днях. Из приложенного его письма ко мне вы можете узнать о его проекте. По-моему, это провести нельзя; проведение этого плана должно долго длиться. Вы во всяком случае не предпринимайте пока никаких шагов, покуда не получите от меня телеграммы. Лишь только окажется, что он иначе приехать не может, — я дам телеграмму. Дам на всякий случай на несколько адресов. Тогда вы поймете, что Исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов надо действовать во-всю для всех швейцарских эмигрантов по плану Ильича.

«Только что получил от Ильича телеграмму следующего содержания: «Мы все не можем решиться. Меньшевики требуют санкции Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. Шлите кого-нибудь в Финляндию или Петроград, чтобы запросить мнения Чхеидзе, желательно также мнение Беленина» [1]) Одновременно получил вашу телеграмму. Вероятно она послана после приезда Стецкевич, которая пояснила вам план поездки, и, значит, вы вполне одобряете план. Я телеграфно передал Ильичу содержание вашей телеграммы. Вам даю телеграмму, чтобы вы еще раз высказали свое мнение по телеграфу и попросили Чхеидзе сделать то же самое по отношению к меньшевикам.

«Я готов к выезду, но должен ждать, пока не выяснится вопрос с Ильичом.

«Посылаю при сем: 1) письмо Ильича ко мне. Прочтите сами, дайте близким товарищам, а затем спрячьте.

«2) Его раз'яснение по поводу Черномазова. (Читал заявление Муранова.)

«3) Письмо организационного комитета к Чхеидзе. Передайте ему, но, думаю, необходимо это перепечатать во всей социалистической прессе.

«4) Кое-что на польском для Гневича. Можете для него передать в «Летопись».

«Всем вам сердечнейшие приветы. *Ганецкий*».

«P. S. Подтвердите непременно по телеграфу получение обоих пакетов». 24.III 6. IV. 17.

---

1) Беленин — партийное имя А. Г. Шляпникова.

В конце марта (31-го) приехали в Россию французские и английские социал-патриоты. Вместе с ними вернулся в Россию Г. В. Плеханов. Это дало нам еще одно наглядное доказательство, что не пропускают в Россию только эмигрантов — противников войны. В процессе забот и хлопот об эмигрантах и проезде их в Россию мы ставили в Исполнительном комитете вопрос о пропуске В. И. Ленина и интернационалистов специально. Во время переговоров «контактной комиссии» с Временным правительством о проезде эмигрантов через Францию и Англию Временное правительство обещало дать специальное распоряжение послам и просьбу к французскому и английскому правительствам о проезде тов. Ленина. В чем заключалось это специальное распоряжение, — для нас осталось тайной. Проходили недели, а проехать через страны Антанты могли только иностранные и русские социал-патриоты. Все те русские социалисты, которые не стояли на позиции «войны до полной победы» и, конечно, победы для Антанты, были занесены в особые контрольные списки, по которым им в'езд и пребывание в странах Антанты, в том числе и в России, воспрещались.

Наконец, вопрос о проезде В. И. Ленина и других эмигрантов-интернационалистов был поставлен на Всероссийском совещании. Там же было прочитано письмо В. И. Ленина. Отношение Временного правительства к эмигрантам вызвало общее возмущение, и по этому поводу была принята особая резолюция. Приблизительно в то же время была получена телеграмма через Копенгаген от Мартова на имя «господина министра юстиции», следующего содержания:

«Петроград из Копенгагена.

«Господину министру юстиции.

«Мартов телеграфирует: Телеграфируйте Исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов о нашем невыносимом положении из-за абсолютной невозможности проехать через Англию раньше нескольких месяцев, тогда как Плеханова, Кашена и других сторонников империализма, укрепляющих либералов против социалистов, нашлись способы переправить; мы протестуем против этих вещей, мы твердо решили не допускать этого неравенства в применении амнистии ко всем. Уже две недели, как этот вопрос поставлен перед вашим тов. председателя Керенским. Если он не хочет или не может заставить принять наш проект обмена на интернированных немцев, — а этот пункт только и может решить этот вопрос, то мы считаем себя вправе искать других путей для того, чтобы прибыть в Россию и бороться в ваших рядах за дело международного социализма.

«Мы говорим от имени сотен изгнанников, старых борцов. Просим опубликовать эту депешу. Ответ телеграфировать: Вилацер для Секретариата. 1600».

Однако Исполнительный комитет не давал Мартову и другим санкции на проезд через Германию, увертываясь от ответа и при-

крываясь переговорами с Временным правительством о проезде через Францию и Англию.

В ночь на второе или утром второго апреля мною была получена телеграмма из Мальме следующего содержания: «Партия едут из Стокгольма пятницу вечером просят вагон из Торнео и принятия мер для устранения всяких препятствий срочите Стокгольм Ганецкий». Из этой телеграммы мы поняли, что проезд через Германию совершен благополучно. Второе апреля был пасхальный день, поэтому было трудно сноситься со всякими властями. Кое-как удалось предупредить железнодорожное начальство через военную комиссию и просить о предоставлении вагонов. Обещали, — заверив, что в Торнео имеются. Вопрос о пропуске решался легче. Военная комиссия была, по сути, отделом генштаба и штаба Петроградского военного округа, которому была подчинена комендатура и пограничные пункты. Разрешение на проезд русских эмигрантов было дано по телеграфу.

После переговоров со всеми властями решили отправить еще ряд телеграмм. Первую — на имя «Владимира Ильича Ульянова, ст. Торнео. Финляндия. Приветствуем вступление на революционную почву. Телеграфируйте день и час приезда в Питер. Член Исполнительного комитета *Александр Шляпников*».

Следом за ней отправили вторую на имя коменданта ст. Торнео, Финляндия, следующего содержания: «Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов просит пропустить Владимира Ильича Ульянова и едущих с ним 30 лиц политических эмигрантов. Дать отдельный вагон до Петрограда. Член Исполнительного комитета *Александр Шляпников*».

Третью телеграмму послали в Белоостров и тоже «коменданту ст. Белоостров, граница Финляндии. Прошу пропустить едущих из Швеции эмигрантов Владимира Ульянова (Ленина) и 30 других лиц. Член Исполнительного комитета *Александр Шляпников*».

Наличие наших телеграмм и все сделанные распоряжения давали уверенность, что на границе как в Торнео, так и в Белоострове все пройдет благополучно.

Получив телеграмму от тов. Ганецкого, мы известили Петербургский комитет о совершившемся проезде через Германию. Радость пекистов была огромна. Петербургский комитет постановил подготовиться к встрече. Затруднение было в определении дня прибытия в Питер.

Третьего апреля утром в Таврический дворец мне была доставлена телеграмма уже из Торнео, отправленная второго апреля в шесть часов тридцать две минуты вечера. Телеграмма сообщала, что «в Гапаранде задержан швейцарский социалист Платтен требуют разрешения генерального штаба ускорьте пропуск Ленин Зиновьев». Это было первое извещение о приезде. Мы тотчас же рассчитали часы прибытия. Их в тот день оставалось немного более двенадцати. Тотчас же соединился телефоном с Исполнительной комиссией Петербургского комитета и уведомил их о приезде

В. И. Ленина, ожидавшемся вечером в тот же день 3 апреля. Товарищи решили поднять на ноги все районы и встретить тов. Ленина массовой манифестацией рабочих и солдат.

Затем о приезде В. И. Ленина я поставил в известность Исполнительный комитет и запросил его, как он намерен его встретить. При этом я сообщил, что тов. Ленин и едущие с ним проехали через Германию. Вопрос о проезде через Германию ставился в Исполнительном комитете и по предложению меньшевиков, находившихся в Швейцарии. Однако оборонцы и слышать не хотели об этом пути. Наше сообщение о проезде через Германию их буквально покоробило. Исполнительный комитет поручил мне заняться организационной стороной встречи, а для приветствия от имени Исполнительного комитета делегировались М. И. Скобелев и Н. С. Чхеидзе.

Поручение Исполнительного комитета — заняться организацией встречи — я выполнил в том отношении, что через аппарат связи с районами и воинскими частями известил об ожидавшемся приезде Владимира Ильича Ульянова и 30 других эмигрантов, а также обеспечил прибывшим несколько автомобилей и места в общежитиях. Обо всем остальном заботился Петербургский комитет.

Петербургский комитет решил встретить В. И. Ленина на вокзале всем составом. Члены же Бюро Центрального Комитета должны были выехать в Белоостров. Кто действительно выехал на встречу эмигрантов еще, не помню, за исключением Марии Ильиничны Ульяновой, с которой встретился лично. К приходу поезда на перроне маленькой станции Белоостров скопилось много публики. Тут были рабочие и работницы Сестрорецкого оружейного завода с красными знаменами, жители поселка, железнодорожники и солдаты пограничной стражи.

Пришел поезд, из окон которого глядели знакомые и милые лица Н. К. Крупской, В. И. Ленина и других. Дружески расцеловались, поздравили их с благополучным проездом и повели в буфет, чтобы подкрепить там желающих. Буфетчик любезно и предупредительно отводил места гостям, а когда кончили пить и есть, — не захотел принять от меня деньги, когда я намеревался уплатить за всех. Очень огорчался моей настойчивостью и просил оказать ему честь и удовольствие — принять от него угощение гостей.

Во время пути В. И. Ленин буквально осаждал меня вопросами о положении дел в партии. Из краткого обмена мыслями можно было понять, что Владимир Ильич понимал в основном создавшееся у нас в стране положение. Первыми его вопросами были вопросы о положении в партии, о причинах переворота к оборончеству «Правды», о позиции отдельных товарищей.

Время проезда от Белоострова до Питера пробежало быстро. Прибытия поезда на Финляндском вокзале ожидали делегации. На перроне вокзала были построены шпалерами матросы, рабочая

милиция и группы красной гвардии. Оркестры играли модную тогда марсельезу, а матросы, рабочая милиция и красногвардейцы взяли «на караул», приветствуя знаменами прибывших эмигрантов. Владимиру Ильичу пришлось обойти по рядам выстроившихся и сказать несколько слов приветствия.

В парадных (так называемых царских) комнатах ожидали В. И. Ленина М. И. Скобелев, Н. С. Чхеидзе, члены Петербургского комитета, А. М. Коллонтай с букетом цветов от Петербургского комитета. От имени «революционной демократии» Исполнительного комитета выступил с приветствием Чхеидзе. В своей речи Чхеидзе призывал тов. Ленина итти вместе с ними «сомкнутыми рядами», особенно подчеркнул своим кавказским говором, что считает основной задачей защиту революционной России. Вслед за ним несколько слов привета вождю были сказаны мной от Бюро Центрального Комитета, А. М. Коллонтай — от Петербургского комитета. Владимир Ильич держал ответную речь буквально через головы соглашателей, обращаясь прямо к рабочим, солдатам и матросам, приветствовал в их лице победившую революцию. Его речь была ответом на оборонческое предложение Чхеидзе о защите революционной России. Лозунг мировой революции, брошенный им, буквально ошпарил делегатов Исполнительного комитета и другие соглашательские элементы, присутствовавшие в зале.

Окончив официальную часть приема, мы направились к выходу. Усадили Владимира Ильича в закрытый автомобиль и намеревались двинуться в об'езд многотысячной массы манифестантов прямо в помещение Петербургского комитета. Но эта попытка нам не удалась. Рабочие и солдаты, заполнившие площадь и улицы перед вокзалом, требовали тов. Ленина, — автомобиль не пропускали. Владимиру Ильичу пришлось выйти из автомобиля. Поблизости от нас ехали броневики, на один из них рабочие помогли ему взобраться, и, стоя на броневике, освещенный прожекторами, Владимир Ильич сказал речь. Многотысячная процессия медленно двигалась на Петербургскую сторону. Во время кратких остановок и даже на ходу тов. Ленин развивал свои положения о необходимости дальнейшей борьбы против капиталистов-империалистов, бросая лозунги социалистической революции. Когда процессия вышла на площадь, где помещался тогда Петербургский комитет нашей партии, шествие осветили прожектора Петропавловской крепости и провожали его до дома Кшесинской.

В помещении дома Кшесинской собрались все работники Петербургского комитета партии. Был накрыт стол, заполненный всякой снедью, приготовили чай. Один солдат броневика (кажется, тов. Елин) принес сбереженную им бутылку какого-то вина, предложил мне угостить В. И. Ленина. Бутылку роспили. Между тем собравшиеся около дома Кшесинской рабочие и солдаты не расходились, требовали тов. Ленина. Ему пришлось несколько раз выступать с балкона. Наконец, чтобы покончить с этими вызовами, Петербургский комитет послал на балкон несколько агитаторов,

которые сменили Владимира Ильича, — и мало-по-малу, но далеко за полночь, толпа рассеялась.

В зале Петербургского комитета, переполненной представителями от районов и деятелями партии, предполагалось торжественное чествование вернувшегося в рабочую и партийную семью испытанного руководителя. Должны были начать приветствия по нисходящей линии — от Бюро Центрального Комитета и до районов Петербургского комитета включительно. Владимир Ильич догадался о наших намерениях, и, как только я сделал попытку встать и попросить всех к порядку, он поймал меня за руку и вновь усадил, возражая против продолжения чествования. Раздались пожелания, чтобы Владимир Ильич, хотя бы коротенько, но ознакомил собравшихся со своими взглядами, как мы говорили тогда, по «текущему моменту». Тов. Ленин охотно согласился. Его речь в ту ночь произвела на всех огромное впечатление и породила горячее обсуждение выдвинутых им положений. Содержание ее вошло в знаменитые «тезисы», оглашенные им на собрании большевиков и меньшевиков 4 апреля в Таврическом дворце. Беседа закончилась под утро.

На другой день, 4 апреля, предполагалось заседание фракции большевиков, участников Всероссийского совещания Советов, а также членов фракции Петроградского Совета. Состоялось оно в Таврическом дворце, наверху, в комнате, вмещавшей до сотни людей. Владимир Ильич на нем сделал содержательный доклад о задачах партии. Во время его обсуждения явились меньшевики и об'единенцы и просили В. И. Ленина сделать доклад для всех социал-демократов — членов совещания. Собрание согласилось, и все спустились в зал заседаний, а Владимиру Ильичу пришлось еще раз повторить свой доклад в большом зале Таврического дворца. Его тезисы, его положения о задачах пролетариата вызвали тревогу и переполох в рядах меньшевиков и об'единенческих элементов. В. И. Ленин начал свой доклад выяснением империалистического характера войны и высказался решительно против каких бы то ни было уступок «революционному оборончеству». Он опровергал претензии современных оборонцев на об'явление империалистической войны «революционной войною», раз'яснив, что лишь переход власти в руки пролетариата и примыкающей к нему деревенской бедноты может оправдать оборончество. При этом он настойчиво подчеркивал необходимость раз'яснения широким массам, подпавшим под влияние оборончества, связь капитала с империалистической войной. Особенно важным он считал организацию пропаганды такого взгляда в войсках действующей армии.

Далее тов. Ленин отметил «своеобразие текущего момента», заключавшегося в переходе от первого этапа революции, «давшего власть буржуазии», ко второму, который «должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства».

Весьма резко отнесся тов. Ленин к позиции поддержки Временного правительства, об'явив лживыми все его обращения, и ирони-

чески вышутил соглашательские требования, чтобы правительство капиталистов перестало быть империалистическим.

Признав, что наша партия имеет слабое меньшинство в большинстве Советов, он поставил перед партией задачу раз'яснения массам ошибочности политики и тактики соглашательского большинства. В. И. указал на важность раз'яснения широким рабочим и крестьянским массам, что Советы рабочих депутатов являются единственно возможной формой революционного правительства.

В этом месте тов. Ленин указал на своеобразие русской революции, создавшей в своем развитии такие массовые организации, как Советы, дающие нам возможность сделать шаг вперед по сравнению с парламентарной республикой. «Республику Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов» он считал более высокой формой демократии [1]). Эта часть его положений подверглась наиболее жестокому обстрелу.

Против В. И. Ленина выступили: Церетели, Гольденберг, Войтинский, Чхеидзе. На этом собрании обнаружилась во всей остроте полная непримиримость двух позиций. Те меньшевики и правые большевики, которые питали особые надежды на то, что тов. Ленин «задаст неблагоразумным левым» большевикам, ошиблись в своих расчетах. Позиция Владимира Ильича была левее нашей левой.

После этого заседания у нас состоялось маленькое совещание, на котором обсуждался вопрос о том, итти или нет Владимиру Ильичу на заседание Исполнительного комитета и там поставить вопрос об его отношении к проезду через Германию. Владимир Ильич не выражал особенного желания итти на заседание, но мы с тов. Зиновьевым настояли. Нам было важно предупредить буржуазные и соглашательские атаки, поставить перед Исполнительным комитетом вопрос об обмене эмигрантов на интернированных немцев и заставить Исполнительный комитет напечатать статью или сообщение о приезде тов. Ленина и других в «Известиях».

В отрывочных протокольных данных о заседаниях Исполнительного комитета сохранилась краткая запись выступлений на заседании Исполнительного комитета в тот день. Приводим ее полностью:

«К вопросу о положении швейцарской эмиграции [2]).

«Доклад тов. Зурабова.

«Ряд политических эмигрантов лишен возможности воспользоваться амнистией и вернуться на родину, в особенности те из них, которых амнистия застала в Швейцарии и в союзных странах. Помимо технических трудностей проезда, препятствием служат еще так называемые «контрольные» списки, — списки, составлявшиеся агентами старой власти с участием делегатов

[1]) См. тезисы В. И. Ленина в XIV томе, ч. 1-й его сочинений.

[2]) Протокол заседания Исполнительного комитета от 4 апреля 1917 г., 8 часов вечера.

от английского и французского генеральных штабов, якобы для борьбы с военным шпионажем, а на самом деле включавшие многих видных интернационалистов, стоящих на точке зрения Циммервальд — Кинталь, — как один из включенных в эти списки еще в бытность в Копенгагене телеграфно уведомил Милюкова, что русские эмигранты настаивают на неприменении к ним этих списков. Ответ Милюкова, благоприятный в части, касающейся самого Зурабова, еще раз подтверждает требование консулами при выдаче разрешения на возвращение считаться со списками. Тов. Зурабов излагает далее просьбу швейцарских товарищей посодействовать, чтобы под давлением Исполнительного комитета Временное правительство вступило в переговоры с германским правительством о пропуске политических через Германию, путем обмена на интернированных или военнопленных [1]).

«Тов. Зиновьев передает о препятствиях, чинимых английскими и французскими властями. Передает историю возникновения плана проезда через Германию; первоначально предполагалось путем обмена на интернированных, но связанная с ним волокита отсрочила бы от'езд на многие месяцы. При содействии швейцарского социалиста Платтена удалось ускорить проезд через Германию, при чем приехавшие обязались оказать воздействие на рабочую массу, чтобы в обмен было возвращено равное число германских подданных, интернированных в России, — в первую голову социалист Отто Бауер. При от'езде было выработано письменное условие, которое тов. Зиновьев обещает доставить как только оно почтой будет доставлено в Петроград. Предлагает Исполнительному комитету принять резолюцию, одобряющую обмен политических эмигрантов на интернаров.

«Тов. Ленин предлагает Исполнительному комитету присоединиться к резолюции.

«Тов. Церетели. Против Исполнительного комитета ведется агитация. Резолюция может быть использована против нас. Могут пойти толки, что Германия транспортирует в своих целях к нам революционеров. Предлагаю принять другую резолюцию, в которой обращалось бы внимание Временного правительства на препятствие, стоящее перед нашими товарищами из Швейцарии для проезда, не предуказывая способа их возвращения в Россию.

«Тов. Богданов принципиально против резолюции одобрения. Есть опасность, что в случае одобрения Исполнительным комитетом в резолюции проезда через Германию буржуазная печать, уже начавшая поход против проезда, свяжет позицию Ленина с позицией Исполнительного комитета. Предлагает оказать давление на правительство, чтобы добиться пропуска через Англию и Францию, осудить в резолюции политику французского и английского правительства и в то же время осудить поведение и тех русских эмигрантов, которые самочинно проезжали через Германию.

---

[1]) Речь шла о Мартове и других интернационалистах.

«Тов. Ленин. Для того, чтобы пресечь ложь, распространяемую буржуазной печатью, необходимо принять резолюцию, предложенную тов. Зиновьевым. Предлагает заявить, чтобы пропускались эмигранты всяких течений. Обязательств мы никаких не давали, мы только обещали, что по возвращении мы обратимся к рабочим, чтобы они содействовали обмену. Если вы признаете правильным обмен, то вы этим опровергаете всю ложь, в противном случае вы дадите пищу для инсинуации и клеветы.

«Товарищ делегат Исполнительного комитета (солдат) против принятия резолюции и против проезда через Германию.

«Тов. Шляпников настаивает на принятии, развивает положение Ленина. В армии больше доверия к Исполнительному комитету, чем к темным силам, — заканчивает он.

«Тов. Зурабов предлагает, не принимая пока резолюции, изложить подробно в печати фактическую сторону дела для предотвращения травли.

«Тов. Богданов предлагает поставить во всем об'еме все факты перед правительством и поместить в газетах заметку, что Исполнительный комитет поставил перед правительством вопрос о препятствиях к проезду и в частности об инциденте с тов. Лениным.

«Исполнительный комитет поручает делегации возбудить перед правительством вопрос о политической эмиграции, не принимать пока резолюции, касающейся проезда через Германию, напечатать все относящиеся к данному вопросу фактические материалы и в ближайшем № «Известий» поместить заметку о сделанном тов. Лениным докладе в день приезда об обстоятельствах проезда через Германию» [1]).

Вся гнусность позиции Церетели, Богданова, не желавших одобрить проезд наших товарищей через Германию, записана в протоколе с достаточной полнотой. Постановление Исполнительного комитета о напечатании в «Известиях» фактических материалов о проезде вполне удовлетворяло нас. Это же постановление дало возможность редактору «Известий» тов. Стеклову поместить передовицу, посвященную приезду тов. Ленина. Опубликование сообщения о приезде, передовица в «Известиях», массовая манифестация рабочих и солдат в ночь встречи, — все это вместе дезорганизовало атаки буржуазной печати и спекуляцию оборонцев с «пломбированным вагоном».

В день приезда тов. Ленина в Петроград газетами были получены телеграммы из Стокгольма от 2 апреля, извещавшие, что «утром с поездом из Трелеборга прибыло 30 русских политических эмигрантов из Швейцарии с женами и детьми, во главе с Лениным. Эмигранты проехали через Германию в запломбированном вагоне под охраной трех германских офицеров. Эмигранты первоначально намеревались вернуться через Англию и Норвегию, но наш посол

[1]) См. эти материалы в приложении сороковом.

в Париже известил, что переезд по морю закрыт. Английские власти медлили с ответом на обращенный к ним вопрос. Тогда швейцарский социалист в Циммервальде Платтен исхлопотал им право проезда через Германию. По словам эмигрантов, они не вели никаких переговоров о мире с германскими социалистами.

«1 апреля приехавшие из Швейцарии русские эмигранты передали корреспонденту ПТА сообщение, опубликованное в газете «Политикен». В сообщении говорится, что английское правительство не пропустило в Россию русских эмигрантов, живущих за границей, поскольку они были против войны. Русские товарищи решились попытаться проехать в Россию через Германию. По этому поводу Фриц Платтен — секретарь швейцарской социал-демократии, вождь левого крыла и известный антимилитарист — вступил в переговоры с германским правительством. Русские товарищи требовали предоставления при проезде права экстерриториальности, а именно: никакого контроля паспортов и багажа, а также, чтобы ни один чиновник не имел права входить в вагон, ехать же мог всякий, невзирая на политические взгляды. Русские товарищи со своей стороны заявили, что они будут требовать освобождения германских и австро-венгерских гражданских лиц, задержанных в России. Германское правительство приняло эти условия. 9 апреля нов. ст. 30 эмигрантов выехали из Швейцарии. Среди них Ленин и Зиновьев — редакторы «Социал-Демократа», редактор парижского «Начала», Миха Цхакая — один из основателей кавказской социал-демократии, и несколько членов еврейского Бунда. В пути вагоном заведывал Платтен, вступивший в переговоры с представителями германского правительства, сопровождавшими поезд. Немецкие власти точно выполнили соглашение, и эмигранты прибыли в Швецию».

На другой день телеграф принес коротенькое сообщение из Парижа, в котором говорилось, что «в местных русских эмигрантских кругах подтверждение известия, что Ленин и его сторонники отправились из Швейцарии через Германию, вызывает неописуемое негодование. На собрании группы «Призыва» сообщение о поездке Ленина вызвало резкий протест, при чем поступок Ленина назван неблаговидным. *Е. Белов*».

Вся буржуазная пресса встретила прибытие тов. Ленина — и особенно его первые речи — крайне враждебно. Газета бывшего царского министра Протопопова «Русская Воля» открыла против тов. Ленина и всей нашей партии ожесточенную клеветническую и погромную кампанию. Не лучше относилась к приезду тов. Ленина и его лозунгам с.-д.-меньшевистская печать. «Рабочая Газета» от 6 апреля поместила передовую статью под заголовком «Опасность с левого фланга». В этой передовой статье открыто заявлялось, что «всякий решительный успех Ленина будет успехом реакции». С.-д.-меньшевики призывали спасать революцию и, «пока не поздно, Ленину и его сторонникам дать самый решительный отпор».

В среде с.-д.-большевиков, членов нашей партии, доклад В. И. и выдвинутые им положения вызвали большие колебания.

Большинство членов Бюро Центрального Комитета не во всем разделяло его позицию. Часть членов Бюро считала его положение о законченности буржуазно-демократической революции и отсюда — признание необходимости борьбы за превращение революции в социалистическую ошибочными и неприемлемыми для партии. Лишь меньшинство, с некоторыми мелкими оговорками, как, например, по вопросу об изменении названия партии, в основном сходилось с ним во взглядах на задачи момента.

В первые дни пребывания Владимира Ильича Ленина в Петрограде нами было организовано несколько совещаний и собеседований сначала в узком кругу членов Бюро Центрального Комитета и работников Петербургского комитета. На этих совещаниях с участием В. И. Ленина обсуждались выдвинутые им положения, конкретизировались к условиям практической работы в массах. Первые встречи с узким кругом товарищей были на квартире его сестры, А. И. Елизаровой. Последующие совещания происходили на квартире у Е. Д. Стасовой, в редакции «Правды» и в помещении Петербургского комитета, в известном «дворце Кшесинской». Тов. Ленин на этих совещаниях упорно, настойчиво раз'яснял отдельные пункты своих положений, выдвинутых в тезисах. Недоумение и непонимание Ленина в первые дни внутри партии постепенно проходило, и круг товарищей, разделявших его взгляды, становился с каждым днем все шире, а его позиция из «личной» становилась партийной.

Погромная агитация буржуазной печати против В. И. Ленина и враждебное отношение к нему «социалистических» газет заставили нас в первые же дни его приезда принять некоторые меры предосторожности. С ведома и согласия В. И. Ленина мною был использован авторитет Исполнительного комитета Петроградского Совета, именем которого, будучи его членом, я постарался связать швейцара и дворника ответственностью за безопасность квартиры Елизарова. Членская карточка Исполнительного комитета для них служила тогда большим авторитетом, и они обещали наблюдать за порядком и оберегать новоприбывших жильцов. Не ограничиваясь этим, для передвижения В. И. Ленина по городу мы добыли на свое имя автомобиль Исполнительного комитета, вооружили шофера и поручили одному товарищу солдату его охрану. Кроме того, условились звонить по телефону в случае какого-либо враждебного налета на квартиру.

Работать вместе с В. И. Лениным в первые дни после его приезда пришлось недолго. Числа 7 или 8 апреля, во время одной из агитационных поездок в качестве члена Исполнительного комитета на какое-то предприятие на наш автомобиль налетел трамвай, и я был тяжело контужен, потеряв сознание. После этого я попал в госпиталь, но не дождавшись окончательного выздоровления вышел из него уже во второй половине апреля. За этот промежуток времени в нашей Петроградской организации произошли значительные перемены: большинство организации в основном уже стало на ленинскую позицию.

ПРИЛОЖЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ТЕКСТ

Приложение 1.

Временное положение о передаче хлеба в распоряжение государства.

1. Все количество хлеба, продовольственного и кормового, урожая прошлых лет, 1916 года и будущего урожая 1917 года, за вычетом запаса, установленного в ст. ст. 3-й и 4-й и необходимого для продовольствия и хозяйственных нужд владельца, поступает со времени взятия хлеба на учет, в порядке ст. 5-й, в распоряжение государства и может быть отчуждаемо лишь при посредстве государственных продовольственных органов.

2. Под хлебом (ст. 1-я) разумеются: рожь, пшеница, полба, просо, гречиха, чечевица, фасоль, горох, кукуруза, ячмень и овес, всякого рода мука, отруби, крупы и отходы производства из поименованного хлеба, а также жмыхи всякие.

3. От отчуждения освобождается количество хлеба, необходимое для обсеменения полей, для прокормления производителя, его семьи и занятых в хозяйстве лиц, получающих от хозяина хлебное довольствие, а также хлеб для хозяйственных надобностей (прокормление скота).

4. Нормы, по которым наличный хлеб, урожая 1916 года и прошлых лет, освобождается от отчуждения согласно предшествующей статье, предоставляется определить местным губернским продовольственным комитетам, исходя из следующих оснований: а) семена оставляются на предназначенное для засева количество десятин; норма высева принимается средняя по губерниям, уездам и районам, по данным Центрального статистического комитета; норма эта может исправляться по ранее опубликованным данным земской статистики; при севе разбросанной сеялкой норма понижается на двадцать процентов, при рядовой сеялке — на сорок процентов; если на деле будет засеяно менее предположенной площади, то соответствующее количество семян подлежит последующему отчуждению; б) на продовольствие до нового урожая семьи владельца, служащих и рабочих, получающих от хозяина хлебное довольствие, оставляется по одному с четвертью пуда зерна на каждую душу в месяц; для взрослых рабочих-одиночек оставляется по полтора пуда; должно также учитываться количество необходимых временных рабочих во время страды, — количество необходимых хозяйству постоянных и временных рабочих устанавливается местными учреждениями; кроме того, оставляется крупа по десять золотников на душу в день, при чем местным губернским комитетам предоставляется повышать или понижать нормы потребления крупы за счет установленных норм потребления хлебных продуктов; в) для прокорма скота оставляется в хозяйствах для рабочих лошадей по восьми фунтов овса или ячменя или по десяти фунтов кукурузы на каждый день усиленной работы, требующей зернового корма, — число таких дней не может превышать семидесяти пяти до нового урожая; зерновой корм может заменяться отрубями или мукою в соответственном количестве; для взрослого рогатого скота и свиней оставляется не более четырех фунтов зерна в день для каждой головы до появления подножного корма, но не более чем на шестьдесят дней; для рогатого скота старше одного года дневная норма понижается вдвое; при наличии жмыхов и отрубей, оставляемое для рогатого скота и свиней количество зерна должно

в соответственной мере заменяться этими продуктами; г) кроме того, десять процентов всей исчисляемой потребности (пункты а, б и в) оставляются в хозяйствах на всякий случай.

Примечание 1. Приведенные нормы прокорма для всех видов скота могут быть уменьшены местными губернскими продовольственными комитетами в зависимости от действительной потребности, определяемой местным характером скота, условиями его работы и привычными способами прокорма.

Примечание 2. Министру земледелия предоставляется право по ходатайствам местных губернских комитетов изменять кормовые нормы в отношении всех родов животных особого назначения (племенные рассадники, пункты, промышленный молочный скот, промышленное свиноводство и т. п.).

Примечание 3. Один пуд всякого зерна приравнивается к девяти десятым пуда муки и двум третям пуда крупы.

5. Всякий владелец хлеба, не исключая и потребителя, обязан по первому требованию местного продовольственного органа об'явить: а) количество и место хранения имеющихся у него запасов хлеба; б) число лиц, подлежащих прокормлению за счет его хозяйства, и в) количество имеющегося в его хозяйстве скота, а также десятин посева. Сроки подачи таких заявлений устанавливаются местным продовольственным комитетом.

6. Порядок и сроки сдачи хлеба устанавливаются местным продовольственным комитетом.

7. Поверка данных, указанных в ст. 5-й, возлагается на местные продовольственные комитеты.

8. Весь хлеб, за исключением поименованного в статьях 3-й и 4-й, подлежит сдаче в установленные сроки (ст. 6-я) местному продовольственному органу, или его уполномоченному, по твердым ценам.

В случае обнаружения скрытых хлебных запасов таковые отчуждаются в пользу государства по половинной цене.

9. Твердые цены на хлеб прошлых лет, 1916 года и будущего урожая 1917 года, устанавливаются франко-станция или пристань, в размерах, указанных в приложении к настоящей статье. Под станциею или пристанью разумеются те склады и помещения, в которых продовольственными органами производится приемка зерна для дальнейшей погрузки.

10. Доставка хлеба на станцию или пристань обязательна для владельцев. В случае невыполнения доставки последняя может быть произведена продовольственными органами за счет платы, следуемой за хлеб.

11. В отдельных пунктах потребления, — в районах как производства, так и потребления, устанавливаются особые продажные цены. Впредь до определения оснований и порядка их выработки продажные цены устанавливаются губернскими продовольственными комитетами в соответствии с твердыми ценами в местах закупок, с прибавлением необходимых накладных расходов, и утверждаются министром земледелия.

Примечание. Новые продажные цены на хлеб и муку для потребителя вводятся по мере поступления на рынок хлебных продуктов, закупленных по новым ценам продовольственными организациями.

12. Расчет за хлеб, полученный от производителей по поставкам и реквизициям, начиная с 2 марта 1917 года, производится по твердым ценам настоящего постановления.

13. Хлебные запасы у торговцев и посредников, назначенные к реквизиции с 2 марта 1917 года и не реквизированные ко времени обнародования настоящего постановления, отчуждаются по прежним твердым ценам.

Примечание. Под прежними твердыми ценами (ст. ст. 13, 15 и 16) разумеются действовавшие до опубликования настоящего постановления цены франко-амбар, с прибавлением средней стоимости гужевых доставок и установленного комиссионного вознаграждения.

14. Все договоры казны с поставщиками и производителями и поставщиков с производителями в части, касающейся поставки хлеба в сроки, которые наступят позднее опубликования настоящего постановления, теряют силу.

15. Расчет с поставщиками, обязавшимися поставить хлеб в сроки до опубликования настоящего постановления и собравшими для этого запасы, но не сдавшими их в указанные сроки, производится по прежним твердым ценам.

16. Лица и учреждения, получившие от казны зерно или продукты его переработки по прежним твердым ценам и имеющие ко времени опубликования настоящего постановления запасы указанных продуктов, обязаны возместить государству разницу стоимости этих запасов по новым и прежним твердым ценам. Лица и учреждения, получившие от казны зерно для его переработки и не использовавшие продукты от этого зерна до установления новых твердых цен, обязаны сдать указанные продукты по прежним твердым ценам.

17. Государство обязывается оплатить весь подлежащий отчуждению хлеб. Порядок оплаты хлеба определяется особою инструкциею.

18. До сдачи хлеба владелец обязан хранить его за свой риск и страх и нести за сохранность хлеба гражданскую, а в подлежащих случаях и уголовную ответственность.

Местным продовольственным комитетам предоставляется освобождать владельцев от обязанности хранить хлеб.

19. В случае невозможности получить от производителей в установленный срок хлеб в зерне местному продовольственному органу предоставляется обмолотить подлежащий сдаче хлеб за счет владельца хлеба собственными средствами продовольственного органа или с использованием помещения и инвентаря владельца хлеба.

20. Запрещается залог хлеба. Лица и учреждения, принявшие хлеб в залог или обеспечившие свои обязательства залогом хлеба до издания настоящего постановления, а равно лица и учреждения, хранящие хлеб, как-то: банки, элеваторы, зернохранилища, торговые склады и т. п., обязаны сообщить о заложенном и хранящемся хлебе, в соответствии с ст. 5-й, п. а, местным продовольственным комитетам.

21. У лиц, отказывающихся от добровольной сдачи хлеба, реквизиция производится на основании особой инструкции.

22. Кооперативные учреждения, общественные организации, а также частные торговопромышленные предприятия и лица могут быть привлекаемы к заготовкам хлебных продуктов в помощь уполномоченным министра земледелия на комиссионных началах, устанавливаемых особою инструкциею председателя общегосударственного продовольственного комитета.

Приложение 2.

Положение об организации посевов.

Обеспечение нужд армии и тыла потребовало передачи всего хлеба в распоряжение государства, поэтому содействие сельскохозяйственному производству должно быть признано одною из важнейших и неотложных задач Временного правительства. Для организации посевной площади, для прокормления армии и тыла представляется необходимым выделить в особые органы руководство делом снабжения сельского хозяйства металлом, средствами производства, семенами, удобрением, рабочими силами и кредитом. В то же время деятельность этих новых органов следует поставить в органическую связь с образованным общегосударственным продовольственным комитетом, так как общие вопросы по заготовке и распределению продуктов сельскохозяйственного производства самым тесным образом связаны с вопросами организации сельского хозяйства. Для достижения указанных целей устанавливается:

1. Все вопросы по организации посевной площади и обеспечению сельскохозяйственного производства металлом, орудиями и прочими сред-

ствами производства, удобрением, рабочими силами, кредитом и постройками находятся под общим руководством одного из товарищей министра земледелия, по назначению министра земледелия.

2. Для непосредственного исполнения мероприятий по указанным в ст. 1-й вопросам в составе министерства земледелия временно образуются два отдела: а) отдел по обеспечению сельского хозяйства металлом, орудиями производства, удобрениями и по сельскому строительству и б) отдел по учету посевной площади и обеспечению сельского хозяйства трудом и кредитом.

3. Для заведывания отделами назначаются управляющие отделами, на правах директоров, их помощники и особый штат служащих.

4. Все делопроизводства, находящиеся в составе департаментов земледелия, государственных земельных имуществ, отдела сельского строительства, сельской экономии, управления особоуполномоченных и главноуполномоченных министерства земледелия по закупкам хлеба и другим (в том числе и переданные из сельской продовольственной части министерства внутренних дел), фактически ведающие указанными в ст. 1-й вопросами, — распределяются между вновь образуемыми отделами распоряжением министра земледелия.

5. Осуществление мероприятий на местах, впредь до образования местных органов на правильных демократических основах, возлагается на губернские, уездные и волостные продовольственные комитеты через соответственных представителей министерства земледелия (агрономы, инструктора, инспектора сельского хозяйства, техники и пр.).

6. Штаты служащих во вновь образуемых отделах представляются министром земледелия на утверждение временного правительства.

Примечание. Служащие, переведенные из учреждений, перечисленных в статье 4-й, временно получают содержание из кредитов, отпускаемых указанным учреждениям.

7. Кредиты на осуществление мероприятий, указанных в ст. 2-й, а также на покрытие расходов по делопроизводству отпускаются министром земледелия за счет военных сумм, предоставленных в его распоряжение на потребности, связанные с заготовкою продовольствия на нужды армии, и состоят на особом учете.

Приложение 3.

Положение об охране посевов.

1. Охрана всех посевов, являющихся по закону о взятии хлеба в распоряжение государства общественным достоянием, поручается губернским, уездным и волостным продовольственным комитетам, которые организуют контроль и наблюдение над отдельными хозяйствами, по соглашению последних с комитетами.

Этот контроль и наблюдение осуществляются продовольственными комитетами при помощи лиц и учреждений, пользующихся доверием местного населения.

Примечание. Посевщики могут подавать заявления об организации охраны их посевов через волостные или уездные продовольственные комитеты.

2. Наблюдение и общественный контроль заключается: 1) в установлении размеров посевной площади и 2) в надзоре за использованием отпущенных из государственных источников рабочей силы, инвентаря и орудий производства.

3. В случае насильственной порчи или истребления посевов Временное правительство обеспечивает владельцам хозяйств, поступивших под охрану и контроль, произведенные ими затраты на посевы в размере действительных убытков, определяемых специальными комиссиями.

4. Возмещение убытков из средств государственного казначейства является обязательным лишь в случаях установления комиссией, что посевщиками приняты были все меры охраны посевов, и что произведенные повреждения являются результатами народных волнений.

5. В случае отказа владельца засеять землю незасеянная площадь пахотной земли поступает в распоряжение местных продовольственных комитетов, которые могут передавать ее в аренду для данного посева по справедливой цене местным земледельцам или организуют сами производство посевов.

Примечание. Срок передачи незасеянной пахотной земли в распоряжение комитетов определяется местным продовольственным комитетом.

6. Арендная плата за земли, взятые под посев, поступает владельцам земель. Размер ее определяется при посредничестве продовольственных комитетов.

7. Правила определения и возмещения убытков, организации производства посевов и определения арендной платы будут опубликованы председателем общегосударственного продовольственного комитета дополнительно.

Приложение 4.

Постановление Временного правительства об учреждении земельных комитетов.

I. Для подготовки земельной реформы и для разработки неотложных временных мер, впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием, образуются главный и местные (губернские, уездные и волостные) земельные комитеты, состоящие в ведении министерства земледелия.

II. На главный земельный комитет возлагается:

1) общее руководство собиранием, разработкой необходимых для земельной реформы сведений и подготовительными к ней действиями;

2) составление общего проекта земельной реформы на основании собранных данных и всех соображений, какие будут представлены местными земельными комитетами.

III. Главный земельный комитет представляет министру земледелия, а в подлежащих случаях через его посредство Временному правительству:

1) об ограничении и приостановлении действия ранее изданных законов, если они могут затруднить планомерное решение земельного вопроса в Учредительном собрании или вызвать недоразумения среди населения несогласованностью с новым государственным строем или помешать правильному течению сельскохозяйственной жизни;

2) об упразднении ранее созданных для заведывания земельными делами должностей и учреждений, если деятельность их будет признана излишней в новых условиях, а равно о распределении между другими органами находящихся в заведывании этих учреждений и должностных лиц дел, имуществ и технического персонала;

3) о согласовании действий и распоряжений органов временной государственной власти в сфере земельных отношений;

4) о принятии других мер в целях урегулирования земельных и связанных с ними хозяйственных отношений.

IV. В главный земельный комитет входят:

1) Министр земледелия и его товарищи.

2) Председатель, 25 членов и управляющий делами комитета, по приглашению Временного правительства.

3) Представители губернских земельных комитетов, по одному от каждого.

4) Шесть представителей всероссийских крестьянских организаций (Всероссийского крестьянского союза и Всероссийского совета крестьянских депутатов).

5) Представители: а) Временного комитета Государственной думы, б) Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов, в) Всероссийского кооперативного союза, по три от каждого.

6) Одиннадцать представителей политических партий по избранию их центральных органов, по одному от каждой: а) социалисты-революционеры, б) народные социалисты, в) социал-демократы (меньшевики), г) социал-демократы (большевики), д) трудовики, е) партия народной свободы, ж) прогрессисты, з) октябристы, и) группа центра, к) националисты и л) независимые правые.

7) Пять представителей от крупнейших научных экономических обществ.

8) Сведующие лица, приглашаемые председателем с правом совещательного голоса.

Примечание. Представители ведомств присутствуют в комитете с правом совещательного голоса.

V. Главный земельный комитет выбирает из своей среды двух товарищей председателя комитета.

VI. Для поддержания живой связи с местными земельными комитетами и внесения возможно большего единства в их действия главному земельному комитету предоставляется созывать всероссийские и областные с'езды и назначать своих уполномоченных для отдельных местностей, равно как и по отдельным категориям дел, подлежащих его ведению.

VII. Повсеместно учреждаются губернские и уездные земельные комитеты. Волостные комитеты могут быть образуемы по инициативе местного населения или уездных комитетов. Комитеты из своей среды выбирают председателя и его товарищей.

VIII. В задачи губернских и уездных земельных комитетов входит:

1) Собирание необходимых для земельной реформы сведений, составление соображений и заключений по относящимся к ней вопросам, а также выполнение необходимых для нее подготовительных действий.

2) Приведение в исполнение постановлений центральной власти по земельным делам.

3) Соглашения с местными правительственными органами по вопросам о заведывании принадлежащими государству землями и сельскохозяйственными имуществами и представление главному земельному комитету в соответствующих случаях об изменении порядка пользования и распоряжения этими имуществами.

4) Издание по вопросам сельскохозяйственных и земельных отношений обязательных постановлений в пределах действующих законоположений и постановлений Временного правительства.

5) Разрешение вопросов, споров и недоразумений, возникающих в области земельных и сельскохозяйственных отношений, в пределах действующих законоположений и постановлений Временного правительства, учреждение в необходимых случаях посреднических и примирительных камер для принятия мер к урегулированию отношений, могущих возникнуть вследствие самовольного нарушения чьих-либо прав и интересов.

Примечание. В такие камеры, устраиваемые по образцу третейских судов, дела поступают по соглашению сторон, для которых решения камер являются обязательными.

6) Приостановление действий частных лиц, направленных к обесценению земельных и сельскохозяйственных имуществ, если эти действия не вызываются общественной и государственной необходимостью.

7) Возбуждение перед главным земельным комитетом вопросов об из'ятии таких имуществ из распоряжения частных лиц.

8) Исполнение соответствующих постановлений государственной власти и соглашения с местными продовольственными комитетами и иными го-

сударственными учреждениями о наиболее целесообразном использовании этих имуществ.

IX. Компетенция волостных земельных комитетов в пределах отдела VIII настоящего Положения определяется уездными комитетами.

X. Постановления волостных и уездных комитетов могут быть обжалованы в административном порядке в губернские земельные комитеты, а постановления последних — в главный земельный комитет.

XI. Губернским земельным комитетом предоставляется право приостанавливать решения волостных и уездных комитетов до окончательного решения главного земельного комитета.

XII. Дальнейшее разграничение круга ведения и пределов компетенции волостных, уездных и губернских земельных комитетов, надзор за их деятельностью и правила обжалования их распоряжений, как в административном, так и в судебном порядке, будут установлены дополнительно главным земельным комитетом.

XIII. В состав губернских земельных комитетов входят:

1) Четыре члена, избираемые губернским земским собранием, и один, избираемый городской думой губернского города.

Примечание. До организации губернского и городского самоуправления на основе всеобщего избирательного права эти члены избираются временными губернскими и городскими исполнительными комитетами.

2) По одному представителю от каждого уездного земельного комитета.

3) Представители от экономических отделов (агрономического, статистического и т. п.) губернской земской управы, по избранию этих отделов, общим числом всего не более трех.

4) Член окружного суда, по избранию общего собрания отделений суда, и мировой судья, по избранию мирового с'езда губернского города.

5) Представитель министерства земледелия, назначаемый министром земледелия.

6) Сведущие лица, приглашаемые председателем губернского комитета с правом совещательного голоса.

XIV. В состав уездных земельных комитетов входят:

1) Четыре члена, избираемые уездным земским собранием, и один, избираемый городской думой.

Примечание. До организации уездного и городского самоуправления на основе всеобщего избирательного права эти члены избираются временными уездными и городскими исполнительными комитетами.

2) По одному представителю от каждого волостного земельного комитета, а при отсутствии их — от волостного земского собрания.

Примечание. До введения волостного земства эти члены избираются существующими волостными исполнительными комитетами.

3) Земский агроном и земский статистик, по избранию их товарищей, если таковых в уезде несколько.

4) Мировой судья, по избранию уездного мирового с'езда.

Примечание. В уездах, где нет земского агронома, земского статистика и мировых судей, соответствующие лица могут быть приглашаемы самими земельными комитетами.

5) Сведущие лица, приглашаемые председателем уездного комитета с правом совещательного голоса.

XV. Волостные земельные комитеты состоят из пяти членов и трех заместителей к ним, избираемых волостным земским собранием.

Примечание. До введения волостного земства порядок избрания членов волостного комитета определяется уездным земельным комитетом в соответствии с местными условиями.

XVI. В члены земельных комитетов могут быть избираемы (приглашаемы) все правоспособные граждане без различия пола и независимо от их имущественного положения и местожительства в момент избрания (приглашения).

XVII. Уполномоченные главного земельного комитета пользуются в заседаниях местных земельных комитетов правом решающего голоса.

XVIII. Представители уездных комитетов пользуются правом решающего голоса в заседаниях волостных, а представители губернских — в заседаниях волостных и уездных земельных комитетов.

XIX. Заведывание текущими делами местных земельных комитетов и приведение их постановлений в исполнение возлагается на избираемых самими комитетами председателей или на образуемые ими с этой целью коллегиальные исполнительные органы (земельные управы).

XX. Государственные и общественные учреждения, должностные лица и милиция обязаны оказывать земельным комитетам и их исполнительным органам свое содействие в осуществлении возложенных на них обязанностей.

XXI. Расходы по содержанию земельных комитетов относятся на общегосударственные средства за счет кредита, открываемого с этой целью Временным правительством.

Министр-председатель кн. Львов.
Министр земледелия А. Шингарев.
Скрепил: Управляющий делами Временного правительства
Влад. Набоков.

21 апреля 1917 года.

Приложение 5.

Воззвание Временного правительства об учреждении земельных комитетов [1]).

Важнейший очередной вопрос для нашей страны — вопрос земельный — может решить окончательно правильно только Учредительное собрание, избранное всеобщим, равным, прямым и тайным народным голосованием.

Но для такого решения необходимо предварительно собрать повсеместно сведения о земельных нуждах населения и подготовить к Учредительному собранию новый закон о земельном устройстве. С этой целью Временное правительство образовывает главный земельный комитет, который исполнит эту работу при содействии местных губернских, уездных и волостных земельных комитетов.

На обязанность этих комитетов возлагается собирание сведений о местных земельных порядках и земельных нуждах населения и в течение переходного времени, до проведения земельной реформы в Учредительном собрании, — решение споров и недоразумений по земельным делам.

Все материалы, собранные местными комитетами, и выработанные ими планы земельного устройства будут передаваться в главный земельный комитет, в работах которого примут участие представители Временного комитета Государственной думы, политических партий, Всероссийского крестьянского союза, Совета рабочих и солдатских депутатов, Всероссийского союза кооперативов, губернских земельных комитетов и приглашенные Временным правительством лица.

Только таким путем, после тщательной разработки и всестороннего обсуждения на местах, может быть правильно подготовлен к разрешению великий и сложный вопрос о земле.

Явная ошибка думать, что каждая губерния, каждый уезд, каждая волость могут сами себе разрешить его. В этом деле весь народ связан тесными узами: каждое село заинтересовано в том, как будет разрешен земель-

[1]) «Вестник Временного правительства», 23 апреля 1917 г., № 38.

ный вопрос во всей стране, и для страны не может быть безразлично земельное устройство даже маленькой деревушки.

Большая беда грозит нашей родине, если население на местах, не дожидаясь решения Учредительного собрания, само возьмется за немедленное переустройство земельного строя. Такие самовольные действия грозят всеобщей разрухой. Поля останутся незасеянными, и урожай не будет убран. В стране наступят нужда и голод.

Да не случится этого. Будем спокойно, в сознании своей великой ответственности за будущее нашей родины готовиться к приходу истинного устроителя земли русской — народного Учредительного собрания, которое найдет справедливое решение земельного вопроса и установит новый земельный строй.

И пусть будут спокойны наши доблестные воины — защитники родной земли. Пусть будут они уверены в том, что в их отсутствии и помимо их участия никто на их родине не станет решать вопроса о земле. Пусть знают они, что в земельных делах народ не допустит самоуправства и будет спокойно ждать нового земельного устройства, которое обеспечит справедливые интересы трудового земледельческого населения.

Министр-председатель князь Львов.
Министр земледелия А. Шингарев.

21 апреля 1917 года.

Приложение 6.

Краткий очерк деятельности военной комиссии при Временном комитете Государственной думы с 27 февраля по 3 апреля 1917 г. [1]).

Великая русская революция, разрушив формы старого режима, изменила весь уклад правительственной жизни, оборвала работу министерства и государственных учреждений.

Создавшееся Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов стали во главе политической и общественной жизни России. Сознание опасности, грозившей нарождавшемуся новому строю от неизбежной в эти дни дезорганизации, и обстановка времени выдвигали вопросы, требовавшие категорической решимости, немедленного, срочного проведения и их исполнения. Эта необходимость вызвала к жизни военную комиссию, образовавшуюся по инициативе Временного комитета Государственной думы из лиц, преданных делу революции, и располагавших необходимыми в то время техническими знаниями по многообразным потребностям переворота. С первых же дней определилась ее роль как штаба революции, а поступавшие в массе и беспорядочности, в связи с переживаемым моментом, запросы и требования наметили ее отделы и вызвали необходимость их создания и постепенного расширения.

В великие дни переворота мощная сила русского духа творила святое дело раскрепощения народа, но серьезность момента, противодействие сторонников деспотизма, отсутствие планомерности, неожиданность и техническая сложность событий и опасение за успех дела революции требовали власти и руководящего начала.

Отягченный заботами высших соображений Временный комитет дал власть военной комиссии, которая дружной энергичной работой в согласии с Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов довела дело до победоносного конца.

Военная комиссия, как первое учреждение, принявшее на себя труд восстановления, устройства и поддержания административных механизмов, частью прекративших свою деятельность, — как учреждение, состоящее из лиц, выдвинутых революцией и ставших в стенах Таврического дворца на

[1]) Дело Временного правительства, № 7. Архив Октябрьской революции.

страже ее интересов, гибко приспособляла свою деятельность к требованию момента.

На-ряду с организационной работой на долю военной комиссии выпала роль, как надо думать, обеспечившая ей в будущем доверие революционных масс, — роль об'единяющего посредника между Временным правительством, восставшей армией и народом.

Явившись представительницей восставших войск петроградского гарнизона и присоединившихся к ним других войсковых частей, идя в согласии с органом, представляющим рабочий революционный класс, военная комиссия организовала выступление всех воинских частей Петроградского округа, приняла на себя охрану личной, общественной и имущественной безопасности народа, а также охрану государственных и общественных ценностей, железных дорог, почт, телеграфов, восстановила беспроволочный телеграф, охранила от провокационных выступлений темных сил правительственные и общественные учреждения, локализовала повсеместно попытки сохранения павшего строя.

Военная комиссия, чутко прислушиваясь к голосу армии и народа, памятуя об опасности от внешнего врага, распространяла свою деятельность и постаралась использовать свое влияние на фронте, восстановив связь войск фронта со штабами армии и Петроградом. Она восстановила радиосвязь с Италией, Францией, Англией и Америкой.

Военная комиссия, стоя на страже интересов восставших войск народа, бдительно следила за неуклонным проведением в жизнь основ свободного и широкого развития завоеванных прав солдата, офицера и гражданина.

Все без исключения совершившиеся события нашли свое отражение в деятельности военной комиссии.

Прошли тревожные дни, и жизнь страны, в частности Петрограда, постепенно вливается в устойчивые формы. Восстанавливается деятельность правительственных, общественных органов и учреждений, и попутно с этим исчезает необходимость существования некоторых вызванных к жизни срочностью отделов военной комиссии.

Закреплено первое звено русского освобождения, но не ослабел враг у боевых линий нашей родины. Он зорко следит за событиями в стране и неустанно работает на ослабление нашей военной мощи, в широком масштабе пользуясь временем незаконченного государственного строительства.

Неотложность отечественной обороны и государственные нужды, выдвинутые революцией, вызвали необходимость осуществления и согласования между собою целого ряда мероприятий. Уклад и задачи современной жизни во всех своих проявлениях не могли найти удовлетворения и должного разрешения в органах правительства, не проникнутых еще идеями послереволюционной жизни и не всегда правильно толкующих ее требования. Все это настоятельно указывает на необходимость существования особого органа, от которого должны исходить как инициатива, так и надзор, — органа, обладающего в глазах армии и народа большой авторитетностью и достаточными техническими знаниями и средствами.

Краткий перечень работ, исполненных военной комиссией.

1. Боевое руководство восставшими войсками.
2. Организация борьбы с эшелонами, высланными из армии под командой генерала Иванова для борьбы с революцией.
3. Участие чинов военной комиссии в деле ликвидации вопросов отречения Николая II от престола, вопроса о регентстве и установления ныне существующего управления страной.
4. Установление нового строя во всех тех местностях, где были проявлены властями растерянность или противодействие, при чем в некоторых случаях приходилось принимать решительные меры к удалению сторонников павшего режима.
5. Внутренняя организация потрясенных событиями революции воинских частей не только в Петрограде, но и во всей стране.

6. Установление связи Государственной думы с войсками, учреждениями и населением.
7. Служба радиостанции, наблюдение за почтово-телеграфными сношениями Петрограда и их цензура.
8. Службы войск петроградского гарнизона, Гатчины, Царского Села, Ораниенбаума и Красного Села.
9. Охрана Петрограда и его окрестностей.
10. Борьба с засевшими в разных частях города и окрестностях вооруженными приверженцами старого строя, удаление несочувствующих новому правительству лиц и арест лиц, ему противодействующих, а также агентов черносотенной пропаганды.
11. Борьба с немецким шпионажем.
12. Восстановление охраны границы Финляндии.
13. Участие в разработке вопроса об организации милиции в городах.
14. Командирование чинов в ставку, в армию и в разные местности по делам государственного переворота.
15. Ходатайство о командировании депутатов Государственной думы и членов Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов и содействие им в разрешении недоразумений по введению нового строя на местах.
16. Разрешение экстренных вопросов ведения разных государственных учреждений, прекративших во время революции работу.
17. Рассмотрение и направление возбужденных войсками вопросов о личных, гражданских и политических нравах воинских чинов.
18. Рассмотрение и направление представленных в комиссию войсками, учреждениями и отдельными лицами докладов о желательных реформах и реорганизациях.
19. Рассмотрение жалоб гражданского населения на свергнутых им правительственных лиц и на нарушении его прав. Возбуждение дел по обнаруженным злоупотреблениям в разных учреждениях.
20. Упорядочение вопроса о выборных начальниках и о праве отвода вновь назначаемых.
21. Согласование действий нового правительства с постановлением Совета рабочих и солдатских депутатов.
22. Посредничество между Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов, с одной стороны, и военным министерством, главнокомандующим и войсками Петроградского военного округа — с другой.
23. Участие в совещаниях и комиссиях Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов и совместная работа по некоторым вопросам.
24. Посредничество между офицерским и солдатским составом Совета рабочих и солдатских депутатов, распространение приказа № 2 и участие в воззвании, подписанном Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов, председателем военной комиссии и военным министром.
25. Принятие экстренных мер к упорядочению службы кронштадтского гарнизона и работ заводов, мастерских и других учреждений, работающих на оборону в Кронштадте.
26. Принятие экстренных мер к восстановлению действий заводов, прекративших работу в Петрограде как из-за недостатка подвоза, так и по другим причинам. Посредничество между рабочими и владельцами учреждений, работающих на оборону, и военным ведомством.
27. Принятие экстренных мер по восстановлению Скобелевского комитета.
28. Временное направление деятельности учреждений, не вошедших в состав министерств.

Вся эта работа вызвала самоорганизацию нижеследующих отделов, функционировавших в военной комиссии:

1. Общая канцелярия.
2. Отдел регистрации войск.

3. Отдел нарядов.
4. Отдел радиотелеграфа.
5. Отдел службы связи, почт и телеграфа.
6. Отдел вооружения.
7. Отдел военных сообщений и разгрузки петроградского узла.
8. Отдел комендантский (города и Таврического дворца).
9. Отдел санитарный (врачебный и благотворительных учреждений).
10. Отдел интендантский (участие в продовольственной комиссии).
11. Отдел информационный.
12. Отдел контр-разведывательный.
13. Отдел автомобильный.
14. Отдел юрисконсультский.

Генерал-майор Алексей Потапов

Приложение 7.

Телеграмма генерала Нивеля.

Перевод [1]).

Ставка 18/31 марта 1917 г.

Французская
Военная Миссия
в России.
№ 2. 110/352.

Генерал Жанен, начальник миссии, свидетельствуя совершенное свое почтение его высокопревосходительству генералу Алексееву, вр. и. д. верховного главнокомандующего русскими армиями, имеет честь сообщить ему нижеследующую телеграмму генерала Нивеля:

«Сообщаемые Вами сведения вполне согласуются с полученными мною через генерала Палицына. Из них я усматриваю, что современное состояние запасных частей русской армии, а также недостаток в лошадях могут значительно затруднить пополнение этой армии, если бы в ближайшем будущем ей пришлось предпринять наступательные операции в большом масштабе, и что при этих условиях русское верховное командование признает более целесообразным выждать июня или июля месяца, прежде чем начать такого рода операции.

Ввиду этого генерал Алексеев признает крайне желательным, чтобы главное наступление франко-британских армий было отложено до июня или июля месяца, или же чтобы во всяком случае мы сохранили значительные резервы до этого времени. Это позволило бы русской армии, которая лишь к этому времени будет иметь возможность придать должную силу своему наступлению, взять на себя выполнение более существенной задачи в совместных с союзными армиями операциях.

Однако при современных условиях не представляется более возможным внести изменения в развивающиеся уже операции, а также в подготовительные к таковым мероприятия.

Поэтому прошу Вас сообщить изложенное генералу Алексееву и горячо настаивать перед ним на том, чтобы, невзирая на важные внутренние события, — согласно решениям, принятым на конференции в Шантильи, и возобновленным после того обязательствам, — русская армия оказала возможно полное содействие тем операциям, которые в настоящее время ведутся англо-французскими армиями, а также тем, которые будут предприняты ими в скором времени на других участках.

Благоволите, кроме того, высказать генералу Алексееву мое мнение, что в настоящее время лучшим решением, как с точки зрения успеха совмест-

[1]) Дело военно-ученого архива, № 891, стр. 342.

ных военных операций союзников, так и с точки зрения морального состояния русской армии, является переход этой армии в наступление и притом как можно скорее. Подписано: Генерал Нивель».

М. Жанен.

Перевел генерального штаба полковник Базаров.

18 марта 1917 года.

Приложение 8.

Телеграмма Прежбяно о свидании с бельгийским королем [1]).

От Прежбяно. Генералу Занкевичу лично Анаксагор.

Из главной бельгийской квартиры.

В. секретно.

21/23 марта 1917 г.

Вчера был принят королем, которого видел впервые со времени переворота в России. Король особенно интересовался отношением армии на фронте к происходившим в Петрограде событиям, также влиянием и значением рабочего комитета, опасаясь, что влияние крайних левых организаций может отразиться на дальнейшем ходе войны. Особенное впечатление на короля, а также вообще в бельгийской армии произвело переданное французскими газетами постановление Комитета о восьмичасовом рабочем дне, что безусловно должно пагубно отразиться на нашей военной промышленности, а также привлечение всей армии к политической... [2]). По словам короля бельгийского, рабочая партия в лице министра Вандервельде послала представителям нашей рабочей партии телеграмму, призывающую приложить все труды к победоносному окончанию войны. Я доложил королю, что по имеющимся у меня, хотя и не официальным, сведениям, но заслуживающим полного доверия, Временное правительство, составленное из представителей разных партий, поставило себе задачей победоносное окончание войны во что бы то ни стало, и что продолжение войны есть искреннее желание всей России; существующая же группа пацифистов не может иметь решающего значения. Что же касается политики в войсках, я доложил, что заседающие в рабочем комитете солдаты суть исключительно представители петроградского гарнизона, запасные, в большинстве из рабочих, не могущие быть выразителями мнения всей русской армии. Я особенно настаивал на том, что армия на фронте чужда политики и спокойно признала новый режим, сознавая, что при старом победа была немыслима и что, каково бы ни было разрешение Учредительного собрания о будущем государственном строе России, армия останется верной принципу «все для победы»; что касается телеграммы Вандервельде, я высказал мнение, что неофициальная посылка в Россию нескольких представителей рабочей партии бельгийского парламента имела бы большее влияние, чем телеграммы, особенно ввиду популярности Бельгии во всех слоях русского общества. В заключение беседы король благодарил меня за успокоительное сообщение, выразив твердую надежду, что будут приняты все меры к дальнейшему ведению войны. Изложенное прошу Вас доложить военному министру. № 32.

Прежбяно.

Верно: подполковник в отставке Яковлев.

---

[1]) Дело военно-ученого архива, № 1167.

[2]) Группа из трех букв не расшифровалась. По смыслу следует — жизни. *А. Ш.*

Приложение 9.

Телеграмма генерала Лукомского генералу Десино [1]).

№ 3527.

Число слов 226. Подана 26/III 3 23.

Передана 13 415 487.

Генералу Десино.

292. На фронте наших армий порядок в связи с происшедшими в России событиями пока не нарушался. Частичные выступления были в Двинске и в гарнизонах тыловых районов, где под влиянием агитации наблюдался ряд нежелательных эксцессов. Ввиду внесенной в запасные полки и батальоны деморализации под влиянием агитации и принимая во внимание и другие условия настоящей неурядицы в тылу, армия, по мнению военного министра, в течение трех-четырех месяцев не может получить укомплектований, а равно и лошадей. Вследствие сего принятые на конференциях в Шантильи и Петрограде решения должны подвергнуться изменениям, о чем генерал Алексеев уведомил генерала Вильямса для извещения великобританской и французской главных квартир. Против войны агитируют крайние левые партии; однако правительство, большинство Совета рабочих и солдатских депутатов, интеллигенция, армия и провинция являются сторонниками и усиленно агитируют в пользу войны до победоносного конца. В провинции наступило заметное успокоение, в Петрограде жизнь также налаживается, однако при борьбе партий поручиться за то, что полное успокоение наступит скоро, — нельзя. 2191.

Лукомский.

Управ. генерал-квартирм. при верховном главнокомандующем.
Шифровальное отделение.

Зашифровал (подпись).

Получено 12 марта 1917 г.
Вход. № 127.

Приложение 10.

Л 14/III.
Исх. 845.
4 1 2 5.

Полагаю, что новая обстановка выдвигает лишь один вопрос: это — необходимость усилить северный фронт для обороны. Что же касается наступления, то новая обстановка не изменяет вопроса в том отношении, что лишь наступление на юго-западном фронте сулит крупный успех. Наступление же на западном, а тем более на северном, фронте нам ничего не даст.

Г. Л. Лукомский.

Телеграмма генерала Рузского в ставку и ответ на нее генерала Алексеева [2]).

От кого *Генерала Рузского.*
Кому *Наштаверх.*
Откуда Из Пскова.
Подана .... час. .... мин. 14 марта 1917 года.
Получена ... час.... мин. 14. 15/III. 1917 г.

В настоящее время обстановка существенно изменилась, почему казалось бы необходимо срочно пересмотреть наши стратегические предположения. С одной стороны, на западном фронте немцы своим отходом и уклоне-

[1]) Дело военно-ученого архива, № 455, стр. 128.
[2]) Дело военно-ученого архива, № 450, стр. 428, 452.

нием от боев, повидимому, стремятся выиграть время, почему едва можно рассчитывать, что начало решительных действий для англо-французов будет в срок, установленный прежними соглашениями. С другой стороны, выпрямляя свой фронт, немцы могут, отойдя на фронт Понт-а-Муссон — река Маас — Антверпен, сократить таковой более чем на 160 километров, что даст им возможность при соблюдении той же плотности на новом фронте освободить для маневров до 40 дивизий. Предрешать вопрос о направлении этого резерва, конечно, нет возможности, но нельзя отрицать, что оценка событий, происходящих внутри нашей родины, может подвинуть их на развитие наступления против нас. Военный министр на совещании в Пскове выяснил, что состояние флота в отношении его боеспособности и минных средств внушает опасения, почему правый фланг армий северного фронта, а также подступы к Петрограду являются необеспеченными. Изложенное в связи с соображениями, неоднократно высказывавшимися мною как письменно, так и словесно, о важности операционных направлений на Петроград и преимущественном значении их перед направлением на Москву и особенно Киев заставляет меня просить вас вновь пересмотреть намеченный на весеннюю операцию план действий в целях усиления войск на северном фронте. Мне представляется желательным уже теперь передать на северный фронт полевое управление одной из армий, взяв таковое с юго-западного или румынского фронтов и поручить таковому разработку соображений по обороне рижского и финского побережий со включением в район армии также Финляндии. Кроме того, необходима подача на северный фронт до четырех корпусов, дабы быть заблаговременно готовым на случай широкого наступления противника на северном фронте или высадки его на побережьи. Вместе с тем желательно решить вопрос, не представится ли соответственным вообще перебросить на северный, отчасти на западный фронты максимум сил, дабы при благоприятной обстановке перенести центр наших наступательных действий на фронт Рига — Двинск — Молодечно. Конечно, вопрос выполнения этой операции должен быть взвешен с точки зрения обеспечения продовольствием, боевыми припасами, а также укомплектований и выполнимости железнодорожных перевозок, по каковым вопросам военный министр заявил, что выслал вам новые данные. Во всяком случае обстановка настолько существенно изменилась, что оставаться при старом плане едва ли возможно, почему желательны скорейшие указания со стороны ставки, дабы не отвлекаться работами на тех направлениях, кои были намечены по этому плану для наступления.

П с к о в 13 марта 23 ч. 30 м. 1465/Б.
Р у з с к и й.
Расшифровал капитан Н е в е л ь с к о й.

Телеграф.
Прапорщик Соболевский
ит д 1465 БС 14/3 11 10
14/III 1917 г.
военная секретно — наштаверх.

Вх. № 4125.
Исх. № 845.
Передана
16/III 22 час.
пров. № VII.

Зашифровал и отправил
(подпись).
16/III.

Главкосев.

1465/Б. Не предрешая окончательного ответа на Ваши вопросы впредь до п о л у ч е н и я В а ш и х с о о б р а ж е н и й по п и с ь м а м м о и м 12 м а р т а 2216 и 2203, могу пока высказать, что положительно нет д а н-

ных, подтверждающих Ваше предположение о глубоком отходе немцев на линию Антверпен—Понт-а-Муссон — река Маас. Французы находятся в тесном соприкосновении с немцами, сохраняя возможность, способность приковывать к себе силы противника, который, по многим признакам, отходит на подготовленную линию Гинденбурга и готовится к контр-маневру. Не отрицая при вновь создавшихся внутренних условиях опасного положения Петрограда и необходимости организовать особое армейское управление для подготовки обороны линии Або—Перпов, все же считаю, что имеющиеся в вашем распоряжении 505 батальонов, до 420 тысяч штыков, должны быть способны не только удерживать стоящего против Вас неприятеля, не провосходящего пока 250 батальонов, 200 тысяч штыков, но оказать и сопротивление десанту в вышеуказанном районе. Признавая неорганизованность путей в тылу Вашего фронта, нельзя не остановиться, однако, на том, что только Ваш фронт имеет такое соотношение сил, как двойное превосходство. Только юзфронт имеет некоторое преимущество в числе штыков, приходящихся на одну версту протяжения фронта. Обстановка и намерение противника еще не определились, и войска юзфронта являются резервом и для румынского фронта. Сила обязательств перед союзниками, невзирая на наше положение, очерченное в моем письме 2216, может потребовать от нас содействия итальянцам при обстановке, несколько схожей с весенней обстановкой 1916 года. При значительном даже ослаблении юзфронта нельзя взять оттуда четырех корпусов для усиления Вас. Остаюсь при убеждении, что при существующей обстановке и соотношении сил создание обороны Петрограда может быть достигнуто соответственным изменением расположения ваших сил, имея в виду, что левый фланг фронта может быть усилен войсками западного фронта. Опыты предшествовавшего времени указывают, что рассчитывать на широкий успех атаки войсками севфронта нельзя; продвижение на несколько верст вперед на том или другом участке общего стратегического положения нашего не улучшает, потому вносить коренное изменение в план наших действий, если мы вернем способность к активным действиям, нет оснований. Относительно назначения Вам полевого управления, усиления по мере возможности тяжелой артиллерией распоряжения последуют; вопрос о назначении войск будет зависеть от выяснения ближайшей обстановки, но, повторяю, что вся армия не может выделить для усиления севфронта намеченного Вами количества войск, не говоря про то, что такое распределение повлечет равномерность расположения сил и сопряженные с этим невыгоды.

Алексеев.

16 марта 1917 года.
№ 2285.

Приложение 11.

Телеграмма генерала Рузского о выполнении обязательств перед союзниками [1]).

Вр. и. д. верховного главнокомандующего.
17. III. 917.

1-е дел.
Л 17/III.

Принята 17. III. 1917.
3 ч. 55 м. 1917 от Псков
№ 97 VII.

Военная секретно вызвать офицера генерального штаба для приема.

2116, 2203 и 2216, мое мнение я уже изложил в телеграмме № 1465/Б, в дополнение ее и отвечая на Ваши вопросы, считаю необходимым высказать нижеследующее: 1) Мы фактически лишены возможности выполнить обязательства, возложенные на нас совещанием в Шантильи и ныне пред'явленные нам в конкретной форме генералом Нивелем, не только в силу современного состояния наших армий, но и по условиям климатическим, ибо поздняя весна нынешнего года, которая на северном фронте еще даже не началась, не позволит развить вообще серьезные операции ранее 1 мая ст. стиля. 2) Текущие внутренние события отразились на армиях северного фронта весьма болезненно. Хотя период острых эксцессов, повидимому, уже начинает проходить, но во внутренней жизни войск происходит, несомненно, крайне тяжелый болезненный процесс, от которого армии освободятся нескоро. Вековые устои прошлого уклада войсковой жизни сброшены, а новые еще не созданы, вследствие этого внутренняя дисциплина, несомненно, расшатана. Весьма серьезно подорвано взаимное доверие между офицерами и солдатами, а также авторитет начальников. Новые взаимоотношения налаживаются с трудом. Более острая форма этих явлений наблюдается в 5-й армии, затем следует 12-я и 1-я армии. В тылу, особенно в запасных частях фронта, где офицерский состав малочисленнее и слабее, расстройство внутренней жизни еще сильнее. Есть сведения о значительном дезертирстве в тыл, но собрать достоверные сведения о размерах такового пока не удается. 3) Обеспечение армий северного фронта представляется в следующем виде: продовольствие — войсковые подвижные запасы полностью, запасов неподвижных — для людей на 12 дней, для лошадей — на 10 дней. Получено несколько предостережений о предстоящем уменьшении подвоза. Наличным обмундированием можно обойтись с трудом, сапогами весенняя потребность не обеспечена ввиду невыполнения главным интендантством за предыдущие месяцы поставок. Артиллерийскими запасами армии обеспечены лишь на текущую потребность; трехлинейных патронов для операции совсем нет, запаса таких же винтовок также нет. Запаса пулеметов нет, но полки имеют пулеметов от 16 до 24. Запас подготовленных солдат при полках в маршевых батальонах около 34 тысяч, в запасных частях фронта — около 74 тысяч, но части эти теперь захвачены волнениями, и рассчитывать на подачу из них укомплектований в ближайший период времени трудно. Многие из людей разбрелись: так, есть сведения, что в 171-м запасном полку не досчитывают 4 тысяч солдат. Полная же потребность фронта в людях для покрытия всех частных некомплектов и обеспечения ведения операции на первое время — свыше 250 тысяч, итого нехватает 150 тысяч. Некомплект лошадей около 45 тысяч. 4) На основании изложенного в пунктах втором и третьем, а также сведений, сообщенных военным министром в бытность его в Пскове, о невозможности в ближайшее время обеспечить армии притоком продовольствия, огнестрельных припасов, людского и конского укомплектования, я высказываюсь с полной определенностью за необходимость

[1]) Дело военно-ученого архива, № 450, стр. 490.

отказаться в ближайшие месяцы от выполнения наступательных операций и, не теряя ни одного дня, сосредоточиться на подготовке к упорной обороне; решительно также высказываюсь, по крайней мере в отношении армий северного фронта, против предложения, изложенного Вами в письме номор 2216, о допустимости содействия англо-французскому наступлению, в виде более или менее обширных демонстративных действий, — невозможно не только в силу наступающей оттепели, но и по причине бесполезности таких действий, ведущих при позиционной войне лишь к трате огнестрельных припасов и к опасному расстройству войск. 5) Необходимость скорейшего отказа на вверенном мне фронте от дальнейшей подготовки к наступлению, отнимающей бесполезно силы и время, с целью сосредоточения всех усилий на работах оборонительных, настолько насущных, что я предполагаю отдать об этом соответствующее распоряжение 18 марта, если с Вашей стороны к этому времени не получу иного распоряжения. К такой мере меня обязывает состояние на фронте позиций, требующих значительного усовершенствования. До сентября минувшего года войска в этом отношении были предоставлены только себе, так как инженерные организации работали в тылу, распыленные на огромном протяжении. Войска напрягали все усилия, но многого достигнуть не могли вследствие громадной длины фронта и еще более вследствие постоянных подготовок к наступлениям и увлечения наступательными плацдармами. В результате достаточно прочно укреплена и оборудована в инженерном отношении лишь первая полоса, да и то не везде. Вторая полоса — на некоторых участках в зачаточном состоянии — в большей же своей части состоит из старых заплывших окопов с большими техническими недоделками и несовершенствами. Поэтому необходимо сосредоточить все усилия, не теряя ни одного дня, на усилении обороноспособности на всем фронте, и особенно на плацдармах левого берега Двины. 6) По отношению северного фронта я должен засвидетельствовать, что переход к 12-батальонным дивизиям и связанное с этим формирование новых дивизий не только не ослабили фронт, но, напротив, усилили таковой. Переформирование можно считать законченным, полки и дивизии стали более удобоуправляемыми, а фронт получил значительное приращение в числе батальонов. По своему же составу новые дивизии, составленные путем выделения целых батальонов незначительными доформированиями, мало чем отличаются от дивизий основных, недостает лишь спайки, которая постепенно явится. Равным образом фронту удалось собственными средствами сформировать для большинства дивизий по одному артиллерийскому дивизиону, и, с моей точки зрения, остается лишь пожалеть, что отвергнут был проект, предлагавшийся фронтом в ноябре минувшего года, о переходе к 4-орудийным батареям, чем возможно было достигнуть значительного увеличения числа огневых единиц. Новые дивизии обеспечены также отчасти обозом, достаточным для потребностей позиционной войны. 7) Тем не менее, принимая во внимание обстановку, более подробно изложенную в телеграмме моей номер 1465/Б, я считаю долгом заявить, что имеющиеся на фронте силы совершенно недостаточны для противодействия сильному натиску противника и для парирования его высадки на рижском побережьи и тем более на побережьи Финского залива. При общей длине фронта в 420 верст в моем распоряжении всего 484 батальона, из которых не могут быть выделены достаточные резервы. Считаю необходимым еще раз отметить важность операционного направления, прикрываемого армиями фронта, особенно при нынешней обстановке, наличие на самом фронте таких пунктов, как Двинск и особенно Рига, крайнюю слабость и кружность рокадных линий, в силу которой переброска дивизий из одного района в другой требует до 4 — 5 дней. Эти соображения вызывают необходимость наличия на самом фронте сильных резервов, и притом расположенных на железнодорожных узлах за фронтом каждой армии, дабы обеспечить своевременную и непрерывную подачу их при первой необходимости. Вместе с тем современное состояние нашего флота требует особливой заботы по обеспечению побережья Финского и Рижского заливов и разработке соответствующих подготовительных соображений.

Поэтому вновь повторяю свою просьбу о назначении на северный фронт теперь же одного полевого управления армии и четырех армейских корпусов по одному в район Тапс — Нарва — Юрьев — Валк — Режица и для усиления 1-й армии. Что касается Финляндии, то соглашением с военным министром признавалось бы желательным выяснить, следует ли оборону ее поручить тому полевому управлению, которому будет вверена оборона Рижского залива и южного побережья Финского залива, или же более желательно сосредоточить оборону Финляндии в руках главнокомандующего Петроградским военным округом, в районе которого, насколько известно, имеется в виду создать особые войска. Крайне желательно, чтобы перевозка полевого управления и испрашиваемых резервов была закончена к середине апреля, почему необходимо начать перевозку в кратчайший срок. 8) Независимо от изложенного, настоятельно прошу Ваших распоряжений о скорейшем окончании линии Рамоцкое — Альтшваненбург и проведении второй колеи Валк — Рига, дабы создать возможность одновременных перевозок из Пскова в Ригу через Валк и Питалово или же совершать перевозки в Ригу одновременно через Псков и Тапс. Опыт декабрьских и январских операций подтвердил, в каком тяжелом положении может оказаться подвоз к Риге продовольствия в случае сосредоточения в названном пункте значительного числа войск. О последующих Ваших распоряжениях прошу меня уведомить в кратчайший срок.

Рузский.

Расшифровал подполковник Тихобразов.

Псков 16 марта 1499/Б.

Приложение 12.

Письмо главнокомандующего запфронта ген. Смирнова верховному главнокомандующему ген. Алексееву [1]).

Вр. и. д. главнокомандующего армиями западного фронта 17 марта 1917 года. № 6658/2898 б.

Секретно.

В собственные руки. 5088. М. В. Алексееву.

Милостивый государь,
Михаил Васильевич.

По Вашим письмам за номерами 2116 и 2216 я запросил командующих армиями о состоянии армий в смысле боеспособности и нравственной упругости войск последних. Вместе с тем считаю долгом высказать нижеследующие соображения.

Решительные действия нынешним летом, и притом в первой его половине, неизбежны, так как если не откроем их мы, то это сделает наш противник, при чем последнее может не случиться лишь в том случае, если противник будет разбит союзниками на западном фронте, на что мы не имеем права рассчитывать с достаточной уверенностью, особенно если не окажем им с своей стороны решительного, мощного содействия.

Эта неизбежность борьбы заставляет решить основной вопрос: можем ли мы вести наступательную операцию или должны перейти к обороне?

Учитывая вероятное понижение боеспособности армии и еще большее расстройство в ее пополнении и снабжении, Вы признаете наступательные операции для нас непосильными и полагаете необходимым перейти к обороне. Но расстройство армии и ее снабжений окажет свое вредное влияние на оборонительные действия нисколько не в меньшей степени, чем на активные операции. Если наше расстройство достигнет таких размеров, что нам будет непосильно наступление, то мы не можем рассчитывать и на

[1]) Дело военно-ученого архива, № 450, стр. 516.

успешную оборону: без людей, снарядов, хлеба и высокого духа одинаково нельзя и обороняться и наступать. Между тем результаты неуспешной обороны и неудачного наступления далеко не одинаковы: первые почти неизбежно будут иметь роковые последствия и для хода войны и для государства; вторые не исключают возможности затянуть борьбу до того времени, когда удастся восстановить свои силы. Поэтому, раньше, чем окончательно решить поставленный вопрос, прошу принять во внимание следующие мои соображения:

Весь предыдущий опыт убеждает в том, что ежели немцы подготовят широкий удар и его осуществят у нас с той же энергией, каковую они проявляли ранее у нас и на фронте наших союзников, то едва ли можно сомневаться в том, что наш (русский) фронт они прорвут, а избрав последний для большой операции, они, конечно, сосредоточат надлежащие силы и средства для повторных мощных ударов с целью расширить и довершить достигнутый успех, парировать который при медленности наших перебросок будет делом большой трудности. При недостаточности укомплектований и средств нас может ждать повторение 1915 года, когда мы в течение двух месяцев должны были отойти на 400 верст, но с тою разницею, что наше положение будет несравненно хуже, потому что пространство до наших жизненных центров ныне меньше и отдавать придется уже нашу чисто русскую землю. Это же при теперешнем состоянии государства будет переноситься внутри страны гораздо тяжелее и нервнее, нежели в 1915 году.

В то же время опыт показывает, что настойчивый удар, даже не увенчавшийся серьезным успехом, в худшем случае имеет результатом то, что обе стороны остаются в старом взаимном положении без заметного перевеса какой-либо одной из них.

Таким образом, если понижение боеспособности армии и расстройство ее снабжения и вносят сомнение в расчет на успех наступления, то, тем не менее, они не лишают нас возможности рассчитывать на то, что даже в худшем случае мы сохраним существующее положение и затянем борьбу на то время, которое нам необходимо для восстановления мощи потрясенного государственного организма. Оборонительная же операция только в лучшем случае даст такие же результаты, в худшем же — может принести неисчислимые по своим последствиям бедствия.

Что касается затраты средств, людских и материальных, на наступательную борьбу, не обещающую большого успеха, то перед таковой вряд ли возможно останавливаться, имея в виду, что и оборонительная операция для отражения удара противника потребует отнюдь не меньше сил и средств. Вместе с тем нельзя не учитывать и того, что при наступательной операции, когда инициатива в наших руках, даже ограниченные средства могут быть сконцентрированы должным образом, при обороне же они всегда будут более рассредоточены, и часто не удастся их собрать к нужному месту и времени.

Следующее соображение, говорящее за наступательный образ действий, это — та помощь, которую окажет последний нашим союзникам, и которую они с правом ждут от нас. Наша полная пассивность может роковым образом отозваться на борьбе последних, в то время как наши наступательные действия будут той посильной помощью, которой мы обязаны перед союзниками, и которая может перевесить чашу весов на сторону согласия.

Есть еще одно соображение за активный способ действий, это — чем скорее втянем войска в боевую работу, тем они скорее отвлекутся от политических увлечений, и тем безболезненнее пройдет процесс внутреннего переустройства армии. В этом отношении, не будь условий позиционной войны, нужно было бы перейти в наступление теперь же; в настоящей же борьбе за укрепленные позиции это невозможно без длительной подготовки.

Наконец, как я понимаю положение дела, мы не так уже пострадали в смысле состояния армий, их подготовки и снабжения. Так, в отношении укомплектований западный фронт имеет в запасных батальонах около 150 тысяч, что при 500 тысячах штатных штыков нельзя считать очень

малым, и нет вместе с тем оснований считать их особенно непригодными для постановки в войска.

Приходя таким образом к убеждению, что при неизбежности настоящей решительной борьбы наступление является более безопасным и соответственным способом действий даже при подорванных средствах, считаю только необходимым отметить, что было бы желательно удар производить не к югу от Полесья, а к северу от него, так как в этом случае сосредоточиваемые для удара войска страховали бы нас от попыток противника нанести нам удар в действительно чувствительном направлении. Запоздание или неудача нашего удара в этом случае не имели бы тех вредных последствий, которые могут быть в том случае, если главный удар будет произведен к югу от Полесья, где придется иметь сосредоточенными для этого главные наши силы и средства.

С этой точки зрения, может быть, было бы соответственным, не гонясь за сосредоточением севернее Припяти слишком больших сил и средств и до некоторой степени пренебрегая совершенством подготовки, выполнить то и другое лишь в мере реальной возможности в остающиеся 1½ месяца.

Донося эти мои соображения, я вместе с тем считаю необходимым на западном фронте немедленно принять меры, обеспечивающие выполнение как наступательной задачи, лежащей на фронте, так и переход фронта к оборонительному положению.

Поэтому, я теперь же полагаю приступить к выводу и перевозке из 3-й армии в 10-ю 3-го корпуса с тем, что он там будет использован либо для намеченной наступательной операции, либо же расположится в моем резерве за правым флангом фронта в готовности для действий как на Сморгонском направлении, так и на Поставском. Точно так же теперь же намечаю вывести в мой резерв 10-й корпус в 11-й армии, оставив его пока на Барановичском направлении и переведя его в район 10-й армии в том случае, если вопрос о наступательной операции будет решен в утвердительном смысле.

Уважающий Вас и искренно преданный

В. Смирнов.

Приложение 13.

Письмо главнокомандующего юго-западным фронтом ген. Брусилова в ставку [1]).

Главнокомандующий
армиями юго-западного фронта.
По штабу.
20 марта 1917 года.
№ 1100.
г. Каменец-Под.

Секретно.
В собственные руки 5092.

Верховному главнокомандующему.

Рапорт.

Ознакомившись с данными современной обстановки, изложенными в письмах Ваших за №№ 2116, 2203 и 2216 и приложенных к ним копий писем военного министра и французской службы генерала Жанена и Ваших ответов на них, и обсудив возбужденные вопросы совместно с собранными мною 18 сего марта в штабе фронта командующими армиями, мы единогласно пришли к выводам, изложенным в телеграмме от 18 марта за № 1061.

Мотивы, послужившие для этого основанием, следующие:

1. Признавая наше положение весьма тяжелым, я считаю, однако, что нам не следует отказываться от принятого и уже проводимого в жизнь

[1]) Дело военно-ученого архива, №45 0, стр. 607.

плана действий; мы должны атаковать противника, так как это единственный выход при создавшейся обстановке. При обороне мы будем непременно разбиты, ибо противник легко может прорвать наше расположение в любой точке, — и тогда мы все потеряем. Ибо из обширного опыта этой войны с полной достоверностью получился вывод, что при систематической атаке с достаточными техническими средствами, которыми притом наш враг богаче нас, обороняющийся всегда проигрывает. Успех, в зависимости от обстановки, будет большего или меньшего размера, но, во всяком случае, значительный.

Настроение в войсках пока отличное, и все хотят и ждут наступления. Пассивный образ действий убьет это настроение, разочарует, подорвет их веру в начальников, даст возможность широкого развития пропаганды и будет началом развала армии.

Приводимое военным министром мнение, что нравственный уровень укомплектований, находящихся ныне во внутренних округах, сильно понизился, и что таковые ранее 3—4 месяцев будут для армии непригодны, по нашему мнению, следует признать преувеличенным. Укомплектования, попавшие в крепкие по духу части, быстро будут восстановлены. Если будет у нас боевой успех, то патриотизм охватит всю Россию и те укомплектования, качество которых вызывает ныне сомнение, окажутся вновь соответствующими. Ныне же полагаю необходимым перелить из армейских и фронтовых запасных полков укомплектования в действующие части, заполнив запасные полки укомплектованием из внутренних округов и новобранцами до полного предела (около 8 тысяч на полк); о необходимом для сего числе новобранцев мною делается одновременно представление.

Так же, по моему мнению, не может заставить нас отказаться от наступления и недостаточно интенсивный приток огнестрельных припасов и материальной части; он может лишь сократить размеры самого наступления.

Глубоко сознаю, что в настоящее время по общим соображениям нам более, чем когда-либо, необходима победа, а ее мы можем достигнуть только атакуя противника. Наш первый удар должен быть непременно успешным; пусть этот успех будет небольшим, не длительным, но повторяю, он во что бы то ни стало должен быть; его моральное значение будет чрезвычайно велико.

2. Полагаю, что наступление можно будет начать в первых числах мая; к этому времени будет закончена подготовка, подвезена тяжелая артиллерия, и влиты возможные укомплектования.

Новые пехотные дивизии уже закончили свое формирование, находятся на позиции и, по заключению начальствующих лиц, по своей подготовке и по своему духу нисколько не уступают старым дивизиям, но остается еще доформировать обозы и учреждения, в которых нехватает лошадей; надо настоять, чтобы приостановленная по соображениям внутренней политики реквизиция лошадей возобновилась; нельзя забывать, что боевые интересы в период войны должны быть на первом месте. Назначенная на юго-западный фронт тяжелая артиллерия из внутренних округов должна теперь же перевозиться на фронт и здесь уже довершать свою боевую подготовку.

Наступление в мае приблизит нас к исполнению первоначально поставленных нам требований союзников. Отказ от выполнения этого обязательства поставит наших союзников в тяжелые условия, которые, несомненно, отразятся тяжело и на нас.

3. Нет сомнения, что противник вступил в крайне тяжкий для него фазис борьбы, потребовавшей от него исключительных мер для улучшения своего положения, вроде добровольного отхода во Франции.

Создавшейся обстановкой, конечно, надо воспользоваться и нанести противнику решительное поражение, каковое возможно лишь при совместных усилиях всех союзных армий. Наш отказ от наступления подорвет веру союзников в окончательную победу и повлечет для нас неисчислимые по своим вредным последствиям результаты. Союзники могут поставить нас в изолированное положение, лишат необходимого денежного кредита

и поддержки техническими средствами и в конечном результате учтут нашу уклончивую роль в осуществлении общего плана. Наступая совместно с ними, при современных условиях обстановки, в которые поставлена наша армия текущими событиями, мы, конечно, увеличиваем для себя долю риска, но без такового не обходилась ни одна операция за весь почти 3-летний период текущей войны. Мужественное решение в тех тяжелых условиях, в которых находится армия, считаю единственным достойным решением, дающим нам возможность выйти с честью из создавшегося положения перед нашей родиной, союзниками и всем миром.

Важнейший фактор войны — дух войск — при таком способе действий может восполнить недостаток сил и технических средств; охватившее же страну воодушевление при нашем первом боевом успехе может вызвать к жизни полное напряжение всех сил государства и обеспечить армии верную победу.

Отсрочка наших активных действий теперь, помимо полной потери нашего государственного престижа, дает противнику полную свободу действий по внутренним операционным линиям. Мы сыграем в руку противнику, и, оставив наших союзников без поддержки во-время, сами потом можем быть им легко разбиты.

4. Принимая, однако, во внимание неизбежное наше ослабление к началу активных действий по сравнению с первоначально разработанным планом, как в смысле артиллерийских средств, так и прочности укомплектований из внутренних округов, нельзя не признать необходимости некоторого сужения размера наступления, уменьшив фронт прорыва. Окончательное определение такового последует дополнительно, по получении от Вас данных принятого решения в отношении предоставляемых фронту сил и средств для предстоящей операции.

5. В настоящее время самым серьезным вопросом в подготовке будущего успеха, а равно и в самой жизни армии является правильно налаженный подвоз — прежде всего продовольствия, а затем и прочих средств, — для накопления запасов на местах к предстоящим активным действиям.

Вопрос желудка остро чувствуется солдатами всегда, а при настоящих условиях внутренней жизни страны его надо безусловно ставить на первом плане. Солдат справедливо убежден, что продовольственные запасы в стране имеются, и, если до сих пор он часто недоедал, то причиной тому была правительственная разруха. С новым строем недостаток продовольствия перестает быть понятным и вызывает неудовольствие, и прежде всего по адресу начальства.

На-ряду с этим стоит также вопрос о недостатке фуражного продовольствия, сокращенного до невозможного предела, при котором начинается падеж лошадей, что грозит армии серьезным ослаблением конского состава.

Повидимому, в железнодорожном хозяйстве страны попрежнему полный хаос. Требуются самые решительные меры по урегулировке этого вопроса со стороны Временного правительства, с устранением всякого постороннего влияния. Железные дороги в переживаемую годину должны так же честно и добросовестно, как и армия, исполнять свой долг перед родиной. Армия не знает праздников и прогульных дней на фронте, таковых не должно быть и на железных дорогах.

6. Оценка всей совокупности условий создавшейся обстановки побуждает меня просить Вас согласиться с вышеприведенными доводами и поставить в основу предстоящих действий общее наступление на всех фронтах, не откладывая такового далее начала мая. Мы не должны забывать, что война вступила в окончательную фазу, когда необходимо решительно развернуть все имеющиеся у нас силы и средства в минуту, наиболее отвечающую общей обстановке на всех фронтах союзников.

7. Революционное движение не отразилось пока на нравственной упругости и духе армий вверенного мне фронта. Тлетворное влияние пропаганды может сказаться позже, — в особенности в период продолжительного и безнадежного сидения в окопах. Сейчас организм армий прочен, дух их

высок и даже повышен; они полны порыва, жажды победы, в которую они верят. Угасить их дух было бы преступно.

Армии приняли новый порядок, перешли к нему в полном спокойствии и сознании лежащего на них священного долга перед родиной. Они признали Временное правительство, как единственную в стране законную власть, и присягнули повиноваться ему и поддерживать его во всем.

Армия полагает, что, выполняя свой долг перед родиной и стоя перед лицом противника, она имеет нравственное право на полную поддержку ее трудом всей страны, которая обязана по нравственному своему долгу обеспечить родную армию всеми необходимыми средствами, которыми, по общему убеждению, она располагает в избытке. Армия считает, что необходимым условием для правильной работы тыла должно быть прежде всего спокойствие и твердая правительственная власть для проведения во всем неумолимо строгого порядка. Армия жертвует для родины своей кровью и жизнью и требует, чтобы страна принесла на алтарь общего дела спасения родины свой честный труд.

С водворением нового правительства вопрос внутренней политики должен считаться законченным до возникновения Учредительного собрания, и потому никаких партийных споров и влияний быть не должно. Армия признает лишь Временное правительство и будет ему верна. Правительство должно это знать и соответственным образом действовать.

В заключение считаю долгом высказать, что:

1) несомненно, 1917 год — последний год войны, и совершенно невероятно, чтобы война продолжалась и в 1918 году; таким образом, обращаясь в этом году к пассивному образу действий, мы закончили бы войну бесславно и с подводом наших союзников под удары противников, не оказывая им никакой своевременной помощи;

2) такой образ действий восстановит против нынешнего Временного правительства не только всех наших союзников, но и всю Россию, и может ввергнуть нас в анархию, и

3) возбудит негодование войск против своего высшего командования, и всякая дисциплина исчезнет, а демобилизация будет представлять собой еще более трудное дело, чем это предполагается теперь.

Генерал-от-кавалерии Брусилов.
Начальник штаба
генерал-лейтенант Сухомлинов.

Приложение 14.

Телеграмма ген. Гурко военному министру [1]).

Весьма секретно.

От генерала Гурко.
Военному министру.

Из ставки.

Получена 24 марта 1917 года.

Минска 23 марта 18 ч. 50 м.

2116, 2203, 2216. Ознакомившись, пока бегло, с положением дел, всецело присоединяюсь к заключению вр. и. д. Главкозапа, изложенному в письме № 6658 (2898) Б и к заявлению Главкоюза и Командармов юго-западного фронта в телеграмме № 1061. Полагаю, что, как бы ни были мы бедны средствами, все же лучше и выгоднее наступать даже без полной уверенности в успехе, чем, уступив инициативу в руки противника, обречь

[1]) Дело военно-ученого архива, № 1237, стр. 60.

себя на необходимость подчиняться его решениям и затыкать угрожаемые им места. Силы противника не так велики, чтобы он мог и отбить намеченные нами удары и организовать еще свое наступление; надо ожидать, что в худшем для нас случае начатые нами удары замрут без решительных результатов. Мы обязаны оказать союзникам активную помощь, и только в этом случае мы можем требовать от них выполнения взятых на себя ими обязательств. Если же они увидят нашу неспособность к активным действиям, если они придут к сознанию, что наше государственное расстройство сделало армию и страну небоеспособной, то они будут считать себя свободными от принятых по отношению к нам обязательств. Таковы мои впечатления, вынесенные из сношения со многими из представителей союзных государств на конференции. Считая же себя свободными от обязательств, последние легко смогут заключить выгодный для них сепаратный мир за наш счет с немцами, которые на это пойдут легко, так как они в сущности ничего не ищут от западных держав и вполне могут быть удовлетворены за счет России, как в пределах Европы, так и на Ближнем Востоке. Твердо уверен, что народ, который сумел добиться политической свободы внутренней, должен суметь завоевать себе и политическую свободу внешнюю, имея к тому все средства, хотя и не все они ныне под рукой. Армия вполне проникнута сознанием тесной связи того и другого; нужно, чтобы и весь народ в тылу и его руководители прониклись тем же, и тогда победа обеспечена, но ее нужно вырвать у врага, а не надеяться, что она сама к нам придет вследствие неумелых и нерешительных действий противника. Докладывая эти краткие соображения, более подробно донесу, когда получу донесения командиров на сделанный им по сему запрос. № 6795.

Гурко.

Верно: Капитан Володимиров.

Приложение 15.

Телеграмма ген. Алексеева военному министру Гучкову [1]).

30 марта.
№ 2639/1020.
Ставка.

Военному министру А. И. Гучкову.

Милостивый государь, Александр Иванович.

Ваше письмо от 9 марта № 33 я препроводил для сведения главнокомандующим.

Только генерал Рузский, указывая на то, что внутренние события отозвались на армиях вверенного ему фронта «весьма болезненно», ссылаясь на расстройство продовольственных, вещевых и артиллерийских запасов, на ненадежность укомлектований, приходит к определенному заключению о необходимости отказаться в ближайшие месяцы от выполнения наступательных операций и сосредоточить все усилия на подготовке к упорной обороне.

Совершенно иначе отнеслись к этому острому, большой важности вопросу главнокомандующие западным и юго-западным фронтами. Оба высказали, что решительные действия наступающим летом неизбежны. Если не откроем их мы, то это сделает противник, тогда, когда это будет выгодно и удобно ему. Отказ от содействия нашим союзникам, поставя их в трудное положение, не избавит и нас от необходимости втянуться в упорные, длительные бои, но тогда, когда в свою очередь мы не будем в состоянии рассчитывать на помощь наших союзников, в случае их частичной или общей неудачи.

Как бы ни были мы бедны в настоящее время средствами, все же выгоднее наступать, даже без полной уверенности в успехе, чем перейти

[1]) Дело военно-ученого архива, № 452, стр. 136.

к опасной обороне и обречь себя на необходимость подчиниться решениям противника. Расстройство армии и ее снабжений окажет свое вредное влияние нисколько не в меньшей мере при обороне, чем при активной операции.

Результаты неуспешной обороны и неудачного наступления не одинаковы. В первом случае последствия могут быть роковыми для всего последующего периода войны; при наступлении — даже в худшем случае — начатые нами удары замрут без последствий, и обе стороны останутся в прежнем взаимном положении.

Если же немцы подготовят против нас широкий удар и проведут его с обычной энергией и богатством артиллерийских средств, то парировать этот удар будет трудно. Затрата же средств людских и материальных на наступательную операцию будет едва ли большею, чем при обороне.

Чем скорее мы втянем наши войска в боевую работу, тем скорее они отвлекутся от политических увлечений.

На основании таких соображений генерал Брусилов, собрав военный совет из подчиненных ему командующих армиями, препроводил мне постановление, основная суть коего сводится к следующему: 1) армии фронта желают и могут наступать; 2) это — наша обязанность перед союзниками; 3) нашим наступлением противник будет лишен свободы действий на других фронтах; 4) недостаток средств отразится, конечно, на размерах наступательной операции.

Что касается румынского фронта, то шаткое состояние умов румынской армии, народа и правительства по отношению к нам заставляет иметь особые резервы ближе к участку, занимаемому ныне в боевой линии 2-й румынской армией, с тем, чтобы в случае ее неустойки или отказа от борьбы, немедленно занять ее позиции и закрыть прорыв. Но и генерал Сахаров склоняется к необходимости предпочесть хотя и не широкие, но активные удары.

Изложив мнения высших начальствующих лиц в армии, выскажу свой взгляд.

Учитывая крайне тяжелое наше положение в отношении продовольственном, транспорта, металла, недобросовестного поведения рабочих Петроградского района, принимая во внимание кризис, переживаемый армией, я тем не менее считаю, что обречь себя на оборону до июня — июля мы не имеем права. Много есть для этого причин, не говоря уже о том, что отказ от обязательств, принятых нами перед союзниками, поставит нас в совершенно исключительное положение и может вызвать с их стороны соответственные меры.

Рассчитывать на успех обороны мы не можем. Растянутый на 1.650 верст наш стратегический фронт не допускает везде иметь сильные резервы; противник всегда будет иметь возможность собрать более сильную ударную группу и достигнуть успеха ранее, чем мы соберем надлежащие силы для обороны, пользуясь нашею слабо развитою и совершенно неприспособленною ныне к интенсивным перевозкам железнодорожною сетью.

Недавний опыт боя за Червищенский плацдарм, к сожалению, говорит за то, что и стойкость войск в обороне понесла за последнее время значительный ущерб. Это еще более делает опасным первоначальный удар сосредоточенных сил немцев.

Можно сказать, что чем слабее устойчивость войск, тем труднее для них оборона, тем желательнее предпринять с ними активные действия. Первоначальный успех может вызвать воодушевление, под'ем духа, что в связи со сбором сил в точке удара может обеспечить широкий успех и парализовать предприятия неприятеля на других фронтах.

Последнее очень важно. Пока нет никаких реальных данных, указывающих на намерение немцев направить удар к стороне Петрограда. Имеются кое-какие агентурные сведения и наши собственные соображения, что противнику было бы выгодно выполнить подобную операцию. Невзирая на зыбкость этих данных, генерал Рузский рядом телеграмм настойчиво просит выслать ему на усиление северного фронта ч е т ы р е а р м е й с к и х

корпуса. Прежде всего я не имею возможности выделить за счет других фронтов такие значительные подкрепления, ибо наши задачи не исчерпываются целями одного северного фронта.

Во-вторых, теперь северный фронт располагает двойным превосходством в пехоте над противником; настояния главнокомандующего сводятся к тому, чтобы обеспечить ему тройное превосходство. Основываясь только на важности направления, не имея еще определенных указаний на вероятность удара на Петроград, мы в виде страховки должны ослабить себя на всем стратегическом фронте, равномерно растянуть свои войска и не быть в состоянии где-нибудь собрать ударную группу, так как просимые для северного фронта корпуса будут разбросаны по Финскому побережью, откуда их будет почти невозможно привлечь на другие фронты.

Страховку направления на Петроград, по-моему, лучше исполнить сильным ударом там, где по тактическим условиям и по свойствам противника легче обеспечить себе успех.

К оборонительному бою, если мы не будем наступать, нас припудят. И патронов, и снарядов, и укомплектований понадобится при этом не менее, чем при атаке. Шансов на успех меньше.

Отсюда вывод: как ни тяжело наше положение, нам нужно начать весеннюю кампанию наступлением, что отвечает и настойчивым желаниям союзников (приложение — последняя телеграмма генерала Нивеля).

С таким решением нужно сообразовать, в мере возможности, и нашу подготовку. Повторяю, будем ли наступать, обречем ли себя на отбитие ударов противника, — нам одинаково нужны будут патроны, снаряды, тяжелая артиллерия, укомплектования. Невозможно допустить повторения 1915 года; мы теперь находимся в неизмеримо худших условиях как в отношении нравственного настроения, так и глубины театра действий.

Особенно нужны ружейные патроны: запас их недостаточен для длительной борьбы.

Необходимы энергичные меры, чтобы двинуть вперед замедлившееся формирование тяжелой артиллерии. Громадное превосходство на стороне противника в этом роде оружия настоятельно требует, чтобы каждое орудие, получаемое от наших союзников, скорее выдвигалось на фронт и облегчало тяжелую работу нашей пехоты.

Необходимо увеличить и число снарядов для наличной тяжелой артиллерии.

Необходимо возобновить отмененную реквизицию лошадей, дабы ко времени появления подножного корма можно было пополнить некомплект, особенно во вновь сформированных полках.

О привлечении снова в ряды войск ушедших по домам в течение марта, я уже говорил ранее.

Прошу принять уверения в совершенном уважении и искренней преданности.

Мих. Алексеев.

Верно: Подполковник Тихобразов.

Приложение 16.

Директивы ставки [1]).

Секретно.

Копия.

Главнокомандующим.

Из донесений главнокомандующих на сделанный им запрос, какое влияние могут оказать переживаемые ныне государством события и известное расстройство в вопросе снабжения армий на характер наших военных решений на предстоящую весеннюю и летнюю кампании, видно, что боль-

[1]) Дело военно-ученого архива, № 452, стр. 134.

шинство полагает, что нет причин для внесения изменений в основную идею уже принятого плана и сообщенного главнокомандующим телеграммой 25 января 1917 года, 22. Сохранение идеи наступательных действий тем более желательно, что производимое ныне противником сокращение своего западного фронта может предоставить в его распоряжение значительные резервы и возможность, при посредстве их, произвести наступление против нас, чтобы использовать предполагаемое внутреннее расстройство как армии, так и государства.

Союзники наши начали 27 марта решительные действия против немцев на западном фронте.

Учитывая настоящую обстановку, наши обязательства перед союзниками, принимая во внимание общее состояние армии и ее снабжений, я решил сохранить общую идею плана, указанную в телеграмме 22, и при благоприятных условиях, по возможности в первых числах мая, произвести ряд наступательных действий.

Если противник предупредит нас, то на замышляемые им удары, по мере их выяснения, особенно же против северного фронта с угрозою столице, ответить или общим переходом в наступление всеми фронтами, или, сообразуясь с обстановкою, ударом двух фронтов там, где наши приготовления будут более закончены.

Считаю нужным при этом напомнить, что при выполнении этой задачи необходимо соразмерить наши действия с наличными средствами. Необходимо внимательно разработать план действий, определить наиболее слабые и уязвимые места в неприятельском расположении. Считаю, что наша сильная числом пехота, даже при относительно слабой артиллерии, своевременно поддержанная резервами, прорвет расположение противника, а надлежащие и благовременно использованные главные силы фронта могут развить первоначальную удачу до широких пределов.

1. При выполнении задач главнокомандующим рассчитывать на те силы, коими они располагают в данную минуту.

2. На усиление северного фронта с Кавказа назначаю десять батальонов и 5-ю кавказскую казачью дивизию с ее артиллерией. Войсками этими предпочтительнее усилить 42-й корпус.

3. До выяснения обстановки и для обеспечения возможности быстрого усиления особо угрожаемых неприятелем направлений — числить в резерве Главковерха: на северном фронте — один армейский корпус, на западном — два корпуса, на юго-западном — три корпуса и на румынском — один корпус. Корпуса эти должны быть вполне боеспособны, ибо перебрасываться они будут не для занятий пассивных участков, а туда, где будет решаться участь операции.

4. Северному фронту предоставляется использовать ныне войска, назначаемые в резерв Главковерха, для обороны побережья севернее Ригп. На прочих фронтах корпуса резерва должны быть избраны из расположенных близ железных дорог, дабы произвести посадку, если там встретится надобность, без потери времени.

5. Главные для удара направления назначаются, примерно, для юго-западного фронта, как указано в телеграмме 22, для западного фронта — на Вильну, для румынского фронта — на Браилов и для северного фронта, если обстоятельства позволят ему перейти в наступление, — на Митаву.

6. Кавказскому фронту организовать наступательные действия, сообразуясь с продовольственными и транспортными средствами и чтобы шире использовать успехи англичан в Месопотамии и сократить протяжение своего стратегического фронта.

7. Черноморский флот должен быть готов оказать полное содействие возможным операциям румфронта на нижнем Дунае и Добрудже.

8. Возлагаю на особую заботливость и ответственность командующего Балтийским флотом скорейшее восстановление боеспособности этого флота.

9. Подчиняю Балтийский флот с принадлежащими ему крепостями, сухопутными войсками, территорией и морскими позициями главкосеву,

на правах главнокомандующего флотом. Переход подчинения флота главкосеву определяется 24 часами четвертого апреля.

10. Распоряжением наморштаверха организовать при штасеве морской отдел путем командирования соответствующих офицеров.

11. Для облегчения поддержки войск в случае наступления противника и более удобной организации управления изменить разграничительные линии между фронтами, назначив их по естественным рубежам, именно — передать район южнее реки Дисненки — запфронту, район южнее Припяти — ю.-з. фронту.

12. Разграничительные линии назначаются: а) между севфронтом и запфронтом — от Видзы на южную оконечность озера Богинского на Шарковщизну, далее по реке Дисненке до устья, гор. Дисна, Боярщина, Кожемякина на гор. Холм. Линия эта принадлежит севфронту; б) между запфронтом и ю.-з. фронтом — от г. Пинска по реке Припяти до Мозыря на Лоев, Городня, Новгород-Северск. Линия эта принадлежит запфронту.

13. Означенные участки переходят к новым фронтам с теми войсковыми частями, кои ныне занимают их.

14. Изменение разграничительной линии дает севфронту возможность одно из полевых армейских управлений, ему подчиненных, передвинуть для организации обороны побережья.

15. Финляндия остается в составе севфронта. Если признается необходимым, предоставляется развить управление 42-го корпуса, соответственно местным потребностям и требованиям удобства управления.

16. Полевое управление 3-й армии остается в распоряжении запфронта для лучшего подразделения линии обороны между рекой Дисненкой и рекой Припятью.

17. Распоряжения запфронта о переброске 3-го армкорпуса в район севернее Припяти остаются в силе.

18. Ю-з. фронту произвести новое подразделение войск между армиями соответственно обстановке и характеру предстоящих действий.

19. Время перехода управления 3-й армии в район севернее Припяти предоставляется к взаимному соглашению смежных фронтов, как и время передачи запфронту участка южнее Дисненки.

20. При составлении соображений, согласно указаний настоящей телеграммы, фронты должны вводить в свои расчеты и те войска, кои, согласно пункта 3-го, будут числиться в резерве Главковерха. № 2647.

Алексеев.

С подлинной верно: Генерального штаба
Подполковник Тихобразов.

30 марта 1917 года.

Приложение 17.

Телеграмма из ставки о Стоходе [1]).

Телеграмма от угенкварверха по 1-му делопроизводству.

Исх. 973.

Секретно.

Главкосев 25/III 16.40 подпись.
Главкозап 25/III 14.40 подпись.
Главкоюз 25/III 15.49 подпись.
Поглавкорум 25/III 17.30 подпись.
Командарм кавказской 25/III 19.35 подпись.

В течение последних пяти недель по сведениям, получаемым как от пленных, так и путем воздушной разведки, совершенно определенно намечалось стремление противника произвести атаку против нашего плацдарма

---

[1]) Дело военно-ученого архива, № 452, стр. 61.

на левом берегу Стохода, в районе Тоболы — Червище. Представлялось вполне определенным, что противник попытается произвести наступление с наступлением оттепели, когда явится затруднение в сообщении с правым берегом. Так как, по имеющимся сведениям, артиллерия, находящаяся на правом берегу Стохода, по многим участкам перед плацдармом могла стрелять лишь на пределе и не могла оказать достаточной поддержки своим войскам при атаке противника, а с другой стороны, вследствие ненадежности и недостаточности переправ в тылу частей, занимавших плацдарм, 22 февраля начальнику штаба фронта телеграммой из ставки указывалось на возможность атаки противником плацдарма во время разлива Стохода и спрашивалось, какие меры приняты и принимаются для противодействия возможным попыткам противника получить легкий успех в этом районе. В ответ на это 23 февраля командующий 3-й армией сообщил, что содействие артиллерии обеспечено, заградительный огонь разработан, вообще положение Червищенского плацдарма считает прочным, так что здесь противник рассчитывать на легкий успех не может. 21 сего марта после короткой артиллерийской подготовки противник атаковал Червищенский плацдарм. Уже к часу противник прорвался и занял в тылу 17-го и 18-го стрелковых полков переправы на Стоходе. Бой продолжался целый день, и под давлением противника наши части по приказанию командарма 3-й отошли на правый берег. В результате Червищенский плацдарм был потерян, и занимавшими его частями были понесены потери офицеров: убито 2, ранено 10, контужено 6, отравлено газами 16, без вести пропало 150; солдат убито 76, ранено 237, контужено 17, отравлено газами 740, пропало без вести 11.014. Потери с материальной части: винтовок 7.351, винчестеров 62, карабинов 281, пулеметов Максима 48, пулеметов Кольта 36, бомбометов 32, минометов 7, противоштурмовых орудий 10. Расследование о ходе боя и о причинах, повлекших за собою поражение, производится, однако уже ныне с полной очевидностью обнаруживаются главные причины столь крупного неуспеха, именно: 1) артиллерийская поддержка, вследствие дальнего расположения артиллерии, была совершенно недостаточна; 2) плацдарм, подготовленный для наступления, повидимому, не был соответственным образом приспособлен для обороны; 3) на узком плацдарме, сплошь перерытом окопами и не имеющем тыла, с незначительным числом надежных переправ через Стоход, с крайней затрудненностью маневрирования, было сосредоточено чрезмерное количество войск, ставших легкой добычей противника. Неоднократные указания о необходимости внимательно относиться к подготовке обороны позиций, а также на недопустимость насыщения войсками передовой линии, в данном случае совершенно не были соблюдены. Такое отношение старших начальников к столь серьезному вопросу и дало в результате катастрофу, которая постигла 3-й корпус. Предписываю немедленно приказать командармам и комкорам проверить на местах расположение частей и подготовку к обороне участков и внести необходимые поправки. Надлежит обратить особое внимание на те участки, которые с наступающей распутицей явятся отрезанными от тыла и могут послужить вместе с находящимися на них войсками легкой добычей противника. В тех случаях, когда положение является действительно опасным, на таких участках необходимо оставить лишь сторожевое охранение и небольшие поддержки, все же остальное должно быть отведено на соответствующие позиции. Необходимо помнить, что оборона должна быть основана на удержании во что бы то ни стало передней линии, а главным образом — на целесообразном сочетании артиллерийского и пулеметного огня и на контр-атаках,— преимущественно во фланг ворвавшемуся в окопы противнику. Из опасения утерять хотя бы пядь земли мы до сих пор готовы располагаться в болотах и ямах, в то время когда противник занимает действительно выгодные для него позиции. Ожидаю в наикратчайший срок донесения, насколько прочной признается оборона участков фронтов армии и о том, какие изменения в распоряжении будут произведены на период наступающей распутицы.

Алексеев.

25 марта 1917 года. № 2531.

Приложение 18.

Рапорт офицеров-командиров 32-й дивизии.

Начальник
32-й
пехотной дивизии.
Марта 9 дня 1917 г.
№ 20.
Д. армия.

Командующему 8-й армией.

Копия командиру 11-го армейского корпуса.

Рапорт.

Манифестом его императорского высочества великого князя Михаила Александровича, данным 3 текущего марта, верховная власть в государстве передана Временному правительству, возникшему по почину Государственной думы.

Об'явлен состав министерства с председателем Совета министром князем Львовым.

Для рассмотрения вопросов по военному ведомству составлен военный совет, составленный из высших военных чинов, вполне компетентных в военном деле, глубоких знатоков потребностей духа и жизни нашей армии.

Все важные вопросы, касавшиеся армии, рассматривались военным советом по представлению военного министра и по высочайшему утверждению получали силу закона.

В настоящее время новое Правительство поставило во главе военного ведомства военного министра, — лицо, если и знакомое с вопросами военного ведомства, то лишь исключительно материальными; уклад жизни и потребности морального свойства армии ему чужды, как лицу непричастному ей. Казалось бы, что при таком военном министре вопросы, касающиеся духовной жизни армии, подлежат рассмотрению исключительно военным советом, постановления коего должны быть рассмотрены высшим учреждением — Государственной думой — и только после этого получат силу закона.

При такой постановке дела можно было бы быть покойным за судьбу армии при вновь устанавливаемом режиме в государстве.

В действительности же вопросы внутреннего уклада жизни армии решаются военным министром единолично, по обстоятельствам времени, спешно и без санкции высшего государственного учреждения об'являются в приказах по военному ведомству к срочному исполнению.

Таким порядком появился приказ по военному ведомству, сообщенный в телеграмме военного министра наштаверх за № 9215, об отмене ограничений в правах нижних чинов.

Приказ по военному ведомству возник и издан под давлением Совета рабочих депутатов в духе социал-домократической партии, поставившей себе целью уничтожить армию путем разложения нравственных устоев ее.

Приведенный приказ военного министра является первым большим шагом в содействии указанной партии осуществить эту их заветную мечту.

Под видом отмены ограничений в правах нижних чинов военным министром вносится в армию возбуждение нижних чинов против офицеров, внушая им, что отмененные приказом правила воинской дисциплины были не чем иным, как символом рабских отношений последних к первым. Приказ является как бы раскрепощением нижних чинов, что должно породить в них чувство озлобления и ненависти к офицерскому составу.

Таким образом, глава военного министерства, член нового правительства, начал свою деятельность с того, чтобы служить той организации, которая имеет целью уничтожение армии, а следовательно, уничтожение возможности для государства и народа русского самостоятельно существовать.

Еще более военный министр находился, видимо, под давлением Совета рабочих, но и солдатских депутатов не от армии, не от компетентных в военном деле лиц командного состава, а от недисциплинированной и

не бывшей в окопах перед лицом смерти толпы, распропагандированных и разнузданных пополнений запаса армии, которую по понятным мотивам или по ослеплению члены нового правительства совершенно неверно имснуют армией, умышленно унижая и игнорируя душу и голову действительной армии — ее командный офицерский состав.

Перед лицом вооруженного врага, раз'яренного боевыми неудачами, рассматриваемая деятельность социал-демократов ведет к облегчению немцам поработить Россию.

На-ряду с проведенной деятельностью военного министра армия засыпается приказами, приказаниями, воззваниями председателей Совета министров и Государственной думы о единении офицеров и нижних чинов, что свидетельствует или о незнании ими мероприятий военного министра или о непонимании характера их.

Такое направление деятельности нового правительства не может разделяться теми, кто не способен быть рабом, кто хочет сохранить величие и самостоятельность России, своего народа.

Таково мнение всех старших начальников и офицеров штабов частей вверенной мне дивизии, лично мною опрошенных.

По свидетельству этих чинов, все опрошенные ими офицеры вполне и без исключения солидарны со своими начальниками и старшими чинами.

Офицеры и нижние чины дивизии проникнуты сознанием необходимости вести войну впредь до победного конца и тем обеспечить дорогой родине возможность дальнейшего самостоятельного существования.

В этих целях, сохраняя спокойно выжидательное настроение, все считают настоятельно необходимым провести безотлагательно нижеследующие меры:

1. Все вопросы, касающиеся интересов и быта армии, подлежат рассмотрению военным советом. Постановления последнего должны рассматриваться и утверждаться Государственной думой.

2. Внутренний уклад жизни армии оставить неприкосновенным, не допуская в нее политики, агитации политических партий. Ввиду слабой дисциплинированности поступающих в армию пополнений, слабой подготовки вообще солдатского состава, внесенной уже приказом военного министра и приказами Совета рабочих депутатов розни между солдатами и офицерами, крайней недостаточности и недействительности одного морального воздействия па массы, долженствующие итти на верную смерть, — является настоятельная необходимость в законном установлении того или иного физического наказания для малодушных или, еще хуже, подлых натур. Во всех армиях и флотах цивилизованных государств такие меры физического воздействия существуют, невзирая на неизмеримую разницу в образованности и развитии состава их армии; с огромным большинством наших солдат необходимо так же, как наисильнейшее средство для восстановления нарушенного повиновения, оставить везде признанную по приговорам полевого суда смертную казнь за тягчайшие преступления военного времени.

Безусловно необходимо признание со стороны правительства и власти достоинства и величия офицерского звания, беззаветно служащего родине, положившего все свои силы, знание и здоровье и самую жизнь за благо этой родины. Везде, во всех обращениях к войскам не позволять себе даже намека на неуважение к этому званию, помня, что перед лицом смерти в окопах и в поле бок о бок, друг с другом, офицеры и солдаты давно друзья и братья, и непонимающие этого лица, стоящие во главе управления, по далеко от действительной жизни армии, вносят своими приказами и воззваниями нежелательную и пагубную рознь в военную семью.

3. В участившихся побегах к противнику солдат совершенно необходимо от лица правительства подтвердить смертную казнь по возвращении, после заключения мира, тем изменникам, которые добровольно переходят к противнику. Смертную казнь обязательно применить к таким лицам при несомненном установлении их добровольного перехода к противнику.

4. Побеги из армии в тыл, принявшие эпидемический характер с переменой правительства и в неустановившемся еще порядке внутри страны,

также должны быть прекращены самыми суровыми мерами: за первый побег физическое наказание, за второй — смертная казнь.

5. Также должны быть введены суровые кары для уклоняющихся от призыва и усилены наказания как дисциплинарные, так и по суду для нарушителей дисциплины или уважения к начальникам. Отмена ограничений для солдат понята многими очень широко, и печальные примеры налицо. Более характерными могут служить следующие: а) офицер, возвратившийся третьего дня из Петрограда и спавший в пути в отделении 2-го класса, проснувшись обнаружил около своего лица ноги солдата, расположившегося без всякой церемонии на той же скамейке; б) в Черновицах солдат, стоявший часовым, отдавая честь приемом «на караул» проходившему полковнику, одновременно произвел салют из своего заднего прохода, а на замечание полковника ответил, — теперь все равны.

Эти примеры наглядно показывают чего достигло правительство, спешно и необдуманно вводящее изменения в духовную жизнь армии.

6. Полное осведомление чинов армии о происходящих событиях внутри страны.

7. Полная гарантия новым правительством непрерывного подвоза в армию огнестрельных припасов, продовольствия, фуража и снабжения армии в техническом отношении.

8. Полная гарантия новым правительством неприкосновенности, безопасности и благополучия семейств, оставленных воинами всех рангов и званий.

9. Восстановление порядка в стране без всякого кровопролития.

10. Имея в виду, что в настоящее время на фронте, в армии находится огромное число мужского правоспособного населения России, имеющего неот'емлемое право голоса при разборе и решении важнейших вопросов в жизни страны, что решение этих вопросов не может быть предоставлено лишь представителям населения, не находящимся на фронте, из которых есть много трусов, уклоняющихся от призыва под различными предлогами, есть много мародеров тыла и бесчестных спекулянтов, а также большое число женщин, которые до сего времени совершенно устранялись от вопросов управления, — совершенно необходимо обсуждение таких вопросов, как образ правления, общая присяга, земельный, сословный, равноправие народностей и пр., отложить до окончания войны и возвращения цвета мужского населения к мирной работе.

11. Также несвоевременно нормирование рабочего дня 8-ю часами, так как все находящиеся в армии работают круглые 24 часа в сутки, ежеминутно жертвуя жизнью, и считают, что работа внутри страны на оборону и для продовольствия армии и населения также должна итти без всякой нормы, памятуя, что мирным жителям сохраняется драгоценное благо жизни.

12. Правительству надлежит помнить, что его святая обязанность в настоящее время всецело заняться лишь вопросами восстановления порядка снабжения армии всем необходимым, а мирного населения — продовольствием, беспощадная борьба с дороговизной, с спекулянтами и мародерами тыла и устройство и обеспечение семейств всех чинов армии и инвалидов.

Настоящий рапорт является результатом единогласного мнения старших начальников дивизии, основанным на обсуждении ими предложенных военным министром вопросов с офицерами, которые могли принять участие в том без ущерба для боевой службы, и вследствие настойчивого желания этих начальников, ввиду особой важности переживаемых событий, вопреки установившемуся до сего времени в армии порядку сношений, — подписывается всеми нами, глубоко убежденными в справедливости и необходимости высказанного.

Все остальные офицеры дивизии без всякого исключения согласны с мнением старших, подписавшихся здесь по их горячему и настоятельному желанию. Копия этого рапорта со всеми подписями офицеров будет представлена дополнительно; настоящий же рапорт представляется теперь для выигрыша времени.

Движимый горячим желанием счастья России, представляю изложенное на усмотрение вашего высокопревосходительства.

Подписали: Генерал-лейтенант Попов. Начальник штаба генерал-майор Белоусов. Временно командующий 2-м дивизионом 32-й артиллерийской бригады капитан (подпись неразборчива). Временно командующий 1-м дивизионом 32-й артиллерийской бригады подполковник (подпись неразборчива). Помощник командира 658-го полка подполковник Яворский. Помощник командира 128-го Старооскольского пехотного полка подполковник Бычинский. Полковник 125-го Курского пехотного полка (подпись неразборчива). Полковник 126-го Рыльского полка (подпись неразборчива). Полковник 125-го Курского пехотного полка (подпись неразборчива). Командир 658 пехотного полка полковник Носов. Командир 125-го пехотного Курского полка полковник Савельев. Командир 126-го пехотного Рыльского полка полковник Петров. Командир 127-го пехотного Путивльского полка полковник Веденяев. Командир 128-го Старооскольского полка полковник Свешников. Временно командующий 32-й артиллерийской бригадой полковник Бенескул. Командир 6-го Сибирского конного артиллерийского дивизиона полковник Потулов. Командир бригады 32-й пехотной дивизии генерал-майор Рафальский.

С подлинным верно: Ст. ад'ютант штаба 8-й армии генерального штаба

подполковник Игнатьев.

Приложение 19.

Обращение г.г. офицеров 3-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона к господину военному министру.

Лишь горячая любовь к родине, свое сознание долга перед ней, глубокое сознание необходимости победы и опасность, которая грозит дисциплине в действующей армии, побуждают нас обратиться к Вам, господин военный министр, честно и правдиво сказать, что мы переживаем в великий для России момент. В ночь с 3-го на 4 марта по телефону на позиции нам было сообщено об образовании нового правительства, в состав которого вошли известные и дорогие сердцу каждого русского человека люди. Радостно мы приняли эту весть, и будущее нам казалось прекрасным.

Первое правительственное распоряжение, дошедшее до нас, призывающее к выполнению своего долга, совпало с тем, что мы русским своим сердцем чувствовали. От генерала до последнего солдата никто своего поста не оставил, каждый из нас отчетливо и ясно сознавал, что ближайшая наша обязанность перед родиной — прежде всего победа над немцами, которая возможна лишь при нашем спокойствии и сохранении полной дисциплины в армии. Каждый из нас сознавал в ту минуту, что не наше дело заниматься устройством нового порядка в России, а наша задача сводится к поддержанию единства, целости и могущества действующей армии.

Устройство нового порядка, это — Ваша задача.

Нашим лозунгом было — «Армия вне политики». Два с половиной года русская армия, воспитанная столетиями, честно выдерживала борьбу с противником, превосходящим ее военной подготовкой, и если немцы сейчас не в Петрограде и не в Москве, то, значит, армия свою задачу выполнила. Что же ей дало силы подчас без патронов ружейных, с малочисленной артиллерией без снарядов удержаться? — Внутренняя спайка, единение между офицерами и солдатами и годы мирной подготовки. Обновленные армии, ряды которых взамен убывших кадровых офицеров и солдат, пополнялись людьми без всякой военной подготовки, уже в мае прошлого года нанесли противнику всесокрушающий удар.

Те немногие, которые уцелели, сумели в них вселить воинский дух и повести их к победе, а те, кто пришли в армию, русским сердцем своим

быстро восприняли заветы старых российских полков, и в тот момент Россия почувствовала, что она вновь имеет могущественную армию.

Но в настоящее время армии грозит большая опасность. Того единения, того взаимного понимания друг друга, которые связывали всех от солдата до генерала, быть может, скоро не будет. Начало этого положено приказами Вашими, господин военный министр.

Первый приказ роет пропасть между солдатом и офицером, которой не было. Вопроса о взаимоотношениях солдат и офицеров в армии до сего времени не существовало, так как, строго регламентированные уставами, они вкоренились в каждого военнослужащего. Офицеры и солдаты, бок о бок сидя в окопах в течение двух с половиною лет, узнали друг в друге человека; никто из нас за это время со стороны солдат не видел хотя бы тени недоверия к офицеру. Офицер всегда был на своем месте и под пулеметом и на отдыхе. Наоборот, мы знаем бесчисленное множество случаев, когда за убылью офицеров роты и батальоны терпели неудачу.

Неужели они так доверчиво шли за своими офицерами из-за одного патриотизма. Нет. Было что-то, что сильнее всякого устава, что сильнее внешности, это что-то есть авторитет офицера.

Конечно, этим авторитетом офицеры пользовались не потому, что между ними и солдатами была пропасть. Сейчас нам, офицерам, приказано к солдатам обращаться па «вы», сейчас отменены те небольшие ограничения, которые были предусмотрены уставом внутренней службы (разрешение курения, езда в первом и втором классе, игра на деньги в карты и т. п.).

Все это с точки зрения каждого невоенного — пустяк, и с нашей точки зрения тоже, если бы у нас было время провести эту реформу так, как надлежит, но занятые сейчас не проведением в жизнь реформ, а делом, от которого зависит судьба родины, мы необходимо приходим к заключению, что это не пустяк.

Мы, офицеры, с готовностью будем говорить солдатам на «вы» или обращаться к ним так, как прикажут, мы сумеем справиться со всяким вопросом и выйти из всякого положения, если будет на это дано время, так как каждая реформа требует времени, чтобы во всей полноте пройти в жизнь. Но таково ли отношение солдат к реформам? Многолетняя служба наша, жизнь среди солдат и знание их дают нам право сказать: нет, Сейчас, когда в сознании полуграмотного, а подчас и совсем неграмотного солдата полный сумбур, ему предлагается задуматься над вопросами об отношении к офицеру, как к нему обращаться, как отдавать честь и что можно и чего нельзя, — над вопросами, которых он в течение своей службы не задавался, и все это он должен решить в 200—400 шагах от противника, который каждую минуту может пойти в атаку. Уверены ли Вы в том, что всякий солдат также прочно будет сидеть в окопе, если сейчас ему дано право изменить свое отношение к офицеру? Уверены ли в том, что этот вопрос сами солдаты решат без всякого раскола среди них, и поведет ли этот раскол к успеху?

Мы, офицеры, с самого начала великих событий для России сумели сплотить вокруг себя солдат, но уже сейчас наша работа сведена к нулю. «Вы» или «ты», это — первое яблоко раздора, которое брошено в нашу тесную и дружную военную семью, этим самым нашему единению с солдатами положен конец.

Солдаты поняли это, как ограничение власти офицера, — офицера, который в бою имеет право жизни и смерти. Его авторитет подорван. Еще не был об'явлен этот приказ, а уже случаи нарушения дисциплины появились. «Вы» солдатами было понято, как благословение совершать любой антидисциплинарный поступок по отношению к офицеру. Так, например, один из солдат на обращение к нему офицера на «ты» ответил: «Што ты меня тыкаешь, что я с тобой коров, что ли, пас?». По закону военного времени этот солдат подлежит расстрелу в минуту боя, и к этой мере всякий офицер должен прибегнуть.

Сочтите же, сколько на совести отдавшего этот роковой приказ будет бесполезно для родины загубленных жизней. И переход на «вы», легкий для

нас офицеров, будет тяжел по своим последствиям для солдат. Нам с ними нужно сейчас налаживать новые искусственные отношения. Не станем скрывать, что не одни германские и австрийские офицеры идут с револьверами сзади атакующих цепей, приканчивая слабых духом, — каждый наш ротный и батальонный и полковой командир имеет на своей совести не одну жизнь.

Широкая публика, которая лишь по газетным статьям знакома с ведением боя, невольно вводится в заблуждение, так как в газетах говорить о таких фактах несвоевременно. Мы, близко стоящие к бою, считаем это явление нормальным и к нему привыкли. Это понятно только нам, которые не раз бывали и под пулеметным и под огнем артиллерии.

Судите же сами, какой пустяк «ты» или «вы» по сравнению с ужасом войны. Офицер, который над солдатом в бою имеет право жизни и смерти... Вы заставляете говорить солдату «вы». Уверены ли Вы в том, что солдат не сочтет Ваш приказ за призыв к неповиновению офицерам в том случае, когда ему желательно. Мы, зная солдат, знаем, что для слабых духом будет понято именно так. Кому нужно было «вы»? Действующая армия над этим вопросом и не задумывалась. Перед лицом смерти этого ей было не нужно. У каждого здесь столько ответственного и серьезного дела, что этим вопросом некогда было заниматься. Очевидно «вы» кому-то понадобилось в России. Кто же остался в России? Запасные батальоны и формируемые части. Мы не признаем за ними права говорить от имени всей армии. Кадр тыловых частей в наших глазах, боевых офицеров, еще не есть авторитет. Солдаты этих частей, только что призванные, еле обученные прибывают к нам на позицию нестроевой толпой. Много труда и энергии со стороны офицеров действующих частей кладется на их обучение. В действующие роты они вливаются маленькими партиями, дабы не ослабить боеспособности этих рот. Только такой способ пополнения действующих частей обеспечивает их стойкость.

Согласитесь сами, можем ли мы считать запасные части выразителями наших взглядов, и если «вы» понадобилось им, то нам оно не нужно. Ваш приказ, изданный, очевидно, под влиянием тыловых частей, вызвал в нас горькое чувство, так как о нашем взгляде на этот вопрос никто не справлялся. Неужели мы имеем меньше прав на устройство нашей внутренней жизни и взаимоотношений, чем они.

Ваш второй приказ нарушает давнишнюю традицию корпуса офицеров русской армии. До сих пор в своей среде мы не имели офицеров-евреев. Нация, заклеймившая в эту войну себя на наших глазах клеймом позора. Если Вы не видели, как каждый еврей старался сдаться в плен и передать противнику наши военные тайны, то мы знаем достаточное количество таких примеров. Взгляд, что евреи будут на своем месте в качестве офицеров, после того как им будет дано равноправие, мы не разделяем. Мы больше, чем уверены, что таков же будет взгляд на этот вопрос и всех офицеров действующей армии.

Эта мера — второе яблоко раздора, брошенное Вами в нашу среду. С верой в Ваше популярное имя мы встретили Ваше назначение на высокий пост. Ваша деятельность до великих событий нам была известна. Мы думали, что душу русской армии Вы знаете, — мы думали, что Вы так же, как и мы, считаете, что сила армии в том, что привычный для всех нас порядок останется до победоносного конца войны.

Первый же Ваш приказ заставляет нас расходовать свои силы и издерганные нервы на переживание и переустройство внутреннего быта. Честно, по-офицерски, мы должны сознаться в том, что мы не чувствуем себя сверхсильными. Мы должны довести до Вашего сведения, что работа по переустройству внутри армии нам может и не удаться. Солдаты, с одной стороны, призываемые к порядку и к сохранению дисциплины, с другой стороны, призываются к решению сложных и несвоевременно им заданных вопросов.

Мы чувствуем, что может настать такой момент, когда они совершенно перестанут разбираться в обстановке, тогда мы не в силах будем их вести в бой и к победе.

Будущее России, сознание опасности настоящего момента заставляют нас обратиться к Вам с этим письмом и задать Вам тот же вопрос, который по адресу старого правительства был задан однажды членом думы Милюковым: «Что это — глупость или измена?».

Мы знаем Вашу русскую душу, мысль об измене отпадает, мы знаем Вашу деятельность, мысль о глупости отпадает тоже. Что же это? — Недостаточное знание русской армии. Пользу нашей дорогой родины мы видим в том, что внутренний быт в армии должен остаться до конца войны тот же, который был при начале ее. Солдат должен знать своих прямых начальников от младшего офицера до верховного главнокомандующего и им повиноваться. Ни одно распоряжение, ни одно воззвание не должно быть обращено к солдату помимо вождя, иначе армия разделится на ряд враждующих лагерей и откроет двери врагу в сердце России. Присягнув на верность родины и возглавляющему ее Временному правительству, мы, горные артиллеристы, просим верить, что исполним наш долг до конца. Наше это к Вам обращенно одухотворено единым помыслом — открыть Вам глаза на суть дела и благо родины.

Приложение 20.

Докладная записка генерала Циховича.

После об'явления нового строя, я в каждом полку собирал офицеров, фельдфебелей и взводных и раз'яснял им причины происшедшей перемены и ее значение.

Когда я провозглашал «ура» под залп всех орудий за славу родины, за обязательную победу над врагом, на лицах я читал неподдельный восторг. Каждый думал, а потом мне и высказывал, что кончился кошмар распутинских и протопоповских вакханалий. Теперь все силы страны будут обращены на борьбу с внешним врагом.

Но очень скоро восторг сменился унынием лучшей части армии — офицерского корпуса. Лучшей частью я так ее называю потому, что солдат без офицера ничего не мог никогда достигнуть. Солдат не пойдет вперед, если офицера нет впереди. Упорная оборона обыкновенно держится до тех пор, пока на участке роты остался хотя бы один офицер, что можно видеть по массе погибших офицеров, имена которых мы раньше читали на столбцах газет.

Теперь офицерство в полном недоумении. Разве мы были плохи, что теперь началась в самом спешном порядке реорганизация духовной стороны в армии? Ведь армия геройски себя вела. Не говоря о прежних веках, когда мы всегда технически стояли ниже наших врагов и тем не менее всегда проявляли удивительные примеры геройства, но и в эту войну одно сопротивление в 1915 году при отступлении на всех фронтах без орудий, спарядов и даже патронов, — разве оно не доказало мощь армии? В дни прорыва, когда неприятель засыпал нас градом тяжелых снарядов, нам разрешали выпускать по 5 снарядов в день на орудие.

При наступлении 200 снарядов на батарею мы считали роскошью и ураганным огнем. Когда мы просили весной 1915 года ружейных патронов, то нас предупреждали, что с ними кризис еще хуже, чем со снарядами. О ручных гранатах и мечтать нельзя было. Наконец, когда мы просили ввиду недостатка снарядов и патронов дать нам хотя проволоку, отгородиться на случай нечаянного нападения, то нам советовали заменить проволоку засеками, хотя иногда кругом не было ни одного дерева. Но это не помешало армии твердо выполнить свой долг и даже делать прорывы без артиллерийской подготовки.

Уверенно скажу, что армии, равной нашей, не было в мире.

Мы дали немцам 2 миллиона пленных, но это произошло именно вследствие отступления при крайне невыгодных условиях, вследствие крайней слабости развития железнодорожной сети для маневренных целей

в нашем тылу, а главное — вследствие непонимания общей государственной обстановки массой народа. Эти три причины вели к крупным неудачам с окружениями и массой пленных.

Несмотря на большое количество пленных, мы не знаем в истории примера, чтобы какая-нибудь армия так быстро воскресала после ударов, как наша.

Армия наша была и есть несравненной.

Если это так, то какая надобность ломать, да еще так спешно, существовавший уклад. Ведь лучшее есть враг хорошего. Какая гарантия, что при новых порядках в армии будет лучше?

Начало не предвещает ничего хорошего. В одной дивизии солдаты заявили, что не желают иметь командиром батальона данное лицо; в другой — арестовали командира полка, — и это на позициях в виду неприятеля, в 400 шагах от него.

Одним словом, беспорядок получился полнейший.

Прежде всего зерно развала бросил Исполнительный комитет рабочих и солдатских депутатов своими первыми приказами. Хотя раз'яснение потом последовало, но масса уже всколыхнулась. Яд был пущен.

Геройская, но темная масса наших солдат сразу взволновалась. Свобода, — что может быть более заманчиво для каждого? Но, мы, военные, не можем быть свободными. И в этом наша сила. Точное исполнение приказаний начальников, оказание им уважения на службе и вне службы при развитии самодеятельности каждого, — вот то сложное, на чем держится еще такая бесспорно грозная армия, как германская.

На что культурная Франция! Ее армия привыкла к республиканскому строю, но и во Франции во время войны дисциплина усилена, так как опыт показал, что без твердой дисциплины не сломить врага.

Марна доказала геройство французской армии, и Париж не был взят.

Но ведь какая разница в политическом воспитании населения Франции и нашего!

Поэтому вводить внезапно в армию чуждые нам демократические начала сейчас во время войны в виду неприятеля не следует, вредно и ведет к разложению армии. А главное, что в этом нет решительно никакой надобности, кроме узко-политической. И в этой ненадобности проведения реформ вся их трагедия.

Это понятно всем, кто на позиции, но этого не поймут наши солдатские депутаты, из коих большинство не смотрело в глаза смерти.

Не это нам надо. Армия и с «ты» и с «его благородием» победит, но нам надо побольше тяжелых орудий, тяжелых снарядов, а этого-то не видно, — и 2 недели пошли на бесполезные словопрения социалистов рабочего союза.

Необычайный вред внесло митинговое начало, совершенно несвойственное военной службе, на том простом основании, что армия сильна единой волей и высоким престижем начальника. Нигде принцип единоначалия не имеет такого решающего значения, как в армии. Митинговое же, демократическое, начало сводится к управлению коллегиальному, с массой разнообразных мнений, разногласием, к невозможности дать армии импульс единой волей, к неизбежной потере времени на словопрения.

Кто долго служит в войсках, тот это понимает.

Введение в армию политики на глазах наших ее раз'едает.

Появятся в полку партии сторонников нового строя, более левых и крайних правых, и товарищескому принципу, на чем все держится, — конец.

Франция это поняла и давно устранила армию от политики.

Если ротные комитеты будут заняты исключительно вопросом хозяйственным, то это даже полезно. Но если они будут руководить занятиями, работами на позициях, смещать своих начальников, то, кроме хаоса, ничего не получится.

Все новые распоряжения по армии офицеры поняли так, что офицеры унижены, искусственно подорван их авторитет, их нравственное влияние.

Введение же еще каких-то депутатов в ротах, когда естественный депутат в роте всегда был фельдфебель, собрания депутатов, критика ими не только действий, но и слов начальства, — все это создало в армии тяжелую атмосферу шпионажа, порождает сильную рознь между командным составом и солдатами.

Кто близок к войскам, как я, тот это видит, чувствует и понимает.

Мы, начальники, обязаны всемерно сглаживать трения и умиротворять страсти.

Но сколько идет на это работы ума и нервов!

Зачем на нас взвалили еще этот труд?

До этих нововведений у меня весь день уходил на заботы о войсках и о позиции. Свободного времени не было. Теперь я вынужден полдня посвящать политике, совершенно нам ненужной; так, независимо от чтения главнейших органов прессы, чтобы быть в курсе дела, явилось по дивизии много текущих вопросов, связанных с политической жизнью.

Одним словом, то, что нас ввели в круг политики, как-то заслонило собой важнейшее грозное присутствие вблизи нас упорного врага, сильного духом, дисциплиной, техникой и нерасшатываемого разными солдатскими союзами, чуждыми военному духу.

На-днях немцы из окопов кричали: «Что, русс, хороши у вас в Петрограде солдаты?». А другой раз: «Русь капут, Русь революция».

Та спешность, с которой проводились в армии всё совершенно ненужные и даже вредные реформы, по крайней мере на время войны, доказывают, что польза дела принесена в жертву партийной политике самой сильной партии в Петрограде — рабочих и солдатских масс, которые не могут обладать глубоким знанием армии.

На-днях я был на учении в одном полку. Один ротный командир, говоря со мной о произведенных реформах, весь трясся от негодования. Я его успокоил, но спрашивается, какая была надобность вызывать такое волнение у офицера, когда ему нужна духовная сила на другое, более важное. И это не единичный случай, а преобладающий.

Политика поглотила теперь все.

Назначение великого князя Николая Николаевича, известного своим твердым железным характером и успехами на войне, вызвало ликование и надежды. Войскам было об'явлено, что теперь во главе правительства стоят честные умные люди, а во главе армии — известный победами в Галиций и твердостью великий князь Николай Николаевич.

И вдруг читаем, что трудовикам и это помешало.

Значит, им не нужна победа и благо родины, а выполнение республиканской программы во что бы то ни стало. Все это образует в головах солдат сумбур, а в армии вообще — смятение и неудовольствие.

И вот в этом водовороте страстей, взаимного неудовольствия и озлобления ждет армия грядущих событий. Дай бог, чтобы они сделали нас не только слабее, но сильнее прежнего, но полагаю, что при том авторитете и симпатиях, которыми пользуется Временное правительство в армии, оно могло бы привлечь сердца войск на свою сторону, не трогая нашего векового уклада, бережно охраняя то, с чем наша армия геройски себя вела 200 лет, и не устраняя от дела тех вождей, которым мы верим.

Я кончил. Мои выводы:

Роковая ошибка та, что началась спешная ломка армии сильной и до того, — ломка исключительно в угоду политике и на основании теорий, пригодных, может быть, для Швейцарии, но вредных для такого государства, как наше, и при сложной политической обстановке, его окружающей.

Я уверен, что все мы, начальники, примем все меры, чтобы сгладить это положение и даже постараться извлечь из него пользу для нашей армии и родины. Но я повторяю, что ненужных трений, неудовольствия, даже озлобления очень много. Все это произошло вдруг и свалилось на нас, когда мы ковали боевой успех в расстоянии 400 шагов от неприятеля.

Что будет потом, — вперед сказать трудно, но каждый хороший военный с болью в сердце видит, что над армией производятся опыты, которые

могут удаться, а могут и не удаться. К чему же тогда рисковать? Пока же мы видим ясно начало развала.

То, что нам прививают, было бы хорошо, если бы армия состояла сплошь из интеллигентов, кончивших университеты. Но ведь у нас 75% крестьян и почти половина в роте неграмотных. Все новые реформы им непонятны, и даже такая невинная, как переход с отеческого «ты» на чуждое нашему крестьянству иностранное «вы», вызывает улыбки и взаимную неловкость.

Генерал-лейтенант Цихович.

12/III 1917 г. Д. армия.

Приложение 21.

Памятная записка делегатов Совета офицерских депутатов 12-й армии.

Военному министру.

Мы, делегаты офицеров, делегированные к Временному правительству для сообщения ему постановлений, вынесенных на общем собрании представителей всех частей армии, состоявшемся 21 и 22 марта 1917 года в составе 379 человек, имеем честь довести до сведения господина военного министра о следующем:

Происшедший государственный переворот не встретил сочувствия среди многих лиц высшего командного состава армии и чинов штабов.

Некоторые старшие начальники старались не допустить в войска известий о происшедшем или стремились исказить смысл событий (как то сделал, например, командир 21-го корпуса в своем приказе от 4 марта, где уже завершившуюся революцию он называл беспорядками, вызванными происками немцев), задерживали опубликование распоряжений Временного правительства, опубликовывали их с пропусками и изменениями (что особенно имело место по отношению к приказу военного министра об изменении отношений к солдатам), извращали распоряжение командарма (как сделал начальник 44-й пехотной дивизии в отношении телеграммы командарма, приказывавшей произвести выборы представителей от частей).

Хотя впоследствии все чины командного состава и штабов заявили о своей полной преданности Временному правительству, но их поведение, как предыдущее, так и нынешнее, заставляет сомневаться в искренности таких заявлений, возбуждает недоверие к ним как солдат, так и офицеров, и внушает подозрения, что некоторые из них, имевшие все от старого режима и теряющие твердую почву при его исчезновении, могут стараться вредить делу борьбы с внешним врагом, стремясь опорочить новый порядок и через победу Германии привести к контр-революции. Есть все основания предполагать, что ни один из этих скрытых реакционеров не совершит прямой измены, не прибегнет к сношениям с врагом через тайных агентов и т. п., ибо на этом пути очень легко быть обнаруженным.

Лицам командного состава и чинам штабов незачем прибегать к такой грубой форме измены, так как в их распоряжении имеется бесчисленное количество средств, при помощи которых они могут нанести непоправимый вред делу.

Уже не говоря о неправильном распределении боевых сил, о непосылке во-время резервов или о посылке их не туда, где они наиболее необходимы, о сознательно неправильной оценке положения, о ложных донесениях, о распоряжениях, волнующих солдат, о создании паники слухами о преувеличенной опасности, о недостатке боевых припасов, о выдуманных прорывах и обходах, — достаточно только одной пассивности, достаточно несвоевременно отданного или немного опоздавшего приказания, достаточно, наконец, просто неясного, сбивчивого или противоречивого распоряжения, чтобы привести к катастрофе во время боя.

Такими средствами всегда может воспользоваться начальник без ведома подчиненных. Такими средствами всегда могут воспользоваться чины

штабов даже без ведома старшего начальника. Не только тогда, когда начальники или чины штаба сознательно решатся изменить, но даже если они не будут желать победы, если они будут только не слишком горячо желать ее, этого уже достаточно, чтобы принести неисправимый вред делу победы, делу народа.

С такими проявлениями злой воли, с таким недостаточно ярким проявлением доброй воли «к победе» реакционно настроенных начальников и чинов штабов необходимо бороться, ибо без этой борьбы нет надежды на победу. Временное правительство бессильно сейчас вести эту борьбу.

Получая характеристику лиц командного состава и чинов штабов только от их непосредственных начальников, беспристрастие которых не проверено, правительство не может знать отношения этих лиц к происшедшему перевороту, оно не может проверить их искренность, не может следить за каждым их шагом, за каждым распоряжением, и потому оно может только карать бездеятельность, явную измену и др. воинские преступления, но не предупреждать их. А самые строгие кары уже не могут исправить причиненного преступлениями вреда.

Чтобы предупреждать преступления, правительство должно иметь свои глаза и уши на местах и потому правительству необходимо учредить своих комиссаров при каждой армии.

Обязанности комиссаров следует возложить на лиц, пользующихся доверием Временного правительства и уважением общества, — лучше всего на членов Государственной думы.

Комиссары должны состоять при штабах армий. Не вмешиваясь в ведение боевых операций, предоставляя всю полноту власти командующим армиями, комиссары должны неотступно наблюдать за положением дел, иметь все сведения о личном командном и штабном составе армии, о ее снабжении, о ходе боевых операций.

Но, конечно, армия — слишком крупная и сложная величина для того, чтобы комиссар мог один всюду проникнуть и все узнать, да, кроме того, как не специалист военного дела, он зачастую может не заметить распоряжений, клонящихся к явному ущербу. И для того, чтобы не создавать новой военной «охранки», чтобы не получать сведения от недобросовестных и подкупных тайных агентов, комиссары должны опереться на общественные организации прогрессивно настроенных и определенно сочувствующих новому порядку солдат и офицеров и работать совместно с ними.

Эти организации, имея всюду своих членов, всегда располагают точнейшими сведениями не только о поступках и общем поведении, но даже и о настроении всех лиц командного состава армии. Для полной осведомленности комиссаров и для устранения всяких подозрений в их беспристрастности самым лучшим путем представляется образование бюро из 4—6 лиц, входящих в президиум исполнительных комитетов солдатской и офицерской армейских организаций.

Все постановления об устранении лиц командного состава, о замене чинов штаба, о признании вредною деятельности их должны выноситься этими бюро коллегиально, по большинству голосов. Для сохранения устойчивости и порядка ни бюро, ни сам комиссар не должны иметь исполнительной власти и не должны сами приводить в исполнение свои решения. Деятельность комиссаров должна заключаться только в осведомлении командующих армиями и военного министерства о всем происходящем в армии и в указании на необходимость принятия тех или иных мер.

А эти меры прежде всего должны вести к удалению из армии одряхлевших, неспособных, реакционно настроенных лиц высшего командного состава, к чистке штабов и учреждений, к удалению из них всех подозрительных и не заслуживших доверия элементов и в первую очередь всех прибалтийских уроженцев немецкого происхождения, что чрезвычайно важно именно для 12-й армии, обслуживающей рижский фронт и район.

О прибалтийских немцах, без всякого расследования, можно с уверенностью сказать, что они, теряя при новом строе все свои привилегии, не могут относиться к нему иначе, как враждебно, и не могут желать победы

20*

новой, свободной России. Случай измены начальника контр-разведки при штабе 12-й армии подполковника Фока, обнаруженной солдатским и офицерским исполнительным комитетом, служит явным к тому доказательством. Вместе с тем этот случай доказывает, что Временное правительство может опереться на общественные воинские организации в деле борьбы с изменою.

Временное правительство может опереться на эти организации и не только в деле борьбы с изменою, оно может опереться на них и для создания устойчивости своего положения, для образования внутренней реальной силы, могущей сообщить необходимую властность его авторитету.

Общественные воинские организации 12-й армии, выражающие армейское самоуправление, при полном сочувствии командующего армией, сдерживавшем несочувствие к ним низшего командного состава, сложились самостоятельно, почти без всякого влияния со стороны Петрограда, и вылились в следующих формах.

В каждой роте — и соответствующей ей единице в других частях войск — образовался ротный комитет из 5 лиц, выбираемых солдатами вполне самостоятельно и никем не утверждаемых.

В каждом полку образовался полковой комитет приблизительно в количестве 25 — 30 человек, в который входит по одному представителю от каждой роты и команды.

В некоторых полках в полковых комитетах принят принцип смешанной офицерско-солдатской организации, и там офицеры входят в них наравне с солдатами, в приблизительной пропорции 1 к 5 (25 солдат — 5 офицеров), и работают все время неразрывно и совместно. В других полках офицерские полковые комитеты существуют отдельно от солдатских, работают параллельно и соединяются только для решения общих вопросов.

От полковых комитетов выделяются члены (по 2 от солдатских и по 2 от офицерских) для образования дивизионных и корпусных комитетов.

Обычно эти члены дивизионных и корпусных комитетов являются в то же время депутатами части в Советах солдатских и офицерских депутатов 12-й армии.

Совет солдатских и офицерских депутатов собирается при штабе армии периодически, не реже одного раза в месяц, и решает все крупные вопросы. Они являются высшим об'единяющим органом самоуправления армии, и их решения обязательны для всех чинов ее.

Для приведения в исполнение своих решений, Советы выделяют офицерский и солдатский исполнительные комитеты, работающие отдельно, но все время сохраняющие самое тесное соприкосновение и совместно разрешающие общие вопросы.

Президиумы исполнительных комитетов имеют постоянное общение с командующим армией и через него проводят в жизнь свои постановления.

Все члены всех комитетов и Советов избираются свободными выборами солдат и офицеров и не подлежат утверждению. Все комитеты исполнительной власти не имеют и приводят свои решения в исполнение через подлежащих начальников. Комитеты имеют своей задачей борьбу с контрреволюцией, поддержание внутреннего порядка, переустройство быта на новых началах, разрешение недоразумений, возникающих на этой почве между солдатами и офицерами, просветительную и осведомительную деятельность. В компетенцию ротных и полковых комитетов входит наблюдение и самый полный контроль над ведением ротного и полкового хозяйства и учреждение товарищеских судов.

Введение самоуправления в армию отразилось в высшей степени благотворно на порядке и боеспособности ее.

Когда вместе с старым режимом рухнул и старый порядок в армии и ее старая дисциплина, основанная на кулаке и окрике, один момент казалось, что в армии начался развал, сведение счетов с нелюбимым начальством, общее бегство с позиции.

Быть может, это и случилось бы по почину нескольких частных лиц, но создавшееся воинское самоуправление моментально остановило начав-

шуюся разруху и в тех частях, где начальство не чинило препятствий, с поразительной быстротой поставило на место старого порядка и старой дисциплины новый порядок и новую дисциплину.

Протекшие с начала введения воинского самоуправления две недели (для 12-й армии самоуправление можно считать сорганизованным с 9 марта) позволяют уже оценить его результаты.

И результаты таковы: образцовый порядок, сознательное отношение солдат к делу и к исполнению своих обязанностей, быстрое улаживание всяких недоразумений между солдатами и офицерами, под'ем самодеятельности, под'ем духа и, как конечный результат, значительный под'ем боеспособности армии.

Боевая служба несется образцово, солдаты сами следят за строгим исполнением обязанностей службы в окопах, секретах, заставах и караулах, чутко относятся ко всему происходящему, проявляют почин и самодеятельность.

Во время наступления немцев у Плаканено 23 марта ближайшие резервы без приказания, дружно схватили винтовки и бросились в стремительную контр-атаку.

В другом месте в 33-й дивизии, когда распространился ложный слух о том, что соседний полк отошел со своей позиции, солдаты сами выслали разведку и заняли NN-верстную позицию, приготовившись к обороне. Число нарушений общего порядка значительно сократилось, ибо товарищеские суды беспощадно карают все хулиганские выходки отдельных лиц.

Неорганизованные выступления и случаи самосуда над нелюбимыми начальниками прекратились совершенно. Исчезла жалоба на недостаточное довольствие и недостаточное спабжение предметами обмундирования. И даже дезертирство, такое доступное и легкое сейчас ввиду отсутствия надзора в тылу, не повысилось, а, наоборот, значительно сократилось.

Конечно, такая картина, могущая показаться слишком идиллической, наблюдается только в частях, где начальство шло навстречу новому порядку и не только не мешало его водворению, но всеми мерами искренно помогало. В других частях, где самоуправление не встречало сочувствия начальства, до сих пор чувствуется неуверенность, напряжение, разобщенность между солдатами и офицерами и, как следствие, ослабление единства и боевой силы части.

Очень многие войсковые начальники, препятствующие введению нового порядка, вовсе не являются принципиальными противниками самоуправления в армии, но, совершенно отученные старым режимом от всякой самостоятельности и привыкшие действовать только по указке свыше, протестуют против введения самоуправления только потому, что оно не подтверждено приказом по военному ведомству и представляется им преступлением, самовольством.

Ввиду этого необходимо скорейшее проведение приказом по военному ведомству обязательных и общих для всей армии форм воинского самоуправления.

При выработке этих форм следует считаться с формами, уже существующими в жизни, основанными на свободных выборах, самоуправлении, и было бы величайшей ошибкой вводить в эти формы какие бы то ни было ограничения, в виде утверждения комитетов начальством и т. п.

Солдаты образованного ими свободного самоуправления назад уже не отдадут, и всякое ограничение его поведет к смуте и беспорядкам.

Кроме того, нет оснований бояться проведения в жизнь самого свободного самоуправления, ибо действие его на порядок и боеспособность и боевую силу армии безусловно благотворное. Все слухи и толки о том, что введение нового порядка расстраивает и ослабляет армию, — злостная ложь приверженцев старого режима, закосиелых в его крепостнических привычках и не могущих себе представить другого порядка и другой дисциплины, кроме основанных на кулаке и ругательствах.

Уже организовавшаяся 12-я армия этим слухам не верит и ими не смущается.

В настоящий момент 12-ю армию гораздо больше смущают слухи, идущие из высших командных кругов, о недостаточности боевых припасов и в частности — пулеметных патронов и тяжелых снарядов. Эти слухи находят реальное подтверждение в виде отобрания в полках запасов пулеметных патронов и оставлении лишь 3.000 патронов на пулемет, что достаточно только на 10 минут боя, что равносильно открыванию неприятелю пути к победе над нами. Смущают 12-ю армию также слухи, идущие из высших командных сфер, о том, что на скорый подвоз боевых припасов рассчитывать не приходится. Смущает 12-ю армию и действительное положение промышленности, обслуживающей оборону страны.

Для того, чтобы рассеять эти смущения, чтобы отделить ложные слухи от основательных и чтобы иметь действительный контроль над производством боевых припасов, а быть может, и некоторую власть над ним, — власть, которой не имеет сейчас и Временное правительство, — представляется безусловно необходимым постоянное присутствие выборных представителей от всех армий всех фронтов в Петрограде.

Орган постоянного представительства действующей армии создаст живую и постоянную связь фронта с центром, уничтожит возникновение ложных, рождающих панику слухов, позволит действующей армии, в случае крайности, самой позаботиться о заготовке боевых припасов и влиять на усиление их производства.

Кроме того, этот орган даст Временному правительству огромную реальную силу, — даст ему возможность в своих действиях опереться на 8.000.000 штыков и действовать твердо и уверенно, не считаясь ни с какой оппозицией, откуда бы она ни шла.

Создание такого органа представляется возможным в виде создания Совета солдатских и офицерских депутатов всей действующей и тыловой армии. Представительство всей армии могло бы быть выражено в виде посылки двух солдатских депутатов от каждой дивизии и одного офицерского от каждого корпуса.

Общий численный состав такого Совета выразился бы приблизительно в 1.000 чел. Этот Совет собирался бы периодически через известные сроки, и депутаты по окончании заседания возвращались бы в свои части, все время поддерживая живую связь между центром и фронтом.

Для постоянной работы в центре Совет воинских депутатов мог бы выделить из себя исполнительный комитет, в который вошли бы по 3 представителя от каждой армии и от каждого военного округа. Этот исполнительный комитет, являясь носителем настроения всей армии, как действующей, так и находящейся в тылу, опираясь на все 12 миллионов штыков, безусловно представлял бы внушительную величину, с которой принуждены были бы считаться все общественные организации, — величину, которая могла бы играть крупную роль в ходе внутренней политики и на которую смело и основательно могло бы опереться Временное правительство.

Если бы вся армия и округа были бы так организованы, как 12-я армия, то создание такого центрального Совета воинских депутатов не представляло бы никакого затруднения, но так как большинство армий еще не организовало армейского представительства, а военные округа не имеют правильного представительства от всех частей, то необходимо ускорить организацию правильного представительства по армиям и округам.

Для этого представляется необходимым немедленное издание приказа по военному ведомству об организации во всех действующих армиях самоуправления по общему выработанному типу, близкому к самоуправлению 12-й армии, о создании армейских Советов воинских депутатов и о выборе представителей от дивизии на с'езд воинских депутатов всех армий. А для тыловых военных округов необходимо издание приказа о замене Советов солдатских депутатов случайного состава правильным представительством всех частей округа с организацией окружных Советов воинских депутатов, параллельных армейским.

Чем скорее будут проведены в жизнь эти формы воинских общественных организаций, чем скорее сконструируется Всероссийский общеармейский Совет воинских депутатов с его постоянным исполнительным комитетом, тем скорее Временное правительство получит могущественную опору, которая по положению дел в Петрограде и стране настоятельно ему необходима, а действующая армия получит уверенность, что тыл не подведет ее, и что в нужный момент она будет снабжена всем необходимым.

Резюмируя настоящую записку, мы, делегаты офицеров 12-й армии, имеем честь обратить внимание г. военного министра, что все указанные меры необходимо провести в порядке чрезвычайной спешности до начала генерального сражения, т.-е. самое большее в месячный срок.

1. Необходимо назначить комиссаров Временного правительства при каждой армии и при помощи этих комиссаров, опирающихся на солдатские и офицерские организации, произвести пересмотр, обновление, освежение, чистку и замену командного состава и штабных чинов и ревизию наличного состояния боевых припасов как в тылу, так и на фронте.

Необходимо потому, что итти в бой под командой начальников, которым мы не верим, и производить боевые операции под руководством и по указаниям штабных чинов, которых мы подозреваем во враждебных замыслах,— мы не можем.

2. Необходимо провести приказами по военному ведомству и окончательно утвердить в жизни единообразные формы воинского самоуправления и нового внутреннего порядка в армии, ибо без окончательного укрепления нового порядка армия будет лишена единства, слитности и полной боеспособности.

3. Необходимо создать центральный орган представительства всех армий фронта и тыла, ибо без него мы не можем быть уверены за порядок, интенсивную работу в тылу и за устойчивость Временного правительства.

Из этих главных пожеланий вытекают следующие существенные детали:

а) необходимость разрешения выхода в отставку всем лицам командного состава (начиная от командира полка и выше), не сочувствующим новому порядку в государстве и армии, не могущим примениться к нему;

б) немедленно удалить из штабов и учреждений, обслуживающих 12-ю армию, немецкий элемент прибалтийского происхождения;

в) необходимость допущения на должность начальника штаба дивизии строевых полковников из командиров полков (хотя и не генерального штаба и не получивших академического образования);

г) необходимость пополнения комиссии генерала Поливанова, для более успешной и быстрой работы, строевыми офицерами с боевым опытом, основательно компетентными и знакомыми с вновь народившимися формами воинского самоуправления;

д) необходимость создать новые знаки отличия революционной армии, наград, присуждаемых лишь строевым чинам и лишь за боевые заслуги.

Делегаты офицеров 12-й армии.

Командир 5-го латышского Земгальского стрелкового полка
полковник Вацетис.

Командир батальона 12-го Сибирского стрелкового полка
капитан (подпись).

Командир роты 131-го пехотного Тираспольского полка
штабс-капитан Качков.

Командир 36-го тяжелого артиллерийского дивизиона
прапорщик Кучин.

Помощник военного прокурора
подполковник Ралеев.

Приложение 22.

Приказ верховного главнокомандующего.

30 марта 1917 года.

№ 51.

Об'являя при сем «Временное положение об организации чинов действующей армии и флота», предписываю применить его, допуская те частные изменения, кои вызываются местными условиями, в коих находятся армии и фронты, и чтобы не ломать круто тех организаций, кои уже действуют ныне в некоторых армиях.

Я призываю офицеров, солдат и матросов к дружной, от сердца совместной работе в деле водворения в войсковых частях строгого порядка и прочной дисциплины, боз которых никакая армия существовать не может. Войско без дисциплины не может достичь победы над врагом. Прежние устои нашей внутренней войсковой жизни устарели. Как и вся свободная Россия, так и ее армия переходят к новым формам жизни. Дружными усилиями всех чинов нам нужно создать новую дисциплину, основанную на разумном, сознательном отношении офицеров и солдат к их великим обязанностям перед родиной и на взаимном доверии и уважении.

Офицеры нашей армии, так самоотверженно работавшие во все время войны, привыкшие впереди своих частей вести солдат в бой и на смерть, честно и доблестно умиравшие за славу и благо своей родины, служившие всегда примером своим подчиненным в бою, — проникнутся, я уверен, сознанием, что новые условия жизни требуют и новых форм управления частями, новых приемов для сохранения души армии — ее дисциплины. С чувством веры призываю офицеров, от прапорщика до генерала, пойти навстречу солдату, посвятить все свои силы делу создания новой армии великой свободной России и оказать свое нравственное влияние в развитии и упрочении нарождающихся форм войсковой жизни.

Призываю солдат и матросов к дружной работе. Памятуйте, что права ваши воина-гражданина будут свято охранены; но, кроме прав, все мы имеем обязанности, точно определенные государственными и военными законами. Мы обязаны свято повиноваться велениям этих законов и не допускать своеволия, могущего погубить нашу армию и нашу родину.

Россия переживает тяжелую минуту. Она ждет от своей армии беззаветно честного исполнения своего долга, ждет победы над врагом, так как только тогда будут упрочены и добытые народом свободы. Дайте родине эту желанную победу, а для сего дружными усилиями выкуйте строгую разумную дисциплину, сохраните порядок, заклеймите позором малодушных, не умеющих честно выполнить своего долга перед родиной.

Для осуществления «Временного положения» предписываю:

1. Существующие уже офицерские и солдатские организации сохранить и на них возложить проведение в жизнь основ проводимой организации.

2. Для нужд организации председателям комитетов и выборным лицам с особыми поручениями разрешаю пользоваться средствами связи, поскольку это не мешает оперативной работе.

3. Приказ о введении Положения и самое Положение отпечатать в армейских штабах в таком количестве, чтобы каждый взвод, каждый комитет и каждый офицер имели экземпляр того и другого.

4. Вся работа выборных учреждений должна итти в самой широкой гласности, соблюдая, однако, правила военной цензуры, путем об'явления в приказах, печатания особых извещений, путем печати, устройством, где возможно, сообщений и лекций и т. п., в чем штабам всех наименований оказать выборным самую широкую помощь.

5. Фамилии избранных и должности их, как-то: председатель, секретарь и т. п., должны также об'являться в приказах.

6. На первое время труднейшей работы по организации выборные должны быть освобождены от служебных обязанностей.
7. Связанные с введением этой организации расходы командующим армиями покрыть временно за счет экономических сумм войсковых частей, имея в виду, чтобы излишней формальностью не задерживать начинающегося дела.

Подписал и. д. верховного главнокомандующего
генерал-от-инфантерии Алексеев.

Приложение к приказу верховного главнокомандующего от 30 марта 1917 года, № 51.

На подлинном написано:
«Утверждаю».
Вр. и. д. верховного главнокомандующего
генерал-от-инфантерии
Алексеев.
30 марта 1917 года.

Временное положение об организации чинов действующей армии и флота.

I.

Задачи организации.

Основными задачами всей военной организации являются:
1. Усиление боевой мощи армии и флота, дабы довести войну до победного конца и тем способствовать укреплению народившейся свободы.
2. Выработка новых форм жизни воина-гражданина свободной России.
3. Содействовать просвещению среди армии и флота.

II.

Форма организации.

4. Организация состоит из: а) комитетов — ротных, полковых, дивизионных и армейских и б) с'ездов — корпусных, фронтовых и центрального при штабе верховного главнокомандующего.
5. Комитеты суть собрания постоянные; с'езды собираются по мере надобности и по миновании ее распускаются, при чем с'езд при штабе верховного главнокомандующего оставляет выделенный им постоянный совет.

III.

Ротные комитеты.

6. Солдаты роты, батареи, эскадрона и отдельных команд выбирают из своей среды выборных по одному от взвода, но не менее 3-х. Кроме того, в состав ротных выборных входит один из офицеров роты, по выбору офицеров. Ротные выборные имеют задачей служить посредниками между ротным командиром и солдатами во всех вопросах внутреннего быта роты, обращаясь непосредственно к ротному командиру.
7. Вопросы боевые и обучения части обсуждению безусловно не подлежат. В случае злоупотребления, в том и другом случае комитеты должны немедленно и совершенно секретно извещать полковой комитет, не прекращая исполнения отданных распоряжений.
8. В случае возникновения несогласия в роте, не могущего быть улаженным совместно с ротным командиром и выборными, они доводят дело до сведения полкового комитета, который докладывает командиру части.
9. Ротные выборные обязаны содействовать поддержанию дисциплины в роте.

10. Ротные выборные обязаны принимать все меры для борьбы с нарушениями правил приличия и провокацией; они имеют право выносить резолюции и через ротного командира налагать взыскания, а также об'являть порицания перед ротой солдату, позорящему высокое звание солдата-гражданина.

11. Ротные выборные обязаны осведомлять своего ротного командира о недовольстве в роте и о тех мерах, которые являются желательными для устранения сего.

12. Ротные выборные следят за правильным употреблением отпускаемых на довольствие денег, продуктов и вещевого довольствия.

13. Каждый месяц рота производит новые выборы, но может переизбрать старых достойных кандидатов.

14. Общие ротные собрания должны производиться в свободное от занятий время. Ротные же выборные собираются по мере надобности.

15. Ротные выборные ведут очередь кратковременных отпусков.

16. Ротные выборные должны заботиться о приобретении литературы для своей роты и всеми мерами способствовать просвещению чинов роты.

IV.

Полковые комитеты.

17. Ротные выборные выделяют из своей среды полковой комитет в составе от 16 до 24 солдат.

18. В полковой комитет входят выборные офицеры, представители офицеров полка, в пропорции 1 офицер к двум солдатам, в качестве полноправных членов.

19. Задачи полкового комитета заключаются в поддержании боевой мощи полка, достигаемой: а) правильным пониманием и строгим соблюдением всех правил дисциплины; б) добросовестным выполнением своих обязанностей в бою, выполнением учений и работ.

20. О ходе работ комитета его выборный председатель докладывает командиру части.

21. Полковой комитет заседает в любое время.

22. Кроме того, в случае надобности командир части имеет право собирать полковой комитет для разбора нужных вопросов.

23. Полковой комитет обращается к командиру полка по всем вопросам внутренней жизни рот. Вопросы боевой подготовки и обучения части безусловно никакому обсуждению не подлежат. В случае же злоупотреблений в том и другом случае комитет должен немедленно и совершенно секретно извещать дивизионный комитет, не прекращая исполнения отданных распоряжений.

24. В случае возникновения каких-либо несогласий в полку, не могущих быть устраненными усилиями командира части и полкового комитета, последний имеет право обратиться к посредничеству дивизионного комитета, который докладывает начальнику дивизии.

25. В случаях нарушения порядка, требующих быстрых и энергичных действий, каждый член полкового комитета имеет право принимать всевозможные меры по устранению беспорядков с докладом командиру полка и последующим докладом собранию выборных.

26. Полковой комитет принимает меры борьбы с дезертирством.

27. При нахождении полка вне боевой линии полковой комитет может организовать, с ведома командира полка, праздники, лекции и пр., приглашая на них лиц и не воинского звания в качестве лекторов.

28. Переизбрание членов полкового комитета происходит каждый месяц, при чем старые члены могут быть переизбраны.

29. Все постановления комитета, касающиеся жизни полка, принимают законную силу по утверждении командира полка и им же об'являются во всеобщее сведение.

30. Комитет в пределах его ведения имеет право производить расследования своей части, поручая выяснение дела членам полкового комитета,

31. В состав ежемесячных комиссий по поверке денежных сумм и отчетностей добавляются 3 члена полкового комитета. В годовую соответствующую комиссию добавляются 5 членов того же комитета.

V.

Дивизионные комитеты.

32. Дивизионный комитет состоит из выборных по одному офицеру и по два солдата от полковых комитетов и соответствующих им комитетов дивизии.

Примечание. Мелкие части и учреждения дивизии, имеющие лишь ротные комитеты, образуют один общий полковой комитет при штабе дивизии.

33. Дивизионный комитет рассматривает вопросы, поступающие к нему из полковых комитетов. Все права, предоставленные полковым комитетам, принадлежат и дивизионным. Они имеют право производить расследования по тем же вопросам, как и полковые комитеты, но касательно всех частей дивизии и дивизионного района.

34. Дивизионный комитет в случае возникновения каких-либо недоразумений, кои не могут быть устранены начальником дивизии и дивизионным комитетом, имеет право обращаться к армейскому комитету, который докладывает командующему армией. О возникших недоразумениях должен быть поставлен в известность также и командир корпуса.

35. Членов дивизионного комитета переизбирают каждые два месяца.

36. Вопросы боевые, обучения части и организации работ обсуждению безусловно не подлежат. В случае злоупотреблений в этих вопросах комитет доносит немедленно, секретно в армейский комитет и командиру корпуса, не прекращая исполнения отданных распоряжений.

VI.

Армейские комитеты.

37. Армейский комитет состоит из выборных — одного офицера и двух солдат от каждого дивизионного комитета. По разрешении накопившихся ко времени созыва комитета вопросов последний выделяет из себя совет в составе $^{1}/_{4}$ офицеров и солдат, который исполняет в дальнейшем функции комитета, имея право для решения особо важных вопросов созывать весь состав комитета.

38. Задачи армейского комитета:

а) всеми способами содействовать боеспособности армии в смысле поднятия воинского духа, дисциплины и порядка;

б) укрепление отношений в армии на новой основе гражданских прав;

в) проверка основательности жалоб, приносимых на кого бы то ни было, для доклада в нужных случаях документальных данных командующему армией.

39. Выборный председатель армейского комитета докладывает непосредственно командующему армией обо всем, что нужно для достижения указанных целей.

40. Все мероприятия общего распорядка по армии приобретают законную силу по утверждении командующим армии и опубликовываются его приказом.

41. Армейский комитет принимает на рассмотрение вопросы, поступающие к нему от дивизионных комитетов.

42. Армейский комитет руководит общей работой всех комитетов армии, выпуская воззвания и путем докладов.

43. Армейский комитет для выяснения различных вопросов в пределах его ведения имеет право производить расследования во всем армейском районе, командируя для этого летучие отряды.

44. В случае возникновения каких-либо крупных недоразумений, но могущих быть улаженными дивизионными комитетами, армейский комитет командирует своих членов на места для принятия всех нужных мер в пределах действующих законов для восстановления законности и порядка.

45. Члены летучих отрядов при выездах для исполнения своих задач имеют при себе удостоверения своих полномочий.

46. Армейский комитет по отдельным вопросам, не имеющим общего характера, выпускает свои постановления, вручая, когда нужно, копии их заинтересованным лицам.

47. В случае возникновения недоразумений, не могущих быть разрешенными в армии, комитет имеет право обращаться к главнокомандующему, а в особо важных случаях — к совету при штабе верховного главнокомандующего, который и докладывает верховному главнокомандующему.

48. Вопросы боевые, обучения части и организации работ обсуждению безусловно не подлежат. В случае злоупотребления комитет доносит немедленно и секретно, в порядке ст. 47, не прекращая исполнения отданных распоряжений.

VII.

С'езды.

49. С'езды — корпусной, фронтовой и при штабе верховного главнокомандующего — собираются командирами корпусов, главнокомандующими фронтов и верховным главнокомандующим, по принадлежности, и ими же распускаются. Для этих с'ездов соотношение офицеров и солдат устанавливается 1 к 2.

Инициатива созыва корпусного с'езда может исходить от дивизионных комитетов, если таковое желание исходит не менее как от ½ числа их. Подобным же образом могут быть созваны фронтовой и при штабе верховного главнокомандующего с'езды по инициативе армейских комитетов.

50. При роспуске с'езда при штабе верховного главнокомандующего с'езд этот выделяет из себя центральный совет в составе 11 офицеров и 22 солдат, который заседает и после роспуска с'езда до созыва нового.

51. Центральный совет по роспуске с'езда следит за проведением в жизнь постановлений с'езда, сообщая о результатах своей деятельности армейским комитетам и донося об этом верховному главнокомандующему, представляет, согласно ст. 47, верховному главнокомандующему свои постановления по рассмотрению секретных донесений армейских комитетов.

52. Путем печати и воззваний распространяет постановления с'езда, утвержденные верховным главнокомандующим.

53. Центральный совет имеет задачей выяснить и уладить все недоразумения, возникающие по применению в жизни этого положения, об'единять и согласовывать деятельность уже существующих учреждений с учреждениями, вводимыми данным положением.

54. Центральный совет имеет право внести в это положение все нужные изменения с утверждения верховного главнокомандующего.

VIII.

55. Все части и учреждения, подчиненные командиру корпуса, но не входящие в состав дивизии, организуются, подобно дивизии, имея при штабе корпуса один общий комитет, типа дивизионного.

56. Все части и учреждения, подчиненные командующему армией, но не входящие в состав корпусов и не образующие дивизии, организуются, подобно дивизии, имея при штабе армии один общий комитет, по типу дивизионного.

57. Все части и учреждения, подчиненные главнокомандующему, но не входящие в состав армии, организуются, подобно дивизии, и имеют при штабе фронта свой комитет, типа дивизионного.

58. Каждый военный округ, находящийся на театре военных действий, организуется как армия.

59. Отдельные корпуса принимают армейскую организацию.
60. Штаб верховного главнокомандующего имеет свою особую организацию.

Подписал: дежурный генерал при верховном главнокомандующем генерал-лейтенант Кондзеровский.
Скрепил: штаб-офицер для делопроизводства и поручений полковник Созонов.

Приложение 23.

Положения о комитетах в войсках.

На подлинном написано:
«Утверждаю».
16 апреля 1917 года.
Подписал военный министр
А. Гучков.
С подлинным верно: Начальник отдела по устройству и службе войск главного управления генерального штаба
генерал-майор
Каменский.

Копия.

Положение о ротных комитетах.

Состав комитетов.

1. Все роты, эскадроны, сотни, батареи, транспорты, соответствующие им разного рода строевые и нестроевые части и команды избирают ротные (или по наименованию части) комитеты.

Примечание. Команды, находящиеся в пути, не имевшие комитетов в части, из которой выступили, во время следования комитетов не образуют.

2. Ротные комитеты состоят из шести членов, избранных общим собранием роты.

В частях, в которых число взводов в роте больше шести, число членов ротного комитета должно равняться числу взводов.

Ротный комитет избирает из своей среды председателя, товарища председателя и секретаря.

Члены полкового комитета входят в общее число членов ротного комитета своей роты.

Список членов комитета об'является в приказе по части.

3. При производстве выборов членов ротного комитета общим собранием сначала избирается по одному члену комитета от каждого взвода, а затем из общего собрания роты избираются остальные члены комитета (в том числе член полкового комитета) и 3 кандидата вне зависимости от принадлежности их к тому или иному взводу.

4. Право быть избранными в ротный комитет предоставляется всем офицерам и солдатам роты.

5. Ротный командир в члены комитета не избирается.

6. Время и место заседаний комитета назначаются ротным комитетом в пределах расположения роты, о чем председатель комитета докладывает ротному командиру для сведения.

7. Ротный комитет избирается сроком на 3 месяца. Члены комитета, выбывшие по окончании этого срока, могут быть вновь избраны.

Члены полкового комитета избираются от рот на те же сроки, как и все члены полкового комитета.

8. Каждый чин роты имеет право отказаться от избрания в ротный комитет.

9. Члены ротного комитета могут быть лишены своего звания до срока лишь по постановлению общего собрания роты.

Заявление о досрочном исключении члена комитета должно быть внесено не менее чем 10% наличного состава роты и, во всяком случае, не менее чем 10 чинами роты.

10. Заседание ротного комитета считается действительным, если в нем присутствует не менее $^2/_3$ полного его состава.

Отсутствующие заменяются кандидатами.

11. Члены ротного комитета, состоящие в запасных частях в составе маршевых рот, обязаны следовать в поход со своими маршевыми ротами.

Обязанности ротных комитетов.

12. Ротный комитет учреждается: для контроля над ведением хозяйства в роте; для принятия законных мер в случаях злоупотребления и превышения власти со стороны должностных лиц роты; для решения различных вопросов, касающихся внутреннего быта роты; для наблюдения за поддержанием дисциплины и порядка в роте; для подготовки к выборам н Учредительное собрание.

13. Ротный комитет действует в пределах, установленных настоящим Положением, и ни в какой мере не касается боевой подготовки и боевых сторон деятельности части и ее подразделений, а также специальных работ управлений, штабов, учреждений и заведений.

14. Все постановления ротного комитета, так или иначе затрагивающие внутренний распорядок в роте или порядок службы и работ, ротные комитеты обязаны доводить до сведения ротного командира, предварительно приведя их в исполнение; при несогласии ротного командира с таким постановлением ротного комитета исполнение этого постановления, приостанавливаемое ротным командиром, им же немедленно вносится в полковой комитет.

15. Все исходящие от комитета бумаги подписываются председателем и скрепляются секретарем.

16. Ротные комитеты наблюдают за правильным ведением хозяйства ротными должностными лицами.

Они сверяют раскладки с существующими приказами. Представитель комитета имеет право проверять, соответствуют ли вес, качество и сорт припасов утвержденной раскладке продовольствия и фуража.

17. Заметив упущения или недобросовестное ведение дел каптенармусом, артельщиком и другими хозяйственными должностными лицами роты, а также проверив правильность возникающих обвинений и жалоб, ротный комитет сообщает об этом ротному командиру для немедленного смещения виновных до суда над ними, и в подлежащий суд. Одновременно ротный комитет доводит об этом до сведения полкового комитета.

18. Месячную хозяйственную отчетность подписывают в законом установленные сроки, кроме лиц, указанных в законе, также председатель ротного комитета и один из членов его по поручению комитета. Ответственность за неправильно составленный отчет падает в равной мере на всех лиц, его подписавших.

19. В случае превышения или злоупотребления властью со стороны ротных должностных лиц, ротные комитеты производят расследование, и весь собранный материал передают в подлежащий суд и доводят об этом до сведения ротного командира и полкового комитета.

20. Ротный комитет направляет поступающие к нему жалобы или в ротный дисциплинарный, или в полковой суды, или в полковой комитет, по принадлежности.

21. Ротные комитеты определяют в пределах установленной начальством процентной нормы очередь увольнений в отпуск, разбивая солдат роты на несколько категорий по должностям, с тем, чтобы в каждой категории велась особая очередь, имея в виду боевые, строевые и хозяйственные интересы роты.

22. Ротные комитеты ведают ротной библиотекой-читальней и выпиской газет и изданий (непосредственно или через полковой комитет) за счет ротных артельных сумм и собираемых в роте пожертвований.

23. Ротные комитеты устраивают общие собеседования и чтения в целях культурного просвещения солдат (с туманными картинами, кинематографами и т. п.) и ведают устройством развлечений и спортом в ротах.

24. Ротные комитеты следят за тем, чтобы больные заразными болезнями не скрывали своих болезней и обращались за медицинской помощью.

25. Ротные комитеты запасных частей имеют право контролировать списки назначенных в маршевые роты и в случае обнаружения каких-либо правонарушений и отставления от маршевой роты каких-либо воинских чинов без уважительных причин доводят об этом до сведения полковых комитетов для устранения этих правонарушений и послаблений.

26. Члены ротного комитета освобождаются от нарядов на службу, кроме боевых назначений.

Примечание. В командах и частях, численностью менее 80 человек, члены ротного комитета освобождаются от нарядов на службу лишь по соглашению со своей командой.

27. Ротные комитеты с помощью полковых комитетов могут поддерживать связь, по своему выбору, с разными общественными и политическими организациями, в том числе с Всероссийским и местными Советами рабочих и солдатских депутатов, при чем делегаты воинских частей в Совете рабочих и солдатских депутатов принимают участие в своих ротных комитетах с правом совещательного или решающего голоса, в зависимости от постановления ротных комитетов.

28. Ротные комитеты по мере надобности или по заявлению не меньше чем 10% наличного состава роты (или взвода) выбирают ротные (или взводные) собрания для обсуждения различных вопросов.

29. Для подготовки к выборам в Учредительное собрание ротные комитеты входят в сношения с политическими партиями для получения от них газет, прокламаций и др. печатных изданий и просят о посылке членов партий для об'яснений программ. Прибывающие с указанной целью в части и местности, доступ в которые без особого разрешения воспрещен, обязаны иметь надлежащие удостоверения личности и пропуск. Пропуски выдаются ближайшими штабами (не ниже дивизии) тем лицам, которые имеют удостоверения личности, выданные общественными и политическими организациями, визированные начальниками гарнизонов или комендантами.

30. Ротные комитеты устраивают собрания чинов роты, одних или с постоянными лицами, для раз'яснения вопросов, связанных с выборами в Учредительное собрание, и осведомляют солдат своей роты о имеющих быть политических собраниях и митингах.

О хозяйственных чинах роты.

31. Артельщик и три его заместителя, а также взводные раздатчики выбираются общими собраниями роты и взводов непосредственно сроком на 6 месяцев.

32. Каптенармус, помощник каптенармуса, писарь, кашевар, хлебопеки, истопники, ламповщики, где положено — фуражир и огородник и другие хозяйственные чины, утверждаются ротным командиром из числа кандидатов, избранных общим собранием роты, по 2 кандидата на каждую должность.

Общее собрание роты.

33. Выборы членов ротного комитета и хозяйственных чинов роты производятся по возможности одновременно общим собранием роты, состоящим из всех чинов роты.

34. Общее собрание роты выбирает председателя, который ведет заседание.

35. Выборы членов комитета и хозяйственных чинов производятся закрытой баллотировкой. Избранными считаются получившие большинство голосов по порядку большинства.

При выборах в ротный комитет получившие большинство голосов считаются избранными: первые по числу полученных голосов — в члены комитета, а 3 последующих — в кандидаты. Общее собрание солдат роты баллотирует, кто из членов ротного комитета избирается в полковой комитет и кто его заместитель. При равенстве голосов вопрос о том, кто является избранным, решается жребием.

36. Время и место общих выборов назначается, по возможности, в один день для всех рот полка приказом по полку, по просьбе о том полкового комитета.

37. Выборы, произведенные общим собранием роты, имеют силу, если в собрании присутствовало не менее $^2/_3$ чинов роты, состоявших в этот день на котле.

38. Список лиц, избранных общим собранием роты, представляется председателем ротному командиру и об'является в приказе по полку.

Подлинное подписано председателем и членами совещания.

С подлинным верно: Начальник отделения полковник Окунев.
Сверял и. д. столоначальника штабс-капитан Ананьин.

На подлинном написано:
«Утверждаю».
16 апреля 1917 года.
Подписал военный министр
А. Гучков.
С подлинным верно: Начальник отдела по устройству и службе войск главного управления генерального штаба
генерал-майор
Каменский.

Положение о полковых комитетах.

Состав комитетов.

1. Полковой комитет состоит из выборных членов: а) избранных общими собраниями солдат рот, эскадронов, сотен, батарей, команд и т. п. неотдельных частей, по одному на каждую роту и тому подобную часть и б) избранных от общества офицеров части. Выборные от общества офицеров составляют одну пятую числа всего состава комитета.

Примечание 1. В запасных частях в полковой комитет избирается по два члена от роты, эскадрона и т. п. частей и соответствующее число выборных от офицеров.

Примечание 2. Военные врачи и чиновники части приравниваются к офицерам.

2. Комитеты отдельных частей, состоящих менее чем из восьми подразделений (рот, команд и т. п.), составляются следующим образом: от каждого такого неотдельного подразделения в комитет отдельной части назначается по два члена с добавлением к ним выборных от офицеров в числе, указанном в ст. 1.

3. В отдельных частях, не подразделяемых вовсе на роты (эскадроны, сотни, команды и т. п.), общий комитет образуется из существующего в ней ротного комитета с присоединением к нему для разбора дел, подлежащих ведению полкового комитета, еще двух представителей от общества офицеров.

4. Первый состав полкового комитета избирается сроком на 3 месяца, а последующие — на шесть месяцев со дня избрания. Каждый из членов комитета может быть избран вновь.

5. Общее собрание полкового комитета избирает из своей среды председателя, товарища председателя и секретаря.

6. Предложение о замене отдельных членов полкового комитета, кроме общего собрания роты, имеет право делать и сам полковой комитет. Он обращается в команду или роту, от которой избран признанный нежелательным член полкового комитета, с точным изложением мотивов своего предложения. При избрании вновь того же лица оно остается в составе комитета. О замене членов от общества офицеров такое же предложение обращается к обществу офицеров.

7. Избранные в члены полкового комитета имеют право отказываться от этого избрания.

8. Место заседания полкового комитета должно быть указано полковым командиром. Время заседания комитета назначается его председателем, который докладывает об этом для сведения командиру полка. Комитет собирается председателем по его распоряжению или по заявлению не менее чем четверти состава членов комитета или по требованию командира полка.

9. Полковой комитет решает дела простым большинством голосов. При равенстве голосов голос председателя имеет перевес. В заседании комитета должно присутствовать не менее половины его членов.

10. О своих постановлениях и о назначениях чинов в состав полковых комиссий комитет доносит командиру полка. Командир полка, при несогласии его с постановлением полкового комитета, доводит о сем до сведения армейского комитета, при чем постановление полкового комитета исполнением не приостанавливается.

11. Постановления комитета подписываются председателем, секретарем и всеми желающими из числа присутствовавших в заседании комитета членов его. Все бумаги, исходящие от полкового комитета, подписываются его председателем и скрепляются секретарем.

12. Члены полкового комитета освобождаются от нарядов на службу, кроме боевых назначений.

13. Полковой комитет может приглашать в свои заседания чинов части и посторонних сведущих лиц с правом совещательного голоса.

Обязанности комитетов.

14. Полковой комитет учреждается: для контроля над ведением хозяйства в части; для принятия законных мер в случаях злоупотреблений и превышений власти со стороны должностных лиц части; для улаживания недоразумений между офицерами и солдатами; для наблюдения за поддержанием дисциплины и порядка в полку; для подготовки к выборам в Учредительное собрание.

15. Полковой комитет контролирует деятельность низших хозяйственных чинов, общих для всего полка, как-то: полковых каптенармусов, заведывающих и продавцов солдатской лавки и т. п.

16. Полковой комитет имеет право командировать по три своих представителя во все без исключения комиссии, назначаемые для поверки и ревизии хозяйства, в том числе в состав месячных комиссий по поверке денежных сумм, в годовую поверочную комиссию, в комиссию по составлению актов о непригодности, утрате и уничтожении вещей, а также по одному члену во временные комиссии по приемке вещей и продуктов от интендантства и поставщиков. Они назначаются сверх указанного в законе числа членов комиссии и имеют в них в качестве членов этих комиссий совещательный голос.

17. Полковой комитет поручает своему представителю присутствовать, с правом совещательного голоса, при заключении полком всякого рода контрактов и хозяйственных договоров.

18. Полковой комитет рассматривает жалобы на неправильные действия ротных комитетов.

19. Полковой комитет наблюдает за ходом дел по обвинению ротных должностных лиц в превышении власти и в злоупотреблениях; по передаче дела судебным властям имеет право осводомляться у них о положении дела.

20. Полковой комитет рассматривает недоразумения между офицерами и солдатами и выносит примирительные решения. Если соглашение не достигнуто, то передает такие дела в полковой суд, а не подлежащие ведению суда передает в армейский комитет и доносит об этом начальнику части.

21. Полковой комитет может посылать своего представителя в местный Совет рабочих и солдатских депутатов.

22. Полковые комитеты могут поддерживать связь, по своему выбору, с разными общественными и политическими организациями, в том числе и с Всероссийским и местными Советами рабочих и солдатских депутатов, при чем делегаты от воинских частей в Советах рабочих и солдатских депутатов принимают участие в своих полковых комитетах с правом совещательного или решающего голоса, в зависимости от постановлений этих комитетов.

23. Полковой комитет входит в сношение с политическими партиями о посылке в части депутатов, ораторов и литературы для раз'яснения программ и способа выборов в Учредительное собрание. Прибывающие с указанной целью в части и местности, доступ в которые без особого разрешения воспрещен, обязаны иметь надлежащие удостоверения личности и пропуск. Пропуски выдаются ближайшими штабами (не ниже штаба дивизии) тем лицам, которые имеют удостоверения личности, выданные общественными и политическими организациями и визированные начальниками гарнизонов или комендантами.

24. Полковой комитет снабжает ротные комитеты печатными изданиями (в том числе и изданиями Советов рабочих и солдатских депутатов).

Дополнительные статьи, касающиеся только технических частей.

О ротном хозяйственно-техническом комитете.

1. В технических частях войск образуются, кроме обыкновенных ротных комитетов, еще особые хозяйственно-технические комитеты. В частях, соответствующих роте, они составляются из солдат-специалистов, избранных на общих собраниях солдат-специалистов, в количестве 3% общего числа последних, но не менее пяти солдат и одного офицера, избранного тем же собранием.

2. Хозяйственно-технический комитет наблюдает за правильным ведением технического хозяйства, а именно: проверяет имеющееся техническое имущество, правильность закупок и расхода материалов.

3. Месячную денежную и материальную отчетность, относящуюся к технической части хозяйства, поверяют и подписывают в определенные законом сроки, кроме лиц, указанных в законе, также и председатель хозяйственно-технического комитета и один из членов его по выбору комитета. Ответственность за неправильно составленную отчетность падает в равной мере на всех лиц, ее подписавших.

4. Заметив злоупотребления или недобросовестное ведение дел должностными лицами и другими чинами части и ознакомившись с обстоятельствами дела, хозяйственно-технический комитет передает собранный им материал в полковой суд и доносит об этом начальнику части.

5. Хозяйственно-технический комитет доводит до сведения общего для части хозяйственно-технического комитета о несоответствии своему назначению лиц, занимающих технические должности, и о неправильной постановке технической части для передачи об этом в соответствующие инстанции.

6. Хозяйственно-технические комитеты устраивают общие собеседования и лекции в целях технического образования солдат.

Об общем для части хозяйственно-техническом комитете.

7. В технических частях, состоящих из нескольких подразделений, соответствующих роте (к.-н. мастерские, особые команды и т. п.), кроме ротного хозяйственно-технического комитета, образуется общий хозяйствен-

но-технический комитет части. Он состоит из выборных представителей от ротных (т.-е. соответствующих роте частей) хозяйственно-технических комитетов по одному на соответствующий комитет (если таких комитетов меньше трех, то от них избирается по два человека от комитета) и из выборных от офицеров и техническнх чиновнников в числе не больше ¼ всего состава комитета.

8. Общий хозяйственно-технический комитет части действует в тех же границах, как и комитеты соответствующих роте подразделенний, но по вопросам и в случаях, касающихся всей части.

9. Все хозяйственно-технические комитеты избираются сроком: первый — на три месяца, а последующие — на шесть месяцев.

Подлинное подписано председателем н членами совещания.

С подлинным верно: Начальник отделения полковник Окунев.

Сверял и. д. столоначальника штабс-капитан Ананьин.

На подлинном написано:
«Утверждаю».
16 апреля 1917 года.
Подписал военный министр
А. Гучков.
С подлинным верно: Начальник отдела по устройству и службе войск главного управления генерального штаба
генерал-майор
Каменский.

Копия.

Положение об армейских комитетах.

1. Армейскне комитеты образуются при каждой армии и являются учреждениями постоянными.

2. Они состоят из офицеров и солдат, в числе 15 офицеров и 45 солдат.

Примечание. Врачи и военные чиновники во всех случаях приравниваются к офицерам.

3. Список членов комитета об'является в приказе по армии.

4. Начальники отдельных частей и высшие над ними начальствующие лица не могут быть избраны в члены армейского комитета.

5. Из среды своих членов армейский комитет избирает: председателя, товарища председателя, двух секретарей и казначея.

6. Армейский комитет избирается сроком: первый — на три месяца, а последующие — на шесть месяцев.

7. Члены армейского комитета до истечения срока своих полномочий несменяемы.

8. Члены комитета могут быть лишены своего звания постановлением армейского с'езда.

9. Член армейского комитета, осужденный дисциплинарным или иным судом, может быть исключен из состава комитета постановлением самого комитета, вынесенным большинством ²/₃ числа присутствующих при условии, что на заседании присутствовало не менее ²/₃ общего числа членов комитета.

10. Место заседаний армейского комитета указывается начальником штаба армии. Время заседаний определяется самим комитетом. Право собирать армейский комитет на заседания принадлежит председателю комитета, который собирает его по мере надобности или по требованию не менее чем 10 членов комитета.

11. Средства на расходы армейского комитета испрашиваются командующим армией.

Обязанности армейского комитета.

12. Армейский комитет содействует проведению в жизнь армии новых начал быта и организации и применению их к особенностям условий, в которых находится данная армия.

13. Армейский комитет разбирает недоразумения между офицерами и солдатами по делам, поступающим в армейский комитет от полковых или соответствующих им комитетов.

Армейскому комитету предоставляется право принимать, по своей инициативе, такие дела к рассмотрению и непосредственно.

Постановление армейского комитета по делам о недоразумениях является окончательным, если решение примирительного характера; в противном случае постановление комитета представляется на усмотрение командующего армией. Решение командующего армией окончательно.

14. Армейский комитет имеет право, осведомившись о нуждах армии, злоупотреблениях и непорядках, докладывать о них командующему армией.

15. Армейский комитет содействует подготовке к выборам в Учредительное собрание в районе армии и оказывает в этом отношении помощь полковым комитетам. Для этой цели армейский комитет:

а) содействует частям войск в ознакомлении с программами разных партий,

б) вызывает партийных делегатов и ораторов для тех же целей,

в) содействует получению литературы,

г) устраивает собрания.

16. Армейский комитет содействует культурному просвещению солдат.

17. Армейский комитет имеет право вступать в сношения, по своему усмотрению, с политическими и общественными организациями.

18. Армейскому комитету предоставляется право посылать, по вызову полковых комитетов, своих делегатов в части для разбора и улаживания недоразумений на местах.

19. Армейский комитет сносится с полковыми комитетами непосредственно через делегатов или письменно.

20. Дела и обязанности между членами комитета распределяются самим комитетом.

21. Армейский комитет может издавать свой печатный орган.

22. Председатель армейского комитета имеет право личного доклада командующему армией.

Армейский с'езд.

23. Армейский с'езд составляется: а) из представителей полковых или соответствующих им комитетов и б) из представителей групп таких же комитетов более мелких частей.

Эти комитеты мелких частей об'единяются в одно избирательное собрание, как указано ниже.

Полковые комитеты и избирательные собрания мелких частей избирают в армейский с'езд из своей среды офицеров и солдат по нижеследующему расчету:

по два офицера и шесть солдат:

от пехотного полка;

от прочих отдельных частей, численностью в четыре тысячи и более человек;

от всех, вместе взятых, конных полков кавалерийской (казачьей) дивизии;

от всех, вместе взятых, дивизионов корпусной артиллерии с их парковыми частями;

по одному офицеру и три солдата:

от инженерного полка;

от стрелкового полка кавалерийской (казачьей) дивизии;

от артиллерийской бригады;

от всех, вместе взятых, легких парковых дивизионов корпуса;
от всех, вместе взятых, частей, учреждений и заведений армейского корпуса (за исключением корпусной артиллерии, инженерного полка и частей и учреждений, входящих в состав дивизии);
от всех, вместе взятых, частей (кроме полков) и учреждений кавалерийской (казачьей) дивизии;
от всех, вместе взятых, частей (кроме полков и артиллерии) и учреждений, входящих в состав пехотной дивизии;
от каждого из железнодорожных батальонов;
от каждой из прочих воинских частей, не входящих в состав дивизий или корпусов, при численности их от одной до двух тысяч человек;
от всех учреждений союза земств, вместе взятых;
от всех учреждений союза городов, вместе взятых;
от всех учреждений Красного Креста, вместе взятых.

Примечание. Комитеты частей, численностью меньших тысячи человек, не посылают своих представителей на армейский с'езд, но им предоставляется, соединившись в группы по районам расквартирования, посылать 1 офицера и 3 солдат на каждые две тысячи человек.

Точно так же комитеты военно-врачебных заведений, не входящих в состав дивизий и корпусов, а именно: полевых, подвижных или запасных госпиталей, головных и тыловых эвакуационных пунктов, об'единяются по гарнизонам, посылая по одному офицеру и три солдата, если численность команд этих учреждений, вместе взятых, больше тысячи человек; в противном случае, комитеты этих частей отдельного представительства в армейском с'езде не имеют.

24. Первый армейский с'езд собирается командующим армией по получении настоящего Положения.

25. Последующие армейские с'езды собираются: а) постановлением предыдущего армейского с'езда или б) постановлением армейского комитета (чрезвычайный с'езд).

26. Командующий армией может, по соглашению с армейским комитетом, в зависимости от боевой обстановки, отсрочить созыв армейского с'езда.

27. Армейский с'езд избирает армейский комитет.

Выборы членов армейского комитета производятся следующим образом: представители каждой пехотной дивизии (пластунской бригады) и кавалерийского корпуса (отдельной казачьей дивизии) избирают из своей среды одного члена армейского комитета (офицера или солдата); все остальные члены армейского комитета избираются из общего числа членов армейского с'езда.

Все выборы производятся закрытою баллотировкою, имея в виду, что общее число членов комитета должно равняться 15 офицерам и 45 солдатам (ст. 2).

28. В случае выбытия пехотной дивизии или кавалерийского корпуса из состава армии, одновременно выбывает из состава армейского комитета и тот член его, который был избран от этой дивизии или кавалерийского корпуса (ст. 27); этот член комитета поступает в армейский комитет той армии, в которую вошла дивизия (кавалерийский корпус). Члены армейского комитета, избранные общим собранием армейского с'езда, остаются в составе комитета.

29. Армейский с'езд дает избранному им армейскому комитету руководящие указания для его работ.

30. Порядок ревизии деятельности армейского комитета и его учреждений определяется армейским с'ездом.

Подлинное подписано председателем и членами совещания.

С подлинным верно: Начальник отделения полковник Окунев.
Сверял н. д. столоначальника штабс-капитан Анапьин.

Приложение 24.

Проект Положения о ротных и полковых комитетах, выработанный солдатской секцией Совета [1]).

Общим собранием Совета солдатских депутатов в заседании 19 марта сего года постановлено:

Ввиду важности вопросов об организации ротных и полковых дисциплинарных судов проект исполнительной комиссии Совета солдатских депутатов напечатать в «Известиях Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» для обсуждения его в частях войск 24 марта сего года и этот проект внести на общее собрание Совета солдатских депутатов.

Положение о ротных и полковых комитетах.

(Для всех частей действующей армии и флота и внутренних округов).

Примечание. Для всех частей войск, которые войдут в состав проектируемой народной гвардии, будет выработано особое положение.

Общие основания.

Ротные и полковые комитеты организуются:

1. Для контроля за хозяйственною деятельностью чинов части.
2. Для принятия мер против злоупотреблений и превышений власти со стороны должностных лиц части.
3. Для сплочения всей русской армии в единую организацию.
4. Для подготовки к выборам в Учредительное собрание.
5. Для решения различных вопросов, касающихся внутреннего быта части.
6. Для выяснения недоразумений между солдатами и офицерами.

Ротный комитет.

§ 1. Все роты, эскадроны, сотни, батареи, транспорты, команды при госпиталях и другие части соответствующего состава избирают ротные комитеты.

§ 2. Ротные комитеты состоят из шести членов, избранных общим собранием роты.

Из числа своих членов ротный комитет избирает:

1) председателя;
2) товарища председателя;
3) секретаря;
4) представителя в полковой комитет.

Примечание 1. Четыре члена ротного комитета избираются общим собранием роты из кандидатов, выставленных взводами, по одному на взвод.

Остальные члены комитета и 3 кандидата в члены комитета избираются из общего собрания роты.

Примечание 2. Избранными в ротный комитет могут быть все чины роты.

Примечание 3. Три кандидата в члены комитета избираются одновременно и на тех же основаниях.

Примечание 4. Ротный командир имеет право присутствовать на заседании ротного комитета с правом совещательного голоса, но лишь по приглашению ротного комитета.

Примечание 5. Время и место заседания ротного комитета назначаются самим ротным комитетом в пределах расположения роты.

---

[1]) См. «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», № 21.

§ 3. Состав ротного комитета избирается сроком на три месяца, при чем старый состав может быть переизбран. Представитель в полковой комитет переизбирается на тех же основаниях, как и все члены полкового комитета.

§ 4. Члены ротного комитета могут быть лишены своего звания до срока лишь постановлением двух третей общего собрания роты. Общее собрание роты считается полномочным, если на нем присутствует не менее $^2/_3$ числа людей в роте, состоящих в этот день на котле. Заявление о досрочном исключении члена ротного комитета должно быть подписано не менее чем 10 чинами роты.

§ 5. Положение о ротных и полковых комитетах вступает в силу с момента распубликования в приказе по военному ведомству.

Задачи ротных комитетов.

§ 6. Ротный комитет учреждается: для контроля ведения хозяйства в роте; для связи через полковой комитет с Советами солдатских депутатов и рабочих депутатов; для подготовки выборов в Учредительное собрание; для принятия мер против злоупотреблений и превышения власти со стороны должностных лиц роты; для решения различных вопросов, касающихся внутреннего быта роты.

Примечание. Ротный комитет действует в пределах, установленных в настоящем Положении, и ни в какой мере не касается боевой подготовки и боевых сторон (строевой, учебной, специальной и технической) деятельности части и ее подразделений. Распоряжения службы обсуждению в ротных комитетах не подлежат.

§ 7. Ротные комитеты наблюдают за правильным ведением хозяйства ротными должностными лицами.

§ 8. Сверяют раскладки с существующими приказами.

§ 9. Проверяют, соответствуют ли вес, качество и сорт припасов утвержденной раскладке продовольствия и фуража.

§ 10. Заметив упущение или недобросовестное ведение дел каптенармусом, артельщиком и другими должностными лицами роты, проверяют правильность обвинений и жалоб и сообщает об этом ротному командиру для немедленного смещения до суда и в дисциплинарный ротный или полковой комитет. Одновременно ротный комитет доводит об этом до сведения полкового комитета.

§ 11. Месячную отчетность подписывают, кроме лиц, указанных в законе, также председатель ротного комитета и один из членов его по поручению комитета.

§ 12. При превышениях и злоупотреблениях властью со стороны ротных должностных лиц ротные комитеты собирают обвинительный материал и передают его в ротный дисциплинарный суд и доводят об этом до сведения ротного командира и полкового комитета.

§ 13. Ротные комитеты устанавливают очередь увольнения в отпуск.

§ 14. Ротные комитеты следят за тем, чтобы больные заразными болезнями не скрывали своих болезней, а обращались за медицинскою помощью.

§ 15. Члены ротного комитета освобождаются от нарядов на службу, кроме боевых назначений.

О связи с Советом рабочих и солдатских депутатов.

§ 16. Ротные комитеты с помощью полковых комитетов имеют право поддерживать постоянную связь с Всероссийским и местными Советами рабочих и солдатских депутатов, чтобы иметь возможность поддерживать их в нужную минуту и не дать вернуться старому порядку.

Для этого:

§ 17. Входят в сношение с местными и Всероссийским Советами рабочих и солдатских депутатов и просят их о высылке депутатов или ораторов для раз'яснений.

§ 18. Покупают через полковой комитет или непосредственно все известия, газеты и пр. издания, которые издает Совет рабочих и солдатских депутатов.

§ 19. Собирают в ротах пожертвования на покупку названных газет и пр. изданий.

§ 20. Собирают ротные или взводные собрания для обсуждения получаемых известий и раздают получаемые газеты и пр.

§ 21. Если будет обнаружена со стороны ротного или иного начальства или солдат попытка к восстановлению старого политического режима, то ротные комитеты должны об этом сообщить в местный и Всероссийский Совет рабочих и солдатских депутатов для принятия надлежащих мер.

§ 22. Ротные комитеты ведают ротной библиотекой и читальней и выпиской газет за счет ротных артельных денег.

§ 23. Ротные комитеты устраивают общие собеседования и чтения в целях культурного просвещения солдат (с туманными картинами и кинематографом).

§ 24. Организуют ротный театр, танцы, литературно-музыкальные семейные вечера, спортивные игры и т. п. в ротах.

О подготовке к выборам в Учредительное собрание.

Для подготовки выборов в Учредительное собрание ротные комитеты:

§ 25. Входят в сношения с политическими партиями для получения от них газет, прокламаций и других печатных изданий и просят о посылке членов партий для об'яснения программ.

§ 26. Устраивают собрания чинов роты одних или с посторонними лицами для раз'яснения вопросов, связанных с выборами в Учредительное собрание.

§ 27. Осведомляют солдат своей роты о имеющих быть политических собраниях и митингах.

Полковой комитет.

§ 28. Полковой комитет состоит из выборных представителей от общих собраний солдат рот, эскадронов, батарей, команд и т. д. по одному на роту, эскадрон и т. д., из выборных представителей офицеров по одному на батальон или соответствующей величины часть. Офицеров выбирают только офицеры. Как общее правило, число офицеров составляет ¼ числа постоянного состава комитета.

§ 29. Общее собрание членов полкового комитета избирает из своей среды председателя, товарища председателя и секретаря.

§ 30. Полковой комитет решает дела простым большинством голосов. Когда голоса делятся поровну, голос председателя дает перевес.

§ 31. Первый состав полкового комитета избирается сроком на 3 месяца, а последующие — на 6 месяцев со дня избрания. Прежний состав может быть переизбран.

§ 32. Предложение о замене отдельных частей полкового комитета имеет право делать и сам полковой комитет. Он обращается в команду или роту, от которой избран признанный нежелательным член полкового комитета с точным изложением мотивов своего предложения и с просьбой избрать новое лицо. При вторичном переизбрании того же лица оно остается в составе комитета. О замене членов-офицеров такое же предложение обращается к обществу офицеров.

§ 33. Полковой комитет в свои заседания может приглашать чинов части и посторонних сведущих лиц с правом совещательного голоса.

Обязанности полкового комитета.

§ 34. Полковой комитет учреждается: для контроля за ведением хозяйства в части; для связи с Советами солдатских и рабочих депутатов; для принятия мер против злоупотреблений и превышений власти со стороны

должностных лиц; для подготовки к выборам в Учредительное собрание и для разрешения недоразумений между офицерами и солдатами.

§ 35. Полковой комитет посылает своих представителей в числе 3-х в состав месячной комиссии по поверке денежных сумм и в годовую поверочную комиссию, а также по одному члену во временные комиссии по приемке вещей и продуктов от интендантства и поставщиков. Они имеют в качестве членов комиссии совещательный голос.

§ 36. Полковой комитет посылает своего представителя в гарнизонный или местный Совет рабочих и солдатских депутатов.

§ 37. Полковой комитет через своего депутата или через местный Совет рабочих и солдатских депутатов поддерживает связь с Всероссийским Советом рабочих и солдатских депутатов.

§ 38. Полковой комитет снабжает ротные комитеты печатными изданиями Советов солдатских и рабочих депутатов и иными.

§ 39. Он ведет переговоры с политическими партиями о посылке в части депутатов, ораторов и литераторов для раз'яснения программ и способа выборов в Учредительное собрание.

§ 40. Полковой комитет рассматривает жалобы на неправильные действия ротных комитетов.

§ 41. Полковой комитет разбирает недоразумения между офицерами и солдатами и вносит примирительные решения. Если соглашение не достигнуто, то он передает такие дела в полковой суд (переформированный, согласно настоящему Положению).

Дела, входящие в ведение военной комиссии Государственной думы, полковой комитет передает не в суд, а в полковую комиссию.

§ 42. В отдельных батальонах, транспортах, артиллерийских дивизионах, хлебопекарнях, госпиталях и т. п. учреждениях, начальник коих пользуется правами полкового командира или командира отдельного батальона, права и обязанности полковых комитетов переходят по принадлежности, на комитеты отдельной части.

§ 43. Комитет отдельной части, по числу людей и команд не больше или близкой к батальону (1.000 человек), составляется на тех же основаниях, как и полковой комитет. Но от рот и команд избираются солдатами по два представителя, а офицеры, врачи и чиновники избирают по одному представителю от офицеров на четыре представителя от солдат.

§ 44. Комитет отдельной части, по числу людей (если количество их менее или близко к числу людей в роте) приближающейся к роте, образуется из ротного комитета с прибавлением к его составу для разбора дел, подлежащих ведению полкового комитета, еще двух представителей от офицеров, врачей и чиновников.

О должностных лицах роты.

§ 45. Хозяйственные чины роты: каптенармус, помощник каптенармуса, артельщик, писарь, кашевар, хлебопеки, истопники, ламповщики, взводные раздатчики, где положено — фуражир и огородник, избираются ротой.

§ 46. Артельщик и взводные раздатчики избираются ротой и взводами непосредственно. Они избираются на шесть месяцев.

§ 47. Каптенармус, помощник каптенармуса, писарь и отдельные хозяйственные чины назначаются ротным командиром, но лишь из числа кандидатов. Они избираются сроком на один год.

О ротном и полковом суде.

Ротный суд.

§ 48. Ротный суд составляется для разбора дел о проступках солдат и решает дела в пределах власти командира роты по уставам. Он разбирает ссоры и недоразумения между солдатами роты. Он избирается на шесть месяцев.

§ 49. Ротный суд состоит из офицера и двух солдат, по выбору общего собрания роты.

§ 50. На том же собрании роты избираются два запасных члена суда.

Примечание к §§ 43, 44. Суда первого и второго ранга приравниваются к полкам. Их комитеты избираются на тех же основаниях, как и полковые комитеты.

Мелкие крейсера и миноносцы приравниваются к отдельной части. Их комитеты в зависимости от величины команды избираются, как комитеты отдельной части.

Примечание. Общее собрание роты в постановлении о выборах должно указать, кто является постоянным членом суда, а кто — первым или вторым запасным.

Полковой суд.

§ 51. Полковой суд действует в пределах обязанности полкового суда по существующим законоположениям, но, кроме того, рассматривает дела, передаваемые в него полковым комитетом.

§ 52. Полковой суд состоит из шести членов: трех солдат по избранию полкового комитета из числа членов солдат полкового комитета и трех офицеров по избранию общества офицеров полка или части.

§ 53. Председатель избирается из среды членов суда самими судьями по большинству голосов.

§ 54. Дела решаются простым большинством. При равенстве голосов голос председателя дает перевес.

§ 55. При выборах членов суда к ним избираются запасные члены: два со стороны солдат и два со стороны офицеров.

Запасные члены солдаты замещают действительных членов солдат, а запасные члены офицеры замещают действительных членов офицеров.

§ 56. Полковой суд избирается сроком на шесть месяцев.

§ 57. Делопроизводитель суда избирается председателем суда из числа чинов, имеющих достаточное юридическое или общее образование.

Председатель комиссии по организации полковых и ротных комитетов
В. Угоф.
Секретарь Борисевич.

Приложение 25.

Декларация Временного правительства от 26 апреля [1]).

От Временного правительства.

Когда после падения низвергнутого могучими порывами народной воли старого порядка Временное правительство приняло в свои руки власть, члены правительства ясно сознавали, как неизмеримо трудна стоящая пред ними задача и как тяжело падающее на них бремя ответственности за судьбы России. Тем не менее они не поколебались взять на свои плечи это бремя в твердой уверенности, что единодушная поддержка народа даст им силы и возможность исполнить свой долг до конца. Уверенность эта подкреплялась последовавшим тогда в стране полным единодушием в понимании ближайших задач освободившейся России. Созыв в возможно кратчайший срок Учредительного собрания для окончательного определения государственного строя России, немедленное проведение в жизнь начал гражданской свободы и равенства, введение демократического местного самоуправления, распространение всех прав гражданина на чинов армии с сохранением воинского порядка и дисциплины в строю, продолжение борьбы за родину в тесном единении с нашими союзниками — таковы были те основные начала, за которые высказалась тогда народная воля. На этой

[1]) «Вестник Временного Правительства», 26 апреля 1917 г., № 40.

программе образовалось Временное правительство, об'единившее в своей среде представителей различных партий и единодушно признанное страной. Оно приняло на себя обязательство осуществить указанные выше требования народной воли, скрепило это обязательство присягой своих членов. Несмотря на краткость истекшего с тех пор времени, народ уже имеет возможность судить о том, как выполняло и как будет выполнять свои обязательства Временное правительство. В течение своего пребывания у власти на-ряду с напряженной деятельностью, посвященной текущим неотложным нуждам государственной жизни: обороне страны от внешнего врага, ослаблению продовольственного кризиса, улучшению транспорта, изысканию необходимых для государства финансовых средств, — оно уже осуществило ряд реформ, перестраивающих государственную жизнь России на началах свободы, права. Провозглашена амнистия. Отменена смертная казнь. Установлено национальное и вероисповедное равенство. Узаконена свобода собраний и союзов. Начата коренная реорганизация местного управления и самоуправления на самых широких демократических началах. Из необходимых для этой цели законоположений изданы уже постановления о выборах в городские думы и о милиции. Выработаны и будут изданы в самом непродолжительном времени постановления о волостном земстве, о реформе губернских и уездных земств, о местных правительственных органах, местном суде и об административной юстиции. Установлен план работ по составлению Положения о выборах в Учредительное собрание на началах всеобщего, без различия пола, прямого, равного и тайного голосования, и для выработки этого Положения образуется особое совещание, которое приступит к работе немедленно после того, как приглашаемые в его состав представители главнейших политических партий и групп будут намечены соответствующими организациями. В отношении устройства армии и правового положения осуществляются демократические реформы, далеко опережающие все, что сделано в этом направлении в наиболее свободных странах мира. Прилагая все старания для восстановления внутренней организации армии, не могущей не испытывать потрясений при переходе к новому государственному порядку, правительство в то же время неуклонно проводит в жизнь признание за чинами армии всей полноты гражданских и политических прав и неустанно работает над преобразованием воинского управления и воинской дисциплины на началах, соответствующих духу свободного демократического строя. Озабочиваясь обеспечением продовольствия армии и страны, правительство об'явило хлеб урожая прошлых годов и текущего года государственною собственностью и установило государственный порядок распределения хлебных запасов. Для подготовки к Учредительному собранию проекта справедливого и согласного с интересами народа решения великого земельного вопроса образован главный земельный комитет, с участием в нем представителей главнейших политических организаций и партий, и местные земельные комитеты. Отношение правительства к национальным вопросам нашло себе ясное и определенное выражение в его актах, идущих навстречу культурному самоопределению национальностей России, в восстановлении автономии Финляндии, в признании за Польшей права на об'единение и государственную независимость. В основу своей внешней политики Временное правительство положило отказ от посягательства на свободу других народов и от насильственного захвата их территорий и борьбу в тесном единении с передовыми демократиями для достижения прочного мира, основанного на самоопределении народов. Но, говоря об осуществляемых и осуществленных им задачах, Временное правительство не может скрыть от населения тех затруднений и препятствий, которые оно встречает в своей деятельности. Оно не считает также возможным умалчивать о том, что в последнее время эти затруднения растут и вызывают тревожные опасения за будущее.

Призванное к жизни великим народным движением, Временное правительство признает себя исполнителем и охранителем народной воли. В основу государственного управления оно полагает не насилие и прину-

ждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силе. С тех пор как Временное правительство стоит у власти, оно ни разу не отступало от этих начал. Ни одной капли народной крови не пролито по его вине, ни для одного течения общественной мысли им не создано насильственной преграды.

К сожалению и к великой опасности для свободы, рост новых социальных связей, скрепляющих страну, отстает от процесса распада, вызванного крушением старого государственного строя. В этих условиях, при отказе от прежних насильственных приемов управления и от внешних искусственных средств, употреблявшихся для поднятия престижа власти, трудности задачи, выпавшей на долю Временного правительства, грозят сделаться непреодолимыми. Стихийное стремление осуществлять желания и домогательства отдельных групп и слоев населения явочным и захватным путем по мере перехода к менее сознательным и менее организованным слоям населения грозит разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину и создает благоприятную почву, с одной стороны, для насильственных актов, сеющих среди пострадавших озлобление и вражду к новому строю, с другой стороны, — для развития частных стремлений и интересов в ущерб общим и к уклонению от исполнения гражданского долга.

Временное правительство считает своим долгом прямо и определенно заявить, что такое положение вещей делает управление государством крайне затруднительным и в своем последовательном развитии угрожает привести страну к распаду внутри и к поражению на фронте. Перед Россией встает страшный призрак междоусобной войны и анархии, несущей гибель свободе. Есть мрачный и скорбный путь народов, хорошо известный истории, — путь, ведущий от свободы через междоусобие и анархию к реакции и деспотизму. Этот путь не должен быть путем русского народа. Во имя сохранения и укрепления свободы, добытой кровью и жертвами лучших сынов родины, Временное правительство призывает всех и каждого к укреплению осуществляющей и охраняющей свободу власти. Пусть все, кому дорога свобода России, поддержат государственную власть повиновением и содействием, примером и убеждением, личным участием в общих трудах и жертвах и призывом к тому же других. Правительство с своей стороны с особенной настойчивостью возобновит усилия, направленные к расширению его состава путем привлечения к ответственной государственной работе представителей тех активных творческих сил страны, которые доселе не принимали прямого и непосредственного участия в управлении государством.

Граждане России! Судьба родины в ваших руках! Без вас правительство бессильно. С вами оно смело и решительно поведет страну навстречу к ее великому будущему. Помните, что нельзя сохранить свободу без власти, и что при новом строе власть создается и сохраняется вами самими, вашей внутренней дисциплиной и вашим свободным повиновением. Сплотившись вокруг созданной вами власти и обеспечив ей возможность осуществлять на деле признанную вами за нею полноту прав, вы дадите ей силу и мощь преодолеть все трудности и опасности, стоящие на пути страны, и донести свободу России в целости и неприкосновенности до того великого дня, когда сам народ в лице избранного им Учредительного собрания станет у кормила государственного правления.

Приложение 26.

Декларация Временного комитета Государственной думы [1]).

Временный комитет Государственной думы, обсудив происшедшие в Петрограде 20 и 21 сего апреля события, причины, вызвавшие их, а также печальные эксцессы, имевшие место в указанные дни, пришел к следующему заключению.

[1]) «Вестник Временного Правительства», 27 апреля 1917 г., № 41.

27 марта Временное правительство обратилось к населению с раз'яснением цели и задачи текущей войны. 18 апреля это об'явление было официально сообщено нашим союзникам при особой ноте, опубликованной 20 апреля в «Вестнике Временного Правительства». Текст этой ноты вызвал ряд недоумений в некоторой части населения и в Совете рабочих и солдатских депутатов. В связи с этим, того же 20 апреля перед Мариинским дворцом, где заседает Временное правительство, появились войска, вызванные безответственными лицами. Эти войска прибыли туда вооруженными, имея плакаты с надписями, враждебными Временному правительству.

Своевременно принятыми мерами со стороны исполнительной комиссии Совета рабочих и солдатских депутатов острота положения была смягчена, и солдаты разошлись по своим казармам. К сожалению, возбужденное настроение в городе не улеглось, несмотря на то, что в последовавшем совещании Временного правительства с Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов и Временным комитетом Государственной думы выяснилось, что никаких существенных разногласий между Временным правительством и протестующими общественными группами нет, и что выяснение происшедшего недоразумения никаких трудностей не представляет. Тем не менее 21 апреля на улицах Петрограда произошли манифестации, и были случаи столкновения между манифестирующими за Временное правительство и против него. Эти столкновения имели печальные последствия — пролитие братской крови.

Глубоко скорбя о происшедшем, Временный комитет Государственной думы обратил особое внимание на попытку воздействовать на власть путем вооруженной силы, грозившую возможностью опасных междоусобий.

Временное правительство, созданное Государственной думой при содействии Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, после того как 27 февраля пала старая власть, приняло на себя тяжелое ее наследие и обязанность исполнить ту программу, которая была выработана создавшими ее организациями и опубликована одновременно с его назначением. В этой программе были помещены и те преобразования, которые должны быть проведены в жизнь еще до созыва Учредительного собрания, как непременные условия, выставленные народными требованиями.

От исполнения поставленных ему задач Временное правительство не уклонилось, готовое нести ответственность за свои действия перед народом.

Временное правительство может нести ответственность перед народом только при условии обладания им полнотою власти, ибо поскольку государственная власть немыслима безответственной, постольку же и ответственность немыслима без власти. Народ имеет неоспоримое право так или иначе относиться к действиям правительства, выражая свое мнение путем выступления организованных общественных групп, путем письма, печати и живого слова и мирными манифестациями и т. п., но выступление вооруженных сил с целью оказания того или другого давления на правительство совершенно недопустимо, так как это было бы началом новой революции.

В это трудное время Временное правительство должно обладать всею полнотой власти; каждый должен оказывать ему свое содействие. Армией не может распоряжаться никто, кроме правительства, ибо если войском будут ведать и пользоваться отдельные группы и партии, то неизбежным последствием будет анархия.

Временный комитет считает, что ныне ни одна партия или группа населения в политической борьбе не должна прибегать к оружию, а тем более — пользоваться организованной военной силой.

Культурные способы воздействия на правительство укрепляют власть и дают ей необходимую связь с народом, позволяют ей знакомиться с его нуждами и требованиями, тогда как способ угрозы оружием расшатывает ее, вносит беспокойство в жизнь страны и не только мешает, но и делает

совершенно невозможной всякую плодотворную работу граждан на благо своей родины.

Временное правительство не может исполнить своей задачи, если ему не будет предоставлена вся сила и мощь государственной власти.

Приложение 27.

Декларация коалиционного Временного правительства.

От Временного правительства.

Преобразованное и усиленное новыми представителями революционной демократии, Временное правительство заявляет, что оно будет с полной решительностью проводить в жизнь идеи свободы, равенства и братства, под знаменем которых создалась великая российская революция. Временное правительство об'единено в особенности нижеследующими основными чертами предстоящей ему деятельности.

1. Во внешней политике Временное правительство, отвергая в согласии со всем народом всякую мысль о сепаратном мире, открыто ставит своей целью скорейшее достижение всеобщего мира, не имеющего своей задачей ни господства над другими народами, ни отнятия у них национального их достояния, ни насильственного захвата чужих территорий, — мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов. В твердой уверенности, что с падением в России царского режима и утверждением демократических начал во внутренней и внешней политике, для союзных демократий создался новый фактор стремлений к прочному миру и братству народов, Временное правительство предпримет подготовительные шаги к соглашению с союзниками на основе декларации Временного правительства 27 марта.

2. В убеждении, что поражение России и ее союзников не только явилось бы источником величайших бедствий для народов, но и отодвинуло бы или сделало невозможным заключение всеобщего мира на указанной выше основе, Временное правительство твердо верит, что революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на Западе и обрушились всей силою своего оружия на нас. Укрепление начал демократизации армии, организация и укрепление боевой силы ее как в оборонительных, так и наступательных действиях будут являться важнейшей задачей Временного правительства.

3. Временное правительство будет неуклонно и решительно бороться с хозяйственной разрухой страны дальнейшим планомерным проведением государственного и общественного контроля над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов, а в необходимых случаях прибегнет и к организации производства.

4. Мероприятия по всесторонней защите труда получат дальнейшее энергичное развитие.

5. Предоставляя Учредительному собранию решить вопрос о переходе земли в руки трудящихся и выполняя для этого подготовительные работы, Временное правительство примет все необходимые меры, чтобы обеспечить наибольшее производство хлеба для нуждающейся в нем страны и чтобы регулировать землепользование в интересах народного хозяйства и трудящегося населения.

6. Стремясь к последовательному переустройству финансовой системы на демократических началах, Временное правительство обратит особое внимание на усиление прямого обложения имущих классов (наследственный налог, обложение военной сверхприбыли, поимущественный налог и т. п.).

7. Работы по введению и укреплению демократических органов самоуправления будут продолжены со всей возможной настойчивостью и спешностью.

8. Равным образом Временное правительство приложит все усилия к скорейшему созыву Учредительного собрания в Петрограде.

Ставя своей целью решительное проведение в жизнь вышеуказанной программы, Временное правительство категорически заявляет, что его плодотворная работа возможна лишь при условии полного и безусловного к нему доверия всего революционного народа и возможности осуществлять на деле всю полноту власти, столь необходимой для закрепления завоеваний революции и дальнейшего их развития.

Обращаясь ко всем гражданам с решительным и настойчивым призывом к сохранению единства власти, осуществляемой Временным правительством, последнее заявляет, что для спасения родины оно примет самые энергичные меры против всяких контр-революционных попыток, как и против анархических, неправомерных и насильственных действий, дезорганизующих страну и создающих почву для контр-революции; Временное правительство верит, что на этом пути оно встретит решительную поддержку всех, кому дорога свобода России.

Министр-председатель и министр внутренних дел
князь Г. Е. Львов.
Военный и морской министр А. Ф. Керенский.
Министр юстиции П. Н. Переверзев.
Министр иностранных дел М. И. Терещенко.
Министр путей сообщения Н. В. Некрасов.
Министр торговли и промышленности А. И. Коновалов.
Министр народного просвещения А. А. Мануилов.
Министр финансов А. И. Шингарев.
Министр земледелия В. М. Чернов.
Министр почт и телеграфов И. Г. Церетели.
Министр труда М. И. Скобелев.
Министр продовольствия А. В. Пешехонов.
Обер-прокурор святейшего синода В. Н. Львов.
Государственный контролер И. В. Годнев.

5 мая 1917 года.

Приложение 28.

Телеграмма командующего 12-й армией главнокомандующему армиями северного фронта [1]).

Главкосев.

Состояние духа в частях 43-го корпуса крайне ненадежно и заставляет сомневаться, что некоторые полки выполнят самый элементарный свой долг. Среди них сильно распространена пораженческая агитация, сводящаяся к тому, что они не будут сражаться и ждут немедленного заключения мира. Все воздействия организованного солдатского комитета армии высказывают мало влияния. Есть все основания полагать, что там ведется агитация немецкими провокаторами, так как солдаты, видимо, находятся в сношениях с неприятелем на аванпостах. В некоторых полках роль офицеров сводится к нулю, они как бы находятся в плену у своих солдат и не в состоянии оказать никакого воздействия. Особенно отличается в этом отношении 109-я дивизия и особенно 436-й полк. При этом положении есть опасение, что при малейшем натиске со стороны противника некоторые части сдадут свои позиции без сопротивления. Командир корпуса и начальник дивизии не имеют никакого влияния и даже не осведомлены о точном положении дел. Мне приходилось раскрыть эту картину путем посылки делегатов солдатского комитета. Необходимо принять самые быстрые меры для предупреждения могущих возникнуть опасных эксцессов с неисчислимыми последствиями. К таковым отношу: 1) Немедленно сменить

[1]) Дело военно-ученого архива, № 1237, стр. 40.

войска этого корпуса 27-м корпусом, выведя 43-й в резерв. 2) Незамедлительное назначение нового командира корпуса и начальника 109-й пехотной дивизии, уволив немедленно в отставку генералов Новикова и Сулимова. 3) Поспешить с назначением начальником штаба дивизии капитана Прокопе, пользующегося, видимо, значительною популярностью в дивизии; Этот офицер может быть произведен в подполковники, так как выслужил сроки, а после войны он сам намерен выйти в отставку и заняться своим крупным торговым делом. 4) После вывода дать корпусу продолжительный отдых, так как болезнь — цынга — приняла там угрожающие размеры. Находясь в резерве можно будет подбодрить людей, изолировав от опасных элементов, и восстановить дисциплину и дух. 5) Крайне желательно вызвать из Петрограда одного или двух комиссаров Исполнительного комитета Совета солдатских и рабочих депутатов для раз'яснения полкам этого корпуса необходимости борьбы с точки зрения даже этого комитета, так как, видимо, они не признают другого авторитета, кроме него. Употреблять силу и репрессии я считаю нежелательным, как могущие усложнить положение.

Радко Дмитриев.

Верно: Генерального штаба подполковник Тихобразов.

29 марта, 22 часа 15 минут. № 01706.

Приложение 29.

Письмо командарма 5 генералу Рузскому [1]).

Командующий 5-й армией.
29 марта 1917 года.
№ 2606.

(С выпуском оперативных предположений.)

В. секретно.

Главнокомандующему армиями северного фронта Н. В. Рузскому.

Милостивый государь Николай Владимирович.

Общее настроение в армии с каждым днем делается напряженнее. Некоторое успокоение, которое замечалось в первые дни после созыва общего собрания депутатов от всех частей, управлений и учреждений армии, в последние дни сменилось проявлением крайне опасного свойства.

Аресты офицеров и начальников не прекращаются [2]). К прежним обвинениям о приверженности к старому режиму или несправедливом отношении к солдатам за последние дни стали высказываться обвинения начальников о несоблюдении очереди при постановке на позицию, о посылке людей на гибель для захвата пленного. Были случаи отказа идти на позицию на том основании, что и в прошлом году полк стоял пасхальную ночь на позиции, и поэтому постановка его в окопы перед пасхой несправедлива, и пр. Как иллюстрацию тех требований, которые пред'являются войсками и с каким невероятным трудом приходится их успокаивать, представляю при сем рапорт начальника 182-й пехотной дивизии генерала Попова, из коего видно, что солдаты начинают вмешиваться даже в вопросы о распределении войск между боевою частью и резервом и весьма туго поддаются на об'яснения и увещевания их начальников.

---

[1]) Дело военно-ученого архива, № 1237, стр. 38.

[2]) Два дня тому назад был арестован командир 144-го пехотного Каширского полка полковник Стефанский и полковой адъютант, ныне освобожденные.

Три дня под ряд ко мне приходили полки, стоявшие в резерве, с из'явлением своей готовности вести войну до конца, выражали готовность по первому моему требованию итти куда угодно и сложить головы за родину, а па ряду с этим крайне неохотно отзываются на каждый приказ итти в окопы, а па какое-либо боевое предприятие, даже на самый простой поиск охотников не находится, и нет никакой возможности заставить кого-либо выйти из окопов. Боевое настроение упало. Не только у солдат нет никакого желания наступать, но даже простое упорство в обороне и то понизилось до степени, угрожающей исходу войны.

Все помыслы солдат обращены на тыл. Каждый только думает о том, скоро ли ему очередь итти в резерв, и все мечты сводятся к тому, чтобы быть в Двинске. За последние дни настойчиво живут мыслью, что они достаточно воевали и пора их отвести в далекие тыловые города, а на их место поставить войска петроградского и других больших гарнизонов.

В массе войсковой все определеннее проводится неизвестными агитаторами требование о выборных начальниках и уже появились прокламации об избиении офицеров. Бывшие случаи ареста солдатами генералов и офицеров, которые все кончались тем, что неугодные начальники были убраны, а солдаты никаких наказаний не понесли, в сущности почти привели нас к тому положению, когда солдаты могут устранить кого угодно одною угрозою насилия над личностью начальника. Начальники же физически лишены какой-либо возможности найти какую-либо опору в законе, и, повидимому, не скоро еще наступит время, когда военные суды вновь займут то положение, которое ими совершенно утрачено.

Все происходящее, конечно, мы все предвидели. Нельзя перед лицом противника вносить в армию такой разлад, какой внесли все распоряжения Совета рабочих и солдатских депутатов, и то особое положение, в какое был поставлен петроградский гарнизон. Кроме того, политика, широко охватившая все слои армии, невольно отвлекла все внимание от фронта к тому, что происходит в Петрограде, и заставила всю войсковую массу желать одного — прекращения войны и возвращения домой.

Все начальники до последнего ясно отдают себе отчет, до какой степени гибельно такое настроение, изо всех сил работают на поддержание боевой готовности, всеми мерами стараются влить в солдат свою решимость довести войну до достойного конца, но все их усилия до сего времени к реальным положительным результатам не привели. Настроение падает неудержимо до такой степени, что простая смена одной части другою на позиции составляет уже рискованную операцию, ибо никто не уверен, что заступающая часть в последнюю минуту не откажется становиться на позицию, как то было 28 марта с Ряжским полком (который после уговоров на позицию стал).

Учитывая изложенное выше настроение, у меня является весьма серьезное опасение, не вызовет ли предполагаемая перегруппировка самые серьезные волнения в войсках, которым из резервов необходимо будет становиться на позицию. Хотя все начальники примут все меры, чтобы внушить солдатам смысл и значение такой перегруппировки, но боюсь, что для массы, с ее теперешней впечатлительностью и подозрительностью, никакие доводы не пересилят того господствующего настроения протеста и нежелания делать больше, чем делали до сих пор, которое составляет основу нынешнего настроения.

В заключение доношу, что отказ от предполагаемой перегруппировки является безусловно необходимым и с точки зрения нравственного состояния начальников, которое событиями последнего времени было подвергнуто тягчайшим испытаниям и вряд ли у них хватит сил справиться с новыми вспышками неповиновения, которыми грозит эта перегруппировка.

Прошу принять уверение в искреннем уважении и глубокой преданности.

А. Драгомиров.

Верно: Генерального штаба подполковник Тихобразов.

Приложение 30.

Рапорт начальника 182-й дивизии о событии в 728-м полку [1]).

Начальник
182-й
пехотной дивизии.
По части генштаба.
28 марта 1917 г.
№ 122.
Действующая армия.

Секретно.
Спешно.

Командиру 13-го армейского корпуса.

Рапорт.

Сегодня в 2 часа ночи командир 728-го полка доложил мне по телефону, что весь полк просит меня приехать и выяснить некоторые вопросы. По выяснению причин оказалось, что полк желает меня видеть днем.

По окончании совещания в корпусе я прибыл в полк. Полк был в полном составе с офицерами построен для встречи. Поздоровавшись, я вызвал г.г. офицеров, членов полкового и ротного комитетов и приказал полку окружить меня.

Уполномоченные от солдат сделали следующие заявления, поддержанные шумными и громкими восклицаниями всего полка.

1. Разрешить отправить от полка, не ожидая окончания армейского совещания, четырех депутатов от полка в Петроград в Совет рабочих и солдатских депутатов, чтобы узнать, что там делается и сделать свои заявления. Ввиду имевшегося по этому поводу разрешения начальства я приказал командиру полка это исполнить.

2. Расследовать с участием солдатских депутатов случай перехода солдата разведчика 726-го полка к немцам, когда он был послан подбросить прокламации на немецком языке, присланные мне из штаба 19-го корпуса; я назначил начальника штаба полковника Дыммана произвести расследование с участием представителей солдат от всех четырех полков.

3. Так как дивизия, по мнению солдат, не закончив формирование ввиду перегруппировок, была поставлена на позицию раньше других формируемых дивизий, и уже месяц стоит на позиции, а в г. Двинске стоят дивизии 19-го корпуса и отдыхают давно (например, 38-я дивизия), то они требуют, прежде чем ставить дивизию на новую позицию, дать ей отдых, чтобы поработали в окопах и дивизии, которые отдыхают, и что без этого условия они на позицию не пойдут.

4. Они заявляют, что те части в Петрограде и других городах России, которые ходят в манифестациях, кричат и вывешивают флаги «война до полной победы», должны быть поставлены в окопы и испытать на себе, как достигается победа, а нам, послужившим в окопах и на войне почти 3 года, встать вместо тех.

Четыре часа моего разговора, раз'яснений и убеждений не привели к желательному результату. Солдаты заявили мне, что они, лично доверяя мне и понимая, что я им помочь в этом деле не могу, требуют, чтобы я поспешно об этом довел до сведения командира корпуса, а Вас просят доложить командующему армией и дать им исчерпывающий ответ.

К сему докладываю, что, начиная с 1 марта, я во всех полках по очереди собирал батальоны, роты или целые полки, иногда по несколько раз, смотря по боевой обстановке, раз'яснял события, сущность перемен, железную необходимость вести войну совместно с союзниками. В большинстве случаев после длинных разговоров, об'яснений всякие волнения успокаивались, полки становились на позиции и доблестно несли боевую службу. Но с каждым днем все чаще появлялись недоразумения по пустякам в сущности, но грозные по характеру; все больше и больше нервировались солдаты и тем более офицеры. Сам лично пять часов я имел

[1]) Дело военно-ученого архива, № 1237, стр. 36.

совещание с депутатами, солдатами и офицерами от полков, пришедших ко мне враждебно настроенными, но ушедших успокоенными и согласными.

Но, без сомнения, агитация планомерная, рассчитанная и скрытая ведется весьма энергично; нервы солдат натянуты до озлобления; только что успокоенная часть, после личных бесед со мною или командиром полка, через день-два-три вдруг вспыхивает по какому-нибудь новому инциденту, самому пустому.

Доносят о сем, докладываю, что, возможно, я не умею справиться с текущим моментом, но все, что было возможно по моему разумению, я делал, а с наступающим пожаром едва ли буду в состоянии справиться.

Генерал-майор Попов.

Скрепил: Начальник штаба полковник Дымман.

Представляю командующему 5-й армией. Генерал-лейтенант Кузнецов.

Верно: Генерального штаба подп. Тихобразов.

29/III 1917 г. № 03390.

Приложение 31.

Копия.

Телеграмма ген. Алексеева о продовольственном кризисе [1]).

Телеграмма особого делопроизводства при главном полевом интендантстве.

Главкосев.
Копия Главкоюз.
Копия Главкозап.
Копия Поглавкорум.
Копия Командарм Кавказской.

Из обращений к гражданам России Временного правительства, напечатанных во всех газетах, совершенно ясно видно, что в настоящее время наша страна переживает тяжелый кризис в продовольственном и железнодорожном отношении, и что именно неумение прежних министров наладить это дело ставится в вину прежней власти. Временное правительство, в лице новых министров земледелия и путей сообщения, членов Государственной думы Шингарева и Некрасова, самым энергичным образом старается распутать эти вопросы, опираясь на совместную с ними работу всех общественных сил и выдающихся местных деятелей, однако для установления в этом отношении порядка, обеспечивающего правильное снабжение армии и населения городов, фабрик и заводов, естественно требуется время. В обращениях к населению председателя Государственной думы и Временного правительства неоднократно указывалось, что для общего благополучия нашей родины необходимо терпеливо переждать это переходное время, пока новые народные министры наладят дело в тылу. Несмотря на все это, от многих начальников, не исключая самых старших, постоянно пред'являются требования о добавочной доставке продовольствия и срочных перевозках разного рода всякой, из чего следует, что даже старшие начальники не отдают себе полного отчета о современном положении страны. Для пользы общего дела прошу Вас раз'яснить всем войскам и начальникам, от самых старших до младших: первое, — что потребности армий так абсолютно велики, что железные дороги их не могут удовлетворить полностью, и необходима известная очередь в высылке предметов снабжения. Второе, — что запасы продовольствия и фуража в Европейской России весьма ограничены, и поэтому в расходовании та-

[1]) См. дело военно-ученого архива. № 452.

ковых должна наблюдаться полная экономия. Прежние министры не отдавали себе сами отчета в действительном положении дела и все время уверяли, что задержка доставки продуктов происходит от случайных причин. Министры Временного правительства, разобравшись во всех собранных по этим вопросам данным, категорически указали, что, помимо случайных причин, как метелей и заносов в январе и в феврале и распутицы теперь, вообще внутри страны нет такого запаса собранных продуктов, чтобы полностью удовлетворить заявленные потребности армий и населения, и что поэтому необходимо как в тылу, так и на фронте несколько уменьшить дачу продовольствия и фуража до тех пор, пока Временному правительству не удастся собрать в склады достаточного количества запасов. При чем министр земледелия указал, что по проверенным им сведениям оказалось, что в России всякого рода круп и ячменя был большой недосев и плохой урожай, а потому в отношении этих припасов трудно рассчитывать на полную их доставку армиям по прежним нормам. Третье, — что хотя за Уралом в Сибири и есть запасы, но Сибирь связана с Европейской Россией только одной линией железной дороги, проходящей горными участками и поэтому не могущей быть расширенной в смысле увеличения пропускной способности; затем эта дорога все время перевозит из Владивостока грузы боевого значения, доставляемые нам союзниками из Америки во Владивосток, и что без этих грузов армия не получит нужного ей артиллерийского снабжения. Четвертое, — что дело заготовки продовольственных продуктов лежит на обязанности министерства земледелия, а перевозка — на министерстве путей сообщения, и что военные власти, в частности интендантские чины, являются лишь простыми распределителями того, что доставляется на фронты министерством земледелия. Пятое, — что по твердому настоянию Временного правительства всякие параллельные заготовки продовольственных продуктов рядом с уполномоченными минзема кем бы то ни было — интендантством или частями войск — ни под каким видом не должны быть допускаемы. Шестое, — что к делу заготовок продовольствия министерством земледелия привлечены все местные общественные управления, известные торговцы, крестьянские общества и кооперативы, состоящие из лучших людей, пользующихся общественным доверием, и что, следовательно, надо верить в то, что они делают все, что возможно, с полным умением и энергией. Седьмое — что потребности тыла, рабочих и заводов, работающих на оборону, а теперь все заводы привлечены к этому, также очень велики и их нужно удовлетворять всем необходимым наравне с армией и прежде всего продовольствием и углем, без которого заводы остановятся. Перевозка же продовольствия и угля для заводов и желездорог требует такого огромного количества вагонов, что для перевозки всего остального остается меньше, чем нужно для удовлетворения требований армий, и что поэтому ясно, что многие требования армий являются заведомо неисполнимыми. Для характеристики колоссальных потребностей фронта прошу в общих чертах сообщить всем цифры суточного и месячного расхода, — например, муки в сутки надо свыше полмиллиона пудов, а в месяц — до 18 миллионов пудов, даже по уменьшенной даче; крупы в сутки — 150 тысяч, а в месяц — 4½ миллиона пудов; зернофуража в сутки — около миллиона пудов, а в месяц — 30 миллионов пудов; скота в сутки — около 10 тысяч голов, и так далее, и все эти запасы нужно доставлять только в определенные места на фронте, куда ведет мало желездорог, и каждый день; затем это зерно сначала надо отправлять на мельницы, и им также нужен огромный запас топлива; собрать в мешки миллионы пудов и прочее, вообще все, что в этом смысле найдете полезным для выяснения всей колоссальной работы тыла. С этим необходимо считаться и поэтому уметь обходиться тем, что доставляется. Всякие отдельные требования на перевозки, а иногда и самостоятельное воздействие фронтов и войсковых частей на перевозку закупленных или заготовленных ими припасов и материалов, по указанию Временного правительства, непременно вредно отражаются на общем ходе заготовок и железнодорожного транспорта и ухудшают положение других армий. Бла-

гополучие армий требует дружной согласованной работы всего тыла и единства управления, поэтому всякие требования в пять адресов, начиная от министров и кончая смотрителями складов внутренних округов, только расстраивают работу тыла, которую с таким трудом новые министры стараются направить. На все изложенное Временное правительство обращает самое серьезное внимание, — и поэтому обязанность всех начальников своими действиями и спокойным отношением помочь Временному правительству. Все другие государства, и враги, и союзники, и даже нейтральные, переживают такие же затруднения в продовольственном и транспортном отношениях, как и мы, но у нас эти затруднения даже несколько меньше, ибо все же наши дачи больше, чем у других, а там население давно уже питается ниже нормы. Вообще прошу вас, как найдете нужным, ориентировать войска в самом значении принятой теперь всеми системы войны на истощение, и что победа достанется тому, кто сумеет потерпеть. Временное правительство принимает все меры, чтобы облегчить положение и надеется, что через полтора-два месяца в этом отношении будут достигнуты благоприятные результаты.

2742. Алексеев.

Верно: Делопроизводитель Васильев.

Сверял помощник делопроизводителя Бонч-Осмоловский.

21 марта 1917 года.

Приложение 32.

Правила о временных примирительных камерах по земельным делам.

1. До окончательного разрешения вопроса о праве на землю Учредительным собранием, для урегулирования местных земельных отношений учреждаются в Московской губернии, в каждой волости или районе, временные примирительные камеры и уездные аграрные комиссии.

2. В задачи примирительных камер входит разрешение споров между владельцами земли об аренде, прогонах, покосах, выпасах, водопоях и пр.

3. Уездные аграрные комиссии состоят из пяти лиц, по одному представителю от: 1) владельцев или арендаторов участков земли не менее 20 десятин, 2) уездного Совета крестьянских депутатов, 3) уездного Совета рабочих депутатов, 4) уездного комитета общественных организаций. Председатель уездной аграрной комиссии избирается уездным комитетом общественных организаций.

4. Примирительные камеры рассматривают исключительно вопросы о пользовании землей как крестьянскими обществами, так и отдельными лицами или учреждениями; дела же о праве собственности на землю подлежат на общем основании ведению судебных учреждений.

5. Волостные или районные примирительные камеры состоят из трех лиц, из которых одно избирается всем взрослым крестьянским населением, владеющим надельной землей, а второе — всеми остальными владельцами или арендаторами земельных участков не менее 20 десятин, а затем эти два избирают по взаимному соглашению председателя камеры; при отсутствии соглашения председатель избирается местным волостным или районным комитетом.

Примечание. Выборы представителей от крестьян и прочих владельцев земли в волости или районе должны происходить на основании всеобщего равного и, по возможности, прямого и тайного голосования.

6. Решения и постановления примирительных камер подлежат обязательному исполнению, и надзор за правильностью их исполнения возлагается на местные комитеты общественных организаций, волостные и районные комитеты, комиссаров и милицию.

7. Примирительные камеры могут приглашать для постоянной службы или временных действий землемеров, агрономов, сведущих и опытных людей; им также предоставляется вызывать для об'яснений местных людей и свидетелей, производить осмотры земельных угодий, требовать представления сведений и т. д.

8. Все примирительные камеры рассматривают и разрешают дела как по поступившим к ним прошениям, жалобам и иным обращениям, так и по собственному почину.

9. Всякий гражданин, интересы или права которого на пользование землей нарушаются кем бы то ни было, имеет право письменно или словесно обратиться в ту волостную или районную камеру, где находится земельное его угодье.

10. Местная камера обязана немедленно вызвать противную сторону повесткой и не далее 7 дней постановить решение по сделанному к ней обращению. При неявке стороны или ее поверенного дело решается в отсутствии.

11. Решение или постановление примирительной камеры немедленно приводится в исполнение.

12. Недовольные решением волостной или районной камеры, могут жаловаться на него в 7-дневный срок в уездную аграрную комиссию, но такие жалобы исполнения решения не останавливают.

13. Срок на принесение жалобы исчисляется со дня решения камеры, а для лиц, отсутствующих при разбирательстве, — со дня получения ими копии решения. Жалобы подаются в ту камеру, на решение которой они приносятся.

14. Местная камера, если находит дело слишком сложным или вообще затрудняется решить его, может не позднее 7 дней сама передать его в уездную аграрную комиссию.

15. Заинтересованные стороны могут требовать выдачи им копий с постановления камеры.

16. Решения уездных аграрных комиссий считаются окончательными и никакому обжалованию не подлежат.

Приложение 33.

Постановление рязанского губернского делегатского с'езда.

Признавая, что земля должна принадлежать всему трудящемуся народу, и полагая, что разрешение основного вопроса о земле будет на созываемом в ближайшем будущем Учредительном собрании, рязанский губернский с'езд представителей губернского, уездных, городских, волостных комитетов, земств и городов, крестьянского союза, об'единений кооперативов, Советов рабочих и солдатских депутатов во имя спасения родины от разгрома внешним врагом и защиты молодой свободы от внутренней анархии — постановил:

1. Признать правильное и полное использование в 1917 г. всех земельных угодий, независимо от того, кому они принадлежат, вопросом государственной необходимости.

2. Временное, впредь до разрешения земельного вопроса на Учредительном собрании, использование путем реквизиции всех пахотных и луговых угодий с предоставлением всех земель, не могущих быть, по заключениям местных комитетов, обработанными, обсемененными и убранными силами самих владельцев, в распоряжение местных (волостных и городских под контролем уездных) исполнительных комитетов.

3. Использование в реквизиционном порядке всех указанных в п. 2 земель и лугов на основаниях принудительной аренды с платой, проектируемой местными (волостными и городскими) исполнительными комитетами

и утверждаемой уездными комитетами, решения которых окончательны, признать необходимым во всех случаях, определяемых местными исполнительными комитетами.

4. Необходимый для обработки, обсеменения и уборки живой и мертвый инвентарь и семена реквизируются волостными комитетами на основаниях, устанавливаемых местными (волостными и городскими) комитетами и утверждаемых уездными исполнительными комитетами.

5. При передаче в арендное пользование при посредстве местных комитетов всех указанных в п. 2 настоящих постановлений пахотных угодий и лугов на правах принудительной аренды с платой, устанавливаемой местными комитетами (§ 3), все договоры, относящиеся к аренде земель и заключенные до постановления губернского с'езда представителей, признаются нарушенными, и уплаченные при заключении арендных контрактов деньги, в виде задатков и т. п., должны быть возвращены арендующим с удержанием причитающейся, согласно местному постановлению, арендной платы. Ввиду возможных недоразумений, связанных с расторжением контрактов, требующих разрешения в порядке судебного разбирательства и необходимости проведения этой меры путем издания соответствующего закона, признано необходимым сообщить Временному правительству о принятом губернским с'ездом постановлении.

6. Волостные комитеты обязаны принять все меры к оказанию в первую очередь помощи по обработке, обсеменению и уборке земель граждан, призванных в войска, при чем помощь должна быть оказана маломощным семьям призванных.

7. Местные исполнительные комитеты обязаны принять все меры к обработке, обсеменению и уборке всех полей и лугов и сдачо всего излишка хлеба на условиях, об'явленных в законе о государственной хлебной монополии.

8. Признать необходимым, чтобы Временным правительством было издано особое распоряжение о немедленной приостановке покупок, продаж, залога и дарения земель и лесов.

9. Признать необходимым сообщить о состоявшихся постановлениях с'езда для исполнения во все исполнительные комитеты Рязанской губернии, послав делегацию в Петроград для осведомления Временного правительства об этих постановлениях рязанского с'езда представителей.

10. Признать желательным приступить к проведению этой меры в жизнь немедленно, с тем, чтобы высказанные на рязанском с'езде пожелания проводились в общих своих основаниях на всей площади России.

Об аренде земель и реквизиции инвентаря. Для разрешения всех вопросов, связанных с сельским хозяйством, признано необходимым образовать при губернском исполнительном комитете земельную комиссию, состав которой определяется общим собранием с'езда, при чем с'езд находит достаточным выделить для этой комиссии из состава губернского исполнительного комитета двух лиц с предоставлением им права командировать сведущих лиц и приглашать уездных представителей.

Для определения порядка проведения в жизнь принудительной аренды и реквизиции с'езд находит необходимым выработанный подкомиссией и утвержденный общим собранием членов с'езда наказ срочно разослать для руководства и исполнения на местах в уездные и волостные комитеты.

О реквизиции рабочего скота. При реквизиции живого инвентаря отчуждается то количество рабочего скота, которое потребно для обработки, обсеменения и уборки арендуемых земель.

Конные заводы оставляются в распоряжении владельцев с тем, чтобы на обязанности местных комитетов, на которые возлагается контроль за правильным функционированием заводов, лежало обеспечение продовольствием этих заводов.

Признать необходимым передачу всех производителей, отдельно поставленных, исключительно в распоряжение общественных организаций,

кооперативов и сельских обществ с тем, чтобы контроль над этими пунктами принадлежал местным комитетам.

В целях скорейшего перехода конных заводов к общественным организациям с'езд высказывается за образование особых артелей, принимающих на себя организацию и ведение дела по конным заводам.

О реквизиции инвентаря. При реквизиции инвентаря племенные рассадники и молочные хозяйства оставляются. Определение того, насколько эти хозяйства являются племенными рассадниками и молочными хозяйствами, предоставляется местным комитетам с тем, чтобы утверждение решения волостного комитета принадлежало уездному с приглашением им специалистов. Окончательное решение, в случае недоразумений и жалоб, предоставляется губернскому исполнительному комитету.

Весь, за исключением племенного и молочного скота, пользованный скот владельческих хозяйств поступает на учет местных комитетов, на которых и лежит забота о продовольствии и охране этого скота.

При поставке на армию в 1917 году этот скот (§ 48) идет в первую очередь.

Мертвый инвентарь и реквизиция его местными комитетами принимается по описи и поступает в распоряжение комитетов и под их ответственностью.

При наличии в хозяйстве заводского производства (крахмального, паточного, спиртового и т. п.) местные комитеты принимают меры к сохранению производства этих заводов; ввиду особого значения для государства спиртокурения местным комитетам вменяется в обязанность обеспечение рабочей силой и инвентарем хозяйств, имеющих спиртокуренные заводы, и принятие всех мер, направленных к сохранению посевной площади, правильной ее обработке и обсеменению картофелем.

Вопрос об отчуждении базарных площадей и о праве крестьянских обществ и отдельных хозяев на использование всякого рода мельниц, с'ездом оставлен открытым до Учредительного собрания.

Наказ по земельному вопросу (принят губернским с'ездом 12 апреля 1917 года).

1. В целях вполне сознательного отношения крестьян Рязанской губернии к вопросу о принудительной аренде и принудительном засеве всех земельных угодий губернии в 1917 году необходимо немедленно же выяснение на местах во всех волостях значения и основания принимаемых временно мероприятий в связи с условиями данного исторического момента.

2. Под всеми земельными угодьями (§ 1) разумеются земли всех видов: монастырские, церковные, удельные, частновладельческие и крестьянские.

3. Под силами всех владельцев (§ 2) разумеются как трудовые силы самих семей владельцев, так и наемные рабочие силы, имевшиеся в распоряжении владельцев к 10 апреля сего года, за исключением из числа рабочих сил беженцев, военнопленных и военнообязанных, которые поступают в распоряжение местных исполнительных комитетов.

4. Если владельцами земли заключены договоры по найму рабочей силы, но рабочие к 10 апреля сего года на месте не находились, то такие договоры считаются недействительными.

5. Все земли, не могущие быть засеянными их владельцами, поступают в распоряжение местных волостных комитетов, которые и распределяют реквизированные земли между сельскими комитетами волости, а те в свою очередь могут как производить распределение между отдельными гражданами населения, так и организовать общественное пользование реквизированными землями.

6. В случае разногласия между волостями спорные вопросы разрешаются путем соглашения заинтересованных волостных комитетов, а при отсутствии такового соглашения вопросы эти окончательно разрешаются уездными комитетами.

7. Необходимый для обработки, обсеменения и уборки полей рабочий скот, мертвый инвентарь и семена распределяются волостными комитетами

между сельскими комитетами волости, а те в свою очередь могут как производить распределение их между отдельными гражданами поселений, так и организовать общественное пользование ими. Отвечают перед владельцами за весь инвентарь волостные комитеты, руководящие действиями всей волости в том случае, если таковой не будет приобретен ими в собственность, а будет находиться лишь в их временном пользовании.

8. Не подлежат реквизиции опытные поля, хозяйства при сельскохозяйственных школах, опытные станции и др. земли, имеющие научно-показательное значение.

9. Хозяйства, ведущие специальные культуры, — напр., молочные хозяйства, производство семян, и т. п., — подлежат особой охране и контролю местных комитетов ввиду большого значения их для народного хозяйства.

10. Ввиду того, что все время поступали из уезда ложные сведения по вопросу о реквизиции инвентаря для обсеменения ярового поля, о сделках по аренде земли и покупке лошадей, постановлено: все волостные комитеты для точного сведения всего хода дела должны прислать копии сведений о сделках при взаимном соглашении.

11. Во избежание недоразумений и ложного освещения фактов на будущее время постановлено просить население избегать всякой порчи деревьев, построек и т. п., а волостным комитетам предложить поставить в экономиях надежных людей за плату в счет помещика, с тем, чтобы не было злоупотреблений со стороны служащих экономий или самих хозяев.

12. Заслушано заявление купца И. А. Шабанова о снятии ареста на его товар, реквизированный железнодорожной милицией. Постановлено оставить в силе постановление комитета от 17 апреля сего года.

13. Чтобы не было спекуляции, постановлено предложить всем торговцам подавать счета и установить прибыль на оборотный рубль по нормировке прибыли раненбургским обществом потребителей.

14. Так как в реквизицию 14 апреля 1917 года некоторыми лицами не были сданы коровы или телки, постановлено: поручить волостным комитетам предложить им выполнить поставку. В случае отказа поставку выполнить принудительно мерами милиции, а хозяев привлечь к ответственности по 29 ст. о наказании, грозящей 3 месяцами ареста или 300 рублей штрафа или 6 месяцами тюрьмы.

15. По вопросу о заготовке торфа постановлено передать это дело в руки местных продовольственных комитетов, отклонив частную эксплоатацию торфяных болот.

16. По заявлению члена комитета Бердникова о ругани по адресу комитета со стороны гражданина Михаила Фаддеевича Галкина постановлено избрать комиссию для расследования, в составе Е. И. Сорокина, И. В. Левитова и С. А. Бессонова.

17. Так как группой крестьян выражено недоверие бюро комитета, кроме председателя его Т. А. Сухарева, постановлено переизбрать бюро в полном его составе; единогласно избраны председателем Т. А. Сухарев, всеми против одного, товарищем председателя Е. И. Сорокина, секретарем С. А. Бессонова, членами: Н. А. Тюрин, А. И. Загоревский, И. В. Левитов, Н. А. Бердников и Ф. А. Гусев и один солдат, которого должна избрать солдатская организация.

18. Избрать представителем в учительскую коллегию члена бюро Ф. А. Гусева.

19. Постановлено созвать делегатов крестьянского союза на 10 мая.

Председатель комитета А. Сухарев.

Приложение 34.

Жалоба помещицы Ознобишиной.

Господину министру земледелия.

Землевладелицы Рязанской губернии, Ранненбургского уезда, Ивановской волости

П. П. Ознобишиной.

Докладная записка.

Считая необходимым довести до Вашего сведения о творящемся в нашем уезде самоуправстве местного населения под защитой местного комитета, парализующем возможность выполнять землевладельцам возложенное на них Временным правительством и долгом совести ответственное дело обеспечения родины хлебом, — я буду излагать факты в хронологическом порядке.

Только около 20/III и у нас стал намечаться волостной комитет. Волостной сход, вместо волостного старшины, избрал в председатели будущего комитета В. О. Буланова, крестьянина из соседнего села Лихаревщины, но члены в этот комитет были избраны только к 23/IV; и только после первых чисел мая был избран отдельно от исполнительного волостного комитета продовольственный комитет с председателем Никитиным во главе, который состоит сельским старостой села Ивановского.

После 20/III стало проявляться волнение местных крестьян разными насилиями и самоуправством в частновладельческих хозяйствах. Несколько крестьян деревни Бутырки явились на мой хутор Бутырский (имеющий немного более 300 десятин 30-й меры и находящийся от моего имения Ивановского, где я живу, в 8-ми верстах) и стали гнать с хутора моего сторожа Коверина, который был поставлен мною охранять движимое и недвижимое имущество хутора, угрожая ему убийством, если он не исполнит их приказания. Конечно, сторож в тот же день поспешил убраться с хутора, но разлив полой воды заставил его вернуться обратно на хутор, и крестьяне временно оставили его в покое. Хутор этот до начала войны был сдан мною в аренду на несколько лет А. И. Сафонову, который вскоре же оказался неисправным плательщиком. К осени 1914 г. Сафонов был уже на войне, а мать его, продолжая арендовать хутор, совершенно прекратила арендную плату, ссылаясь на то, что семьи призванных на войну не могут быть выселяемы, и только к концу апреля 1916 года удалось отчасти убедить, отчасти принудить ее очистить хутор и отказаться от аренды. Озимые поля она сдала засеянные, а яровые ею не были засеяны, и было упущено время, чтоб могла засеять их и я. Таким образом яровой посев на хуторе в 1916 году не мог быть произведен; озимый же посев, принятый от арендаторши, я убрала своими силами, а озимый посев на 1917 г. был разобран в аренду местными крестьянами, за исключением 6 десятин, по 35 руб. за десятину 40-й меры. Яровой посев нынешнего 1917 года я намерена была также сдать крестьянам по причине неудобства вести заглазно хозяйство, и из 67 десятин ярового посева аренда состоялась на 46 десятин. Затем уездным исполнительным комитетом было постановлено 25—31/III об отходе ярового посева частновладельческих земель в аренду крестьянам по принудительной расценке в 10 р. за десятину 30-й меры невзметанной и по 13 руб. за взметанную. Это постановление уездного комитета волостной сход не признал, и некоторые из крестьян еще и после постановления уездного комитета заключили со мной аренду на яровой посев по прежней расценке, зато другие крестьяне, не заключая со мной никаких договоров, самовольно засеяли несколько десятин под яровое. К 5/IV с. г. было не сдано в аренду 21 десятина ярового поля и 6 десятин озимого, которые также могли быть засеяны яровым хлебом, и я бы засеяла их собственными силами, если бы распоряжением волостного комитета крестьяне не забрали

у меня 27 рабочих лошадей, которых не возвращали мне 8 или 9 дней, что помешало мне произвести посев на хуторе, а опасаясь в такой продовольственный кризис оставить землю незасеянной или окончательно запоздать с посевом, я согласилась сдать ее в распоряжение волостного комитета для сдачи ее в аренду крестьянам под посев. Такой земли, по показанию комитета оставалось 12 десятин. Но сколько из этих оставшихся 27 десятин незаарендованной земли сейчас засеяно крестьянами самовольно, сколько по соглашению с комитетом, сколько осталось вовсе незасеянной, — мне совершенно неизвестно, так как мой доверенный по хозяйству Филипп Куклин, ввиду угрозы крестьян произвести над ним насилие, если он явится на хутор, не решается туда ехать. Овес для обсеменения этих 12 десятин отпустила я по твердым ценам. Кому была сдана эта земля и кто за нее получил деньги, — мне до сих пор неизвестно. Сторож Коверин оставался на хуторе до 15—16/V; в это время его службы, ночью с хутора были уведены 4 овцы с ягнятами, и кто ими воспользовался, до сих пор не могло быть выяснено. 15 или 16/V крестьяне вторично изгнали Коверина за то, что он застал на рассвете в риге несколько крестьян и спросил их, что они там делают. По изгнании сторожа Коверина волостной комитет предложил мне прислать другого сторожа; не имея возможности тотчас найти ему заместителя, я должна была согласиться, чтобы волостной комитет поставил временно своего сторожа. И в тот же день, как крестьяне изгнали с хутора моего сторожа Коверина, послала его обратно на хутор с милиционером, чтобы он сдал на другое утро сторожам, поставленным комитетом, имеющееся на хуторе имущество по описи. Когда они приехали в 11 часов вечера на хутор, то под навесом амбара нашли 13 мешков — насыпанные рожью 10 мешков и 3 — овсом; у трех закромов амбара сломаны замки; дверь с избы сторожа, где он жил, снята с петлей, плита кухонная тоже снята и вытащена в сени, а трое, производивших разгром на хуторе, бросились врассыпную, и их не успели узнать. Находящемуся теперь на моем хуторе моему новому сторожу волостной комитет приказал ни во что не вмешиваться и охранять только целость построек.

По постановлению того же волостного комитета, крестьяне все время разбирают на хуторе из ометов солому по расценке волостного комитета по 80 к. воз, а еще зимой ржаная солома в нашей местности продавалась не дешевле 1 руб. 50 к. за копну, а на телегу свободно укладывается 2, 2½ копны. Значит, и по самой дешевой, еще зимней, цене на каждом возу соломы солома недооценена по меньшей мере на 2 руб. 20 к. Разумеется, денег за солому и этих мне не предлагал получать комитет, и я до сих пор не знаю, сколько запродано соломы на хуторе и кто пользовался деньгами за нее, а соломы на хуторе было 700 копен нового урожая 1916 года и 300 копен соломы старой. Кроме расхищения соломы на хуторе, крестьяне с разрешения волостного комитета травят пар своим скотом и даже засеянные луга.

На другой день, как мой сторож Коверин сдал охрану хутора сторожам продовольственного комитета, председатель продовольственного комитета об'явил мне о реквизиции находящейся на моем хуторе ржи маловесного качества и недостаточно отвеянной (2-й сорт) по 50 к. за пуд, т.-е. по цене, за какую нельзя в нашем уезде найти никакой ржи. На мое заявление, что следовало хоть комитету известить меня о реквизиции ржи на хуторе, так как эту рожь я могла бы оставить на посыпку корма для скота в смолотом виде, а для реквизиции предоставить рожь более высокого качества, с более нормальной ценой, я не получила даже никаких пояснений от председателя продовольственного комитета, почему он предпочел рожь этого качества. Этой ржи на хуторе находилось 270 пудов, а овса 90 пудов. По подсчету же продовольственного комитета они нашли на хуторе для реквизиции только 244 пуда. На вопрос мой: куда же делся овес? Мне ответили, что «его нечаянно» смешали с рожью, но в сохраняемом мною одном из образцов реквизированной ржи нет ни единого зерна овса. Таким образом 90 пудов овса исчезли бесследно, а также и 26 пудов ржи. Трудно допустить, чтобы при развесе 244 пудов 116 пудов могли просто «рассыпаться». Вернее всего, что они распылились по чужим карманам.

Теперь перехожу к действиям местных крестьян в моем имении Ивановском. В этом имении 430 десятин земли с усадьбой, лугами и садами. При имении имеется конский завод 70 голов лошадей, кроме сосунов, и 40 лошадей рабочих.

После заседаний уездного комитета, бывших 25—31/III, уездный комитет разослал по волостям выработанные им постановления, согласно которым многие волостные комитеты и начали действовать. Постановления эти помещикам не рассылались, и подробно содержание их мне неизвестно, так как на заседании уездного комитета я не была, но в них проводилась мысль, чтобы волостные комитеты, не дожидаясь постановлений Учредительного собрания, озаботились передать крестьянам яровые посевы в частновладельческих имениях по принудительной аренде, тем как бы устанавливая неспособность помещиков самостоятельно вести свои хозяйства.

Мне известно, что все окружные землевладельцы, крупные и мелкие, несмотря на все затруднения вести свои хозяйства в данное время, восставали против принудительных аренд, не надеясь, что крестьяне, погнавшись за дешевой арендой, нахватав ее сверх сил, смогут ее обсеменить и засеять, желая сами тоже исполнить свой долг перед родиной — снабжения населения и армии хлебом, и уступили лишь насилию и угрозам, поставленные в безвыходное положение отобранием живого и мертвого инвентаря и снятием рабочих с работ.

5/IV в селе Ивановском была созвана волостная сходка, и так как члены в волостной комитет еще выбраны не были, то проведение постановлений уездного комитета от 25—31/III о принудительной аренде взял на себя председатель будущего волостного комитета Буланов, настаивая на немедленном осуществлении этого постановления, поддерживаемый многими присутствовавшими на сходке крестьянами. Оппонировали им преимущественно приехавшие с фронта в отпуск солдаты из местных крестьян, стараясь доказать, что это будет захват и насилие, предрешающие действия Учредительного собрания и вносящие волнения в население. В результате постановление уездного комитета не было принято волостным сходом, а председатель Буланов благосклонно разрешил помещикам засевать свои земли, заявив, что дальше «посмотрим, как вы это будете делать».

Еще с декабря 1916 года мною были наняты по условию 20 работниц из Калужской губернии из-за недостатка рабочих рук на местах, отчасти по случаю войны, отчасти по обычаю крестьян Ивановской волости уходить на заработки в Москву и ее окрестности. Работницы должны были явиться 6/IV на место работы. Они к сроку не явились; я послала в тот же день за ними своего доверенного, узнать на месте о причине их опоздания и принять все меры привести их к соглашению немедленно поступить на работу. Оказалось, что они решили нарушить условия ввиду все повышающихся цен на рабочие руки, потребовав крупной прибавки, на что я и дала согласие по телеграфу. Не дожидаясь их приезда, 7/IV я уже приступила к посеву ярового с имеющимися в экономии моей рабочими из пленных и поденщиками из ближайших деревень. Под яровым посевом у меня в этом году 106 десятин 30-й меры, из которых 20½ десятин я сдала ближайшим крестьянам, чтобы обезопасить свои посевы от потравы, так как эта земля прилегала к пару, который, по просьбе крестьян, я сдала им для выпаса их скота.

Из этих 20½ десятин крестьяне деревни Малиновой Рощи за 8 арендуемых ими десятин и засеянных ими денег не заплатили.

Работницы прибыли 15/IV, к работам приступили с понедельника 17/IV. 18/IV утром председатель комитета Буланов согнал с поля всех наших работников и работниц, засевавших поля, и после обеда собрал сходку, на которую призвал мою дочь Софью Николаевну Ознобишину, которая совместно со мной ведет хозяйство наше и по слабости моего здоровья часто заменяет меня.

Буланов об'явил на сходке, что следует меня признать не имеющей возможности засеять поля, а потому надлежит землю мою отобрать и поделить ее крестьянам. Дочь моя тогда спросила: на основании какого

и чьего постановления они намереваются так поступить? Буланов ответил, что этого постановления еще нет, но оно будет. Крестьяне стали настаивать, чтобы дочь дала на это добровольное согласие, признав, что своими силами мы неспособны вести хозяйство теперь. Согласия этого дочь не дала.

19/IV был опять собран волостной сход, который, находясь в нетрезвом состоянии, Буланов целиком и привел к нам на усадьбу. Дочь моя в это время была на дворе и разговаривала о хозяйстве с моим доверенным по хозяйству. Буланов подошел к ней и опять стал уже настойчиво требовать согласия на их действия. Дочь моя вторично предложила пред'явить ей официальную бумагу, на основании которой им дано право так действовать, и опять получила ответ, что бумаги еще никакой нет, и они явились сюда пока реквизировать только рабочих лошадей, хотя бы и без нашего на то согласия.

Дочь моя ответила, что их право — право силы, и предоставила им действовать. Они направились на гумно, забрали там 27 рабочих лошадей и тут же открыли торговлю ими, распродавая их между собой и расценивая их по своему усмотрению от 20 до 80 руб., — по ценам, которые не существуют сейчас даже для лошадей, годных только на живодерню. Деньги за проданных лошадей я отказалась получать, и они вносились Буланову. Буланов потребовал от нашего доверенного Куклина выдать ему имеющиеся уздечки, которые и были выданы при свидетелях местному милиционеру Панферову (он же Урдин) в количестве 43 штук. Уздечки были новые, ременные, с железными удилами. Лошадей было взято 27; оставшиеся 16 уздечек нам возвращены не были, и они исчезли бесследно.

20/IV крестьяне обещали явиться и за мертвым инвентарем, но почему-то не пришли.

Этим временем мы обратились с жалобами на самоуправство крестьян лично и по телеграфу к губернскому комиссару и в Петроград к Временному правительству.

20/IV вечером среди крестьян распространился слух, что лошадей приказано вернуть, и 21/IV один крестьянин привел лошадь обратно, 22/IV еще вернули двух лошадей; 23/IV мою дочь пригласили на заседание только что выбранного исполнительного волостного комитета и еще раз допросили ее: сможем ли мы сами землю свою засеять, тогда они возвратят нам наших лошадей. Повидимому, они получили приказание вернуть лошадей и войти с нами в соглашение.

27/IV лошади были возвращены все, и, несмотря на учиненную нам помеху, — 8 дней мы не имели полного комплекта рабочих лошадей, — мы все же успели засеять поля во-время.

В эти дни крестьяне Кочекина хутора самовольно засеяли у меня 5 десятин овсом, не внося за них до сих пор никакой платы.

Лошади наши были забраны крестьянами как бы для обработки наших полей, но между тем никто их на это не употреблял, и, кормленные за эти дни большей частью травой, они только успели отощать.

Еще в марте месяце земская управа реквизировала у нас часть имеющегося запаса ржи и овса на нужды армии. Я тут же заявила, что в частные руки ни рожь, ни овес никому продавать не буду, а 30/IV местным волостным комитетом было постановлено реквизировать у нас часть ржи для удовлетворения нужд местного населения по постановленной ими цене — по 1 руб. 80 к. за пуд, несмотря на то, что твердая цена установлена правительством 2 руб. 53 к. за пуд, но уездный и волостной комитеты решили еще раньше установить цены по своему усмотрению.

2/V дочь моя поехала в Раненбург и там 3/V вечером заседанием уездного продовольственного и исполнительного комитета пришла к соглашению признать твердую цену. Дочь моя просила члена исполнительного комитета уведомить об этом волостной комитет, что и было исполнено.

4/V утром желающие получить хлеб из нашего амбара уже были собраны Булановым. Буланов явился в нашу усадьбу с членами комитета забирать хлеб по установленной ими цене — 1 р. 80 к. за пуд, игнорируя

сделанное им заявление, что я не согласна отпускать хлеб по этой цене. Тогда они пригрозили взломать замки на амбарах, если мы не отопрем амбары добровольно. Амбары им открыли, и они реквизировали 451 пуд ржи. Получать деньги по этой расценке я отказалась. Расписки в получении ими этой ржи, несмотря на неоднократные мои заявления мне их выдать, — я до сих пор не получила. Деньги за эту рожь получил (председатель) комитета, а мною переписаны имена крестьян, взявших рожь, и количество отпущенной им ржи.

Для постройки новых конюшен для имеющегося у меня конского завода,—старые конюшни приходили уже в упадок,—три года назад мы стали закупать кирпич и купили его — 110 тысяч кирпича у разных окружных крестьян, делающих кирпич, по цене от 14 до 18 руб. тысяча. Война и дороговизна рабочих рук не дали возможности приступить к постройке новых конюшен. Из 110 тысяч кирпича на мелкие хозяйственные нужды мной израсходовано за это время не более 10 тысяч.

Продовольственный комитет, зная об имеющемся у меня кирпиче, решил и его реквизировать, будто бы для поправки старых и устройства новых печей местного населения по цене 7 руб. тыс. По такой небывало низкой цене приобрести кирпич пожелал каждый, кому он и не был нужен сейчас. Дочь моя поехала в Раненбург заявить уездному комиссару о намерении крестьян разобрать кирпич под руководством председателя Буланова по 7 руб. тысяча. Заявлено нами было также об этом начальнику милиции, и, несмотря на то, что начальник милиции сказал по телефону сюда, в волость, что это незаконно, и он запрещает это делать, — в 4 дня, от 13 до 17 мая, кирпич был весь свезен. Деньги нам не предлагали получать, и неизвестно, кто их получил. Для расследования этого дела были присланы из Раненбурга комиссар милиции Антонов и член исполнительного комитета уездного Бередников, и во время их пребывания здесь еще несколько человек, не смущаясь, добирали кирпичи. Те, которые производили следствие, говорили, что председатель Буланов обязательно будет привлечен к ответственности. Но уже кончается май месяц, а Буланов попрежнему председатель волостного комитета.

Волнение среди крестьян, и их недовольство нами, что мы на их произвол, как можем, реагируем, все усиливаются, и отдельные лица предупреждали нас о намерении их даже с нами «расправиться», — убить нас, называя и числа, когда нам следует этого ждать, — 21, 22/V. Это побудило нас просить начальника уездной милиции прислать нам охрану, которая и была прислана в числе двух милиционеров. Местное население сразу ополчилось на прибывших, стало их дразнить «архангелами», что они служат старому строю, и советуя им убраться «по-добру, по-здорову», не дожидаясь их расправы. Волостной комитет, очевидно, по этому поводу вошел в сношения с уездным комитетом, который оказал давление на начальника уездной милиции, и 25/V начальник милиции их отозвал обратно в Раненбург. В этот же день я поехала в Раненбург просить у начальника милиции, чтобы предотвратить возможность непоправимого преступления, что, конечно, противно задачам Временного правительства, ибо ведет не к порядку, а к нежелательной анархии, но он ответил, что, несмотря и на такие перспективы, он не властен дать охрану, так как исполнительный уездный комитет против этого. Таким образом мы предоставлены теперь полному произволу местного населения, а два сына мои, которые могли бы оказать нам хоть какую-либо защиту, находятся на войне, в действующей армии, и на моих же руках, здесь, в имении, живут двое — 3- и 4-летние внуки, — дети одного из этих сыновей, участь которых еще более своей меня пугает.

Каждый день несет новую угрозу местного населения, которая грозит «добраться» до привезенных работниц, — «повернуть им оглобли во-свояси», выгнать из моей экономии и рабочих пленных; пред'явили требование, чтобы к первому июня я рассчитала доверенного моего по сельскому хозяйству Филиппа Куклина, стремясь тем самым создать искусственно мою полную беспомощность вести своими силами хозяйство и тем принудить

меня отдать им всю землю, не дожидаясь постановления Учредительного собрания.

Кроме поименованных актов произвола местного населения, я должна еще упомянуть, что продовольственный комитет, услыхав со стороны, что у меня имеется запас солонины для служащих дома и экономии, явился ко мне осмотреть мои амбары, увидел там еще несколько окороков ветчины, потребовал показать им и запасы солонины, и записал всю наличность мяса по их приблизительному подсчету, не скрывая, что это они делают, намереваясь и его реквизировать в недалеком будущем и говоря, что и им она пригодится на их частых заседаниях комитета, — вероятно, на закуску после выпивки.

Все незакономерные действия местного населения обыкновенно получают явное или тайное одобрение от уездного и волостного комитета. Это тем менее полезно, что местное население и без того имеет неисчерпаемый источник возбудимости в процветаемом у нас тайном винокурении, особенно распространенном в деревне Бутырках. Не допускаю мысли, чтобы Временное правительство желало вверять управление на местах лицам, судимым за уголовные преступления, нетрезвого поведения и явно нечестным, между тем подобные лица свободно проходят в местные комитеты и вершат судьбы населения на местах, внося не порядок, а произвол. Членам волостного комитета, например, состоит Иван Тюнин, судившийся за конокрадство и отбывший уголовное наказание с лишением прав, почему и не подлежал призыву на войну. Председатель волостного комитета В. О. Буланов всегда почти в нетрезвом виде; людская молва считает его даже нечистым на руку, что вряд ли безосновательно, так как, напр., полученные им деньги с крестьян за мои солому и кирпич он до сих пор и не предлагал мне получить. Я называю более яркие примеры участия в комитетах лиц, не заслуживающих доверия и уважения, но немало среди (них) хотя и не с такими пороками, но не менее вредных установлению на местах порядка и законности.

Пользуясь неограниченной свободой действий, они безнаказанно чинят насилия над другими и под видом «реквизиции» просто экспроприируют, что могут.

Дабы пресечь явления, положить предел тем комитетским действиям, где кончается закон и наступает произвол, Временное правительство могло бы этому способствовать единственно посылкой на места наибольших беспорядков лично правительству известных, компетентных лиц для проведения новых мероприятий и контроля деятельности местных комитетов. Неотложно необходимо, например, прислать такое лицо в Раненбургский уезд, который весь охвачен подобными беспорядками, принудившими большинство помещиков побросать усадьбы на произвол и перебраться в город.

Вся эта докладная записка есть лишь верная фотография жизни на местах, вдали от центров, рисующая беспристрастно правду, которую долг каждого представить Временному правительству, дабы не обольщали правительство, что кругом сплошное благополучие, а потом — разлившийся поток полной анархии и грабежей не застиг бы врасплох и не была бы упущена возможность затушить пожар при первых вспышках пламени. Можно беспристрастно сказать, что по городам и весям нашей обширной родины пока произвол и насилие одних сменился произволом и насилием других, и, если это не пресечется во-время, то «тоска по твердой власти» так же бурно может возникнуть, как возникло бурно пресыщение тисками власти, способствовало ее низвержению.

Для ознакомления с постановлениями Раненбургского уездного исполнительного комитета прилагаю протокол заседания, состоявшегося 7/V 1917 г.

Приведенные в нем п. п. 5—6, утверждающие гибель урожая в 1916 г. у помещиков и небрежное ведение посевов и уборки лугов ими, есть лишь удобный повод реквизировать частновладельческие земли по удешевленной арендной цене. Небрежное ведение хозяйства помещиками исключается

уже тем, что помещик заинтересован иметь доходность, а не убытки от имения.

Словом, все пункты постановлений Рапенбургского исполнительного комитета дают широкое поле деятельности волостным комитетам пользоваться ими как кому удобнее, если в состав комитета проникают лица недобросовестные или неспособные в них разобраться.

Пелагея Петровна Озпобишина.

Приложение 35.

Положение об использовании паровых земель до Учредительного собрания (Пензенская губ.).

I. Использование паровых земель до Учредительного собрания.

Пензенский губернский Совет крестьянских депутатов, признавая, что окончательное решение земельного вопроса в России вообще и в Пензенской губернии в частности принадлежит Учредительному собранию, постановил принять следующие временные меры:

1. Все земли — государственные, удельные, кабинетские, помещичьи и вообще частновладельческие, банковские, монастырские, церковные и причтовые, городские, мещанские — должны перейти на учет волостных исполнительных или земельных комитетов и распределены между трудовой, не наемной силой волости.

2. Если же земельные интересы касаются нескольких волостей, то порядок использования устанавливается на совместном заседании заинтересованных комитетов.

3. Если спорящие волости не приходят к соглашению, то на совместное заседание в качестве председателя командируется член уездного исполнительного или земельного комитета для окончательного разрешения недоразумений.

4. За вышеуказанные земли арендная плата дана не будет. Уплачиваются же только налоги государственные, земские и волостные.

5. Урожай с засеянных раньше земель исполу поступает в распоряжение испольщиков с уплатой вышеупомянутых налогов (п. 4) и с возвращением семян, если таковые были взяты испольщиком у частновладельцев.

Примечание 1. Настоящий п. 5 не относится к семьям лиц, призванных на военную службу, инвалидам и другим лицам трудового класса.

Примечание 2. Посевы как озимые, так и яровые не могут быть продаваемы в текущем году.

6. Необходимо предоставить волостному исполнительному комитету разумное распределение как сенокосов, так и пастбищ бесплатно и независимо от хозяев.

II. О живом и мертвом инвентаре.

1. Волостные исполнительные комитеты берут под учет весь мертвый инвентарь — частновладельческий, помещичий — с запрещением продажи оного без разрешения волостных исполнительных комитетов.

2. Волостные исполнительные комитеты распределяют этот инвентарь между гражданами волости, действительно нуждающимися, по своему усмотрению, взимая за пользование и прокат цену.

3. За порчу и утрату платит лицо, взявшее любое сельскохозяйственное орудие на прокат.

4. Все служащие имений, во главе с управляющими, остаются на своих местах, кроме тех, которых волостной исполнительный комитет найдет нужным устранить.

III. Сельскохозяйственные рабочие, военнопленные и дружины.

1. Военнопленные отпускаются помещикам и оставляются уже имеющиеся у них по усмотрению волостных исполнительных комитетов.

2. Если окажется нужда в рабочей силе для жителей волости, эти силы распределяются волостным исполнительным комитетом прежде семьям лиц, призванных в войска, а также инвалидам и другим лицам волости.

IV. Сборы и недоимки на строительство новой жизни.

Ввиду острой нужды в денежных средствах на строительство новой жизни Совет крестьянских депутатов постановил:

1) принять на местах энергичные меры к скорейшему взысканию недоимок по частновладельческим и крестьянским землям;

2) предоставить волостным комитетам войти в соглашение с местными кредитными учреждениями о выдаче ссуд на уплату недоимок и сборов, числящихся за крестьянами, с рассрочкой погашения этих ссуд по уборке хлеба в текущем году;

3) взыскание числящихся за помещичьими и частновладельческими землями недоимок произвести в срочном порядке, в случае же отказа от добровольной уплаты взыскание производится по постановлению уездного исполнительного комитета в административном порядке через уездных комиссаров;

4) принять самые энергичные меры к немедленному взысканию всех государственных и земских сборов;

5) ввиду настоятельной нужды в денежных средствах, произвести в пределах каждой волости обложение сборами всех частновладельческих земель, при чем об обложении лесов и всяких предприятий, а также и земель просить Временное правительство издать закон, засчитав ныне получаемые сборы в имеющую последовать от правительства раскладку.

V. Участие женщин на выборах в местные и центральные органы.

Признать необходимым участие всех демократических женщин в выборах как в местные, так и в центральные органы самоуправления.

Приложение 36.

Постановление общего собрания Совета крестьянских депутатов Казанской губернии 13 мая 1917 года.

1. Впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием, в интересах успеха революции и для обеспечения страны продовольствием, после того как будут организованы волостные и сельские комитеты, Совет крестьянских депутатов находит необходимым все пахотные земли и луга — помещичьи, казенные, удельные, монастырские, церковные, кабинетские, городские — передать в распоряжение волостных комитетов.

Примечание. Земли, скупленные у отрубников (а также леса и луга) в одни руки частными владельцами, считаются помещичьими.

Земля передается в распоряжение только тех волостных комитетов, которые правильно организованы.

Как организовать правильно волостной комитет?

Чтобы правильно организовать волостной комитет, надо в каждой деревне, селе собрать сельский сход из лиц обоего пола, достигших 18 лет, и избрать депутата. Если деревня или село большие, то надо избрать одного депутата на каждые 200 человек населения обоего пола от 18 лет. Каждая деревня, как бы они ни была мала, должна иметь своего депутата. Все избранные депутаты с'езжаются на волостной с'езд с приговорами

от обществ, их избиравших. Волостной с'езд избирает волостной комитет. Волостной комитет должен иметь не менее 3 лиц: одного председателя (который исполняет все обязанности волостного старшины) и 2 товарищей председателя. Если в комитете более 3 лиц, то, кроме председателя и 2 товарищей председателя, есть и члены волостного комитета. Вот в распоряжение такого комитета и передается вся помещичья, казенная, монастырская, удельная, церковная, кабинетская и др. земли волости.

2. Все угодья и леса отдаются под контроль губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Волостные комитеты не могут сами рубить лес, ни запрещать рубку леса, если есть разрешение на рубку со стороны Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Дает разрешение и следит за правильной рубкой Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

3. Весь инвентарь, весь скот и хозяйство помещиков должны быть по описи переданы в распоряжение волостных комитетов. Опись инвентаря, скота и хозяйства должна составляться подробно в присутствии помещика или его уполномоченного, а также в присутствии понятых. Опись должна быть всеми подписана. Опись передается помещику, а копия, заверенная, оставляется при волостном комитете.

4. Губернский с'езд крестьянских депутатов для всех земель, отошедших в распоряжение волостных комитетов, устанавливает отдачу их всем желающим издольно или устанавливает стоимость обработки их и уборки, по которой волостные комитеты должны обработать и убрать. Все же зерно и сено должны быть переданы в распоряжение государства.

Казанский Совет крестьянских депутатов установит и сообщит, из какой доли должны обрабатывать землю. Если у волости нехватит сил обработать всю землю, то желающие из других волостей на тех же условиях обрабатывают землю. Никаких разделов земли производить нельзя. Весь хлеб, который остается от доли, передается государству через волостной комитет. Совет крестьянских депутатов решил: если станет комитет производить дележ земли теперь же, не выжидая решения Учредительного собрания, то выйдет много ссоры, обиды, неправды. Да и что подумают на фронте солдаты? Подумают, что без них делить хотят, а их в стороне оставить. Поэтому Совет крестьянских депутатов и решил, что землю никто делить не будет, а только — пользоваться ею до решения Учредительного собрания через волостные комитеты.

5. В исключительных случаях малоземелья волостные комитеты должны озаботиться о предоставлении продовольствия малоземельным. Если у кого мало очень земли и жить на ней тяжело, то все-таки не надо делить, а надо через волостные комитеты хлопотать, чтобы из нового урожая отпустили продовольствия.

Так вот, товарищи крестьяне, как решил Совет крестьянских депутатов с землей. Так и надо сделать временно до Учредительного собрания. А потом новые законы пойдут. Пока же только вся земля должна уйти из чужих рук и должна быть передана в распоряжение выбранных вами волостных комитетов.

Приложение 37.

Телеграмма верховного главнокомандующего главнокомандующему армиями северкого фронта [1]).

Секретно.

Главкосев.

1917/б. Путем существенного ослабления ю.-з. фронта и сокращения намеченной и детально разработанной уже операции назначил ваше распоряжение, не считая кавказских войск, пять дивизий, как средство для

[1]) Из дела военно-ученого архива, № 452.

прикрытия северных направлений на Петроград и для нравственного успокоения за столицу. Сделал это с болью сердца, ибо до настоящего времени нельзя отметить ни малейших признаков, которые указывали бы на подготовку серьезной операции против северного фронта вообще, против Моонзунда и Ревеля в частности. В Вашем распоряжении и теперь находятся столь значительные силы по сравнению с силами противника, что говорить о трудности усилить временно оборону островов до надлежащих размеров нет оснований. Имея по данным первому апреля, т.-е. до изменения состава первой армии, 530 батальонов против 249 неприятельских, северный фронт и может и обязан принять все меры, чтобы обеспечить острова и сохранение наших руках Моонзунда тот период, когда состояние льда допускает для противника выполнение подобной операции при наиболее благоприятных условиях. По мнению моему, наиболее угрожаемым на всем вашем фронте является Рижский район, ибо только здесь атака с сухого пути может быть при благоприятных условиях соединена производством десанта, чего нельзя достичь ни на каком-либо другом участке севфронта. Самостоятельная десантная операция для угрозы Петрограду требует столь больших средств, что рассчитывать на наличие их у противника едва ли возможно, судя по тому, что немцы выхватывают отдельные дивизии нашего фронта для переброски на французский. Исходя этих соображений, полагаю необходимым поверить инженерную подготовку именно Рижского района — убежища, препятствия, и особенно разработать вопрос усиления артиллерии этого района за счет других участков фронта при обнаружении серьезных намерений противника.

Алексеев.

Верно: генерального штаба подполковник Барановский

14 апреля 1917 г., № 3018.

Приложение 38.

Записки членов ЦК Финляндской СДРП.

Секретно.

I.

Относясь к Вам с полным доверием и зная Вас как друга финского народа, берем на себя смелость обратиться к Вам неофициально за раз'яснением вопроса: находите ли Вы возможным в настоящее время заключение между полномочными государственными органами России и Финляндии прочного и удовлетворительного договора о государственно-правовом отношении Финляндии к России?

Поводом к постановке данного вопроса ближайшим образом послужил тот разговор, который происходил между представителем вашего Временного правительства г. Родичевым и нами, финнами, по вопросу о финляндском войске, и то, что г. Родичевым было по опубликованному в газетах интервью высказано о возможном упорядочении отношений между Финляндией и Россией.

Из предложенного г. Родичевым вопроса о войске мы вынесли представление, что ваше правительство желало бы ныне же предоставить оборону Финляндии в наиболее существенной части самим финнам, как нам кажется, в предположении, что и сравнительно слабое финляндское войско послужило бы гарантией тому, что страна не подвергнется нападению.

На это находим необходимым прежде всего заметить, что вопрос об образовании финляндского войска до настоящего времени еще совершенно не обсуждался публично. И поскольку можно судить на основании на-

строения народных низов, эта мера сама по себе была бы принята скорее недоброжелательно, чем желательно. Наш народ, будучи более пятнадцати лет свободным от несения воинской повинности, почитает, надо думать, в большинстве своем учреждение своего войска излишним и тяжелым бременем для себя. Помимо того, народные низы могут опасаться, как бы свое войско не сделалось в будущем в руках реакционных классов средством, направленным против народа же.

Ввиду изложенного вопрос о войске, как таковом, по нашему мнению, не может быть поставлен, а только в виде организации на будущее время на демократических основаниях народной милиции для обороны страны, каковая милиция притом была бы, естественно, весьма малочисленной. Необходимым условием ее учреждения, кроме того, должно быть положение, что эта милиция не будет призвана к военным действиям вне родины, а предназначалась бы исключительно для защиты финляндской территории и охраны границ и т. п. И даже в таком случае нельзя поручиться, что эта мера получит одобрение народа.

При таком положении дела находим необходимым для обсуждения вопроса осведомиться относительно того, сколь важным почитаете Вы вопрос о финляндском войске. Надо думать, что на позицию финского народа в этом вопросе оказало бы значительное влияние указание, что одобрением предпринимаемой меры финский народ может приобрести важную выгоду, а именно: удовлетворительное и вполне обеспеченное положение Финляндии на основании нового государственного договора.

Вместе с тем позвольте высказать Вам с полною откровенностью наше мнение и о пределах финской свободы.

Автономия Финляндии, имеющая свое основание в государственном договоре, заключенном в Борго в 1809 году, и восстановленная в настоящее время вашим правительством, оказалась по горькому опыту крайне узкой для Финляндии и несостоятельной для предотвращения беспрерывно возникающих недоразумений и конфликтов между Финляндией и Россией. Самостоятельное развитие нашей страны, с одной, и в течение долгого времени перенесенный гнет, с другой стороны, возбудили в Финляндии сильное стремление к более прочной и более широкой свободе, чем та, которая была установлена для Финляндии сто лет тому назад. Вам известно, что это стремление в продолжение настоящей войны вылилось, между прочим, в такую отчаянную форму, как вступление некоторой части финской молодежи в ряды германской армии.

Поступок этой молодежи не встретил, насколько нам известно, в финском народе более или менее заметного сочувствия, равно как связанное с ним сознательное стремление к разрыву с Россией. Тем не менее довольно распространено было в Финляндии до самого последнего времени убеждение, что нет оснований ждать со стороны русской государственной власти добровольного согласия на удовлетворительную и в достаточной мере обеспеченную автономию. Можно думать, что народ и по настоящее время пребывает в сомнении, не успев приобрести спокойной уверенности насчет будущего.

Но если бы ввиду сказанного Россия ныне же даровала Финляндии обеспеченное положение, то этот великий исторический акт, без сомнения, имел бы несравненно более благодетельное действие на будущее развитие взаимоотношений обоих народов, чем какие бы то ни было возможные уступки в будущем.

Имея это в виду, разрешите довести до Вашего сведения некоторые главнейшие начала того государственно-правового отношения Финляндии к России, которое, по нашему глубокому убеждению, могло бы быть финским народом сочтено удовлетворительным, и узнать Ваше мнение, находите ли возможным такого рода государственный договор между Россией и Финляндией в настоящее время. (Мыслям своим мы не нашли пока нужным придать точной юридической формулировки.)

1. Финляндия, как самостоятельное в своих делах государство, входит в нерасторжимую унию с Россией.

2. Дела внешней политики, как-то: вопросы о войне и мире, заключение политических договоров и соглашений с другими державами, решает Россия и в части, касающейся Финляндии: поскольку заключаемые договоры предполагают определенные мероприятия в Финляндии или изменения в ее правлении, законодательстве и отправлении суда, они получают законную силу только при условии, если Финляндия даст на них свое согласие.

3. Торговые и прочие народно-хозяйственные договоры и соглашения с другими державами заключает Финляндия за себя самостоятельно.

4. К внутренним делам Финляндии в пределах данного государственного договора относится учреждение финляндской конституции, а равно правление Финляндии, законодательство и судопроизводство. Таким образом и вопросы о форме правления главы страны и пределах ему принадлежащей власти зависят от свободного усмотрения финского народа.

5. Равно вопросы о военной обороне страны, управлении и начальстве над обороной почитаются входящими во внутреннюю компетенцию Финляндии. Россия не имеет в мирное время своих войск и военных сооружений в стране. (Вопрос об определениях в предполагаемом договоре относительно военных сооружений в Финляндии для обороны Петрограда нами пока не обсуждался.)

6. Русско-православная церковь в Финляндии управляется своим духовным ведомством на основании церковных законов данной церкви; лишь в отношении общественных и гражданских дел она подчиняется финляндскому законодательству.

7. Русские подданные в Финляндии пользуются в наиболее существенной части одинаковыми гражданскими свободами, свободой промысла и коммунальными правами наравне с финляндскими гражданами.

8. Вопросы регламентации торговых сношений между Россией и Финляндией, а равно и прочих общих дел, решаются с обоюдного и свободно выраженного согласия и методом параллельного законодательства.

9. Вопросы о предполагаемых общих государственных органах, равно как изменениях в этом договоре, также решаются на основании обоюдного свободного соглашения. Для наблюдения за выполнением заключенного договора и при надобности для содействия благоприятному разрешению дел, затрагивающих интересы обеих стран, Россия имеет в Гельсингфорсе, а Финляндия — в Петрограде своего представителя.

Вполне естественно, что необходимо также разработать еще вопрос о надлежащем органе, в ведение которого входили бы все возникающие из применения этого договора спорные вопросы.

Вместе с тем в соответствии с важностью данного государственного договора было бы желательно, если бы для прочной гарантии и укрепления незыблемого доверия в финляндском народе Россия согласилась пригласить в поручители на ненарушимость этого государственного акта другие державы, например, Францию и Англию. Мы глубоко уверены, что упоминание о поручительстве других держав не будет Вами сочтено даже в малейшей степени за акт недоверия вашему правительству, о благожелательной дружбе и искренности которого мы имели в только что появившемся манифесте самые лучшие доказательства. Но ввиду того, что ваше современное правительство является временным и нет безусловной уверенности в том, что во главе России всегда будет стоять правительство такого же направления, вышеуказанное поручительство надо считать желательным для договора, существование и прочность которого не может оставаться в зависимости от временных колебаний политической жизни.

Само собою разумеется, что со стороны Финляндии только сейм вправе решить, в какую форму предполагаемый договор должен вылиться. Настоящим мы имеем целью лишь выразить, в каком направлении идут желания и чаяния близких нам слоев населения.

Мы верим и надеемся, что предполагаемый нами государственный договор не может быть в противоречии с действительными интересами русского народа. По нашему крайнему разумению, свободомыслящая демо-

кратическая Россия никогда не будет взирать на Финляндию как на точку опоры для каких-либо завоевательных стремлений, а будет считать ее верным оплотом на своей северо-западной границе. С другой стороны, не подлежит сомнению, что маленькая Финляндия и в отношении народно-хозяйственных интересов не пожелает и не сможет повредить России, так как она по необходимости нуждается как в произведениях русской промышленности, так и в русских рынках и в силу собственных выгод будет стремиться к близкому сотрудничеству с нею.

В России могут возразить, что столь обширная свобода Финляндии равнозначна положению почти независимой страны. Допускаем, что положение Финляндии при наличности такого договора напоминало бы во многих отношениях положение формально свободной страны, однако Финляндия и в таком случае не могла бы пренебречь интересами и желаниями русской государственной власти. Мы готовы признать даже больше: такое положение было бы для Финляндии выгоднее, чем положение самой независимой страны, неприкосновенность которой не обеспечена. Как бы то ни было, дарование Финляндии со стороны России такого государственно-правового положения, по нашему разумению, было бы действительно мудрым политическим актом, который послужил бы счастью и самой России.

В заключение дозвольте поставить два вопроса: если разработка такого договора между Финляндией и Россией может почитаться в настоящее время возможною, то думаете ли Вы, что со стороны вашего правительства будут поставлены какие-либо особые условия; имеете ли Вы какие-нибудь замечания на наше предположение о таковом упорядочении государственно-правового положения Финляндии.

Член финляндского сейма и комитета с.-д. партии
Эдвард Гюлинг.
Член финляндского сейма и комитета с.-д. партии Карл Виик.
Член финляндского сейма и Международного
социалистического бюро А. Куусинен.

В Гельсингфорсе, 30/17 марта 1917 года.

Ближайшие требования финляндских социал-демократов в области социального законодательства.

Закон о запрещении приготовления, ввоза и продажи напитков, содержащих алкоголь.

Ясно понимая, каким громадным тормазом для развития народа, в особенности рабочего класса, являются спиртные напитки, социал-демократы Финляндии с самого начала своего существования стали требовать их абсолютного запрещения. На учредительном собрании финляндской рабочей партии в 1899 году это требование было включено в программу, и до сих пор относительно этого требования никакого разногласия не появлялось. Это требование получило и вне партии такую широкую поддержку, что большинству буржуазных партий пришлось поневоле включить его в свои программы; но ничто не мешает тому, что руководители этих партий всеми силами препятствуют его осуществлению.

Когда наш сейм в 1907 году впервые собрался, то первым актом его деятельности было принятие закона, запрещающего приготовление, ввоз и продажу напитков, содержащих алкоголь, кроме тех, которые нужны для врачебных, технических и научных целей. Напитками, содержащими алкоголь, определяются те, кои содержат более двух процентов алкоголя.

Вслед за принятием закона со стороны буржуазии стали усиленно агитировать против его утверждения и добились того, что тогдашнее правительство Финляндии, составленное из представителей различных буржуазных партий, дало о законе неодобряющий отзыв. Государь не утвердил закона. В 1909 году сейм вторично принял закон, но в несколько измененном виде. Но после этого правительство закона не утверждало и не откло-

няло, а лежит он, подобно многим другим законам, принятым сеймом, под «зеленым сукном» правительства.

Теперь, когда имеется надежда на проведение различных реформ, трудящийся народ Финляндии единогласно выражает пожелание, чтобы закон этот в самом скором времени был бы утвержден и приведен в силу. Это было бы большим благодеянием для всего народа, хотя оно и приносит ущерб кучке капиталистов-эксплоататоров.

Закон по охране труда.

Законодательство по охране труда в Финляндии находилось до последних времен всецело в руках господствующего класса и не соответствовало самым элементарным требованиям.

Рабочий день мужчин и даже женщин был совершенно не ограничен, также правила, касающиеся условий детского труда, были очень неудовлетворительны. Ввиду этого сейм выработал и принял в 1909 году закон, представляющий значительные улучшения по сравнению со старым законом, но далеко не соответствующий всем тем требованиям, каковые социалдемократами выставляются. В круг нового закона входят многие отрасли труда, не входившие раньше в круг старого закона: пользование трудом детей моложе 14 лет запрещается, хотя некоторые отступления допускаются; употребление женского и детского труда в известных, опасных для здоровья отраслях труда ограничено; максимальный рабочий день детей устанавливается в 6 часов, молодых людей — в 8 часов, а для взрослых рабочих — в 10 часов. Там, где работа не организована в две или три 8-часовых смены, ночной труд запрещен. За допускаемую сверхурочную работу уплачивается прибавка в 50 процентов; минимальный воскресный отдых 30 часов; 4-недельный отдых после родов.

Принятие этого закона встретило со стороны предпринимателей и прочей буржуазии ожесточенное сопротивление, хотя закон этот никоим образом не мог причинить вреда действительным интересам промышленности. За спиною сейма старались воспрепятствовать утверждению закона. И в самом деле, государь так и не утвердил закона. Но утверждение желательно, ибо оно значительно улучшит условия существования промышленных рабочих Финляндии.

Фабричная инспекция.

Фабричная инспекция Финляндии находится в чрезвычайно плохом положении: количество инспекторов очень недостаточное (всего на всю страну 5 инспекторов и 2 женщины-инспекторши), и, что самое важное, на их выбор рабочие не имеют никакого влияния. В 1909 году сеймом был принят новый закон, согласно которому помощниками инспектора ставятся лица из среды рабочих, и при выборе их рабочие имеют право высказывать свои мнения. Хотя этот закон надо признать неудовлетворительным, но он все-таки означает по сравнению со старым прогресс.

Принимая во внимание имеющиеся в нем чистоформальные недостатки, закон этот не следовало бы утверждать, а внести в сейм в самом непродолжительном времени от имени правительства новое предложение.

Страхование рабочих от несчастных случаев.

И эта область охраны рабочих находится в настоящее время в очень жалком состоянии, при чем предписания закона касались главным образом промышленных рабочих. Вознаграждения, признанные при издании закона в 1897 году недостаточными, являются теперь при падении ценности денег совершенно ничтожными. В 1912 году сейм принял новый закон о страховании рабочих от несчастных случаев, расширил область страхования, повысил размеры вознаграждений и вообще улучшил предписания старого закона. Необходимо бы и этот закон утвердить.

Освобождение торпарей.

В Финляндии имеется между землевладельцами и сельскохозяйственными рабочими многочисленный трудящийся класс (торпари), члены которого живут на арендованной земле и выплачивают аренду частью деньгами, частью трудом. Положение этого класса очень плохое и необеспеченное, и особенно в последние годы эта необеспеченность обострилась. Являясь наследием старого феодального режима, этот класс следовало бы освободить, как уже во многих странах Европы освобождены крестьяне от крепостничества. Путем подходящих условий из торпарей следовало бы образовать самостоятельных землевладельцев. С.-д. партия стремится всеми силами к такой реформе, и почти весь класс торпарей поддерживает партию. Но буржуазные партии сопротивляются этой реформе, имея в виду выгоду, получаемую теперь землевладельцами с торпарей, или же соглашаются на таких условиях, которые совершенно неприемлемы. Наша партия придерживается того принципа, что несправедливо требовать от торпарей платы за ту увеличившуюся ценность земли, происшедшую от их собственных трудов, что же касается кон'юктурального прироста ценности, то ее следует разделить пополам между землевладельцем и торпарем. Этим требованиям буржуазия сопротивляется, противится всеми силами. Но, несмотря на это, с.-д. партия намерена провести в сейме намеченные ею реформы.

Карл Виик.

В Гельсингфорсе, 17/30 марта 1917 г.

Приложение 39.

Резолюции, принятые на Всероссийском совещании Советов.

О Временном правительстве.

1. Сложившееся в ходе революции Временное правительство по соглашению с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов опубликовало декларацию, содержащую программу правительственной деятельности.

2. Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов признает, что эта программа содержит основные политические требования российской демократии, и что до сих пор Временное правительство в общем и целом идет по пути выполнения принятых на себя обязательств.

3. Совещание призывает всю революционную демократию России сплотиться вокруг Советов рабочих и солдатских депутатов, как созданных революцией центров организации сил демократии, способных в союзе с другими прогрессивными силами отразить попытки царистской и буржуазной контр-революции и упрочить и расширить завоевания революции.

4. Совещание признает необходимость постепенного политического контроля и воздействия революционной демократии на Временное правительство и его местные органы, для побуждения его к самой энергичной борьбе с контр-революционными силами, к решительным шагам в сторону полной демократизации всей русской жизни и к подготовлению всеобщего мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов.

5. Совещание призывает демократию, не принимая на себя ответственности за всю деятельность правительства в целом, оказывать поддержку Временному правительству, поскольку оно будет неуклонно итти в направлении к упорядочению и расширению завоеваний революции, и поскольку свою внешнюю политику оно строит на почве отказа от захватных стремлений.

6. Вместе с тем совещание призывает революционную демократию России, организуясь и сплачивая свои силы вокруг Советов рабочих и солдатских депутатов, быть готовой дать решительный отпор всякой попытке правительства уйти из-под контроля демократии или уклониться от выполнения принятых им на себя обязательств.

Тезисы доклада об Учредительном собрании.

1. Учредительное собрание должно быть созвано в возможно скором времени. Так как техническая подготовка займет весьма продолжительное время, должны быть приняты все меры к скорейшей выработке избирательного закона.

2. Учредительное собрание должно быть созвано в Петрограде.

3. Избирательный закон должен полностью воплощать демократический принцип всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

В частности:

а) На фронте должно быть обеспечено участие в выборах наравне со всем населением, при чем право пропаганды армии должно быть предоставлено наравне со всем гражданским населением. По техническим условиям действующая армия должна быть выделена из общегражданских округов и голосовать отдельно.

б) Женщины пользуются избирательными правами наравне с мужчинами.

в) Возрастной ценз должен быть установлен не свыше 20 лет.

г) Ценз оседлости не требуется ни для пассивного, ни для активного избирательного права.

4. Центральный орган Советов рабочих и солдатских депутатов должен принять самое деятельное участие во всех подготовительных работах по выработке избирательного закона. Желательно, чтобы местные Советы приняли участие в обсуждении проекта и свои материалы и заключения о применении всеобщего избирательного права к конкретным условиям каждой данной местности направляли в центральный орган Советов.

5. Во время выборов Советы рабочих и солдатских депутатов должны наблюдать за правильностью и свободой выборов. Более близкое участие в избирательной кампании не может быть решено одинаковым образом для всей России.

6. Главными вопросами, подлежащими обсуждению и решению Учредительного собрания, являются:

а) Установление образа правления и основных законов России.
б) Национальные вопросы.
в) Организация местной власти.
г) Вопросы международного характера.
д) Демократизация армии.
е) Земельный вопрос.
ж) Рабочее законодательство.
з) Вопросы об организации народного и государственного хозяйства.

Эта программа предопределяет деятельность правительства и общественных организаций в смысле подготовки материалов.

По рабочему вопросу.

1. Общая резолюция.
2. 8-часовой рабочий день.
3. Минимальная заработная плата.
4. Свобода коалиций.
5. Профессиональное строительство.
6. Примирительные камеры.
7. Биржи труда.
8. Инспекция труда.
9. Контроль и организация промышленности.
10. Военнообязанные.
11. Ввозный труд.
12. Социальное страхование.
13. О безработице.

Общая резолюция рабочей политики.

1. Рабочая политика старого режима вела к хищническому истреблению производительной силы рабочего класса, к дезорганизации рабочего рынка, материальному и правовому порабощению рабочих масс.

2. Наводнение промышленности во время войны слабыми и беззащитными элементами — детьми, женщинами, военнопленными, законтрактованными ввозными рабочими, отмена действовавших до войны законов по охране труда, закрепощение рабочих за предприятиями, подчинение рабочих средствами военно-полицейского террора ничем не контролируемому усмотрению предпринимателей, разгром рабочих организаций, — все это превратило русскую промышленность в место отбывания военно-каторжных работ и на почве недостатка продовольствия поставило рабочий класс перед непосредственной угрозой физического вырождения.

3. Совещание полагает, что силы организованного рабочего класса должны быть направлены на решительное установление новых начал рабочей политики, осуществляемой при непосредственном участии и под бдительным контролем мощных рабочих организаций, действующих в местном и всероссийском масштабе.

4. Совещание твердо убеждено, что самое широкое и совершенное социальное законодательство не может устранить необходимости непосредственной борьбы труда с капиталом, но признает в данный момент, что эта борьба должна быть согласована с обстановкой незавершенной еще революции и военной угрозой извне, — и это должно определять ее формы.

5. Эти формы диктуются исключительно политическим и общественным влиянием, приобретенным пролетариатом в ходе революции. Основываясь на этом влиянии, пролетариат должен оказать давление на государственную власть в целях ее вмешательства в пользу экономических требований пролетариата, совпадающих с интересами развития и упрочения русской революции.

6. В обстановке войны и революции пролетариат в соответствии с основными началами своей политической и экономической тактики должен особенно строго взвешивать фактическое соотношение материальных и общественных сил труда и капитала, определяемых, главным образом, состоянием промышленности и степенью организационности рабочего класса, памятуя, что теперь больше, чем когда-либо, экономическая борьба приобретает характер борьбы политической, при которой важную роль играет отношение к требованиям пролетариата остальных классов населения, заинтересованных в укреплении нового строя.

7. Поэтому мнимыми являются те экономические выгоды, которые достигаются за счет усиления контр-революционных опасностей изнутри и военных опасностей извне и грозят добытым ранее экономическим завоеваниям, ходу дальнейшей классовой борьбы пролетариата и делу завершения демократизации России.

8. Очередная задача рабочего класса — развитие и упрочение всех форм рабочей организации и классовой самодеятельности, планомерно воздействующей на все стороны общественной и хозяйственной жизни России в целях осуществления широкого плана социального законодательства, охватывающего все стороны нужд широких трудящихся масс в свободной России.

Резолюция о 8-часовом рабочем дне.

8-часовой рабочий день является основным экономическим требованием пролетариев всего мира и будет играть крупную роль в освободительной борьбе русских рабочих в ближайший период.

Необходимость восстановления сил рабочих, истощенных исключительно напряженной работой за год войны, необходимость теперь же позаботиться

о смягчении ужасов грядущей безработицы и об облегчении приискивания заработка тем, которые вернутся после окончания войны из армии; наконец, особенно остро ощущаемая рабочим классом, с переходом России к демократическому строю, необходимость участия в общественно-политической и культурной жизни страны, — повелительно диктует рабочему классу борьбу за сокращение рабочего дня.

Считая необходимым законодательное установление повсеместно и для всех отраслей труда 8-часового (накануне воскресных дней — семичасового) рабочего дня с прекращением сверхурочных работ, совещание предлагает Временному правительству издать декрет о введении 8-часового рабочего дня. На время войны декрет этот, однако, должен предусматривать возможность применения сверхурочных работ в предприятиях, работающих на оборону или изготовляющих предметы первой необходимости. Вопрос о допустимости по должности сверхурочных работ разрешается профессиональными союзами или, при отсутствии союзов или фабрично-заводских комитетов, переносится на решение примирительных камер.

Сокращение рабочего дня до 8-часового не должно сопровождаться сокращением заработка рабочих, считая 8-часовой рабочий день за полный рабочий день. Сверхурочные работы оплачиваются повышением не менее полуторной платы. Совещание поручает Исполнительному комитету Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов вступить с Временным правительством в переговоры об издании такого декрета и о порядке введения 8-часового рабочего дня.

Впредь до введения 8-часового рабочего дня законодательным путем совещание рекомендует добиваться соглашения с предпринимателями о введении 8-часового рабочего дня.

Вместе с тем совещание предостерегает от неорганизованных частичных выступлений рабочих за введение 8-часового рабочего дня, подчеркивает невозможность действительного осуществления как коллективных соглашений, так и закона о 8-часовом рабочем дне без организованного контроля и давления со стороны рабочих, предлагает со всей энергией приступить к созданию и развитию организаций и учреждений, облегчающих рабочим эту борьбу и этот контроль (профессиональные союзы, заводские комитеты, примирительные камеры, промысловые суды, биржи труда, рабочие секретариаты и т. д.).

Резолюция о минимуме заработной платы.

В целях охраны интересов наименее обеспеченных слоев рабочих совещание признает необходимым создание учреждений для установления минимума заработной платы, повышающегося в связи с вздорожанием жизни.

Совещание поручает Исполнительному комитету Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов срочно разработать этот вопрос и предпринять шаги к его разрешению.

Резолюция о свободе коалиций.

Принимая во внимание, что:

1) рабочему классу для успешной борьбы за улучшение своего положения и за окончательное свое освобождение от наемного рабства необходима свобода классовой борьбы и классовой организации, и

2) что в настоящий момент полная свобода коалиций особенно необходима для планомерной организации борьбы пролетариата и закрепления завоеваний революции,

Всероссийское совещание предлагает Исполнительному комитету добиваться от Временного правительства немедленного издания декрета о свободе коалиций на следующих основаниях:

1. Все российские граждане, без различия пола и возраста, имеют право устраивать собрания в закрытых помещениях и под открытым не-

бом, а равно устраивать всякого рода шествия, манифестации, демонстрации и т. п. без предварительного заявления власти.

2. Все российские граждане, без различия пола и возраста, имеют право образовывать всякого рода общества и союзы без предварительного заявления власти.

3. Все российские граждане, без различия пола и возраста, имеют право употреблять на собраниях какой угодно язык, а равно вести на каком угодно языке делопроизводство обществ, союзов и соединение их.

4. Все без исключений рабочие и служащие заведений, частных, общественных и казенных, вообще все лица, исполняющие за вознаграждение какую-либо работу или услуги, не исключая лиц, пользующихся правами государственной службы, пользуются правом коалиций.

5. Всякого рода общества и союзы могут входить с другими обществами и союзами как в пределах Российского государства, так и вне оного в соединение для совместного осуществления общих целей.

6. Все деяния, как совершенные несколькими лицами по взаимному соглашению между собой, так и отдельными лицами, как-то: стачка, бойкот предприятий, мест, лиц и товаров, угроза стачкой и бойкотом, призыв к ним и организация их, участие в обществах и союзах, организующих стачку или бойкот, выставление стачечных постов для проведения стачки или бойкота и тому подобные мероприятия, — не наказуемы.

7. Забастовка не уничтожает договора найма и не является поводом к расторжению договора найма нанимателем с участвующими в забастовке лицами, а равно к увольнению лиц, пользующихся правами государственной службы.

8. Должностные и частные лица, виновные в стеснении, ограничении или воспрепятствовании российским гражданам пользоваться правами, предоставленными им настоящим законом, подвергаются уголовному наказанию.

О профессиональном строительстве.

В целях организации экономической борьбы рабочего класса и усиления позиций рабочих в борьбе с капиталом и закрепления завоеваний рабочего класса в области законодательной охраны труда совещание призывает рабочих к самому энергичному строительству профессиональных союзов. Совещание обращает внимание на особую настоятельность приложить усилия к профессиональному об'единению женщин-работниц, рабочих отсталых отраслей труда и сельского пролетариата. Для усиления мощи и согласования деятельности профессиональных союзов совещание рекомендует местное, областное и всероссийское об'единение профессиональных союзов. Совещание считает очередной задачей профессионального движения созыв Всероссийской конференции профессиональных союзов. Инициативу и организацию конференции совещание рекомендует взять на себя отделу труда при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов совместно с Петроградским и Московским центральными бюро профессиональных союзов.

Примирительные камеры.

Считая, что как в интересах защиты и укрепления революции, так и в интересах улучшения экономического положения рабочих в условиях военного времени необходима наибольшая экономия рабочих сил в борьбе с капиталом, совещание полагает, что неотложной задачей рабочей политики является повсеместное создание примирительных камер в целях разрешения путем соглашения конфликтов между рабочими и предпринимателями.

Полагая, что организация примирительных камер должна быть немедленно проведена в порядке законодательном Временным правительством во всероссийском масштабе, совещание предлагает, не дожидаясь правительственного декрета, приступить к созданию примирительных камер на местах.

Примирительные камеры должны быть организованы во всех предприятиях из представителей рабочих и администрации завода на началах равного представительства сторон.

Конфликты, не разрешенные заводскими примирительными камерами, должны подвергаться обсуждению в общегородских примирительных камерах, составленных из представителей организованных рабочих и организованных предпринимателей, при чем, беря на себя инициативу создания общегородских примирительных камер, Советы рабочих депутатов, при организации в них рабочего представительства, должны действовать в согласии с местными профессиональными союзами.

По мере же развития и укрепления профессиональных союзов совещание считает необходимым создание профессиональных примирительных камер, организуемых по соглашению между профессиональным союзом рабочих и профессиональной организацией предпринимателей.

Резолюция о биржах труда.

Ввиду общей неурегулированности российского рынка труда, широкого применения сверхурочных работ, увеличения числа безработных и возвращающихся с фронта инвалидов, а также предстоящей демобилизации совещание признает необходимым немедленное издание Временным правительством декрета о создании планомерной сети муниципальных паритетных бирж труда с всероссийской биржей труда во главе.

До издания упомянутого декрета необходимо немедленно добиваться открытия паритетных бирж труда при местных самоуправлениях, там же, где это встречает препятствия, открывать биржи труда при Советах рабочих и солдатских депутатов.

Для организации таких временных бирж правительством должны быть ассигнованы специальные средства.

Резолюция об инспекции труда.

Совещание требует назначения достаточного количества инспекторов и инспектрисс труда и распространения надзора инспекции труда на все отрасли наемного труда, не исключая казенных предприятий, обязательного назначения инспектрисс для тех отраслей, где широко применяется женский труд, и участия выбранных рабочими и оплачиваемых государством представителей в надзоре за исполнением фабричных заказов, а также за составлением расценок, приемкой и браковкой материала и результатов работы.

Контроль и организация промышленности.

Считая, что урегулирование рабочего вопроса возможно лишь при устранении государством всех препятствий, стоящих на пути установления нормальных условий в промышленной жизни и развития ее производительности, и что унаследованная революцией от старого режима разруха, осложненная условиями военного времени, может быть устранена лишь путем государственного давления на предпринимателей и подчинения промышленности общегосударственным интересам, — совещание предлагает Временному правительству принять меры для установления контроля, учета и организации промышленности и предлагает Исполнительному комитету срочно разработать соответствующие мероприятия и способы их проведения в жизнь.

Резолюция о военнообязанных.

Сохранившееся от старого порядка прикрепление военнообязанных рабочих к предприятиям приводит к тяжелой эксплоатации военнообязанных и является могучим средством в борьбе предпринимателей против стремлений рабочих к улучшению их экономического положения.

В целях устранения этих явлений необходима отмена всех постановлений, затрудняющих переход военнообязанных из предприятия и удлинение срока для перехода.

Дело предоставления отсрочек военнообязанным должно быть коренным образом реорганизовано путем демократизации комитетов по отсрочкам и привлечения фабрично-заводских рабочих комитетов к делу контроля за лицами, пользующимися отсрочками.

Резолюция о ввозном труде.

В отношении ввозных рабочих (китайцев, корейцев, японцев, персов и т. п.) должны быть проведены следующие меры:

1) недопущение ввоза законтрактованных рабочих;

2) пересмотр контрактов, заключенных с ввозными рабочими, находящимися уже в России, в целях устранения кабального характера контрактов;

3) расследование положения ввозных рабочих в местах применения ввозного труда и привлечение к ответственности лиц, виновных в совершении преступлений против ввозных рабочих;

4) подчинение ввозных рабочих законам об охране труда и приглашение в помощь фабричным инспекторам лиц, владеющих языком ввозных рабочих, в местах широкого применения ввозного труда;

5) содействие возвращению на родину ввозных рабочих, не пожелавших оставаться в России.

Совещание рекомендует товарищам на местах привлекать к участию в рабочих организациях — и особенно в профессиональных союзах — ввозных рабочих, а также озаботиться изданием соответственной агитационной литературы на языках ввозных рабочих.

Резолюция о социальном страховании.

Признавая одной из основных задач социальной реформы распространение страхования на все виды наемного труда, коренную реорганизацию нашего страхования на случай болезни и от несчастных случаев и страхования на случай безработицы, совещание требует в первую очередь внесения в действующие страховые законы декретом Временного правительства таких изменений, которые немедленно устраняют ряд остро чувствуемых недостатков действующих законов.

Изменения эти следующие:

1) предоставление больничным кассам права об'единяться в общие кассы и без согласия владельцев предприятий;

2) предоставление больничным кассам права брать в свое ведение дело врачебной помощи рабочим без согласия владельцев предприятий и без разрешения страховых присутствий;

3) реорганизация управления больничных касс на началах полного самоуправления участников касс;

4) распространение страхования на все виды наемного труда, в отношении которых это технически возможно при нынешней организации страхования рабочих;

5) распространение страхования рабочих на все местности России;

6) переложение на страховые товарищества расходов по оказанию помощи увечным в течение первых тринадцати недель после несчастных случаев;

7) реорганизация страховых товариществ на началах равного представительства рабочих и предпринимателей;

8) демократизация страховых присутствий и Совета.

Совещание признает необходимым созыв Всероссийского страхового с'езда для разработки плана полного осуществления всестороннего социального страхования.

Резолюция об обеспечении безработных.

Обусловленная войной дезорганизация хозяйственной жизни вызывает утрату заработка для значительной части рабочих, частью вследствие сокращения или приостановки производства, вызванных отсутствием сырья или топлива, частью вследствие закрытия предприятий, вызванного сокращением некоторых производств (кондитерское производство).

Безвыходное положение рабочих, лишающихся таким образом средств к существованию, требует немедленного вмешательства государства. Совещание поручает поэтому Исполнительному комитету Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, независимо от разработки вопроса о введении у нас страхования на случай безработицы и еще до введения этого вида страхования, добиваться принятия правительством мер к обеспечению указанной группы безработных из средств государства или в отношении рабочих, лишающихся заработка вследствие отсутствия сырья или топлива,— из средств государства и предпринимателей, поскольку эти рабочие не получают заработка в других предприятиях или в других отраслях труда.

По продовольственному вопросу.

Совещание констатирует, что война, истощающая народно-хозяйственные силы, и невежественная политика старого режима, преступно поощрявшая корыстные интересы господствующих классов, поставили страну как на фронте, так и в тылу на край голода.

Путь новой революционной России должен итти в направлении демократизации продовольственного дела и подчинения его руководящему контролю государства. Необходимо категорически настаивать на решительных планомерных мероприятиях и ускоренном темпе работ в указанном направлении.

В настоящий момент выдвигаются следующие неотложные задачи:

1. Необходимо скорейшее, в течение не более двух месяцев, учреждение органов самоуправления на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, и по их образовании необходима соответствующая реорганизация общегосударственного продовольственного комитета.

2. Впредь до их образования должны действовать временные продовольственные комитеты — общегосударственный и местные — с преобладающим представительством демократических организаций.

3. На комитеты возлагается общее заведывание продовольственным делом на местах в соответствии с планом общегосударственного продовольственного комитета, а также — впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием — урегулирование вопросов землепользования.

4. Государством должен быть установлен полный контроль над предприятиями, как вырабатывающими продукты первой необходимости, так и торгующими ими, путем производства учета, применения реквизиций, секвестраций, установления цен, равно как и путем нормировки потребления и организации распределения. Государство передает выполнение этих функций на местах или продовольственным комитетам или особым государственно-общественным органам для отдельной отрасли промышленности, требующих более централизованного руководства.

5. Советы рабочих и солдатских депутатов должны принять самое энергичное участие в продовольственном деле и должны явиться основной силой общественного контроля.

6. Необходимо немедленно учредить контроль солдатских и рабочих организаций над деятельностью интендантства как в тылу, так и на фронте, впредь до коренного преобразования органов снабжения.

7. Продовольственный вопрос есть лишь часть общего вопроса об организации народного хозяйства и труда и потому может быть разрешаем, поскольку то допускают условия, вызываемые войной, лишь в связи с планомерной организацией народного хозяйства и в частности в связи с орга-

низацией снабжения сельского населения необходимыми ему продуктами. Поэтому совещание категорически настаивает на немедленном приступе к разрешению общего вопроса о планомерной регулировке экономической жизни.

О хозяйственном положении страны.

Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов с целью конкретизировать последний пункт резолюции продовольственной секции поручил товарищам специалистам выработать резолюцию о хозяйственном положении страны. Резолюция эта одобрена Исполнительным комитетом.

Война внесла колоссальные изменения в народно-хозяйственную жизнь, истощила производительные силы, расшатала связи отдельных хозяйств, испортила денежную систему, произвела перераспределение национального дохода в пользу имущих классов.

За разруху экономической жизни страны расплачивается масса населения и прежде всего — рабочий класс, который в первую очередь страдает от ударов дороговизны и войны. Реальный уровень благосостояния рабочего класса в целом сильно понизился, несмотря на видимый рост денежных заработков некоторых категорий рабочих. Параллельно с этим в значительной степени повысились увечность и заболеваемость рабочих, вызываемые невозможными условиями питания и труда.

Между тем торгово-промышленный класс нажил колоссальные военные барыши.

Старое правительство принимало неосмысленные меры, поощряя интересы господствующих классов — землевладельцев и капиталистов, и поставило страну на краю гибели.

Для предотвращения неминуемой катастрофы Временное правительство должно разрешить две неотложных задачи:

1) планомерно регулировать всю хозяйственную жизнь страны, организовав все производство, обмен, передвижение и потребление под непосредственным контролем государства;

2) отчислить всю сверхприбыль в пользу нации и ограничить все виды капиталистического дохода строго определенными нормами.

Рабочему же классу должны быть обеспечены достойные условия существования и труда, которые и дадут ему возможность проявить максимум напряженного и интенсивного труда для спасения страны.

Положение страны требует непрерывной работы в остальных отраслях промышленности, вырабатывающих материалы и средства производства, продукты первой необходимости и обслуживающих транспорт.

2 апреля 1917 года.

Резолюция по крестьянскому и земельному вопросам.

Всероссийское совещание Советов солдатских и рабочих депутатов признает, что настало время для коренного разрешения крестьянского вопроса.

Совещание считает, что ликвидация крестьянского бесправия может быть осуществлена путем немедленного уничтожения сословий, чинов и титулов. Только полное уничтожение сословий сделает из бесправных крестьян граждан и введет в России гражданское и политическое равенство.

Одновременно с уничтожением сословий должна быть коренным образом изменена вся система местного самоуправления.

Дворянское земство должно быть заменено демократическими органами самоуправления, построенными на основах всеобщего и равного избирательного права и прямого и тайного голосования.

Для того же, чтобы освободить крестьян от экономической кабалы и дать простор развитию производительных сил страны, совещание считает необходимым перестроить коренным образом земельные отношения.

В этом отношении совещание поддерживает все шаги и мероприятия Временного правительства, направленные к полной конфискации всех удельных и кабинетских земель, и признает необходимым конфискацию государственной властью теперь же церковных и монастырских земель.

Совещание признает необходимым поддерживать самым решительным образом в Учредительном собрании безвозмездное отчуждение всех частновладельческих земель для передачи их трудящемуся народу, за исключением владений, не превышающих максимальных норм, каковые будут установлены для каждой области местными демократическими комитетами.

Совещание признает, что окончательное разрешение земельного вопроса принадлежит Учредительному собранию.

Совещание признает необходимым издание Временным правительством декрета о прекращении, впредь до разрешения Учредительным собранием земельного вопроса, всякого рода сделок по покупке, продаже, дарению и залогу земель, кроме залогов, необходимых для хозяйственных надобностей текущего года, и притом с разрешения местных комитетов.

Совещание признает необходимым приостановку закона 14 июня 1910 года о выделе из общины и укреплений надельной земли и об отрубных хозяйствах.

Только такая передача земли трудящимся сделает земледельца действительно свободным. Совещание считает, что передача земли трудящимся не только не понизит производительности земледелия, но, наоборот, повысит ее, так как она сделает культурными огромную массу пустующих теперь частновладельческих земель.

Для того, чтобы облегчить положение крестьян в настоящее переходное время, совещание считает необходимым, впредь до образования органов демократического самоуправления на основе всеобщего, прямого и тайного голосования, немедленное образование на местах местных комитетов с преобладающим представительством демократических и, главным образом, крестьянских организаций для понижения арендных цен, для урегулирования заработной платы и для устранения недоразумений и споров между частными владельцами и крестьянами.

Чтобы обеспечить страну и армию от недосевов, совещание считает необходимым, чтобы местные комитеты немедленно озаботились сдачей пустующих частновладельческих земель в аренду или сами приступили к обработке их наемным трудом с помощью владельческого инвентаря и к засеву их владельческими семенами с оплатой по установленным комитетом ценам.

Вместе с тем совещание считает, что всякое потрясение хозяйственной жизни в настоящее время в области земледелия может иметь для государства непоправимые бедствия, усилив ту продовольственную разруху, которую сейчас переживает страна.

Совещание возлагает на местные комитеты обязанности бороться со всякими попытками самочинного разрешения на местах земельного вопроса, памятуя, что аграрные беспорядки могут быть полезны не крестьянству, а только контр-революции.

Нужно помнить, что теперь власть в руках народа, и народ сам в Учредительном собрании решит земельный вопрос в интересах трудящихся масс.

Положение о земельных комитетах.

1. Волостной комитет. Выборы проводятся всем населением без различия пола, всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием по расчету один представитель на одну тысячу населения. В уездный комитет также выбирается один представитель на волость.

2. Уездные комитеты составляются из выборных от волостей.

3. Губернские комитеты составляются из представителей от уездных комитетов по 3 на уезд, избираемых из числа членов уездного комитета.

4. Областные комитеты составляются из представителей губернских комитетов по три от каждой губернии.

5. В Петрограде собирается Всероссийский земельный комитет из делегатов по одному на губернию (область и т. п.).

При Исполнительном комитете организуются: организационное бюро Всероссийского земельного комитета для направления деятельности по организации комитетов в России. Состав: 5 представителей от солдатских депутатов, избираемых Советом солдатских депутатов Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 5 депутатов от солдат настоящего с'езда и 5 депутатов от рабочих настоящего с'езда.

О народной армии.

I.

Характер организации — временный, обусловленный фактом ведения настоящей войны и продолжающейся революцией.

II.

О солдатских организациях. Положения общие.

1. Солдатские организации имеют две главные задачи: а) обслуживать профессионально-общественные нужды солдат и б) быть выразителями политической воли и руководителями политических действий солдатской массы, как части революционной демократии.

2. Солдатские организации, ставящие себе задачей обслуживание профессионально-общественных нужд солдат, должны обладать правами правительственной власти (быть органами солдатского самоуправления), а потому: а) организации эти могут выносить, в пределах своих полномочий, постановления, обязательные для соответствующих воинских частей; б) должны иметь точно определенный круг прав и обязанностей, определенное внутреннее устройство; в) должны быть едиными для всех чинов воинской части, как для солдат, так и для офицеров, и г) положение об этих организациях в качестве обязательного для всей армии должно быть издано Временным правительством в виде приказов по военному ведомству или особого закона.

3. Солдатские организации, ставящие своей задачей выражать политическую волю солдатской массы, как демократии, и постановления их являются обязательными в меру их влияния на правительственные органы.

III.

О ротных, полковых и других комитетах и выборных должностных лицах воинских частей.

4. Ротные, полковые (батальонные) и т. п. комитеты являются, главным образом, органами солдатского самоуправления, имея своей главной задачей обслуживание профессионально-общественных нужд солдат соответствующей части (роты, эскадроны, батареи, полки и пр..), на-ряду с особо избранными для этого должностными лицами части.

5. Соответственно с этим ротные, полковые и др. комитеты имеют целью: а) контроль над ведением хозяйства части; б) решение вопросов внутреннего быта и распорядка части; в) контроль над выборными должностными лицами части и принятие мер против их злоупотреблений; г) защиту прав солдат как граждан; д) организацию культурно-просветительной работы в своей части и е) развитие среди солдат своей части политического самосознания, а равно и подготовка их к выборам в Учредительное собрание.

6. Действуя, как органы солдатского самоуправления, в пределах установленных законом полномочий, ротные и другие комитеты имеют право издавать постановления (приказы), обязательные для соответствующей части.

7. Непосредственное ведение дела хозяйства в роте возлагается на особо избранных должностных лиц в части.

8. В действующей армии, помимо ротных и полковых комитетов, организуются комитеты: дивизионный, корпусной, армейский и комитеты при штабах главнокомандующих фронтом и при штабе верховного главнокомандующего.

9. Комитеты армейский, фронтовой и при штабе верховного главнокомандующего опираются на периодически созываемые с'езды: армейский, фронтовой и с'езд представителей всех армий при штабе верховного главнокомандующего.

IV.

О Советах рабочих и солдатских депутатов и отношении к ним ротных и других комитетов.

10. Высшими выразителями и руководителями политической воли и политического действия солдатской массы, как демократии, являются Советы рабочих и солдатских депутатов и соответствующие им организации, — их комитеты и с'езды.

11. Эти же Советы (главным образом в военных секциях) обсуждают и профессионально-военные вопросы, но постановления по этим вопросам не имеют характера правительственного распоряжения (приложение 3-е).

12. Ротные и другие комитеты, будучи совершенно самостоятельными в пределах своих полномочий, в отношении политическом должны находиться в тесном единении с Советами рабочих и солдатских депутатов; выражая волю своих частей, ротный и другие комитеты в отношении политических действий должны подчиняться решениям Совета рабочих и солдатских депутатов, являясь органами последних на местах.

13. Для более тесной связи Советов рабочих и солдатских депутатов с ротными и другими комитетами делегаты Советов рабочих и солдатских депутатов должны входить в комитеты своих частей без особого избрания (с правом совещательного или решающего голоса, по усмотрению части).

14. Существование центральных общегородских солдатских (военных) организаций там, где имеются Советы рабочих и солдатских депутатов отдельно от последних, крайне нежелательно и опасно для единства и успеха революционно-демократического движения. Обслуживание профессионально-военных нужд солдата данного гарнизона должно быть возложено на военную секцию Совета рабочих и солдатских депутатов.

15. Равным образом нежелательно и создание бригадных и окружных, по военным округам, комитетов отдельно от Советов рабочих и солдатских депутатов или их с'ездов для выяснения профессионально-военных вопросов. Советы рабочих и солдатских депутатов, их с'езды или областные комитеты могут создавать особые комиссии соответственно военным делениям на бригады или военные округа.

V.

Об организации командного состава армии.

1. Как общее правило, выборы командующих лиц как на фронте, так и в тылу не допускаются.

Примечание. Выборы, произведенные до настоящего времени, остаются в силе.

2. За всеми воинскими частями признается право отвода офицера в части, но только с установлением фактов, служащих мотивами отвода.

3. Право отвода распространяется на весь командный состав, начиная с младших командующих лиц и кончая командиром полка (или отдельной части).

4. По отношению к прочим лицам командного состава воинские части имеют право делать лишь заявления о желательности их устранения.

5. Относительно чинов штабов, управлений и заведений военного ведомства признается за воинскими частями тоже лишь право заявлений, а не отвода, но по отношению к начальникам солдатских команд этих штабов, управлений и заведений за командами признается право отвода (п.п. 2 и 3).

6. Подробные постановления, регулирующие право отвода, должны быть изданы Временным правительством в виде приказа по военному министерству или особого закона.

Об'единение Советов рабочих и солдатских депутатов России.

1. На местах повсюду создаются Советы рабочих и солдатских депутатов по возможности общие. Нормы представительства в этих Советах определяются местными условиями. Раздельные заседания рабочих и солдатских депутатов созываются лишь по вопросам, касающимся исключительно военной или рабочей среды и не имеющим общего политического значения.

Примечание. В действующей армии воинские чины об'единяются в самостоятельные организации с выборными армейскими органами.

2. Советы рабочих и солдатских депутатов должны связываться с местными крестьянскими организациями, включая в свой состав представителей организованного трудового крестьянства.

3. Повсеместно должны быть созданы областные районные комитеты Советов, опирающихся на периодически созываемые областные районные с'езды. Делегаты на эти с'езды избираются от всех существующих в области Советов рабочих и солдатских депутатов. В состав областных с'ездов включается также представительство от организованного трудового крестьянства.

Примечание. Для действующей армии областными с'ездами являются армейские с'езды. В тех районах действующей армии, где существуют особые Советы рабочих и солдатских депутатов, армейские с'езды примыкают к общим областным с'ездам.

4. Немедленно должно быть приступлено к подготовке созыва Всероссийского с'езда Советов рабочих и солдатских депутатов. К участию в этом с'езде должны быть привлечены все существующие в России Советы рабочих и солдатских депутатов и приравниваемые к этим Советам армейские органы. Нормы представительства на с'езде следующие:

Советы,	избранные	от	25 тыс.	до	50 тыс.		2	делегата.
»	»	»	50	»	»	75	» 3	»
»	»	»	75	»	»	100	» 4	»
»	»	»	100	»	»	150	» 5	»
»	»	»	150	»	»	200	» 6	»
»	»	»	свыше			200	» 8	»

В состав Совета включается также представительство от организованного трудового крестьянства и от социалистических партий.

5. I с'езд созывается не позже 25 апреля с. г. В дальнейшем с'езды созываются периодически в сроки, какие будут установлены первым с'ездом.

6. С'езд утверждает сеть областных комитетов Советов рабочих и солдатских депутатов и выделяет из своей среды Исполнительный комитет, который явится об'единяющим органом для всех Советов рабочих и солдатских депутатов. Для решения важных вопросов Исполнительный комитет созывает на конференцию все областные (районные) комитеты Советов рабочих и солдатских депутатов. Эти конференции правомочны в пределах общих решений с'ездов.

7. Вопросы о составе Исполнительного комитета и о способах избрания его решаются Всероссийским с'ездом.

8. Вся подготовительная работа по организации первого Всероссийского с'езда Советов рабочих и солдатских депутатов возлагается на Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, исполненный 10 делегатами, избираемыми на совещании по одному от района и один от армии, остающийся впредь до с'езда представителем всей революционной демократии России.

Районов предлагается 9: Московский центральный, Север, Кавказ, Урал, Азиатская Россия, Донецкий, Приволжский, Юг и Запад.

Тезисы доклада о правах солдат.

1. Все положения настоящего доклада предполагают существование постоянной армии, построенной на принципе принудительности военной службы. Ввиду этого устанавливаемые докладом нормы носят временный характер и подлежат переработке по реформировании армии на демократических началах.

2. Провозглашенный правительственной декларацией принцип предоставления солдатам всех гражданских прав должен быть проведен с полной последовательностью. В частности — пользование свободой слова, печати, союзов и собраний должно быть обеспечено солдатам как в казармах, так и вне казарм, в тылу и на фронте. Немедленно должно быть отменено все не согласное со свободой совести, как-то: обязательное посещение церкви, обязательная общая молитва и т. п. В выборах в Учредительное собрание военнослужащие, не исключая находящихся на фронте, должны принять участие на равных правах со всеми гражданами.

3. Уравнение военных со всеми гражданами должно быть произведено и в области уголовно-судебной. Особые суды и особые наказания для военнослужащих должны быть отменены. В частности должны быть немедленно уничтожены телесные наказания в армии как по суду, так и без суда.

Примечание. В тех местах района действующей армии, где общие судебные установления не функционируют, существующие военно-судебные учреждения сохраняются, но в число судей должны быть включены представители солдат.

4. Никакие стеснения во внеслужебной жизни солдат не допустимы. В частности должна быть предоставлена полная свобода увольнения в свободное от занятий и нарядов время с правом ночлега вне казарм и ношения вне службы штатского платья.

5. Подчинение начальникам и внешнее проявление подчиненности должны сохраниться в строгих пределах военно-технической необходимости. Ввиду этого подлежит отмене отдание чести в строю и вне строя отдельными лицами и командами и другие правила «воинского чинопочитания».

6. Институт денщиков, вестовых и пр. видов личных услуг солдат отменяется. Исключение может быть допущено только на фронте, при условии добровольного соглашения офицера и солдата между собой и согласия ротного комитета; при этом у офицера не может быть больше одного денщика. Для ухода за лошадью на тех же основаниях назначается вестовой.

7. Никакие различия в правах и обязанностях между разными категориями солдат не допустимы. В частности подлежат отмене все привилегии вольноопределяющихся, унтер-офицеров, фельдфебелей и подпрапорщиков, а также особые привилегии гвардейских частей.

8. В тесных пределах исполнения служебных обязанностей должна быть соблюдаема строгая дисциплина. В случаях нарушения дисциплины, но составляющих строго наказуемых проступков, взыскание налагается только выборным дисциплинарным судом. Из системы дисциплинарных взысканий исключаются квалифицированные виды ареста — постановка под ружье, неудостоение к производству в офицеры. Различие наказаний для солдат разных воинских званий подлежит уничтожению. Наложение начальников дисциплинарных взысканий без суда должно рассматриваться как превышение власти и вызывать соответствующую кару. В случаях же

применения наказаний, мучительных или оскорбительных для солдата, и нанесения ударов виновный начальник подлежит немедленному устранению от должности и преданию суду.

9. На все несправедливости или нарушения прав могут быть подаваемы жалобы или заявляемы претензии непосредственно подлежащему суду или комитету. Все ограничительные правила, касающиеся подачи жалоб и заявлений претензий, отменяются.

10. Экономическое положение солдат и их семей должно быть улучшено. Жалованье солдатам и пайки их семьям должны быть увеличены до предела, допускаемого государственно-хозяйственными соображениями. Пайки должны быть выдаваемы гражданским женам и детям. Размер пенсий увечным и больным солдатам и семьям убитых солдат должен быть увеличен.

Приложение 40.

Приезд Н. Ленина [1].

Совершенно неожиданно 3 апреля была получена в Исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов телеграмма, что из-за границы возвращается большая группа эмигрантов и среди них — Н. Ленин (В. И. Ульянов).

Это известие вызвало большое оживление среди социал-демократов; немедленно же было приступлено к организации встречи гостей. Исполнительный комитет постановил приветствовать Н. Ленина через особую депутацию. Президиум Всероссийского совещания также послал свою делегацию. Петербургский комитет РСДРП немедленно приступил к организации встречи. Время было неудобное: праздник мешал довести до сведения масс пролетариата об этой телеграмме, газет не было, — пришлось оповещать рабочие кварталы путем личного об'езда. Несмотря на то, что в распоряжении устроителей встречи было всего 12 часов, весть о приезде Ленина и других товарищей быстро разнеслась по Петрограду и всколыхнула множество организаций. Войсковые части, получившие об этом извещение, сейчас же дали наряды на откомандирование рот для почетного караула на Финляндский вокзал. По телефону сообщили в Кронштадт матросам о приезде Н. Ленина, и они тотчас же уведомили, что, несмотря на ледоход, они пробьются на ледоколе в Петроград и вышлют свой почетный караул и оркестр музыки. Уже с 7 часов вечера к Финляндскому вокзалу стали прибывать представители отдельных организаций, районов, и к 10 часам вся площадь перед вокзалом была сплошь занята батальонами рабочей армии, а сам вокзал был заполнен частями войск почетного караула, депутациями, несшими свои знамена.

Центральный и Петербургский комитеты прибыли со своими знаменами вместе с сотрудниками «Правды» и массой рабочих и солдат, собравшихся к дворцу Кшесинской, где помещается Петербургский комитет РСДРП. Впереди демонстрантов ехал бронированный автомобиль, на котором реяло знамя РСДРП. В 11 часов 10 минут подошел поезд. Вышел Ленин, приветствуемый друзьями, товарищами по давнишней партийной работе. Под знаменами партии двинулся он по вокзалу, войска взяли «на караул», под звуки марсельезы. Морской офицер, сопровождавший Н. Ленина, проведя его по фронту матросов, попросил его вернуться, и здесь Н. Ленин произнес первую речь в свободной России революционным войскам. Идя дальше по фронту войск, шпалерами стоявших на вокзале и державших «на караул», проходя мимо рабочей милиции, — Н. Ленин всюду был встречаем восторженно. В парадных комнатах вокзала его приветствовали депутации, в том числе представитель Исполнительного комитета Н. С. Чхеидзе. Наконец — Н. Ленин на площади. Заволновалось море голов, прожекторы из края

[1] Статья из № 32 «Известий».

в край освещали площадь, реющие знамена, громадные толпы, кричавшие «ура», приветствовавшие прибывшего старого солдата революции. Народ требует слова. Ленин поднимается на автомобиль, на площади воцаряется тишина, — и Ленин произносит здесь первую свою речь к революционному пролетариату Петрограда. Затем Ленина берут броневики на свой бронированный автомобиль, и тихим ходом, окруженный многотысячной толпой, он двигается к помещению Петербургского комитета.

Перед помещением Петербургского комитета РСДРП огромная толпа народа, и здесь с балкона Н. Ленин должен был говорить трижды. Его приветствует тут уже польская делегация рабочих с.-д., присоединившая свое знамя к знаменам революционной с.-д.

В помещении Петербургского комитета состоялось большое торжественное заседание представителей районов РСДРП Петербурга, Кронштадта и окрестностей. Далеко за полночь продолжалось чествование. И только в четвертом часу ночи работники революционной социал-демократии Петрограда покинули зал заседания.

Приветственное слово Н. Ленину, произнесенное Н. С. Чхеидзе.

Я приветствую вас по поручению Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. Я полагаю, что нам надлежало бы итти сомкнутыми рядами для закрепления сделанных революционным народом завоеваний и для дальнейшего успешного развития и победоносного завершения революции. Считаю при этом нужным подчеркнуть, что первою задачею в настоящее время для нас является защита революционной свободной России от всяких посягательств, как извнутри от контр-революционных сил, так и извне от посягательств внешних завоевателей.

В Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов.

Живущих в Швейцарии политических эмигрантов не пропускают ни Франция, ни Англия на том основании, что они внесены в международно-контрольные списки. Выяснилось, что министр иностранных дел г. Милюков в двух циркулярных телеграммах предписал, чтобы русские консулы не выдавали пропусков эмигрантам, внесенным в вышеупомянутые списки. На этом основании русские консулы чинят препятствия. Всякие попытки проехать через Францию и Англию остаются без результатов. В. Чернов был возвращен обратно с английской границы. Живущие во Франции эмигранты находятся в том же положении. Их телеграммы в Россию не доходят по назначению. Французская пресса («Petit Parisien», «Temps» и др.) требуют не пропускать через Францию никого из эмигрантов, кроме тех, кто стоит на позиции Плеханова. Следует поэтому требовать, чтобы правительство настояло на том, чтобы союзные государства пропускали непосредственно эмигрантов. Второе — необходимо немедленное оглашение «сотрудников» парижской охранки, с помощью которых и были составлены черные списки.

Бывший депутат II Государственной думы А. Зубатов.

Петроград, 4 апреля 1917 года.

Как мы доехали.

В социалистическую печать уже проникли известия, что английское и французское правительства отказались пропустить в Россию эмигрантов-интернационалистов.

Приехавшие вчера 32 эмигранта разных партий (среди них 19 большевиков, 6 бундистов, 3 сторонника парижской интернациональной газеты «Наше Слово») считают своим долгом огласить следующее:

«В наших руках имеется ряд документов, которые мы огласим, как только получим их из Стокгольма (мы оставили их потому, что на шведско-

русской границе хозяйничают представители английского правительства) и которые обрисуют пред всеми печальную рознь названных «союзных» правительств в данном вопросе. По этому пункту прибавим только следующее: Парижский комитет по эвакуации эмигрантов, в который входят представители 23 групп (в том числе ЦК, ОКСР, Бунд и т. д.), в единогласно принятой резолюции публично констатировал тот факт, что английское правительство решило отнять у эмигрантов-интернационалистов возможность вернуться на родину и принять участие в борьбе против империалистической войны.

«Уже с первых дней революции для эмигрантов выяснилось это намерение английского правительства. Тогда на совещании представителей партии соц.-революционеров (М. А. Натансон), ЦК РСДРП (Л. Мартов), Бунда (Коссовский) возник план (его выдвинул Л. Мартов) добиться пропуска эмигрантов через Германию в обмен на интернированных в России германских и австрийских пленных.

«В Россию был послан ряд телеграмм в этом смысле и вместе с тем через швейцарских социалистов были предприняты шаги для проведения этого плана.

«Телеграммы, посланные в Россию, были задержаны, очевидно, нашим Временным «революционным правительством» (или его сторонниками).

«Прождав две недели ответа из России, мы решились сами провести названный план (другие эмигранты решили подождать еще, считая еще недоказанным, что Временное правительство так и не примет мер для пропуска всех эмигрантов).

«Дело находилось в руках швейцарского социалиста-интернационалиста Фрица Платтена. Он заключил точное письменное условие с германским послом в Швейцарии. Текст условий мы опубликуем. Главные его пункты: 1. Едут все эмигранты без различия взглядов на войну. 2. Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности. (Никто не имеет права входить в вагон без разрешения Платтена. Никакого контроля ни паспортов, ни багажа.) 3. Едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских интернированных.

«Все попытки германского с.-д. большинства вступить в общение с едущими последние решительно отклонили. Вагон всю дорогу сопровождался Платтеном. Последний решил доехать с нами до Петрограда, но был задержан на русской границе (Торнео). Будем надеяться, только временно. Все переговоры велись при участии и в полной солидарности с рядом иностранных социалистов-интернационалистов. Протокол о поездке подписан двумя французскими социалистами: Лорио и Гильбо, одним социалистом из группы Либкнехта (Гарриштейн), швейцарским социалистом Платтеном, польским социал-демократом Бронским, шведскими с.-д. депутатами— Линдхагеном, Карлесоном, Штремом, Гуре, Нерманом и др.

«Если бы Карл Либкнехт был сейчас в России, Милюковы охотно выпустили бы его в Германию, Бетман-Гольвеги выпускают вас, русских интернационалистов в Россию. Ваше дело ехать в Россию и бороться там и с германским и с русским империализмом», — так сказали нам названные товарищи-интернационалисты. Мы думаем, что они были правы. Доклад о поездке мы сделаем Исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов. Мы надеемся, что он добьется освобождения соответствующего числа интернированных — в первую очередь видного австрийского социалиста Отто Бауэра, и что он добьется пропуска в Россию всех эмигрантов, а не только социал-патриотов. Мы надеемся, что Исполнительный комитет положит конец и тому неслыханному положению вещей, когда никакие газеты левее «Речи» не пропускаются за границу, и когда даже манифест Совета рабочих и солдатских депутатов к рабочим всех стран не пропускается в заграничную печать».

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

